И (Нем)
Г24

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Томъ II. Книга V.

Сборникъ „НИВЫ"
1908
ИЗДАНІЕ
Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

А2266
2935 г 1819
Гаупман Г.
собран, сочин.
1908
И(нем)
Г24 20

...ВЫЙ АТЛАСЪ

...нія съ небомъ и систематическихъ наблюденій.

...токъ. Съ объяснительнымъ текстомъ и 5-ю рисунками-изображеніями созвѣздій.

К. Д. Покровскаго,

...блюдателя Императорскаго Юрьевскаго Университета.

...ужить пособіемъ, съ общаю и болѣе по-...нба, а съ другой — ...систематическихъ наблю-...ческихъ явленій,—наблю-...ыхъ каждому любителю. Раз-...„Атласа“ достаточно вели-...хватить сразу нѣсколько со-...чтобы дать картину, наиболѣе ...къ дѣйствительности, онѣ, въ ...отъ другихъ русскихъ и ино-...ыхъ атласовъ, не испещрены фи-...ми и кругами, сѣтки же напечатаны ...льно, притомъ съ такой чистотой, ко-...ая даетъ возможность дѣлать отчеты ...долей градуса. Въ „Атласъ“ включены отдѣльныя карты для наблюденій пер-...сиды и нѣкоторыхъ перемѣнныхъ звѣздъ, а также сѣтки для вычисленія радіантовъ падающихъ звѣздъ. *Впереди текста*, въ популярномъ изложеніи, помѣщены объясненія и наставленія для пользованія картами и сѣтками.

Пользованіе „Атласомъ“ можетъ быть рекомендовано не только для удовлетворенія личной любознательности, но и въ цѣляхъ посильнаго служенія наукѣ записываніемъ и нанесеніемъ на карты систематическихъ наблюденій въ какой-либо опредѣленной области неба.

Изданъ изящно, на *превосходной* бумагѣ.

ЦѢНА атласа въ прочной папкѣ **3 р. 50 к.**, съ перес. **4 руб.**

А2266 20 руб.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

305 - 1/II
~~405 + 2~~
130 - 13/II 72

Колич. предыд. выдач _____

И(Нем)
Г 24

2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Б-62
1950

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Библіотека

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908.

ГА – ПО – 00 – СП. – 1908 (Т. 2)

Ооор-сог

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

Семейная катастрофа въ трехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Это произведеніе было благоговѣйно посвящено Теодору Фонтану, здравствующему. Посвящаю его теперь памяти отшедшаго.

Герхартъ Гауптманъ.

«Праздникъ мира» (Das Friedensfest) открываетъ въ собраніи сочиненій Гауптмана циклъ «семейныхъ драмъ» (Familiendramen), въ который входятъ еще: «Одинокіе», «Коллега Крамптонъ» и «Михаилъ Крамеръ».

«Праздникъ мира» по времени написанія всего лишь вторая пьеса Гауптмана. Она появилась черезъ годъ послѣ «Предъ восходомъ солнца», въ началѣ 1890 года, въ журналѣ «Свободная сцена», и въ іюнѣ того же года прошла послѣднимъ представленіемъ сезона въ театрѣ общества Свободной сцены. Въ томъ же году въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ она имѣла большой успѣхъ.

Она названа авторомъ «Семейной катастрофой» (eine Familienkatastrophe) и посвящена извѣстному писателю Теодору Фонтану, какъ дань почтительной благодарности молодого автора старому художнику, который первый призналъ крупный талантъ въ написавшемъ драму Лота и Елены.

Драмѣ предпосланъ слѣдующій эпиграфъ изъ Лессинга, устанавливающій здравый взглядъ на драматическое дѣйствіе: «Въ каждомъ драматическомъ произведеніи они (плохіе критики) видятъ дѣйствіе только тамъ, гдѣ любовникъ упадаетъ къ ногамъ и т. п. Они никакъ не хотятъ согласиться, что любая внутренняя борьба страстей, любой рядъ различныхъ, взаимно опровергающихъ другъ друга мыслей уже составляютъ драматическое дѣйствіе. Не потому ли это, что сами они думаютъ и чувствуютъ слишкомъ ужъ механически, чтобы при этомъ у нихъ возникло ощущеніе какой-нибудь дѣятельности. Возражать такимъ умамъ серьезно—трудъ безполезный».

Гауптманъ предвидѣлъ, что его упрекнутъ въ скудости внѣшняго движенія, въ бѣдности сюжета. И на этотъ разъ, и много разъ впереди ему дѣйствительно приходилось слишкомъ часто слышать этотъ упрекъ. Раздается онъ иногда и посейчасъ.

Идея наслѣдственности легла въ основу «Предъ восходомъ солнца». Она же царитъ и въ «Праздникѣ мира». Въ этомъ смыслѣ вторая драма Гауптмана еще болѣе, чѣмъ первая—дарвинистическій этюдъ, какъ выразился Шлентеръ. Драматургъ какъ бы задался цѣлью оправдать Лота, героя своей первой драмы, испугавшагося ужасовъ наслѣдственности и отказавшагося, въ виду этого, отъ любимой дѣвушки и счастья съ нею.

Лотъ былъ правъ, какъ бы говоритъ Гауптманъ, показывая въ «Праздникѣ мира» трагедію семьи, гніющей и агонизирующей подъ гнетомъ страшнаго закона происхожденія отъ больного отца. Съ безжалостнымъ спокойствіемъ естествоиспытателя онъ подводитъ чита-

теля къ семьѣ Шольцевъ и показываетъ, въ какой адъ можетъ иногда обратиться семья, этотъ мирный и милый уголокъ, когда она создается на основѣ печальной наслѣдственности.

Великолѣпный мастеръ, онъ пользуетъ ослѣпительный эффектъ контраста свѣтлой рождественской ночи вѣчному мраку, парящему въ душахъ его героевъ, объединившихся въ этотъ вечеръ у зеленой елки.

Больной отецъ передалъ неврозъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, и вѣчный разладъ царитъ въ этой семьѣ. Вражда, ненависть, раздоръ господствуютъ въ ней. На мгновеніе какъ будто спускается сюда свѣтлый небесный мигъ примиренія. Чужая, сторонняя дѣвушка Ида несетъ съ собой въ психопатическую семью. Но семейному аду, слагавшемуся десятокъ лѣтъ, не превратиться въ рай въ мгновеніе ока. Карточный домикъ мнимаго счастья разлетается подъ первымъ дуновеніемъ бури раздора. Та же черная туча ненависти и несчастія нависаетъ надъ финаломъ драмы.

Разница между первой, столь же безотрадно кончающейся драмой Гауптмана, и «Праздникомъ мира»—только въ томъ, что здѣсь въ это страшное темное царство пробивается все-таки хоть одинъ свѣтлый лучъ. Это — Ида, точно свѣтлый посланникъ изъ какого-то другого царства,—царства здоровыхъ, бодрыхъ, призванныхъ къ радости жизни.

Замѣтимъ, что вообще у Гауптмана очень часто воплощеніемъ бодрости, силы и радости бытія являются дѣвушки. Близкія къ природѣ, здоровыя, чистыя, онѣ несутъ свѣтъ и миръ въ мужскія души, надломленныя, вывихнутыя, сложныя и растерянныя. И не ихъ вина, если тѣ не могутъ принять этотъ свѣтъ и согрѣться въ немъ, какъ герои этой драмы, какъ герой «Одинокихъ».

«Праздникъ мира» есть трагедія характеровъ, которые по самому существу своему не могутъ проявляться рядомъ, совмѣстно жить и работать, потому что они признаютъ только свой эгоизмъ и подчиненіе своей волѣ. Сами несчастные, они дѣлаютъ несчастными всѣхъ кругомъ. Ихъ, какъ горбатыхъ, исправитъ только смерть. Соприкосновеніе съ семьею Шольцевъ даже свѣтлой Иды не привело ни къ чему.

Гауптманъ далъ почувствовать эту идею,—но фактически въ пьесѣ не далъ этого «примиренія въ смерти». Нѣкоторые критики ставили ему это въ упрекъ и признавали драму незаконченной. Къ этой идеѣ «мира въ смерти», къ гимну «всепримиряющей смерти» Гауптманъ вернулся позднѣе—въ «Михаилѣ Крамерѣ».

Во второй пьесѣ Гауптмана уже не уловить никакихъ соціальныхъ задачъ. Это дѣйствительно только «семейная катастрофа», чистѣйшая «семейная драма», которая можетъ совершаться и совершается подъ какою угодно широтою, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ условіяхъ. Такъ всегда можетъ быть тамъ, гдѣ склонный къ психозу, сильно тронутый цивилизаціей человѣкъ, давно переживший молодость, свяжетъ свою жизнь съ шестнадцатилѣтней необразованной дѣвушкой.

Поддавшійся модному въ то время теченію въ наукѣ и литературѣ, можетъ-быть, слишкомъ высоко оцѣнившему значеніе наслѣдственности, Гауптманъ хотѣлъ показать во всемъ ужасѣ банкротство такого брака, обезцѣнивающаго дѣтей.

Автобіографически такой интересъ въ нашемъ писателѣ могъ обусловливаться недавними его увлеченіями этою областью знанія.

Здѣсь могли много значить его впечатлѣнія, вынесенныя изъ Цюриха, гдѣ въ 1888 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ психіатра Фореля, живо интересуясь областью его работъ. Что это увлеченіе не было простой данью модѣ, за это говоритъ и то, что почти одновременно съ этой драмой онъ писалъ и свой разсказъ «Апостолъ», посвященный разработкѣ такой же психопатологической темы. Только апостолъ кончаетъ маніей религіознаго величія тамъ, гдѣ Шольцъ становится жертвой маніи преслѣдованія.

Совершенно невозможно отрицать однако и чисто-внѣшнихъ литературныхъ вліяній на Гауптмана. Всѣ критики единодушно указываютъ на огромное вліяніе на него драмы Ибсена «Призраки» и въ меньшей мѣрѣ, можетъ-быть, «Отца» Стриндберга. Искать вліянія на Гауптмана со стороны толстовской «Крейцеровой сонаты», появившейся въ томъ же 1890 году,—совершенно напрасно.

Герой «Призраковъ» Освальдъ—такая же трагическая жертва проклятой наслѣдственности, оставленной ему отцомъ, такая же игрушка рока, какъ и дѣти Шольцевъ. Гауптманъ цѣликомъ присоединился къ походу Ибсена противъ семьи. Къ чести его нужно сказать, что онъ тоньше и глубже посмотрѣлъ на вопросъ наслѣдственности. Если у Ибсена передъ вами чистая наслѣдственность *физическаго недуга*, наслѣдственность больной клѣтки головного мозга, пораженной прогрессивнымъ параличомъ, то у Гауптмана *наслѣдственность больного характера, больного духа* у людей физически вполнѣ здоровыхъ.

Конечно, хорошее знаніе широкою публикою названныхъ пьесъ Ибсена и Стриндберга не могло послужить къ выгодѣ Гауптмана.

Болѣзненный колоритъ драмы Гауптмана настолько сгущенъ, что можно понять дѣлавшіеся ему упреки за чрезмѣрную исключительность, за экспентричность и героевъ драмы и ихъ катастрофы. Критика не разъ по поводу этой драмы указывала на то, что жизнь клиникъ, больницъ, домовъ сумасшедшихъ едва ли можетъ претендовать на общечеловѣческій интересъ, едва ли можетъ глубоко задѣвать здороваго зрителя, и что Гауптманъ напрасно еще болѣе сгустилъ тона ибсеновскаго сюжета. Указывалось на то, что «Празднику мира» еще болѣе, чѣмъ первой драмѣ, недостаетъ типическаго значенія (Бартельсъ).

Послѣднее десятилѣтіе, выдвинувшее рядъ замѣчательныхъ произведеній не психологическаго, а психопатологическаго характера, сильно ослабило значительность такихъ упрековъ. Больной и нервный вѣкъ призналъ за писателемъ неотъемлемое право касаться больного духа и изслѣдовать недуги мысли и воли. Пусть это клиника, но впечатлѣніе, оставляемое «Праздникомъ мира» на сценѣ, — властно и неотразимо. Гауптманъ точно гипнотизируетъ зрителя.

Можно не стоять ни въ какомъ отношеніи къ этой и подобной больнымъ семьямъ, но нельзя остаться равнодушнымъ передъ этимъ зрѣлищемъ возможнаго человѣческаго страданія, возбуждающимъ истинный драматическій ужасъ. Больной вѣкъ, умножая число больныхъ семей и людей, подверженныхъ психозу, все болѣе и болѣе устанавливаетъ право на признаніе за такими вещами общечеловѣческаго значенія.

Въ смыслѣ техники, вторая драма — безспорный шагъ Гауптмана впередъ. «Въ «Праздникѣ мира»,—пишетъ Штейгеръ:—Гауптманъ находился еще всецѣло подъ вліяніемъ Ибсена. Весь обликъ молодого человѣка, котораго онъ хотѣлъ изобразить, долженъ былъ механически

объясняться дарвинистическими законами наслѣдованія и приспособленія. Краткія и рѣзкія слова цинического Роберта, въ которыхъ онъ самъ сообщаетъ о наслѣдственности семьи, напоминаютъ даже Зола... Но если сравнить эту драму съ первой, то нельзя не удивляться сильной, цѣлостной композиціи и искусной постройкѣ его трагической семейной идилліи. Сейчасъ чувствуется, что авторъ сбросилъ съ себя всѣ натуралистическія причуды, обязанныя своимъ существованіемъ только духу противорѣчія, китайщинѣ школьныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать одному своему художественному чувству. Какъ прекрасно здѣсь выработано сценическое настроеніе! Въ «Праздникѣ мира», гдѣ все ссора и споръ, рѣзкая иронія тамъ и здѣсь проявляется и во внѣшней сценической обстановкѣ. Рождественская елка и семейная перебранка, рождественская пѣсня и сцена ссоры—контрасты настолько рѣзкіе, что ожиданіе Норы въ рождественскую ночь кажется рядомъ съ ними прямо дѣтской игрой (ein Kinderspiel). И такъ же ужасенъ въ концѣ видъ сына, желающаго обнять отца, который убѣгаетъ отъ страха побоевъ».

Патологическій наклонъ драмы не препятствуетъ Шлентеру признать большія достоинства за драмой. «Большинство первыхъ критиковъ Гауптмана,—пишетъ онъ:—категорически отвергли «Праздникъ мира». Но кто признаётъ право драматурга изслѣдовать человѣческую душу и человѣческую судьбу въ ихъ высшемъ подъемѣ и глубочайшемъ паденіи, тотъ не найдетъ достойнымъ порицанія, что поэтъ былъ вынужденъ психологическія наблюденія свести къ психопатическимъ выводамъ. И тотъ признаетъ художественной строгую, суровую, серьезную форму, въ какую вылился «Праздникъ мира».

Брандесъ видитъ въ пьесѣ проявленіе «большого драматическаго таланта» и подчеркиваетъ выгодную частность пьесы—то, что «по ибсеновской манерѣ въ драмѣ скрывается тайна, которая лишь къ концу объясняется зрителямъ».

Манеру Гауптмана давать многое въ драмѣ не въ формѣ живого дѣйствія, а въ формѣ разсказа, не приходится отнести къ драматическимъ достоинствамъ, но Гауптманъ пользуетъ ее съ такимъ искусствомъ, что она не влечетъ за собою скучнаго и отнюдь не чувствуется, какъ недостатокъ.

Въ техническихъ пріемахъ въ своей первой «интимной» драмѣ драматургъ остается вѣренъ себѣ: немногія изъ пьесъ его такъ изрѣзаны авторскими примѣчаніями для актера, какъ эта.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ медицины Фрицъ Шольцъ, 68 лѣтъ.
Минна Шольцъ, его жена, 46 лѣтъ.
Августа, 29 лѣтъ
Робертъ, 28 лѣтъ — ихъ дѣти.
Вильгельмъ, 26 лѣтъ.

} Насколько возможно, въ ихъ лицахъ должно выражаться семейное сходство.

Г-жа Мари Бухнеръ, 42 лѣтъ.
Ида, ея дочь, 20 лѣтъ.
Фрибэ, слуга, 50 лѣтъ.

Событія этой поэмы происходятъ въ рождественскій вечеръ, въ 80-хъ годахъ, въ одинокомъ деревенскомъ домикѣ на Шютценхюгелѣ, близъ Эркнера (Бранденбургъ).

Всѣ три акта происходятъ въ высокой просторной залѣ, съ выбѣленными стѣнами, которыя увѣшаны старинными картинами, рогами и разными звѣриными головами. Съ середины потолка изъ балокъ свѣшивается люстра изъ оленьихъ роговъ съ цѣльными свѣчами. По серединѣ задней стѣны, выдаваясь впередъ—тамбуръ со стеклянной дверью, черезъ которую виденъ тяжелый, рѣзного дуба подъѣздъ. Наверху, надъ тамбуромъ—чучело токующаго тетерева. Направо и налѣво отъ тамбура—по окну, съ замерзшими, частью занесенными снѣгомъ стеклами.

Въ стѣнѣ направо—открытая, въ родѣ воротъ, арка, ведущая на лѣстницу въ верхній этажъ. Въ той же стѣнѣ—двѣ низкія двери, одна—въ погребъ, другая—въ кухню. Въ стѣнѣ напротивъ—также двѣ двери, въ ту же комнату. Между этими дверями—старинные стѣнные часы; на ихъ верхней крышкѣ—чучело совы. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ старинныхъ, массивныхъ дубовыхъ столовъ и стульевъ. Направо отъ зрителя, параллельно боковой стѣнѣ—столъ подъ бѣлой скатертью. Направо, въ глубинѣ сцены — небольшая желѣзная печь съ идущими вдоль стѣны трубами. Всѣ двери разрисованныя: примитивные рисунки изображаютъ попугаевъ и т. п.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала убрана зелеными вѣтками. На каменныхъ плитахъ пола лежитъ елка безъ подставки. Фрибэ на верхней ступенькѣ лѣстницы въ погребъ сколачиваетъ подножку. У противоположныхъ концовъ стола г-жа Бухнеръ и г-жа Шольцъ прикрѣпляютъ разноцвѣтныя восковыя свѣчи къ подсвѣчникамъ. У г-жи Бухнеръ видъ здоровой, хорошо упитанной, ласковой женщины; одѣта просто, солидно и очень опрятно. Гладко причесана. Все ея существо дышитъ сердечностью, вполнѣ искреннею, даже когда ея проявленія порою производятъ впечатлѣніе нѣкотораго жеманства. Рѣчь ея намѣренно чистая, въ минуты возбужденія—съ декламаціей. Ото всей точно вѣетъ довольствомъ и благополучіемъ.

Совсѣмъ другая — г-жа Шольцъ. Она кажется много старше своихъ лѣтъ, съ начинающимися недугами старости. Въ ея фигурѣ — нездоровая полнота. Цвѣтъ кожи—блѣдно-сѣрый. Одѣта болѣе чѣмъ просто. Волосы сѣды и въ безпорядкѣ. Носитъ очки. Г-жа Шольцъ въ движеніяхъ порывиста, безпокойна; говоритъ по большей части слезливо или пискливо; производитъ впечатлѣніе, что постоянно возбуждена. Въ то время, какъ г-жа Бухнеръ какъ будто живетъ лишь для другихъ, г-жа Шольцъ занята только собою.

На столѣ—двѣ жирандоли въ пять развѣтвленій со свѣчами. Ни люстра ни жирандоли еще не зажжены. Горитъ керосиновая лампа.

Фрибэ (ударяетъ топоромъ). Вотъ какъ, у меня безъ промашки!

Г-жа Шольцъ. Фу! Не могу этого слышать, Фрибэ! Сколько разъ говорила я вамъ... Вѣдь топоръ можетъ такъ легко сорваться. На камнѣ не рубятъ дровъ!

Фрибэ. За это ужъ поручусь. Къ чему же я тогда былъ десять лѣтъ на службѣ.

Г-жа Бухнеръ. На службѣ?

Г-жа Шольцъ. Онъ служилъ въ королевскихъ лѣсныхъ дачахъ.

Фрибэ. Нѣ-ѣтъ, безъ промашки (ударяетъ). Вотъ та-акъ! (ударяетъ). Ужъ за это могу ручаться. (Онъ поднимается, осматриваетъ свою работу при свѣтѣ лампы, затѣмъ укрѣпляетъ елку, такъ что она стоитъ. Фрибэ — маленькаго роста, слегка сгорбленный, кривоногій, плѣшивый. Маленькое, подвижное обезьянье лицо не брито. Волосы на головѣ и въ бородѣ—изжелта-сѣдые. Сюртукъ на немъ весь въ порошкѣ, маслѣ, вакселѣ, пыли и т. д., сшитъ на человѣка въ два раза выше, оттого рукава засучены, борта сильно заходятъ одинъ на другой. На немъ коричневый, относительно чистый фартукъ, изъ-за котораго онъ время отъ времени вытаскиваетъ табакъ, чтобы съ чувствомъ понюхать. Елка укрѣплена. Фрибэ поставилъ ее на столъ, стоитъ передъ ней и оглядывается). Отличнѣйшее... красивое... настоящее... деревцо! Ель! (Глядитъ на женщинъ съ презрительнымъ превосходствомъ). Развѣ не ель, а?

Г-жа Бухнеръ. Какъ бывшій лѣсничій, вы должны умѣть различать.

Фрибэ. Ну, разумѣется, не сумасшедшій! Не сосна же это.

Г-жа Шольцъ (нетерпѣливо его перебиваетъ). Да, да, только не задерживайте насъ, Фрибэ! Моя дочь прямо сказала: «Пришли мнѣ Фрибэ».

Фрибэ. Что-жъ!.. По мнѣ... (Уходитъ въ дверь, ведущую въ кухню, сдѣлавъ презрительное движеніе рукою).

Г-жа Бухнеръ. Должно-быть, возня вамъ съ нимъ?

Г-жа Шольцъ. О, еще бы! Несносный! Если бы не мой мужъ... Да что съ нимъ, съ мужемъ, можно было подѣлать... Нуженъ былъ ему зачѣмъ-то этотъ старый табачный носъ, чтобы былъ онъ цѣлый день около него, а то ему уже было не по себѣ. Удивительный человѣкъ!

Августа (торопливо, съ шумомъ входитъ. Войдя, съ силою запираетъ стеклянную дверь на замокъ и заслоняетъ собою дверь, точно желая загородить кому-то входъ).

Г-жа Шольцъ (страшно испуганная, скороговоркой). Ахъ, Господи! Господи, Господи!!!

Г-жа Бухнеръ. Да что?..

Августа (длинная, поразительно худая; одѣта по послѣдней модѣ, но безвкусно. Плюшевая кофточка, плюшевая шапочка, муфта. Лицо и ноги длинныя. Лицо суровое, съ узкими, крѣпко сжатыми губами, съ выраженіемъ горечи. Носитъ лорнетъ. Съ возбужденностью матери соединяетъ болѣзненную обидчивость. Такое лицо должно разливать кругомъ атмосферу недовольства, досады и уныніа). На улицѣ... честное слово... кто-то гнался за мною.

Г-жа Бухнеръ (вынимая часы). Можетъ-быть, это уже Вильгельмъ... Нѣтъ, онъ не можетъ еще быть. Поѣздъ еще не пришелъ. (Августѣ) Подожди-ка! (Берется за ручку двери, чтобы открыть).

Августа. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Г-жа Бухнеръ. Вы нервничаете, дитя мое. (Идетъ въ стеклянную дверь и отворяетъ наружную дверь. Немного робко) Кто здѣсь? (Рѣшительно) Кто здѣсь? (Пауза, никакого отвѣта).

Г-жа Шольцъ (сердито). Право, это замѣчательно!.. Кажется, и такъ у насъ предостаточно волненій. Право, можно отъ всего этого умереть. Всегда съ тобою что-нибудь!

Августа. Со мной, со мной! (Рѣзко) Но что такое всегда со мной?!

Г-жа Шольцъ. Однако ты очень любезно разговариваешь съ матерью!

Августа. А по мнѣ... Поневолѣ испугаешься, когда... въ такой темнотѣ... и совсѣмъ одна, ни души...

Г-жа Бухнеръ (обнимая ее за талію, мягко). Горячка, горячка!.. Ну, развѣ можно всегда такъ?.. Пойдемте. (Помогаетъ ей раздѣться). Вотъ такъ-то лучше.

Августа. Ахъ, г-жа Бухнеръ, правда.

Г-жа Бухнеръ. Послушайте вы меня, господа. Вотъ мы у васъ уже четыре долгихъ дня... Я думала... Хотите вы говорить мнѣ *ты*? Да? Отлично! Ну-съ, итакъ (обнимаетъ и цѣлуетъ Августу, потомъ г-жу Шольцъ).

Г-жа Шольцъ (прежде, чѣмъ отвѣтить на объятіе). Постой, постой, у меня руки въ воскѣ.

Г-жа Бухнеръ (Августѣ, которая подошла къ печкѣ погрѣться). Ну вотъ, теперь тебѣ уже гораздо лучше? Хорошо было въ церкви?

Августа. Во всякомъ случаѣ, я туда больше не ходокъ. Скверный воздухъ, невыносимая жара.

Г-жа Бухнеръ. Хорошо говорилъ пасторъ?

Августа. Вотъ какъ говорилъ: будь я нищая, я бы въ отвѣтъ на его проповѣдь... право, я бы швырнула имъ подъ ноги всю ихъ милостыню.

Г-жа Бухнеръ. Но для бѣдняковъ въ этомъ—великое утѣшеніе.

За сценой звонкій красивый женскій голосъ поетъ:

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встаетъ.

(Ида спускается съ лѣстницы. Ей двадцать лѣтъ. Простое черное шерстяное платье. Хорошенькая, полная; маленькая головка; длинные русые волосы распущены. На всемъ ея существѣ—печать тихой радости, сдерживаемаго веселья, увѣренной надежды на счастье. И потому въ умномъ лицѣ—выраженіе веселое; но вдругъ дѣлается нѣжно-серьезное или глубоко-просвѣтленное).

Ида (на плечахъ *полотенце*, въ рукѣ нѣсколько картонокъ). Какъ будто кто-то пришелъ?

Г-жа Шольцъ. Августа нагнала на насъ порядочно страху!

Ида (показывая на лѣстницу за своею спиною). Тамъ наверху тоже не очень ужъ уютно. (Смѣясь) Я рѣшила сползти внизъ.

Г-жа Шольцъ. Но, дѣтка! Вѣдь надъ тобою живетъ еще Робертъ.

Ида (ставитъ картонки на столъ, открываетъ ихъ и вынимаетъ изъ нихъ различныя вещи). Конечно! А все-таки весь этажъ всегда пустой.

Г-жа Бухнеръ. По-моему, твои волосы уже должны бы высохнуть.

Ида (граціозно подставивъ головку). Потрогай!

Г-жа Бухнеръ (трогаетъ). Э, нѣтъ! Тебѣ бы надо, дитя, выкупаться пораньше.

Ида. Ну что мнѣ дѣлать съ этой старой гривой! Вѣдь цѣлыхъ полчаса торчала у печки. (Вынула изъ одного картона желтый шелковый кошелекъ и протягиваетъ Августѣ). Цвѣтъ хорошъ, а? Правда, только пустячокъ. Былъ уже у Вильгельма когда-нибудь кошелекъ?

Августа (чиститъ свою плюшевую кофточку и пожимаетъ плечами). Не знаю. (Подноситъ кошелекъ къ своимъ близорукимъ глазамъ) Вещь не очень прочная. (Снова погружается въ свою прежнюю работу). Плюшъ уже никуда не годится.

Ида (прикрѣпляя къ елкѣ ящикъ съ сигарами). Я страшно рада... Вы никогда еще не убирали елку?

Августа. Серьезно говоря,—это вовсе не для взрослыхъ.

Г-жа Шольцъ. Никогда! Только попробовала бы я, могу себѣ представить, какую исторію поднялъ бы мой мужъ... Зато у покойныхъ родителей... Когда подумаю... какая это была прекрасная семейная жизнь! Ни одного Рождества безъ елки. (Копируетъ походку и манеры отца) Отецъ возвращался вечеромъ изъ конторы и приносилъ пре-е-лестные лемановскіе пряники! (Она подноситъ большой и указательный палецъ ко рту, точно держитъ кусочекъ этого восхитительнаго пряника). Да, все это прошло! Мой мужъ... Онъ ни разу не пообѣдалъ вмѣстѣ съ нами. Онъ жилъ наверху, мы—внизу. Отшельникъ какой-то! Если нужно было что-нибудь отъ него, надо было, ей-Богу, прятаться за Фрибэ.

Августа (у печки, подкладывая дрова). Да не говори ты всегда такъ.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, лучше ты не топи такъ безумно много.

Августа. Да вѣдь надо же, чтобы было тепло.

Г-жа Шольцъ. Сегодня все тепло улетаетъ въ трубу.

Августа (нерѣшительно, сердито). Что-жъ, значитъ, не подкладывать въ печку?

Г-жа Шольцъ. Оставь ты меня въ покоѣ.

Августа (съ шумомъ бросаетъ въ ящикъ лопату). Ну, и не надо! (Въ гнѣвѣ уходитъ налѣво).

Ида. Ахъ, Густя, останься. (Къ г-жѣ Шольцъ) Постой, я ее опять развеселю. (Уходитъ слѣдомъ за нею).

Г-жа Шольцъ (смиренно). Вотъ таковы всѣ мои дѣти!

Нѣтъ, дѣйствительно, что̀ за дѣвушка!.. И никакого удержу! То то̀, то другое... Потомъ вдругъ взбредетъ ей въ голову... она должна учиться. Запрется у себя наверху, цѣлую недѣлю слова отъ нея не услышишь. А то вообразитъ, что никому она не нужна... Ахъ, ты, Господи, Боже мой... да, тебѣ можно позавидовать. Твоя дочка—вотъ это прелесть...

Г-жа Бухнеръ. Ну, и Густя тоже.

Г-жа Шольцъ. Какъ великолѣпно она играетъ на роялѣ; и такой восхитительный голосокъ! Съ какимъ удовольствіемъ послушала бы я немного музыки!

Г-жа Бухнеръ. Почему же ты теперь сама совсѣмъ не играешь?

Г-жа Шольцъ. Я! Да тогда бы не осталось у меня и послѣдней капельки покоя. Вѣдь Августа такая нервная!.. Совершенно какъ ея отецъ, котораго игрой на роялѣ можно бы только прогнать изъ дому.

Г-жа Бухнеръ. Ты бы послушала, какъ теперь играетъ твой Вильгельмъ! Какъ онъ усовершенствовался! Что̀ стало бы съ Идой безъ него? У него научилась она всему, что̀ знаетъ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, да, ты уже говорила. Онъ талантливый. Тутъ и спора не можетъ быть. Учить его было удовольствіе.

Г-жа Бухнеръ. Да и онъ вспоминаетъ такъ трогательно то время, когда его мамочка стала давать ему первые уроки.

Г-жа Шольцъ. Правда?! Ахъ, Господи, да, это были хорошіе часы... Тогда я думала... Все выходитъ по-другому... И такъ меня волнуетъ...

Г-жа Бухнеръ. Волнуетъ... что̀?

Г-жа Шольцъ. Ну, вотъ то, что онъ пріѣзжаетъ. Какъ онъ теперь выглядитъ?..

Г-жа Бухнеръ. Хорошо... Пополнѣлъ... здоровъ... Ты не нарадуешься на сына.

Г-жа Шольцъ. Не могу не удивляться, что мальчикъ пріѣзжаетъ. Сколько разъ по-настоящему болѣло у меня сердце. И сколько извела я бумаги на письма. Но онъ ни разу не отвѣтилъ своей старой матери. Какъ же тебѣ удалось его убѣдить? Этого я не могу понять, не могу понять.

Г-жа Бухнеръ. Я? О, нѣтъ! Это Ида убѣдила его.

Г-жа Шольцъ. Роберту тоже, въ сущности, нѣтъ до насъ никакого дѣла, но, по крайней мѣрѣ, онъ каждый

годъ пріѣзжаетъ къ намъ на пару дней, на Рождествѣ. Это похвально! А Вильгельмъ... Вотъ уже цѣлыхъ шесть лѣтъ не былъ онъ здѣсь. Онъ и мой мужъ,—цѣлыхъ шесть лѣтъ! Что же, она съ нимъ ладитъ?

Г-жа Бухнеръ. Кто? Ида? Великолѣпно ладитъ, во всемъ.

Г-жа Шольцъ. Поразительно! Ты и представить себѣ не можешь, какой онъ всегда былъ замкнутый, совсѣмъ какъ отецъ. Никакихъ товарищей дѣтскихъ игръ, никакого школьнаго друга, никогда ничего.

Г-жа Бухнеръ. Да, да, и съ нами онъ былъ сначала такой же... Ни за что не хотѣлъ приходить къ намъ такъ,—только на урокъ музыки.

Г-жа Шольцъ. Но потомъ сталъ все-таки бывать?

Г-жа Бухнеръ. То-есть... да. Онъ сказалъ, чтобы мы его лишь на время оставили въ покоѣ, а потомъ онъ и самъ придетъ. И мы были настолько благоразумны, что не противорѣчили ему. И въ самомъ дѣлѣ. Подождали мы полгода,—ужъ и ждать перестали,—и онъ пришелъ. И уже приходилъ каждый день. И понемногу все совершенно измѣнилось.

Г-жа Шольцъ. Вы, должно-быть, умѣете колдовать. Уже одна эта помолвка—какое-то непостижимое чудо.

Г-жа Бухнеръ. Съ художниками надо умѣть обращаться. Я научилась,—вѣдь и мой покойный мужъ былъ художникъ.

Г-жа Шольцъ. А эта... исторія... съ отцомъ? Посвятилъ онъ васъ... и въ эту исторію?

Г-жа Бухнеръ. Н...нѣтъ, милая. Видишь ли, это—единственный пунктъ... я хочу сказать... лишь въ этомъ пунктѣ еще не могъ онъ себя преодолѣть. Это все равно, но, можешь мнѣ повѣрить, онъ страшно страдаетъ отъ воспоминанія объ этомъ. До сегодняшняго дня страдаетъ. И, навѣрное, больше всего оттого, что онъ скрываетъ всю исторію. Но, во всякомъ случаѣ, долженъ онъ наконецъ одолѣть и это.

Г-жа Шольцъ. О, избави Боже,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Чти отца и мать: рука, которая поднялась на собственнаго отца... Изъ могилы вырастаютъ такія руки. Ну, конечно, мы ссорились! У обоихъ у насъ есть недостатки,—у мужа и у меня,—но это наше дѣло. Никто не смѣетъ въ это вмѣшиваться, меньше всего—собственный сынъ. А кому пришлось все расхлебывать? Разумѣется, мнѣ. Такая старуха должна все вынести на себѣ. Мой мужъ ушелъ изъ

дому въ тотъ же день, а полчаса спустя ушелъ и Вильгельмъ. Никакія слова не помогли. Сначала я думала, что они вернутся. Но они не вернулись. И только Вильгельмъ—одинъ онъ—виноватъ въ этомъ, никто другой.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, вѣроятно, очень виноватъ, убѣждена въ этомъ, но, послушай... послѣ долгихъ лѣтъ раскаянія и...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Что ты думаешь? Не такъ-то легко перешагнуть черезъ это. Это было бы еще лучше! Очень хорошо съ твоей стороны, что ты привязалась къ мальчику. Очень тоже мило, что онъ пріѣзжаетъ, почему бы и нѣтъ? Но, въ сущности, къ чему все это? Не такъ легко заполнить пропасть... Да, да, это—пропасть, настоящая, глубокая пропасть между всѣми членами нашей семьи.

Г-жа Бухнеръ. Но я все-таки думаю, что мы, люди съ сильной, честной волей...

Г-жа Шольцъ. Воля, воля! Не говори мнѣ о ней! Это я знаю лучше тебя. Здѣсь можно хотѣть, хотѣть, сто разъ хотѣть,—и все-таки все остается по-старому. Нѣтъ, нѣтъ, твоя дочь,—это совсѣмъ другое дѣло. Она—такая, Вильгельмъ—такой, и оба остаются сами собой. Слишкомъ она хороша для одного изъ насъ, слишкомъ, слишкомъ хороша... Господи, воля, воля!.. Да, да, добрая воля... У тебя отличная воля, но сумѣешь ли ты достигнуть чего-нибудь? Я не вѣрю.

Г-жа Бухнеръ. Но я тѣмъ сильнѣе надѣюсь.

Г-жа Шольцъ. Все можетъ быть. Вовсе не хочу зарекаться. Въ сущности, и я рада отъ всего сердца за мальчика, только волнуетъ меня, очень волнуетъ, и имѣй въ виду—ты все представляешь себѣ слишкомъ легко.

Ида (входитъ слѣва, вкрадчиво говоритъ г-жѣ Шольцъ). Мамочка, она золотитъ орѣхи.

Г-жа Бухнеръ. Пора, Идочка! Ты должна принарядиться. Онъ можетъ теперь каждую минуту быть здѣсь.

Ида (испуганно). Да? Уже?

Г-жа Шольцъ. Да не дѣлайте вы никакихъ исторій! Для этого мальчика она и такъ слишкомъ хороша.

Г-жа Бухнеръ. Я приготовила тебѣ голубое. (Кричитъ Идѣ вслѣдъ) И приколи брошку, слышишь! (Ида уходитъ).

Г-жа Бухнеръ (обращаясь къ г-жѣ Шольцъ). Не обращаетъ никакого вниманія на драгоцѣнныя вещи.

(Открывается наружная дверь).

Г-жа Шольцъ. Постой... кто это? Сдѣлай мнѣ одолженіе... Я не могу еще сейчасъ его видѣть, я...

Г-жа Бухнеръ (кричитъ въ дверь, ведущую на лѣстницу). Ида, твой Вильгельмъ идетъ!

(Въ стеклянную дверь входитъ докторъ Шольцъ).

Д-ръ Шольцъ — необыкновенно высокаго роста, широплечій, очень тучный. Жирное лицо, съ сѣрой нечистой кожей. Глаза его то погасаютъ, то блестятъ, точно лакированные; блуждающіе взоры. У него сѣрые, взъерошенные бакенбарды. Движенія у него неуклюжія и вздрагивающія. Рѣчь его прерывается одышкой. Говоритъ такъ, точно ротъ у него набитъ мукою, спотыкается на каждомъ слогѣ. Одѣтъ небрежно. Когда-то коричневая, выцвѣтшая бархатная жилетка; сюртукъ и брюки безразличнаго цвѣта. Шапка съ большимъ козырькомъ, буро-сѣрая, странной формы. Галстукъ изъ суроваго шелка. Помятое бѣлье. Сморкается въ большой пестрый платокъ. Въ правой рукѣ—трость съ ручкой изъ оленьяго рога, на лѣвой висятъ—длинное дорожное военное пальто и мѣховой мѣшокъ для ногъ.

Д-ръ Шольцъ. Servus! Servus!

Г-жа Шольцъ (смотритъ на доктора, какъ на привидѣніе). Фрицъ!..

Д-ръ Шольцъ. Да, какъ изволишь видѣть.

Г-жа Шольцъ (съ крикомъ бросаясь мужу на шею). Фрицъ!

Августа (открываетъ дверь налѣво и сейчасъ же отскакиваетъ назадъ). Отецъ!

(Г-жа Бухнеръ уходитъ черезъ лѣвую боковую дверь, пятясь назадъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія).

Д-ръ Шольцъ. Это я, какъ видишь. Прежде всего вотъ что: Фрибэ здѣсь?

Фрибэ (выглядываетъ изъ двери въ кухню, пугается, затѣмъ входитъ). Господинъ докторъ! (Бросается къ нему, хватаетъ объ его руки, цѣлуетъ ихъ). Вотъ это штука! Точно Господь Богъ подарилъ мнѣ талеръ!

Д-ръ Шольцъ. Псст!.. Смотрите, заприте крѣпко входную дверь.

(Фрибэ кланяется и съ радостнымъ усердіемъ исполняетъ приказаніе).

Г-жа Шольцъ (внѣ себя отъ изумленія). Да скажи ты мнѣ, Фрицъ, скажи мнѣ только... Я ничего не могу сообразить... (Обнимаетъ его со слезами). Ахъ, Фрицъ! Какъ ты истерзалъ меня за эти долгіе годы!

Д-ръ Шольцъ (нѣжно отстраняя жену). Ахъ, знаешь... и моя жизнь также... Лучше не станемъ съ самаго начала заниматься попреками... А ты, ты—все еще та же прежняя страдающая душа... (Съ нѣкоторою горечью) Впрочемъ, я бы, конечно, не обезпокоилъ тебя, если бы не... (Фрибэ

беретъ у него пальто, мѣшокъ для ногъ и т. д.). Бываютъ въ жизни, милая Минна, такія положенія... когда приходится имѣть дѣло, какъ вотъ мнѣ, съ вліятельными противниками.

(Фрибэ уходитъ съ вещами доктора на лѣстницу).

Г-жа Шольцъ (добродушно ворча). Вѣдь никто же не приказывалъ тебѣ, Фрицъ! Здѣсь у тебя былъ вѣрный, теплый домашній уголъ. Ты могъ бы жить такъ хорошо!

Д-ръ Шольцъ. Не сердись, но—этого ты не можешь понимать.

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно! Я вѣдь только простая женщина, очень можетъ-быть, но ты же былъ совершенно самостоятеленъ. И вовсе не было никакой необходимости, чтобы ты...

Д-ръ Шольцъ. Псст! Было очень необходимо. (Не безъ таинственности) За виной слѣдуетъ искушеніе, за грѣхомъ—наказаніе.

Г-жа Шольцъ. Ну да, конечно, Фрицъ... Многое и отъ тебя зависѣло. (Начиная съ этого момента и до конца разговора все время бросаетъ боязливые взгляды на входную дверь, точно боится, что каждую минуту можетъ войти Вильгельмъ). Вѣдь мы могли бы такъ спокойно... такъ мирно... если бы ты только хотѣлъ...

Д-ръ Шольцъ. Все отъ меня зависѣло, все безъ исключенія!

Г-жа Шольцъ. Опять ты несправедливъ.

Д-ръ Шольцъ. И!.. Я не хочу спорить: противъ меня соединилось столько низости. Это же извѣстно... Напримѣръ, вообрази себѣ: въ отеляхъ... кельнера... ни одной ночи не могъ я спать спокойно... все взадъ и впередъ по коридору, взадъ и впередъ, и непремѣнно мимо моей двери.

Г-жа Шольцъ. Такъ вѣдь въ концѣ концовъ не нарочно же они безпокоили тебя.

Д-ръ Шольцъ. Нѣтъ?.. Ну, знаешь, этого ты не понимаешь!

Г-жа Шольцъ. Впрочемъ, можетъ-быть; бываютъ иногда среди кельнеровъ негодяи.

Д-ръ Шольцъ. Негодяи? Да, именно,—негодяи! Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ. У меня болитъ что-то голова. (Хватается за затылокъ) Вотъ здѣсь! Тоже такая подлость! Я отлично знаю, кого долженъ я за это поблагодарить... Я только хочу еще удостовѣриться, могу ли я прогнать эти боли, хорошенько выспавшись. Очень усталъ.

Г-жа Шольцъ. Но, Фрицъ, наверху не топлено.

Д-ръ Шольцъ. Представь себѣ только,—однимъ махомъ изъ Вѣны. Не топлено? Ничего не значитъ! Уже Фрибэ похлопочетъ... Ну, а какъ Фрибэ? Вотъ что я хотѣлъ спросить, все еще такой же надежный?

Г-жа Шольцъ. Фрибэ все такой же, какъ всегда.

Д-ръ Шольцъ. Я такъ и думалъ!.. До свиданія! (Пожавъ руку женѣ, поворачивается съ выраженіемъ глубокаго раздумья и идетъ къ лѣстницѣ. Замѣтивъ елку, останавливается и растерянно смотритъ на нее). Это что же такое?

Г-жа Шольцъ (колеблясь между страхомъ, стыдомъ и чувствительностью). Мы празднуемъ рождественскую ночь.

Д-ръ Шольцъ. Празднуемъ? (Послѣ долгой паузы, отдавшись воспоминаніямъ) Это... было... давно... (Поворачивается и говоритъ съ искреннимъ чувствомъ) И ты тоже стала сѣдая?

Г-жа Шольцъ. Да, Фрицъ, оба мы...

Д-ръ Шольцъ (киваетъ головой, отворачивается и уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Бухнеръ (быстро входитъ слѣва). Значитъ, твой мужъ снова здѣсь?!

Г-жа Шольцъ. Это точно... какъ будто... не знаю! Іисусе Христе! какъ мнѣ понять все это?

Г-жа Бухнеръ. Что это, дорогой мой другъ,—воля Божья, и всѣ мы должны быть за это благодарны.

Г-жа Шольцъ. Ахъ! Какъ онъ выглядитъ!.. Сколько онъ пережилъ! Какая была его жизнь: изъ страны въ страну, изъ города... Ахъ, какъ она его истрепала!

Г-жа Бухнеръ (хочетъ подняться по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ (испуганно). Куда ты?

Г-жа Бухнеръ. Сказать Идѣ объ этомъ радостномъ событіи. (Уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Нѣтъ, нѣтъ, что ты задумала! Этого не долженъ онъ даже замѣтить. Я слишкомъ хорошо знаю своего мужа! Если бы онъ узналъ, что живетъ наверху еще кто-то, кромѣ него... была бы исторія!

Г-жа Бухнеръ (уже на лѣстницѣ). Я потихоньку.

Г-жа Шольцъ. Только совсѣмъ потихоньку! А то какъ бы не вышло что-нибудь такое...

Г-жа Бухнеръ. Я ступаю совсѣмъ тихо.

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи! Только ужъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо!

Августа (быстро входя слѣва). Отецъ здѣсь?!

Г-жа Шольцъ (совершенно растерянно). Да, конечно! Что же теперь дѣлать? И Вильгельмъ тоже. Я пережила смер-

тельный страхъ. А если бы онъ столкнулся съ отцомъ? Вѣдь онъ могъ войти каждую секунду. Сколько еще я, старуха, должна пережить!

Августа. Поразительное чувство, мама, такое поразительное! Такъ мы привыкли къ тому, что... Точно мертвецъ воскресъ, черезъ много лѣтъ! Мнѣ страшно, мама!

Г-жа Шольцъ. Значитъ, въ концѣ концовъ всѣ свои деньги онъ прожилъ?

Августа. Ну, это было бы... По мнѣ, это было бы послѣднее дѣло...

Г-жа Шольцъ. Да какъ же мы сводили бы концы съ концами... Пришлось бы скоро пойти по-міру.

Ида (одѣтая, спускается сверху, радостно жметъ Августѣ руку, съ чувствомъ). Густя! значитъ, правда? Ахъ, какъ я рада! (Г-жа Шольцъ и Августа болѣзненно взволнованы).

Робертъ—*изъ двери налѣво. Средняго роста, худои, съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ. Глубоко впавшіе глаза иногда горятъ болѣзненнымъ блескомъ. Усы и эспаньолка. Курить турецкій табакъ изъ очень короткой трубки.*

Робертъ (небрежно). Стало нескладно у тебя, мать!

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, теперь еще и этотъ начинаетъ!

Августа. Что касается меня... (Украдкой бросаетъ завистливые взгляды на костюмъ Иды).

Робертъ (Идѣ, которая взглянула на него). Да, я такой, фрейлейнъ Ида!

Ида (недовѣрчиво качаетъ головой). Нѣтъ... нѣтъ!

Робертъ. Какъ это—нѣтъ! По-моему, не стоитъ труда притворяться, показывать какія-то ничтожныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ,—не стоитъ!

Ида. Нѣтъ... нѣтъ.

Августа (сердито). Ты возмутителенъ, Робертъ!

Робертъ. Не имѣю намѣренія кого-нибудь возмущать!

Августа. А по мнѣ...

Робертъ. Ну, и далѣе.

Августа. Далѣе, далѣе...

Робертъ (съ притворнымъ изумленіемъ). Прости... Я думалъ... ты же больше не придаешь никакого значенія внѣшней красотѣ...

Ида (стараясь замять ссору). Ахъ, г. Робертъ...

Робертъ. Да... Я-то тутъ при чемъ...

Августа (почти давясь слезами). Все ты!.. все ты!.. Только изъ-за тебя... Мои годы... слишкомъ подло!.. Г-жа Бухнеръ, развѣ это не такъ?.. Мнѣ... я... я... просидѣла здѣсь... у

матери... здѣсь... лучшіе... лучшіе годы... жизни... а вы... я... точно горничная...

Робертъ. О, какъ эффектно... въ самомъ дѣлѣ!.. Тебѣ бы на сцену! (Другимъ тономъ, грубо) Брось, пожалуйста, эти свои скверныя штуки! И слушай: ты и этотъ твой мученическій вѣнецъ — ерунда это все. Гдѣ-то тамъ тебѣ было еще гораздо хуже, чѣмъ дома, вотъ это правда.

Августа. Мама! Будь свидѣтельницей: развѣ я не отклонила три предложенія?

Робертъ. Какъ бы не такъ! Если бы только мать выложила нужныя денежки, ну, тогда, конечно, эти господа прихватили бы ужъ кстати и тебя.

Г-жа Шольцъ. Деньги? (Наступая на Роберта, хватая его за руку) Такъ возьми кухонный ножъ!.. Вырѣжь изъ меня! Вырѣжь изъ меня деньги!

Августа. Они — меня? Хочешь, я тебѣ сейчасъ покажу письма съ отказомъ?

Г-жа Шольцъ (перебивая). Дѣти! (Дѣлаетъ такое движеніе, точно подставляетъ грудь подъ смертельный выстрѣлъ) Вотъ сюда! Лучше сразу убейте меня! Неужели же нѣтъ у васъ хоть немного жалости ко мнѣ? Хоть вотъ столько?.. А?.. Великій Боже!.. пяти минутъ... Не знаю, что̀ это за дѣти!.. Пяти минутъ не могутъ они пробыть мирно!

Робертъ. Ну, конечно, я же только-что сказалъ: опять будетъ здѣсь нескладно.

(Фрибэ спускается озабоченный съ верхняго этажа. Что-то шепчетъ г-жѣ Шольцъ, та даетъ ему ключъ. Фрибэ уходитъ въ погребъ).

Робертъ (молча слѣдилъ за всей этой сценой. Въ тотъ самый мигъ, когда Фрибэ исчезаетъ за дверью въ погребъ. восклицаетъ): Ага!

Августа (въ свой чередъ не сводитъ глазъ съ Роберта. Говоритъ съ раздраженіемъ). Нѣтъ у тебя ни къ чему уваженія, ни къ чему, ни къ чему!

Робертъ. Ну, и дальше?

Августа. Но ты играешь комедію, ты жалко лжешь, а это — самое отвратительное!

Робертъ. Ты имѣешь въ виду отца?

Августа. Конечно, отца!

Робертъ (пожимая плечами). Если ты думаешь...

Августа. Да... если бы... если бы это было иначе, тогда... да... тогда... ты былъ бы негодной тварью.

Г-жа Шольцъ (вставляетъ въ ихъ разговоръ). Будетъ этому скоро конецъ... или, или...

Роберт. Въ такомъ случаѣ я—негодная тварь? Ну-съ, а затѣмъ?

(Ида чего-то тревожно ждетъ, уходитъ въ стеклянную дверь).

Августа. Фу, безстыжій!

Роберт. Безстыжій, совершенно вѣрно.

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Не вѣрю я вамъ... Вы лучше, чѣмъ хотите заставить насъ думать... лучше, чѣмъ даже вы сами думаете...

Робертъ (со слабымъ, затѣмъ все взвинчивающимся сарказмомъ, холодно). Достоуважаемая г-жа Бухнеръ! Можетъ-быть, это чрезвычайно любезно... но, какъ говорится, — я не знаю хорошенько, чѣмъ могъ я заслужить такую честь... Но я долженъ отклонить вашу любезность. Мое самоуваженіе, по крайней мѣрѣ — пока, еще вовсе не такъ незначительно, чтобы нуждаться въ чьей-нибудь...

Г-жа Бухнеръ (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Да я вовсе и не думала. Только... вашъ отецъ...

Робертъ. Мой отецъ для меня — докторъ медицины Фрицъ Шольцъ.

Августа. Да, да, поговори!

Робертъ. И если для меня этотъ человѣкъ все-таки не совсѣмъ такой же безразличный, какъ какой-нибудь дуракъ X или Y, то это потому, что я... ну, и такъ далѣе... (Курить). Что я... ну, да—я все-таки въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ его глупости.

Г-жа Бухнеръ (точно оглушенная). Простите! Тутъ ужъ я не могу... Какъ хватаетъ у васъ смѣлости говорить такъ?! Мнѣ прямо страшно.

Г-жа Шольцъ (обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ). Пускай, пускай! Ты еще и не то увидишь у насъ...

Августа. Что же съ этимъ подѣлаешь, мать! Мы—такіе, какіе есть. Другіе, которые Богъ знаютъ какъ поступаютъ,—ничѣмъ не лучше.

Робертъ. Въ самомъ дѣлѣ, все еще есть наивныя души, которыя чувствуютъ себя скверно, если не могутъ чинить и улучшать своихъ ближнихъ. Старые предразсудки! Рутина!..

Г-жа Бухнеръ (беря Роберта за обѣ руки, съ искреннимъ чувствомъ). Г. Робертъ! Я чувствую, что служу одной опредѣленной цѣли. Это подчиняетъ меня. Отъ всего сердца говорю вамъ—вы меня не обидѣли.

Робертъ (нѣсколько растерявшись). Вы поразительная женщина.

Фрибэ (приходитъ изъ погреба. Въ лѣвой рукѣ у него три бутылки краснаго вина; держитъ, зажавъ горлышки между пальцевъ: подъ лѣвой рукой, подъ мышкой—бутылка коньяку, въ правой рукѣ—ключъ отъ погреба. Подходитъ къ г-жѣ Шольцъ, говоритъ озабоченно). Теперь скорѣе сигары!

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Господи! Да не знаю я, Фрибэ, гдѣ онѣ.

Робертъ. Въ письменномъ столѣ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, правда! (Беретъ связку ключей и тревожно ищетъ нужный ключъ).

Августа. Ты же знаешь, какой ключъ отъ письменнаго стола.

Робертъ. Съ прямой бородкой.

Г-жа Шольцъ. Вѣрно! Постой!..

Робертъ. Дай-ка сюда...

Г-жа Шольцъ. Постой, постой!.. Вотъ! Ахъ, нѣтъ, не тотъ!.. Совсѣмъ спуталась!.. (Передавая Роберту связку) На!

Робертъ (снимаетъ нужный ключъ и передаетъ Фрибэ). Вотъ! Желаю, чтобы вамъ понравились сигары моего отца.

Фрибэ. Ну да! Какъ же! Онъ ихъ цѣлый день не выпускаетъ изъ зубовъ! (Сильный звонокъ). Иду, иду! (Фрибэ уходитъ наверхъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, теперь скоро отъ вина ничего не останется! Великій Боже! къ чему все это приведетъ?! Постоянно вино, дорогія крѣпкія сигары! Говорю вамъ, онъ погубитъ себя.

Робертъ. Что же, каждый воленъ...

Г-жа Бухнеръ. Что хотите вы этимъ сказать?..

Робертъ. Каждый воленъ доставлять себѣ тѣ удовольствія, какія ему нравятся. По крайней мѣрѣ, я ни за что не позволилъ бы посягать на это мое право, даже закону. А впрочемъ, странно!

Г-жа Бухнеръ. Что?

Робертъ. Странно!..

Г-жа Бухнеръ. Почему смотрите вы на меня такъ пристально? Страннымъ вамъ кажется что-то во мнѣ?

Робертъ. Какъ посмотрѣть. Вы уже столько дней у насъ и все еще не думаете о томъ, чтобы уѣхать.

Августа. Говорить такъ!

Г-жа Шольцъ. Конца этому не будетъ! (Съ отчаяніемъ качаетъ головой).

Робертъ (грубо и запальчиво). Что-жъ, мать, развѣ это не правда? Развѣ когда-нибудь кто-нибудь чужой могъ выдер-

жать у насъ больше половины дня?.. Развѣ всѣ они не убѣгали отъ насъ,—Ничше, Леманы?..

Августа. На что намъ чужіе *люди*?.. Довольно съ насъ насъ самихъ.

Робертъ. Да, совершенно вѣрно! (Грубымъ тономъ) Скажу я вамъ, г-жа Бухнеръ! Въ присутствіи совершенно чужихъ людей они такъ вцѣплялись другъ другу въ волосы, что клочья летѣли! Мать срывала скатерть, отецъ билъ графины съ водой. Весело, не правда ли?.. Веселыя сценки, веселыя дѣтскія *впечатлѣнія*?

Августа. Ты бы долженъ провалиться отъ стыда, подлецъ! (Быстро уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Теперь видишь? И вотъ такъ я жила десятки лѣтъ, десятки лѣтъ! (Уходитъ возбужденная).

Робертъ (продолжаетъ увѣренно). Впрочемъ, чему тутъ удивляться! Сорокалѣтній мужчина женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ и притащилъ ее съ собою въ этотъ глухой, всѣми забытый уголъ. Человѣкъ, служившій врачомъ въ турецкой арміи и путешествовавшій по *Японіи*. Развитой, предпріимчивый умъ. Человѣкъ, который еще вчера носился съ самыми широкими планами, связалъ себя съ женщиной, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была непоколебимо убѣждена, что можно разглядѣть въ небѣ Америку, какъ звѣзду. Да, да! Я не преувеличиваю. Только такіе результаты и могли получиться: стоячее, гнилое, бродящее болото, изъ котораго мы имѣли сомнительное удовольствіе произойти. Волосъ становится дыбомъ! Ни слѣда *любви*, ни тѣни взаимнаго пониманія, уваженія, — вотъ та почва, на которой выросли мы, дѣти.

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Я бы очень просила васъ...

Робертъ. Хорошо!.. Не для чего мнѣ говорить! Да къ тому же исторія эта...

Г-жа Бухнеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Я только хотѣла бы попросить васъ объ одномъ. Надо спѣшить.

Робертъ. Просить? меня?..

Г-жа Бухнеръ. Можетъ-быть, вы, ради меня... можетъ-быть... Развѣ это такъ ужъ совсѣмъ невозможно?.. Можетъ, вы хоть на сегодняшній вечеръ сбросили бы съ себя свою маску?

Робертъ. Великолѣпно!.. Сбросить маску?

Г-жа Бухнеръ. Да, потому что это—маска, а не ваше настоящее лицо.

Робертъ. Что вы говорите!

Г-жа Бухнеръ. Обѣщайте мнѣ, г. Робертъ...

Робертъ. Но я совсѣмъ не знаю...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ... Вашъ оратъ Вильгельмъ можетъ каждую минуту пріѣхать и...

Робертъ (перебивая). Г-жа Бухнеръ! Если бы вы... захотѣли... мнѣ... повѣрить! Всѣ ваши усилія... увѣряю васъ... совершенно напрасны. Все это ни къ чему не приведетъ, абсолютно ни къ чему. Всѣ мы изгажены до самаго основанія! Изгажены отъ рожденія, окончательно изгажены воспитаніемъ. Тутъ уже ничего не подѣлаешь. На видъ все какъ будто такъ славно: елка... свѣчи... подарки... семейный праздникъ... Но это только такъ, сверху, а на самомъ днѣ—мучительная, грубая ложь—больше ничего! А теперь еще отецъ. Если бы я не зналъ, какъ трудно отъ него чего-нибудь добиться,—честное слово, я бы подумалъ, что это вы привезли его сюда.

Г-жа Бухнеръ. Ей-Богу, нѣтъ! И это оживило мои надежды. Это не можетъ быть случайность, это—судьба. И оттого отъ всей души прошу я васъ: встрѣтьте вы своего брата дружелюбно, ласково! Если бы вы знали, какъ хорошо онъ всегда говоритъ о васъ, съ какою любовью, съ какимъ уваженіемъ...

Робертъ (перебивая). Ну, и какая же цѣль?

Г-жа Бухнеръ. Т.-е. какъ?

Робертъ. Т.-е. чего ради долженъ я къ нему отнестись дружелюбно, ласково?

Г-жа Бухнеръ. Вы объ этомъ спрашиваете?

Робертъ. Да.

Г-жа Бухнеръ. Ну... прежде всего для того, чтобы не сдѣлать ему тягостнымъ возвращеніе въ родительскій домъ.

Робертъ. О, намъ нѣтъ другъ до друга никакого дѣла, какъ вы, вѣроятно, и предполагаете, а потомъ... впрочемъ, если вы думаете, что отъ появленія въ сихъ комнатахъ зашевелится въ немъ какое-то нѣжное чувство, вы...

Г-жа Бухнеръ. Вашъ братъ—такой хорошій, въ своей основѣ — такой благородный человѣкъ!.. Онъ выдержалъ страшную борьбу, прежде чѣмъ рѣшился на этотъ шагъ. Могу вамъ поручиться, онъ приходитъ сюда съ горячимъ желаніемъ примириться.

Робертъ. Совершенно не понимаю, что̀ это значитъ: примириться! Съ чѣмъ же это хочетъ онъ примириться? Ничего подобнаго не понимаю. Вѣдь мы-то, братья, достаточно понимаемъ другъ друга. Это для меня совершенно

ново. Мнѣ не въ чемъ упрекать его. Съ другой стороны, фактовъ не скроешь. Позвольте васъ спросить: какъ вы полагаете? Питаю я какое-нибудь особое уваженіе къ своему отцу?.. Конечно, нѣтъ!.. Или, можетъ-быть, люблю его?.. Можетъ-быть, испытываю признательность сына?.. Ну, такъ знайте—для всего такого нѣтъ у меня ни малѣйшихъ основаній. Всю жизнь были мы другъ для друга, въ лучшемъ случаѣ, ничѣмъ. А иногда, когда каждый изъ насъ считалъ другого виновнымъ въ своемъ несчастіи, мы даже ненавидѣли другъ друга. Ну, такъ вотъ, вспыхнула та же ненависть между отцомъ и Вильгельмомъ. Вполнѣ это понимаю. Можетъ-быть, только случайность, что я не поступилъ такъ же, какъ Вильгельмъ. Словомъ, я ничего не имѣю противъ него, — notabene,—когда не вижу его. Но какъ только встрѣчусь съ нимъ, летятъ всѣ мои разсужденія къ чорту, и тогда становлюсь я... того... ну, какъ бы это сказать?.. тогда... тогда... вижу я въ немъ только человѣка, который ударилъ по лицу *моего* отца,—не своего, но моего отца.

Г-жа Бухнеръ. О, великій Боже!

Робертъ. И тогда я не могу ни за что поручиться, буквально—ни за что.

Г-жа Бухнеръ. Боже, Боже! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Ударилъ, говорите вы? По л...ицу?.. своего собственнаго отца?

Робертъ. Ну, и такъ дальше...

Г-жа Бухнеръ (почти безсознательно). Боже!.. Великій Боже!.. Но... въ такомъ случаѣ... я хочу... я должна сейчасъ же поговорить съ вашимъ славнымъ, старымъ отцомъ... въ такомъ случаѣ...

Робертъ (глубоко испуганный). Съ кѣмъ?

Г-жа Бухнеръ (почти плача). Съ вашимъ славнымъ, старымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ отцомъ.

Робертъ (хочетъ ее удержать). Ради Бога, что хотите вы?..

Г-жа Бухнеръ. Оставьте меня! Я должна, должна... (Уходитъ по лѣстницѣ).

Робертъ (кричитъ ей вслѣдъ). Г-жа Бухнеръ! (Оборачиваясь) Истерія! Проклятая!

(Онъ пожимаетъ плечами и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; нѣсколько разъ онъ вдругъ начинаетъ бѣжать, точно хочетъ ее догнать, но каждый разъ мѣняетъ это рѣшеніе, наконецъ совсѣмъ отказывается отъ него и заставляетъ себя успокоиться, доводитъ себя до наружнаго равнодушія. Въ этомъ состояніи онъ сначала возится съ трубкою: выколачиваетъ ее, набиваетъ свѣжимъ табакомъ, который вынимаетъ изъ табачницы, закуриваетъ и нѣсколько мгновеній какъ

будто всецѣло отдается наслажденію куреніемъ. Затѣмъ его вниманіе понемногу сосредоточивается на елкѣ и на подаркахъ, разложенныхъ на столѣ. Онъ стоитъ передъ ними, широко разставивъ ноги, все разглядываетъ и нѣсколько разъ горько смѣется, не выпуская трубки изо рта. Затѣмъ вдругъ приходитъ въ изумленіе и, вынувъ трубку изо рта, наклоняется низко къ столу. Выпрямившись, точно только въ это мгновеніе замѣчаетъ, что онъ одинъ въ комнатѣ. Боязливо оглядѣвшись кругомъ, точно воръ, снова наклоняется къ столу, торопливо хватаетъ кошелекъ изъ желтаго шелка, подноситъ его ближе къ глазамъ и затѣмъ—къ губамъ, порывистымъ, страстнымъ движеніемъ. Въ это мгновеніе видна въ немъ вспышка жуткой болѣзненной страстности. Какой-то шумъ пугаетъ его. Онъ сейчасъ же кладетъ кошелекъ на прежнее мѣсто. Робертъ хочетъ уйти потихоньку, идетъ на цыпочкахъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирается исчезнуть въ боковую дверь налѣво, онъ замѣчаетъ, что въ сосѣднюю дверь входитъ г-жа Шольцъ, и, притаившись, останавливается).

Г-жа Шольцъ (тяжелыми шагами, но быстро идетъ черезъ залу къ выходу на лѣстницу. Здѣсь прислушивается).

Робертъ (оборачиваясь). Мать, скажи мнѣ! Чего, собственно, хочетъ эта женщина?

Г-жа Шольцъ (испуганно). О, Господи, Боже мой! Какъ ты напугалъ...

Робертъ. Что... зат... что, собственно, затѣваетъ здѣсь эта Бухнеръ? Я бы очень хотѣлъ знать...

Г-жа Шольцъ. Я бы лучше хотѣла знать... что отецъ... Чего онъ хочетъ?.. Да, скажи мнѣ! Чего... онъ хочетъ?

Робертъ. Не откажешь же ты ему все-таки въ крове?

Г-жа Шольцъ (почти плача, упрямо). Постичь не могу... Вѣдь столько времени не была... я ему нужна... По крайней мѣрѣ, можно было ни отъ кого не зависѣть... Теперь опять начнется все это... Теперь, на старости лѣтъ, опять придется быть точно маленькимъ ребенкомъ, кого-то слушаться.

Робертъ. Ты не можешь не преувеличивать! Всюду одно и то же: надо, во что бы то ни стало, преувеличивать.

Г-жа Шольцъ. Ты только посмотри, что будетъ, когда онъ завтра увидитъ, что оранжерея пустая. Не могу же я держать особаго садовника!.. И муравьиныхъ ящиковъ тоже уже нѣтъ. По мнѣ, совершенно ни къ чему цвѣты, отъ нихъ только головная боль! И эти скверныя насѣкомыя!.. Не знаю, на что они ему. Но почему-то нужно разоряться изъ-за нихъ. Какой подымется гамъ! Я уже боюсь до смерти... Скверно стало жить на бѣломъ свѣтѣ!

Робертъ (пока г-жа Шольцъ говоритъ это, пожимаетъ плечами и хочетъ уйти. При послѣднихъ словахъ останавливается и отвѣчаетъ). А развѣ когда-нибудь было лучше?

Г-жа Шольцъ. Ну, все-таки, я думаю!

Робертъ. Вотъ какъ? Во всякомъ случаѣ, это было до меня. (Уходитъ въ первую дверь налѣво).

Г-жа Шольцъ (снова прислушиваясь у лѣстницы). Когда я вспоминаю... Наверху говорятъ... (Глядитъ наверхъ, видитъ, что одна, снова тревожно вслушивается и наконецъ уходитъ, приложивъ руку къ уху, на лѣстницу. Лицо ея полно тоски, муки и любопытства).

(Въ стеклянную дверь входятъ Ида и Вильгельмъ. Вильгельмъ—средняго роста, сильный, на видъ—здоровый человѣкъ. Низко-остриженная русая голова. Платье на немъ сидитъ хорошо, но безъ щегольватости. Пальто, шляпа, дорожная сумка. Лѣвая рука лежитъ на плечахъ Иды, она обняла его правой рукой. Онъ слегка упирается, она тянетъ его впередъ).

Ида. Ну вотъ видишь, ты ужъ и здѣсь! Главное уже сдѣлано.

Вильгельмъ (тяжело вздохнувъ). О, нѣтъ!

Ида. Можешь мнѣ повѣрить. Твоя мать очень, очень рада. И Густя тоже. (Она стягиваетъ съ него зимнія перчатки). Откуда онѣ у тебя?

Вильгельмъ. Значитъ, ты уже знаешь мою... мать?

Ида. Еще бы, всѣхъ, дорогой мой! Съ сегодняшняго дня мы даже говоримъ другъ другу *ты*.

Вильгельмъ. И что же, какъ? Понравились они тебѣ?

Ида. Отличные, душевные люди,—вѣдь ты самъ знаешь.

Вильгельмъ (съ каждой секундой все смущеннѣе, точно говоря съ самимъ собою). Пора...зительно... (Глаза его падаютъ на елку. Заглядѣвшись на нее, онъ помимо своей воли остановился).

Ида (разстегивая ему пальто). Но, золото мое! Вѣдь не въ первый же разъ видишь ты елку...

Вильгельмъ. Здѣсь—въ первый... И ты не можешь, не можешь почувствовать такъ, какъ я... какъ необычайно...

Ида (снимаетъ съ него пальто. Онъ механически позволяетъ дѣлать это). Прошу тебя, прошу, Вилли! (Стоитъ передъ нимъ съ пальто на рукѣ, со шляпой и сумкой въ рукахъ). Вилли, посмотри на меня! (Желая вызвать въ немъ бодрость). Будь силенъ! (Секунду стоитъ вся вытянувшись, затѣмъ быстро относитъ въ сторону вещи и опять возвращается къ Вильгельму). Ты мнѣ об... обѣщалъ...

Вильгельмъ. Видѣла ты когда-нибудь... Ида... видѣла ты когда-нибудь... склепъ съ вѣнками...

Ида (испуганно). Вильгельмъ! (Бурно обнимаетъ его, внѣ *себя*) Это зло! Это въ самомъ дѣлѣ зло! Въ самомъ дѣлѣ, очень, очень зло...

Вильгельмъ (нѣжно прижимаетъ ее къ себѣ, съ подавляемымъ

волненіемъ). Ахъ, все это совсѣмъ не важно... (Холодно, задумчиво) Ну, ничего, ничего!..

Ида. Вотъ ты какой!

Вильгельмъ (осматривая елку). А такъ, кромѣ этого, все... по-старому... Ида!.. Право, ты должна принять это въ расчетъ!

Ида. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, Вилли! Можетъ-быть, въ концѣ концовъ было бы лучше, если бы... Мама, навѣрное, не знала, что тебѣ будетъ такъ, такъ тяжело, а я... я только думала... потому что мама говорила... я вовсе и не хотѣла. Но теперь... теперь, разъ ты уже зашелъ такъ далеко, будь... слышишь? Сдѣлай для меня!.. Ахъ! (Обнимаетъ его).

Вильгельмъ (котораго рука Иды притянула еще немного впередъ, съ глубокимъ внутреннимъ потрясеніемъ). Каждый шагъ впередъ... Чего только ни пережилъ я здѣсь!

Ида. Только не вороши... не вороши стараго!

Вильгельмъ. Посмотри!.. Теперь мнѣ дѣлается ясно... Твоя мать не должна бы была совѣтовать мнѣ это... Она всегда такая увѣренная, такая... Вѣдь я же зналъ, я говорилъ ей... Но эта наивная, непоколебимая увѣренность... Я не долженъ былъ позволить ослѣпить себя...

Ида. Ахъ, Вилли, какъ тяжело все на тебя дѣйствуетъ. Повѣрь мнѣ, завтра ты будешь говорить иначе... когда опять увидишь ихъ всѣхъ... Ты будешь тогда, по крайней мѣрѣ, правъ передъ самимъ собою. Ты доказалъ, что серьезно хотѣлъ жить въ мирѣ со своей семьей.

Вильгельмъ. Когда видишь все снова... всѣ старыя мѣста... все воскресаетъ... Понимаешь? Прошлое подступаетъ такъ близко, такъ завладѣваетъ... кажется, что... дѣлаешься совершенно безоружнымъ.

Ида (обнимая его со слезами). Когда я вижу тебя такимъ, Вильгельмъ... только не подумай... ради Бога, не подумай, что я побуждала бы тебя, если бы я могла только предполагать... не подумай этого! Мнѣ такъ страшно больно за тебя!

Вильгельмъ. Ида!.. Говорю тебѣ... могу тебя увѣрить, я долженъ бѣжать отсюда... Несомнѣнно!.. Для такого натиска я не выросъ... несомнѣнно! Можетъ-быть, это погубитъ меня... навсегда... Вѣдь ты еще дитя!.. Милое, чистое дитя, Ида. Ты не можешь знать... Слава Богу, что ты даже не можешь подозрѣвать... то, что меня, что человѣка, который близокъ тебѣ... говорю тебѣ... ненависть! злоба!.. едва я вошелъ сюда...

Ида. Хочешь, уйдемъ отсюда? Сейчасъ же уйдемъ?

Вильгельмъ. Да, потому что... въ этой обстановкѣ... даже ты!.. Я ужъ едва отличаю тебя отъ другихъ... Я лишаюсь тебя!.. Я совершаю преступленіе уже однимъ тѣмъ, что *ты здѣсь.*

Ида. Ахъ, если-бъ ты говорилъ, Вильгельмъ, немного яснѣе! Навѣрное, здѣсь произошло что-то ужасное, что...

Вильгельмъ. Здѣсь? Преступленіе! И оно тѣмъ страшнѣе, что не считается преступленіемъ. Здѣсь дали мнѣ жизнь и здѣсь же эту самую жизнь, говорю тебѣ... я могъ бы сказать—портили почти систематически... такъ что она стала мнѣ отвратительной, что я несъ, волочилъ ее, сгибаясь подъ ея тяжестью, какъ вьючное животное... И я спрятался, глубоко зарылся, не знаю, какъ назвать... Но вѣдь страдаешь и не говоря... Ненависть, ярость, раскаяніе, отчаяніе... нѣтъ покоя!.. День и ночь та же жгучая, пожирающая боль... (показываетъ на лобъ) здѣсь!.. (показываетъ на сердце) и здѣсь...

Ида. Что же мнѣ дѣлать, Вильгельмъ? Я уже не рѣшаюсь... что-нибудь посовѣтовать тебѣ... такая я...

Вильгельмъ. Вы бы должны были быть довольны... что я былъ счастливъ вдали. Тамъ, вдали отсюда, все было такъ хорошо, все прошлое такъ поблекло... Теперь только понимаю я, какъ далеко все то ушло отъ меня... (Сломленный напряженіемъ, падаетъ на стулъ).

Ида (подавляя крикъ). Вильгельмъ!

Г-жа Бухнеръ (быстро вбѣгаетъ черезъ арку передъ лѣстницей, бросается къ Вильгельму). Вильгельмъ, выслушайте меня, Вильгельмъ! Подумайте о томъ, о чемъ мы говорили. Теперь... если я дорога вамъ... заклинаю васъ... теперь докажите... Да, я требую... Я, какъ мать моего ребенка, хочу, чтобы вы... Вильгельмъ!.. Отъ васъ зависитъ... отъ васъ одного... Вильгельмъ, вы были страшно виноваты!.. На васъ ужасная вина... Вы узнаете снова радость... Я сдѣлала это... Я говорила съ вашимъ отцомъ. Онъ...

Вильгельмъ (вскакиваетъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія. Голосъ прерывается). Съ от... отцомъ?.. Какъ... съ м...моимъ от... цомъ? (Шатается, точно помѣшанный, хочетъ взять свои вещи).

Ида (страшно испуганная). Виль... В...

Вильгельмъ (знаками объясняетъ, чтобы его не удерживали).

Ида. Ахъ... мама... Вильгельмъ... ты... ты не должна была... сказать ему это такъ сразу.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Вѣдь вы — мужчина! Вы

не могли обманывать насъ... Если есть въ васъ еще хоть искра любви къ намъ... къ Идѣ... Я взываю къ вамъ... Я женщина...

Ида (бросается къ Вильгельму, который уже взялъ свои вещи, и, обвивъ его руками, удерживаетъ его). Ты не долженъ уходить, или я... Мать! Если онъ уйдетъ, и я уйду съ нимъ!

Вильгельмъ. Почему... почему вы скрыли это отъ меня?

Ида. Мы ничего... ты не можешь такъ дурно объ насъ... мы ничего не скрыли.

Г-жа Бухнеръ. Всѣ мы—ваша мать, ваша сестра—также не имѣли никакого понятія... совершенно такъ же, какъ вы сами. Онъ появился лишь нѣсколько минутъ назадъ... не предупредивъ. И тогда я сейчасъ же подумала...

Вильгельмъ. Кто вамъ сказалъ о... *томъ*?

Г-жа Бухнеръ (беря со слезами его руку). Вы страшно, страшно виноваты.

Вильгельмъ. Значитъ, вы знаете?..

Г-жа Бухнеръ. Да, теперь...

Вильгельмъ. Все?

Г-жа Бухнеръ. Да, все... Вотъ видите, я была права... что носили вы какое-то бремя. Это была тайна.

Вильгельмъ. Вы знаете, что я...?

Г-жа Бухнеръ (киваетъ утвердительно головой).

Вильгельмъ. А Ида?.. Должна ли она пасть жертвою такого человѣка... такого, какъ я... она знаетъ?.. И ты, Ида, ты тоже знаешь?

Ида. Нѣтъ, Вильгельмъ... только... знаю я, или нѣтъ... право же, это совершенно безразлично.

Вильгельмъ. Нѣтъ... Эта рука, которую ты... которую ты часто... Эта рука... (Обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ) Вѣдь вы это?..

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Вильгельмъ (Идѣ). Какъ постыдно обманулъ я тебя!.. Не могу этого вынести... Потомъ!..

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Я знаю, чего я хочу, но я... Вы *должны* унизиться передъ вашимъ бѣднымъ отцомъ... Только тогда почувствуете вы себя снова совсѣмъ свободнымъ. Молите его! Просите его! Ахъ, Вильгельмъ, вы должны это сдѣлать! Вы должны обнять его колѣни... И если онъ наступитъ на васъ ногой, — не противьтесь! Не пророните ни слова! Будьте кротки, какъ ягненокъ! Повѣрьте мнѣ—женщинѣ, которая хочетъ вамъ только самаго лучшаго.

Вильгельмъ. Вы не знаете... Вы не понимаете, чего вы отъ меня... О, вы должны благодарить Бога, г-жа Бухнеръ, что Онъ скрылъ отъ васъ вашу собственную жестокость. Пусть это мерзко. Пусть то, что я сдѣлалъ, мерзко. Но то, что я вытерпѣлъ, вотъ тутъ, что я перестрадалъ, какъ боролся съ самимъ собою... Эти ужасныя муки... Все взвалилъ онъ на меня... и наконецъ ко всему еще и эту проклятую вину... И все-таки!.. (Долго, глубоко смотритъ въ глаза Идѣ и приходитъ къ твердому рѣшенію). Можетъ-быть, все-таки мнѣ удастся!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната пуста. Она освѣщается частью краснымъ фонаремъ, спускающимся надъ лѣстницей, но главнымъ образомъ свѣтомъ изъ сосѣдней комнаты, который проникаетъ черезъ открытыя двери налѣво. Въ сосѣдней комнатѣ ужинаютъ, какъ можно судить по звону стакановъ, стуку тарелокъ, ножей и вилокъ.

(Ида, слѣдомъ за ней Вильгельмъ выходятъ изъ сосѣдней комнаты).

Ида. Наконецъ-то! (Привѣтливо) Теперь, Вилли, нужно тебѣ подумать объ отцѣ! Не сердись на меня, но если ты долженъ въ чемъ-то извиниться передъ отцомъ,—не надо ждать, когда онъ спустится внизъ къ тебѣ...

Вильгельмъ. Отецъ хотѣлъ сойти къ ужину?

Ида. Разумѣется. Мама ему...

Вильгельмъ (вдругъ стремительно, въ порывѣ страсти, обнимаетъ Иду и прижимаетъ къ себѣ).

Ида. Ой!.. Ахъ, ты... вдругъ кто-нибудь... Ты мнѣ всѣ волосы...

(Руки Вильгельма безсильно скатываются. Онъ складываетъ руки, опускаетъ голову. Быстро придя въ себя, онъ стоитъ передъ нею, точно пойманный преступникъ).

Ида (поправляя волосы). Какой ты... точно буря...

Вильгельмъ. Ты зовешь это бурей... я называю... совсѣмъ... иначе...

Ида. Ну, Вилли! Чего же ты опять сталъ сразу такой убитый? Право, ничего съ тобою нельзя подѣлать.

Вильгельмъ (судорожно беретъ ея руки, кладетъ ей свою руку на плечо и быстро увлекаетъ ее впередъ по комнатѣ). Ничего нельзя подѣлать... Да, видишь... Именно этого... ничего я такъ не боялся, какъ того, чтобы я... чтобы всѣ твои уси-

лія изъ-за меня не были напрасными... Я такъ отвратительно быстро мѣняюсь! (Показывая на лобъ) Здѣсь никогда не бываетъ спокойно. Въ секунду рѣшаются всѣ судьбы. Я боюсь самого себя. Бѣжать отъ самого себя, — можешь ты себѣ это представить? А вотъ я, понимаешь ты, такъ бѣгу отъ себя... всю свою жизнь.

Ида. Въ концѣ концовъ... Ахъ, нѣтъ, это не годится...

Вильгельмъ. Говори, говори!..

Ида. Иногда... уже нѣсколько разъ думала я... въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ казалось мнѣ, будто... только ты не сердись... будто ничего того, отъ чего ты долженъ былъ бы бѣжать, вовсе и нѣтъ. И я даже... уже...

Вильгельмъ. О, нѣтъ, не вѣрь этому! Слѣдила ты за Робертомъ, видѣла ты?

Ида. Нѣтъ. А что?

Вильгельмъ. Замѣтила ты, какъ онъ со мной поздоровался? Вотъ онъ, видишь, онъ знаетъ, что я долженъ бѣжать. Вотъ этотъ знаетъ меня. Спроси его, — этотъ тебѣ объяснитъ! И онъ этимъ угрожаетъ мнѣ. Ты, ты... это я лучше знаю. Ты только обрати вниманіе, какъ онъ всегда глядитъ на меня! Точно говоритъ: «тебѣ, должно-быть, страшно, ты долженъ бояться». Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, любезный братецъ, все-таки до такой степени мы еще не жалки. Теперь ты, конечно, понимаешь, Ида, что я не долженъ этого допустить... я хочу сказать, не должно быть у тебя на мой счетъ иллюзій. Тутъ возможно только одно: все во мнѣ должно быть открыто передъ тобой... Я добиваюсь этого... И когда ты будешь знать меня всего, тогда... Я хочу сказать, если и тогда я не буду тебѣ противенъ... или если ты... будешь въ состояніи любить меня... тогда... это было бы... тогда воскресло бы во мнѣ что-то... бодрое, гордое.. Тогда могъ бы я жить, даже если бы они всѣ презирали меня... (Ида очень довѣрчиво прислоняется къ нему). А теперь... теперь я и тебѣ... прежде чѣмъ подымусь наверхъ къ отцу... Ты знаешь, что я думаю?!

Ида (наклоняетъ голову).

Вильгельмъ. Теперь ты... я долженъ пересилить себя и сказать тебѣ, что было между мною... и моимъ... отцомъ... Да, Ида, я хочу это сдѣлать... (Они ходятъ, взявъ другъ друга подъ-руку). Ты представь себѣ! Я пріѣзжалъ сюда погостить... нѣтъ... нельзя начинать только съ этого... Нужно начать раньше... Ты вѣдь знаешь, я тогда уже довольно долгое

время самъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни... Да развѣ я тебѣ ничего не разсказывалъ объ этомъ?..

Ида. Нѣтъ... Только спокойнѣе... только, Вилли, не волнуйся напрасно...

Вильгельмъ. Видишь, вотъ тебѣ еще доказательство того, что я—трусъ. До сихъ поръ не хватило у меня смѣлости разсказать тебѣ о моемъ прошломъ. Во всякомъ случаѣ, и на это нужна смѣлость... Чѣмъ-то рискуешь,— и передъ самимъ собою... Все равно! Если бы я не могъ преодолѣть себя въ этомъ, какъ бы нашелъ я въ себѣ силъ—подняться къ отцу?!

Ида. Ахъ, не мучь ты себя!... Теперь столько всего надвигается на тебя.

Вильгельмъ. Тебѣ страшно?.. Какъ? Ты боишься услыхать что-то такое...

Ида. Фу, фу, ты не долженъ такъ говорить!

Вильгельмъ. Ну, итакъ, — представь ты себѣ: тамъ наверху жилъ отецъ. Пока онъ не женился на матери, онъ жилъ одиноко и скоро опять сталъ жить такъ же; опять сталъ вести свою одинокую, уединенную жизнь... Затѣмъ вдругъ набросился на насъ — на Роберта и меня; на Августу онъ не обращалъ никакого вниманія... Каждый день цѣлыхъ десять часовъ корпѣли мы надъ книгами... Когда я вижу, даже теперь, эту тюрьму... Она около его рабочей комнаты... Ты же видѣла!

Ида. Это большая зала наверху?..

Вильгельмъ. Да... Когда мы входили въ эту комнату,— для насъ наступала ночь, хотя бы солнце било яркими лучами въ окна... Ну, вотъ видишь, тогда мы бѣжали къ матери... Мы попросту убѣгали отъ него... И тогда разыгрывались всякія сцены... Мать тащила меня къ себѣ за лѣвую руку, отецъ—за правую... Доходило до того, что Фрибэ хваталъ насъ и волочилъ наверхъ. Мы отбивались, кусали ему руки; конечно, все это ничему не помогало, жизнь наша только дѣлалась еще болѣе несносной... Но мы не хотѣли покориться. И—теперь я знаю это—отецъ началъ насъ ненавидѣть. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ разъ не спустилъ насъ съ лѣстницы. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ насъ переносить, видъ нашъ сталъ ему противенъ.

Ида. Но вѣдь твой отецъ — ты признаёшь это? — хотѣлъ вамъ только добра. Вы должны были много учиться...

Вильгельмъ. Да, пожалуй, до нѣкоторой степени...

тогда были у него хорошія намѣренія. Но въ то время вѣдь мы были мальчиками девяти или десяти лѣтъ. А затѣмъ добрыя намѣренія прекратились. Напротивъ, тогда у него явилось желаніе, чтобы мы совершенно погибли... Да, да! На зло матери... Цѣлыхъ пять лѣтъ были мы всецѣло предоставлены самимъ себѣ... на насъ махнули рукой... Мы стали бандитами и ворами... У меня все-таки еще что-то было,—я набросился на музыку. У Роберта же не было ничего... Но мы набросились и на совсѣмъ другое... и врядъ ли когда-нибудь отдѣлаемся мы отъ послѣдствій этого... Наконецъ отецъ все-таки опомнился. Между нимъ и матерью происходили ужасныя сцены. Насъ забрали и помѣстили въ какое-то учебное заведеніе. Но я уже никакъ не могъ привыкнуть къ тамошней подневольной жизни и бѣжалъ. Тогда отецъ велѣлъ меня поймать и доставить въ Гамбургъ: онъ рѣшилъ сослать негодяя въ Америку... Конечно, негодяй снова бѣжалъ. Я забылъ о существованіи родителей, я голодалъ и собственными кулаками прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. У Роберта была приблизительно такая же жизнь. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ отца такъ и остались мы ни на что негодными людьми... Какъ-то разъ потомъ я былъ настолько наивенъ, что потребовалъ—не попросилъ, а потребовалъ—отъ него поддержки. Я хотѣлъ поступить въ консерваторію. Въ отвѣтъ онъ написалъ мнѣ на открыткѣ: «сдѣлайся сапожникомъ!»... Такимъ-то образомъ, Ида, сдѣлались мы своего рода self made man... Но мы не очень горды этимъ.

Ида. Право, Вилли... право, я не могу иначе... я во всемъ сочувствую тебѣ... но... сейчасъ я не могу въ серьезъ... не смотри на меня такъ странно, прошу тебя... прошу...

Вильгельмъ. Право, это очень печально... а совсѣмъ не смѣшно...

Ида (не умѣя сдержать себя). Это — чувство торжества, Вильгельмъ! Я должна тебѣ сказать... пускай это эгоистично... но я такъ страшно рада... что тебѣ нужно все это... Я хочу такъ любить тебя, Вильгельмъ!.. Я такъ сразу увидала, къ чему, къ какой цѣли стремиться. Ахъ, я совсѣмъ смущена!.. Я очень жалѣю тебя. Но чѣмъ больше жалѣю, тѣмъ сильнѣе моя радость. Понимаешь ты, что я хочу сказать? Я думаю... мнѣ кажется... можетъ-быть, я могла бы тебѣ... все, чего у тебя не было... всю любовь... я хочу сказать... я могла бы тебѣ... такъ полно...

Вильгельмъ. Если бы только я... заслуживалъ... По-

тому что сейчасъ я должепъ разсказать... что̀ касается... меня одного... Нѣсколько лѣтъ назадъ... нѣтъ, т.-е... Я потомъ пріѣхалъ сюда, чтобы навѣстить мать... Пойми это вполнѣ ясно, Ида!.. Когда я снова увидалъ здѣсь все горе... Пойми, пойми вполнѣ... какъ тяжело было мнѣ...

Ида. Твоя мать... очень страдала?

Вильгельмъ. Во многихъ отношеніяхъ я думаю теперь о матери иначе. Но, во всякомъ случаѣ, главная вина лежитъ на отцѣ. Тогда же мнѣ представлялось, что онъ насильно держитъ мать около себя. И я захотѣлъ, чтобы она разсталась съ нимъ.

Ида. Но... этого... твоя мать не могла...

Вильгельмъ. Она и не послушалась меня. У нея не было для того мужества... Теперь... теперь ты, вѣроятно, можешь себѣ представить, какими глазами я смотрѣлъ на отца.

Ида. Послушай, Вильгельмъ, можетъ-быть, все-таки ты не былъ вполнѣ правъ относительно твоего отца...

Вильгельмъ (не обращая вниманія на замѣчаніе Иды). Одинъ разъ... я сдѣлалъ... глупость... У меня былъ другъ... Нѣтъ, чепуха, не другъ... случайный знакомый... музыкантъ... Ну, такъ вотъ, я привезъ его сюда съ собою... Это подѣйствовало освѣжающе на мать... Она играла съ нимъ каждый день... цѣлую недѣлю... въ четыре руки. И вотъ... Это ужасно, волосы встаютъ дыбомъ... Я говорю правду, вотъ какъ то, что я стою передъ тобою... Не было и тѣни чего-нибудь... И въ концѣ недѣли... горничная бросила ей въ лицо... что она...

Ида. Прости!.. Я не п... что̀?..

Вильгельмъ. Будто мать!.. будто она... будто моя мать... ты представь себѣ!.. Они осмѣлились открыто упрекать ее, что она... въ какихъ-то отношеніяхъ... съ... т.-е... я заставилъ говорить... Нахалы!.. Сказали, будто бы кучеръ... Я къ кучеру, и онъ... онъ... онъ прямо заявляетъ мнѣ, что онъ отъ барина... отъ самого барина... Разумѣется... Какъ же могъ я ему повѣрить?!. Или... по крайней мѣрѣ... я отказывался вѣрить... пока я не подслушалъ... разговоръ... какъ отецъ... въ конюшнѣ... говорилъ съ этимъ парнемъ... и... можешь мнѣ... повѣрить... у меня... отнялись руки... когда я... тамъ... услыхалъ... какъ онъ... говоритъ... о... моей... матери...

Ида. Только успокойся... не надо... не волнуйся такъ страшно... Вѣдь ты совсѣмъ...

Вильгельмъ. Не знаю... Знаю только... — захватываетъ насъ что-то... воля... соломинка... Нужно это испытать... Точно что-то рухнуло на меня... Такое состояніе, какъ будто... И въ такомъ состояніи я вдругъ оказался въ комнатѣ отца... Я взглянулъ на него... Онъ что-то... не могу теперь припомнить, — что... И тогда я его... буквально... этими... обѣими... руками... по...ка...ралъ... (Онъ съ трудомъ держится на ногахъ).

Ида (ея глаза полны слезъ; она ихъ вытираетъ, нѣсколько секундъ смотритъ въ упоръ на Вильгельма, блѣдная, потрясенная, затѣмъ, тихо плача, цѣлуетъ его въ лобъ).

Вильгельмъ. Ты милосердна.

(Наверху, на лѣстницѣ, слышенъ голосъ доктора).

Вильгельмъ. Ну, а теперь... (Выпрямляется. Ида еще разъ цѣлуетъ его. Онъ судорожно схватываетъ ея руку. Когда голосъ доктора затихаетъ, изъ сосѣдней комнаты слышенъ веселый смѣхъ).

Вильгельмъ (говоритъ, подразумѣвая и этотъ смѣхъ и приближеніе доктора, спускающіеся шаги котораго слышны на лѣстницѣ). У васъ—поразительная сила! (Они ободряюще жмутъ другъ другу руку, затѣмъ Ида отходитъ отъ Вильгельма. Прежде чѣмъ уйти, она еще разъ оборачивается, беретъ Вильгельма за руку и говоритъ: «Будь твердъ!». Уходитъ).

Д-ръ Шольцъ (еще на лѣстницѣ). Э! Чепуха! Направо, Фрибэ... Э... За локоть... не держать, не держать... Чортъ побери!..

Вильгельмъ (чѣмъ ниже спускается по лѣстницѣ докторъ, тѣмъ сильнѣе возбужденіе Вильгельма. Краски на лицѣ часто мѣняются; проводитъ рукою по волосамъ; глубоко дышитъ; дѣлаетъ такія движенія правой рукой, точно играетъ на роялѣ, и т. д. Ясно видно, какъ борются въ немъ различныя чувства, какъ колеблется онъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ какъ будто уже хочетъ бѣжать, но его приковываетъ къ мѣсту появленіе доктора. Онъ схватился за спинку стула, чтобы удержаться на ногахъ, и стоитъ, дрожа, весь блѣдный. Докторъ также остановился, вытянувшись во весь свой внушительный ростъ, и обмѣриваетъ сына взглядомъ, въ которомъ—испугъ, ненависть и презрѣніе. Тихо. Фрибэ, который также вошелъ въ комнату, поддерживая доктора и свѣтя ему, пользуется этой минутой, чтобы ускользнуть въ кухню. Вильгельмъ, повидимому, съ физической болью переживаетъ душевную борьбу: Онъ хочетъ говорить, но горло сжалось, нѣтъ звука, и только беззвучно шепчутъ что-то губы. Снимаетъ руку со спинки стула и идетъ къ старику. Идетъ неувѣренно, шатается, останавливается, снова хочетъ говорить, но не въ силахъ, плетется дальше и падаетъ, сложивъ руки, къ ногамъ старика. Въ лицѣ доктора послѣдовательно мѣняются выраженія ненависти, изумленія, нарастающаго состраданія, смущенія).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ... мой милый мальчикъ! мой... (Старается поднять его) Встань же... (Беретъ обѣими руками поникшую голову Вильгельма и поворачиваетъ къ себѣ) Погляди

на меня... мальчикъ... погляди же на меня... Ахъ, да что же... съ..?

Вильгельмъ (шевелитъ губами).

Д-ръ Шольцъ (дрожащимъ голосомъ). Что... что... ты говоришь? Я...

Вильгельмъ. От... отецъ... я...

Д-ръ Шольцъ. Какъ?.. Что ты говоришь?..

Вильгельмъ. Я... тебя... тебя... о...

Д-ръ Шольцъ. Глупости, глупости!.. Не будемъ теперь... о такихъ...

Вильгельмъ. Я... съ тобою... какъ преступникъ...

Д-ръ Шольцъ. Глупости! Глупости!.. Я не знаю, зачѣмъ ты... что было—быльемъ поросло. Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, мальчикъ!

Вильгельмъ. Теперь... сними съ меня... сними съ меня эту тяжесть...

Д-ръ Шольцъ. Простилъ и забылъ, мальчикъ! Простилъ и забылъ...

Вильгельмъ. Благодарю... (Глубоко вздохнулъ и потерялъ сознаніе).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ! Да что же это, что ты со мною дѣлаешь!.. Что... (Поднимается, ташитъ упавшаго въ обморокъ къ ближайшему стулу. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ усадить его, быстро входятъ изъ сосѣдней комнаты Ида, Робертъ, Августа, г-жа Шольцъ и г-жа Бухнеръ, изъ кухни—Фрибэ).

Д-ръ Шольцъ. Вина! Скорѣе немного вина! (Ида уходитъ и сейчасъ же возвращается съ виномъ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи, Господи!.. Скорѣе опрыскайте водою!

Д-ръ Шольцъ (вливаетъ ему въ ротъ вина).

Августа. Что такое произошло?

Ида (блѣдная, въ слезахъ, прижимается щекою къ лицу Вильгельма). Холодный, какъ ледъ.

Г-жа Шольцъ. Я хотѣла бы только знать, изъ-за чего мальчикъ такъ взволновался... Мнѣ совершенно...

Робертъ (хватаетъ ее за руку и перебиваетъ). Мать!

Г-жа Бухнеръ. Опрыскать, опрыскать, г. докторъ!

Д-ръ Шольцъ. Шш... шш... Нѣтъ ли у васъ одеколона?

Г-жа Бухнеръ. Есть. (Передаетъ ему флаконъ) Вотъ!

Д-ръ Шольцъ. Благодарю... (Онъ третъ Вильгельму лобъ).

Ида (доктору). Но вѣдь, надѣюсь... не правда ли?.. Это только... (Она рыдаетъ). Ахъ, у него такой страшный видъ... точно... точно мертвый...

Робертъ (утѣшаетъ Иду).

Г-жа Шольцъ. Мальчикъ весь въ поту! (Отираетъ ему лобъ).

Вильгельмъ (зѣваетъ).

Д-ръ Шольцъ. Шшш... (Онъ и всѣ другіе напряженно смотрятъ на Вильгельма).

Вильгельмъ (откашливается, потягивается, открываетъ и сейчасъ же закрываетъ глаза. Точно въ полуснѣ, укладываетъ голову какъ будто для сна).

Д-ръ Шольцъ (внятно). Слава Богу! (Поднимается, отираетъ лобъ платкомъ и, взволнованный, немного смущенный, оглядываетъ окружающихъ. Ида, смѣясь и плача, бросается на шею къ матери. Робертъ едва сдерживаетъ волненіе, стоитъ со сложенными руками и скользитъ глазами послѣдовательно по всѣмъ присутствующимъ. Августа быстро ходитъ взадъ и впередъ, прижимая скомканный платокъ ко рту, и каждый разъ, проходя мимо Вильгельма, на мгновеніе останавливается, испытующе взглядываетъ на него. Фрибэ уходитъ на цыпочкахъ. Взглядъ доктора встрѣчается съ глазами жены. Она робко и несмѣло подходитъ, тихо беретъ его руку и похлопываетъ его по плечу).

Г-жа Шольцъ. Старичокъ мой!..

Августа (подражаетъ матери, обнимаетъ и цѣлуетъ отца. Тотъ позволяетъ, не вынимая руки изъ руки жены).

Августа (обнявъ отца). Мой дорогой папочка!

Робертъ (вдругъ рѣшившись, подходитъ къ отцу и трясетъ ему руку).

Г-жа Шольцъ (выпускаетъ руку доктора и подводитъ къ нему Иду).

Д-ръ Шольцъ (взглядываетъ на Иду, затѣмъ на Вильгельма, потомъ смотритъ вопрошающе на г-жу Бухнеръ).

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Д-ръ Шольцъ (дѣлаетъ движеніе, которое выражаетъ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу что-либо сказать, я, можетъ-быть, ошибаюсь». Затѣмъ протягиваетъ руку дѣвушкѣ).

Ида (подходитъ, беретъ его руку, наклоняется и цѣлуетъ ее).

Д-ръ Шольцъ (испуганно отдергиваетъ руку).

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ. Всѣ пугаются).

Августа (въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, дѣлаетъ знакъ г-жѣ Шольцъ и уходитъ).

Г-жа Шольцъ (дѣлаетъ знаки доктору, которые должны означате: «для больного лучше, если всѣ уйдутъ въ сосѣднюю комнату»).

Д-ръ Шольцъ (киваетъ утвердительно головою и осторожно уходитъ рука объ руку съ г-жою Шольцъ).

Г-жа Бухнеръ (которой Ида даетъ понять, что она хочетъ остаться подлѣ Вильгельма, также уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (тихо). Фрейлейнъ Ида, быть-можетъ, вы... позволите мнѣ подежурить...

Ида (радостно изумленная). Отъ всей души! (Она жметъ ему руку и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (подвигаетъ стулъ къ стулу Вильгельма и опускается на него, смотря на спящаго брата. Черезъ нѣсколько мгновеній вынимаетъ изъ кармана трубку, чтобы закурить, но во-время вспоминаетъ о присутствіи больного и сейчасъ же прячетъ ее назадъ).

Вильгельмъ (вздыхаетъ и потягивается).

Робертъ (тихо и осторожно). Вильгельмъ!

Вильгельмъ (откашливается, съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ онъ, открываетъ глаза и говоритъ послѣ паузы, точно только сейчасъ дошло до него обращеніе Роберта). Да!

Робертъ. Какъ ты себя теперь чувствуешь?

Вильгельмъ (посмотрѣвъ нѣкоторое время съ раздумьемъ на Роберта, говоритъ слабымъ голосомъ). Робертъ?.. Да?..

Робертъ. Да, это я... Робертъ... Ну, какъ мы сейчасъ?..

Вильгельмъ. Хорошо... (Откашливается). Теперь совсѣмъ хорошо... (Онъ принужденно смѣется, дѣлаетъ слабое усиліе подняться и сейчасъ же снова падаетъ).

Робертъ Что ты! Еще слишкомъ рано, да?

Вильгельмъ (утвердительно киваетъ головой, вздыхаетъ, безсильно закрываетъ глаза. Потомъ широко открываетъ ихъ. Спокоенъ, говоритъ тихо, но отчетливо). Что такое, собственно, произошло?

Робертъ. Знаешь, Вильгельмъ, по-моему—самое лучшее—оставимъ пока это, не будемъ касаться... Увѣряю тебя лишь въ одномъ: что мнѣ, во всякомъ случаѣ, это всегда казалось невозможнымъ.

Вильгельмъ (воодушевленно). И мнѣ—также.

Робертъ. Да и какъ бы... а! Чепуха! Этого абсолютно немыслимо было предусмотрѣть! А все-таки случилось.

Вильгельмъ. Да... теперь мнѣ кажется... все болѣе... это... было... такъ хорошо... (Глаза его наполняются слезами).

Робертъ (съ легкой дрожью въ голосѣ). Все-таки мы сентиментальны, какъ женщины... Только одно совершенно несомнѣнно: обвинили мы человѣка... такъ, зря... старика-то мы не знали.

Вильгельмъ. Отца?.. Нѣтъ! Вѣдь всѣ мы — такіе слѣпые, слѣпые!

Робертъ. Да, видитъ Богъ,—это правда...

Вильгельмъ. Какъ все это странно! Вѣдь онъ насъ любитъ! Вѣдь онъ, этотъ старикъ, — такой безгранично-добрый!..

Робертъ. Да, онъ можетъ быть добрымъ; до сихъ поръ я этого не зналъ.

Вильгельмъ. Я начинаю что-то различать сквозь весь этотъ туманъ!..

Робертъ. Какъ тебѣ объяснить... Умомъ... и такъ какъ-то... я уже давно это понялъ. И все такъ и случилось. Я не винилъ отца... Т.-е., я хочу сказать, уже давно пересталъ винить... ни за себя, вообще ни за кого изъ насъ. Но сегодня я это *почувствовалъ*; а это, можешь ты мнѣ повѣрить, совсѣмъ другое... Честное слово, это все во мнѣ спутало... Когда я увидалъ его такимъ... какъ онъ хлопоталъ около тебя... точно что̀ ошеломило меня! И я все время спрашиваю себя: такъ почему же... почему же... Вотъ, вѣдь теперь же это ожило въ насъ, значитъ — было это въ насъ... Такъ почему же раньше не прорвалось это наружу? въ отцѣ, въ тебѣ... и, ей-Богу, и во мнѣ... Жило же это въ насъ! А онъ... я хочу сказать — отецъ, да и мы... столько лѣтъ душили все это въ себѣ...

Вильгельмъ. Теперь стало мнѣ ясно: человѣкъ не только каждому изъ своихъ ближнихъ показываетъ себя съ какой-то особой стороны, но и на самомъ дѣлѣ для каждаго онъ—иной...

Робертъ. Почему же должно быть такъ между нами? Почему непремѣнно должны мы всегда отталкивать другъ друга?

Вильгельмъ. Я тебѣ отвѣчу. Нѣтъ въ насъ сердечной доброты! Возьми, напримѣръ, Иду! То, что̀ ты надумалъ умомъ, въ ней живетъ. Она никогда не судитъ. Все принимаетъ она такъ мягко, съ такимъ состраданіемъ,—все. И это дѣйствуетъ такъ, понимаешь ты,—такъ, что... И это-то, думаю я, и есть...

Робертъ (вставая). Какъ ты себя теперь чувствуешь?..

Вильгельмъ. Такъ свободно...

Робертъ. Э! Къ чему все это!.. Да... Что̀ это я хотѣлъ... сказать?.. Да, можетъ-быть, все у васъ и устроится!

Вильгельмъ. Т.-е. что̀?

Робертъ. Ну, какъ же... ты и Ида... ну, и Ида, разумѣется.

Вильгельмъ. Можетъ-быть... У нихъ у обѣихъ есть сила... и у г-жи Бухнеръ... но главнымъ образомъ у Иды. Я подумалъ, что это могло бы меня спасти... Сначала я противился...

Робертъ (задумчиво). Да, въ нихъ есть... въ нихъ есть сила, и оттого-то... сперва... говоря откровенно... я осуждалъ тебя.

Вильгельмъ. Я это ясно чувствовалъ.

Робертъ. Ты пойми, — я слышалъ о помолвкѣ, затѣмъ увидалъ Иду; бѣгаетъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и поетъ, такъ радостно... безъ какой-нибудь мысли о...

Вильгельмъ (встаетъ). И я понималъ тебя, я даже признавалъ, что ты правъ, чего же ты хочешь!

Робертъ. Ну, конечно! Вѣдь и я тоже... Вѣдь разъ такъ, то это совсѣмъ другое дѣло... Я долженъ согласиться... какъ говорится... вообще... Ну, теперь чувствуешь себя хорошо?

Вильгельмъ. Совершенно.

Робертъ. Значитъ, сейчасъ пойдешь туда?

Вильгельмъ. Хочу только еще... Ступай пока ты!

Робертъ. Хорошо! (Идетъ, затѣмъ возвращается). Послушай! Не могу иначе, долженъ сказать тебѣ, — все твое поведеніе... съ отцомъ... и... вообще — это заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія... Я тоже такъ... обрушился на тебя... со своей проклятой тупостью. А, чортъ бы побралъ! Понимаешь ты, въ первый разъ послѣ стольких лѣтъ почувствовалъ я снова какую-то такую непреодолимую потребность... плюнуть самому себѣ въ лицо! Удовлетворенъ ты, а?.. Да, того... сдѣлай мнѣ еще такое одолженіе... если я тебя... вотъ именно... все время причинялъ тебѣ боль, съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь... Ну, такъ вотъ, — я очень объ этомъ жалѣю! Слышишь!

Вильгельмъ. Братъ! (Они съ чувствомъ жмутъ другъ другу руки).

Робертъ (спокойно вынимаетъ свою руку изъ руки Вильгельма, вытаскиваетъ свою трубку, закуриваетъ, затягивается и говоритъ въ пространство). Акробатскія... души! Пф... пф... Ну, и такъ далѣе. (Поворачивается, чтобы идти. Прежде, чѣмъ открыть дверь въ сосѣднюю комнату, говоритъ черезъ плечо Вильгельму). Я сейчасъ... пошлю ее къ тебѣ!

Вильгельмъ. Нѣтъ... оставь... впрочемъ... если ты...

Робертъ (киваетъ утвердительно головой и исчезаетъ за дверью).

Вильгельмъ (облегченно вздыхаетъ. Имъ овладѣваетъ громадная радость изъ-за того, что произошло).

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты, бросается ему въ объятія). Вилли!

Вильгельмъ. Теперь... теперь... ты... вы обѣ... ваши золотыя души спасли меня. Теперь... иная, новая жизнь!.. Ты не повѣришь, какъ это поднимаетъ меня! Я кажусь себѣ такимъ большимъ!.. О, знаешь... Только теперь вижу я это... Это лежало на мнѣ такимъ гнетомъ... Зато теперь,

теперь и я чувствую въ себѣ силу! Понимаешь, чувствую силу! Ужъ повѣрь мнѣ, теперь я сумѣю! Я покажу ему, на что способенъ никуда негодный! Я докажу отцу. Увидитъ онъ, что есть во мнѣ что-то — есть сила, талантъ, передъ которыми они преклонятся... Самыя упрямыя головы склонятся, чувствую это!.. Только это пригибало меня книзу, повѣрь! А теперь концы пальцевъ такъ и горятъ отъ нетерпѣнія!.. Творить бы теперь, творить!..

Ида. Да, да, правда! Наконецъ-то нашелъ ты опять себя... Любимый мой, я готова кричать отъ восторга... кричать... ликовать... Видишь, какъ я была права: ничто не умерло въ тебѣ! Только дремало! И все проснется, — я всегда говорила тебѣ. Видишь, теперь проснулось...

(Они обнимаются, цѣлуются и идутъ по залѣ, обнявшись, въ нѣмомъ блаженствѣ).

Вильгельмъ (останавливается, смотритъ со счастливымъ изумленіемъ въ глаза невѣстѣ, затѣмъ скользитъ дальше взглядомъ по всей комнатѣ и говоритъ). Точно эти холодныя, какъ ледъ, стѣны наполнила своимъ очарованіемъ весна! (Нѣсколько поцѣлуевъ; прижавшись другъ къ другу, безмолвные отъ счастья, они идутъ дальше).

Ида (тихо поетъ, лукаво намекая на что-то въ прошломъ, какъ будто желая сказать приблизительно слѣдующее: «вотъ видишь, какъ я была права»).

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встаетъ.

Г-жа Шольцъ (входитъ, замѣчаетъ ихъ обоихъ, хочетъ поскорѣе уйти).

Ида (замѣтивъ ее, обрываетъ пѣсенку и подбѣгаетъ къ г-жѣ Шольцъ). Куда вы, мамочка! Не убѣгайте!

Г-жа Шольцъ. Да нѣтъ, зачѣмъ! Я вамъ мѣшаю.

(Вильгельмъ обнимаетъ мать, цѣлуетъ ее и помогаетъ Идѣ втянуть ее въ комнату).

Г-жа Шольцъ (весело). Какой ты неловкій... Право, вы... Вы разорвете мнѣ...

Вильгельмъ. Ахъ, ну, что тамъ, мама! Вѣдь теперь все это неважно. Мама, ты видишь передъ собою другого человѣка. (Онъ стоитъ между матерью и невѣстою, держитъ обѣихъ за руки). Иди сюда, мамочка моя старенькая!.. Поглядите другъ другу въ глаза!.. Вотъ такъ... Протяните другъ другу руку!..

Г-жа Шольцъ. Ахъ, ты, глупенькій!

Вильгельмъ. Поцѣлуйтесь!

Г-жа Шольцъ (вытирая фартукомъ губы). Ну, какой ты глупый!.. Точно ты долженъ насъ... точно мы и безъ тебя... Правда, Ида? (Онѣ смѣются и цѣлуются).

Вильгельмъ. Теперь—миръ!

(Фрибэ идетъ изъ кухни въ сосѣднюю комнату съ дымящеюся миской съ пуншемъ).

Вильгельмъ. Ого!.. Вотъ какъ!.. Что-жъ, Фрибэ, хорошъ пуншъ?

Фрибэ (на ходу). И! Да сколько бы вы меня ни угощали этимъ пойломъ, я бы не взялъ въ ротъ ни глоточка.

Вильгельмъ. Да не можетъ быть, Фрибэ!

Фрибэ. Прежде — пожалуй, а теперь... давно бросилъ... Теперь пью... только... главнымъ образомъ... г...горькую водочку... (Уходитъ).

Ида (поправляетъ Вильгельму галстукъ и сюртукъ). Ну, такъ...

Вильгельмъ. Спасибо, милая!.. Отецъ веселъ?

Г-жа Шольцъ. Да, говоритъ, что... Иногда ничего нельзя у него понять.

Вильгельмъ. Опять такъ хорошо бьется у меня сердце.

Г-жа Шольцъ. Если бы только Робертъ не пилъ такъ много.

Вильгельмъ. Ахъ, мать, сегодня... сегодня ужъ все равно! Сегодня...

Ида. Теперь идемъ скорѣе, прежде чѣмъ тебѣ опять...

Вильгельмъ (г-жѣ Шольцъ). Ты идешь съ нами?

Г-жа Шольцъ. Ступайте, ступайте!

(Ида и Вильгельмъ уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (стоитъ задумавшись, проводитъ рукою по лбу и, охваченная какою-то неожиданною мыслью, подходитъ къ дверямъ сосѣдней комнаты и прислушивается).

Фрибэ (входитъ черезъ ту же дверь. Онъ замѣтно подъ хмелькомъ). Г-жа докторша!

Г-жа Шольцъ. Что вамъ?

Фрибэ (таинственно-лукаво). Чудеса, г-жа Шо-ольценъ.

Г-жа Шольцъ (испуганно). Вы слишкомъ много выпили! Вы...

Фрибэ. Я... ужъ... того... подсматривалъ... на всяческіе лады, говорю я... и долженъ вамъ доложить...

Г-жа Шольцъ. Ну, хорошо, хорошо! Только говорите скорѣе, что тамъ такое...

Фрибэ. Я... того... думаю только, что...

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Фрибэ, да говорите же!..

Фрибэ. Я только думаю, что... не годится это... Въ этой д...должности... много есть такого... о чемъ я долженъ мол-

чать... Я только думаю... Вашъ мужъ... нѣтъ, того, недолго ему жить...

Г-жа Шольцъ. О, Господи Іисусе! Развѣ онъ вамъ... О, Іисусе!.. Развѣ онъ на что-нибудь жаловался? Развѣ онъ боленъ?..

Фрибэ. Да, кое-на-что... Вѣдь я же понимаю!

Г-жа Шольцъ. На что же онъ жалуется?

Фрибэ. Но... я не долженъ бы... говорить...

Г-жа Шольцъ. Что̀ же, это серьезно? (Фрибэ утвердительно киваетъ головой). Но неужели же онъ говорилъ о смерти?

Фрибэ. Онъ даже... еще больше... Онъ приготовилъ себѣ такія вещи... только...

Г-жа Шольцъ. Да говорите вы, наконецъ, яснѣе!.. До чего напивается этотъ человѣкъ!..

Фрибэ (сердито). Все я... и садовникъ... и сапоги чищу... и все, что̀ угодно... Нѣ...ѣтъ!.. Я не гожусь на всякую должность... Что̀ относится къ этой должности... Нѣ...ѣтъ!.. Ну, теперь вамъ... все... ясно... И кончено! (Поворачивается и уходитъ въ кухню).

Г-жа Шольцъ. Онъ съ ума сошелъ.

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты черезъ дальнюю дверь и запираетъ ее за собой. Затѣмъ, немного спустя, опять открываетъ и кричитъ въ ту комнату). Подождите, господа! ждите спокойно, терпѣливо!

Вильгельмъ (вбѣгая). Я хочу тебѣ помочь!

Ида. Только больше никого! (Ида и Вильгельмъ зажигаютъ елку).

Г-жа Шольцъ. Вильгельмъ!.. Послушай-ка...

Вильгельмъ (продолжаетъ зажигать свѣчи). Сейчасъ, мамочка!.. Мы сейчасъ кончимъ...

(Свѣчи на елкѣ, люстрѣ и жирандолѣ зажжены. Ида снимаетъ большую скатерть, которой покрыты подарки на столѣ).

Вильгельмъ (подходитъ къ матери).

Ида (кричитъ черезъ дверь въ столовую). Теперь можно.

Г-жа Шольцъ (хочетъ что-то сообщить Вильгельму, но останавливается, видя, что вошелъ д-ръ Шольцъ. За нимъ входятъ Августа, Робертъ и г-жа Бухнеръ).

Д-ръ Шольцъ (лицо его покраснѣло отъ вина. Восклицаетъ съ аффектированнымъ изумленіемъ). А! а!

Г-жа Бухнеръ. Сказочно!

Августа (начинаетъ смѣяться).

Робертъ (обходитъ комнату съ трубкой во рту. Сначала смущенъ, затѣмъ смѣется все съ большею ироніею).

Ида (подводитъ Вильгельма, который этимъ весьма смущенъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ подарки). Только не подымай меня на смѣхъ, Вилли! (Протягиваетъ ему кошелекъ).

Вильгельмъ. Ну, зачѣмъ это, Ида!.. Я же просилъ тебя...

Ида. Я какъ-то связала для папы. Въ послѣдній годъ передъ смертью онъ часто носилъ его. Я и подумала...

Вильгельмъ (всѣ смотрятъ на него, и онъ приходитъ отъ ихъ взглядовъ все въ большее замѣшательство). Да, да, конечно... очень благодарю тебя, Ида!

Робертъ. Подарки должны бы быть попрактичнѣе

Г-жа Шольцъ (которую г-жа Бухнеръ также подвела къ столу). Ну, къ чему ты это?.. Я же ничего не могу вамъ... у меня нѣтъ для васъ ничего... (Г-жа Бухнеръ подаетъ ей вязаный платокъ). Нѣтъ... нѣтъ... неужели ты... пожалуйста! Ты это связала для меня?.. Скажи... для меня, для старухи? Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! (Цѣлуются).

Г-жа Бухнеръ. Ахъ, я... такъ рада, если тебѣ понравилось.

Г-жа Шольцъ. Великолѣпно! Очаровательно! Замѣчательно красиво! Сколько нужно было надъ этимъ работать!..

Ида. И вамъ я хотѣла бы, г. Робертъ... Только не смѣйтесь надъ мной!

Робертъ (краснѣя все сильнѣе). Э... къ чему это!

Ида. Я подумала... Ваша трубка... она скоро будетъ обжигать вамъ кончикъ носа... Ну, я и сжалилась надъ вами и вчера наскоро... (Она показываетъ трубку, которую держала за спиною, и передаетъ ему). Вотъ эта замѣчательная вещь.

(Всѣ очень веселы).

Робертъ (не беря у нея трубки). Вы шутите, фрейлейнъ!

Ида. Ну, вотъ! Дарю это вамъ совершенно серьезно.

Робертъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю!

Г-жа Шольцъ (говоритъ тихо, но раздраженно Вильгельму). Робертъ невыносимъ!

Ида. Ну, право же!

Робертъ. Видите ли... къ этой вотъ штукѣ... я такъ привыкъ... Да вѣдь и вы только шутите!

Ида (глаза у нея полны слезъ. Старается побѣдить свое огорченіе, говоритъ дрожащимъ голосомъ). Ну, конечно, разъ вы думаете... (Кладетъ трубку назадъ на столъ).

Г-жа Бухнеръ (во время этого разговора нѣсколько разъ негромко подзывала къ себѣ Иду, теперь сама поспѣшно подходитъ къ ней). Идочка... развѣ ты забыла?

Ида. Что̀, мама?

Г-жа Бухнеръ. Да вѣдь ты же знаешь! (Обращаясь къ другимъ) Теперь вы должны еще выслушать...

Ида (обрадовавшись, что можетъ такимъ образомъ скрыть свое волненіе, слѣдуетъ за матерью, которая взяла ее за руку, въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (Роберту). Почему ты испортилъ ей радость?

Вильгельмъ (ходитъ взволнованный по комнатѣ, нервно пожевывая концы усовъ, и бросаетъ угрожающіе взгляды на Роберта).

Робертъ. Т.-е. какъ, т.-е. чѣмъ? Я совершенно не понимаю, что̀ ты хочешь сказать?

Августа. Ну, очень любезно это, во всякомъ случаѣ, не было!

Робертъ. Оставь меня въ покоѣ! И вообще какое мнѣ до всего этого дѣло?

(Этотъ разговоръ прерывается пѣніемъ и звуками рояля изъ сосѣдней комнаты. Всѣ смотрятъ испуганно другъ на друга).

Голосъ Иды:

О, дѣти! Спѣшите
Вы къ яслямъ скорѣй
Среди вифлеемскихъ
Пустынныхъ полей!
Священною ночью
Съ небесныхъ высотъ
Великую радость
Создатель намъ шлетъ... *)

Д-ръ Шольцъ (дѣлавшійся все мрачнѣе отъ поведенія Роберта. При началѣ пѣнія онъ боязливо озирается кругомъ, какъ человѣкъ, который боится, что на него нападутъ, и старается, по возможности незамѣтно, сдѣлать такъ, чтобы было извѣстное разстояніе между нимъ и каждымъ изъ присутствующихъ).

Г-жа Шольцъ (едва началось пѣніе). Ахъ, какъ красиво! (Одно мгновеніе внимательно вслушивается, затѣмъ разражается рыданіями).

Робертъ (медленно двигается. Когда пѣніе началось, лицо его выражаетъ: «Ну, теперь довольно!». Идетъ дальше, иронически усмѣхается и нѣсколько разъ качаетъ головой. Проходя мимо, говоритъ что-то вполголоса Августѣ).

Августа (все болѣе растроганная, громко вскрикиваетъ).

Вильгельмъ (До сихъ поръ стоялъ, опершись о столъ, во власти противоположныхъ чувствъ, и нервно барабанилъ пальцами по крышкѣ стола; теперь лицо его заливается краскою негодованія).

Робертъ (подъ конецъ пѣнія, повидимому, испытываетъ отъ звуковъ физическое страданіе. Невозможность высвободиться изъ-подъ ихъ впечатлѣнія, повидимому, терзаетъ его и все больше наполняетъ

---

*) Стихотворный переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія *Б. П. Никоновымъ*.

горечью. Сейчасъ же послѣ того какъ кончилась строфа, у него непроизвольно вырываются, точно обрывокъ какого-то внутренняго монолога, слова: «Дѣтская комедія». Онъ говоритъ ихъ зло, презрительнымъ тономъ).

(Всѣ, и докторъ въ томъ числѣ, разслышали эти слова и въ ужасѣ смотрятъ на Роберта).

Г-жа Шольцъ. } Робертъ!
Августа. }

Д-ръ Шольцъ (подавляетъ въ себѣ приступъ раздраженія).

Вильгельмъ (блѣдный отъ ярости, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Роберту).

Г-жа Шольцъ (бросается къ нему, обнимаетъ). Вильгельмъ! Если ты меня любишь!..

Вильгельмъ. Хорошо, мама! (Онъ ходитъ возбужденный по комнатѣ, стараясь пересилить себя. Въ этотъ моментъ начинается вторая строфа. Едва касаются его слуха первые звуки, складывается въ немъ какое-то рѣшеніе, и онъ идетъ, подъ его вліяніемъ, къ дверямъ въ сосѣднюю комнату).

На сѣнѣ лежитъ Онъ
Подъ кровомъ глухимъ,
Іосифъ съ Маріей
Любуются Имъ...
Съ мольбой преклонился
Трудящійся людъ,
И ангелы въ небѣ,
Ликуя, поютъ.

Г-жа Шольцъ (становится ему на дорогѣ). Вильгельмъ!.. Что ты дѣлаешь!

Вильгельмъ (вспыливъ). Пусть онъ перестанутъ пѣть!

Августа. Ты съ ума сошелъ!

Вильгельмъ. Оставьте меня! Говорю вамъ, пусть онѣ перестануть!

Г-жа Шольцъ. Ну, послушай... Ты въ самомъ дѣлѣ... Хорошо же, но, въ такомъ случаѣ, ты сегодня вечеромъ меня уже не увидишь.

Робертъ. Оставь, мать! Не мѣшай ему! Это его частное дѣло.

Вильгельмъ. Не заходи такъ далеко! Совѣтую тебѣ! Ты прежде разыгралъ передо мною трогательную сцену,—и оттого ты только отвратительнѣе.

Робертъ. Совершенно правильно: трогательную сцену... Самъ того же мнѣнія...

Вильгельмъ (снова хочетъ идти въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (удерживая его). О, Господи, Господи, Господи! Зачѣмъ ты хочешь, мальчикъ, ее...

(Кончается вторая строфа).

Вильгельмъ. Потому что всѣ вы недостойны ея.

Робертъ (подступая вплотную къ Вильгельму, смотря ему въ глаза дерзкимъ, многоговорящимъ взглядомъ). Что-жъ, ты, можетъ-быть, достоинъ?

Г-жа Шольцъ. О, Іисусе! Не надо! Опять вы Богъ знаетъ до чего дойдете...

И радостно дѣти
Спѣшатъ въ Божій домъ
И съ медомъ, и съ масломъ,
И съ теплымъ млекомъ.
И пурпурно-алыхъ
Приносятъ плодовъ,
И бѣлаго агнца
Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ...

Вильгельмъ. Пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ (опять удерживая его). Мальчикъ!

Вильгельмъ. Прямо... слишкомъ унизительно! Это—кощунство. Мы совершаемъ преступленіе относительно этихъ людей, если мы... я... Клянусь честью, я краснѣю отъ стыда за всѣхъ васъ!..

Августа (задѣтая). Ну, въ концѣ концовъ не такъ ужъ мы особенно скверны, не такъ презрѣнны...

Вильгельмъ. Августа!.. Мнѣ такъ отвратительно!..

Августа. Ну что-жъ! Да, да, теперь вотъ вдругъ скатилась куда-то въ самый низъ. Теперь можно послать сестру ко всѣмъ чертямъ. И то гадко, и это скверно. Но фрейлейнъ Ида...

Вильгельмъ (внѣ себя, перебиваетъ ее). Не смѣй произносить это имя!

Августа. Ахъ, вотъ какъ! Я объ Идѣ, конечно...

Вильгельмъ. Оставь ее, говорю тебѣ!

Августа. Ты, должно-быть, съ ума сошелъ? И все-таки я... Вѣдь и она тоже—не какой-то ангелъ небесный...

Вильгельмъ (кричитъ). Молчи, говорю я тебѣ!

Августа (поворачивается къ нему спиной). Ахъ, да что тамъ, просто—ты влюбленъ.

Вильгельмъ (грубо, схвативъ Августу за плечо). Слушай, ты! Я...

Робертъ (схватываетъ Вильгельма за руку, говоритъ холодно, отчеканивая каждое слово). Вильгельмъ!.. Опять... ты... собираешься?..

Вильгельмъ. О, дьяволъ!

Августа. Это говоришь ты?.. Фу! Ты?! Ты, поднявшій руку на родного отца.

Д-ръ Шольцъ (гнѣвнымъ голосомъ, рѣзко-повелительнымъ тономъ). Августа! Уйди! Сію секунду!

Августа. Но... я хотѣла бы знать...

Д-ръ Шольцъ. Ты уйдешь сію же секунду!

Г-жа Шольцъ. О, Боже милосердый, почему не возьмешь ты меня къ Себѣ! (Со слезами) Августа, слышишь! Повинуйся отцу!

Робертъ. Э... мать!.. Я бы очень осудилъ ее за это. Вѣдь она уже не дѣвочка. Теперь, ей-Богу, уже совсѣмъ не тѣ времена, чтобы...

Д-ръ Шольцъ. Но я-то—все тотъ же! Я хозяинъ въ домѣ. Я докажу вамъ это!

Робертъ. Смѣшно!

Д-ръ Шольцъ (кричитъ). Раз...бойники и... убій...цы!!. Я лишаю васъ наслѣдства! Я вышвырну васъ на улицу!

Робертъ. Это просто смѣшно.

Д-ръ Шольцъ (побѣждаетъ въ себѣ вспышку страшнаго гнѣва и говоритъ съ наводящимъ ужасъ спокойствіемъ и твердостью). Ты или я, одинъ изъ насъ оставитъ этотъ домъ... сейчасъ же.

Робертъ. Конечно, я... съ великой радостью.

Г-жа Шольцъ (полуприказывая, полупрося). Робертъ, ты останешься!

Д-ръ Шольцъ. Онъ уйдетъ.

Г-жа Шольцъ. Фрицъ! Послушай, что я скажу! Онъ одинъ... за долгіе одинокіе годы не забывалъ онъ насъ... онъ...

Д-ръ Шольцъ. Онъ или я!..

Г-жа Шольцъ. Уступи, Фрицъ, сдѣлай это ради меня!

Д-ръ Шольцъ. Оставь меня! Онъ или я!

Г-жа Шольцъ. Ахъ... Вѣдь вы можете даже не встрѣчаться... можно все такъ устроить... Но...

Д-ръ Шольцъ. Хорошо. Я уступаю... Уступаю тебѣ и твоей шайкѣ... Ты и твоя шайка—вы всегда побѣждали!

Вильгельмъ. Останься, папа! А если ты уйдешь, позволь и мнѣ на этотъ разъ уйти вмѣстѣ съ тобою.

Д-ръ Шольцъ (невольно отодвигаясь отъ него въ гнѣвѣ и ужасѣ). Оставь ты меня въ покоѣ... негодяй! (Ничего не сознавая, ищетъ свои вещи). Бандиты и тунеядцы!.. Негодяи!

Вильгельмъ (вспыхнувъ). Отецъ!.. Такъ называешь ты насъ... да вѣдь это ты же насъ... Ахъ, нѣтъ, папа, нѣтъ, вовсе не то хочу я сказать! Позволь мнѣ уйти съ тобою, я хочу быть подлѣ тебя, позволь мнѣ исправить все, что я... (Положилъ руку на плечо отца).

Д-ръ Шольцъ (отступаетъ, точно разбитый испугомъ и отвра-

щеніемъ). Оставь! Говорю тебѣ... Всѣ козни преслѣдователей, можетъ-быть, будутъ... навѣрное будутъ посрамлены! Неужели вотъ эти люди... эти сильные... И неужели эти сильные люди... мужчины?.. Человѣкъ, на которомъ, какъ на мнѣ, есть вина, но во всемъ остальномъ вполнѣ... и... насквозь... и, однимъ словомъ...

Вильгельмъ. Отецъ! Отецъ! Папа! Приди въ себя, приди же въ себя!

Д-ръ Шольцъ (качаясь въ тактъ словамъ, вполголоса) И, однимъ словомъ... и вполнѣ...

Вильгельмъ (обнимая его, съ инстинктивнымъ желаніемъ утишить его порывъ). Приди въ себя! Возьми себя въ руки!

Д-ръ Шольцъ (защищаясь, какъ дитя). Ахъ, не бей меня! Не наказывай меня!..

Вильгельмъ. Но, ради Бога...

Д-ръ Шольцъ. Не бей!.. Не бей... опять... (Дѣлаетъ мучительное усиліе высвободиться изъ объятій Вильгельма).

Вильгельмъ. Пусть отсохнетъ моя рука... Папочка, не думай... Папочка, повѣрь...

Д-ръ Шольцъ (высвободился и бѣжитъ, крича о помощи. Вильгельмъ за нимъ).

Вильгельмъ. *Ты* ударь меня! Ударь *ты!*

Д-ръ Шольцъ Сюда, сюда, сюда!.. Помогите!..

(Ида въ дверяхъ сосѣдней комнаты, смертельно блѣдная).

Вильгельмъ (настигаетъ отца и снова обнимаетъ его). Ударь ты меня!

Д-ръ Шольцъ (падаетъ подъ объятіями Вильгельма на стулъ). Я... а... ахъ!.. А... ахъ!.. Я... кажется... я... конецъ мой... смерть...

Вильгельмъ. Отецъ!

(Г-жа Шольцъ и Августа въ отчаяніи бросаются другъ другу въ объятія. Робертъ, смертельно блѣдный, не тронулся съ мѣста. Лицо его выражаетъ непоколебимую твердость).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ залѣ—полумракъ. Свѣчи погасли, кромѣ немногихъ въ люстрѣ и одной на елкѣ. У стола, ближе къ печкѣ, спиною къ сосѣдней комнатѣ, сидитъ Вильгельмъ, опершись на локти, ушедшій въ мрачныя, безпросвѣтныя думы. Изъ сосѣдней комнаты одновременно входятъ Робертъ и г-жа Шольцъ.

Г-жа Шольцъ (изнемогающая, подавленнымъ голосомъ). Нѣтъ,

мальчикъ!.. Не затѣвай исторій! Теперь... ужъ не знаешь, куда и дѣваться... Если и тяжело, ну, что же дѣлать.

Робертъ. Но вѣдь ты не одна, мать!

Г-жа Шольцъ. Только скажи ты мнѣ!.. Не можетъ же это быть, чтобы ты серьезно! Вѣдь безуміе это! Ну, куда ты сейчасъ пойдешь, ночью?

Робертъ. Ну, это-то пустяки! Поѣздовъ сколько угодно,— а отсюда я долженъ бѣжать! На этотъ разъ я дѣйствительно ужъ не могу больше выдержать,—да вообще... для всѣхъ насъ это будетъ самое лучшее!

Г-жа Шольцъ (слезливо). Въ послѣдніе годы было все время такъ хорошо. Я же говорила, — надо было опять пріѣхать этимъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь Бухнеры, опять все перепуталось, все.

Робертъ. Будь рада, мать, что онъ подлѣ тебя!

Г-жа Шольцъ. Э, все это я отлично могла бы и сама сдѣлать.

Робертъ. Я думаю, онъ... отецъ... не потерпитъ никого изъ насъ около себя?!

Г-жа Шольцъ (плача). Точно я ему сдѣлала что-нибудь дурное... А вѣдь я... навѣрное... всегда... была такая... Я всегда дѣлала, что только могла... Будь справедливъ, Робертъ!.. Я готовила ему его любимыя кушанья... и теплые чулки были у него...

Робертъ. Ахъ, оставь это, мать!.. Чему помогутъ эти безконечныя причитанія?!

Г-жа Шольцъ. Да, это ты говоришь... Хорошо тебѣ говорить!.. А когда всю жизнь бьешься... ломаешь голову, какъ бы это все сдѣлать получше... и вдругъ приходятъ какіе-то чужіе люди, и имъ оказывается предпочтеніе...

Робертъ. Ида все еще около него?

Г-жа Шольцъ. Совершенно чужой человѣкъ... Ахъ!.. лучше бы мнѣ умереть... И этотъ негодяй!.. Этотъ Фриба!.. Что только онъ раздѣлываетъ!.. Но Густя ему показала!.. Августа выложила ему всю правду!.. Этотъ мужикъ смѣетъ... Онъ прямо выгналъ ее изъ комнаты. Дѣвочка была внѣ себя... Вѣдь это же его дочь... Нѣтъ... знаете, дѣти... никому не пожелала бы я того, что перенесла я въ своей жизни.

Робертъ (невольно, съ легкимъ вздохомъ). И отецъ также.

Г-жа Шольцъ. Что?

Робертъ. Ничего. Я только сказалъ: и отецъ тоже.

Г-жа Шольцъ. Что—тоже?

Робертъ. Ну, и отецъ тоже немало перенесъ.

Г-жа Шольцъ. Только ужъ, навѣрное, не изъ-за меня. На меня онъ не очень-то обращалъ вниманіе, и я-то ужъ навѣрное ничего не требовала.

Робертъ (скептически). Ну-у...

Г-жа Шольцъ. Вотъ подожди, когда я буду лежать въ гробу, тогда вы поймете...

Робертъ. Ахъ, мать, перестань!.. Я слышалъ это ужъ сотню разъ.

Г-жа Шольцъ. Хорошо, пускай! Вы еще увидите... и замѣтъ... очень скоро.

Робертъ. Ахъ, мать, да я же вовсе и не спорю, что тебѣ пришлось много вытерпѣть... отъ отца... Вы оба страдали... Я, право, не понимаю, зачѣмъ ты мнѣ это...

Г-жа Шольцъ. Глупыя слова!.. Чего же такого ему не хватало, хотѣла бы я знать?

Робертъ (рѣшительно). Если ты непремѣнно хочешь знать,—изволь: чтобы его понимали!

Г-жа Шольцъ. Что-жъ, какая есть, я не могу себя сдѣлать умнѣе.

Робертъ. Да никто этого и не требовалъ. Вообще... вообще глупо опять такъ много говорить объ этомъ.

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, ну вотъ... (Со слезами) Въ концѣ концовъ оказывается, что это я виновата, что онъ заболѣлъ, что...

Робертъ. Да я вовсе и не говорилъ этого.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, это именно ты и сказалъ.

Робертъ. Ахъ, мать!.. Лучше я уйду... я... право, мать, не въ силахъ я больше...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ!.. Хотѣла бы я знать... въ чемъ я должна упрекать себя... Моя совѣсть чиста.

Робертъ. Ну, и оставайся съ нею! Пожалуйста! Прошу тебя,—довольно!

Г-жа Шольцъ. Ты, можетъ-быть, имѣешь въ виду исторію съ деньгами?

Робертъ. Да не имѣю я въ виду никакой исторіи!

Г-жа Шольцъ. Мои родители заработали ихъ тяжелымъ трудомъ... Какая женщина допустила бы это? Твой отецъ бросилъ ихъ за окно.

Робертъ. Но вѣдь это твой дядя обманулъ тебя.

Г-жа Шольцъ. Этого никто не могъ знать.

Робертъ. И именно отецъ опять вернулъ эти деньги!

Г-жа Шольцъ. Но вѣдь онъ такъ же легко могъ бы и потерять все.

(Робертъ горько смѣется).

Г-жа Шольцъ. Конечно, я—человѣкъ простой... отецъ былъ для меня слишкомъ важный... Въ его матери тоже было что-то важное. А мой отецъ былъ раньше совсѣмъ бѣдный... И во мнѣ течетъ кровь бѣдности! Я не могу себя передѣлать. Ну что-жъ,—на годъ-другой еще хватитъ, а потомъ милосердый Богъ во-время избавитъ меня.

Робертъ. Лучше бы отъ Бога избавиться!

Г-жа Шольцъ. Фу! Только негодяй можетъ говорить такъ. Ахъ!.. избавиться отъ Бога... тогда лучше возьму я иглу и воткну себѣ... сюда... въ сердце... подъ ребра. Какъ это отвратительно—избавиться отъ Бога! Что бы сталось со мною, если бы не было у меня моего Господа!.. Что же, Робертъ, ты серьезно хочешь уйти?

Робертъ (уже на лѣстницѣ). Ахъ, молчи ужъ, мать! Покой нуженъ мнѣ... покой. (*Уходитъ*).

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно!.. Ну, конечно!.. Какъ тяжело отъ васъ жить! (Обращаясь къ Вильгельму, который по-прежнему сидитъ у стола, безучастный къ происходящему) Нѣтъ, ты представь себѣ только: Робертъ хочетъ уйти!

Вильгельмъ. Ну такъ что-жъ!

Г-жа Шольцъ. Да скажи ты мнѣ,—чего ты все сидишь такъ? Вѣдь ничему этимъ не поможешь! Будь же благоразуменъ!

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ). Ахъ, да!

Г-жа Шольцъ. Что пользы отъ того, чтобы вздыхать! Погляди на меня!.. Я—старуха... Если бы я захотѣла засѣсть на одномъ мѣстѣ, вотъ какъ ты... Что случилось — случилось... Ужъ не передѣлаешь этого. Послушай! Ну, почитай что-нибудь!.. Встань, возьми книгу, разсѣйся немного!

Вильгельмъ (со вздохомъ). Ахъ, мать!.. Оставь ты меня! Я же никому не мѣшаю!.. Вернулся Фрибэ отъ врача?..

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ еще. Я же говорю, когда нуженъ врачъ, ужъ навѣрно ни одного не найдешь.

Вильгельмъ. Это опасно, а? Или можетъ стать опаснымъ?

Г-жа Шольцъ. Господи, кто же можетъ это знать!

Вильгельмъ (смотритъ на мать, затѣмъ вдругъ всхлипываетъ, опустивъ голову на руки).

Г-жа Шольцъ. Да, да, мой мальчикъ... Кто бы могъ подумать?.. Я не хочу сказать, я никого не хочу винить...

но сегодня вамъ бы не надо было опять ссориться... Ну, будемъ надѣяться на лучшее... По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ бредить... Только бы вотъ Ида чего-нибудь не спутала!.. Каждый изъ насъ во сто разъ опытнѣе... Почему же вотъ къ Идѣ онъ относится дружелюбно?.. Вѣдь я тоже не кусаюсь!.. Конечно, Ида очень славная дѣвочка, это правда... Ну, чего ты!.. (Похлопывая его по головѣ) Ты можешь возблагодарить Господа... Нескоро найдешь ты такую, какъ Ида... (Осторожно, дружелюбно) Скажи-ка мнѣ... что̀ Бухнеры... хорошее у нихъ положеніе?..

Вильгельмъ (вспыливъ). Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ!.. Почемъ я знаю!.. Что̀ мнѣ за дѣло до этого?

Г-жа Шольцъ. Ну, чего ты опять?!. Неужели нельзя и спросить?.. Ахъ, ты, брюзга!

Вильгельмъ. Ахъ, мама... пощади ты меня!.. Если есть въ тебѣ хоть тѣнь состраданія ко мнѣ,—оставь меня!.. Не безпокойся обо мнѣ... оставь...

Г-жа Шольцъ. Ну, еще бы, конечно!.. Я всегда стою вамъ поперекъ дороги... Такая старуха,—она только на-то и годится, чтобы вытолкать ее вонъ.

(Изъ сосѣдней комнаты быстро выходятъ Августа и г-жа Бухнеръ).

Августа. Мать!

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Что̀ такое?

Августа. Фрибэ сейчасъ вернулся.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не привелъ съ собою врача.

Августа. Отецъ спросилъ его, и онъ сказалъ...

Г-жа Бухнеръ. Онъ не желаетъ никакого врача!

Августа. Онъ такъ ужасно ругается... хочетъ вышвырнуть его вонъ.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не хочетъ идти еще разъ.

Августа. Поговори ты опять съ Фрибэ!

Г-жа Бухнеръ. Да, поговори ты съ нимъ! Вѣдь страшно необходимо, чтобы...

Августа. Врачъ долженъ придти... А то я сама побѣгу за нимъ. Я не боюсь, хотя бы пришлось бѣжать до Фридрихсгагена.

Г-жа Шольцъ. Ну да. Еще бы! Сейчасъ, ночью... Постой, постой... я сдѣлаю! (Г-жа Шольцъ, г-жа Бухнеръ и Августа быстро уходятъ назадъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Бухнеръ (сейчасъ же возвращается. Еще прежде, чѣмъ уйти, она украдкою, съ тоскою нѣсколько разъ взглядывала на Вильгельма. Вильгельмъ все еще остается на своемъ мѣстѣ, безмолвный и мрачный. Оглядѣвъ комнату, г-жа Бухнеръ убѣдилась, что нѣтъ ни-

кого, кромѣ нея и Вильгельма. Сначала быстро, затѣмъ все болѣе колеблясь, подходитъ она къ Вильгельму).

Вильгельмъ (замѣтивъ ея приближеніе, поднимаетъ голову). Чего вы хо... хотите? Я же... я вамъ... уже раньше все сказалъ.

Г-жа Бухнеръ. Но я не хотѣла вамъ вѣрить... Я не могла себѣ представить...

Вильгельмъ. А теперь... вѣрите?!.

Г-жа Бухнеръ. Я... не... знаю...

Вильгельмъ. Зачѣмъ вы меня обманываете?.. Скажите же... спокойно—да. Вѣдь было же... было до смѣшного очевидно... что должно это случиться... Какъ я могъ позволить такъ ослѣпить себя!..

Г-жа Бухнеръ (лихорадочно). Вильгельмъ! Сегодня, какъ и прежде, я считаю васъ хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ. Увѣряю васъ, ни на мгновеніе не усомнилась я въ васъ. И теперь, когда стало мнѣ вдругъ такъ страшно, такъ жутко...

Вильгельмъ (встаетъ, глубоко вбираетъ въ себя воздухъ, точно сдавило ему грудь). Я только... вѣдь я уже давно зналъ, и все-таки...

Г-жа Бухнеръ. Я обращаюсь къ вамъ, Вильгельмъ! Я откровенно говорю вамъ... Вдругъ такъ охватило меня... Вдругъ такъ страшно мнѣ стало за Иду.

Вильгельмъ. Долженъ согласиться... только именно теперь...

Г-жа Бухнеръ. Я знаю, вы любите это дитя. Никто не могъ бы любить ее сильнѣе!.. Я знаю, вы напряжете всѣ свои силы, чтобы сдѣлать мою дочь счастливою. Недостатка въ желаніи у васъ не будетъ... но теперь... теперь я столько видѣла здѣсь и... узнала. И только теперь стало мнѣ понятно многое... многое изъ того, о чемъ вы мнѣ раньше говорили... Я не понимала васъ... Я считала васъ мнительнымъ, пессимистомъ. Многаго не принимала въ серьезъ. Съ твердою, радостною вѣрою пріѣхала я сюда... Мнѣ просто стыдно... на что считала я себя способной!.. Я — слабый, простой человѣкъ — хотѣла направлять такія натуры!.. И вотъ все рушится! Сразу почувствовала я, какая лежитъ на мнѣ страшная отвѣтственность,—я отвѣчаю за мое дитя, за мою Иду. Говорите же, Вильгельмъ! Скажите мнѣ, что все будетъ еще хорошо! Скажите мнѣ: мы еще будемъ счастливы!.. Вы и Ида! Докажите мнѣ, Вильгельмъ, что напрасно я тревожусь, напрасно я боюсь!..

Вильгельмъ. Зачѣмъ... вы допустили... чтобы это зашло такъ далеко?.. Я столько разъ предостерегалъ васъ, предостерегалъ. Что я вамъ говорилъ? Я говорилъ: всѣ мы... братья, сестра... неизлѣчимо-больные... больше всего я... Что мы волочимъ за собою... Не связывайте своей дочери съ калѣкой... Я говорилъ вамъ... Почему вы не хотѣли мнѣ повѣрить?

Г-жа Бухнеръ. Не знаю, сама не знаю.

Вильгельмъ. И вотъ вы меня усыпили... заставили мою совѣсть задремать... и теперь... я точно обезумѣлъ отъ счастья... Я пережилъ эти минуты... и еще другія... вынесъ самую страшную борьбу въ моей жизни... и теперь вы хотите... Хорошо, посмотримъ... можетъ-быть, да, можетъ-быть...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, я такъ уважаю васъ!.. Я знаю, въ концѣ концовъ вы принесете всякую жертву... Но Ида... Если для нея уже слишкомъ это поздно... если это погубитъ ее!..

Вильгельмъ. Такъ зачѣмъ же вы не хотѣли повѣрить мнѣ? Вы не знаете... Чего мнѣ это теперь стоитъ... Ступенька за ступенькой поднимался я, о, съ такими усиліями!.. Этотъ домъ остался далеко позади меня... Я былъ почти спасенъ... Теперь это опять захватило меня въ свои лапы... Почему вы допустили, чтобы зашло такъ далеко? Почему...

Г-жа Бухнеръ (сквозь слезы). Не знаю! Сама не знаю! Я воспитала свою дочь. Она была для меня всѣмъ, всѣмъ; единственнымъ моимъ призваніемъ въ жизни стало—работать для ея счастья. И вотъ... появились вы въ нашемъ домѣ... я... полюбила васъ... я думала и о вашемъ счастьѣ, я... можетъ-быть, не слѣдовало мнѣ это дѣлать... можетъ-быть, я такъ же сильно думала и о вашемъ счастьѣ... и... кто знаетъ?.. Въ сущности... больше всего... о... *вашемъ* счастьѣ. (Одно мгновенье смотрятъ другъ другу смущенно въ глаза).

Вильгельмъ. Г-жа Бухнеръ!!

Г-жа Бухнеръ (закрываетъ лицо руками, какъ человѣкъ, которому стыдно. Въ слезахъ уходитъ по лѣстницѣ).

Вильгельмъ (дѣлаетъ механически нѣсколько шаговъ слѣдомъ за нею, останавливается, старается побѣдить свое волненіе, затѣмъ, зарыдавъ, прислоняется къ стѣнѣ).

Ида (лицо ея блѣдно, серьезно и озабоченно. Тихо подходитъ къ Вильгельму, обнимаетъ его и прижимается лицомъ къ его лицу). Ахъ, Вилли! Посмотри... Приходятъ темные дни... и про-

ходятъ... вѣдь правда, Вилли?.. и снова приходятъ дни свѣтлые. Такъ зачѣмъ же такъ... такъ терять всякую бодрость.

Вильгельмъ (*страстно лепечетъ*). Ида!.. Единственная! обожаемая!.. Нѣжная... какъ же я теперь... какъ же мнѣ теперь жить безъ тебя?.. Твой голосъ, твои слова, все твое нѣжное, дивное существо, твои руки... твои милыя вѣрныя руки!..

Ида. И ты думаешь, что я... Ты думаешь, что я могла бы жить безъ тебя? О, нѣтъ, нѣтъ!.. Мы обнимемся... и уже не отпустимъ другъ друга... будемъ крѣпко, крѣпко... И пока будемъ такъ...

Вильгельмъ. Да, да!.. Но... если бы случилось иначе?

Ида. Ахъ, не говори такъ!

Вильгельмъ. Я только думаю... никогда вѣдь ничего нельзя знать... одинъ изъ насъ можетъ умереть...

Ида. Ахъ, мы вѣдь молоды.

Вильгельмъ. Все-таки... когда-нибудь это же случится... До старости я все равно не доживу.

Ида (горячо). Тогда я обниму тебя... прижмусь къ тебѣ... и уйду... вмѣстѣ съ тобою.

Вильгельмъ. Ида!.. Такъ только говорится... Этого ты не сдѣлаешь.

Ида. Сдѣлаю!

Вильгельмъ. Ты это теперь такъ думаешь... ты не знаешь, какъ скоро забываютъ.

Ида. Я бы не могла дышать безъ тебя!

Вильгельмъ. Это такъ только кажется...

Ида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Такъ любить... было бы... даже безсмысленно. Нельзя же все ставить на *одну* карту.

Ида. Я не вполнѣ... понимаю тебя.

Вильгельмъ. Такъ только... я... видишь ли... (Угрюмо) Перестанемъ лучше!.. Невеселая это тема!.. Что *отецъ*?

Ида. Онъ теперь спитъ... но... что такое съ тобою?

Вильгельмъ (ходитъ по комнатѣ). Случается такъ... не знаешь, какъ. (Вдругъ заскрежетавъ) Бываютъ моменты, говорю я тебѣ... когда нападаетъ безумное отчаяніе... Въ такія мгновенія могу себѣ представить... въ такія мгновенія доходятъ люди до того, что бросаются... *внизъ головой*... на мостовую... съ пятаго этажа... Отъ такого зрѣлища можно, право, придти въ восторгъ!

Ида. Избави Боже! Ты долженъ. Вилли, гнать отъ себя такія картины!

Вильгельмъ. Почему же, хотѣлъ бы я знать? Почему такіе молодцы, какъ я, должны болтаться между небомъ и землею?.. Никчемныя твари!.. Забраковать себя самого... это все-таки было бы хоть что-нибудь... все-таки сдѣлалъ бы хоть одинъ разъ что-то полезное.

Ида. Въ сущности, чему-жъ тутъ удивляться: ты истерзался, ты усталъ.

Вильгельмъ (рѣзкимъ пренебрежительнымъ тономъ). Оставь меня, этого ты не понимаешь! (Испугавшись собственныхъ словъ, мѣняетъ тонъ). Ты не должна на меня сердиться за это... Лучше уйди теперь! Я не хотѣлъ бы оскорбить тебя. А въ такомъ настроеніи, какъ сейчасъ... не могу я ручаться за себя.

Ида (молча цѣлуетъ Вильгельма въ губы и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Вильгельмъ (смотритъ ей вслѣдъ, останавливается. Лицо его полно страха и изумленія. Прижимаетъ руку ко лбу, точно человѣкъ, который поймалъ себя въ чемъ-то дурномъ. Въ это время Робертъ спускается съ лѣстницы).

Робертъ (шляпа въ правой рукѣ, черезъ руку перекинуты пальто и пледъ, въ лѣвой рукѣ ремни для пледа. Подходитъ къ столу и кладетъ на него вещи).

Вильгельмъ (замѣчаетъ его и, поглядывая на него, говоритъ). Ты куда?

Робертъ. Ухожу.

Вильгельмъ. Теперь?

Робертъ. Почему же нѣтъ? (Расправляетъ пледъ). Довольно съ меня... слишкомъ довольно. Теперь матери придется рождественскіе дни... проводить безъ меня. (Взглянувъ на печку) Холодно здѣсь.

Вильгельмъ. На улицѣ морозъ.

Робертъ (свертывая пледъ). Такъ! А въ десять часовъ таяло.

Вильгельмъ. Погода перемѣнилась.

Робертъ. Какъ теперь спускаться съ горы? Такъ скользко.

Вильгельмъ. Луна свѣтитъ!

Робертъ. А все-таки...

Вильгельмъ. Онъ больше не бредитъ?

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Онъ не хочетъ врача.

Робертъ. Да. да.

Вильгельмъ. Все это случилось такъ внезапно.

Робертъ. Гм!.. Да, да.

Вильгельмъ. Должно-быть, болѣзнь уже таилась въ немъ.

Робертъ. Конечно... иначе онъ бы, навѣрное, не вернулся домой.

Вильгельмъ. Боюсь, чѣмъ все это кончится?!

Робертъ. Что-жъ дѣлать.

Вильгельмъ. Честное слово... не знаю, какъ мнѣ быть, если онъ умретъ... У меня теперь такое чувство!.. Послѣ того, какъ я все это узналъ... Прежде я не зналъ... А теперь—раскаяніе, угрызенія совѣсти... Какъ же быть со всѣмъ этимъ?!..

Робертъ. Старикъ немножко другой. Правда... не очень онъ соотвѣтствовалъ нашему представленію о немъ. Конечно! Но въ существѣ—это все-таки ничего не мѣняетъ.

Вильгельмъ. Говорю тебѣ... говорю со всею серьезностью... Съ радостью отказался бы я сейчасъ отъ всего жалкаго остатка моей жизни, если бы могъ этимъ помочь ему.

Робертъ (*надѣвая пальто*). Безсмысленно это... На мой взглядъ... Вотъ посмотри, пойду я теперь въ крохотную нетопленную контору... сяду спиною къ печкѣ... скрещу ноги подъ столомъ... закурю эту... самую трубку и буду писать, вѣроятно—очень спокойно, такія... ну, ты знаешь, такія шутки... рекламныя шутки: путешественникъ по Азіи... изнемогаетъ отъ жажды... Ну, тутъ я обыкновенно выпускаю караванъ, который везетъ наши товары... Мой шефъ очень доволенъ... Шутка гуляетъ по отдѣлу объявленій во всевозможныхъ газетахъ. Но что самое главное: когда я тамъ такъ сижу и цѣлый день слышу, какъ пыхтитъ подо мною газъ... я бросаю время отъ времени взглядъ во дворъ... такой... фабричный дворъ—это нѣчто поразительное!.. Что-то романтическое, увѣряю тебя!.. Однимъ словомъ, тогда нѣтъ мнѣ ни до чего никакого дѣла.

Вильгельмъ. Нѣтъ, я предпочелъ бы умереть.

Робертъ. Вопросъ вкуса! А вотъ для меня это—прямо идеальный уголокъ. Такъ стоитъ ли то и дѣло выходить изъ равновѣсія, стоитъ ли сумасшествовать? И такъ вотъ понадобится дня два-три, чтобы разобраться въ своей маленькой житейской мудрости.

Вильгельмъ. Говори, что тебѣ угодно: я называю это трусостью.

Робертъ. Ну, и такъ далѣе, зови хоть такъ. Рано или поздно ты все равно придешь къ моей точкѣ зрѣнія. Отецъ

тоже подъ конецъ пришелъ къ этой точкѣ зрѣнія. Ты и отецъ, вы такъ похожи другъ на друга, можно спутать васъ. Вы оба—такіе же идеалисты. Въ 48 году отецъ дебютировалъ на баррикадахъ, а кончаетъ, какъ одинокій ипохондрикъ... Нужно во-время привыкнуть къ міру и къ себѣ самому, понимаешь ты,—прежде, чѣмъ обломаютъ тебѣ рога.

Вильгельмъ. Или же надо поработать надъ собою, чтобы стать другимъ.

Робертъ. Ну нѣтъ! Я такой, какой есть. Я имѣю право быть такимъ, какой есть.

Вильгельмъ. Тогда открыто требуй своего права!

Робертъ. Нѣтъ, остерегусь, потому что хочу дойти до своего права. Вѣдь филистеры морали теперь въ большинствѣ... А впрочемъ, мнѣ пора отправляться... Итакъ, если позволишь, вотъ тебѣ мой совѣтъ: берегись такъ-называемыхъ добрыхъ намѣреній!

Вильгельмъ (холодно). Что ты хочешь сказать?

Робертъ. Очень просто: не нужно желать дѣлать того, чего не можешь дѣлать по всему складу своей натуры.

Вильгельмъ. Напримѣръ?

Робертъ. Ну... Ко мнѣ приходятъ, напримѣръ, иногда такіе молодцы,—они Богъ знаетъ какъ распаляютъ мнѣ голову, болтаютъ объ идеалахъ. Нужно, видите ли, бороться за идеалы человѣчества и все такое! Я—и бороться за другихъ! Сказочныя требованія!.. За что это, для чего? Но, насколько я тебя знаю, тебя такія вещи тревожатъ. Ты бы сталъ метаться, точно человѣкъ, который укралъ. Ты бы сейчасъ же сказалъ себѣ: «что я за жалкое ничтожество!» Развѣ я не правъ? Ну, вотъ тогда-то и является благое намѣреніе и начинаетъ мучить, я это знаю. Я самъ прежде носился съ сотнею такихъ намѣреній... цѣлые годы... а это совсѣмъ не доставляетъ удовольствія, повѣрь мнѣ!

Вильгельмъ. Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ ты хлопочешь?

Робертъ. Собственно, ничего опредѣленнаго у меня, конечно, нѣтъ въ виду... То безпокойство, которое теперь съѣдаетъ тебя... есть у него и другія причины... Я, во всякомъ случаѣ... если я раньше замѣчалъ... Въ прежнія времена и со мною бывало это... Но какъ только я замѣчалъ, что такое дѣло выше моихъ силъ,—я обыкновенно недолго раздумывалъ и рѣшительно поворачивался къ нему спиною.

Вильгельмъ. Это—намекъ

Робертъ. Намекъ?.. Я не зналъ... Ну-съ, еще разъ— всего тебѣ хорошаго и...

Вильгельмъ. Скажи ты мнѣ... вполнѣ объективно... это имѣетъ для меня извѣстное значеніе... только потому, что...

Робертъ. Пожалуйста,—что ты хочешь услышать отъ меня?

Вильгельмъ. Ты самъ раньше сказалъ.

Робертъ. Когда—раньше?

Вильгельмъ. Когда мы говорили объ отцѣ.

Робертъ. А, вѣрно... такъ что же я сказалъ тогда?

Вильгельмъ. Ты сказалъ, что, можетъ-быть, у насъ съ Идой все устроится.

Робертъ. А, вотъ что... Ваши отношенія... Это я сказалъ?

Вильгельмъ. Да, сказалъ.

Робертъ. Ну, да, я же многое говорилъ.

Вильгельмъ. Значитъ, ты... Ты теперь отказываешься отъ многаго изъ того, что говорилъ?

Робертъ. Совершенно вѣрно, отказываюсь.

Вильгельмъ. И отъ того... отъ того, что... относилось къ этому?..

Робертъ. Къ вашимъ отношеніямъ?

Вильгельмъ. Да.

Робертъ. Да развѣ для тебя это важно?

Вильгельмъ. Да, можетъ-быть.

Робертъ. Да.

Вильгельмъ. Значитъ, ты теперь уже не думаешь... что мы...

Робертъ. Нѣтъ.

Вильгельмъ. Хорошо... благодарю тебя... ты откровенъ... благодарю... Но предположимъ... допустимъ, что я брошу все это... Посмотримъ сначала, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какое это имѣло бы значеніе для меня... Итакъ, допустимъ, что я вотъ сейчасъ ушелъ бы съ тобою... Что было бы тогда съ Идою?

Робертъ. Гм... Ида?.. Ида?.. (Пожимаетъ плечами). Гм, да, да... Это не такъ-то просто... то-есть очень ужъ это меня бы не безпокоило.

Вильгельмъ. Какъ! Это—твое старое вѣроломство! Я знаю его.

Робертъ. Вѣроломство? Почему это? Нѣтъ, ты ошибаешься! Чтобы быть вѣроломнымъ, для этого я еще недостаточно заинтересованъ... я хочу сказать — заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Я, право, не думаю...

Вильгельмъ. Это я лучше знаю. Ужъ не хочешь ли ты раскрывать мнѣ глаза, какая это дѣвушка?! Это ужъ такъ, положись въ этомъ на меня! У нея есть ко мнѣ чувство, я не могу этого передѣлать... Я не заблуждаюсь... Такъ что̀ же будетъ съ нею, если я убѣгу отъ нея?

Робертъ. Гм... такъ ты серьезно думаешь объ этомъ?

Вильгельмъ. Да, безусловно.

Робертъ. Тогда отвѣть мнѣ, пожалуйста, сначала вотъ на что: а когда вы жѣнитесь, что̀ будетъ съ Идой?

Вильгельмъ. Этого никто не можетъ знать.

Робертъ. О, нѣтъ, отчего же? Это можно знать: съ нею будетъ то, что̀ стало съ нашей матерью.

Вильгельмъ. Нельзя сравнивать Иду съ матерью.

Робертъ. Но можно тебя—съ отцомъ.

Вильгельмъ. Каждый человѣкъ—*иной* человѣкъ.

Робертъ. Тебѣ хочется вѣрить, что это такъ. Оставь! Ты слишкомъ многаго требуешь отъ себя! Вѣдь ты самъ—олицетворенное противорѣчіе.

Вильгельмъ. Не знаю, не думаю.

Робертъ. Э, отлично знаешь!

Вильгельмъ. Наконецъ, отъ этого можно освободиться, развиться.

Робертъ. Да, конечно; но можетъ только тотъ, кто подготовленъ для этого воспитаніемъ.

Вильгельмъ. Ахъ нѣтъ никакого смысла продолжать разговаривать.

Робертъ. И я совершенно того же мнѣнія.

Вильгельмъ. Ни къ чему это не поведетъ. (Вспыливъ, внѣ себя) Вамъ хочется совсѣмъ погубить меня! Я — жертва заговора! Вы всѣ сговорились противъ меня, хотите доконать меня!.. Хотите доконать до конца!..

Робертъ. Вотъ совсѣмъ такъ говорилъ всегда и отецъ.

Вильгельмъ. Смѣшно! Твои замѣчанія просто смѣшны! Развѣ нѣтъ у меня основаній сказать это? Развѣ не хотите вы разлучить меня съ Идой? Это... говоря правду... не нахожу словъ... это — такая сказочная наглость... такая грубость... прямо превыше всякой мѣры! Я долженъ пожалѣть Иду!.. А кто же пожалѣлъ меня, скажи? Назови мнѣ хоть одного человѣка!.. Ну, кто?..

Робертъ. Само собою разумѣется... разъ ты такъ разсуждаешь... разумѣется!..

Вильгельмъ. Отъ меня требуютъ жертвы!.. Я почему-то

долженъ вдругъ принести безсмысленнѣйшую жертву! Я долженъ...

Робертъ. Ты можешь смѣло не тратить словъ. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ... Это вполнѣ твое право — удержать у себя дѣвушку.

Вильгельмъ. При такихъ условіяхъ?.. При какихъ это условіяхъ? Скажи, скажи, прошу тебя!

Робертъ. Ты говорилъ раньше... насколько я понимаю... объ Идѣ?

Вильгельмъ. Да, конечно... Ну такъ что же?

Робертъ. А теперь говоришь о себѣ... Такъ вышло... Ну, однимъ словомъ: если тебѣ все равно, что будетъ съ этой дѣвушкой... если есть у тебя нужная доза... ну, скажемъ, безразличія, что ли... если ты берешь ее... ну, какъ новый сюртукъ, или шляпу, или вообще что-нибудь такое...

Вильгельмъ. Робертъ! Быть до того, до того безсердечнымъ... Но на этотъ разъ ты правъ... Я иду съ тобою... Я хочу сказать... ухожу изъ этого дома... съ тобою... только недалеко... вотъ теперь... теперь... покончилъ я съ вами со всѣми... Да, да, теперь я... Молчи... Теперь я покончилъ... совсѣмъ, совсѣмъ...

Робертъ (смотритъ на него съ изумленіемъ, пожимаетъ плечами).

Вильгельмъ (все возбужденнѣе). Оставь, оставь!.. Не утруждай себя... тебѣ не удастся... меня ты не обманешь своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ... Ты, во всякомъ случаѣ, правъ... Но тебя привела къ вѣрнымъ мыслямъ... я скажу тебѣ это прямо въ лицо—привела гадкая зависть... только скверная, жалкая зависть!.. Ты отлично знаешь, что я бы честно боролся, чтобы когда-нибудь все-таки сдѣлаться хоть немного достойнымъ ея... Ты отлично знаешь, какъ эта дѣвушка очищаетъ меня своей чистотой. Но ты этого не хочешь! Ты не хочешь, чтобы я очистился... Почему ты этого не хочешь?.. Да потому... потому, что ты самъ обреченъ остаться всегда такимъ, какъ сейчасъ... потому, что меня она любитъ, а тебя—нѣтъ!.. И оттого-то ты сегодня весь вечеръ шпіонилъ за мною глазами полицейскаго... все время старался дать мнѣ понять, что что-то ты такое обо мнѣ знаешь... Да, да! Ты совершенно правъ! Я—порочный человѣкъ, весь пропитанъ порокомъ. Нѣтъ во мнѣ больше ничего чистаго. Весь въ грязи, не смѣю я стоять рядомъ съ этимъ непорочнымъ существомъ; и я рѣшился, я не совершу преступленія. Но ты, Робертъ, ты отъ этого не

станешь чище. Твое счастье, что ты уже больше не можешь знать стыда!

Робертъ (во время послѣдней трети словъ Вильгельма взялъ свои вещи и пошелъ къ выходу. Взявшись за дверную ручку, онъ останавливается, точно собирается говорить, но раздумываетъ, покорно пожимаетъ плечами и очень спокойно уходитъ).

Вильгельмъ (ему вслѣдъ). Робертъ!.. Робертъ!..

Ида (входя изъ сосѣдней комнаты). Кого это ты зовешь?

Вильгельмъ. Ахъ, ты здѣсь?

Ида. Докторъ пришелъ, Вильгельмъ... онъ говоритъ... это серьезно, это...

Причитающій голосъ г-жи Шольцъ. Любимый мой, хорошій мой мужъ... О... любимый, хорошій мой!

Вильгельмъ. Что я надѣлалъ! Что я опять надѣлалъ!

Ида. Щемитъ у меня сердце... я бы очень не хотѣла тебя спрашивать, но... навѣрное, что-то такое... Что-то случилось съ тобою, Вилли!

Вильгельмъ. Да ровно ничего... Надо бы мнѣ опять въ одиночество... тамъ—наше мѣсто, Ида.

Ида. Почему? Я не понимаю.

Вильгельмъ (сурово и возбужденно). Да, да, да! старая пѣсня: я не понимаю тебя, я не понимаю тебя!.. Отецъ и мать тоже всю жизнь говорили на разныхъ языкахъ. Ты не понимаешь меня! Ты не знаешь меня!.. У тебя—плоскія иллюзіи подростка, и мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Остается только таиться отъ тебя, таиться, пока не сдѣлаюсь окончательнымъ лгуномъ и мошенникомъ.

Ида (смотритъ на Вильгельма вся растерянная, начинаетъ плакать).

Вильгельмъ. Вотъ теперь ты видишь: вотъ это я — настоящій. И стоитъ мнѣ лишь на секунду забыть, какую я играю передъ тобою роль,—и опять это выступаетъ наружу. Меня настоящаго ты не можешь выносить,—ты плачешь, и тебѣ пришлось бы плакать цѣлые годы, если бы я не сжалился надъ тобою... Нѣтъ, Ида, между нами ничего не должно быть... Я пришелъ къ твердому рѣшенію.

Ида (бросаясь ему на шею). Неправда!.. Неправда!

Вильгельмъ. Подумай о томъ, что ты видѣла здѣсь! Неужели же должны и мы сызнова продѣлать все это? Неужели должны и мы сызнова строить такой самый домъ?

Ида. Будетъ по-другому! Станетъ лучше, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Какъ можешь ты это сказать?

Ида. Я чувствую это.

Вильгельмъ. Нѣтъ, Ида, ты бросаешься съ закрытыми глазами въ гибель! Я тащу тебя къ гибели!

Ида. Я не боюсь... Этого я не боюсь, Вильгельмъ! Снова повѣрь ты мнѣ! Дай мнѣ снова твою руку! И я сумѣю быть для тебя чѣмъ-нибудь... только не отталкивай меня отъ себя... Я не буду больше плакать... обѣщаю тебѣ...

Вильгельмъ. Отпусти меня!.. Ты любишь въ первый разъ! Ты любишь свою мечту. Я растратилъ всю свою жизнь... Я опозорилъ твой полъ въ другихъ... Я — ничтожество...

Ида (обнимаетъ его со стономъ и слезами). Ты мой! Ты мой!

Вильгельмъ. Я недостоинъ тебя!

Ида. О, не говори такъ! Передъ тобою я — такая маленькая, ахъ, такая маленькая! Какъ крошечная мошка... Безъ тебя, Вильгельмъ, я—ничто! И все—благодаря тебѣ... Не отнимай у меня своей руки... у меня... у жалкой!..

Вильгельмъ. Ида! Я—у тебя? Ида, я?.. (Они обнимаются сквозь смѣхъ и слезы). Чтобы я не отнималъ у тебя своей руки... Да что... ты... говоришь... Нехорошая...

Ида. Такъ... обѣщай же мнѣ... обѣщай...

Вильгельмъ. Клянусь тебѣ теперь... (Его слова обрываетъ душу раздирающій крикъ изъ сосѣдней комнаты. Пораженные, полные отчаянія, смотрятъ Вильгельмъ и Ида другъ другу въ глаза).

Голосъ г-жи Шольцъ. Мой мужъ... онъ умираетъ!.. Мой хорошій, любимый супругъ... онъ умираетъ... мой мужъ... (Громкій плачъ).

Вильгельмъ. Боже!.. Господи, что это?.. Отецъ! Отецъ! (Хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату. Ида пересѣкаетъ ему дорогу).

Ида. Вильгельмъ!.. Приди въ себя! и... не иди безъ меня!.. (Изъ сосѣдней комнаты выходитъ Фрибэ, трясясь отъ рыданій, и уходитъ въ кухню).

Августа (идетъ слѣдомъ за Фрибэ. Останавливается передъ Вильгельмомъ и съ усиліемъ произноситъ). На комъ же теперь вина? На комъ?.. На комъ?.. (Падаетъ на столъ. Изъ ея груди вырывается глухой, сдавленный стонъ. Все слышнѣе доносится громкій плачъ г-жи Шольцъ).

Ида (у его груди, стараясь успокоить, дрожащимъ голосомъ). Вильгельмъ... кажется... твоего отца... не стало...

(Вильгельмъ готовъ снова вспыхнуть гнѣвомъ. Ида успокаиваетъ его. Онъ побѣждаетъ свое горе, ищетъ руку Иды, беретъ ее, съ мукой сжимаетъ въ своей рукѣ и, рука объ руку съ дѣвушкою, идетъ твердыми шагами въ сосѣднюю комнату).

(Занавѣсъ падаетъ).

ОДИНОКІЕ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Отдаю эту драму въ руки тѣхъ, которые ее пережили.

Гергартъ Гауптманъ.

Изъ писателя-соціолога и теоретика ученія о наслѣдственности, какимъ Гауптманъ явился въ первыхъ двухъ драмахъ, онъ превращается въ третьей—«Одинокіе» (Einsame Menschen)—въ психолога-индивидуалиста, ставящаго предъ собою вопросъ о человѣческомъ взаимопониманіи, одиночествѣ человѣка и истинной свободѣ. Изъ психіатрическихъ безднъ онъ восходитъ къ нормальной, здоровой жизни.

Время написанія этой драмы совпало съ временемъ похода сѣвернаго богатыря драматургіи—Ибсена противъ семьи и съ страстными возвѣщеніями Ницше ученія о сверхчеловѣкѣ, сильномъ и прекрасномъ, пока одинокомъ, но побѣдителемъ міра впереди. Въ «Одинокихъ» слышится тотъ мотивъ возвеличенія одиночества, который впослѣдствіи властно и смѣло прозвучалъ въ «Потонувшемъ колоколѣ».

Затронутая Гауптманомъ тема была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени. Нѣмецкій драматургъ поставилъ предъ обществомъ самые захватывающіе, самые назойливые вопросы о нравственныхъ устояхъ современной личности, объ ея свободѣ, о значеніи міровоззрѣнія, объ одиночествѣ,—той темѣ, которую человѣчество ставило передъ собою съ той минуты, какъ создался мивъ о Прометеѣ. Пьеса не могла не всколыхнуть умы мыслящихъ людей. Гауптманъ сдѣлалъ ею для своей эпохи болѣе, чѣмъ какою-либо другою изъ своихъ пьесъ первой поры. Въ частности, въ Россіи она вызвала многочисленные литературные отклики и обсужденія.

11-го января 1891 года она была поставлена въ театрѣ «Свободной сцены», затѣмъ прошла въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ», въ цѣломъ рядѣ другихъ сценъ и удержалась въ европейскомъ репертуарѣ. Въ мартѣ она вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Ею упрочилось имя Гауптмана, какъ писателя, достойнаго мірового вниманія.

«Одинокіе»—трагедія человѣческаго взаимонепониманія. Эта трагедія была мучительна въ «Праздникѣ мира», въ осложненіи мрачною наслѣдственностью. Здѣсь Гауптманъ хочетъ показать, что она разрѣшается не легче и тогда, когда дѣло идетъ о совершенно здоровой и нормальной семьѣ, обвѣянной даже атмосферой любви и ласки, но лишенной единства міровоззрѣнія и потому не озаренной взаимнымъ пониманіемъ. На этотъ разъ это трагедія благородныхъ характеровъ, гибнущихъ подъ непосильной жертвой, какой отъ нихъ требуетъ жизнь.

Молодой ученый Іоганнесъ Фокератъ—холеное дѣтище своихъ родителей. По существу, это положительно хорошіе люди. У него любящая жена, которую и самъ онъ любитъ. Молодой четъ только бы жить да радоваться. Но по религіознымъ воззрѣніямъ, по умствен-

нымъ интересамъ всѣ окружающіе Іоганнеса—ему чужіе. Онъ ушелъ отъ религіозныхъ понятій родителей, ему чужда его жена Кэте, не питающая ни малѣйшаго интереса къ его книгѣ, которая для него—все. Случайная гостья въ семьѣ, русская швейцарская студентка Анна Маръ оказывается несравнимо ближе къ нему, чѣмъ его жена. Между молодыми людьми происходитъ духовное сближеніе, дающее полноту ихъ жизни. Ихъ дружба чиста, какъ дружба ангеловъ. Но никто не хочетъ увидѣть ихъ отношеній въ надлежащемъ свѣтѣ. Старый вѣкъ съ своею ревностью, съ моралью приличій разрушаетъ возможность выхода для Іоганнеса изъ одиночества. И когда Анна уѣзжаетъ изъ его дома, онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Задумывались надъ тѣмъ, хотѣлъ ли Гауптманъ изобразить въ Іоганнесѣ геніальнаго человѣка, надъ которымъ тяготѣла драма одиночества, не подозрѣваемая никѣмъ до конца пятаго акта, или, наоборотъ, онъ хотѣлъ показать слабаго и безвольнаго человѣка, поставившаго предъ собою задачи ницшеанскаго возвышенія надъ толпой и погибшаго безъ поддержки среды.

Можетъ-быть, первая задача предносилась Гауптману, но совершенно явно онъ скоро повернулъ отъ нея на второй путь. Человѣкъ, съ перваго появленія на сценѣ жалующійся на непониманіе, плаксиво просящій капли вниманія къ своему любимому дѣлу, представляющій себя Пегасомъ въ хомутѣ, на самомъ дѣлѣ—увы!—не Колумбъ, не геній, не титанъ, не сверхчеловѣкъ.

Онъ многообѣщающе говоритъ о своемъ трудѣ, но Гауптманъ ни разу и ничѣмъ не поспѣшилъ объективно подтвердить его выдающуюся талантливость и яркость. Ниоткуда не явствуетъ, что книга, написанная имъ, дѣйствительно замѣчательна. Брандесъ справедливо подчеркиваетъ его педантизмъ, его нечуткость, когда онъ постоянно твердитъ своей женѣ о достоинствахъ гостьи. Только въ проповѣди правъ духовной дружбы онъ на минуту кажется величественнымъ.

Іоганнесъ Фокератъ—немногимъ выше средняго, слабый человѣкъ, болѣе ученый, чѣмъ умный, болѣе нервный, чѣмъ тонкій, «вопіющій о единеніи мыслей, а на самомъ дѣлѣ жаждущій близости сердецъ». Это «женатый Вильгельмъ Шольцъ изъ «Праздника мира»,—какъ хорошо сказалъ Штейгеръ. Это типичный слабнякъ съ благими порывами и безъ силы свершеній.

Читая сужденія нѣмецкой критики о Іоганнесѣ, почти съ раздраженіемъ чувствуешь отсутствіе властно напрашивающагося сравненія Фокерата съ чеховскими героями. Іоганнесъ—типичный чеховскій образъ человѣка съ надтреснутой душой изъ семьи Ивановыхъ и Астровыхъ. Чеховъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ въ Германіи, когда нѣмецкой критикѣ приходилось высказываться объ «Одинокихъ».

Въ лицѣ Анны Маръ мы имѣемъ одну изъ художественныхъ попытокъ набросать образъ женщины-сверхчеловѣка, приближающейся къ ибсеновской «Норѣ» или героинѣ бьернсоновской «Перчатки».

Если ясно сознаются общественныя вѣянія, подъ которыми Гауптманъ создалъ «Одинокихъ», то съ неменьшею ясностью можно указать здѣсь и нѣкоторыя литературныя вліянія. Вліяніе ибсеновскаго «Росмерстольма» (1886) вѣетъ надъ драмой. Кабинетный ученый Росмеръ, подчиняющійся могучему вліянію пріѣзжей сильной женщины Ребекки и забывающій о своей женѣ, настолько же похожъ на Іоганнеса Фокерата, насколько радикалка Ребекка на соціалистку Маръ и законная жена Росмера, Беата, на Кэте. Глубокая дума Ибсена о

«тѣснотѣ семьи» для ищущаго себя человѣка захватила Гауптмана, и даже самыя формы выраженія ея, самая структура «клича освобожденія человѣка» увлекли его.

Отмѣчая это, конечно, нельзя забывать, сколько самобытнаго внесъ ученикъ Ибсена въ свой трудъ, съ какою психологическою глубиною и реалистической красотой возсоздалъ онъ жизнь. Сюжеты огромнаго большинства пьесъ Шекспира заимствованы, однако это не умаляетъ величія Шекспира ни на одинъ дюймъ.

Другое литературное вліяніе—драма нѣмецкаго драматурга Германа Бара: «Новые люди» (Die neuen Menschen), появившаяся въ 1887 г. и, въ свою очередь, подсказанная «Росмерсгольмомъ». Уже названіе сближаетъ эти пьесы. Георгъ Бара такъ же вводитъ въ свой домъ Гедвигу при живой женѣ. Георгъ такъ же мечтаетъ о новомъ свободномъ строѣ жизни и такъ же находитъ смерть въ озерѣ.

Сходство подтверждается даже частностями. У Гауптмана Анна Маръ—дѣятельница русскаго освобожденія, носящая кольцо женщины, ушедшей за мужемъ въ Сибирь. У Бара Анна—фанатичка, замышляющая убійство одного высокаго лица и кончающая полнымъ анархизмомъ. Обѣ пьесы начинаются со сцены крещенія съ легкой попыткой разговоровъ о христіанствѣ (Бартельсъ).

Отличаетъ Бара отъ Гауптмана его попытка выставить идеалъ новыхъ людей сейчасъ, въ современности. Фокератъ только лелѣетъ о нихъ далекую мечту. По художественному значенію, разумѣется, суховатая и разсудочная вещь Бара несравнима съ превосходной драмой Гауптмана.

Вѣчная близость гауптмановской темы человѣческой душѣ, глубина его психологическихъ проникновеній, вся вообще художественная четкая «Одинокихъ» ставятъ пьесу въ рядъ прекраснѣйшихъ созданій новой драматургіи. Какъ психологъ, Гауптманъ «обнажаетъ здѣсь тончайшіе нервы современныхъ душъ» (Шлентеръ). Жизненность пьесы поразительна. Конечно, Гауптманъ могъ сдѣлать своего Фокерата побѣдителемъ, но онъ устоялъ передъ соблазномъ и предпочелъ утопическому герою—живого человѣка съ плотью и кровью и съ неизбѣжною слабостью плоти и крови. Анна Маръ, которая, конечно, любитъ своего друга не одною любовью дружбы, прелестна въ своей мукѣ двухъ финальныхъ актовъ. Штейгеръ отмѣчаетъ минорную красоту окончаній актовъ, въ которыхъ медленно замираютъ громкіе тона дѣйствія. Хорошо даже побочное,—въ родѣ старухи Леманъ, представляющей съ своимъ мужемъ пародію-параллель Кэте и Іоганнесу.

«Одинокіе», какъ художественное произведеніе,—пишетъ Брандесъ:—поражаетъ своей серьезностью и правдивостью. Оно захватываетъ читателя, возбуждаетъ его состраданіе и заставляетъ мыслить. Если пьеса производитъ такое значительное и прочное впечатлѣніе, то это зависитъ отъ глубины, съ какою Гауптманъ почувствовалъ и понялъ, что каждый моральный фактъ—единственный въ своемъ родѣ, unicum».

«Если бы,—пишетъ Штейгеръ:—я хотѣлъ перечислить всѣ красоты «Одинокихъ», все снова восхищающія меня при чтеніи и на сценѣ, мнѣ пришлось бы переписать приблизительно всю драму. Я знаю, что были указаны и большіе недостатки въ этомъ произведеніи. Но почти всѣ они были недостатками не автора, а самихъ критиковъ,—ихъ, если угодно, обманомъ зрѣнія».

Шлентеръ цѣнитъ «Одинокихъ» такъ же высоко, какъ и «Потонувшій колоколъ».

«Въ «Одинокихъ»,—говоритъ Бартельсъ:—Гауптманъ есть подлинный Ибсенъ. Нигдѣ онъ такъ близко не подходилъ къ этому господину и властелину «драмы-модерна», какъ въ этой пьесѣ, написанной одновременно съ родственной съ нею «Геддой Габлеръ». Если не обращать вниманія на слабо мотивированное возвращеніе Анны въ домъ Фокератовъ, то драма развивается съ тою принудительною необходимостью, какую умѣетъ придавать Ибсенъ своимъ образамъ. Всѣ переливы настроеній вышли очень удачно, даже если иногда сюда привходитъ нѣчто мелочное (какъ оса въ началѣ 2-го акта), и даже въ деталяхъ достигнуто истинное психологическое искусство. Ни въ какомъ другомъ своемъ произведеніи Гауптманъ не былъ такъ «тонокъ», какъ здѣсь... «Одинокіе»—это шагъ впередъ по сравненію съ двумя первыми драмами, и если не по направленію къ натуралистической драмѣ, то вообще къ драматической законченности и художественности... Поэтъ Гауптманъ выявляетъ себя здѣсь во весь ростъ».

Изъ біографическихъ чертъ, проскользнувшихъ въ «Одинокихъ», небезынтересно отмѣтить то, что прототипомъ пастора, по сообщенію Шлентера, могъ послужить дядя Гауптмана, Густавъ Шубертъ, въ строгой и религіозной семьѣ котораго молодой Гергартъ провелъ нѣкоторое время жизни.

Лучшимъ сценическимъ воплотителемъ роли Іог. Фокерата по справедливости считается знаменитый итальянскій трагикъ Эрметъ Цаккони.

ОДИНОКІЕ.

(ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ФОКЕРАТЪ.
Г-ЖА ФОКЕРАТЪ.
ІОГАННЕСЪ ФОКЕРАТЪ.
КЭТЕ ФОКЕРАТЪ.
БРАУНЪ.
АННА МАРЪ.
ПАСТОРЪ КОЛЛИНЪ.
Г-ЖА ЛЕМАНЪ.
КОРМИЛИЦА.
СЛУЖАНКА.
ТОРГОВКА.
СЦѢПЩИКЪ ВАГОНОВЪ.

События этого произведенія происходятъ въ загородномъ домѣ въ Фридрихсгагенѣ, около Берлина; садъ примыкаетъ къ Мюггельскому озеру. Въ продолженіе всѣхъ пяти дѣйствій сцена остается безъ измѣненій. Комната, подобная залѣ—въ одно и то же время гостиная и столовая. Зажиточная буржуазная обстановка. Піанино, книжный шкапъ. Вокругъ него портреты-фотографіи и гравюры современныхъ ученыхъ (въ томъ числѣ и богослововъ), среди нихъ Дарвинъ и Геккель. Надъ піанино масляный портретъ пастора въ облаченіи. На стѣнѣ много картинъ библейскаго содержанія—Шнорра фонъ-Карольсфельда. Налѣво—одна дверь, направо—двѣ. Лѣвая дверь ведетъ въ рабочій кабинетъ Іоганнеса Фокерата, правыя двери—въ спальню и наружу. Комната не особенно глубокая. Черезъ два сводчатыхъ окна и стеклянную дверь въ задней стѣнѣ видны веранда и садъ, а за нимъ озеро и по ту сторону его—Мюггельскія горы.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната пуста. Черезъ пріотворенную дверь кабинета доносится голосъ пастора, произносящаго проповѣдь. Спустя нѣсколько секундъ голосъ затихаетъ, и слышны звуки хорала, исполняемаго на фисгармоніи. Во время первыхъ тактовъ дверь открывается, и входятъ— Г-ЖА ФОКЕРАТЪ, КЭТЕ ФОКЕРАТЪ И КОРМИЛИЦА СЪ ребенкомъ въ конвертикѣ. Всѣ одѣты по-праздничному.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (почтенная женщина лѣтъ 50, въ черномъ шелковомъ платьѣ, волнистая прическа. Беретъ Кэте за руку и гладитъ). Онъ очень хорошо говорилъ, правда, Кэтхенъ?

(Кэте 21 годъ, средняго роста, хрупкая, блѣдная, нѣжная брюнетка, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ родовъ. Она принужденно улыбается, машинально киваетъ и наклоняется къ ребенку).

КОРМИЛИЦА. Бай-бай. (Качаетъ его). Ну, вотъ и засыпаетъ... Шш... шш... шш... (Поправляетъ мѣшающій ребенку бантъ). Такъ... такъ... Шш... шш... шш... Спи, крошка, спи. (Тихо напѣваетъ на мотивъ: «Спи, дѣтка, спи»). Какъ онъ на пастора-то уставился. (Передразниваетъ его) Вотъ такъ! Ха-ха-ха!.. А какъ до воды дошло — не вытерпѣлъ. (Напѣваетъ) «Батюшка, родименькій, не стегай ребеночка»... Ха-ха-ха!.. Какъ закатился! Ой-ой-ой! Шш... шш... шш... Спи, дѣтка, спи... (Отбиваетъ тактъ ногой. Кэте смѣется искренно, но нервно).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Ты только взгляни, Кэтхенъ, какая прелесть! Какія у него длинныя рѣсницы!

КОРМИЛИЦА. Ого! Весь въ маманю. Спи, дѣтка... Чисто кисточки висятъ!

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. А вѣдь правда, Кэтхенъ, весь въ мать. (Кэте, не соглашаясь, энергично качаетъ головой). Въ самомъ дѣлѣ.

КЭТЕ (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, мама, я бы этого не хотѣла! Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ не долженъ на меня походить! Я... (Она не договариваетъ).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (старается перемѣнить разговоръ). Здоровый ребенокъ.

КОРМИЛИЦА. Богатырь.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. А какіе кулачки! Ты взгляни, Кэте.

КОРМИЛИЦА. Кулаки! Кулаки точно у Голіаѳа. (Кэте цѣлуетъ ребенка).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Правда, и грудь хорошо развита?

КОРМИЛИЦА. Прямо генеральская! Шш... шш... шш... Вырастетъ, одинъ пятерыхъ свалитъ.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Ну, ужъ знаете! (Она и Кэте смѣются).

КОРМИЛИЦА. У него кровь здоровая. Шш... шш... шш... У дѣтей все здоровье отъ крови. Шш... шш... шш...

(Полунапѣвая) Ну вотъ, ну вотъ, и пойдемъ, и пойдемъ... Мы въ постельку пойдемъ... Да, въ постельку пойдемъ... Шш... шш... шш... Спи, дѣтка. (Уходитъ въ спальню).

Г-жа Фокератъ (затворивъ за кормилицей дверь, возвращается, весело покачивая головой). Ну, и субъектъ! Но все-таки старательная. Я рада, Кэте, что тебѣ посчастливилось.

Кэте. Генеральская... Господи! (Она смѣется. Смѣхъ становится судорожнымъ, и въ концѣ концовъ въ немъ больше слезъ, чѣмъ смѣха).

Г-жа Фокератъ (испуганно). Что съ тобою, что съ тобою? (Кэте себя сдерживаетъ. Г-жа Фокератъ ее обнимаетъ). Что ты, Кэте?

Кэте. Ничего, ничего. Въ самомъ дѣлѣ, ничего.

Г-жа Фокератъ. Вотъ такъ ничего! Впрочемъ, неудивительно. Ты еще не оправилась. Поди, прилягъ на минутку.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ! Все ужъ прошло, мама.

Г-жа Фокератъ. Ну, хоть на секунду.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не надо! Сейчасъ и обѣдать пора.

Г-жа Фокератъ (подходитъ къ столу, на которомъ стоятъ вино и печенье, и наливаетъ стаканъ вина). Ну, сдѣлай хоть глотокъ! Попробуй! Вкусное... (Кэте пьетъ). Вино подкрѣпляетъ, правда? И что это съ тобою, дѣтка? Беречься должна больше, и все пойдетъ хорошо. И не выдумывай никакихъ тревогъ. Все устроится... У васъ теперь ребенокъ... Все пойдетъ по-другому... Іоганнесъ станетъ спокойнѣе...

Кэте. Если бы въ самомъ дѣлѣ, мама.

Г-жа Фокератъ. Да ты вспомни только, какъ онъ обрадовался, когда родился мальчикъ. Онъ вообще до безумія любитъ дѣтей. Ужь повѣрь... Всегда такъ... Бракъ безъ дѣтей ничего не стоитъ,—ни то ни се. Я только и молила Бога, чтобы Онъ благословилъ вашъ бракъ ребенкомъ. А у насъ какъ было?.. Первые четыре года послѣ свадьбы... развѣ это была жизнь? И только, когда Господь услышалъ наши молитвы и послалъ намъ Іоганнеса, только тогда и началась наша жизнь, Кэте. Имѣй только терпѣніе... дай пройти мѣсяца три, и увидишь, какой онъ уморительный станетъ... Нѣтъ, нѣтъ! Ты должна быть довольна. У тебя есть ребенокъ, есть мужъ, который тебя любитъ. Можете безъ заботъ жить. Чего еще тебѣ надо?

Кэте. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Я понимаю, что иногда сама разстраиваю себя по пустякамъ.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ видишь... Только не сердись

на меня! Ты бы чувствовала себя гораздо покойнѣе, Кэте, гораздо покойнѣе, если бы... Знаешь, если меня что-нибудь безпокоитъ, я горячо помолюсь, выскажу все, что̀ есть на сердцѣ, и мнѣ сразу становится такъ легко, такъ радостно... Нѣтъ, нѣтъ! Пусть ученые говорятъ, что̀ имъ угодно, но Богъ существуетъ, Кэте. Мужчина невѣрующій—нехорошо, а ужъ женщина... Только не сердись, Кэте. Ну, хорошо, хорошо, больше не буду говорить. Я много молюсь, каждый день прошу Господа; я знаю,—Онъ услышитъ мою молитву. Вы оба хорошіе люди. Господь вамъ и вѣру пошлетъ. (Цѣлуетъ дочь. Хоралъ кончается). Болтаю я тутъ.

Кэте. Скорѣй бы мнѣ поправиться, мама. Мнѣ такъ непріятно смотрѣть, какъ ты хлопочешь.

Г-жа Фокератъ (около наружной двери). Ну, есть о чемъ говорить! У васъ мнѣ отдыхъ. Вотъ, когда ты выздоровѣешь совсѣмъ, тогда я заставлю тебя ухаживать за мною. (Уходитъ. Кэте направляется въ спальню, но еще не успѣваетъ выйти, какъ входитъ изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, Браунъ. Ему 26 лѣтъ. Лицо блѣдное, съ усталымъ выраженіемъ. Подъ глазами круги. Небольшіе усы, голова острижена почти наголо. Костюмъ модный, изящный, но потертый. Флегматиченъ, большей частью неудовлетворенъ и потому не въ духѣ).

Браунъ. Такъ! (Останавливается и вынимаетъ изъ портсигара папиросу). И эту муку претерпѣлъ.

Кэте. Вы отлично выдержали, г. Браунъ.

Браунъ (закуривая). Я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь рисовалъ. Стыдъ и позоръ бить баклуши въ такую погоду.

Кэте. Еще нагоните.

Браунъ. Ахъ, всѣ мы бездѣльники. (Садится около стола). А все-таки есть что-то въ крещеніи.

Кэте. Вы обратили вниманіе на Іоганнеса?

Браунъ (быстро). Онъ ужасно нервничалъ. Я все время боялся, что произойдетъ какая-нибудь исторія, что онъ перебьетъ рѣчь пастора... Да и проповѣдь въ самомъ дѣлѣ была!

Кэте. Неправда, г. Браунъ!

Браунъ. Нѣтъ, это ужъ не подлежитъ сомнѣнію!.. Впрочемъ, я совершенно доволенъ. Еще, пожалуй, когда-нибудь картину напишу. Сюжетъ исключительный.

Кэте. Вы это серьезно, г. Браунъ?

Браунъ. Если я напишу эту картину, то отъ нея будетъ вѣять густымъ ароматомъ воспоминаній... Понимаете,—смѣсь бѣлаго вина, пироговъ, нюхательнаго табаку и во-

сковыхъ свѣчей... Чтобъ дурманъ пріятный былъ, чтобъ такъ и пахнуло юностью.

(Изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, входитъ Іоганнесъ Фокератъ. Ему 28 лѣтъ, онъ средняго роста, блондинъ, одухотворенное лицо, живая мимика, движенія безпокойны, одѣтъ безупречно: фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки. Онъ вздыхаетъ и снимаетъ перчатки).

Браунъ. Разсиропился?

Іоганнесъ. Не могу этого сказать. А какъ насчетъ обѣда, Кэтхенъ?

Кэте (нерѣшительно). Я думаю, на верандѣ.

Іоганнесъ. Что̀, и тамъ накрыто?

Кэте (робко). Ты недоволенъ? Я думала...

Іоганнесъ. Только не такъ жалобно, Кэте! Не съѣмъ же я тебя! Это просто невыносимо!

Кэте (заставляетъ себя говорить твердо). Я велѣла накрыть на верандѣ.

Іоганнесъ. Ну, понятно... И превосходно... Какъ будто я людоѣдъ какой!

Браунъ (ворчитъ). Да не брюзжи ты!

Іоганнесъ (обнимая Кэте, ласково). Въ самомъ дѣлѣ, Кэте, у тебя всегда такой видъ, точно я тиранъ какой, въ родѣ дяди Отто. Надо отъ этого отвыкнуть.

Кэте. Но вѣдь ты же бываешь иногда недоволенъ, Іоганнесъ.

Іоганнесъ (опять вспыливъ). Если даже и такъ, что̀ за бѣда! Давай мнѣ отпоръ, защищайся. Со своимъ характеромъ я ничего не могу подѣлать. А ты не покоряйся! Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ эта терпѣливость, эта мадонистая...

Кэте. Ну, не волнуйся изъ-за пустяковъ, Ганнесъ! Сто̀итъ объ этомъ говорить!

Іоганнесъ (гнѣвно). Ахъ, ты заблуждаешься въ самомъ корнѣ. Я и не думаю раздражаться... Ничего подобнаго! Странно въ самомъ дѣлѣ — подозрѣвать, что я вѣчно раздражаюсь! (Браунъ хочетъ что-то замѣтить). Ну, да хорошо! Вы вѣдь всегда лучше знаете! Довольно!.. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Да, да, да...

Браунъ. До чего скучны эти вѣчные вздохи!

Іоганнесъ (хватается за грудь; лицо вытягивается съ выраженіемъ страданія). А!

Браунъ. Ну, что̀ еще?

Іоганнесъ. Ничего новаго. Старая исторія... колетъ въ груди.

Браунъ. А ты совсѣмъ откoли, Гансъ!

Іоганнесъ. Мнѣ-то, *братъ, не до шутокъ!..* А-ахъ!

Кэте. Не волнуйся, Ганнесъ! Серьезнаго нѣтъ ничего.

Іоганнесъ. *Если ужъ было два раза воспаленіе* легкихъ...

Браунъ. А еще офицеръ запаса.

Іоганнесъ. Какое это имѣетъ отношеніе?

Браунъ. Старый ипохондрикъ! Не кисни, съѣшь что-нибудь! Просто, это отъ проповѣди.

Іоганнесъ. Знаешь, Брео... говорить такъ о крестинахъ... Какъ я лично отношусь къ этому, тебѣ извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не съ точки зрѣнія христіанской религіи. Но все-таки для весьма и весьма многихъ это— священный обрядъ.

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, не для меня.

Іоганнесъ. Знаю. Лично для меня — тоже нѣтъ. Такъ же, какъ и для тебя. Но надо же имѣть хоть нѣкоторое благоговѣйное чувство къ торжеству, которое...

Браунъ. Ты со своимъ благоговѣйнымъ чувствомъ...

Іоганнесъ. А слѣдовало бы и тебѣ имѣть его хоть немножко.

Браунъ. Знаешь, это чувство...

Іоганнесъ. Не обижайся, пожалуйста... Въ другой разъ, быть-можетъ, я болѣе терпимо смогу выслушивать тебя, но сегодня... (Уходитъ на веранду. Видно, какъ онъ тамъ продѣлываетъ гимнастическія упражненія).

Браунъ (смущенно встаетъ и безпричинно смѣется).

Кэте (стоя у рабочаго столика). Вы оскорбили его, г. Браунъ.

Браунъ (смущенно улыбается, затѣмъ грубовато). Внѣ моихъ силъ... До смерти ненавижу все половинчатое.

Кэте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы несправедливы къ нему.

Браунъ. Чѣмъ?

Кэте. Не знаю... Не умѣю вамъ выразить этого... Во всякомъ случаѣ... Ганнесъ борется честно...

Браунъ. Съ какихъ это поръ, хотѣлъ бы я знать, онъ сталъ опять такъ раздражителенъ?

Кэте. Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ о крещеніи. Я-было ужъ такъ обрадовалась... А это опять лишило его покоя. Вѣдь нельзя же было причинять изъ-за этого старикамъ-родителямъ такое страшное горе!.. Нѣтъ, и подумать невозможно. Вѣдь они такіе набожные, религіозные люди. Съ этимъ и вы согласитесь, г. Браунъ!

Іоганнесъ (открываетъ стеклянную дверь и говоритъ громко).

Я, господа, накапризничалъ... Ну, развеселитесь! Видите, я уже веселый! (Уходитъ въ садъ).

Браунъ. Агнецъ! (Пауза).

Кэте. Онъ меня иногда прямо трогаетъ. (Пауза).

(Изъ комнаты, гдѣ происходили крестины, выходятъ старшій Фокератъ и пасторъ Коллинъ. Оба очень веселы. Фокерату уже за пятьдесятъ. Сѣдая голова, борода рыжая, на лицѣ и на рукахъ веснушки. Силенъ, широкъ, склоненъ къ тучности. Немного горбится, ходитъ мелкими шажками. Весь дышитъ любовью и добродушіемъ. Веселая, наивная жизнерадостная натура. Пасторъ Коллинъ—старикъ 73 лѣтъ. Носитъ шапочку, нюхаетъ табакъ).

Фокератъ (вводитъ пастора подъ-руку, говоритъ ему мягкимъ, слегка подавленнымъ голосомъ). Очень, очень вамъ благодаренъ, г. пасторъ! Большое вамъ спасибо за это возвышающее наслажденіе, да... Я испыталъ истинный подъемъ духа... да... А, вотъ ты гдѣ, милая дочка. (Подходитъ къ Кэте, обнимаетъ и сердечно цѣлуетъ ее). Ну, славная моя, хорошая Кэте, желаю тебѣ счастья отъ всей души. (Цѣлуетъ ее). Милосердый Богъ... да... опять проявилъ Себя въ Своей великой благости, да, да... въ Своей безпредѣльной благости. (Поцѣлуй). Его милость и доброта неизмѣримы. И Онъ поддержитъ теперь, да... поддержитъ Своей отеческой рукой... Да... да... и молодой побѣгъ... да... (Брауну) Позвольте, г. Браунъ, и вамъ пожать руку. (Входитъ Іоганнесъ, Фокератъ идетъ ему навстрѣчу). А, вотъ и ты, Іоганнесъ! Родной мой! (Поцѣлуй, крѣпкія объятья. Растроганъ почти до смѣха). Радъ за тебя! (Поцѣлуй). Искренно радъ. Не знаю, какъ и благодарить Господа, да... да...

Пасторъ Коллинъ (слегка трясется, страдаетъ одышкой. Торжественно пожимаетъ Кэте руку). Еще разъ, да благословитъ васъ Господь! (Пожимаетъ руку Іоганнесу). Да благословитъ васъ Господь!

Фокератъ. Ну, дорогой пасторъ, чего позволите? Ничего? Пожалуйста!

Іоганнесъ. Ну, стаканъ вина, г. пасторъ! Я сейчасъ принесу новую бутылку.

Пасторъ Коллинъ. Только не безпокойтесь! Пожалуйста, не безпокойтесь!

Іоганнесъ. Бѣлаго или...

Пасторъ Коллинъ. Какого угодно... Какого вамъ угодно. Только, пожалуйста, не безпокойтесь, пожалуйста. (Іоганнесъ уходитъ). А пока я... (Ищетъ свои вещи. Его шляпа, пальто и пледъ висятъ на вѣшалкѣ около двери).

Фокератъ. Вы уже собираетесь уходить, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. А какъ же! А моя проповѣдь? Да кто же будетъ завтра говорить за меня проповѣдь?

Браунъ (держитъ пастору пальто).

Пасторъ Коллинъ (надѣвая пальто). Благодарю васъ, молодой человѣкъ!

Кэте. Неужели же вы не окажете намъ честь, г. пасторъ, раздѣлить нашъ скромный обѣдъ...

Пасторъ Коллинъ (одѣваясь). Очень вамъ олагодаренъ, милѣйшая г-жа Фокератъ, но...

Фокератъ. Право же, г. пасторъ, вы бы могли доставить намъ это удовольствіе.

Пасторъ Коллинъ (колеблется). Но какъ же?.. Какъ же это?..

Фокератъ. Мы всѣ такъ васъ просимъ.

Пасторъ Коллинъ. А проповѣдь? Завтрашняя проповѣдь? Да, да... понимаете... проповѣдь... завтра...

(Іоганнесъ возвращается и наливаетъ вино).

Фокератъ (береть стаканъ). Ну, наконецъ, отъ этого-то ужъ вы не откажетесь.

Пасторъ Коллинъ (беретъ у него стаканъ). Отъ этого... нѣтъ, конечно. Итакъ, за здоровье... за здоровье новокрещеннаго. (Чокаются). За то, чтобы онъ всегда остался хорошимъ, вѣрнымъ сыномъ церкви.

Фокератъ (тихо). Дай Богъ!

Іоганнесъ (предлагаетъ пастору сигары). Вы курите, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Благодарю васъ. (Беретъ сигару и обрѣзываетъ ее). Благодарю... (Беретъ у Іоганнеса спички). Пф... Пф... (Съ трудомъ закуриваетъ. Наконецъ сигара курится. Оглядываетъ комнату). А вы хорошо устроились! Пф... пф... Да, знаете, съ большимъ вкусомъ! (Продолжаетъ осматривать комнату, разглядываетъ картины, останавливается передъ картиною, изображающей борьбу Іакова съ ангеломъ): «Не оставлю тебя!— пф... пф...—пока не благословишь меня». (Довольный, мычитъ).

Кэте (съ оттѣнкомъ страха). Папочка, я бы предложила... Въ саду теперь такъ хорошо... Гораздо теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ... Быть-можетъ, ты пройдешь съ г. пасторомъ? А я велю перенести туда стаканы...

Пасторъ Коллинъ (подходитъ къ портретамъ ученыхъ надъ шкапомъ съ книгами). Пестрая компанія! Это, конечно, пф... пф... ваши учителя, г. докторъ?

Іоганнесъ (нѣсколько смущенъ). Да... т.-е., за исключеніемъ Дарвина, конечно!

Пасторъ Коллинъ. Дарвинъ? Такъ, такъ! Ахъ, да! Хм! (Читаетъ по складамъ) Эрнстъ... Геккель... Даже автографъ! Пф... пф... (Не безъ иронiи) Значитъ, онъ былъ вашимъ учителемъ?

Іоганнесъ (быстро, вспыхнувъ). Да... горжусь этимъ.

Фокератъ. Моя дочь права, дорогой пасторъ. На воздухѣ гораздо теплѣе. Если вы не имѣете ничего противъ... Я захвачу вино и стаканы...

Пасторъ Коллинъ. Съ удовольствiемъ! Пф... пф... Прекрасно! Пф... пф... Только, знаете, на нѣсколько минутъ... не больше. (Идетъ за Фокератомъ. Колкимъ тономъ) Человѣкъ, г. судья, человѣкъ, слышите, больше ужъ... пф... пф... не образъ и подобiе Божiе. Нѣтъ, просто—обезьяна... Къ этому заключенiю пришли, по крайней мѣрѣ, естественныя науки... (Уходятъ на веранду, оттуда, оживленно жестикулируя, спускаются въ садъ).

Браунъ (смѣется про себя).

Іоганнесъ. Чего ты смѣешься?

Браунъ. Чему смѣюсь? Радуюсь!

Іоганнесъ. Радуешься?

Браунъ. Да. Развѣ нельзя?

Іоганнесъ. Пожалуйста, пожалуйста! (Ходитъ взадъ и впередъ, вздыхаетъ и вдругъ обращается къ Кэте, которая собралась уходить). Можетъ-быть, я былъ рѣзокъ?

Кэте. Немного, да.

Іоганнесъ (пожимая плечами). Ну, господа! Я просто не въ состоянiи. Не выношу я этого. Всему есть границы. Если имъ угодно провоцировать...

Кэте. Да, но все было очень деликатно.

Іоганнесъ. Да!..

Кэте. Онъ, можетъ-быть, и не замѣтилъ даже.

Іоганнесъ (ходитъ по комнатѣ, почесывая голову). Все-таки непрiятно.

Браунъ. Новая причина для огорченiй, Гансъ!

Іоганнесъ (вдругъ выходитъ изъ себя). Да оставьте вы меня въ покоѣ, чортъ возьми! Слишкомъ далеко заходите... Если у меня лопнетъ терпѣнiе...

Браунъ. Было бы очень недурно!

Іоганнесъ (къ Брауну). Вы слѣпые фанатики, больше ничего! Какой смыслъ выкладывать старику правду? Знаешь, что я тебѣ скажу: когда ты такъ говоришь, мое раздраженiе исчезаетъ. Мнѣ дѣлается совершенно ясно, что это просто ребячество—раздражаться на такихъ людей. То же

самое, если бы я сталъ возмущаться тѣмъ, что у сосны иглы, а не листья. Надо быть объективнымъ, другъ мой.

Браунъ. Въ наукѣ, пожалуй, но не въ жизни.

Іоганнесъ. Ахъ, господа! Какъ мнѣ надоѣлъ весь этотъ вздоръ... Такъ надоѣлъ... Вы представить себѣ не можете, до какой степени... (Носится взадъ и впередъ по комнатѣ).

Браунъ (отходитъ отъ печки, у которой онъ стоялъ, къ столу и кладетъ окурокъ въ пепельницу). А мнѣ нѣтъ? И очень даже! Но вѣчно изъ-за этого ныть и хныкать? Нѣтъ, чортъ возьми!

Іоганнесъ (мѣняя тонъ, смѣется). Ну, ну, не горячись! О томъ, чтобы вѣчно ныть и хныкать, и рѣчи нѣтъ. А если иной разъ и вздохнешь... Что-жъ—просто не хватаетъ воздуха, вотъ и все! Нѣтъ, нѣтъ! Жизнь моя вовсе не такъ ужъ плоха, и, во всякомъ случаѣ, въ такого банкрота, какъ ты, я еще не скоро превращусь.

Браунъ. Можетъ-быть.

Іоганнесъ. Характеръ показываешь?

Браунъ. Ничуть.

Іоганнесъ. Да, банкротъ, банкротъ! А что, собственно, значитъ банкротъ? Въ концѣ концовъ и ты не банкротъ, такъ же, какъ и я. Вотъ только если-бъ я не испортилъ настроенія своему старику и пастору!

Кэте (обнимая Іоганнеса). О, Ганнесъ, Ганнесъ! Не падай духомъ!

Іоганнесъ. Вотъ и работа моя меня мучитъ. Уже двѣ недѣли не могу работать.

Браунъ. Трусливъ! Самому себѣ не хочешь признаться, какъ это ничтожно...

Іоганнесъ (не дослышавъ). Что?

Браунъ. Ничего... Знаешь поговорку? «Если дождикъ—станетъ сыро... Если снѣгъ — то будетъ бѣло... А замерзнетъ—станетъ ледъ...»

Іоганнесъ. Глупо!

Кэте. Не грусти, Фрицъ! Подумай о нашемъ маленькомъ Филиппѣ. Зимой намъ будетъ здѣсь такъ уютно! Посмотри, какъ ты начнешь работать.

Іоганнесъ. Знаешь, Брео, ужъ четвертая глава готова!

Браунъ (безучастно). Да?

Іоганнесъ. Вотъ рукопись! Однихъ источниковъ двѣнадцать страницъ. Это—работа! А? И затрясутся же старые парики.

Браунъ. Полагаю.

Іоганнесъ. Вотъ, посмотри, напримѣръ... (Перелистываетъ рукопись). Здѣсь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браунъ. Только не читай сейчасъ. Такая лѣнь напала... Въ другой разъ.

Іоганнесъ (покорно). Конечно, конечно! Я и не хотѣлъ. Я...

Кэте. Да сейчасъ и обѣдать будемъ.

Іоганнесъ. Конечно, конечно... Я вовсе и не хотѣлъ... Я хотѣлъ только... Э! (Со вздохомъ кладетъ рукопись назадъ въ книжный шкапъ).

Кэте. Развеселись. Ганнесъ!

Іоганнесъ. Ахъ, Кэте, я и такъ веселъ!

Кэте. Нѣтъ, ты опять сталъ грустный...

Іоганнесъ. Хоть бы одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ поддержалъ меня! Не такъ ужъ много и требуется! Немножко сочувствія, немножко пониманія моей работы!

Кэте. Будь благоразуменъ, не мучь ты самъ себя! Подожди, еще придетъ время, и всѣ они поймутъ...

Іоганнесъ. А до тѣхъ поръ? Ты думаешь, легко быть совсѣмъ безъ поддержки?.. Развѣ можно долго выдержать это?

Кэте. Думаю, Ганнесъ... если тяготитъ какая-нибудь мысль, нужно освободиться отъ нея. Поди взгляни на Филиппа. Когда онъ спитъ, онъ такой славный. Лежитъ такъ... (Показываетъ, какъ онъ складываетъ ручонки). Лапки — въ кулачки. Умереть можно со смѣху. Пойдемъ.

Іоганнесъ (Брауну). Пойдемъ съ нами?

Браунъ. Ну ужъ нѣтъ... Ни малѣйшей слабости не питаю къ маленькимъ дѣтямъ... Я похожу немного по саду. (Уходитъ на веранду).

Іоганнесъ. Странный малый!

Кэте (осторожно открываетъ дверь въ спальню). Что̀ за прелесть! Тсс... тише, тише... (Оба, держась за руки, уходятъ на цыпочкахъ. Г-жа Фокератъ и горничная между тѣмъ накрываютъ на верандѣ на столъ. Вдругъ раздается сильный шумъ отъ упавшей на камни посуды и разбившейся груды фарфора. Короткій крикъ, и блѣдная горничная пробѣгаетъ черезъ комнату, отъ веранды къ входной двери. За горничной входитъ г-жа Фокератъ, бранясь ей вслѣдъ).

Г-жа Фокератъ. Это, наконецъ, невозможно, Минна! Каждый день бьете! И такой чудный майонезъ! (Горничная уходитъ въ наружную дверь). У меня бы не случилось ничего подобнаго... Ихъ надо учить!

Іоганнесъ (выходитъ на стукъ изъ спальни). Что̀ такое, мамочка? (Обнимаетъ ее и старается успокоить) Ну, успокойся, успокойся! Разстраиваться нечего!

Кэте (въ дверяхъ). Что случилось?

Іоганнесъ. Да ровно ничего!

Кэте (исчезаетъ).

Г-жа Фокератъ. Ничего... Благодарю покорно! На десять марокъ набила посуды — и ничего! Да и майонеза нѣтъ... Ахъ... (Отталкиваетъ Іоганнеса).

Іоганнесъ. Ну, мама, мама! И безъ майонеза отлично обойдемся.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы слишкомъ легкомысленны! У васъ нѣтъ средствъ, чтобы швыряться такъ. Вы слишкомъ много спускаете прислугѣ. Вотъ съ ней и нѣтъ сладу...

Іоганнесъ. Но вѣдь ей же приходится всегда возиться съ посудою и...

Г-жа Фокератъ. Я тоже не тиранка... У меня горничныя по шести, по семи лѣтъ жили. Но если онѣ разобьютъ, онѣ должны купить. Конечно, у васъ имъ—и пирожное, и икра!.. Все новыя идеи! Ну, и оставьте меня въ покоѣ!

Іоганнесъ (весело). Ну, мамочка, будь подобрѣе!

Г-жа Фокератъ. Да я и такъ добра, родной мой! (Цѣлуетъ его). Ахъ, ты, верченая голова! Не годишься ты для жизни! (Видно, какъ на верандѣ горничная вытираетъ и подбираетъ осколки).

Іоганнесъ (смущенно). Это правда, мама! (Весело) Но зачѣмъ у тебя всегда такой... такой взглядъ? Страхъ какой-то... Напряженность...

Г-жа Фокератъ. У меня? Право, не знаю... Какой у меня взглядъ?

Іоганнесъ. Ну-ка, взгляни на меня еще разъ.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! (Пристально смотритъ на него).

Іоганнесъ. Вотъ теперь хорошо.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! Какъ бы я хотѣла, чтобы ты былъ всегда доволенъ!.. Былъ бы удовлетвореннымъ человѣкомъ!

Іоганнесъ. Этого, мама, тебѣ не дождаться. Удовлетворенные люди—это трутни въ ульѣ. Жалкія существа!

Г-жа Фокератъ. Но къ чему все это?

Іоганнесъ (серьезнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе взволнованно). И ребенокъ нашъ тоже долженъ быть настоящимъ «неудовлетвореннымъ человѣкомъ».

Г-жа Фокератъ. Избави Боже!

Іоганнесъ. Впрочемъ, онъ долженъ быть не такимъ, какъ я... Другимъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ!

Г-жа Фокератъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мы вѣдь тоже дѣлали все, что̀ могли.

Іоганнесъ. Ну, мамочка, въ концѣ концовъ и я ужъ не такой неудачникъ.

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ! Я и не говорю этого! И не думала говорить! Но вѣдь ты же самъ говоришь, что Филиппъ долженъ быть не такимъ... и... послушай: ты не вѣришь... не вѣришь въ Бога. У тебя нѣтъ никакой религіи... А это очень тяжело.

Іоганнесъ. Религія, религія! Да, конечно, я не вѣрю, что Богъ имѣетъ наружность человѣка и человѣческіе поступки, что у Него есть Сынъ и т. д.

Г-жа Фокератъ. Но вѣдь въ это надо же вѣрить, Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Нѣтъ, мама, можно не вѣрить въ это и все-таки имѣть религію. Кто старается познать природу, тотъ стремится и къ познанію Бога. Богъ — въ природѣ. «Что̀ это за Богъ, который дѣйствуетъ извнѣ и однимъ прикосновеніемъ пальца приводитъ все кругомъ въ движеніе. Ему подобаетъ двигать мірами изнутри»...—говоритъ Гёте, мамочка, а онъ понималъ это лучше, чѣмъ пасторы и суперинтенденты всего міра.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, милый мой! Когда я слушаю, какъ ты говоришь... какъ больно, что ты не остался теологомъ. Я помню, что̀ сказалъ мнѣ твой наставникъ послѣ твоей пробной проповѣди...

Іоганнесъ (весело). Ну, мамочка, было и прошло! (Раздается звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Вѣдь дверь, кажется, не заперта. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ входной двери. Стукъ въ дверь).

Прачка Леманъ (въ синемъ полинявшемъ ситцевомъ платьѣ. Входитъ робко). Здравствуйте.

Г-жа Фокератъ } (не совсѣмъ одновременно). Здравствуйте,
Іоганнесъ } г-жа Леманъ!

Г-жа Леманъ. Я только хотѣла спросить... ужъ вы простите, г-жа Фокератъ... я ищу своего жильца, давно ужъ ищу...

Іоганнесъ. Понятно, г-жа Леманъ... Г-нъ Браунъ здѣсь.

Г-жа Леманъ. Тс... тс... (Оглядываясь вокругъ) Да, кому такъ посчастливится!

Г-жа Фокератъ. Какъ поживаете, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Ахъ, г-жа Фокератъ! Плохо, очень плохо! Старика своего пришлось выгнать. Невозможно было. Какъ быть теперь... съ пятью ребятами... Просто не знаю.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Но...

Г-жа Леманъ (дѣлаясь все разговорчивѣе). Да видите ли, г-жа Фокератъ, если бы я-то еще не такъ ослабла! А я совсѣмъ стала слабая. А злость-то, г-жа Фокератъ, такъ и грызетъ... И никто меня не можетъ осудить за это. Я и сказала своему старику: Адольфъ, говорю я, иди ты, говорю, ради Бога, къ своимъ братьямъ. Да! Иди къ своимъ собутыльникамъ. Ступай, говорю... А ужъ для своихъ пятерыхъ-то сама буду тянуться. Если ты и заработаешь что, все самъ, говорю я ему, сейчасъ и пропьешь. Ума въ тебѣ, говорю, нѣтъ! Если бы былъ у тебя умъ, говорю, такъ не довелъ бы ты жену и дѣтей до нищеты... говорю... Да, г-жа Фокератъ, такъ я ему все и сказала, а самоё такъ и прокололо насквозь, точно жало какое вшлось въ меня, да. Да развѣ поможешь! По правдѣ сказать, такъ-то лучше! Ну, думаю, Господь поддержитъ меня съ моими пятью ребятишками, да... (Сморкается и вытираетъ слезы).

Г-жа Фокератъ. Намъ всѣмъ приходится...

Г-жа Леманъ. Вотъ, вотъ, и я то же сказала. Ступай ты, говорю, хоть къ индѣйцамъ. Уходи. Если бы ты былъ человѣкъ честный, говорю я, и могъ работать, говорю я, и хоть нѣсколько приносить пфенниговъ, говорю, тогда еще можно было бы жить. А я честная женщина, г-жа Фокератъ. Будь что угодно, не трону... пальцемъ не дотронусь...

Іоганнесъ. Вы хотѣли поговорить съ Брауномъ, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Нѣтъ!.. Ахъ, я и забыла совсѣмъ... Барышня тутъ одна его спрашиваетъ. (Черезъ входную дверь показывается голова Фрейлейнъ Маръ и сейчасъ же исчезаетъ. Іоганнесъ замѣтилъ ее).

Іоганнесъ. Пожалуйста... Пожалуйста, войдите! (Спрашиваетъ мать и г-жу Леманъ, ничего не замѣтившихъ) Вотъ эта барышня? (Г-жѣ Леманъ) Да вы попросили бы ее войти. (Отворяя входную дверь) Прошу васъ, пожалуйте сюда. Вы хотѣли бы видѣть моего друга Брауна? Будьте любезны, входите!

(Анна Маръ—дѣвушка 24-хъ лѣтъ, средняго роста, съ небольшой головой и темными, гладко причесанными волосами. Тонкое нервное лицо. Въ ея непринужденныхъ движеніяхъ—грація и сила. Нѣкоторая увѣренность и рѣзкость на ряду со скромностью и тактомъ нисколько не нарушаютъ впечатлѣнія женственности. Анна одѣта въ черное).

Анна Маръ (входитъ). Извините, ради Бога. Мнѣ такъ непріятно, что я побезпокоила васъ.

Іоганнесъ. Да, пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ!

Анна. Г-жа Леманъ пропала... И я только хотѣла ска-

вать ей... что я могу повидать г. Брауна какъ-нибудь въ другой разъ.

Іоганнесъ. Да что̀ вы! Я сейчасъ же позову Брауна. Садитесь, пожалуйста.

Анна. Очень вамъ благодарна. (Продолжаетъ стоять). Нѣтъ, право, мнѣ такъ непріятно...

Іоганнесъ. Да пожалуйста... Я сейчасъ позову Брауна.

Анна. Я доставила вамъ безпокойство...

Іоганнесъ. Нисколько. Простите-на одну минуту. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза—въ силу легкаго замѣшательства).

Г-жа Леманъ. Ну, такъ я пойду. (Аннѣ) Назадъ вы и одна найдете дорогу.

Анна. Да, да, благодарю васъ, что проводили. Пожалуйста! (Даетъ ей денегъ).

Г-жа Леманъ. Очень вамъ благодарна, очень благодарна! (Г-жѣ Фокератъ) Вотъ и весь мой заработокъ сегодня, г-жа Фокератъ, ей-Богу! Да, не легко приходится. А все-таки, говорю я, лучше собственную шкуру продать, чѣмъ жить съ такимъ пьяницей. Да... надо только надежды на Бога не терять! Господь Богъ никогда еще не оставлялъ меня. (Берется за дверную ручку). Ну, теперь прямо въ лавочку купить чего-нибудь своей пятеркѣ. (Уходитъ).

Г-жа Фокератъ (ей вслѣдъ). Зайдите-ка на кухню! Найдется что-нибудь... (Переноситъ свой стулъ къ стулу, около котораго стоитъ Анна, и садится). Пожалуйста. Присядьте!

Анна (медленно опускаясь на стулъ). Я совсѣмъ не устала, я...

Г-жа Фокератъ. Вы знаете эти края?

Анна. Нѣтъ. Я изъ русскихъ остзейскихъ провинцій, я...

(Пауза смущенія).

Г-жа Фокератъ. Здѣсь все пески. Не нравится мнѣ здѣсь. Я изъ-подъ Бреславля. А какъ здѣсь все дорого,— вы и представить себѣ не можете. Мой мужъ арендуетъ дворянское имѣніе. Ну, это еще ничего, мы даже кое-что можемъ посылать дѣтямъ. А озеро видѣли? Дѣйствительно, очень красиво! И у насъ очень хорошо... Мы на самомъ берегу. У насъ двѣ лодки. Но я не люблю, когда дѣти катаются на лодкѣ. Знаете, я боюсь... Позвольте спросить, вы живете теперь въ Берлинѣ?

Анна. Да... Я тамъ въ первый разъ. Мнѣ бы хотѣлось хорошенько осмотрѣть Берлинъ.

Г-жа Фокератъ. О, да! Берлинъ стоитъ посмотрѣть! Только ужъ очень шумно.

Анна. Да, шумно. Особенно, если привыкла къ маленькому городку.

Г-жа Фокератъ. Вы откуда сами?

Анна. Изъ Ревеля, возвращаюсь въ Цюрихъ. Послѣдніе четыре года я жила въ Цюрихѣ.

Г-жа Фокератъ. Вотъ какъ! Прелестная Швейцарія! У васъ, вѣроятно, родственники въ Цюрихѣ?

Анна. Нѣтъ... я учусь.

Г-жа Фокератъ. Вы... въ университетѣ?

Анна. Да, въ университетѣ.

Г-жа Фокератъ. Да не можетъ быть! Значитъ, вы—студентка? Что вы говорите? Это очень, очень интересно! Въ самомъ дѣлѣ студентка?

Анна. Въ самомъ дѣлѣ.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, подумайте только! И что-жъ, вамъ нравится такъ много учиться?

Анна (весело). О, да, до извѣстной степени, конечно.

Г-жа Фокератъ. Просто невѣроятно.

(На верандѣ показываются Іоганнесъ и Браунъ. Дамы видятъ, что они подходятъ, и встаютъ).

Анна. Мнѣ, право, непріятно, что я побезпокоила васъ.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Я ужасно рада, что своими глазами и такъ близко видѣла настоящую студентку. У насъ такія дикія представленія о нихъ. Вы родственница г. Брауну?

Анна. Нѣтъ... Мы познакомились съ нимъ въ Парижѣ, на выставкѣ.

Г-жа Фокератъ (подавая ей руку). Всего хорошаго! Очень пріятно.

Анна. Еще разъ... извините...

(Г-жа Фокератъ уходитъ съ поклономъ во входную дверь. Іоганнесъ и Браунъ нѣсколько секундъ совѣщаются на верандѣ. Іоганнесъ остается на верандѣ, а Браунъ входитъ въ комнату).

Браунъ (удивленно). Фрейлейнъ Маръ! Вы?!

Анна. Я! Надѣюсь, вы не считаете меня настолько безтактной... Въ томъ, что я попала сюда, виновата ваша хозяйка, эта оригинальная г-жа Леманъ...

Браунъ. Бимбамъ милостивый!

Анна. Все еще существуетъ... вашъ Бимбамъ?

Браунъ. И во снѣ не снилось! Упоительно!

Анна. И «упоительно» существуетъ? У васъ вѣдь все всегда упоительно. Совсѣмъ, совсѣмъ не измѣнились!

Браунъ. Думаете? Ну, снимайте пальто.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Мнѣ только хотѣлось взгля-

нуть, что̀ съ вами. (Лукаво) А больше всего хотѣлось узнать о вашей большой картинѣ. Можно полюбоваться ею?

Браунъ. И намека нѣтъ, фрейлейнъ Маръ... полотно даже не куплено!

Анна. Нехорошо. Въ самомъ дѣлѣ,—очень нехорошо! А вы еще такъ твердо мнѣ обѣщали!

Браунъ. Человѣкъ предполагаетъ... а кучеръ располагаетъ... Снимайте же...

Анна. Нѣтъ! Я васъ повидала, г. Браунъ, и надѣюсь...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны остаться.

Анна. Здѣсь?

Браунъ. Да. Вѣдь вы не знаете, гдѣ мы?.. У Іоганнеса Фокерата. По моимъ разсказамъ вы его отлично знаете. Кстати сегодня здѣсь крестины. Вы попали какъ разъ во̀время.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Неудобно... И мнѣ надо еще побывать сегодня въ городѣ въ тысячѣ мѣстъ.

Браунъ. Магазины сегодня всѣ заперты.

Анна. Ничего. Мнѣ надо къ знакомымъ. Но не воображайте, что вы отдѣлались отъ меня. Намъ нужно еще длинный разговоръ имѣть. Я должна еще прочитать вамъ хорошую нотацію. Вы... клятвопреступникъ! Вы попрежнему, кажется мнѣ, художникъ только въ вашемъ воображеніи!

Браунъ. Сперва надо идею выносить въ себѣ. А кисти не уйдутъ.

Анна. Ну, кто знаетъ!

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ отсюда не выпущу.

Анна. Нѣтъ, г. Браунъ, оставьте вы меня въ покоѣ!

Браунъ (зоветъ). Гансъ! Гансъ!

Анна. Ради Бога!

(Іоганнесъ входитъ, краснѣя).

Браунъ. Позвольте васъ познакомить. Мой другъ Іоганнесъ Фокератъ. Фрейлейнъ Анна Маръ.

Анна } (вмѣстѣ). Я такъ много слышала о васъ.
Іоганнесъ } Я такъ много слышалъ о васъ.

Браунъ. Представь, Гансъ, фрейлейнъ Маръ хочетъ уже уходить.

Іоганнесъ. Вы очень огорчите этимъ и мою жену и всѣхъ насъ... Подарите намъ сегодняшній день.

Анна. Право, не знаю... Впрочемъ, если, правда... я не стѣсню васъ... я съ удовольствіемъ останусь.

Іоганнесъ. Да нисколько, нисколько. (Помогаетъ ей снять кофточку и передаетъ ее Брауну). Повѣсь, пожалуйста. Я сей-

часъ скажу женѣ... (Подходитъ къ двери въ спальню). Кэте! (Уходитъ въ спальню).

Анна (оправляется передъ зеркаломъ). Вашъ другъ очень любезенъ.

Браунъ. Пожалуй, даже слишкомъ!

Анна. Почему?

Браунъ. Шучу, конечно. Онъ, дѣйствительно, хорошій малый. Только, когда дѣло доходитъ до его работы, онъ становится невыносимъ. Вотъ увидите, если вы останетесь здѣсь вечеромъ, онъ не пропуститъ случая почитать вамъ что-нибудь изъ своей работы.

Анна. Что это за работа?

Браунъ. Для меня слишкомъ ученая—философско-критико-психо-физіологическая. Почемъ я знаю!

Анна. Это интересно. Вѣдь я тоже, какъ говорится, «прикосновенна къ философіи».

Браунъ. Ну, тогда вы нескоро уйдете отсюда. Если вы заинтересуетесь его работою, вы несказанно его обрадуете.

Іоганнесъ (выходя изъ спальни). Браунъ!

Браунъ. Ну?

Іоганнесъ. Поди-ка къ Кэте. Успокой ее немного. Оказывается, у мальчугана одно ребрышко слишкомъ выдается!

Браунъ. Еще что?

Іоганнесъ. Конечно, пустяки. Но все-таки зайди къ ней. Всегда сама себя разстраиваетъ.

Браунъ. Да ужъ хорошо, хорошо! Иду. (Уходитъ въ спальню).

Іоганнесъ. Жена проситъ извинить ее. Она черезъ нѣсколько минутъ придетъ. Она поручила мнѣ пока показать вамъ нашъ садъ. Если вы не имѣете ничего противъ...

Анна. О, съ удовольствіемъ!

Іоганнесъ (улыбаясь). У насъ, правда, очень хорошенькое имѣніе... то-есть мы арендуемъ его. Самая красота, конечно,—озеро. Вы знаете Мюггельское озеро? (Онъ передаетъ ей зонтикъ. Оба, разговаривая, идутъ къ двери на веранду). Я ненавижу городъ. Мой идеалъ—уединенный паркъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокою стѣною. Никто не мѣшаетъ, можно жить для своихъ цѣлей.

Анна. Эпикурейство.

Іоганнесъ. Да, вы правы. Но, увѣряю васъ, иначе я не могу... Вамъ не будетъ холодно?

Анна. О, нѣтъ! Я человѣкъ не изнѣженный. (Іоганнесъ пропускаетъ Анну впередъ и идетъ вслѣдъ за нею на веранду. Здѣсь они остаются нѣсколько секундъ. Видно, какъ Іоганнесъ показываетъ и объясняетъ ей открывающійся съ веранды видъ. Наконецъ оба они исчезаютъ въ саду).

(Браунъ и за нимъ Кэте выходятъ изъ спальни).

Браунъ (оглядываясь). Они ушли.

Кэте. Ну?

Браунъ. Нѣтъ, ничего... Совершенно естественное ребро.

Кэте. Знаете, у меня какое-то щемящее чувство.

Браунъ. Щемящее? Почему?

Кэте (улыбаясь). Сердцебіеніе...

Браунъ. Нервы еще не въ порядкѣ.

Кэте. Она очень гордая?

Браунъ. Кто?

Кэте. Эта барышня.

Браунъ. Маръ? Гордая? Нисколько.

Кэте. Почему же нѣтъ? Если бы я была на ея мѣстѣ, я бы...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы, право, унижаете ее!

Кэте. Напротивъ! Я чувствую къ ней безграничное уваженіе.

Браунъ. Ну вотъ еще!.. Впрочемъ, иногда она бываетъ немного высокомѣрна... Ну, тутъ надо просто отучать ее. (Пауза).

Кэте. Ганнесъ оставилъ здѣсь листъ изъ своей рукописи... Понимаетъ она что-нибудь въ этомъ?

Браунъ. Еще бы!

Кэте. Вотъ какъ! Рядомъ съ образованными людьми такія, какъ я, играютъ жалкую роль...

Браунъ. Э, что тамъ! Я тоже не очень разбираюсь въ этомъ. Мало учился. Но мнѣ эта школьная мудрость не импонируетъ.

Кэте. Говоритъ, навѣрное, блестяще?

Браунъ. Блестяще? Нѣтъ. Говоритъ такъ... да какъ всѣ мы говоримъ... Она очень умна,—да, но изъ этого еще...

Кэте (улыбаясь). Когда я была дѣвочкой, я была страшной болтушкой... Цѣлые дни безъ умолку болтала о всякихъ пустякахъ. Отъ этого я отучилась. Но зато теперь боюсь вообще разговаривать, боюсь слово сказать. (Подходитъ къ двери на веранду). Мамочка, надо еще приборъ поставить!

Г-жа Фокератъ (съ веранды, гдѣ она опять накрываетъ на столъ). А кто же еще будетъ?

Кэте. Фрейлейнъ.

Г-жа Фокератъ. Кто? Ахъ, да! Хорошо, хорошо, Кэте.

Кэте (обращается опять къ Брауну, со вздохомъ). Да, теперь уже все пропало! Стараешься, да что толку? Время ушло! (Подходя къ букету) Посмотрите, какъ красиво. Еще розы. (Даетъ понюхать Брауну). И какъ сильн еще пахнутъ!

Браунъ. Превосходно.

Кэте (ставитъ букетъ на мѣсто). Она молода?

Браунъ. Кто?

Кэте. Фрейлейнъ Маръ.

Браунъ. Сколько ей лѣтъ,—не знаю.

Кэте. Мнѣ уже двадцать два года. Да... Дѣло ужъ къ старости!

Браунъ. И къ глубокой! (Смѣется).

Кэте. И какая маленькая, узкая!

(Г-жа Фокератъ просовываетъ въ дверь голову).

Г-жа Фокератъ. Господа, у меня все готово! (Исчезаетъ. Кричитъ съ веранды въ садъ) Папа! Папа!

(Г-нъ Фокератъ и пасторъ, оба въ очень хорошемъ настроеніи, поднимаются по лѣстницѣ на веранду).

Фокератъ (въ дверяхъ, держитъ пальто пастора). Ну, вотъ! Войдите и разоблачайтесь! Ха-ха-ха! (Отъ души хохочетъ).

Пасторъ Коллинъ (со шляпой, палкой и пледомъ въ рукахъ; то хохочетъ, то пускаетъ клубы дыма). Ха-ха-ха! Въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно. Пф... пф... очень смѣшно. (Хохочетъ).

Фокератъ. И вѣдь это фактъ, г. пасторъ. (Несетъ его пальто).

Пасторъ Коллинъ. «Господинъ новопреставленный»... (Хохочетъ). Пф... пф... «Господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Смѣется, вѣшаетъ пледъ, шляпу, но шапочки не снимаетъ).

Фокератъ (смѣясь вмѣстѣ съ нимъ). Г. новопреставленный... (Брауну) Это у насъ въ деревнѣ были какъ-то похороны, г. Браунъ. Стоятъ всѣ провожающіе покойника вокругъ гроба, и вдругъ... (Изображая ужасъ, быстро) вдругъ что-то зашевелилось... Можетъ-быть, стуломъ кто двинулъ или чѣмъ еще... Словомъ, что-то зашевелилось... (Изображаетъ ужасъ) Всѣ вздрогнули. Только сторожъ церковный, ха-ха-ха, не потерялся, — отчаянный онъ... Подходитъ къ гробу, ха-ха-ха, и стучитъ. (Подражаетъ голосу церковнаго сторожа и стучитъ пальцемъ по столу) «Господинъ новопреставленный, господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Усиленно смѣется).

Пасторъ Коллинъ (смѣется). Можете себѣ представить?

Пф... пф!.. Это вѣрно. Я знаю этихъ церковныхъ сторожей.

Г-жа Фокератъ (входитъ). Ну, папочка, пожалуйте! А то супъ простынетъ.

Фокератъ. Пожалуйста, г. пасторъ!

Пасторъ Коллинъ. Обошли вы меня все-таки! (Кладетъ сигару въ пепельницу и подаетъ г-жѣ Фокератъ руку) Г-жа Фокератъ!

Фокератъ (собираясь подать руку невѣсткѣ). А гдѣ же Іоганнесъ?

Г-жа Фокератъ. И фрейлейнъ? Право, это нехорошо со стороны Іоганнеса. Такой хорошій обѣдъ и весь..

Фокератъ (весело). Да, знаете, г. пасторъ, «между ртомъ и межъ ѣдой»,—ха-ха-ха!

Пасторъ Коллинъ. «Силы темныя толпой»,—ха-ха-ха!

Фокератъ. Должно-быть, это та самая дама. Мы видѣли на озерѣ какую-то парочку. Правда, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Какъ же... какъ же... Они, навѣрно, на лодкѣ уѣхали.

Г-жа Фокератъ. Ну, начнемъ безъ нихъ.

Фокератъ. Кто опоздалъ...

Браунъ (наблюдавшій съ веранды, входитъ въ комнату). Идутъ, идутъ!

Фокератъ. Какъ разъ во-время!

(Съ веранды входятъ Іоганнесъ и Анна).

Іоганнесъ. Мы опоздали?

Фокератъ. Нѣтъ, какъ разъ во-время.

Іоганнесъ. Ради Бога, простите. Мы... На озерѣ такъ хорошо. Позвольте познакомить. (Представляетъ) Г. пасторъ Коллинъ, мой отецъ, моя мать.

Г-жа Фокератъ. Мы уже познакомились.

Іоганнесъ. Моя жена. Фрейлейнъ Маръ.

(Всѣ оправляютъ платье и идутъ на веранду: г-жа Фокератъ подъ-руку съ пасторомъ, Кэте подъ-руку съ старымъ Фокератомъ, Анна—съ Іоганнесомъ. Одинъ, сзади всѣхъ, идетъ Браунъ).

(Комната пустѣетъ. Изъ спальни долетаетъ тихое пѣнье кормилицы: бай-баю-бай... Съ веранды доносится звонъ посуды. Вдругъ входитъ Кэте и достаетъ что-то изъ выдвижного ящика стола. За нею поспѣшно входитъ Іоганнесъ).

Іоганнесъ. Послушай, Кэте... тебѣ же нельзя.. нельзя такъ бѣгать. Позволь, я...

Кэте. Что ты, я ужъ не такъ слаба.

Іоганнесъ (съ пламеннымъ воодушевленіемъ). Знаешь, это поразительный человѣкъ! Такой запасъ знаній, такая самостоятельность сужденій! И подумать только, что такой

человѣкъ еле-еле сводить концы съ концами. Помнишь, Браунъ много разсказывалъ о ней. Собственно говоря, нашъ долгъ... да, просто наша обязанность уговорить ее погостить у насъ здѣсь хоть нѣсколько недѣль.

Кэте. Если хочешь...

Іоганнесъ. Вовсе я не хочу. Тебѣ это гораздо нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Ты должна этого хотѣть: отъ такой дѣвушки ты можешь многому научиться.

Кэте. Какой ты иногда бываешь злой, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Да развѣ я не правъ? Тебѣ слѣдуетъ лихорадочно хвататься за каждый случай хоть немного расширить свое развитіе... Ты должна стремиться къ этому. Ты должна удержать ее у насъ. Я не понимаю, какъ можно быть такой равнодушной.

Кэте. Да я всей душой за это, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Никакого огня нѣтъ въ васъ, никакой иниціативы! Ужасно!

(Пасторъ на верандѣ стучитъ ножомъ по стакану).

Кэте. Ступай, Ганнесъ, ступай! Пасторъ произноситъ тостъ. Я сейчасъ приду... А я... Я всей душой за то, чтобы она осталась. Ну, ступай,—надо же, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ тамъ былъ...

Іоганнесъ. Ну, будь милой, Кэте... будь милой. (Цѣлуетъ ее въ полные слезъ глаза и поспѣшно идетъ на веранду. Слышенъ голосъ пастора. Все еще доносится тихое пѣніе кормилицы. Съ Кэте что-то произошло. Послѣ ухода Іоганнеса она сразу какъ бы вянетъ, слабѣетъ и направляется къ верандѣ, ища руками, о что бы опереться. Мгновеніями у нея кружится голова. Наконецъ она не въ состояніи идти и опускается на стулъ. Остановившійся взглядъ ея устремленъ въ одну точку, губы беззвучно шевелятся, на рѣсницахъ капли слезъ. Пасторъ кончилъ тостъ. Слышно, какъ чокаются. Кэте собирается съ силами, подымается со стула и идетъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Превосходное осеннее утро. Г-жа Фокератъ въ домашнемъ платьѣ, въ фартукѣ со связкою ключей, накрываетъ на столъ къ завтраку. Слышенъ хоръ мужскихъ голосовъ, поющій пѣсню: «Кого Господь захочетъ наградить». Мимо дома проходитъ «общество пѣнія». Изъ сада подымается на веранду Анна Маръ съ корзиной винограда. Она останавливается, прислушивается къ пѣнію, затѣмъ смотритъ вдаль черезъ озеро, прикрывая отъ солнца глаза рукой. Пѣніе понемногу стихаетъ. Анна входитъ. На ней черное утреннее платье съ короткими рукавами. На головѣ и вокругъ шеи черный кружевной шарфъ. На груди букетъ изъ пестрыхъ осеннихъ листьевъ.

Г-жа Фокератъ. А, доброе утро!

Анна (ставитъ корзину въ сторону, спѣшитъ къ г-жѣ Фокератъ и цѣлуетъ ей руку). Доброе утро, тетушка Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Такъ рано и ужъ встали?

Анна. Мы собираемъ съ г. Іоганнесомъ виноградъ.

Г-жа Фокератъ. Да, ужъ пора. (Пробуетъ ягоды изъ корзины) Слаще не будетъ... Неужели вамъ не холодно? (Трогаетъ пальцами обнаженную руку Анны). Вы такъ легко одѣты. Сегодня, по-моему, совсѣмъ свѣжо!

Анна (во время разговора тщательно вынимаетъ вѣтки винограда и раскладываетъ ихъ на деревянной дощечкѣ). Довольно свѣжо. Но мнѣ ничего. Я привыкла къ холоду. Поразительный воздухъ! Сваи въ озерѣ — знаете, къ которымъ привязываютъ лодки—утромъ были совершенно бѣлыя отъ инея. Такъ оригинально. Вообще здѣсь замѣчательно красиво... Можетъ-быть, помочь вамъ, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Передайте мнѣ, пожалуйста, сахарницу.

Анна (ставитъ сахарницу на столъ. Наклонившись къ столу, смотритъ въ сторону). Вы не сердитесь на меня, что я зову васъ тетушкой Фокератъ?

Г-жа Фокератъ (смѣется). Почему же?

Анна. Я такъ рада, что вы позволяете. (Порывисто и горячо цѣлуетъ г-жу Фокератъ). Ахъ, я такъ благодарна, что вы позволяете мнѣ жить здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Да что вы, фрейлейнъ Анна!

Анна. Я чувствую себя такъ хорошо въ вашей семьѣ. Вы всѣ такъ сердечны ко мнѣ. И вообще всѣ вы такіе хорошіе люди.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, ты!.. Сколько паутины на васъ! (Снимаетъ паутинки съ платья Анны).

Анна. Сколько счастья можетъ дать семья! До сихъ поръ все это было мнѣ такъ чуждо!

Г-жа Фокератъ (все еще снимая паутину). Ну, ну... Не сглазьте!.. Погодите... настоящія веревки!

Анна. А вы суевѣрны, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. О, нѣтъ, нѣтъ, милая! Это правда, Господь милостивъ къ намъ. И все-таки и у насъ.. не совсѣмъ такъ, какъ могло бы быть.

Анна. Не знаю. Но вѣдь вы всѣ такъ... Ахъ, нѣтъ, вамъ не на что жаловаться...

Г-жа Фокератъ. Да, да, вы правы. Не слѣдуетъ роптать... (Уклончиво) Удивительно хорошо, что вы теперь у насъ! (Таинственно) И для Іоганнеса вы—добрый геній.

Анна (смущенная, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, потомъ говоритъ съ горячностью). Такъ вы, правда, ничего не имѣете противъ меня?

Г-жа Фокератъ. Я васъ очень люблю.

Анна. Все-таки не такъ, какъ я васъ. Я люблю васъ, какъ родную мать. (Беретъ пустую корзину, собираясь идти опять въ садъ). У г. Іоганнеса слишкомъ доброе, слишкомъ мягкое сердце.

Г-жа Фокератъ. Почему?

Анна. Да такъ... вообще... Вотъ, напримѣръ, вчера мы встрѣтили на улицѣ пьянаго. Какъ разъ въ это время возвращались изъ школы ребятишки. Да и взрослые даже не оставляли его въ покоѣ. У Мюгельскаго замка собралась цѣлая толпа...

Г-жа Фокератъ. Да, да! Этого онъ не выноситъ. Въ такихъ случаяхъ его не удержишь. У него уже было изъ-за этого столько непріятностей.

Анна. Развѣ это нехорошо, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Хорошо? Да, конечно, онъ очень добрый. Но если хорошенько подумать, какая отъ этого польза... Какая польза отъ всей этой доброты! А потомъ, хоть онъ и добръ, а отъ Бога онъ отвернулся... Повѣрьте, это очень тяжело, фрейлейнъ, для матери... для родителей... которые всю свою душу отдали за то, чтобы сдѣлать изъ сына добраго христіанина. (Сморкается, чтобы скрыть волненіе). Ахъ, этотъ глупый насморкъ! Ужъ сколько дней!.. (Стираетъ пыль. Послѣ паузы) Да, онъ добрый, да! И это очень хорошо, только отъ этого еще вдвое больнѣе... И это безъ возмездія не проходитъ... Это замѣтно, — ему ни въ чемъ нѣтъ успѣха, да... Вѣчное безпокойство, вѣчное стремленіе куда-то... Какая-то погоня... И хоть бы выходило изъ этого что-нибудь! А то вѣдь — нѣтъ... впередъ онъ не идетъ! А какой онъ былъ раньше... ребенкомъ... Поразительный ребенокъ былъ... Помню, пасторъ Шмидель... Всѣ удивлялись. Тринадцати лѣтъ — уже въ старшемъ отдѣленіи, въ семнадцать—кончилъ гимназію. А теперь? А теперь почти всѣ обогнали его... Теперь ужъ многіе, у которыхъ и въ половину не было его способностей, уже давно на службѣ!

Анна. Собственно говоря, это вполнѣ естественно. Это только доказываетъ, что г. Іоганнесъ выше средняго уровня... Торныя дороги—не для всѣхъ. Г. Іоганнесъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ищутъ новыхъ путей.

Г-жа Фокератъ. Но кому же это нужно, фрейлейнъ

Анна? Что̀ толку въ томъ, что онъ такъ себя изнуряетъ? Мнѣ во сто разъ было бы пріятнѣе, если бы онъ былъ простымъ земледѣльцемъ... или садовникомъ, хоть чиновникомъ или чѣмъ-нибудь еще... Только бы не было у него этихъ пустыхъ мечтаній. Но, простите, фрейлейнъ, я еще испорчу вамъ расположеніе духа. Иногда находитъ на меня... Иногда кажется, что не вынесешь этого!.. А потомъ поплачешь немного и подумаешь: Господь устроитъ какъ-нибудь... Да, да! Вотъ вы улыбаетесь... Я — стараго вѣка и отъ него не отступлю... Отъ Того, Кто на небесахъ, вы меня никакими силами не заставите отвернуться.

Анна. Да я и не собираюсь. Я и не смѣялась, тетушка Фокератъ. Но видите, вы и сами сейчасъ развеселились. Пойдемте... Хотите? На верандѣ чудесно...

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ. Еще простужусь тамъ. Да и дѣло у меня есть. Идите да приведите Іоганнеса. Завтракъ готовъ. (Анна уходитъ).

(Г-жа Фокератъ стираетъ съ мебели пыль. Слышны барабаны и флейты. Г-жа Фокератъ спѣшитъ къ окну. Звуки инструментовъ постепенно затихаютъ. Изъ спальни входитъ Кэте въ капотѣ).

Кэте (утомленная). По воскресеньямъ здѣсь слишкомъ шумно.

Г-жа Фокератъ. Это, Кэтель, гимнастическій кружокъ изъ Берлина. Веселые люди! Съ добрымъ утромъ, дорогая! Ну, какъ выспалась? Хорошо? Видъ у тебя сегодня не особенный.

Кэте. Маленькій два раза просыпался... И я долго не могла заснуть... Все думала... думала о многомъ...

Г-жа Фокератъ. Ужъ пора передать его кормилицѣ... Можетъ теперь и одна съ нимъ спать...

Кэте (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, мама, ты же знаешь...

Г-жа Фокератъ. Да почему же нѣтъ?

Кэте. Ты же знаешь, что я этого не сдѣлаю.

Г-жа Фокератъ. Въ концѣ концовъ придется же, Кэте, это сдѣлать.

Кэте (раздражаясь). Ни за что съ нимъ не разстанусь. Филиппъ—мой ребенокъ. Оставлять такую крошку безъ матери...

Г-жа Фокератъ. Да что̀ ты, дѣточка! Сохрани Богъ! Кто же говоритъ объ этомъ! Погоди, я принесу тебѣ... кофе... сдѣлать тебѣ бутербродъ или...

Кэте (сидя за столомъ, утомленно). Да, пожалуйста! (Пауза, во время которой г-жа Фокератъ намазываетъ масло на хлѣбъ). А гдѣ Іоганнесъ?

Г-жа Фокератъ. Онъ съ фрейлейнъ Анной собираетъ виноградъ.

Кэте (опускаетъ подбородокъ на руки, говоритъ, растягивая слова). Она очень симпатичная. Правда?

Г-жа Фокератъ. Да. По правдѣ сказать, она мнѣ тоже нравится.

Кэте. Ну, вотъ видишь, мамочка, а ты всегда была такого дурного мнѣнія объ эмансипированныхъ женщинахъ.

Г-жа Фокератъ. Да, правда. И сознаюсь...

Кэте (вяло). Такая простая, женственная. Ни малѣйшей навязчивости... А она вѣдь очень образованная и очень умная. По-моему, это очень хорошо... Правда, мамочка? Она совсѣмъ не старается блеснуть своими знаніями... И за Іоганнеса я очень рада. Ты не находишь, что онъ теперь всегда такой веселый?

Г-жа Фокератъ (съ удивленіемъ). Да, да, правда. Онъ теперь иногда прямо дурачится.

Кэте. Правда, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Потому что теперь у него есть человѣкъ, передъ которымъ онъ можетъ выкладывать всю свою ученость.

Кэте. А для него это очень важно.

Г-жа Фокератъ. Да, можетъ-быть, можетъ-быть. (Пауза).

Кэте. Въ очень многомъ я согласна съ фрейлейнъ Анной. Недавно она сказала: «Мы, женщины, находились въ приниженномъ состояніи». И она совершенно права. Я сотни разъ чувствовала это.

Г-жа Фокератъ. Ну, это меня нисколько не огорчаетъ. Знаешь, съ этими разговорами ко мнѣ, старой и опытной женщинѣ, она можетъ не являться. Впрочемъ, она это поняла. Я слишкомъ стара для этого и слишкомъ много перенспытала.

Кэте. Но она права, мама. Ясно, какъ день, что она права. Мы, въ самомъ дѣлѣ, какія-то презрѣнныя созданья... Подумай только,—въ нашихъ законахъ есть одна статья,—она вчера разсказывала,—по которой мужъ еще и теперь имѣетъ право подвергнуть жену тѣлесному наказанію.

Г-жа Фокератъ. Не знаю, ничего не могу объ этомъ сказать. Во всякомъ случаѣ, это было бы совсѣмъ ужъ не такъ плохо. Только, если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, — оставь ты эти новыя идеи. Онѣ только съ толку сбиваютъ и отнимаютъ покой и миръ. Погоди, дѣтка, я

сейчасъ кофе принесу. Да, я держусь, по крайней мѣрѣ, такого мнѣнія. (Уходитъ).

(Кэте сидитъ за столомъ, облокотившись на столъ и положивъ подбородокъ на руки. Въ это время неожиданно мимо дома проходятъ Іоганнесъ и Анна, громко разговаривая и смѣясь. Кэте пугается, вздрагиваетъ и подымается, чтобы прослѣдить ихъ глазами. Во взглядѣ ея—страхъ, она тяжело дышитъ. Слышно, какъ г-жа Фокератъ шумитъ кофейникомъ. Сейчасъ же послѣ этого входитъ г-жа Фокератъ и застаетъ Кэте въ то^т же позѣ въ какой ее оставила).

Г-жа Фокератъ (внося кофе). Ну, вотъ... Выпей-ка да подкрѣпись.

(Фрейлейнъ Анна и Іоганнесъ входятъ съ веранды).

Іоганнесъ (оставляя дверь отворенной). Дверь мы откроемъ. Солнце ужъ начало припекать. Очень сильныя пораненія, фрейлейнъ Анна?

Анна (втаскивая нѣсколько длинныхъ виноградныхъ лозъ). Нѣтъ, пустяки! Шпалеры такія мокрыя... я и поскользнулась съ ножницами... (Поспѣшно подходитъ къ Кэте, беретъ ее за обѣ руки и цѣлуетъ въ лобъ). Доброе утро, г-жа Кэте! У-у, какія холодныя руки! Ужасно холодныя! (Старается согрѣть ей руки).

Іоганнесъ (подойдя сзади, цѣлуетъ Кэте въ щеку). Съ добрымъ утромъ, Кэте! (Съ комичнымъ изумленіемъ) Боже мой, какой у тебя опять видъ! Ужасно! Совсѣмъ больной цыпленокъ!

Г-жа Фокератъ. Какой холодъ вы принесли съ собою! Да, скоро ужъ придется топить. Ну, пожалуйте. господа! (Наливаетъ всѣмъ).

Анна (украшая столъ лозами). Украсить немного?

Кэте. Очень красиво.

Іоганнесъ (сидя). Ну, а теперь прошу констатировать, каковъ видъ теперь у фрейлейнъ Анны, и какъ выглядѣла она недѣлю назадъ, когда только-что пріѣхала.

Анна. Мнѣ здѣсь слишкомъ ужъ хорошо! Надо ужъ собираться!

Г-жа Фокератъ. Деревенскій воздухъ сразу даетъ себя знать.

Іоганнесъ. А кто тогда такъ упрямился?

Г-жа Фокератъ. Что-то нашъ папа теперь подѣлываетъ?

Іоганнесъ. Навѣрное, скучаетъ безъ тебя.

Г-жа Фокератъ. Ну, у него дѣла много. Хоть и озимый сѣвъ теперь, но онъ пишетъ, чтобы я оставалась здѣсь, пока не пройдетъ надобность.

Іоганнесъ. Онъ пріѣдетъ за тобою, мама?

Г-жа Фокератъ. Да, если я напишу ему, онъ пріѣдетъ. (Къ Аннѣ) Онъ съ удовольствіемъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы повидать дѣтей. А теперь еще и внукъ есть! Нѣтъ, знаете, когда пришла ваша телеграмма, что родился здоровый мальчикъ, — онъ былъ внѣ себя отъ радости.

Кэте. Славный папочка! Тебѣ надо скорѣе домой, къ нему! Съ нашей стороны было бы слишкомъ эгоистично...

Г-жа Фокератъ. Я-то поѣду! Только пусть сначала твои щечки измѣнятъ свой видъ.

Анна. Да и я еще здѣсь. Вы что думаете? Я не умѣю хозяйничать? О! И какихъ бы кушаній я вамъ наготовила! Настоящій русскій борщъ или пилавъ. (Всѣ смѣются).

Г-жа Фокератъ (съ невольной поспѣшностью). Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что не уѣду.

Кэте. Если тебѣ, правда, ничего, мамочка... (Пауза).

Іоганнесъ. Передай-ка мнѣ медъ, Кэте.

Кэте. А, вотъ и Браунъ! (Браунъ въ пальто, шляпѣ, съ зонтомъ и дорожной сумкой. Подъ мышкой книга. На лицѣ выраженіе скуки. Походка утомленная, медленная).

Браунъ. Здравствуйте!

Іоганнесъ. Куда это тебя несетъ такъ рано?

(Г-жа Фокератъ отмахивается салфеткой).

Іоганнесъ. Это пчелка, мамочка! Не бей ее, не бей!

Браунъ. Собирался въ Берлинъ купить красокъ. Да, къ несчастью, на поѣздъ опоздалъ.

Іоганнесъ. Съ тобою это часто случается.

Браунъ. Ну что-жъ—и завтра поспѣю.

Кэте (поднимаетъ руки, пчела летаетъ надъ ея тарелкой). Медъ почуяла.

Анна. Развѣ нѣтъ больше поѣздовъ? (Смотритъ внизъ себѣ на грудь. Съ угрозой) Пчелка, пчелка!

Браунъ. Эти поѣзда слишкомъ дороги, я ѣзжу только въ рабочихъ.

Іоганнесъ. А они отходятъ очень рано. Скажи, а писать ты еще можешь?

Браунъ. Безъ красокъ? Нѣтъ.

Іоганнесъ. Ахъ, Брео, Брео! Опять ты въ лѣнь погрузился!

Браунъ. Придетъ ли слава днемъ раньше или днемъ позже... Да и вообще вся эта живопись...

Іоганнесъ. Лучше играть въ шахматы?

Браунъ. Тебѣ не понять! Твое море, другъ мой, безъ гаваней. Ты живешь безъ паузъ.

Іоганнесъ. Да это невозможно.

Г-жа Фокератъ (вскакиваетъ, вскрикивая). Оса! Оса! (Всѣ машутъ салфетками около г-жи Фокератъ).

Іоганнесъ. Улетѣла.

Г-жа Фокератъ (снова садясь). Отвратительная тварь! (Всѣ садятся).

Іоганнесъ (Брауну). Ну, присаживайся. Что это у тебя тамъ?

Браунъ. Хочется знать? Интересная вещь.

Іоганнесъ. Ну, садись да завтракай!

Браунъ (садится и передаетъ Іоганнесу книгу. Іоганнесъ перелистываетъ ее). Съ удовольствіемъ. Я еле успѣлъ глотокъ... Отыщи-ка «Художниковъ» Гаршина.

Іоганнесъ (перелистывая). Опять что-нибудь откопалъ?

Браунъ. Какъ разъ для тебя, Гансъ.

Анна. Да, это очень хорошій разсказъ. Вы его не знали?

Браунъ. Нѣтъ. Только сегодня утромъ еще въ постели началъ читать. Изъ-за него и на поѣздъ опоздалъ.

Анна. Вы за Рябинина или за Дѣдова?

Іоганнесъ. Во всякомъ случаѣ, теперь ты больше за чтеніе, чѣмъ за живопись.

Браунъ. Въ данную минуту, вѣрнѣе, я ни за то ни за другое. А ты вотъ обрати вниманіе на разсказъ Гаршина. Въ настоящее время есть, пожалуй, вещи поважнѣе, чѣмъ всѣ живописи и литературы, взятыя вмѣстѣ.

Анна. Значитъ, вы за Рябинина?

Браунъ. За Рябинина? Нѣтъ, такъ опредѣленно я не могу сказать.

Іоганнесъ. Что это за разсказъ: «Художники»?

Анна. Два художника: одинъ—наивный, другой—такъ-называемый «идейный». Наивный былъ инженеромъ и дѣлается художникомъ. Идейный бросаетъ живопись и дѣлается школьнымъ учителемъ.

Іоганнесъ. По какимъ же мотивамъ?

Анна. Ему кажется, что въ данное время полезнѣе быть учителемъ.

Іоганнесъ. Какъ же приходитъ онъ къ такому рѣшенію?

Анна (взяла книгу, перелистываетъ ее). Постойте. Самое простое, я прочту вамъ это мѣсто... Вотъ. (Она держитъ на-

лецъ на отысканномъ мѣстѣ и обращается ко всѣмъ, объясняя) Дѣдовъ, бывшій инженеромъ, повелъ Рябинина на котельный заводъ. Рабочіе, которымъ приходится работать внутри котловъ, обыкновенно черезъ нѣкоторое время отъ ужаснаго шума бьющихъ молотовъ теряютъ слухъ. Поэтому другіе рабочіе въ Россіи зовутъ ихъ «глухарями». Одного такого «глухаря» за работой и показываетъ Дѣдовъ Рябинину. (Читаетъ) «Вотъ онъ сидитъ предо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. На багровомъ лицѣ, по которому струится потъ... На измученной широкой и впалой груди...»

Г-жа Фокератъ. И зачѣмъ только вообще описывать такіе ужасы! Кого это можетъ радовать?

Іоганнесъ (улыбаясь и нѣжно гладя мать по головѣ). Ахъ, мамочка, мамочка! Развѣ всегда надо только смѣяться?

Г-жа Фокератъ. Этого я не говорю. Но все-таки искусство должно же доставлять извѣстное наслажденіе...

Іоганнесъ. Отъ искусства можно получать больше, чѣмъ наслажденіе.

Анна. Рябининъ тоже не радуется. Онъ потрясенъ до глубины души. Все въ немъ перевернуто.

Іоганнесъ. Ты вспомни сельское хозяйство, мама.. И тамъ, чтобы выросла новая жатва, необходимо перевернуть землю плугомъ каждый годъ.

Анна. Вотъ и въ Рябининѣ вырастаетъ что-то новое. Онъ говоритъ себѣ: пока существуютъ такіе ужасы,—преступленіе заниматься чѣмъ-нибудь, что̀ не имѣетъ цѣлью уменьшить эти ужасы.

Г-жа Фокератъ. Ужасы эти всегда существовали.

Іоганнесъ. Но идея сдѣлаться учителемъ довольно неудачна.

Брауиъ. Почему? Развѣ это—не болѣе полезное дѣло, чѣмъ писать картины или сочинять книги?

Іоганнесъ. Какъ ты цѣнишь свою работу,—это знаешь, конечно, ты! Я, во всякомъ случаѣ, не низкаго мнѣнія о своей дѣятельности.

Брауиъ. Ты просто себѣ не сознаёшься, а я—сознаюсь...

Іоганнесъ. Въ чемъ? Въ чемъ я не сознаюсь?

Брауиъ. Именно въ этомъ.

Іоганнесъ. Въ чемъ?

Брауиъ. Въ томъ, что всѣ эти писанія такъ же безцѣльны, какъ...

Іоганнесъ. Какія писанія?

Браунъ. Ну, да вотъ твои психо-физіологическія...

Іоганнесъ (сердито). Въ этомъ ты ровно ничего не понимаешь.

Браунъ. Да мнѣ дѣла до этого нѣтъ.

Іоганнесъ. Ну, послушай! Въ такомъ случаѣ ты—жалкій неучъ и стоишь на той ступени развитія...

Браунъ. Ну, ну, выложи опять свою школьную мудрость!

Іоганнесъ. На школьную мудрость я плюю, ты это отлично знаешь. Но несомнѣнно одно...

Браунъ. Ты это сто разъ говорилъ, и все-таки спесь учености такъ и лѣзетъ у тебя изо всѣхъ щелей. Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Все это—щекотливые вопросы, которые каждый рѣшаетъ про себя, по своему усмотрѣнію.

Іоганнесъ. Почему—щекотливые?

Браунъ. И какая цѣль? Ты сейчасъ же раздражаешься, сердишься и...

Іоганнесъ. Выражайся яснѣе, милый другъ! Выражайся яснѣе.

Браунъ. Глупости! Все это ни къ чему! Каждый живетъ, какъ хочетъ.

Іоганнесъ. А я, по-твоему, живу не такъ, какъ слѣдуетъ?

Браунъ. Не хуже, чѣмъ другіе. Ты просто—человѣкъ компромисса.

Іоганнесъ. Не оскорбись, если я тебѣ на это ничего не отвѣчу. Мнѣ это просто скучно. (Возбужденно) А собственно вся бѣда въ томъ, что вы, друзья мои, кричали радикальныя фразы, а я вамъ разъ навсегда сказалъ, что въ этомъ я вамъ не товарищъ. Потому я и сталъ человѣкомъ компромисса.

Браунъ. Это ты говоришь, а дѣло обстоитъ иначе: когда мы беззавѣтно отстаивали наши идеи, ты выступалъ противъ насъ и защищалъ все старое и отжившее. Этимъ ты и отпугнулъ всѣхъ своихъ друзей и остался одинъ.

Кэте (успокаивая его). Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Друзья, которыхъ я могъ отпугнуть отъ себя... на этихъ друзей, откровенно говоря, мнѣ плевать!

Браунъ (встаетъ). Плевать? (Смотритъ на Анну) Съ какихъ это поръ, Гансъ?

Кэте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы уходите, г. Браунъ?

Браунъ (оскорбленъ, но равнодушнымъ тономъ). Да, у меня есть еще дѣло.

Іоганнесъ (добродушно). Оставь свои глупости!

Брауиъ. Нѣтъ, серьезно.

Іоганнесъ. Ну, въ такомъ случаѣ иди, занимайся своимъ неотложнымъ дѣломъ.

Брауиъ. До свиданія. (Уходитъ. Пауза).

Г-жа Фокератъ (начинаетъ собирать посуду). Не понимаю, право... Такъ вы всегда бредите этимъ Брауномъ... А я, сознаюсь, не очень люблю его.

Іоганнесъ (задѣтъ). Нѣтъ ужъ, мама, ради Бога...

Кэте. Но Браунъ, въ самомъ дѣлѣ, неделикатенъ съ тобою, Ганнесъ!

Іоганнесъ. Нѣтъ, господа, ужъ, ради Бога, не мѣшайтесь въ мои личныя отношенія! (Новая пауза. Г-жа Фокератъ собираетъ со стола. Кэте встаетъ).

Іоганнесъ (къ Кэте). Куда ты?

Кэте. Маленькаго купать. (Съ дѣланной улыбкой киваетъ Аннѣ и уходитъ въ спальню. Г-жа Фокератъ, поставивъ часть посуды на подносъ, собирается уходить. Въ это время наружная дверь пріотворяется, видна фигура торговки. Она выкрикиваетъ: «Зеленщица!»).

Г-жа Фокератъ (отвѣчаетъ ей). Иду... иду. (Уходитъ въ наружную дверь. Небольшая пауза).

Анна (встаетъ, заводитъ свои часы). Который теперь часъ можетъ быть? (Оборачивается къ Іоганнесу. Онъ разстроенъ). Докторъ! (Она тихо напѣваетъ пѣсенку: «Братецъ ты мой», лукаво посматривая на Іоганнеса. Оба, наконецъ, смѣются).

Іоганнесъ (опять серьезно, со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна! Къ сожалѣнію, это очень серьезно.

Анна (лукаво грозитъ пальцемъ). А вы не смѣйтесь!

Іоганнесъ (опять начинаетъ смѣяться, но потомъ говоритъ серьезно). Вѣдь вы не знаете, что̀ за этимъ кроется... вотъ за такими словами Брауна.

Анна. Вы слыхали, какъ я играю на роялѣ?

Іоганнесъ. Нѣтъ. Я думалъ, вы совсѣмъ не играете.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ... Шучу... Что-жъ, поѣдемъ кататься на лодкѣ?

Іоганнесъ. По правдѣ сказать, мнѣ ничего не хочется!

Анна (дружески грозя ему). Докторъ!.. Докторъ! Развѣ можно такъ падать духомъ?

Іоганнесъ. Не понимаю, какъ такой человѣкъ, какъ Браунъ...

Анна. Опять Браунъ! Неужели же его слова произвели на васъ такое сильное впечатлѣніе?

Іоганнесъ. Ахъ, фрейлейнъ, все это старыя исторіи, которыя опять сейчасъ выплыли...

Анна. Ну, и оставьте, докторъ, эти старыя исторіи въ покоѣ. Пока не перестанешь оглядываться назадъ, далеко не уйдешь.

Іоганнесъ. Вы совершенно правы. Бросимъ это! Но все-таки интересно, какъ это люди, во всемъ остальномъ умные, на протяженіи столькихъ лѣтъ всегда впадаютъ въ одну и ту же ошибку. Вѣдь онъ говорилъ совершенно серьезно. Онъ считаетъ мою философскую работу—совершенно ненужной. Можете вы понять это?

Анна. Бываютъ такіе люди.

Іоганнесъ. Необходимо быть общественнымъ дѣятелемъ, шумѣть, изображать радикала! Нельзя вѣнчаться въ церкви, хотя бы изъ уваженія къ своей невѣстѣ, воспитанной въ религіозномъ духѣ. Вообще нельзя считаться ни съ прошлымъ, ни съ чѣмъ. А если кто-нибудь, вотъ какъ я, напримѣръ, живетъ замкнуто въ четырехъ стѣнахъ, отдавшись наукѣ, тотъ въ глазахъ этихъ товарищей—человѣкъ, измѣнившій своимъ идеаламъ! Развѣ все это не дико, фрейлейнъ?

Анна. Ахъ, докторъ, не придавайте вы столько значенія словамъ вашихъ друзей!.. Если ваши взгляды способны удовлетворить васъ самихъ, чего вамъ волноваться, что другихъ они не удовлетворяютъ! А эти конфликты только отнимаютъ у людей силы.

Іоганнесъ. Да, да... и впредь я не стану больше огорчаться... Кому не нравится, какъ угодно! Конечно, раньше были и у меня другіе взгляды!.. Вѣдь выросъ вмѣстѣ съ этими друзьями... привыкъ къ тому, что они тебя цѣнятъ... А когда больше не чувствуешь этого уваженія, то кажется, что попалъ въ безвоздушное пространство и задыхаешься тамъ.

Анна. Но вѣдь у васъ есть семья.

Іоганнесъ. Да, конечно, т.-е... Нѣтъ, фрейлейнъ Анна! Вы не истолкуете вкривь моихъ словъ... Этого я никому еще не говорилъ. Вы знаете, какъ я привязанъ къ своей семьѣ. Но что касается моей работы,—то тутъ моя семья ничего мнѣ не можетъ дать. Кэте... та хоть, по крайней мѣрѣ, сочувствуетъ ей. Это, конечно, очень трогательно! Она все всегда находитъ прекраснымъ. Но я же понимаю, что у нея не можетъ быть объ этомъ никакого мнѣнія. Пользы извлечь отсюда я не могу. Вотъ почему, съ тѣхъ

поръ какъ вы здѣсь, фрейлейнъ Анна, я чувствую себя буквально какъ на небѣ. Въ первый разъ въ жизни нашелся человѣкъ, серьезно заинтересовавшійся моей работой, тѣмъ, что я способенъ создать. И это меня бодритъ!.. Какъ будто дождь освѣжилъ степь... Какъ будто...

Анна. Вы почти поэтъ, докторъ!

Іоганнесъ. Да и есть отъ чего сдѣлаться поэтомъ... Но вы заблуждаетесь... Мать прямо ненавидитъ мою бѣдную рукопись. Съ величайшимъ удовольствіемъ она бросила бы ее въ печку. Моему доброму отцу она не менѣе непріятна. Итакъ, отсюда мнѣ ждать нечего. Семья можетъ быть только помѣхой въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, это меня и не удивляетъ. Но вотъ, когда у тебя есть друзья, и когда они не имѣютъ ни капли уваженія къ твоей работѣ; когда такой человѣкъ, какъ Браунъ...

Анна. Удивляюсь, почему именно Браунъ такъ огорчаетъ васъ.

Іоганнесъ. Да, Браунъ... Знаете... мы вѣдь знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Анна. Т.-е. вы знали его съ дѣтства?

Іоганнесъ. Да, и онъ, конечно, меня...

Анна. Онъ—васъ? Неужели?

Іоганнесъ. Ну да... т.-е. до извѣстной степени.

Анна. Мнѣ кажется, вы такіе въ самой основѣ различные люди.

Іоганнесъ. Вы думаете?

Анна (послѣ паузы). Г. Браунъ во всѣхъ отношеніяхъ настолько еще не сложившійся человѣкъ... настолько... Не то, чтобы онъ завидовалъ вамъ... нѣтъ... Но ему непріятно... просто невыносимо ваше упорное отстаиванье вашей... вашей собственной своеобразности... Его это даже пугаетъ. Ему кое-что просто привили,—разныя соціально-этическія идеи, или какъ ихъ тамъ еще зовутъ,—и онъ хватается, цѣпляется за нихъ, потому что самостоятельно онъ... онъ не можетъ существовать. Какъ человѣкъ, онъ не представляетъ собою сильной индивидуальности, какъ и большинство художниковъ. На свои личныя силы онъ положиться не смѣетъ... Онъ долженъ чувствовать, что за его спиной—массы.

Іоганнесъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я чуть не погибъ отъ осужденія друзей! О, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это тогда!.. Я былъ совершенно уничтоженъ. Я мучилъ себя

упреками за то, что живу въ хорошемъ домѣ, за то, что вкусно ѣмъ и пью... Я пугливо уступалъ дорогу каждому рабочему и съ замираніемъ сердца проходилъ мимо зданій, гдѣ они работали. Я измучилъ тогда жену... Я хотѣлъ раздать все имущество и добровольно осудить себя на нищету... Да, если бы пришлось снова переживать такое время, лучше... лучше—Мюггельское озеро... Ну, а теперь (беретъ шляпу) надо все-таки образумить этого глупаго малаго... Брауна...

Анна (смотритъ на него съ своеобразной улыбкой,

Іоганнесъ. А по-вашему, не надо?

Анна. Нѣтъ, поступайте такъ, какъ находите нужнымъ. Эхъ, вы, взрослый ребенокъ!

Іоганнесъ. Фрейлейнъ Анна!

Анна. Ваше сердце, докторъ,—вашъ врагъ!

Іоганнесъ. Какъ подумаю, что онъ бѣгаетъ теперь взадъ и впередъ и злится,—не могу сидѣть спокойно.

Анна. Ну, развѣ хорошо быть такимъ мягкимъ?

Іоганнесъ (рѣшивъ). Нѣтъ... нехорошо. Хотя онъ ни за что не придетъ. Онъ никогда не дѣлалъ перваго шага. Ну, да все равно! Вы правы. А поэтому и я тоже на этотъ разъ не пойду... къ Брауну. Что-жъ, отправимся на озеро?

Анна. А вы хотѣли прочитать мнѣ третью главу?

Іоганнесъ. Рукопись можно захватить съ собою.

Анна. Превосходно. Такъ я одѣнусь... въ одну минуту. (Уходитъ. Іоганнесъ подходитъ къ книжному шкапу, вынимаетъ рукопись и углубляется въ чтеніе ея. Г-жа Фокератъ входитъ изъ наружной двери, въ рукахъ у нея двѣ книжечки съ золотымъ обрѣзомъ).

Г-жа Фокератъ. Возьму одинъ изъ вашихъ удобныхъ стульевъ, надѣну очки и почитаю утреннія молитвы. На верандѣ тепло?

Іоганнесъ. Совсѣмъ тепло, мама. (Отрываясь взглядомъ отъ рукописи) Что это у тебя?

Г-жа Фокератъ. «Слова сердца». Знаешь,—мой любимый Лафатеръ. А это—Герокъ: «Пальмовые листья». Вотъ это былъ человѣкъ! И достается же иногда отъ него ученымъ! Ой-ой! (Обнимаетъ Іоганнеса и прижимаетъ его голову. Нѣжно) Ну, старый ребенокъ, опять ужъ задумался! (Не безъ юмора) Ахъ, ты, молодой отецъ!

Іоганнесъ (разсѣянно, отрываясь отъ рукописи). Что, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Какъ ты себя чувствуешь въ твоемъ новомъ чинѣ отца?

Іоганнесъ. Никакъ особенно, мамочка! Какъ всегда...

Г-жа Фокератъ. Ну, не притворяйся! Сначала прыгалъ до потолка отъ радости, а теперь... Ты опять чѣмъ-нибудь недоволенъ?

Іоганнесъ (разсѣянно). О, нѣтъ, очень доволенъ, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Послушай, теперь ты носишь всегда свой хорошій костюмъ. Фрейлейнъ Анна не обидится... Доносилъ бы здѣсь все старье.

Іоганнесъ. Вѣдь я, кажется, не ребенокъ, мама!

Г-жа Фокератъ. Сейчасъ ужъ и сердиться! (Крѣпко обнимаетъ его. Вкрадчиво и нѣжно) И будь хоть чуточку набожнымъ, мой старичокъ! Ну, сдѣлай это изъ любви къ своей старухѣ-матери. Твой старый Геккель и дурацкій Дарвинъ приносятъ тебѣ несчастье. Ну, пожалуйста! Для старой матери!

Іоганнесъ (смотритъ на небо). Ахъ, вы, *добрые* люди! Дѣйствительно приходится сказать: прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это такъ просто—взять да и сдѣлаться набожнымъ?

Г-жа Фокератъ (уходя). Ла, да... Надо только захотѣть, Ганнесъ! Ты только попробуй, Ганнесъ! (Уходитъ на веранду, садится и принимается за чтеніе. Іоганнесъ снова погружается въ рукопись. Входитъ съ письмами Кэте).

Кэте (читаетъ, затѣмъ поднимаетъ глаза). Ганнесъ, письмо отъ банкира.

Іоганнесъ. Пожалуйста, Кэте... Я сейчасъ совсѣмъ другимъ занятъ.

Кэте. Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Іоганнесъ. Ради Бога, не сейчасъ!

Кэте. Но дѣло спѣшное, Ганнесъ...

Іоганнесъ (вспыхнувъ). Вотъ это!.. да! (Судорожно стучитъ указательнымъ пальцемъ по рукописи) Для меня это еще болѣе спѣшное дѣло!

Кэте. Ну, пускай лежитъ! Только, въ такомъ случаѣ, завтра мы можемъ остаться безъ всякихъ средствъ.

Іоганнесъ (еще болѣе раздраженно). Нѣтъ, Кэте, мы, очевидно, въ самомъ дѣлѣ не подходимъ другъ къ другу! А вы еще всегда удивляетесь, почему у насъ о покоѣ не можетъ быть рѣчи. Если даже начнетъ устанавливаться душевное равновѣсіе, являешься ты... и съ какими-то извозчичьими ухватками залѣзаешь...

Кэте. И не думаю. Сейчасъ былъ почтальонъ... Я только объ этомъ сказала...

Іоганнесъ. Вотъ именно... Это-то и доказываетъ вашу полную неспособность понять... Какъ будто это то же самое, что̀ шить башмаки! Пришелъ почтальонъ, и ты только говоришь мнѣ объ этомъ. Конечно! Почему же нѣтъ! А что ты этимъ нарушаешь цѣльность составленной съ трудомъ цѣпи мыслей, тебѣ это и въ голову не приходитъ.

Кэте. Да надо же думать и о практической сторонѣ жизни...

Іоганнесъ. А по-моему — моя работа прежде всего. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ—она, а ужъ потомъ—практическая сторона жизни. Пойми же хоть разъ меня, Кэте! Поддержи же меня хоть немного! Или—просто, не говори мнѣ о практической сторонѣ жизни. Вѣдай ее самостоятельно! Не взваливай на меня...

Кэте. Взять на себя отвѣтственность я не могу, Ганнесъ!

Іоганнесъ. Ну, вотъ видишь!.. Опять! Только бы никакой отвѣтственности! Никакого самостоятельнаго рѣшенія! Да почему вы во что бы то ни стало добиваетесь зависимости? Почему вы стремитесь быть непремѣнно несовершеннолѣтними?

Кэте (хочетъ передать ему письмо). Ну, Ганнесъ, ну, распорядись же какъ-нибудь!

Іоганнесъ. Да не могу я теперь, Кэте!

Кэте. Когда же можно мнѣ придти къ тебѣ за отвѣтомъ, Ганнесъ? Не могу же я при фрейлейнъ Аннѣ...

Іоганнесъ. Ахъ, какъ все это мелочно, по-мѣщански! Почему-то изъ денежныхъ дѣлъ всегда надо дѣлать тайну... Какое-то стѣсненіе... Не понимаю... По-моему, только мелкія души такъ должны поступать.

Кэте. Ну, а что̀ бы было, если бы я заговорила объ этомъ при фрейлейнъ Аннѣ... Хотѣла бы я посмотрѣть.

Іоганнесъ. Вѣчно фрейлейнъ Анна... фрейлейнъ Анна... Оставь ты фрейлейнъ Анну въ покоѣ! Она намъ не мѣшаетъ.

Кэте. Да я и не говорю, что мѣшаетъ. Во всякомъ случаѣ, ей было бы неинтересно...

Іоганнесъ. Ахъ, Кэте, Кэте! Вѣдь это же му̀ка! Вѣчно эти денежныя дѣла, вѣчно этотъ страхъ, какъ будто завтра ужъ намъ придется голодать. Ужасно! Можно подумать, что у тебя и голова и сердце полны исключительно заботами о деньгахъ. А когда-то считали женщину чуть не идеаломъ!.. Что̀ же, въ концѣ концовъ, остается любить въ ней?

Кэте. О себѣ я не забочусь... Но что же будетъ съ нашимъ ребенкомъ, если... Ты же самъ говоришь, что на заработокъ ты не можешь разсчитывать. Надо же жить скромно!

Іоганнесъ. Ну, конечно. У тебя вѣчно одни только интересы твоей семьи, а у меня интересы общечеловѣческіе. Да вообще я не отецъ семейства. Для меня главное— выразить то, что есть въ моей душѣ. Я кажусь самому себѣ пегасомъ, на котораго надѣли ярмо. И я чувствую,— я окончательно погибну отъ этого...

Кэте. Іоганнесъ, мнѣ слышать это отъ тебя—ужасно!

Іоганнесъ. Фрейлейнъ Анна права. Кухня да дѣтская— вотъ ваши горизонты въ лучшемъ случаѣ. Дальше этого для нѣмецкой женщины ничего не существуетъ.

Кэте. Долженъ же кто-нибудь готовить обѣдъ и заботиться о дѣтяхъ. Ей легко говорить! Я бы сама съ большимъ удовольствіемъ сидѣла за книжками.

Іоганнесъ. Кэте! Зачѣмъ ты умышленно унижаешь себя? Говорить въ такомъ тонѣ о такомъ человѣкѣ, который стоитъ такъ высоко, какъ фрейлейнъ Анна...

Кэте. Но если она говоритъ такія вещи!

Іоганнесъ. Какія вещи?

Кэте. Ну, вотъ эти глупости насчетъ нѣмецкихъ женщинъ!

Іоганнесъ. Никакихъ глупостей она не говорила. Напротивъ. Сейчасъ мнѣ просто непріятно повторить тебѣ, какъ хорошо она отзывалась о тебѣ. Ты бы сгорѣла со стыда...

Кэте. Но она же сказала о ничтожности нашего горизонта.

Іоганнесъ. Докажи, что она ошибается.

Кэте (въ слезахъ). Нѣтъ, Ганнесъ... Ты такой добрый... но иногда... иногда ты бываешь такимъ холоднымъ, такимъ жестокимъ... безсердечнымъ.

Іоганнесъ (немного спокойнѣе). Ну, вотъ опять я же и безсердечный! Чѣмъ же, Кэте?

Кэте (всхлипывая). Потому что ты... мучишь меня... Ты это самъ понимаешь...

Іоганнесъ. Что я понимаю, Кэте?

Кэте. Ты знаешь, что во мнѣ и тѣни самодовольства нѣтъ... ты знаешь это... и... и тебѣ ни капли не жаль меня. Вѣчно одни упреки...

Іоганнесъ. Въ чемъ?.. Когда, Кэте?

Кэте. Вмѣсто того, чтобы быть деликатнымъ со мной,

хоть немного укрѣпить мою вѣру въ себя... ты только унижаешь, унижаешь меня... все ниже. Я вѣдь и не воображаю, что у меня Богъ знаетъ какой широкій горизонтъ. Но вѣдь не безчувственная же я!.. Да, конечно, я не свѣтило! Вообще я уже давно замѣтила, что я лишняя.

Іоганнесъ (хочетъ взять ее за руку, Кэте отдергиваетъ руку). Нѣтъ, ты не лишняя... Этого я тебѣ никогда не говорилъ.

Кэте. Ты это только-что сказалъ. Да если бы ты этого даже и не говорилъ, я же чувствую: для тебя я не могу имѣть значенія, потому что понять твоей работы я не въ состояніи... А ребенокъ... Ну да, я кормлю его молокомъ, держу въ чистотѣ... Но все это можетъ сдѣлать и прислуга... А потомъ... когда онъ подрастетъ, чѣмъ я могу ему быть полезной?.. (Плачетъ сильнѣе). Фрейлейнъ Анна воспитала бы его гораздо лучше.

Іоганнесъ. Кэте... ты просто...

Кэте. Я говорю то, что̀ есть. Это—правда. Она училась... У нея большія знанія... А мы... мы—жалкіе калѣки. Какъ же можно быть для кого-нибудь опорой, если сама...

Іоганнесъ (полный горячей любви, хочетъ обнять Кэте). Кэте, сердечко мое золотое! У тебя такое чудное, глубокое, сказочное сердце! Милая моя! (Она отталкиваетъ его отъ себя; онъ лепечетъ) Я былъ бы безчестный, если бы... Минутами я бываю грубъ, невыносимъ... Я недостоинъ тебя, Кэте!

Кэте. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ганнесъ. Это ты только говоришь сейчасъ...

Іоганнесъ. Нѣтъ, серьезно, Кэте! Пусть я буду подлецомъ, если...

Кэте. Пусти меня, Ганнесъ. Я должна подумать. А письмо, письмо!

Іоганнесъ. Ахъ, Кэте, глупенькая! О чемъ же ты должна подумать?

Кэте. Столько мыслей... Какъ вихрь... Нѣтъ оставь, оставь меня!

Іоганнесъ (горячо). Да оставь ты это письмо! Ты моя милая-милая женка!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ! (Отстраняетъ его отъ себя).

Іоганнесъ. Да что̀ съ тобой?

Кэте. Подойди, Ганнесъ! Взгляни! (Показываетъ ему письмо) Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Іоганнесъ. Какія бумаги?

Кэте. Акціи прядильной мануфактуры.

Іоганнесъ. Развѣ процентовъ не хватаетъ?

Кэте. Что̀ ты?!. Мы за этотъ мѣсяцъ опять истратили больше тысячи марокъ.

Іоганнесъ. Да что̀ ты, Кэте! Это просто невозможно! Ахъ, господа, господа, вы ужъ очень небережливы.

Кэте. Все записано, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Ну, я все равно ничего не пойму.

Кэте. Ты слишкомъ много раздаешь, Ганнесъ. Капиталъ и таетъ. Что-жъ, продавать?

Іоганнесъ. Ну да, конечно. Подожди только! А, да пустяки! Куда ты?

Кэте. Послать отвѣтъ.

Іоганнесъ. Кэте!

Кэте (оборачивается въ дверяхъ). Что̀, Ганнесъ?

Іоганнесъ. И ты такъ уйдешь?

Кэте. А что̀?

Іоганнесъ. Я и самъ не знаю,—что̀... Но...

Кэте. Что̀ же?

Іоганнесъ. Ахъ, Кэте, я не понимаю, что̀ съ тобою?

Кэте. Ровно ничего, Ганнесъ, право,—ничего.

Іоганнесъ. Ты разлюбила меня.

Кэте (опускаетъ голову и отрицательно ею качаетъ).

Іоганнесъ (обнимаетъ одной рукой Кэте). Помнишь, Кэте, наше условіе: никакихъ тайнъ другъ отъ друга. Ни малѣйшей! (Обнимаетъ сильнѣе). Ну, скажи что-нибудь! Ты меня больше не любишь, Кэте?

Кэте. Ахъ, Ганнесъ, ты же отлично знаешь.

Іоганнесъ. Что̀ же тогда съ тобою?

Кэте. Ты самъ знаешь.

Іоганнесъ. Да что̀ такое? Ничего не знаю. Не имѣю ни малѣйшаго представленія!

Кэте. Я бы такъ хотѣла для тебя чѣмъ-нибудь быть.

Іоганнесъ. Но ты для меня значишь очень много.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ!

Іоганнесъ. Такъ скажи же мнѣ...

Кэте. Ты въ этомъ, конечно, не виноватъ, Ганнесъ... но... я тебя не удовлетворяю...

Іоганнесъ. Удовлетворяешь... Вполнѣ...

Кэте. Да, это ты теперь говоришь.

Іоганнесъ. Это мое самое святое убѣжденіе...

Кэте. Да, въ данную минуту.

Іоганнесъ. Но изъ чего же ты можешь заключить, что...

Кэте. У меня глаза есть.

Іоганнесъ. Да развѣ, Кэте, я подалъ тебѣ какой-нибудь поводъ?

Кэте. Нѣтъ, никогда.

Іоганнесъ. Ну, вотъ видишь! (Обнимаетъ ее еще болѣе нѣжно). Это все воображеніе... Глупое воображеніе, Кэте, отъ котораго надо отдѣлаться!.. Ну, поди, поди! (Горячо ее цѣлуетъ).

Кэте. Ахъ, если бы это было только воображеніе!

Іоганнесъ. Да ужъ будь увѣрена!

Кэте. А я... я такъ страшно тебя люблю, Ганнесъ... Словъ такихъ нѣтъ! Кажется, мнѣ легче ребенка уступить...

Іоганнесъ. Что ты, Кэте!

Кэте. Ну, Господь проститъ мнѣ! Но какой онъ милый, славный, смѣшной! (Обнимаетъ шею Іоганнеса). Милый, добрый... (Пауза, нѣмыя объятья. Фрейлейнъ Анна, переодѣтая для катанья на лодкѣ, открываетъ дверь съ веранды).

Анна (зоветъ). Докторъ! Ахъ, простите! (Прячетъ голову).

Іоганнесъ. Сейчасъ, сейчасъ, фрейлейнъ Анна! (Беретъ рукопись). Мы поѣдемъ кататься на лодкѣ, Кэте. Такъ никакихъ капризовъ? Обѣщаешь? (Цѣлуетъ ее на прощаніе, беретъ шляпу и идетъ къ двери). Можетъ-быть, и ты съ нами поѣдешь, Кэте?

Кэте. Мнѣ нельзя уйти, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Ну, такъ до свиданія! (Уходитъ. Кэте широко раскрытыми глазами смотритъ ему вслѣдъ, какъ будто чудное видѣніе вдругъ превращается въ ничто. Глаза ея наполняются слезами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Около десяти часовъ утра. На письменномъ столѣ горитъ еще лампа. Кэте сидитъ за столомъ, погруженная въ счета. Слышно, какъ на верандѣ кто-то обчищаетъ сапоги. Кэте выпрямляется и напряженно ждетъ. Входитъ Браунъ.

Кэте (ему навстрѣчу). Вотъ это мило съ вашей стороны.

Браунъ. Здравствуйте! Какой ужасный туманъ!

Кэте. И темно какъ. Идите сюда. Печка топится... Вамъ говорила г-жа Леманъ?

Браунъ. Да, она была у меня.

Кэте (вопреки своему обычному спокойствію, она дѣлается какъ-то особенно оживленной и нервной. Она волнуется. Глаза разгораются. На блѣдномъ изнуренномъ лицѣ выступаетъ нѣжный румянецъ). Погодите, я принесу вамъ сигары.

Браунъ. Не безпокойтесь... (Спѣшитъ за Кэте и подходитъ къ ней, когда она уже старается достать ящикъ съ сигарами изъ книжнаго шкапа).

Кэте. Надо, чтобы вы себя чувствовали поуютнѣе.

Браунъ (взглядывая на Кэте). Да мнѣ и курить не хочется.

Кэте. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Я очень люблю табачный дымъ.

Браунъ. Если такъ, пожалуйста. (Закуриваетъ сигару).

Кэте. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя свободно... какъ прежде... Ну, а теперь скажите, злой человѣкъ, почему вы не были у насъ больше недѣли?

Браунъ. Мнѣ казалось, что я больше не нуженъ Ганнесу.

Кэте. Но какъ вы можете...

Браунъ. У него теперь есть фрейлейнъ Маръ.

Кэте. Какъ вамъ не стыдно говорить это?

Браунъ. Онъ плюетъ на своихъ друзей...

Кэте. Какъ будто вы не знаете его вспыльчивости! Вѣдь это же не серьезно...

Браунъ. Вполнѣ серьезно. И я даже отлично знаю, кто вліяетъ на него въ этомъ направленіи. Вообще эта Маръ... Можетъ-быть, она и умный человѣкъ, но несомнѣнно одно: разъ она чего-нибудь добивается, она дѣйствуетъ эгоистично и безпощадно. Меня она побаивается. Она отлично знаетъ, что меня ей не провести.

Кэте. Но какая же можетъ быть у нея цѣль?

Браунъ. Зачѣмъ-то онъ ей нуженъ. И мое вліяніе на него ей нежелательно.

Кэте. Но я никогда не замѣчала, чтобы...

Браунъ (вставая). Я вѣдь не навязываюсь... Я переѣхалъ сюда по просьбѣ Ганса. Если я лишній, я уйду.

Кэте (быстро съ выраженіемъ). Анна сегодня уѣзжаетъ.

Браунъ. Вотъ какъ! Такъ она уѣзжаетъ?

Кэте. Да, и поэтому я хотѣла просить васъ, г. Браунъ... Для Ганнеса будетъ прямо ужасно, если онъ вдругъ совершенно останется одинъ... Вы должны попрежнему бывать у насъ, г. Браунъ. Не сердитесь на него за то, что онъ былъ рѣзокъ. Вѣдь мы съ вами знаемъ, что, въ сущности, онъ добрый.

Браунъ. Я вѣдь не изъ обидчивыхъ людей, но...

Кэте. Ну вотъ; такъ и оставайтесь у насъ; сегодня же и на цѣлый день.

Браунъ. Въ такомъ случаѣ, я лучше опять приду.

Кэте. Но, пожалуйста, возвращайтесь къ тому времени, когда она будетъ уѣзжать. Вотъ увидите, какъ теперь у насъ все пойдетъ хорошо. Я теперь научилась многое понимать. Мы проведемъ здѣсь зиму такъ хорошо, покойно... Вотъ еще что̀ хотѣла я у васъ спросить... (Какъ будто въ шутку) Надо мнѣ, наконецъ, самой зарабатывать деньги... Да, да! Серьезно! Развѣ мы, женщины, тоже не созданы для работы?

Браунъ. Съ чего это пришла вамъ въ голову такая идея?

Кэте. Право, г. Браунъ, для меня это было бы большимъ развлеченіемъ.

Браунъ. Зарабатывать деньги—легко сказать.

Кэте. Ну, напримѣръ, я умѣю рисовать по фарфору. Вотъ нашъ сервизъ я разрисовала. А если это не годится—вышивать. Ну, знаете, напримѣръ, какія-нибудь изящныя мѣтки на бѣльѣ.

Браунъ. Вы вѣдь шутите?

Кэте. Ну, какъ знать!

Браунъ. Если вы не объясните все ясно... Я, право, ничего не пойму...

Кэте (увлекаясь). Вы умѣете молчать? Ахъ, да нѣтъ! Коротко и ясно: у людей есть потребности... Вѣдь всѣмы совсѣмъ не умѣемъ разсчитывать...

Браунъ. Да ужъ, во всякомъ случаѣ, не Гансъ.

Кэте. Ахъ, нѣтъ... Не нужно придавать этому значенія. Нужно только позаботиться, чтобы у насъ ни въ чемъ не было недостатка.

Браунъ. Ну, если вы надѣетесь такъ много зарабатывать... Заранѣе можно сказать, что изъ вашихъ плановъ ничего не выйдетъ.

Кэте. Но, напримѣръ, талеровъ четыреста въ годъ...

Браунъ. Четыреста талеровъ? Едва ли. Но почему именно четыреста?

Кэте. Мнѣ столько нужно.

Браунъ. Опять, вѣроятно, кто-нибудь воспользовался излишней добротой Ганса?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго.

Браунъ. Или нужно помочь фрейлейнъ Аннѣ?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что̀ вы! Какъ могло это придти вамъ въ голову! Но я больше ничего не скажу, г. Браунъ, ни одного слова.

Браунъ (берется за шляпу). Ну, во всякомъ случаѣ, я въ

этомъ дѣлѣ помочь вамъ не могу. Дѣйствительно ужъ... это было бы...

Кэте. Ну, хорошо, хорошо! Оставимъ это! Такъ вы вернетесь?

Браунъ (уходя). Конечно, непремѣнно. Такъ неужели же вы это дѣйствительно серьезно?

Кэте (хочетъ засмѣяться, но вмѣсто этого навертываются слезы). Ахъ, что̀ вы! Я пошутила! (Киваетъ оживленно, полушутливо). Ну, идите, идите. (Не въ силахъ больше сдерживаться, убѣгаетъ въ спальню).

Браунъ (уходитъ въ раздумьѣ).

Г-жа Фокератъ (въ рукахъ у нея блюдо съ бобами, садится за столъ и чиститъ ихъ. Кэте возвращается и садится къ письменному столу. Г-жа Фокератъ встряхиваетъ бобы на блюдѣ). Ну, вотъ и хорошо, теперь опять будетъ у насъ тихо. Такъ вѣдь, дѣточка?

Кэте (наклонившись надъ счетами). Подожди, мнѣ надо сообразить, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Ахъ, да! Ну, не буду тебѣ мѣшать... А куда она, собственно, ѣдетъ?

Кэте. Кажется, въ Цюрихъ.

Г-жа Фокератъ. И отлично, тамъ она, можетъ-быть, больше къ мѣсту придется.

Кэте. Какъ же такъ, мамочка, вѣдь она тебѣ, кажется, нравилась?

Г-жа Фокератъ. Э, нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не нравится! По-моему, она ужъ черезчуръ современная.

Кэте. Но, мамочка...

Г-жа Фокератъ. Да и вообще, что̀ это такое! Молоденькая дѣвушка три дня ходитъ съ огромной дырой въ рукавѣ!

(Іоганнесъ въ шляпѣ входитъ съ веранды. Быстро проходитъ въ свой рабочій кабинетъ).

Кэте. Ганнесъ!

Іоганнесъ. Что̀?

Кэте. Мнѣ тоже ѣхать на вокзалъ?

Іоганнесъ (пожимая плечами). Это ужъ какъ тебѣ самой угодно. (Уходитъ въ кабинетъ. Небольшая пауза).

Г-жа Фокератъ. Что̀ это съ нимъ опять? (Кончила чистить бобы и встаетъ). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пора уже, чтобы все здѣсь пришло въ порядокъ. И такъ уже люди стали болтать.

Кэте. О чемъ?

Г-жа Фокератъ. Я ничего не знаю... Говорю только, что... И потомъ все это стóитъ денегъ.

Кэте. Ну, положимъ, мамочка, это пустяки. На троихъ ли готовить обѣдъ или на четверыхъ—совершенно все равно...

Г-жа Фокератъ. Э, изъ крошекъ составляется хлѣбъ. (Входитъ Іоганнесъ, садится, кладетъ нога на ногу и перелистываетъ книгу).

Іоганнесъ. Чтò за безобразіе! И это называется начальникъ станціи: пьетъ, пьетъ, цѣлый день пьетъ. И грубъ при этомъ какъ... Эхъ!

Кэте. Когда отходитъ самый удобный поѣздъ? Не огорчайся, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Вообще какое-то отвратительное захолустье! (Съ шумомъ захлопываетъ книгу и вскакиваетъ со стула). Я тоже не желаю оставаться здѣсь!

Г-жа Фокератъ. Ну, чтò ты, мальчикъ! Вѣдь ты нанялъ домъ на четыре года.

Іоганнесъ. Такъ, по-твоему, я долженъ спокойно погибать здѣсь только оттого, что я имѣлъ несчастіе сдѣлать глупость и заключить контрактъ на четыре года?

Г-жа Фокератъ. Вѣдь ты же самъ хотѣлъ всегда жить въ деревнѣ, и не прошло еще и какихъ-нибудь полгода—и уже хочется куда-то уѣзжать...

Іоганнесъ. Въ Швейцаріи тоже есть деревни...

Г-жа Фокератъ. А ребенокъ? Съ нимъ-то какъ же? Что-жъ, и его вы будете таскать съ собою по бѣлу свѣту?

Іоганнесъ. И для Филиппа гораздо здоровѣе жить въ Швейцаріи, чѣмъ здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Ну, мальчикъ, ты, кажется, скоро на луну захочешь ѣхать. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. На меня, старуху, конечно, нечего обращать вниманіе. (Уходитъ въ выходную дверь. Небольшая пауза).

Іоганнесъ (вздыхаетъ). Ахъ, друзья, будьте вы поосторожнѣе, говорю я вамъ.

Кэте. Чтò это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?

Іоганнесъ. Да, да, дѣлай невинное личико! (Передразниваетъ ее) «Чтò это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?» Я прекрасно вижу всѣ эти твои экивоки; слишкомъ ужъ они ясны. Отлично понимаю, чтò ты воображаешь. Да, ты совершенно права. Я бы очень хотѣлъ быть тамъ, гдѣ фрейлейнъ Анна. И это совершенно естественно, и я могу это говорить совершенно откровенно.

Кэте. Ганнесъ... Ты сегодня какой-то странный... я лучше уйду.

Іоганнесъ (быстро). Я самъ могу уйти. (Уходитъ на веранду).

Кэте (вздыхаетъ; качая головой, шопотомъ). О, Господи, Господи...

(Входитъ Анна и кладетъ на стулъ шляпу, сумочку и пальто).

Анна. Ну, я готова. (Обращаясь къ Кэте) Впрочемъ, еще есть время... Сколько еще времени?..

Кэте. По крайней мѣрѣ, три четверти часа.

Анна. Ахъ! мнѣ такъ хорошо у васъ жилось!.. (Беретъ Кэте за руку).

Кэте. Да, время идетъ.

Анна. Теперь запрусь въ Цюрихѣ, буду работать, работать и больше ни о чемъ не думать.

Кэте. Возьмешь съ собою бутерброды?

Анна. Нѣтъ, благодарю. Я не хочу ѣсть. (Короткая пауза). Скорѣе бы только прошли всѣ эти первыя встрѣчи. Просто не выношу ихъ. Всѣ эти друзья, разспросы! Брррр... (Дѣлаетъ движеніе, точно ей холодно). Ты будешь мнѣ иногда писать?

Кэте. О, да! Только у насъ вѣдь ничего не случается...

Анна. Подари мнѣ твою карточку.

Кэте. Съ удовольствіемъ. (Ищетъ въ ящикѣ письменнаго стола). Только очень старая.

Анна (нѣжно поглаживаетъ ея затылокъ. Почти съ состраданіемъ). Ахъ, ты, тоненькая шейка!

Кэте (продолжая искать, оборачивается съ грустной шутливостью). Ну, и поддерживать-то ей приходится не очень тяжелую ношу... А, вотъ! (Подаетъ Аннѣ фотографію).

Анна. Очень, очень хорошая карточка. Можетъ-быть, у тебя есть и карточка твоего мужа?.. Я такъ ко всѣмъ вамъ привязалась.

Кэте. Не знаю, есть ли.

Анна. Ахъ, дорогая, поищи, поищи! Навѣрно есть? Да?

Кэте. Да вотъ, осталась еще одна.

Анна. Можно мнѣ ее взять?

Кэте. Возьми, Анна.

Анна (быстро прячетъ карточку). Ну вотъ,—теперь вы скоро позабудете обо мнѣ... Ахъ, Кэте, Кэте! (Со слезами бросается къ ней на шею).

Кэте. Нѣтъ, Анна... я постоянно буду... конечно, постоянно буду вспоминать о тебѣ и...

Анна. И любить меня?

Кэте. Да, Анна, да!

Анна. Скажи мнѣ,—ты *только* любишь меня?

Кэте. Какъ *только*?

Анна. Ты не рада тоже немножко, что я уѣзжаю?

Кэте. Какъ это пришло тебѣ въ голову?

Анна (выпускаетъ Кэте изъ объятій). Да, да! Хорошо, что я уѣзжаю. Во всякомъ случаѣ, г-жѣ Фокератъ я тоже ужъ немножко надоѣла.

Кэте. Что̀ за выдумки!..

Анна. Ужъ повѣрь мнѣ. (Присаживается къ столу). Къ чему все это! (Въ задумчивости вынимаетъ карточку Іоганнеса и внимательно вглядывается въ нее). Какая у него глубокая складка около рта.

Кэте. У кого?

Анна. У Ганнеса... Настоящая складка скорби. Это отъ одиночества. Кто одинокъ, тотъ долженъ много страдать отъ другихъ... Какъ вы съ нимъ познакомились?

Кэте. Ахъ, это было...

Анна. Онъ былъ еще студентомъ?

Кэте. Да, Анна.

Анна. Ты была еще совсѣмъ дѣвочкой, и ты сказала «да»?

Кэте (покраснѣвъ, въ смущеніи). То-есть я...

Анна (почти скорбно). Ахъ, Кэте, Кэте! (Прячетъ карточку и встаетъ). Еще не пора?

Кэте. Еще нескоро.

Анна. Нескоро? Господи, нескоро! (Садится къ роялю). Ты не играешь? (Кэте качаетъ отрицательно головой). И не поешь? (Кэте снова качаетъ головою). А Ганнесъ любитъ музыку? Нѣтъ? Я прежде и пѣла и играла, а теперь ужъ давно перестала. (Быстро поднимается со стула). Эхъ! Все равно! Все-таки, что̀ хорошо, то хорошо. Надо довольствоваться и этимъ. Надъ всѣми вещами есть какой-то легкій покровъ, какая-то дымка: это-то и есть самое лучшее. Правда, Кэте?

Кэте. Не знаю.

Анна. Не все то, что̀ кажется сладкимъ, дѣйствительно сладко.

Кэте. Да, можетъ-быть.

Анна. Нѣтъ, это такъ! Ахъ, свобода, свобода! Нужно быть свободной во всѣхъ отношеніяхъ. Не надо ни родины, ни семьи, ни друзей. Ну, теперь, должно-быть, пора.

Кэте. Нѣтъ еще, Анна. (Небольшая пауза).

Анна. Я пріѣду въ Цюрихъ слишкомъ рано. На цѣлую недѣлю раньше.

Кэте. Да?

Анна. Только бы скорѣе началась работа. (Вдругъ, рыдая, бросается Кэте на грудь). О, Господи! У меня сердце разрывается. Такъ тяжело, такая тоска.

Кэте. Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная.

Анна (быстро освобождаясь изъ объятій). Но я должна уѣхать. Должна! (Небольшая пауза).

Кэте. Анна... ужъ разъ ты уѣзжаешь... не дашь ли ты мнѣ одинъ совѣтъ?

Анна (печально улыбаясь, съ состраданіемъ). Милая Кэте...

Кэте. Ты умѣла... ты такъ благотворно вліяла на него.

Анна. Развѣ? Въ самомъ дѣлѣ?

Кэте. Да, Анна... и... на меня тоже... и на меня. Я должна быть тебѣ за многое благодарна. И я теперь твердо рѣшила... посовѣтуй мнѣ, Анна.

Анна. Я ничего не могу тебѣ посовѣтовать. Я боюсь давать совѣты...

Кэте. Ты боишься?

Анна. Я слишкомъ люблю тебя! Слишкомъ люблю, Кэте!

Кэте. Ахъ, если бы я могла что-нибудь для тебя сдѣлать, Анна!

Анна. Нѣтъ, ты не должна да и не можешь.

Кэте. А можетъ-быть... Можетъ-быть, я знаю, отчего ты страдаешь.

Анна. Отчего же я страдаю, глупенькая дѣвочка?

Кэте. Я бы сказала, но...

Анна. Все это пустяки! Ни отъ чего я не страдаю, оставь! Пріѣхала, теперь уѣзжаю. Ничего вѣдь не случилось. Ну, вотъ опять выглянуло солнышко. Пойдемъ прогуляемся въ послѣдній разъ. Какъ бы тамъ ни было, сотнямъ и тысячамъ еще хуже живется... Постой, я вспомнила, мнѣ нужно написать поскорѣе нѣсколько словъ.

Кэте. Можешь это здѣсь сдѣлать. (Очищаетъ мѣсто на письменномъ столѣ). Чернила и перо — тамъ, у Ганнеса въ комнатѣ. Его нѣтъ, можешь войти. (Она пропускаетъ Анну въ дверь и остается одна въ комнатѣ. Небольшая пауза).

Іоганнесъ (входитъ съ веранды. Еще тревожнѣе, чѣмъ раньше). Опять дождь. Надо было позвать извозчика.

Кэте. Теперь уже поздно.

Іоганнесъ. Да, къ сожалѣнію.

Кэте. Браунъ приходилъ.

Іоганнесъ. Это мнѣ довольно безразлично. Что же ему нужно было?

Кэте. Онъ опять будетъ бывать у насъ, и между вами все будетъ попрежнему.

Іоганнесъ (съ короткимъ смѣхомъ). Курьезно! Что же, я долженъ радоваться этому? Можетъ-быть, если поторопиться, можно еще успѣть послать? Ахъ, вообще...

Кэте. За извозчикомъ, Ганнесъ? Вѣдь до вокзала два шага.

Іоганнесъ. Но грязь ужасная. Пройти невозможно. Вообще худшей погоды для отъѣзда нельзя выдумать.

Кэте. Ну, только бы до вагона добраться.

Іоганнесъ. Да, въ третьемъ классѣ, и все биткомъ набито, да еще съ мокрыми ногами.

Кэте. Она вѣдь поѣдетъ въ дамскомъ отдѣленіи.

Іоганнесъ. Дай ей хоть большой пледъ.

Кэте. Да, да, правда. Я уже сама подумала объ этомъ.

Іоганнесъ. Ахъ, да вообще... Все это какъ-то рѣшили въ одну минуту.

Кэте (не отвѣчаетъ).

Іоганнесъ. Она, навѣрно, съ удовольствіемъ осталась бы здѣсь еще на нѣсколько дней.

Кэте (послѣ небольшой паузы). Ты вѣдь предлагалъ ей.

Іоганнесъ (болѣе рѣзко). Да, я, но не вы, — ни ты ни мать! Вы молчали, и она, конечно, замѣтила.

Кэте. Ахъ... нѣтъ... Я не думаю, Ганнесъ...

Іоганнесъ. А если при приглашеніи присутствуютъ еще двое... и молчатъ, точно рыбы... Конечно, пропадаетъ всякое желаніе. Тогда, конечно, скорѣе откажешься. И въ концѣ концовъ мнѣ очень больно, что мы гонимъ ее въ такую грязь.

Кэте (подходя къ нему съ робкою нѣжностью). Нѣтъ, Ганнесъ! Ты не смотришь вѣрно на дѣло! И не думай же обо мнѣ такъ плохо. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что ее кто-нибудь гонитъ.

Іоганнесъ. Вы недостаточно чутки. Вы точно слѣпыя какія-то. На меня произвело все именно такое впечатлѣніе, точно вы ее гоните вонъ: «Ты довольно пожила здѣсь, пора и уходить! Ступай, куда хочешь, куда глаза глядятъ. Скатертью дорога». Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, Кэте. Какія-то холодныя сожалѣнія на прощаніе, и больше ничего!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, это неправда. Мы вѣдь подумали о томъ, чтобы помочь ей.

Іоганнесъ. А ты знаешь, что она приметъ отъ васъ помощь? И потомъ этого слишкомъ мало. Деньги не могутъ вознаградить ее за жестокость.

Кэте. Но, Ганнесъ, должна же она когда-нибудь уѣхать.

Іоганнесъ. Такъ разсуждаютъ филистеры, Кэте. Она жила здѣсь, сдѣлалась нашимъ другомъ; ну, а теперь, говорятъ филистеры, мы должны разстаться. Я этого не понимаю. Это какая-то проклятая безсмыслица, которая становится человѣку поперекъ дороги, портитъ ему жизнь.

Кэте. Ты хочешь, чтобы она осталась у насъ еще?

Іоганнесъ. Я ничего не хочу. Я говорю только, что это... что у насъ такой же жалкій, такой же узкій и дрянной все живое образъ мыслей, какъ у любого филистера. И если бы зависѣло отъ меня, если бы я не былъ весь опутанъ мелочными предразсудками, я убѣжденъ, что сумѣлъ бы поступить совсѣмъ по-иному, и на душѣ у меня было бы чище, и я бы иначе относился къ самому себѣ. Можете быть въ этомъ увѣрены.

Кэте. Знаешь что, Ганнесъ! Кажется — очень скоро—я буду здѣсь совершенно лишняя.

Іоганнесъ. О, Господи! Отецъ Небесный! Нѣтъ, знаешь, въ самомъ дѣлѣ, только этого еще недоставало. Вѣдь и у меня нервы не изъ корабельныхъ канатовъ. Не въ силахъ я выносить теперь еще и это. (Уходитъ въ садъ).

Г-жа Фокератъ (вноситъ чашку бульона и ставитъ на столъ). Вотъ для фрейлейнъ Анны.

Кэте (съ отчаяніемъ рыдая, бросается къ г-жѣ Фокератъ, падаетъ ей на грудь). Мамочка! Мамочка! Я должна бѣжать, бѣжать отсюда... Изъ этого дома... Отъ всѣхъ васъ. Это уже слишкомъ, слишкомъ, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Ради Бога, дѣточка, что случилось? Какъ? Кто посмѣлъ тебя...

Кэте (мѣняясь, гнѣвно). Нѣтъ ужъ, не такъ я ничтожна, не такъ ничтожна, чтобы можно было вышвырнуть меня вонъ... Этого не будетъ, мамочка! Я ухожу сейчасъ, сію же минуту... На пароходѣ... въ Америку, куда угодно, только прочь, прочь отсюда... Въ Англію... гдѣ меня никто не знаетъ, гдѣ...

Г-жа Фокератъ. Да что ты, дѣточка! Въ какую Америку! О, Отецъ Небесный! Да что такое съ тобою случилось? Ты хочешь уѣхать отъ своего мужа? Отъ ребенка? Что-жъ, Филиппъ долженъ будетъ расти безъ матери?.. Не можетъ этого быть!

Кэте. Ахъ, ну что такое «мать»! Его мать глупая, ограниченная женщина! На что ему нужно такое глупое, ограниченное существо, какъ я! Я теперь знаю, какъ я

глупа и ограничена. Они мнѣ это твердили каждый день, и они дѣйствительно сдѣлали меня такой ничтожной, такой жалкой, что я теперь сама себѣ противна. Нѣтъ, нѣтъ! Прочь отсюда!

Г-жа Фокератъ. Но, Кэте, подумай... Отъ мужа... отъ сына. Молю тебя, ради Бога...

Кэте. Развѣ онъ моимъ когда-нибудь былъ? Раньше онъ принадлежалъ своимъ друзьямъ, теперь Аннѣ. Одной меня ему всегда было мало. Я проклинаю свою жизнь. Довольно съ меня этого проклятаго существованія!

Г-жа Фокератъ (тоже выходитъ изъ себя, въ экстазѣ, какъ бы подъ вліяніемъ внезапнаго просвѣтлѣнія. Глаза ея устремляются въ одну точку и сверкаютъ, лицо то блѣднѣетъ, то вспыхиваетъ). Вотъ видите, видите! (Показываетъ пальцемъ въ пространство передъ собою). Теперь видите, видите! Что я говорила? Вотъ видите! Домъ, отъ котораго отвернулся Господь, рушится въ одну ночь! Вотъ видите! Да, не заблуждайтесь! Что я говорила? Сначала богоотступникъ, потомъ прелюбодѣй, потомъ... Кэте!

Кэте (почти въ обморокѣ). Нѣтъ, мама! Нѣтъ! Нѣтъ! Я... я...

Г-жа Фокератъ. Дитя мое! Соберись съ силами! Кто-то идетъ сюда. Пойдемъ. (Уходитъ съ Кэте въ спальню).

Іоганнесъ (входитъ съ веранды).

Г-жа Фокератъ (открываетъ дверь изъ спальни). Ахъ, это ты, Ганнесъ! (Выходитъ, всѣми силами старается преодолѣть чрезвычайное волненіе. Дѣлаетъ видъ, что что-то ищетъ въ ком Ну, мальчикъ?

Іоганнесъ. Что, мама?

Г-жа Фокератъ. Ничего. (Іоганнесъ вопросительно смотритъ на нее). Что ты такъ смотришь?

Іоганнесъ. Ничего, мнѣ только показалось, что ты... По правдѣ сказать, когда вы такъ слѣдите за мной...

Г-жа Фокератъ. Мальчикъ, мальчикъ! Твое счастье, что скоро зима. Ты въ такомъ состояніи... Прежде ты никогда не относился ко мнѣ такъ нехорошо... Тебѣ нужно прежде всего успокоиться.

Іоганнесъ. Да, да! Вы вѣдь всегда лучше меня знаете, что мнѣ нужно.

Г-жа Фокератъ. Да и Кэте тоже не совсѣмъ поправилась...

Іоганнесъ. Ну, Анна, кажется, не причиняла ей особыхъ хлопотъ.

Г-жа Фокератъ. Все-таки... Я старуха... и рада бы иной разъ сама все сдѣлать, да старыя кости иногда не позволяютъ.

Іоганнесъ. И не къ чему вовсе, я говорилъ тебѣ сто разъ. У насъ достаточно всякой прислуги.

Г-жа Фокератъ. Но должна же вѣдь фрейлейнъ когда-нибудь опять приняться за свою работу.

Іоганнесъ. Это ея дѣло.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, я, право, не понимаю. Вѣдь всему должна быть мѣра! Она погостила здѣсь достаточно. Ну, и будетъ, довольно!

Іоганнесъ. Чего ты, собственно, хочешь? Все это такъ странно, такъ... Я ужъ и не знаю...

Г-жа Фокератъ. Ты хочешь уговорить эту Маръ остаться здѣсь еще и...

Іоганнесъ. И сдѣлаю это. Непремѣнно сдѣлаю, непремѣнно... А ты имѣешь что-нибудь противъ этого?

Г-жа Фокератъ (съ угрозой). Іоганнесъ, Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Нѣтъ, мама! Въ самомъ дѣлѣ, это... Богъ знаетъ! Словно мы сдѣлали преступленіе какое-нибудь! Это ужъ не только...

Г-жа Фокератъ (убѣдительно, но мягко). Ахъ, мальчикъ ты мой! Будь же ты благоразумнѣе! Ну, выслушай меня спокойно. Вѣдь я же твоя мать. Вѣдь я же хочу тебѣ только добра. Нѣтъ человѣка, который бы тебѣ больше желалъ добра. Я вѣдь знаю, ты — благородный человѣкъ... Но вѣдь мы—слабые люди, Ганнесъ... Кэте думаетъ Богъ знаетъ что... и...

Іоганнесъ (смѣется). Не сердись на меня, мамочка, но я не могу не смѣяться. Только и остается, что смѣяться. Вѣдь это же просто смѣшно...

Г-жа Фокератъ. Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! И болѣе сильные люди попадались въ эту западню! И часто замѣчаешь это тогда, когда уже поздно.

Іоганнесъ. Слушай, мама! Если вы не хотите, чтобы я сошелъ съ ума, то ради Бога оставьте меня съ этими разговорами. Не смущайте вы меня, не сбивайте съ толку. Не внушайте вы мнѣ того, чего... Не впутывайте вы меня въ отношенія, отъ которыхъ я далекъ... Убѣдительно прошу васъ, друзья мои!

Г-жа Фокератъ. Конечно, ты самъ долженъ знать, что ты дѣлаешь, Ганнесъ! Я только говорю тебѣ: будь остороженъ. (Г-жа Фокератъ уходитъ въ спальню. Входитъ Анна).

Анна (замѣчая Іоганнеса). Докторъ! (Идетъ къ стулу, на которомъ лежатъ ея вещи, и беретъ непромокаемое пальто, чтобы надѣть его). Ну, пора!

Іоганнесъ (подбѣгаетъ и помогаетъ ей надѣть пальто). Значитъ, все-таки ѣдете?

Анна (застегивая пальто). Такъ вы скоро пришлете то, о чемъ мы говорили?

Іоганнесъ. Не забуду. Но вотъ что, фрейлейнъ Анна. Я былъ бы хоть немного спокойнѣе, если бы вы разрѣшили намъ воспользоваться правами дружбы...

Анна. Вы обижаете меня, докторъ!

Іоганнесъ. Ну, хорошо, хорошо, не стану больше говорить объ этомъ. Но обѣщайте мнѣ... въ случаѣ малѣйшей нужды... вмѣсто того, чтобы обращаться къ другимъ... позвольте намъ... (Идетъ къ двери въ спальню и зоветъ) Мама! Кэте!

(Кэте и г-жа Фокератъ входятъ).

Анна (цѣлуетъ руку у г-жи Фокератъ). Безконечно благодарю васъ. (Кэте и Анна крѣпко цѣлуются). Хорошая, милая моя! Ну, пиши же!

Г-жа Фокератъ. Дай вамъ Богъ доѣхать благополучно.

Кэте. И будь... (плачетъ). Будь счастлива, пусть... (рыданія мѣшаютъ ей говорить).

(Іоганнесъ несетъ дорожную сумку Анны. Кэте и г-жа Фокератъ провожаютъ ее на веранду. Тамъ они встрѣчаются съ Брауномъ. Онъ прощается. Іоганнесъ и Анна уходятъ. Г-жа Фокератъ, Кэте и Браунъ остаются на верандѣ. Кэте машетъ платкомъ. Потомъ всѣ трое возвращаются въ комнату).

Г-жа Фокератъ (утѣшаетъ тихо плачущую Кэте). Ну, дѣточка, дѣточка! Не огорчайся такъ! Она скоро оправится, она молода.

Кэте. У нея были такіе грустные, трогательные глаза! Ахъ, она пережила столько горя!

Г-жа Фокератъ. На нашемъ пути тоже не однѣ розы, Кэте.

Кэте. Господи! Сколько на свѣтѣ горя и страданій! (Уходитъ въ спальню. Небольшая пауза).

Г-жа Фокератъ. А бульонъ здѣсь оставила. (Беретъ чашку и хочетъ нести, останавливается подлѣ Брауна). Да, г. Браунъ... Могу сказать... немало я пережила за эти послѣднія десять минутъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но на нее вдругъ нападаетъ чрезвычайная слабость, и она принуждена сѣсть). Теперь вотъ... все тѣло болитъ... Совсѣмъ разбита.

Браунъ. А что же случилось, г-жа Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, не нужно роптать. Больше ни слова не скажу, лишь бы все этимъ кончилось. Господь направилъ на насъ грозный перстъ Свой, и я поняла Его...

Но вѣдь вы такой же безбожникъ. Да, да, но повѣрьте, г. Браунъ, старой опытной женщинѣ! Безъ Него недалеко уйдешь! Рано или поздно—споткнешься и упадешь. (Небольшая пауза). Ну, пойду. (Хочетъ встать, но не въ состояніи отъ волненія и слабости). Но кто знаетъ, совсѣмъ ли безслѣдно. (Прислушивается) Кто это тамъ? Кто-то идетъ по лѣстницѣ... Ахъ, да! У насъ стирка. Это прачки тамъ бѣлье стираютъ... Теперь у насъ опять покой настанетъ, можно будетъ опять за дѣло приняться. (Небольшая пауза). Вотъ видите... Вѣдь у Іоганнеса такой золотой характеръ... Онъ такой честный, безупречный человѣкъ... Вотъ видите, къ чему это ведетъ, когда полагаются только на свои силы. Все это — только громкія фразы: моя вѣра — въ моихъ дѣлахъ. А Господь Богъ однимъ дуновеніемъ Своимъ разрушаетъ всѣ наши карточные домики.

Іоганнесъ (возбужденный и въ смущеніи, быстро входитъ въ наружную дверь). Друзья мои, она остается!

Г-жа Фокератъ (не понимая). Кто остается?

Іоганнесъ. Она, мама, еще на нѣсколько дней... Конечно, фрейлейнъ Анна!

Г-жа Фокератъ (точно разбитая параличомъ). Фрейлейнъ Анна ост... Гдѣ-жъ она?

Іоганнесъ. У себя въ комнатѣ, мама. Но я не понимаю...

Г-жа Фокератъ. Такъ вотъ какъ!

Іоганнесъ. Сдѣлайте вы мнѣ одолженіе и не придавайте вы какого-то невѣроятнаго значенія простымъ вещамъ. Это...

Г-жа Фокератъ (встаетъ; повелительно). Ганнесъ, послушай! (Съ выраженіемъ) Я говорю тебѣ: этой госпожѣ нечего здѣсь больше дѣлать! Она непремѣнно должна оставить нашъ домъ. Я этого требую... Во что бы то ни стало.

Іоганнесъ. Позволь, мама, чей же это домъ?

Г-жа Фокератъ. О, я знаю, прекрасно знаю, — это домъ человѣка, который... который забылъ свой долгъ, который... И разъ ужъ ты мнѣ напомнилъ объ этомъ... то— хорошо, хорошо — я могу освободить мѣсто для этой... особы...

Іоганнесъ. Мама, ты говоришь о фрейлейнъ Аннѣ въ такомъ тонѣ, котораго я не могу допустить.

Г-жа Фокератъ. А ты говоришь со своею матерью въ такомъ тонѣ, который запрещается четвертой заповѣдью.

Іоганнесъ. Мама, я постараюсь сдержать себя, но по-

думайте же и вы хоть немного о моемъ душевномъ состояніи. Иначе можетъ случиться... Вы заставите меня сдѣлать то, чего нельзя будетъ исправить.

Г-жа Фокератъ. Кто налагаетъ на себя руку, тотъ обрекаетъ себя на вѣчное проклятіе.

Іоганнесъ. Это все равно... Но въ такомъ случаѣ... вы должны быть вдвойнѣ осторожны.

Г-жа Фокератъ. Я умываю руки, я уѣзжаю.

Іоганнесъ. Мама!

Г-жа Фокератъ. Или я, или эта особа.

Іоганнесъ. Ты требуешь невозможнаго, мама! Я едва-едва уговорилъ ее, а теперь ты хочешь, чтобы я пошелъ къ ней и... Да я скорѣе застрѣлюсь!

Г-жа Фокератъ (съ внезапнымъ рѣшеніемъ). Хорошо. Въ такомъ случаѣ я пойду и прямо скажу ей: она опытная кокетка!.. Она... она опутала тебя своими сѣтями...

Іоганнесъ (загородивъ ей дорогу). Мама, ты не пойдешь къ ней! Она въ моемъ домѣ, я—ея защитникъ, и я сумѣю защитить ее отъ грубыхъ оскорбленій... противъ кого бы то ни было.

Браунъ. Гансъ, Гансъ! Что ты...

Г-жа Фокератъ. Хорошо, хорошо! Я вижу теперь, до чего ты дошелъ. (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ. Гансъ, да что съ тобой дѣлается?

Іоганнесъ. Оставьте меня въ покоѣ, вы душу мою погубили!

Браунъ. Образумься, Іоганнесъ! Вѣдь я не намѣренъ читать тебѣ проповѣди.

Іоганнесъ. Вы растлѣваете мои мысли. Какое-то насиліе надъ человѣческой душой. Я измученъ, истерзанъ. Больше я не скажу ни слова!

Браунъ. Нѣтъ, Гансъ, теперь ты не можешь молчать. Теперь дѣло приняло такой оборотъ, что ты даже скорѣе обязанъ говорить. Постарайся только быть немного спокойнѣе.

Іоганнесъ. Ну, что вамъ нужно знать? Въ чемъ мы обвиняемся? Да, во всякомъ случаѣ, я не стану вамъ приводить доказательствъ, что мы ни въ чемъ не виноваты. Этого не позволяетъ мнѣ моя гордость. Понимаешь ты... О, какая мерзость! При одной мысли...

Браунъ. Послушай, Гансъ, вѣдь ты знаешь,—я смотрю на вещи совершенно трезво...

Іоганнесъ. Да мнѣ совершенно безразлично. Смотри на

нихъ, какъ тебѣ угодно. Только оставь меня въ покоѣ съ твоими взглядами, потому что каждое слово бьетъ меня, точно удары хлыста по лицу!

Браунъ. Ты долженъ согласиться, Гансъ, что ты играешь съ огнемъ.

Іоганнесъ. Съ этимъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ согласиться. Не вамъ судить о моихъ отношеніяхъ къ Аннѣ.

Браунъ. Не станешь же ты отрицать, что у тебя есть обязанности относительно твоей семьи?

Іоганнесъ. Не станешь же ты отрицать, что у меня есть обязанности по отношенію къ самому себѣ. Вотъ видите, вы щеголяли вашими передовыми взглядами, а когда я дѣлаю первый свободный шагъ, вы уже трусите, начинаете говорить объ обязанностяхъ, вы уже...

Браунъ. Я вовсе не хотѣлъ сказать этого. Что такое обязанности! Но нужно ясно смотрѣть на вещи. Вѣдь дѣло обстоитъ такъ: или Анна, или твоя семья.

Іоганнесъ. Да послушай, ты просто съ ума сошелъ! Зачѣмъ вы изо всѣхъ силъ стараетесь создать и раздуть конфликтъ, котораго нѣтъ? Вѣдь то, что вы говорите, — ложь. Мнѣ не зачѣмъ дѣлать какой-то выборъ. Съ Анной меня связываетъ совсѣмъ не то, что съ Кэте. И одно другому нисколько не мѣшаетъ. Да вѣдь это же — дружба, чортъ возьми! Она создалась благодаря тому, что мы близки по духу, что мы оба одинаково развивались. И поэтому мы понимаемъ другъ друга тамъ, гдѣ другіе перестаютъ понимать насъ; тамъ, гдѣ вы не можете понять. Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, я словно переродился. Ко мнѣ вернулись бодрость, уваженіе къ самому себѣ. Я чувствую въ себѣ творческія силы и чувствую, что все это — дѣло ея рукъ. Я чувствую, что для моего роста, развитія — нужна она. Нужна, какъ другъ, понимаешь ты? Да неужели же мужчина и женщина не могутъ быть друзьями?

Браунъ. Прости меня, Ганнесъ, но ты, очевидно, ни разу не взглянулъ на дѣло трезвыми глазами.

Іоганнесъ. Вы не знаете, что вы дѣлаете, говорю я вамъ. Вы судите обо всемъ по какому-то пошлому шаблону, который я далеко отшвырнулъ отъ себя. Если вы любите меня, не мѣшайте мнѣ: Вы понятія не имѣете, что во мнѣ сейчасъ происходитъ. Да, теперь, послѣ всѣхъ этихъ вашихъ нападеній, я самъ готовъ вѣрить тому, что есть опасность. Но у меня есть сила воли, и я сумѣю, не пе-

реступая предѣла и никого не заставляя страдать, добыть себѣ то, безъ чего я не могу жить. У меня есть воля,— понимаешь!

Браунъ. Твоя старая ошибка, Ганнесъ. Ты хочешь соединить несоединимое. По-моему, — возможно только одно: просто—пойти къ ней, объяснить истинное положеніе вещей и попросить ее уѣхать.

Іоганнесъ. Ну, кончилъ ты? Кончилъ наконецъ? Такъ слушай же. Чтобы хоть тутъ тебѣ было все ясно, и ты не тратилъ бы словъ по-пустому. (Со сверкающими глазами, отчеканивая каждое слово) То, чего вы хотите, не случится! Нѣтъ, Браунъ! Я теперь уже не тотъ, какимъ былъ еще недавно! Я нашелъ ту силу, которая управляетъ мною. Вы съ вашими мнѣніями не имѣете больше власти надо мною. Я познался самого себя и буду самимъ собою. Самимъ собою, наперекоръ всѣмъ вамъ! (Быстро уходитъ въ кабинетъ).

Браунъ (пожимаетъ плечами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Время между четырьмя и пятью часами вечера. Кэте и г-жа Фокератъ сидятъ за столомъ. Кэте шьетъ дѣтскую распашонку. Г-жа Фокератъ вяжетъ. Кэте очень похудѣла. Проходитъ нѣсколько секундъ. Іоганнесъ входитъ изъ кабинета. Шляпа надѣта кое-какъ, пальто еще только накинуто. Онъ собирается уходить.

Іоганнесъ. Анна ушла?

Г-жа Фокератъ (громко вздохнувъ). Да, только-что.

Іоганнесъ (подходитъ къ Кэте, цѣлуетъ ее въ лобъ). Ну, аккуратно ты принимаешь свое лѣкарство?

Г-жа Фокератъ. Охъ, ужъ эти глупыя лѣкарства! Ни-сколько они не помогутъ. Я знаю, что дѣйствительно помогло бы.

Іоганнесъ. Ахъ, мама, мама!

Г-жа Фокератъ. Молчу, молчу.

Кэте. Да, да, принимаю. Да вообще я теперь совсѣмъ здорова.

Іоганнесъ. У тебя и видъ сегодня гораздо лучше.

Кэте. Да, мнѣ лучше.

Іоганнесъ. Ну, смотри же, береги себя. До свиданія. Мы скоро вернемся.

Кэте. Вы далеко идете?

Іоганнесъ. Нѣтъ, только прогуляемся немного по лѣсу. До свиданія. (*Уходитъ на веранду*).

(*Небольшая пауза. Слышенъ свистъ и грохотъ поѣзда. Затѣмъ вдали раздается станціонный звонокъ*).

Г-жа Фокератъ. Звонокъ слышенъ.

Кэте. Вѣтромъ доноситъ, мамочка. (*Роняетъ работу на колѣни и задумывается*).

Г-жа Фокератъ (*взглянувъ на Кэте*). О чемъ ты опять задумалась, дѣточка?

Кэте (*снова принимаясь за работу*). Такъ... вообще.

Г-жа Фокератъ. Ну, напримѣръ?

Кэте. Напримѣръ... бываютъ ли на свѣтѣ такіе люди, которымъ не въ чемъ раскаиваться?..

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ, дѣточка!

Кэте (*показывая свекрови свою работу*). Не прострочить ли вотъ здѣсь кругомъ? (*Беретъ рубашечку за верхній и нижніе концы и растягиваетъ*). Я думаю, длиннѣе не надо?

Г-жа Фокератъ. Пожалуй, а то лучше и подлиннѣе, дѣти такъ скоро растутъ. (*Объ прилежно работаютъ. Небольшая пауза*).

Кэте (*шьетъ*). Я иногда причиняла Ганнесу большія страданія своимъ дурнымъ настроеніемъ. Очень часто мнѣ было его такъ жаль. Но что подѣлаешь со своимъ характеромъ! Въ этомъ все несчастье. (*Съ короткой горькой усмѣшкой*) Мы были слишкомъ увѣрены. Ни о чемъ не задумывались. (*Вздохнувъ*) Знаешь, эта распашоночка мнѣ напомнила: въ богадѣльнѣ была старая сидѣлка... У нея въ сундукѣ много лѣтъ лежалъ саванъ, который она сама себѣ сшила. Какъ-то разъ она мнѣ его показала, и мнѣ стало такъ грустно.

Г-жа Фокератъ. Сумасбродная старуха! (*Короткая пауза*).

Кэте (*шьетъ*). Славный мальчуганъ этотъ маленькій Фидлеръ. Вчера я его привела сюда и стала показывать ему картинки. А онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «Тетя Кэте, правда, что мотылекъ—мужъ, а стрекоза—жена?»

Г-жа Фокератъ (*добродушно улыбается*).

Кэте. Такой глупенькій! А потомъ потрогалъ у меня вѣки и спрашиваетъ: «правда, въ нихъ глазки спятъ?»

Г-жа Фокератъ. Ужасно забавныя иногда бываютъ дѣтишки.

Кэте (*съ тихой и грустной веселостью*). И потомъ онъ говоритъ: «*исклы*» вмѣсто «*искры*». Я всегда дразню его этимъ.

Г-жа Фокератъ. Смѣшно—«исклы». (Смѣется).

Кэте (опускаетъ работу на колѣни). И какихъ только горестей ни выдумываешь въ дѣтствѣ! Помню, когда я была маленькая, я въ теченіе многихъ лѣтъ, бывало, какъ увижу картофельное поле, горячо молюсь Богу: «Ахъ, Господи, сдѣлай такъ, чтобы я хоть разочекъ поймала большую «Мертвую голову»... Такъ ни разу и не поймала. (Утомленная, встаетъ со стула. Со вздохомъ) А позднѣе являются другія горести...

Г-жа Фокератъ. Куда ты? Посиди еще чуточку.

Кэте. Надо посмотрѣть, не проснулся ли маленькій.

Г-жа Фокератъ. Не тревожься ты такъ. Безъ тебя все сдѣлаютъ.

Кэте (останавливается около стула и прикладываетъ руку ко лбу). Постой, мамочка, надо подумать.

Г-жа Фокератъ (нѣжно уговаривая ее). Да не о чемъ тебѣ думать! Лучше разскажи-ка мнѣ еще что-нибудь! (Она снова усаживаетъ Кэте на стулъ, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны). Садись. Когда Іоганнесъ былъ маленькій, онъ тоже былъ ужасно забавный.

Кэте (сидитъ словно въ оцѣпенѣніи, съ широко-раскрытыми глазами, которые устремлены на портретъ, висящій надъ піанино). Какой папа славный въ этомъ его облаченіи. Ему и въ голову не приходитъ, что его дочь... (Голосъ ея срывается отъ слезъ).

Г-жа Фокератъ (замѣтивъ это). Что ты, дѣточка?

Кэте (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, пожалуйста, оставь меня! (Нѣсколько времени обѣ работаютъ).

Кэте (шьетъ). Ты радовалась, когда Іоганнесъ родился?

Г-жа Фокератъ. Ну, я думаю! А ты развѣ не радовалась, когда родился Филиппъ?

Кэте. Право, не знаю... (Опять встаетъ). Я лучше пойду, немного прилягу.

Г-жа Фокератъ (тоже встаетъ и гладитъ Кэте руку). Да, да, если тебѣ нездоровится...

Кэте. Посмотри, мамочка, какія у меня руки.

Г-жа Фокератъ. Да, дѣточка, холодныя, словно ледъ!

Кэте. Возьми иголку! (Протягиваетъ ей иголку).

Г-жа Фокератъ (не рѣшается взять иглу). Зачѣмъ? Что мнѣ съ ней дѣлать?

Кэте. Вотъ посмотри. (Быстро колетъ себѣ иголкой нѣсколько разъ ладонь).

Г-жа Фокератъ (хватаетъ ея руку). Что ты! Что ты дѣлаешь?

Кэте (улыбается). Совсѣмъ не больно. Ничуть. Я ничего не чувствую.

Г-жа Фокератъ. Ну, что это еще за выдумки! Пойдемъ, пойдемъ, прилягъ немножко, полежи! (Поддерживая Кэте, уводитъ ее въ спальню).

(Черезъ нѣкоторое время входитъ Браунъ. Онъ снимаетъ шляпу и пальто и вѣшаетъ ихъ на вѣшалку).

Г-жа Фокератъ (высовывая голову изъ спальни). Ахъ, это вы, г. Браунъ?

Браунъ. Здравствуйте, г-жа Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Я сейчасъ... (Исчезаетъ. Нѣсколько секундъ спустя торопливо входитъ, подходитъ къ Брауну и суетъ ему въ руки телеграмму). Ну, посовѣтуйте, какъ быть. (Пока онъ читаетъ, она съ боязливымъ напряженіемъ слѣдитъ за выраженіемъ его лица).

Браунъ (прочитавъ). Вы сообщили г. Фокерату, въ чемъ дѣло?

Г-жа Фокератъ. Ни словомъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! У меня не хватило бы на это духу. Я только написала ему, что слѣдовало бы ему пріѣхать сюда... Потому что мнѣ еще не скоро можно будетъ уѣхать, и Кэте еще не совсѣмъ поправилась. Больше я ничего не писала. Даже и о томъ, что Анна еще здѣсь.

Браунъ (подумавъ нѣкоторое время, пожимаетъ плечами). Да что же тутъ можно посовѣтовать?

Г-жа Фокератъ (еще болѣе испуганно). По-вашему, я неправильно поступила? Не нужно было писать ему? Но вѣдь Кэте таетъ у меня на глазахъ, и если она сляжетъ, тогда... Я ужъ и не знаю, что тогда будетъ. Да и теперь то и дѣло приходится ее укладывать въ постель. Вотъ и сейчасъ лежитъ. Я не могу больше, не могу я одна, г. Браунъ, брать на себя такую отвѣтственность. (Сморкается).

Браунъ (взглянувъ на телеграмму). Г. Фокератъ пріѣзжаетъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Который теперь часъ?

Г-жа Фокератъ. Скоро половина пятаго.

Браунъ (подумавъ еще немного). Что же, вѣдь за эту недѣлю никакихъ перемѣнъ не произошло?

Г-жа Фокератъ (съ тоскою качаетъ головою). Никакихъ.

Браунъ. И она и виду не подавала, что собирается уѣзжать?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, ни разу. А Іоганнеса совсѣмъ точно околдовала. Съ нимъ и прежде трудно было ладить, но въ концѣ концовъ онъ дѣлалъ, что было нужно. А теперь ничего не видитъ и не слышитъ. Только эта женщина,

только она одна для него и существуетъ. Ни матери ни жены! О, Господи! Ну, что же теперь дѣлать! Вѣдь я по цѣлымъ ночамъ глазъ не могу сомкнуть. Я уже думала и такъ и этакъ. Что же намъ дѣлать? (Пауза).

Браунъ. Право, ужъ я и не знаю, хорошо ли, что пріѣзжаетъ г. Фокератъ. Это только еще болѣе раздражитъ Ганнеса... И потомъ... Онъ только не хочетъ показать ей... Но мнѣ иногда кажется... что Ганнесъ и самъ хотѣлъ бы какъ-нибудь освободиться отъ этого.

Г-жа Фокератъ. Я тоже такъ думала. Поэтому я и позволила себя уговорить тогда, когда онъ привезъ ее назадъ. Поэтому я и осталась здѣсь. Ну, а теперь все идетъ хуже и хуже. Теперь мы и заикнуться ему не смѣемъ объ этомъ. И Кэте тоже слова нельзя сказать. Къ кому же мнѣ обратиться?

Браунъ. А г-жа Кэте ни разу не говорила съ нимъ объ этомъ?

Г-жа Фокератъ. Разъ говорила... Они не спали почти цѣлую ночь... Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили. Но Кэте слишкомъ терпѣлива. Она даже становится на его сторону, если я что-нибудь скажу. Да и эту самую... эту госпожу... такъ-называемую... она совсѣмъ не понимаетъ, то и дѣло за нее заступается. (Короткая пауза).

Браунъ. Знаете... я ужъ самъ себя спрашивалъ, не поговорить ли мнѣ съ фрейлейнъ Анной.

Г-жа Фокератъ (быстро). Да, можетъ-быть, и слѣдовало бы.

Браунъ. Я даже хотѣлъ-было написать ей... Только боюсь, чтобы не вмѣшался въ это дѣло г. Фокератъ. По-моему — это только могло бы ухудшить положеніе, и очень сильно.

Г-жа Фокератъ. Да, да. Но что же мнѣ оставалось дѣлать? У меня вѣдь все сердце изболѣло. Ахъ, если бы вы... если бы вы въ самомъ дѣлѣ поговорили съ ней... (Слышны голоса Анны и Іоганнеса). Боже мой! Я не въ силахъ сейчасъ ее видѣть! (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ (медлитъ нѣсколько секундъ, затѣмъ также уходитъ въ наружную дверь прежде, чѣмъ тѣ вошли).

(Анна входитъ съ веранды).

Анна (снимаетъ шляпу и говоритъ въ отворенную дверь Іоганнесу, который остался на верандѣ). Что-нибудь интересное, докторъ?

Іоганнесъ. Должно-быть, что-нибудь случилось, — полицейскій сѣлъ въ лодку. (Входитъ). Вѣроятно, опять несчастье.

Анна. Опять меланхолическія предчувствія?

Іоганнесъ. Здѣсь часто случаются несчастія. Это — опасное озеро... Что это у васъ?

Анна. «Кошачьи лапки», докторъ. Я возьму ихъ съ собой на память.

Іоганнесъ. Когда будете уѣзжать? Ну, а это еще не такъ скоро.

Анна. Вы думаете?

(Короткая пауза. Оба тихо ходятъ по комнатѣ, каждый отдѣльно).

Анна. Какъ рано стало темнѣть.

Іоганнесъ. И свѣжо, какъ только солнце сядетъ. Зажечь огонь?

Анна. Какъ хотите. А то посидимъ немножко такъ, въ сумеркахъ. (Садится).

Іоганнесъ (также садится вдали отъ Анны на первый попавшійся стулъ. Послѣ паузы). Сумерки... Въ сумерки приходятъ въ голову старыя воспоминанія...

Анна. И сказки—не правда ли?

Іоганнесъ. Да, и сказки. Ахъ, какія есть чудесныя сказки!

Анна. О, да! Но знаете, какъ обыкновенно кончаются самыя лучшія изъ нихъ? «Тогда я надѣла хрустальный башмачокъ—и ударилась имъ о камень. И башмачокъ зазвенѣлъ и разбился вдребезги».

Іоганнесъ (послѣ короткой паузы). А это развѣ не тоже меланхолическія предчувствія?

Анна. Я думаю, что нѣтъ. (Встаетъ, тихо подходитъ къ стулу передъ піанино, садится на него и дышитъ себѣ на руки).

Іоганнесъ (тоже встаетъ, медленно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается сзади Анны). Сыграйте хоть нѣсколько тактовъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Нѣсколько самыхъ простыхъ аккордовъ—и довольно съ меня.

Анна. Я не умѣю играть.

Іоганнесъ (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна, зачѣмъ вы это говорите? Вы просто не хотите, я вѣдь знаю.

Анна. Право, я цѣлыхъ шесть лѣтъ не притрогивалась къ клавишамъ. Только этой весной опять стала немного упражняться. И потомъ... я такъ только бряцаю печальныя безутѣшныя пѣсенки, которыя когда-то слышала отъ матери...

Іоганнесъ. А можетъ-быть, вы споете одну изъ такихъ печальныхъ безутѣшныхъ пѣсенокъ?

Анна. Вотъ видите, вы ужъ и дразните меня.

Іоганнесъ. Нѣтъ, я вижу, вы не хотите доставить мнѣ удовольствія. (Короткая пауза).

Анна. Да, докторъ! Я—гадкое, капризное созданье.

Іоганнесъ. Я этого не говорю, фрейлейнъ Анна! (Небольшая пауза).

Анна (поднимаетъ крышку піанино, кладетъ пальцы на клавиши. Задумчиво). Если бы я знала что-нибудь веселое...

Іоганнесъ (садится въ дальнемъ углу, наклонивъ впередъ голову: положилъ ногу на ногу, оперся на нихъ локтями и приставилъ руку къ уху).

Анна (уронивъ руки на колѣни, говоритъ тихо, съ паузами). Собственно, мы живемъ въ великое время... Чудится мнѣ, точно что-то удушливое, давящее постепенно сползаетъ съ насъ все дальше и дальше... Вамъ не кажется это, докторъ?

Іоганнесъ (откашливаясь). Т.-е. въ какомъ смыслѣ?

Анна. Съ одной стороны, насъ порабощалъ томительный страхъ, съ другой—мрачный фанатизмъ. Теперь эта чрезмѣрно напряженная атмосфера какъ будто начала разряжаться, какъ будто откуда-то ворвался къ намъ потокъ свѣжаго воздуха, ну, положимъ, хоть изъ двадцатаго вѣка... Вы не согласны, докторъ? Ну, напримѣръ, такіе люди, какъ Браунъ, производятъ на насъ уже впечатлѣніе какихъ-то совъ при дневномъ свѣтѣ.

Іоганнесъ. Не знаю, фрейлейнъ! Относительно Брауна это совершенно вѣрно. Но я не могу еще проникнуться жизнерадостностью. Не знаю...

Анна. Я не говорю о нашихъ—*личныхъ* судьбахъ. Нашу маленькую личную жизнь оставимъ, докторъ, въ сторонѣ. (Пауза).

(Анна беретъ аккордъ и держитъ его).

Іоганнесъ (когда звуки аккорда замерли). Ну?

Анна. Что вы, докторъ!

Іоганнесъ. Вы не хотите играть? Ну, пожалуйста!

Анна. Я хотѣла вамъ кое-что сказать, но вы не должны горячиться, слышите? Вы должны остаться спокойны и благоразумны.

Іоганнесъ. Что такое?

Анна. Я думаю, мой срокъ кончился. Мнѣ пора уѣзжать.

Іоганнесъ (глубоко вздыхаетъ, потомъ встаетъ и начинаетъ медленно шагать по комнатѣ).

Анна. Послушайте, Іоганнесъ! Мы начинаемъ впадать въ ошибку слабыхъ натуръ. Намъ слѣдуетъ больше интересоваться общими вопросами, намъ нужно научиться легче переносить свои личныя невзгоды. (Небольшая пауза).

Іоганнесъ. Вы серьезно хотите уѣхать?

Анна (мягко, но рѣшительно). Да, Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Въ такомъ случаѣ, я буду теперь вдесятеро больше одинокимъ. (Пауза).

Іоганнесъ. Ахъ, по крайней мѣрѣ, хоть не будемъ говорить объ этомъ теперь.

Анна. Скажу вамъ только, что я извѣстила своихъ, что пріѣду въ субботу или въ воскресенье.

Іоганнесъ. Уже извѣстили? Но, фрейлейнъ, почему же вы такъ торопитесь?

Анна. По многимъ причинамъ. (Пауза).

Іоганнесъ (все быстрѣе и возбужденнѣе шагая по комнатѣ). Да неужели же дѣйствительно нужно приносить въ жертву этимъ проклятымъ условностямъ все, все, что добыто съ такимъ трудомъ! Неужели же люди абсолютно не могутъ понять, что нѣтъ ничего преступнаго въ такихъ отношеніяхъ, при которыхъ обѣ стороны только выигрываютъ, становятся лучше, благороднѣе? Да развѣ теряютъ что-нибудь родители отъ того, что ихъ сынъ становится лучше, глубже? Развѣ теряетъ что-нибудь жена, если ея мужъ духовно растетъ и крѣпнетъ?

Анна (ласково грозя). Ахъ, докторъ, докторъ! Опять вы злитесь!

Іоганнесъ (успокаиваясь). Да развѣ я неправъ, фрейлейнъ?

Анна. И да и нѣтъ... Вы оцѣниваете вещи иначе, чѣмъ ваши родители. Они—иначе, чѣмъ г-жа Кэте. И, по-моему, здѣсь нельзя возражать.

Іоганнесъ. Но вѣдь это же ужасно,—ужасно для насъ.

Анна. Да и для нихъ... для другихъ не меньше ужасно... (Пауза).

Іоганнесъ. Да, но не вы ли сами всегда говорили, что нельзя допускать себя до подчиненія чужимъ предразсудкамъ, нельзя ставить себя въ зависимость отъ другихъ.

Анна. Но если эта зависимость уже существуетъ?

Іоганнесъ. Хорошо, пусть такъ... пусть я нахожусь въ зависимости. Ну, а вы-то? Зачѣмъ вамъ считаться съ другими?

Анна. Я тоже полюбила ихъ. (Пауза).

Анна. Вы часто говорили мнѣ, что мечтаете о новой, высшей формѣ общенія между мужчиной и женщиной.

Іоганнесъ (тепло, съ увлеченіемъ). Да, мечтаю, и когда-нибудь это сбудется. Тогда не животная сторона, а человѣ-

ческая—займетъ первое мѣсто въ союзѣ между мужчиною и женщиною. Не животное будетъ вступать въ бракъ съ животнымъ, а человѣкъ съ человѣкомъ. Дружба — вотъ та основа, на которой взрастетъ и окрѣпнетъ такая любовь, на которой воздвигнется нерушимое, прекрасное, волшебное зданіе. И я предчувствую нѣчто еще болѣе возвышенное, прекрасное, свободное. (Прерываетъ самъ себя и обращается къ Аннѣ) Если бы я могъ сейчасъ видѣть ваше лицо, я навѣрно бы увидѣлъ, что вы смѣетесь. Правда?

Анна. Нѣтъ, докторъ, я не смѣюсь... Но, правда, такія слова... отъ которыхъ легко хмелѣешь... Они, дѣйствительно, вызываютъ во мнѣ обыкновенно насмѣшку. Но допустимъ,— въ нашихъ отношеніяхъ было, дѣйствительно, что-то новое, высшее...

Іоганнесъ (огорченный). Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Неужели нужно указывать вамъ разницу? Ну, чувствуете ли вы, напримѣръ, къ Кэте что-нибудь, кромѣ самой сердечной любви? Развѣ мое чувство къ ней хоть сколько-нибудь стало слабѣе? Напротивъ, я сталъ любить ее еще глубже, полнѣе.

Анна. Но найдется ли кто-нибудь, кромѣ меня, кто повѣритъ вамъ? И развѣ сама Кэте отъ этого меньше страдаетъ? Мнѣ не хочется говорить о насъ обоихъ. Ну, предположимъ,—такъ вообще: кто-нибудь прозрѣлъ возможность этихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ отношеній; но вѣдь пока они, эти отношенія—только въ оттѣнкѣ чувства, пока вѣдь это—чрезвычайно нѣжное молодое растеньице, которое надо холить и лелѣять. Вы согласны со мною, докторъ? Что это растеньице вырастетъ, пока мы еще живемъ, на это намъ нечего надѣяться. Мы никогда не увидимъ его расцвѣта, его плоды предназначены другимъ. Сберечь для потомства его сѣмя—это, пожалуй, мы можемъ. И думается мнѣ, что кто-нибудь возьметъ на себя этотъ трудъ.

Іоганнесъ. И изъ всего этого вы дѣлаете выводъ, что мы должны разстаться?

Анна. Я не хотѣла говорить о насъ. Но разъ ужъ вы заговорили... Да! Мы должны разстаться! Идти той дорогой, которая иногда... моментами... рисовалась мнѣ... Нѣтъ, теперь я этого не хочу. Я тоже испытала что-то въ родѣ предчувствія. И съ той поры прежняя цѣль, откровенно скажу вамъ, кажется и мнѣ слишкомъ незначительной, слишкомъ обыкновенной для насъ. Словно спустились мы съ высокой горы, откуда открывался далекій-далекій видъ,

и очутились въ долинѣ, гдѣ все такъ узко, такъ тѣсно. (Пауза).

Іоганнесъ. А если ничье существованіе не пострадаетъ отъ этого?

Анна. Этого не можетъ быть.

Іоганнесъ. Но если бы Кэте была достаточно сильна для этого? Если бы ей удалось подняться на высоту этой идеи?

Анна. Если бы Кэте сумѣла жить рядомъ со мною... тогда... тогда я бы не смогла довѣрить самой себѣ. Во мнѣ... въ насъ есть что-то, что враждебно тѣмъ облагороженнымъ отношеніямъ, которыя грезятся намъ; что-то, что въ концѣ концовъ сильнѣе насъ, докторъ... Не зажечь ли огонь?

Г-жа Фокератъ (входитъ изъ передней со свѣчой. Говоритъ въ дверь). Тутъ еще темно. Я зажгу сначала лампу. Подождите еще немного здѣсь, г. Браунъ. Я такъ устрою, что... (Іоганнесъ кашляетъ).

Г-жа Фокератъ (въ испугѣ). Кто тутъ?

Іоганнесъ. Мы, мама.

Г-жа Фокератъ. Ты, Іоганнесъ?

Іоганнесъ. Да. Фрейлейнъ Анна и я. А тамъ кто?

Г-жа Фокератъ (съ нескрываемой досадой). Что это, Ганнесъ! Можно бы, кажется, хоть огонь зажечь. Это вѣдь несовсѣмъ... сидѣть въ темнотѣ... (Зажигаетъ лампу. Іоганнесъ и Анна сидятъ неподвижно).

Г-жа Фокератъ. Ганнесъ?

Іоганнесъ. Что, мама?

Г-жа Фокератъ. Поди-ка ко мнѣ. Мнѣ нужно съ тобою кое-о-чемъ поговорить.

Іоганнесъ. Развѣ нельзя здѣсь?

Г-жа Фокератъ. Если у тебя нѣтъ для меня свободной минуты, говори прямо.

Іоганнесъ. Ахъ, мама... Ну, сейчасъ иду. (Аннѣ) Извините, фрейлейнъ. (Уходитъ съ г-жою Фокератъ въ кабинетъ).

Анна (беретъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, потомъ напѣваетъ вполголоса).

Неволей замученъ, ты рано покинулъ нашъ свѣтъ,
Страданій и горя людского поэтъ.
За свой народъ вступилъ ты смѣло въ бой
И палъ, неравной сломленный борьбой.

(Умолкаетъ. Входитъ Браунъ).

Анна (поворачивается на вертящемся стулѣ). Добрый вечеръ, г. Браунъ!

Браунъ. Я не хотѣлъ мѣшать. Здравствуйте, фрейлейнъ!

Анна. Что это васъ теперь такъ рѣдко видно?

Браунъ. Какъ такъ?

Анна. Здѣсь часто о васъ вспоминаютъ.

Браунъ. Кто же это? Ужъ, конечно, не Гансъ.

Анна. Іоганнесъ? Да, не онъ. Г-жа Кэте.

Браунъ. Вотъ видите! Откровенно говоря, я... впрочемъ, сейчасъ все это пустяки, дѣло не въ томъ. (Пауза).

Анна. Кажется, мы оба сегодня въ такомъ настроеніи, что слѣдовало бы намъ разсказать другъ другу что-нибудь веселенькое. Не знаете ли чего-нибудь? Иногда нужно заставлять себя смѣяться. Ну, какой-нибудь анекдотъ или что-нибудь...

Браунъ. Нѣтъ, ужъ увольте!

Анна. Я думаю, вамъ даже непонятно, что такое смѣхъ. (Пауза).

Браунъ. Собственно, я пришелъ, фрейлейнъ, чтобы поговорить съ вами серьезно.

Анна. Вы? Со мною?

Браунъ. Да, фрейлейнъ Анна!

Анна (встаетъ). Пожалуйста, я слушаю. (Подходитъ къ столу, развязываетъ букетъ изъ иммортелей и начинаетъ перебирать ихъ и снова связывать въ букетъ).

Браунъ. Я переживалъ тогда тяжелую внутреннюю борьбу, когда мы познакомились съ вами въ Парижѣ. Въ сущности, конечно, все это было вздоръ. И не все ли равно въ концѣ концовъ, писать ли картины съ идеей или безъ идеи. Искусство—роскошь, а служить въ наше время роскоши—позорно при всякихъ условіяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, тогда знакомство съ вами помогло мнѣ разобраться во всемъ этомъ. И вотъ что главнымъ образомъ я хотѣлъ сказать вамъ,—что именно тогда-то я научился уважать и цѣнить васъ.

Анна (продолжая разбирать цвѣты, равнодушно). То, что вы говорите, не особенно любезно, но продолжайте.

Браунъ. Если подобныя слова могутъ оскорблять васъ, я очень сожалѣю... Но тогда я ничего не понимаю...

Анна. Очень жаль, г. Браунъ.

Браунъ. Мнѣ непріятно и больно; проще было бы, конечно, предоставить событіямъ идти своимъ путемъ. Но если эти событія могутъ имѣть такія ужасныя и тяжелыя послѣдствія! Вѣдь нельзя же...

Анна (напѣвая про себя: «Пряди, пряди, доченька»). Кошачьи лапки. Я слушаю, г. Браунъ.

Браунъ. Глядя на васъ, фрейлейнъ, не могу положительно отдѣлаться отъ внечатлѣнія, что... повидимому, вы совершенно не отдаете себѣ никакого отчета... совершенно не замѣчаете всего ужаса и серьезности положенія вещей...

Анна (напѣваетъ): «Мальчикъ розу увидалъ».

Браунъ. Но есть же наконецъ въ людяхъ совѣсть. Мяѣ ничего больше не остается, фрейлейнъ, я вынужденъ апеллировать къ вашей совѣсти.

Анна (послѣ короткой паузы, съ холоднымъ спокойствіемъ). Знаете, что̀ сказалъ папа Левъ X о совѣсти?

Браунъ. Не знаю, да, право, меня это въ данную минуту нисколько и не интересуетъ.

Анна. «Совѣсть—это злое животное,—сказалъ онъ:—которое вооружаетъ человѣка противъ себя самого». Впрочемъ, продолжайте, продолжайте. Я вся—вниманіе.

Браунъ. Не знаю, право, но мнѣ кажется, что это ясно до очевидности: вѣдь не можете вы не видѣть, что дѣло идетъ о жизни и смерти цѣлой семьи. Достаточно, мнѣ кажется, взглянуть на молодую г-жу Фокератъ, только взглянуть на нее, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія. Помоему...

Анна (дѣлаясь серьезною). Ахъ, вотъ что̀! Такъ вотъ что̀! Ну, дальше, дальше!

Браунъ. Да... такъ вотъ... И ваши отношенія къ Іоганнесу...

Анна (протестуя). Г. Браунъ, до этого момента я думала, что выслушать друга моего друга—мой долгъ. Но то, что̀ вы говорите теперь, вы говорите на вѣтеръ...

Браунъ (смущенъ. Послѣ короткой паузы онъ встаетъ, беретъ шляпу и пальто и уходитъ съ жестомъ человѣка, который сдѣлалъ все, что̀ могъ).

Анна (какъ только Браунъ вышелъ, отбрасываетъ букетъ въ сторону и возбужденно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ нѣсколько успокаивается и пьетъ воду).

(Г-жа Фокератъ входитъ въ наружную дверь).

Г-жа Фокератъ (боязливо оглядывается по сторонамъ, затѣмъ, убѣдившись, что онѣ одни, быстро подходитъ къ Аннѣ). Я въ такомъ страхѣ за Ганнеса, вы знаете, какой онъ вспыльчивый. А у меня столько въ душѣ накипѣло... Не могу я больше таить въ себѣ, фрейлейнъ! Фрейлейнъ Анна! (Смотритъ на Анну съ умоляющимъ видомъ).

Анна. Я знаю, чего вы хотите.

Г-жа Фокератъ. Г. Браунъ говорилъ съ вами?

Анна (хочетъ отвѣтить утвердительно, но голосъ отказывается ей служить. Она съ трудомъ сдерживаетъ припадокъ слезъ и рыданій).

Г-жа Фокератъ (хлопочетъ около нея). Фрейлейнъ Анна, дорогая моя! Не надо падать духомъ. О, Господи! Только бы Іоганнесъ не вошелъ. Я не знаю, что̀ и дѣлать. Ну, фрейлейнъ Анна!

Анна. Ничего, ничего... Вотъ ужъ и все прошло. Не безпокойтесь, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Мнѣ вѣдь и васъ жаль, развѣ я не человѣкъ! Много и вамъ пришлось перенести въ жизни дурного. У меня сердце за васъ болитъ. Но вѣдь Іоганнесъ мнѣ все же ближе. Я этого перемѣнить не могу! А вы, фрейлейнъ, еще такъ молоды, такъ молоды. Въ ваши годы все легко переносится.

Анна. Мнѣ ужасно тяжело, что все это такъ далеко зашло.

Г-жа Фокератъ. Никогда я не дѣлала ничего подобнаго. Никогда не отказывала я никому въ гостепріимствѣ. Но другого пути я не вижу. Это — послѣдній выходъ для всѣхъ насъ... Я не хочу сейчасъ никого судить. Я хочу говорить съ вами, какъ женщина съ женщиной, какъ мать... (Слезы душатъ ее). Какъ мать Іоганнеса, обращаюсь я къ вамъ. (Хватаетъ ее за руку). Отдайте мнѣ моего сына! Верните измученной матери ея дитя! (Падаетъ на стулъ и плачетъ, припавъ къ рукѣ Анны).

Анна. Милая, милая г-жа Фокератъ! Все это... Всѣмъ этимъ я глубоко потрясена. Но что̀ же я могу вернуть вамъ? Развѣ я отнимала у васъ что-нибудь?

Г-жа Фокератъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Я не хочу разбираться во всемъ этомъ, не хочу разбирать, кто здѣсь виноватъ. Знаю только одно: у моего сына никогда, во всю жизнь не было дурныхъ склонностей. Я такъ была въ немъ увѣрена, что даже и теперь вотъ не могу понять... (Плачетъ). Я была слишкомъ самонадѣянна, фрейлейнъ Анна...

Анна. Что̀ бы вы ни говорили, г-жа Фокератъ, противъ васъ я не могу защищаться.

Г-жа Фокератъ. Я не хотѣла сдѣлать вамъ больно, не хотѣла огорчать васъ, клянусь вамъ. Вѣдь я въ вашихъ рукахъ. Я могу только умолять васъ, только умолять отъ всей глубины моего изстрадавшагося сердца: оставьте моего Ганнеса. Пока еще не все погибло, пока еще не разбилось сердце Кэте. Сжальтесь!

Анна. Г-жа Фокератъ! Вы меня такъ унижаете... Я испытываю такое чувство, словно меня прибили, а я... Но нѣтъ! Говорю вамъ: я уѣзжаю,—это рѣшено. И если дѣло только въ этомъ...

Г-жа Фокератъ. О, Господи! Ну, что вы еще выдумали, фрейлейнъ! У меня просто слова нейдутъ съ языка... Но обстоятельства таковы... Нужно, чтобы вы сейчасъ же... Если можно, то сейчасъ же...

Анна (собираетъ вещи, которыя она сняла съ себя).

Г-жа Фокератъ. Я не могу найти иного исхода, фрейлейнъ! (Небольшая пауза).

Анна (съ вещами въ рукахъ, медленными шагами идетъ къ выходной двери, останавливается передъ г-жою Фокератъ). Неужели вы могли подумать, что я стала бы еще медлить?

Г-жа Фокератъ. Помоги вамъ Господь!

Анна. Прощайте, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Вы не скажете Ганнесу, о чемъ мы здѣсь говорили?

Анна. Будьте покойны, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Сохрани васъ Господь, фрейлейнъ Анна!

(Анна выходитъ въ выходную дверь. Г-жа Фокератъ съ облегченіемъ вздыхаетъ и быстро идетъ въ спальню.

Веранда освѣщается фонаремъ. Входитъ старикъ Фокератъ въ шинели и плюшевой шапочкѣ, за нимъ станціонный сторожъ съ багажомъ).

Фокератъ (крайне довольный). А! Никого нѣтъ? Положите вещи вотъ сюда. Подождите! (Ищетъ въ портмоне) Вотъ вамъ за труды.

Сторожъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Фокератъ. Подождите-ка, милый человѣкъ. (Ищетъ въ карманахъ пальто). Кажется, у меня была тутъ пара экземпляровъ... «Пальмовыхъ вѣтвей»... А, вотъ! (Даетъ ему нѣсколько брошюрокъ). Это писалъ одинъ благочестивый человѣкъ—все, что онъ пережилъ. Да послужитъ это вамъ на благо. (Пожимаетъ смущенному носильщику руку. Тотъ не знаетъ, что сказать, и молча уходитъ. Фокератъ снимаетъ пальто и фуражку, оглядывается, съ довольнымъ видомъ потираетъ руки, потомъ подходитъ къ дверямъ спальни и прислушивается. За дверью слышится шумъ; Фокератъ стремительно отходитъ и прячется за печку).

Кэте (выходитъ изъ спальни, видитъ свертки, пальто и шапку). Ахъ, Господи, Боже мой, да вѣдь это... вѣдь это же вещи папочки!

Фокератъ (словно вихрь выбѣгаетъ изъ-за печки, и плачетъ и смѣется. Порывисто обнимаетъ Кэте и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ). Дочурка! Сердечко мое! (Поцѣлуй). Ну, какъ живете? Что

подѣлываете? Всѣ живы-здоровы? (Поцѣлуй). Нѣтъ, вы себѣ представить не можете... (Выпускаетъ Кэте изъ объятій). Вы себѣ представить не можете, какъ я сегодня весь день былъ счастливъ! (Смѣется). Ну-съ, а что подѣлываетъ нашъ принцъ? Ха-ха-ха! Какъ изволитъ поживать его высочество? Ха-ха-ха! Его высочество, наслѣдный принцъ! Ха-ха-ха! Слава Тебѣ, Господи, наконецъ-то я здѣсь. (Слегка утомленно) Знаешь ты... (Снимаетъ очки и протираетъ стекла). Долго быть одному—нѣтъ, это не годится... Ха-ха! Нехорошо человѣку быть одному, надо непремѣнно вдвоемъ! Ха-ха-ха! Тэкъ-съ... и потомъ, знаешь, много было работы. Ухъ! Особенно съ навозомъ. Навозъ, ха-ха-ха! Это — золото для хозяина. Да. Былъ у меня какъ-то на-дняхъ пасторъ Пфейферъ. Такъ онъ все возмущался, что у насъ навозная куча подъ самыми окнами. (Смѣется). А я ему говорю: милый пасторъ, говорю, да вѣдь это наши золотыя розсыпи. Ха-ха-ха! Ну, а гдѣ же пропадаетъ моя старуха? Моя почтенная хозяюшка? И гдѣ мой Ганнесъ? (Внимательно всматривается въ Кэте) Не знаю, можетъ-быть, это отъ лампы? По-моему, ты все еще не... не такая, какъ прежде, а, Кэте?

Кэте (съ трудомъ скрывая свое волненіе). Ахъ, папочка, да нѣтъ. Я чувствую себя совсѣмъ... (Обнимая его) Я такъ рада, что ты пріѣхалъ.

Фокератъ. Я, должно-быть, тебя... немножко напугалъ тебя... Напугалъ, а, Кэте? (Въ входныхъ дверяхъ показывается г-жа Фокератъ. Фокератъ опять внѣ себя отъ радости). Ха-ха-ха! Да вотъ и она!

(Бросаются другъ другу въ объятія, плачутъ и смѣются).

Кэте (не въ силахъ сдерживать себя, уходитъ).

Фокератъ (послѣ объятій хлопаетъ жену по спинѣ). Такъ, такъ, моя вѣрная старушка! Никогда еще не разставались мы съ тобою такъ надолго... Ну, теперь недостаетъ только Іоганнеса.

Г-жа Фокератъ (послѣ небольшой паузы). У насъ еще гостья здѣсь.

Фокератъ. Гостья? Кто такая?

Г-жа Фокератъ. Да фрейлейнъ.

Фокератъ. Такъ. Какая фрейлейнъ?

Г-жа Фокератъ. Да ты вѣдь знаешь,—фрейлейнъ Маръ.

Фокератъ. А я думалъ, что она уѣхала. Ну-съ, вотъ здѣсь кое-какая провизія. (Разбирая свертки) Вотъ тебѣ масло. Яицъ на этотъ разъ не привезъ. До сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаю о прошломъ разѣ. Вотъ это—для Іоган-

неса, сыръ собственнаго производства. Надо все это скорѣй на погребъ. А вотъ ветчина. Замѣчательная, Марта, ну, прямо лососина. Да что ты все молчишь? Здорова?

Г-жа Фокератъ. Да, папочка, только ужъ не знаю, право... Есть у меня кое-что на сердцѣ... Не хотѣла я тебѣ, собственно, говорить, но... я... Вѣдь ты мой вѣрный спутникъ въ жизни... У меня одной ужъ больше нѣтъ силъ... Нашъ сынъ... нашъ Іоганнесъ... чуть-было...

Фокератъ (изумленно, испуганно). Что такое съ Іоганнесомъ? Что съ нимъ? Да что же, наконецъ?!

Г-жа Фокератъ. Ты только не волнуйся. Съ Божьей помощью, теперь все пойдетъ на ладъ. По крайней мѣрѣ, фрейлейнъ скоро уѣзжаетъ.

Фокератъ (глубоко потрясенный). Марта! Не можетъ этого быть! Это неправда!

Г-жа Фокератъ. Да я и не знаю, какъ далеко у нихъ зашло. Только... Ахъ! Это было для меня ужасное время!

Фокератъ. Я бы, не задумываясь, далъ отрубить себѣ руку... Чтобы мой сынъ, Марта! Мой сынъ забылъ долгъ и честь?

Г-жа Фокератъ. Ахъ, дорогой мой, ты раньше посмотри, раньше самъ разберись... Я вѣдь не знаю...

Фокератъ (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, блѣдный, бормоча). Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!

(Г-жа Фокератъ тихо плачетъ).

Фокератъ (останавливается передъ нею, глухо). Марта, гдѣ-нибудь да должна таиться вина. Давай сообразимъ.

Г-жа Фокератъ. Мы молча терпѣли, и наши дѣти все больше и больше удалялись отъ Бога и отъ истиннаго пути.

Фокератъ. Да, ты права. Это такъ. И за это мы теперь понесемъ кару. (Беретъ жену за обѣ руки). Но будемъ молить Господа съ глубокимъ смиреніемъ день и ночь. Будемъ молить Бога, Марта!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Событія этого дѣйствія почти непосредственно слѣдуютъ за событіями четвертаго дѣйствія.

Комната пуста. На столѣ еще стоитъ зажженная лампа.

Іоганнесъ (быстро входитъ черезъ входную дверь. Въ сильномъ гнѣвѣ). Мама! (Открываетъ дверь въ спальню). Мама!

Г-жа Фокератъ (выходитъ изъ спальни). Ну, что̀ случилось, мальчикъ? Чего ты такъ шумишь? Филиппа разбудишь.

Іоганнесъ. Мама, я хотѣлъ бы знать, кто далъ тебѣ право выгонять гостей изъ моего дома?

Г-жа Фокератъ. Но, Ганнесъ... Я и не думала никого гнать.

Іоганнесъ (ходитъ взбѣшенный по комнатѣ). Мама, ты лжешь!

Г-жа Фокератъ. И ты можешь говорить это матери прямо въ лицо, Ганнесъ?

Іоганнесъ. Я долженъ тебѣ это сказать, потому что это правда. Фрейлейнъ Анна собирается уѣхать и...

Г-жа Фокератъ. Что-жъ, она тебѣ сказала, что это я ее выгнала изъ дому?

Іоганнесъ. Ей не нужно было говорить этого, я и самъ знаю.

Г-жа Фокератъ. Что-жъ ты знаешь?

Іоганнесъ. Она уѣзжаетъ. Вы столько времени втолковывали ей это. Но я говорю тебѣ: я лягу здѣсь у дверей, возьму револьверъ (беретъ револьверъ изъ книжнаго шкапа), приставлю его себѣ къ головѣ и, если она уѣдетъ, спущу курокъ. Клянусь тебѣ жизнью!

Г-жа Фокератъ (въ ужасѣ, хочетъ схватить его за руку). Ганнесъ, ради Бога, перестань!

Іоганнесъ. Даю тебѣ честное слово...

Г-жа Фокератъ. Боже мой, Боже мой! (Зоветъ) Папочка! Папочка! Иди же скорѣе! Одна минута и... Папочка, да образумь ты сына!

(Старикъ Фокератъ входитъ изъ спальни).

Іоганнесъ. О... отецъ! (Сразу приходитъ въ себя и роняетъ револьверъ).

Фокератъ. Да, я, это я... И вотъ какъ суждено намъ встрѣтиться.

Іоганнесъ. Что̀ это значитъ, мама?

Фокератъ (подходя къ нему, серьезно и торжественно). Это значитъ... что ты долженъ опомниться, сынъ мой.

Іоганнесъ. Почему ты пріѣхалъ къ намъ теперь?

Фокератъ. Воля Всевышняго привела меня къ вамъ.

Іоганнесъ. Это мама позвала тебя?

Фокератъ. Да, Іоганнесъ.

Іоганнесъ. Зачѣмъ?

Фокератъ. Чтобы я пришелъ помочь тебѣ, какъ другъ.

Іоганнесъ. Да развѣ я нуждаюсь въ помощи?

Фокератъ. Да, Ганнесъ, ты слабъ: ты такой же слабый человѣкъ, какъ и всѣ мы. Да!

Іоганнесъ. Ну, хорошо, пусть я слабъ. Но чѣмъ же ты хочешь помочь мнѣ?

Фокератъ (подходитъ къ нему и беретъ его за руку). Я хочу сказать тебѣ, какъ всѣ мы тебя любимъ. Да. И еще я хотѣлъ сказать тебѣ, что Господь радуется, когда видитъ кающагося грѣшника, да...

Іоганнесъ. Такъ, значитъ, я грѣшникъ?

Фокератъ (попрежнему мягко). Великій грѣшникъ, да... передъ Господомъ Богомъ.

Іоганнесъ. Да въ чемъ же я согрѣшилъ?

Фокератъ. Кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ,— сказалъ Господь... Да... А ты сдѣлалъ больше... да... да...

Іоганнесъ (дѣлаетъ движеніе, точно хочетъ зажать себѣ уши). Отецъ!

Фокератъ. Открой мнѣ свое сердце, Ганнесъ! Протяни мнѣ свою руку, какъ грѣшникъ грѣшнику, и возьми меня помощникомъ въ твоей борьбѣ...

Іоганнесъ. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Я стою на другой почвѣ, чѣмъ ты.

Фокератъ. Ты стоишь на зыбкой почвѣ.

Іоганнесъ. Какъ ты можешь говорить объ этомъ, отецъ! Ты не знаешь той почвы, на которой я стою, моего пути ты не знаешь.

Фокератъ. О, да! Это широкій путь къ гибели. Я втайнѣ слѣдилъ за тобою, да. Но кромѣ меня слѣдилъ за тобою еще и всевышній Богъ! И я зналъ это и поэтому медлилъ исполнить свой долгъ, да... Но сегодня я прихожу къ тебѣ во имя Его и говорю тебѣ: вернись, ты стоишь передъ пропастью!

Іоганнесъ. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Ты говоришь, какъ честный, добрый человѣкъ, но... твои слова не находятъ отклика въ моей душѣ. Твои пропасти не пугаютъ меня. Есть другая пропасть,—и смотрите, не столкните меня въ нее!

Фокератъ. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ...

Іоганнесъ. Неправда, что кто посмотритъ съ вожделѣніемъ на женщину, уже нарушилъ свой супружескій долгъ. Я боролся, долго боролся!

Фокератъ. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ. Я часто давалъ тебѣ совѣты, и всегда они шли тебѣ на пользу. Я говорю тебѣ теперь,—не обманывай себя, положи этому конецъ. Поду-

май о своей женѣ, о Филиппѣ, хоть немного подумай о своихъ старыхъ родителяхъ! Не увеличивай...

Іоганнесъ. А о себѣ самомъ я не долженъ подумать?

Фокератъ. Тебѣ и самому будетъ легче и свободнѣе, когда ты придешь къ этому рѣшенію.

Іоганнесъ. А если это не такъ?

Фокератъ. Повѣрь мнѣ, что такъ.

Іоганнесъ. А если... А Анна?

Фокератъ. Такія, какъ она,—дѣти всего міра,—Ганнесъ, легко переносятъ.

Іоганнесъ. Ну, а если она не легко перенесетъ?

Фокератъ. Тогда, значитъ, не было на это воли Божіей.

Іоганнесъ. Ну, отецъ... я—иного мнѣнія. Мы не понимаемъ другъ друга. Да и вообще никогда въ подобныхъ вопросахъ не поймемъ другъ друга.

Фокератъ (все еще стараясь быть мягкимъ). Здѣсь... здѣсь рѣчь вовсе не о пониманіи. Ты не хочешь видѣть истинное положеніе, да! Тутъ совсѣмъ другое. Раньше и ты отлично понималъ это. Но не въ томъ дѣло... не въ пониманіи другъ друга...

Іоганнесъ. Прости, отецъ, но въ чемъ же?

Фокератъ. Въ повиновеніи, да, вотъ въ чемъ!

Іоганнесъ. По-твоему, значитъ, я долженъ дѣлать все, что тебѣ угодно, хотя бы самъ я не считалъ это правильнымъ? Да?

Фокератъ. Я не посовѣтую тебѣ ничего неправильнаго. Мнѣ очень больно, что я долженъ тебѣ говорить это... Какъ будто попрекаешь чѣмъ-то, да! Но пока мы вырастили тебя, сколько было у насъ заботъ, сколько безсонныхъ ночей. Мы не жалѣли для тебя никакихъ жертвъ, мы ухаживали за тобою, когда ты хворалъ! А ты много хворалъ, Ганнесъ, когда былъ маленькій. Да! Но мы все дѣлали охотно, съ радостью.

Іоганнесъ. Да, отецъ, и за это я глубоко благодаренъ вамъ.

Фокератъ. Да. Но это только слова! А я хочу видѣть поступки, поступки! Будь благочестивымъ, чистымъ, послушнымъ, вотъ это—настоящая благодарность.

Іоганнесъ. Ты, значитъ, считаешь, что я неблагодаренъ, что я не заслуживаю вашихъ заботъ?

Фокератъ. Помнишь, когда ты былъ еще ребенкомъ, о чемъ ты всегда молился въ своей кроваткѣ, да? утромъ и вечеромъ?

Іоганнесъ. О чемъ, отецъ?

Фокератъ. Господи, молю Тебя, сдѣлай такъ, чтобы я былъ хорошимъ мальчикомъ... А если я не буду хорошимъ...

Іоганнесъ. Тогда лучше возьми меня съ земли. Значитъ, ты думаешь, что было бы лучше, если бы вы тогда схоронили меня?

Фокератъ. Да, если ты будешь продолжать идти по этой опасной дорогѣ, если, да... Если сердце твое останется непреклоннымъ...

Іоганнесъ. Да, я и самъ думаю, что это было бы лучше... (Небольшая пауза).

Фокератъ. Приди въ себя, сынъ мой. Вспомни, Ганнесъ, о тѣхъ, кто наставлялъ тебя, вспомни пастора Пфейфера, твоего благочестиваго учителя и духовника. Припомни...

Іоганнесъ (*самъ себѣ*). Ахъ, оставь ты меня, отецъ, въ покоѣ съ этими моими учителями! Иначе я расхохочусь! Не напоминай ты мнѣ объ этомъ стадѣ барановъ, которые вытравляли во мнѣ все живое.

Г-жа Фокератъ. О, Отецъ Небесный!

Фокератъ. Молчи, Марта, молчи! (Іоганнесу) Ни твои наставники ни мы съ нею не заслужили этого.

Іоганнесъ (*кричитъ*). Изуродовали вы меня!

Фокератъ. Ты клевещешь, Ганнесъ!

Іоганнесъ. Я правду говорю... вы изуродовали меня!

Фокератъ. Такъ-то платишь за нашу любовь?

Іоганнесъ. Ваша любовь изуродовала меня!

Фокератъ. Я не узнаю тебя, Ганнесъ, я перестаю понимать тебя.

Іоганнесъ. Я то же самое думаю, отецъ. Вы никогда не понимали и никогда не поймете меня. (Небольшая пауза).

Фокератъ. Ну, хорошо, Ганнесъ. Я кончилъ. Я не подозрѣвалъ, что это зашло такъ далеко. Я надѣялся, но средства мои истощились. Здѣсь можетъ помочь только Господь. Пойдемъ, Марта, пойдемъ, моя старая! Здѣсь намъ нечего больше дѣлать. Да! Спрячемся куда-нибудь и будемъ ждать, пока милосердый Богъ призоветъ насъ къ Себѣ. (Обращается снова къ Іоганнесу) Но, Ганнесъ! Одно еще долженъ я тебѣ сказать: не обагри рукъ своихъ кровью, слышишь! Не налагай на свою душу еще и этого грѣха! Подумалъ ли ты хоть разъ о Кэте? Знаешь ли ты, что мы боимся за ея разсудокъ? Поглядѣлъ ли ты когда-нибудь внимательнѣе на это бѣдное, милое созданье? Понимаешь ли ты, что вы съ ней сдѣлали? Богъ пусть

мать тебѣ разскажетъ, какъ она по ночамъ плачетъ надъ твоимъ портретомъ, бьется въ рыданіяхъ. Такъ послушай же ты меня еще разъ, Ганнесъ! Не обагри рукъ своихъ кровью. Ну, а теперь я все сказалъ, да! Пойдемъ, Марта, пойдемъ!

Іоганнесъ (послѣ короткой борьбы). Отецъ! Мама!

Г-жа Фокератъ } (оборачиваются. Іоганнесъ бросается въ ихъ
Фокератъ } объятія). Іоганнесъ! (Пауза).

Іоганнесъ (упавшимъ голосомъ). Ну, скажите же, что я долженъ сдѣлать?

Фокератъ. Не удерживай ее, пусть она уѣзжаетъ, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Обѣщаю тебѣ это. (Въ полномъ изнеможеніи онъ опускается на стулъ).

Г-жа Фокератъ (въ радостномъ волненіи, поспѣшно уходитъ въ спальню).

Фокератъ (гладитъ сидящаго сына по головѣ и цѣлуетъ въ лобъ). Дай тебѣ Господь силы! (Уходитъ въ спальню).

(Іоганнесъ сидитъ нѣсколько мгновеній спокойно, потомъ вздрагиваетъ, становится все безпокойнѣе. Встаетъ, подходитъ къ окну, всматривается въ темноту, прислушивается. Отворяетъ наружную дверь).

Іоганнесъ. Кто тамъ?

Анна. Это я, г. Іоганнесъ! (Входитъ).

Іоганнесъ. Вы хотѣли уѣхать, не простившись? (Ходитъ по комнатѣ).

Анна. Правда, одну минуту я колебалась. Но теперь такъ хорошо.

Іоганнесъ. Я въ ужасномъ состояніи. Отецъ здѣсь. Я его никогда не видалъ такимъ. Онъ всегда такой веселый, жизнерадостный... Я не могу отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. И въ то же время я долженъ видѣть, какъ вы уходите отъ насъ, фрейлейнъ...

Анна. Что же, вѣдь должна же была я когда-нибудь уѣхать!

Іоганнесъ. Но вы не должны уѣзжать, не можете уѣхать! По крайней мѣрѣ, хоть не сейчасъ, не въ эту минуту! (Садится, опустивъ на руку голову. Глубокій стонъ вырывается у него изъ груди).

Анна (взволнованнымъ, еле слышнымъ голосомъ). Докторъ! (Тихо кладетъ свою руку на его голову).

Іоганнесъ (выпрямляется со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна!

Анна. Вспомните, о чемъ мы говорили всего какой-нибудь часъ назадъ. Давайте, превратимъ необходимость въ подвигъ!

Іоганнесъ (встаетъ, въ возбужденіи ходитъ по комнатѣ). Я не знаю, о чемъ мы говорили. Въ головѣ у меня пусто-пусто, я весь истерзался... Я не помню, о чемъ я говорилъ и съ отцомъ. Я ничего не знаю. Пусто въ головѣ... Я измучился...

Анна. Ахъ, Іоганнесъ, лучше, чтобы все было ясно въ эти послѣднія наши минуты.

Іоганнесъ (послѣ нѣкоторой борьбы). Помогите мнѣ, Анна! Во мнѣ не осталось ни капли гордости, ничего высокаго. Я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вотъ сейчасъ, въ эту минуту, я уже совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ прежде, чѣмъ пріѣхали вы къ намъ. Во мнѣ нѣтъ сейчасъ ничего, кромѣ нестерпимаго отвращенія къ жизни. Все для меня потеряло всякую цѣну, все загрязнено, осквернено, втоптано въ грязь. А вѣдь я чувствую, что я все-таки былъ чѣмъ-то, благодаря вамъ, вашему присутствію, вашимъ словамъ, и если ужъ мнѣ не суждено опять сдѣлаться тѣмъ же, тогда... тогда къ чему мнѣ все остальное. Тогда надо подвести итогъ... и покончить... (Ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается передъ Анной). Поддержите меня... дайте мнѣ что-нибудь, на что бы я могъ опереться и подняться. Какую-нибудь опору! Вѣдь все во мнѣ разбито. Какую-нибудь опору! У меня не осталось ни капли силъ...

Анна. Докторъ! Мнѣ мучительно тяжело видѣть васъ такимъ. И я совершенно не знаю, какъ поддержать васъ. Но вы должны помнить объ одномъ: вѣдь мы же предвидѣли это. Днемъ раньше, днемъ позже, мы должны были быть готовыми ко всему, докторъ.

Іоганнесъ (стоитъ молча, въ раздумьѣ).

Анна. Ну? Вспомнили вы теперь? Давайте, сдѣлаемъ опытъ. Вы знаете, какой? Давайте, поставимъ сами себѣ законъ и будемъ по нему поступать. Только мы вдвоемъ и всю свою жизнь; и если мы даже никогда больше не встрѣтимся, будемъ жить только по одному этому собственному закону. Хотите? Кромѣ этого нѣтъ ничего, что бы соединяло насъ другъ съ другомъ. Не нужно обманывать себя. Все другое только разъединяетъ насъ. Такъ хотите? Согласны?

Іоганнесъ. Да, я чувствую, что это могло бы меня поддержать. Я бы могъ работать даже безъ надежды, что достигну цѣли. Но кто поручится мнѣ, гдѣ возьму я вѣру, кто убѣдитъ меня, что я буду мучить себя не изъ-за призрака?

Анна. Если мы такъ хотимъ, то къ чему намъ, Іоганнесъ, вѣра, какія-то гарантіи?

Іоганнесъ. А если у меня не хватитъ воли?

Анна (совсѣмъ тихо). Когда я почувствую себя слабой, я вспомню о томъ, кто живетъ, подчиняясь тому же закону. И я знаю навѣрно, — это подкрѣпитъ меня. Я вспомню о васъ, Іоганнесъ...

Іоганнесъ. Анна! Ну, хорошо, я хочу, хочу! Будемъ беречь въ себѣ это предчувствіе новой свободной жизни, этотъ призракъ отдаленнаго блаженства, который живъ въ насъ. Мы не должны дать исчезнуть тому, что разъ почувствовали—ту возможность лучшей жизни, которая мелькнула передъ нами. Все равно, имѣютъ ли будущее эти мечты, или нѣтъ, онѣ должны сохраниться въ насъ. Пусть всегда горитъ во мнѣ ея пламя. А когда оно угаснетъ, угаснетъ и моя жизнь. (Оба молчатъ, потрясенные). Благодарю васъ, Анна!

Анна. Будьте счастливы, Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Куда вы ѣдете?

Анна. Можетъ-быть, на сѣверъ, можетъ-быть, на югъ.

Іоганнесъ. Вы не хотите сказать мнѣ, куда?

Анна. Лучше не спрашивайте меня объ этомъ.

Іоганнесъ. Но неужели же намъ нельзя... хоть иногда, изрѣдка... ну, хоть нѣсколько словъ... или... или... хоть самыми коротенькими извѣстіями... какъ живемъ, гдѣ находимся...

Анна (качаетъ головой, съ грустной улыбкой). Къ чему? Развѣ не въ насъ самихъ—самая большая опасность? А если мы потерпимъ крушеніе, мы же и будемъ обмануты.

Іоганнесъ. Хорошо, я возьму на себя это бремя, я буду твердо нести его, хотя бы оно раздавило меня. (Беретъ Анну за руку). Прощайте!

Анна (съ усиліемъ, то краснѣя, то блѣднѣя, смущенно, въ сильномъ волненіи). Іоганнесъ!.. Еще одно: это кольцо снято съ пальца умершей женщины, которая пошла за своимъ... мужемъ... за своимъ мужемъ пошла въ Сибирь. И она вынесла съ нимъ все до конца. (Полушутя) У насъ — наоборотъ.

Іоганнесъ. Анна! (Прижимаетъ ея руку къ губамъ и крѣпко держитъ ее).

Анна. Я никогда не носила никакихъ другихъ украшеній. И когда я чувствовала, что у меня не хватало силъ, я вспоминала исторію этого кольца... И вы... когда будете

смотрѣть на него... въ минуты слабости, тогда вспоминайте и о той, которая вдали отъ васъ — одинокая, какъ вы, и борется такъ же, какъ вы. Прощайте!

Іоганнесъ (съ отчаяніемъ). И мы никогда, никогда не увидимся?

Анна. Если мы увидимся—мы погибнемъ.

Іоганнесъ. Ахъ, хватитъ ли только у меня силъ это вынести!

Анна. Что не побѣждаетъ насъ, то дѣлаетъ насъ сильнѣе. (Хочетъ идти).

Іоганнесъ. Анна! Сестра!

Анна (плачетъ) Братъ! Іоганнесъ!..

Іоганнесъ. Неужели же братъ не смѣетъ поцѣловать сестру свою передъ тѣмъ, какъ они разстаются навѣки?

Анна. Нѣтъ, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Да, Анна! Да! Да! (Онъ обнимаетъ ее, и ихъ губы соединяются въ единственномъ, долгомъ, пламенномъ поцѣлуѣ. Потомъ Анна вырывается и исчезаетъ черезъ веранду. Іоганнесъ стоитъ нѣкоторое время, словно ошеломленный. Затѣмъ начинаетъ ходить по комнатѣ, проводитъ рукою по волосамъ, вздыхаетъ все сильнѣе, останавливается и прислушивается. Вдругъ издали доносится грохотъ приближающагося поѣзда, быстро мчащагося черезъ лѣсъ. Іоганнесъ открываетъ дверь на веранду и прислушивается. Грохотъ усиливается, затѣмъ утихаетъ. Слышенъ первый звонокъ на вокзалѣ. Второй, третій. Свистокъ. Іоганнесъ идетъ къ себѣ въ комнату, но на дорогѣ опускается на стулъ. Все его тѣло трясется отъ слезъ и рыданій. Блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ веранду. Изъ сосѣдней комнаты доносится шумъ. Тамъ громко разговариваютъ. Іоганнесъ встаетъ, направляется къ своей комнатѣ, останавливается на мгновенье въ раздумьѣ, потомъ быстро убѣгаетъ черезъ веранду въ садъ. Старикъ Фокератъ выходитъ изъ спальни, за нимъ г-жа Фокератъ. Оба идутъ по направленію къ выходной двери).

Фокератъ (останавливаясь). Ганнесъ! Мнѣ показалось... здѣсь кто-то былъ.

Г-жа Фокератъ (уже подойдя къ выходной двери). Кто-то поднялся по лѣстницѣ.

Фокератъ. Да, да, мальчику надо успокоиться. Не будемъ ему мѣшать. Можно, пожалуй, послать къ нему Брауна...

Г-жа Фокератъ. Да, да. Я сейчасъ пошлю за нимъ. А можетъ-быть, подняться мнѣ самой къ нему, папочка?

Фокератъ (идетъ къ двери на веранду). Нѣтъ, Марта, лучше не ходи. (Открываетъ дверь, прислушивается). Какая чудесная луна! Послушай-ка!

Г-жа Фокератъ (быстро отходитъ отъ выходной двери). Что такое?

Фокератъ. Дикіе гуси, вонъ видишь? Вонъ тамъ! Надъ озеромъ. Вонъ какъ точки мелькаютъ противъ луны.

Г-жа Фокератъ. Эхъ, глаза-то ужъ у меня не молодые. (Идетъ назадъ къ входной двери).

Фокератъ. Послушай-ка!

Г-жа Фокератъ. Да что? (Останавливается).

Фокератъ. Шш... Марта! (Запираетъ дверь и идетъ за женою). Ничего! Мнѣ только показалось, словно кто-то тамъ внизу шумѣлъ веслами, Марта!

Г-жа Фокератъ. Кто же это могъ бы тамъ шумѣть веслами? (Оба уходятъ во входную дверь).

(Съ веранды черезъ окно кто-то заглядываетъ въ комнату. Это Іоганнесъ. Онъ осторожно входитъ. Онъ совершенно измѣнился, блѣденъ, какъ мертвецъ, тяжело дышитъ открытымъ ртомъ. Быстро и съ опасеніемъ, что его застанутъ, оглядывается кругомъ — ищетъ клочокъ бумаги и пишетъ нѣсколько словъ. Потомъ вскакиваетъ, бросаетъ перо и, услышавъ шаги, стремительно убѣгаетъ черезъ веранду).

(Входятъ г-нъ и г-жа Фокератъ, съ ними Кэте).

Г-жа Фокератъ. Да что ты, дѣточка, сидишь тамъ впотьмахъ?

Кэте (держа руку передъ глазами). Мнѣ глаза слѣпитъ отъ свѣта.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ еще! У, какая нехорошая дѣвочка! Сидитъ Богъ знаетъ сколько времени впотьмахъ.

Кэте (съ какимъ-то недовѣріемъ). Почему... Почему вы такъ ласковы со мною?

Фокератъ. Потому что ты наша единственная любимая дочка. (Цѣлуетъ ее).

Кэте (слабо улыбаясь). Да, да! Вамъ жаль меня.

Г-жа Фокератъ. Тебѣ опять нездоровится, Кэте?

Фокератъ. Ну, ничего, подожди, теперь опять все войдетъ въ свою колею. Худшее, слава Тебѣ, Господи, уже прошло.

Кэте (сидя за столомъ, послѣ небольшой паузы). Знаешь, мамочка, я точно... Ахъ, у меня глаза болятъ отъ свѣта! Точно я сдѣлала что-то безсмысленное, и вдругъ у меня открылись глаза...

Г-жа Фокератъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Кэте. Анна уѣхала, мамочка?

Фокератъ. Да, Кэте! И теперь ты должна опять сдѣлаться веселой и счастливой.

(Кэте молчитъ).

Г-жа Фокератъ. Развѣ ты разлюбила Іоганнеса, Кэте?

Кэте (послѣ короткаго раздумья). Все-таки моя жизнь прошла

ужъ не такъ дурно. Вонъ Фанни Штенцель вышла за пастора. И знаешь, хоть она и счастлива и довольна,—ты думаешь, я бы помѣнялась съ нею? Нѣтъ, ни за что... Что, здѣсь не пахнетъ дымомъ?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, дѣточка, здѣсь ничѣмъ не пахнетъ.

Кэте (за столомъ, ломая руки). Господи, все кончилось, все!

Фокератъ. Кэте, дѣточка моя! Ну, какъ можно быть такой малодушной! Я опять вѣрю, опять уповаю на Бога. У Него Свои неисповѣдимые пути, которыми Онъ возвращаетъ заблудшія души. Мнѣ кажется. Кэтхенъ, я угадалъ предопредѣленіе Его.

Кэте. Видишь, мамочка, то первое чувство, которое было у меня, когда Ганнесъ пришелъ просить моей руки, оно было вѣрное. Я помню — цѣлый день вертѣлось у меня въ головѣ: ну, на что ты ему, такому развитому, образованному человѣку. Что ему съ тобою дѣлать? Что можетъ онъ получить отъ тебя? Вотъ видишь, какъ я была права.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, Кэте, не онъ выше тебя, а ты слишкомъ высока для него. Онъ долженъ смотрѣть на тебя снизу вверхъ. Вотъ это—правда.

Фокератъ (дрожащимъ голосомъ). И поэтому... да, Марта говоритъ правду. Да, и поэтому, если ты можешь простить... если можешь простить его великій грѣхъ...

Кэте. Ахъ, если бы нужно было только простить! Можно простить разъ, сто разъ, тысячу разъ! Но Ганнесъ... Ганнесъ знаетъ себѣ цѣну. И мнѣ, несчастной, не за что прощать Ганнеса. Тутъ дѣло просто: ты — такая, а не иная. Я хорошо знаю, что во мнѣ есть и чего во мнѣ нѣтъ.

(Со двора слышны крики, зовъ).

Г-жа Фокератъ. Дорогая моя, что я хочу тебѣ предложить. Послушай, пойдемъ, я уложу тебя въ постель и почитаю что-нибудь. Ну, хоть сказки Гримма — пока ты не заснешь. А завтра утромъ я сварю тебѣ цыпленка бульону и яичко въ смятку; когда встанешь, пойдемъ съ тобою въ садъ. Солнышко тамъ такъ ласково свѣтитъ, и тогда все покажется тебѣ другимъ, не такимъ, какъ вечеромъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Браунъ (входитъ черезъ веранду). Добрый вечеръ!

Фокератъ. Добрый вечеръ, г. Браунъ!

Браунъ. Добрый вечеръ, г. Фокератъ! (Подаетъ ему руку). Іоганнесъ дома?

Фокератъ. Да, кажется, наверху.

Браунъ. А! Навѣрно?

Фокератъ. Кажется. Развѣ нѣтъ, Марта? А что такое?

Браунъ. Я пойду, погляжу. (Быстро уходитъ черезъ входную дверь).

Г-жа Фокератъ (съ легкой тревогой). Что съ Брауномъ?

Кэте (въ страхѣ). Гдѣ же Ганнесъ?

Г-жа Фокератъ. Только не пугайся, Кэте, куда ему дѣваться?

Кэте (съ быстро возрастающимъ страхомъ). Да гдѣ же онъ наконецъ?

Фокератъ. Да наверху... наверху. Ну, конечно, тамъ. (Браунъ возвращается. Моментъ сильнаго напряженія. Пауза).

Фокератъ. Ну, г. Браунъ?

Браунъ. Нѣтъ, г. Фокератъ! Наверху его нѣтъ... и... и...

Фокератъ. Да ну?.. Ну, что такое съ вами?

Браунъ. Ничего, ничего!

Кэте (подбѣгая къ Брауну). Неправда, вы что-то знаете!

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ, право, ничего! Совершенно нечего безпокоиться. У меня такое чувство... Нельзя теперь ни подъ какимъ видомъ оставлять Ганнеса одного. И когда я вошелъ... Нѣтъ, право же, это совершеннѣйшій пустякъ...

Г-жа Фокератъ. Ну, что же, когда вошли... Да говорите же!

Фокератъ. Да говорите, говорите скорѣе, не теряйте времени!

Браунъ. Да ничего особеннаго. Когда я отворилъ калитку въ садъ, мнѣ показалось, что кто-то отвязываетъ лодку, и когда я подошелъ поближе къ озеру, кто-то въ самомъ дѣлѣ отчалилъ. Кто-то...—не замѣтилъ—кто. Какой-то человѣкъ. И тогда мнѣ пришло въ голову, я окликнулъ, отвѣта не было. А Ганнесъ, конечно, отвѣтилъ бы.

Кэте (точно теряя разсудокъ). Іоганнесъ, это былъ Іоганнесъ! Бѣгите туда, бѣгите, ради Бога, скорѣе, скорѣе! Мама! отецъ! Это вы довели его до крайности! Зачѣмъ, зачѣмъ вы сдѣлали это!

Г-жа Фокератъ. Но, Кэте...

Кэте. Да, да! Я чувствую, что это такъ! Онъ не можетъ больше жить. Я все сдѣлаю, все! Только не это! не это!

Фокератъ (бѣжитъ въ садъ, кричитъ, съ паузами). Ганнесъ! Іоганнесъ!

Г-жа Фокератъ (выбѣгая изъ дому, кричитъ). Ганнесъ! Ганнесъ!

Кэте (Брауну). Какой-то человѣкъ? И вы окликнули

его? А онъ не отвѣтилъ? Бѣгите же туда! Бѣгите! (Браунъ уходитъ).

Кэте (ему вслѣдъ). И я съ вами! (Ломаетъ руки). О, Боже мой, Боже! Только бы онъ былъ еще живъ! Только бы онъ могъ еще услышать меня!

(Съ озера слышенъ *призывающій* крикъ Брауна).

Кэте (кричитъ во входную дверь). Альма, Минна, скорѣе несите фонари въ садъ. Скорѣе, скорѣе, фонари! (Хочетъ бѣжать на веранду, замѣчаетъ письмо, вся выпрямляется, идетъ какъ застывшая, дрожа, подходитъ къ столу, беретъ письмо, нѣсколько мгновеній стоитъ, какъ въ столбнякѣ, потомъ падаетъ. Изъ сада попрежнему слышатся призывающіе крики).

(Занавѣсъ падаетъ).

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ А. Л. Соколовскаго.

Въ біографіи Гауптмана есть черты, которыя слѣдуетъ спеціально вспомнить, приступая къ чтенію «Коллеги Крамптона» и «Михаэля Крамера».

Въ семьѣ Гауптмановъ наблюдалась родовая склонность къ изобразительнымъ искусствамъ. Старшій братъ, Георгъ, былъ довольно искуснымъ рисовальщикомъ карикатуръ. Самъ Гергартъ долго боролся между призваніемъ скульптора и писателя. Въ 1880 году, при содѣйствіи брата Карла, онъ, какъ извѣстно, поступилъ въ художественную королевскую школу въ Бреславлѣ, гдѣ сдѣлалъ первые опыты работъ надъ глиной и воскомъ.

Въ началѣ 1881 года онъ былъ на нѣкоторое время исключенъ изъ школы и принятъ въ нее вновь только по ходатайству профессора по классу скульптуры, Роберта Гертеля. Профессоръ вѣрилъ въ талантъ ученика, ждалъ отъ него кое-чего въ будущемъ и прослушивалъ нѣкоторыя изъ раннихъ его стихотвореній.

Въ 1882 году Гауптманъ покинулъ школу. Позднѣе, уже послѣ студенчества въ Іенѣ, во время путешествій въ Испанію и Италію Гергартъ Гауптманъ изучалъ искусство. Въ Римѣ онъ даже завелъ себѣ мастерскую, спеціально занявшись скульптурой. Еще позднѣе онъ занимался ею въ Дрезденѣ.

Не будь этихъ страницъ въ біографіи Гауптмана, можетъ-быть, мы не имѣли бы въ собраніи его сочиненій двухъ пьесъ, разыгрывающихся на бытовомъ фонѣ жизни художниковъ и рисующихъ ихъ типы. Обѣ драмы, и «Коллега Крамптонъ» и «Михаэль Крамеръ», построены на трагизмѣ гибнущаго таланта, на драматизмѣ борьбы не простой личности съ средой, но борьбы художника и толпы. И та и другая до извѣстной степени—варіантъ мотива о «Геніи и безпутствѣ».

«Коллега Крамптонъ» (College Crampton), по счету пятая пьеса Гауптмана,—первая изъ его комедій, написанныхъ въ легкомъ и веселомъ тонѣ. Осенью 1891 года, послѣ постановки «Ткачей» въ Берлинѣ, Гауптманъ увидѣлъ въ театрѣ Барная представленіе мольеровскаго «Скупого». По словамъ его біографа Шлентера, это произвело на него настолько сильное впечатлѣніе, что въ его памяти воскресла фигура погибающаго таланта, давно занавшая въ его воображеніе, и онъ почувствовалъ формы, въ какія должна вылиться его пьеса. Онъ стремительно скрылся въ свои родные снѣга и всего лишь въ нѣсколько недѣль создалъ «Крамптона».

Пьеса появилась въ первый разъ въ «Нѣмецкомъ театрѣ» въ Берлинѣ 16 января 1892 г. съ геніальнымъ комикомъ Георгомъ Энгельсомъ въ заглавной роли, превосходно воплотившимъ образъ спившагося

профессора, и Нисеном въ роли Штрелера. Въ томъ же году пьеса вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Ганштейнъ разсказываетъ, что сценическій успѣхъ «Крампгова», благодаря игрѣ двухъ названныхъ замѣчательныхъ актеровъ, былъ совершенно исключительный. Бурныя рукоплесканія заставили выходить автора къ рампѣ. И случилась вещь не совсѣмъ обыкновенная: авторъ благодарилъ публику отъ имени актеровъ. Благодаря чудесной игрѣ, пьеса выдержала въ Берлинѣ болѣе сотни представленій.

Трагизмъ гибнущаго таланта, трагизмъ личности, сталкивающейся со средою и разбивающейся, вошелъ въ пьесу въ лицѣ художника Гарри Крампгова. Одаренный Божіемъ талантомъ, въ молодости близкій къ герцогскому двору, достигшій профессуры, Крампговъ къ вечеру своей жизни жалко опускается изъ-за своей страсти къ вину. Взрослый ребенокъ, наивный, непрактичный, слабовольный, онъ не въ состояніи противостоять соблазну, какой представляетъ въ особенности жизнь богемы.

Зритель слѣдитъ почти послѣдній актъ былого величія художника. На его глазахъ Крампговъ теряетъ профессуру и заработокъ, вынуждается отдать дочь въ чужія руки, расходится съ женой. Крампгонъ опускается совсѣмъ на дно жизни, превращается чуть не въ маляра, переживаетъ двойную драму падающаго таланта и несчастнаго отца. Опустившагося художника Гауптманъ спасаетъ черезъ посредство Крампгонова ученика Штрелера. Тотъ женится на его дочери и возвращаетъ художнику его потерянный рай.

Этотъ счастливый исходъ заставилъ Гауптмана назвать комедіей произведеніе, которое по существу чисто-драматично и, можно сказать, остается такимъ даже и при радужномъ финалѣ со свадьбой и благословеніями. Горбатыхъ исправляетъ только могила, и возможность спасенія безпутнаго таланта остается для вдумчиваго читателя вопросомъ. «Мы совѣмъ,—пишетъ Штейгеръ:—не испытываемъ къ концу пьесы примиряющаго чувства: все-де хорошо, что хорошо кончается. Мы знаемъ, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ можетъ повториться только-что видѣнное нами. Надо быть такимъ же увлекающимся человѣкомъ, какъ Крампгонъ, чтобы повѣрить въ его исправленіе».

Даже педантическая нѣмецкая критика, старавшаяся всегда и во что бы то ни стало найти въ произведеніи черты, извѣстныя писателю старою литературой, — отказывается сдѣлать это въ отношеніи «Крампгона» и «Крамера». Гауптманъ здѣсь совершенно самобытенъ и внѣ вліяній въ смыслѣ возбужденія фантазіи. На этотъ разъ такимъ возбудителемъ была для него сама жизнь. Съ большею, чѣмъ когда-либо, положительностью можно сказать, что для «Крампгона» Гауптманъ имѣлъ прямой прототипъ. Такимъ былъ бреславльскій художникъ Маршаль, уроженецъ Веймара, пріобрѣтшій извѣстность, какъ авторъ интересной картины: «Соната дьявола». Въ 1880 году онъ занималъ мѣсто профессора живописи въ Бреславлѣ, гдѣ въ числѣ учениковъ его былъ и Гауптманъ.

Біографы Гауптмана считаютъ это безспорнымъ и общеизвѣстнымъ (Бартельсъ). Иностранное имя Гарри являлось лишь средствомъ спутать слѣды (Штеринъ). Въ свое время это ставилось въ вину драматургу во многихъ литературныхъ кружкахъ.

Лѣтъ пять тому назадъ нѣмецкія газеты сообщили о смерти Маршаля, прямо повторяя показаніе гауптмановскихъ біографовъ. Талантливый человѣкъ опустился настолько, что потерялъ мѣсто и

лишился знакомыхъ и друзей. Отъ него отказались всѣ его родные, и онъ умеръ въ нищетѣ. Таковъ болѣе правдоподобный финалъ и гауптмановскаго Крамптона.

Въ подробностяхъ комедіи Гауптманъ, безъ всякаго сомнѣнія, использовалъ свои академическія впечатлѣнія. Разсказъ Макса Штрэлера о томъ, какъ онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, но не проявилъ здѣсь никакихъ талантовъ,—чисто-автобіографическая частность въ комедіи.

Родственность «Коллеги Крамптона» съ первыми пьесами Гауптмана совершенно очевидна. Здѣсь отчасти слышатся еще отзвуки интереса Гауптмана къ вопросу объ алкоголизмѣ, который занималъ драматурга во время писанія его первой драмы: «Предъ восходомъ солнца». Здѣсь также рѣчь о несовершенствахъ семьи, хотя на этотъ разъ, изображая несчастіе Крамптона, драматургъ не напираетъ такъ, какъ въ «Праздникѣ мира», на неблагопріятныя брачныя условія. Показывая человѣка въ трагизмѣ его борьбы съ внѣшними условіями жизни, столкновеніе личности и среды, Гауптманъ предлагаетъ зрителю посмотрѣть на тихое сіяніе прекраснаго человѣческаго духа даже въ пораженіи, даже въ нелѣпомъ и карикатурномъ уродствѣ жизненной обстановки.

И вы съ глубокой и скорбной симпатіей слѣдите за центральнымъ образомъ гауптмановской драмы, за этимъ большимъ ребенкомъ, который и въ своемъ паденіи все же ярче, выше и лучше окружающей его толпы и чиновниковъ отъ педагогіи. Образъ Крамптона выписанъ великолѣпно. Онъ паритъ въ этой драмѣ-комедіи. Въ немъ бездна наблюдательности, мѣткости и красокъ. Это—кладъ для актера.

Истинно-художнически Гауптманъ избѣжалъ опасности сгустить краски въ геніальномъ гулякѣ. Его черты тонки, нѣжны и свободны отъ преувеличеній. Критика могла отмѣтить развѣ только то, что Гауптманъ ничѣмъ не показалъ объективно дѣйствительной геніальности Крамптона, и второе—что психологія его паденія, причины того, почему онъ опускается,—не совершенно ясны.

Если можно согласиться съ первымъ замѣчаніемъ, то едва ли велика психологическая цѣнность второго. Намъ, русскимъ, въ особенности выпалъ тяжелый жребій видѣть угасаніе отъ національнаго недуга многихъ ярко-талантливыхъ людей въ силу какого-то органическаго порока души, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ обстоятельствъ.

Много уступаютъ этому образу въ художественности выполненія другія фигуры пьесы. Правда, Янецкій и Лёфлеръ, зарисованные всего нѣсколькими штрихами, удивительно жизненны и типичны. Но этого не приходится сказать ни о Штрэлерѣ ни о Гертрудѣ. Первый — типично-сентиментальный нѣмецкій юноша, вторая — типичная нѣмецкая ingénue. Если милы сценки въ пятомъ актѣ между молодыми влюбленными, то обыкновенный комедійный финалъ произведенія едва ли стоитъ на высотѣ всей пьесы.

«Крамптонъ, — замѣчаетъ Брандесъ: — поражаетъ своимъ легкимъ, юмористическимъ тономъ, тономъ комедіи. Та самая вѣрность природѣ какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, которая замѣчалась читателями въ подернутыхъ ипохондрическимъ духомъ произведеніяхъ Гауптмана, примѣняется здѣсь къ изображенію грустно-веселыхъ положеній главнаго дѣйствующаго лица, которое, несмотря на слегка трогательный оттѣнокъ, носитъ истинно-комическій отпечатокъ... Герой пьесы, распьянствовавшійся художникъ-цыганъ, по своей необыкновенной правдивости и вѣрности природѣ — являетъ живое

цѣлое, въ которомъ все, даже отталкивающее, представляетъ извѣстную привлекательность».

«По сравненію съ «Ткачами»,—пишетъ Бартельсъ:—«Коллега Крамптонъ» имѣетъ только весьма ограниченное значеніе и стоитъ даже въ частностяхъ далеко не на ихъ художественной высотѣ. Но по сравненію съ первыми драмами пьеса ушла дальше, и вмѣсто колеблющихся, абстрактныхъ, начиненныхъ доктриною образовъ мы видимъ здѣсь настоящаго человѣка, къ которому можемъ чувствовать симпатію... Здѣсь болѣе выступаетъ психологическое искусство, и въ первый разъ Гауптманъ изображаетъ всесторонній характеръ, не преувеличивая его».

Очень образно и мѣтко Шлентеръ приравниваетъ образъ Крамптона къ рембрандтовскимъ портретамъ, выступающимъ съ рембрандтовскаго темнаго фона. На строеніи самой комедіи онъ видитъ непосредственныя вліянія мольеровскаго «Скупого». «Здѣсь, какъ и тамъ,—пишетъ онъ: — одно главное дѣйствующее лицо, около нравственной слабости котораго вертится все остальное. Здѣсь, какъ и тамъ, среди комическихъ положеній открывается смѣлый ходъ къ трагизму человѣческой души. Здѣсь, какъ и тамъ, на ряду съ глупостью и безразсудствомъ вырастаетъ грозный призракъ безумія. Тамъ—въ центрѣ всего человѣческій типъ, одержимый одною, сколько отвратительной, столько же и смѣшной чертою характера. Здѣсь—человѣческая натура, живущая во всемъ своемъ многообразіи. Тамъ моралистическая, здѣсь психологическая комедія».

Сдержанно оцѣнивая комедію въ цѣломъ, Штейгеръ восторженно говоритъ о самомъ образѣ Крамптона: «Крамптонъ—это юмористическій, психологическій этюдъ—и болѣе ничего, но профессоръ-алкоголикъ такъ цѣликомъ, со всѣми малѣйшими своими проявленіями, перенесенъ въ поэзію, что мы не можемъ досыта насмотрѣться на эту мастерски нарисованную характерную фигуру и благодаримъ поэта за то, что онъ лишь немногими штрихами намѣтилъ все окружающее... Гауптманъ мастерски справился со своей задачей. Напрасный трудъ подробнѣе описывать его искусство. Здѣсь каждое слово произносящаго его человѣка — оторванный клочокъ человѣческой души. И только когда мы соединимъ всѣ эти клочки въ данномъ авторомъ порядкѣ, только тогда встаетъ передъ нами самъ человѣкъ. Натуралистическій портретъ не поддается дальнѣйшему расчлененію, — его нужно созерцать и имъ наслаждаться».

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Крамптонъ, профессоръ, преподаватель въ академіи художествъ.
Гертруда Крамптонъ, его дочь.
Агнеса, урожденная Штрэлеръ, во вдовствѣ Висперъ.
Адольфъ Штрэлеръ.
Максъ Штрэлеръ.
Кирхейзенъ, профессоръ } преподаватели въ академіи.
Милусъ, архитекторъ }
Янецкій, педель въ академіи.
Попперъ, ученикъ академіи.
Фейстъ, содержатель ресторана.
Каснеръ, хозяинъ трактира низшаго разряда.
Кунце } маляры.
Зейфертъ }
Зельма, кельнерша.
Вейсбахъ } старшіе ученики академіи.
Штенцель }
Лефлеръ, уличный слуга, завѣдующій хозяйствомъ Крамптона.
Уличный посыльный.
Ученики Крамптона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская профессора Гарри Крамптона въ академіи художествъ одного изъ большихъ силезскихъ городовъ. Большая высокая комната. На правой стѣнѣ два большихъ окна, какія устраиваются въ мастерскихъ для свѣта. Въ задней и лѣвой стѣнахъ двери. Подъ окнами готическіе столы, на которыхъ разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ свертки картоновъ, кисти, акварельные ящики, краски, палитры, муштабели и прочія принадлежности живописи. На лѣвомъ столѣ бронзовая статуэтка пьянаго фавна изъ Геркуланума; на правомъ статуэтка сатира изъ Помпеи. Въ простѣнкѣ между окнами скелетъ, на черепѣ котораго нахлобучена сдвинувшаяся на затылокъ круглая, широкополая шляпа. Задняя стѣна украшена гобеленами, спускающимися до низкаго персидскаго дивана. На полу передъ диваномъ тигровая шкура; на ней готическое кресло-качалка, на креслѣ массивная библія въ старинномъ пергаментномъ переплетѣ. Прочія части стѣнъ заставлены готическими церковными стульями. На верхней части лѣвой стѣны повѣшенъ большой картонъ, нарисованный углемъ и изображающій пляску менадъ. Кромѣ того, висятъ на той же стѣнѣ нѣсколько масляныхъ картинъ и эскизовъ. Ниже ихъ готическій ларь, на которомъ разставлены статуя Аполлона Бельведерскаго и другіе предметы искусства. На мольбертахъ нѣсколько начатыхъ картинъ, изъ которыхъ одна изображаетъ сцену Мефистофеля съ ученикомъ. Полъ мастерской устланъ хорошими коврами. Много табуретовъ, стульевъ разныхъ формъ и прочихъ принадлежностей мастерской. Освѣщеніе газовое. Картонная подвижная перегородка отдѣляетъ уголъ, гдѣ стоитъ диванъ, отъ остальной части мастерской.

Профессоръ Крамптонъ спитъ, приподнявъ кверху ноги на диванѣ. Съ виду это мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, съ тонкими ногами. На черныхъ, какъ крыло ворона, волосахъ надѣта феска. Усы и густыя бакенбарды также черныя. Глаза на выкатѣ, взглядъ безъ выраженія и неподвижный, обличающій пьяницу. При разговорѣ почти всегда избѣгаетъ смотрѣть на того, съ кѣмъ говоритъ, скользя взглядомъ только по сторонамъ. Ходя, смотритъ больше внизъ. Одѣтъ слишкомъ неряшливо для званія профессора. Часто принужденъ бываетъ подтягивать кверху свои широкія, воронообразныя панталоны. Бархатный пиджакъ сильно потертъ, а турецкія туфли поношены.

Въ лѣвую дверь стучатъ. За ней слышно движеніе спокойно ходящихъ людей, говоръ, привѣтствія и иногда смѣхъ. Шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ.

Крамптонъ (спросонковъ бормочетъ охрипшимъ голосомъ). Вой...войдите!.. (Входитъ Лёфлеръ).

Лефлеръ. Здравствуйте, господинъ профессоръ!

(Крамптонъ ворчитъ про себя, не двигаясь).

Лефлеръ (подходя ближе, говоритъ громче). Съ вами здороваются, господинъ профессоръ!

Крамптонъ. Здравствуй!

Лефлеръ (трясетъ его за плечи). Господинъ профессоръ! Господинъ профессоръ! Или не слышите? Ученики собрались.

Крамптонъ (быстро вскакивая, садится и осматривается безсмысленнымъ взглядомъ). Который часъ?.. А? Что ты сказалъ?

Лефлеръ (грубо). Зашло за восемь. Не слышите развѣ сами? Ученики ужъ собрались въ актовой залѣ.

Крамптонъ. За восемь?.. (Встаетъ и задумчиво выходитъ на средину комнаты; затѣмъ снимаетъ лѣвой рукой феску, а правой чешетъ въ затылкѣ). Хм!.. (Смотря на Лефлера) Развѣ сегодня вечерній актъ?

Лефлеръ (опускаетъ оконныя маркизы и тушитъ газъ). Христосъ съ вами! Да вѣдь на дворѣ ясный день. Утро теперь, господинъ профессоръ, а не вечеръ.

Крамптонъ. Вотъ такъ глупая штука вышла! Развѣ ты не свелъ меня вчера домой?

Лефлеръ. А какъ мнѣ было это сдѣлать? Я и говорилъ съ вами и звалъ васъ, да ничѣмъ нельзя было васъ вразумить.

Крамптонъ (прохаживаясь съ досадой взадъ и впередъ, говоритъ плаксивымъ голосомъ). Лёфлеръ, Лёфлеръ! Подумай, какая глупая вышла исторія!.. Что скажетъ теперь жена? А? Какъ думаешь, Лёфлеръ?..

Лефлеръ (небрежнымъ тономъ). Все это я вамъ говорилъ послѣ третьей корзины пива; твердилъ не разъ, что пора домой, что иначе супружница ваша, пожалуй, насъ не впуститъ. Все было сказано, а вы въ отвѣтъ меня только выругали и отправили домой одного.

Крамптонъ (всплескивая руками). Милѣйшій мой! Дражайшій!.. Вѣдь я совсѣмъ готовъ былъ уйти, да меня силой задержали эти безпутные мошенники!.. Въ городѣ Венеціи! Въ гор... Что я болтаю? (Въ правую дверь стучатъ). Хорошо! хорошо! Сейчасъ иду! (Стучатъ снова). Ну, что тамъ случилось? Дайте мнѣ хоть вздохнуть! Вотъ она, собачья жизнь учителя! (Кричитъ въ дверь) Мажьте! Рисуйте кто что хочетъ.

Голоса учениковъ (за дверью). У насъ нѣтъ натурщика... нѣтъ натурщика.

(Входитъ Попперъ, молодой ученикъ изъ Вѣны. Курчавая бородка, изящно одѣтъ, говоритъ вѣнскимъ нарѣчіемъ).

Попперъ. Мое глубочайшее почтеніе господину профессору! Почтительнѣйше прошу меня извинить. Мы собрались всѣ, но недостаетъ натурщика. Беру смѣлость обратиться съ вопросомъ...

Крамптонъ. Прискорбный случай, господинъ Попперъ, прискорбный! Что станете дѣлать? Ни на кого нельзя положиться! Бѣгай за каждымъ самъ! Я велѣлъ придти натур-

щику сегодня утромъ. Велѣлъ, любезный Попперъ, точнѣйшимъ образомъ!

Лефлеръ. Ну вотъ и неправда, господинъ профессоръ! Вы натурщика и въ глаза-то не видали.

Крамптонъ. Неужели?.. Ну, значитъ, я спуталъ. Видите, любезный Попперъ, до чего можно дойти! Это ужасно!.. (Лефлеру) Гдѣ же натурщикъ? Отвѣчай, гдѣ?..

Лефлеръ. Я о немъ позаботился.

Попперъ. Если-бъ позаботились, то привели бы его съ собой.

Лефлеръ. Я и привелъ.

Крамптонъ (нетерпѣливо и съ горячностью). Что̀ за болванъ! Что̀ за болванъ! (Не смотря на Лефлера) Ну, что̀ты стоишь, вытаращивъ глаза! Ступай и приведи натурщика. (Лефлеръ уходитъ). Скажите, вы курите, любезный Попперъ?

Попперъ. Курилъ бы охотно, если-бъ это было позволено.

Крамптонъ. Правда, правда! Академія, все академія! Къ чорту бы ее! (Куритъ быстрыми затяжками). Не знаю, право, надолго ли меня хватитъ продолжать такую жизнь! А у меня есть планы. Выносить больше нѣтъ силъ. (Значительно) Да, у меня есть планы, любезный Попперъ. Знаете ли вы, что мнѣ оказываетъ протекцію нѣкая императрица? О! какая это понимающая искусство женщина! Знаете ли вы, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ я прозябаю въ этой ямѣ? Кажется, довольно! Есть отчего прокиснуть! Прокиснуть по меньшей мѣрѣ! Многое здѣсь не по моему вкусу! У учениковъ таланта мало, а у преподавателей такъ ужъ нѣтъ совсѣмъ. Эти коллеги!—ха-ха... а директоръ!..—хо-хо! Впрочемъ, хорошій человѣкъ: сальныхъ свѣчъ не ѣстъ. Не правда ли? (Попперъ смѣется. Возвращается Лефлеръ съ какимъ-то испитымъ, худощавымъ парнемъ).

Крамптонъ (не глядя на пришедшаго). А ну, подойди, любезный, поближе. (Парень подходитъ. Крамптонъ всматривается сначала въ него, затѣмъ переноситъ взглядъ на Поппера, потомъ опять на парня и наконецъ на Лефлера. Взглянувъ вновь на Поппера, разражается смѣхомъ). Вотъ такъ умора! Препотѣшное чучело! Не правда ли, Попперъ?—вѣдь умора! (Лефлеру) Такъ ты его-то хочешь поставить моделью?

Лефлеръ (задѣтый за живое). Ну, понятно! Чѣмъ же онъ не годится? Вы посмотрите на его мускулы. (Беретъ парня за руку). Тверды, какъ камень! У него, господинъ профессоръ, девять человѣкъ дѣтей. (Парню) Ты, Августъ, дѣйствительно

глупъ и выглядишь неказисто. Чего ты насовалъ себѣ за пазуху? (Говоря такъ, обшариваетъ парня и вынимаетъ у него изъ-за пазухи большой кусокъ хлѣба, клубокъ шнурковъ, кисетъ съ табакомъ, трубку, множество соломенныхъ коробочекъ и пару сапожныхъ щетокъ). Ты, кажется, намѣренъ завести здѣсь торговлю! Для этого нужно видъ приличнѣй имѣть. Смотри: держи ухо востро. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ профессоръ,—вы только посмотрите на этого молодца, какъ онъ раздѣнется. (Крамптонъ въ это время достаетъ изъ-подъ дивана спрятанную тамъ бутылку и наполняетъ изъ нея металлическій бокалъ).

Крамптонъ. Да, да, раздѣвайся!.. (Пьетъ, прячетъ бутылку и бокалъ снова въ дальнее мѣсто подъ диваномъ и продолжаетъ съ вынужденнымъ смѣхомъ, смотря въ лицо Поппера). Мнѣ вѣдь предписано хинное вино, мой дражайшій! Что станете дѣлать? (Тяжело вздыхаетъ). Докторовъ надо слушаться! (Вздыхаетъ снова). Желудокъ плохъ, желудокъ!—вотъ въ чемъ мое горе! (Приведенный парень, послѣ того какъ Лефлеръ толчками и говоря шопотомъ хочетъ заставить его раздѣться, говоритъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ).

Парень. Э, нѣтъ, Карлуша,—этого нельзя!

Лефлеръ. Ну, если ты, Августъ, станешь жеманиться, то не видать тебѣ твоего счастья. Скажите, господинъ Поппер, въ залѣ вѣдь хорошо натоплено?

Крамптонъ (зажигая вновь сигару, которая по его разсѣянности безпрестанно тухнетъ). Двигайтесь, двигайтесь, маршъ въ актовую залу. Ведите его, Поппер! (Поппер со смѣхомъ беретъ парня подъ руку и ведетъ его въ дверь направо).

Крамптонъ (кричитъ имъ вслѣдъ). Пусть они рисуютъ съ него этюды костей. Препотѣшный анекдотъ! (Послѣ того какъ Поппер съ парнемъ уходятъ, за дверью залы раздается взрывъ общаго хохота. Крамптонъ гладитъ бороду, откашливается и, взявъ въ руки муштабель, начинаетъ разбираться въ наставленныхъ въ комнатѣ вещахъ, разбрасывая ихъ направо и налѣво, какъ будто чего-то ищетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядывая быстро на Лефлера, дѣлаетъ ему повелительные жесты, указывая на одинъ изъ угловъ мастерской. Лефлеръ однако не обращаетъ на это, повидимому, никакого вниманія. Крамптонъ это замѣчаетъ и затѣмъ вдругъ обращается къ нему рѣзкимъ голосомъ).

Крамптонъ. Лефлеръ! Ты оглохъ?

Лефлеръ. Никакъ нѣтъ, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Такъ что-жъ надъ тобой стряслось?

Лефлеръ. Ничего не стряслось... Только вотъ... (Вертитъ въ рукахъ шапку).

Крамптонъ. Ну, что «вотъ»?

Лефлеръ (помявшись нѣсколько минутъ). Коньяку я вамъ какъ-нибудь добуду, ну, а насчетъ пива, господинъ про-

фессоръ... такъ это ужъ извините... Идти за нимъ надо съ деньгами, а иначе не получите ни шиша! Мнѣ и носа туда нельзя показать. Каждый разъ наскочишь на исторію! Съ самимъ хозяиномъ, пожалуй, поладить еще можно, ну а старая толстуха—чортъ сущій!

Крамптонъ. Ну, ну, полно: вытряси марку и поставь на мой счетъ.

Лефлеръ. А какъ это, господинъ профессоръ, сдѣлать, если вытряхать-то нечего?.. Вотъ эти люди такъ могли бы трясти кошелькомъ, сколько хотятъ. Что имъ тѣ шестьдесятъ марокъ, которыя мы имъ должны!

Крамптонъ. Да вѣдь марка-то, я думаю, у тебя, Лёфлеръ, все-таки найдется?

Лефлеръ. Ей-Богу, скоро не будетъ ни одной! Иное дѣло, если-бъ не моя супружница. Она вѣдь чуетъ, гдѣ лежитъ каждый пфенингъ, какъ охотничья собака. Придется отказаться! Спрятать отъ нея что-нибудь трудно. Я ужъ и то издержалъ на васъ двадцать двѣ марки шестьдесятъ пфениговъ.

Крамптонъ. А первое число, Лёфлеръ...

Лефлеръ. Да! Если-бъ въ первое число не совалась ваша супруга! Она вѣдь слѣдитъ за вами цѣлый день. Что же тутъ станете дѣлать?

Крамптонъ (впадая въ плаксивый ворчливый тонъ). Ахъ, Лёфлеръ, Лёфлеръ! какъ ты меня огорчаешь! какъ мнѣ надоѣдаешь! Я долженъ работать, а ты вмѣсто того, чтобъ мыть мои кисти, меня огорчаешь! Я, право, не знаю... Но однако ступай,—ступай, куда слѣдуетъ. (Разбрасываетъ вещи). Никто обо мнѣ не заботится! Безпорядокъ кругомъ! Пыль вездѣ такая, что можно въ ней завязить ноги! А!.. все бы къ чорту!.. Въ этой ямѣ наживешь чахотку! И это мастерская академіи художествъ! (Повелительнымъ голосомъ) Вонъ корзина! (Поднимаетъ съ пола пустую пивную корзину и подаетъ ее Лефлеру). Бери—и въ путь безъ разговоровъ!

Лефлеръ (пожимая плечами). Право, господинъ профессоръ, если бы я пожертвовалъ даже всѣмъ своимъ добромъ...

Крамптонъ. Тише... (бѣгло осматривается). Вонъ тамъ коверъ: можно пустить его въ мытье! (Закладываетъ руки въ карманы и начинаетъ насвистывать мелодію изъ Боккаччіо. Пройдясь немного, беретъ ручное зеркало, смотрится въ него, затѣмъ, гордо закинувъ голову, проходитъ въ актовую залу. Лёфлеръ въ это время, нагнувшись, снимаетъ съ пола небольшой персидскій коверъ, сворачиваетъ его въ трубку, наваливаетъ себѣ на плечо, и когда Крамптонъ уходитъ, то намѣревается тоже идти, держа на лѣвомъ плечѣ коверъ

и захвативъ правой рукой пивную корзину. Въ эту минуту входитъ въ лѣвую дверь педель Янецкій).

Янецкій (здоровый малый съ типическимъ славянскимъ лицомъ. Одѣтъ явно въ чужомъ пиджакѣ безъ воротничка. Сапоги стоптаны, держитъ въ рукахъ пакетъ, говоритъ съ польскимъ акцентомъ, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ). Гдѣ есть профессоръ?

Лефлеръ. А я почемъ знаю. (Хочетъ пройти мимо).

Янецкій. Эге-ге! Что то есть? Куда, пріятель, тащишь ты коверъ?

Лефлеръ. Не мѣшай, полякъ. Прочь съ дороги!

Янецкій. А! я полякъ? Хорошо! Такъ ты знай, что если полякъ одолжаетъ профессору деньги, такъ желаетъ получать ихъ обратно.

Лефлеръ. Да мнѣ-то что до твоихъ дѣлъ съ профессоромъ?

Янецкій. А то, что я не дамъ такъ растаскивать профессорское добро! Это есть мнѣ непріятно! Я давалъ профессору въ долгъ и полотно, и рамы, и бумагу, и мало ли что еще!

Лефлеръ. Говорю тебѣ, не задерживай меня. Коверъ несу я въ мытье.

Янецкій. Я такъ и думалъ. Этакъ вы будете продавать одну вещь за другой!

Лефлеръ. Ну такъ что же? Развѣ профессоръ не воленъ дѣлать со своимъ добромъ, что хочетъ?

Янецкій. Нѣтъ, не воленъ! Ни въ чемъ не воленъ! Здѣсь его добра нѣтъ ни куска полотна! Пусть сперва заплатитъ долгъ, а тамъ дѣлаетъ что хочетъ.

Лефлеръ. Прочь, прочь! Не то худо будетъ!

Янецкій. Нѣтъ, не прочь! Не уйду! Кликну полицію! Директору пожалуюсь!..

(Входятъ Крамптонъ и Максъ Штрэлеръ).

Крамптонъ (обращаясь къ Янецкому, притворно-любезнымъ тономъ). Вамъ нужно меня, любезный Янецкій?

(Янецкій злобно косится на Штрэлера, который отвѣчаетъ ему также взглядомъ, выражающимъ презрѣніе и ненависть).

Янецкій (Крамптону). Получите бумагу отъ директора.

Крамптонъ (кладетъ пакетъ на библію). А что еще, любезный Янецкій?

Янецкій. Я собралъ ваши счета. Завтра первое октября.

Крамптонъ. Положите ихъ на тотъ столъ. (Видя, что Янецкій не собирается уходить) Очень радъ, любезный Янецкій, очень радъ. (Лёфлеръ уходитъ, Крамптонъ кричитъ ему вслѣдъ) Мою селедку, Лёфлеръ! не забудь мою селедку къ завтраку. (Штрэлеру) Это мнѣ полезно. Я ѣмъ селедки каждый день.

Янецкій. Если господинъ профессоръ пожелаетъ... Могу сказать, что жена моя также хорошо моетъ ковры...

Крамптонъ (видимо понявъ, въ чемъ дѣло, киваетъ головой). Вѣрно, Янецкій, вѣрно.

Янецкій (подбѣжавъ къ двери, кричитъ). Лёфлеръ! Лёфлеръ! Профессоръ приказалъ... Ковромъ займется моя жена! (Уходитъ).

Крамптонъ (взглянувъ ему вслѣдъ сверкнувшими глазами, трясетъ съ подавленной яростью кулакомъ). Песъ этотъ Янецкій!.. проклятый польскій песъ! (Зажигаетъ снова сигару и прохаживается съ бѣшенствомъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Курите, любезный Штрэлеръ! Курите, курите! (Сильно дымитъ сигарой). Однако къ дѣлу. Жаль мнѣ васъ, любезный Штрэлеръ, очень жаль! Рѣшеніе вышло. Конференція была вчера. Я старался сдѣлать все, что было въ моей власти. Но вѣдь вы знаете!.. (Останавливается въ задумчивости). Во-первыхъ, надо сознаться, что вы вели порядочно-таки безпутную жизнь.

Максъ (блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, безбородый, одѣтъ чисто и опрятно въ темное, сшитое по модѣ платье). Господинъ профессоръ...

Крамптонъ. Я знаю, что вы хотите сказать: что это нейдетъ къ дѣлу; что можно кутить и въ то же время имѣть талантъ? Да, конечно, такъ судимъ мы; но высокая коллегія!.. По ея мнѣнію, таланта ученику совсѣмъ не нужно. Что ему съ нимъ дѣлать? Поведеніе, любезный другъ, поведеніе,—вотъ главное! Почтительный страхъ предъ учителемъ! Страхъ, начиная съ директора и кончая педелемъ. Особенно предъ педелемъ. Мой дорогой! А вы что натворили? Вспомните только. Вздумалъ поколотить педеля!

Максъ. И поколотилъ бы непремѣнно, если-бъ онъ не успѣлъ улизнуть.

Крамптонъ. Простительнѣй было бы, если-бъ вы поколотили директорскую жену! Тогда никто не тронулъ бы волоса на вашей головѣ! Вѣрно, говорю вамъ! Но поколотить педеля! Подумайте только: педеля! (Горько усмѣхается).

Максъ. Вѣдь это плутъ, господинъ профессоръ! Я никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и только осаживалъ его всякій разъ, когда онъ ко мнѣ съ чѣмъ-нибудь приставалъ. Матеріала для живописи не покупалъ у него никогда, такъ какъ онъ сталъ мнѣ противенъ со дня перваго же знакомства. Вотъ все мое преступленіе. Но онъ меня подстерегъ и наплелъ директору всевозможныхъ про

меня гадостей. Какъ же вы хотите, чтобы я не бѣсился?

Крамптонъ. Не обращайте, Штрэлеръ, на это вниманія, да и вообще на всю академію. Подумайте, что̀ такое истинный талантъ? — вѣковѣчный дубъ! А академія — это учрежденіе для дрессировки! испанскіе сапоги! тюрьма! обезличеніе! прямая противоположность искусству! (Плюетъ). Къ чорту ее! (Помолчавъ, продолжаетъ нѣсколько успокоившимся тономъ) Слушайте, что̀ я вамъ скажу: вѣдь вы довольно подурачились на своемъ вѣку. Я слышалъ, что вы человѣкъ не безъ средствъ и бросаете деньги зря направо и налѣво. Около васъ постоянно торчитъ шайка блюдолизовъ. Ну, понятно, вы молоды, и это вамъ нравится; но вамъ надо поучиться узнавать людей. Даю вамъ добрый сердечный совѣтъ избѣгать подобнаго общества. Не показывайте вездѣ и всѣмъ, что у васъ есть деньги. Поступайте такъ отнюдь не изъ страха, что у васъ попросятъ въ долгъ. Отъ такого взгляда оборони васъ Богъ! Но дѣло въ томъ, что богатство создаетъ вокругъ насъ атмосферу, въ которой порядочный человѣкъ дѣйствуетъ осторожно, а вульгарныя натуры и безмозглая толпа мечутся очертя голову. Потому тотъ, кто попадетъ въ когти подобной шайки... Видали вы, какъ обрабатываютъ лягушку ежи, разъ она попадется въ ихъ лапы? Потому, любезный Штрэлеръ, — дайте мнѣ вашу руку... (Протягиваетъ ему руку).

Максъ (нерѣшительнымъ голосомъ). Благодарю васъ, господинъ профессоръ!

Крамптонъ (кладетъ ему руку на плечо). Что̀ до прочаго, юноша, то грудь впередъ! голову вверхъ! А затѣмъ, если на твоей дорогѣ встанутъ самъ чортъ со своей бабушкой, или если даже лучшіе твои друзья будутъ тебѣ совѣтовать бросить искусство,—предоставь имъ болтать, что̀ хотятъ! Помни, что если въ первое время ты создашь даже что-нибудь истинно-хорошее, — то пересуды будутъ все равно горячить твою голову. Работу твою оплюетъ всякій уличный подметальщикъ, крича тебѣ въ уши совѣты, чтобы ты сдѣлался такимъ же подметальщикомъ, какъ онъ!.. Главное молись и трудись. Скажу даже: трудись больше, чѣмъ молись. Замѣтьте себѣ это хорошенько, любезный Штрэлеръ. Затѣмъ прощайте! Можете приходить ко мнѣ такъ часто, какъ вздумаете. Слышите? когда вздумаете. Посидите и теперь; я очень бываю радъ васъ видѣть. (Беретъ положенный на библію пакетъ).

Максъ. Позвольте вамъ сказать, господинъ профессоръ, что на этотъ счетъ вы можете быть вполнѣ спокойны. Пусть это находятъ смѣшнымъ, но перемѣнить о себѣ мнѣніе трудно. А я увѣренъ въ себѣ въ достаточной степени.

Крамптонъ. Ну, понятно... въ ваши-то годы!

Максъ. Та крупица искусства, которая въ настоящее время еще существуетъ въ Германіи, меня не пугаетъ; конкурировать съ ней я могу.

Крамптонъ. Любезный другъ, любезный другъ! не увлекайтесь!

Максъ. Нѣтъ, право, могу! Я знаю это, знаю навѣрно.

Крамптонъ. Есть причина тому, мой дорогой, есть причина! Повторяю вамъ еще разъ, любезный Штрэлеръ: если вы можете вырваться изъ этого вертепа—вырывайтесь скорѣй! Поѣзжайте въ Мюнхенъ, въ Римъ, въ Парижъ. Здѣсь вы рискуете сдѣлаться маляромъ вывѣсокъ. Вотъ, полюбуйтесь! (Открываетъ одинъ изъ завѣшенныхъ холстовъ, на которомъ оказывается нарисованной трактирная вывѣска). Вотъ гдѣ полная гибель! (Мрачно смотритъ въ землю, но потомъ ободряется и открываетъ полученный пакетъ. Лицо его внезапно вспыхиваетъ радостью, которая, при концѣ чтенія, переходитъ въ полный восторгъ. Послѣдующій монологъ безпрестанно прерываетъ слезами). Что вижу!.. Что вижу! Штрэлеръ! Знаете ли вы, Штрэлеръ? Пріѣдетъ герцогъ! Нашъ герцогъ! Понимаете ли вы, что это значитъ! Пріѣдетъ мой благодѣтель, мой меценатъ, мой спаситель!.. Вы понимаете, Штрэлеръ? Мой спаситель! Клянусь Богомъ, я боюсь задохнуться отъ восторга! Пріѣдетъ спаситель. Все, значитъ, пойдетъ иначе! Пусть теперь малюетъ вывѣски Лёфлеръ, или хоть самъ чортъ! Я къ нимъ не прикоснусь! (Схватываетъ Штрэлера за плечи). Если-бъ вы знали, Штрэлеръ, что это за человѣкъ, что за характеръ! Золото! Добръ какъ дитя! именно какъ дитя! Ко мнѣ относился всегда, какъ отецъ!.. Прочитайте, дорогой Штрэлеръ, прочитайте вслухъ!..

Максъ (читаетъ). «Увѣдомляю васъ, милостивый государь, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ приказалъ объявить здѣшней академіи о своемъ намѣреніи посѣтить ее завтра послѣ полудня. Вслѣдствіе этого господамъ преподавателямъ вмѣняется въ обязанность...»

Крамптонъ. Это мы ужъ знаемъ, знаемъ! Добрѣйшій нашъ директоръ глупъ! Само собой разумѣется, что для пріема герцога я рваныхъ штановъ не надѣну. Директоръ во всю свою жизнь придворнаго воздуха ни разу не ню-

халъ, а я дышалъ имъ съ вашихъ лѣтъ! Да, дорогой мой, да! Вамъ надо еще поработать, а я въ девятнадцать лѣтъ былъ уже герцогскимъ придворнымъ живописцемъ. Сегодняшнимъ посѣщеніемъ герцогъ удостоиваетъ исключительно меня,—держу пари, что такъ! (Входитъ Лефлеръ, держа корзину пива въ одной рукѣ и тарелку съ селедкой въ другой). Лёфлеръ! Лёфлеръ! Ѣдетъ нашъ герцогъ!.. Что скажешь?! Ѣдетъ съ тѣмъ, чтобъ посѣтить меня! Вотъ и письмо! Наливай, наливай пива! По такому случаю мы должны выпить всѣ!.. Вы, Штрэлеръ, герцога не знаете? Чудный человѣкъ! Какъ деликатенъ, какъ скроменъ! А какой знатокъ, какой просвѣщенный знатокъ во всемъ, что касается искусства! А какъ меня уважаетъ! Разъ даже сказалъ, что за Крамптона онъ отдастъ все свое герцогство! Ну, понятно, это было сказано въ шутку... Пейте, пейте! (Штрэлеръ прихлебываетъ, Крамптонъ осушаетъ кружку залпомъ. Пьютъ изъ старинныхъ глиняныхъ кружекъ). Однако я болтаю вздоръ вмѣсто того, чтобъ заняться дѣломъ. Надо посмотрѣть, что у меня есть готоваго! Вѣдь высокій гость навѣрно захочетъ что-нибудь купить. (Оглядываясь вокругъ, внезапно останавливаетъ взглядъ на головѣ Штрэлера и затѣмъ, громко свистнувъ, продолжаетъ) Пффа!.. что я вижу! (Хлопаетъ, какъ сумасшедшій, ладонями). Ученикъ! ученикъ! мой ученикъ!.. Ты только взгляни, Лёфлеръ!—вѣдь это мой ученикъ, какъ есть!..

Лефлеръ. Ну да, господинъ профессоръ; вѣдь вы это ужъ давно знаете.

Крамптонъ. О, глупая, глупая голова! (Хватаетъ палитру и муштабель, становится передъ начатой картиной, изображающей Мефистофеля съ ученикомъ, и затѣмъ указываетъ Штрэлеру повелительнымъ жестомъ на одно изъ креселъ). Вотъ онъ, ученикъ для моего Мефистофеля! На мѣсто, Штрэлеръ, на мѣсто! (Беретъ кисть и тычетъ въ картину). Вижу, что вы безцѣнный человѣкъ. Счастливый для меня сегодня выдался день. (Смѣшиваетъ краски). Цѣлыхъ два года искалъ я такую голову. (Продолжаетъ смѣшивать краски). Упрямую! Именно упрямую! Много надѣлала мнѣ хлопотъ эта упрямая голова! Но теперь-то ужъ мы ее поймаемъ! Да, любезный Мефистофель, долго мы другъ другу надоѣдали. Завтра достанется эта вещица герцогу, или иначе побери ее чортъ! (Напѣваетъ) «Завтра прочь уйду отсюда!» Прощайте! Добраго всѣмъ здоровья.

Лефлеръ. Значитъ, мнѣ можно убраться?

Крамптонъ (самымъ согласнымъ тономъ). Съ Богомъ!

Лефлеръ. А когда приходить назадъ?

Крамптонъ. Завтра къ обѣду.

Лефлеръ. Получите двѣ марки сдачи.

Крамптонъ. Возьми ихъ себѣ.

Лефлеръ. Премного благодаренъ. (Хочетъ уйти и останавливается). Да, вотъ еще: я встрѣтилъ вашу дѣтку; чрезъ полчаса она хотѣла быть здѣсь.

Крамптонъ (удивленнымъ голосомъ). Какую-такую дѣтку?

Лефлеръ. Ну, понятно, вашу младшую дочь.

Крамптонъ (подчеркивая каждое слово). Мою младшую дочь?.. Хорошо, Лёфлеръ, хорошо! Спасибо, что сказалъ. (Лёфлеръ уходитъ. Крамптонъ, не сдѣлавъ еще ни одного штриха кистью, вскакиваетъ и начинаетъ быстро убирать кружки и бутылки, которыя принесъ Лёфлеръ). Знаете, любезный Штрэлеръ, если явится сюда моя дочь, то нужно намъ... Иначе, что вѣдь она можетъ подумать? (Уходитъ за перегородку, быстро наливаетъ изъ спрятанной бутылки стаканъ вина, выпиваетъ его и прячетъ бутылку снова; при этомъ тяжело вздыхаетъ). Да, да! Да, да! (За дверью стучатъ. Крамптонъ бросается къ мольберту и принимаетъ видъ, какъ будто былъ давно уже занятъ усердной работой и работаетъ до сихъ поръ. Стучатъ снова. Дверь отворяется. Входитъ Гертруда Крамптонъ, прелестная, статная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. На головѣ рембрандтовская шляпа. Одѣта хотя и по модѣ, но съ свободнымъ, художественнымъ вкусомъ. Въ лицѣ, несмотря на юношескую свѣжесть, выраженіе озабоченности и печали).

Гертруда. Папочка, здравствуй!

Крамптонъ (притворно-удивленнымъ голосомъ). А, это ты, дитя мое?

Гертруда. Я, папочка, я. (Медленно снимаетъ перчатки).

Крамптонъ. Извини, милая. Сейчасъ буду весь къ твоимъ услугамъ

Гертруда. Пожалуйста, не стѣсняйся. Время у меня есть.

Крамптонъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я долженъ торопиться. Завтра пріѣзжаетъ герцогъ. Онъ намѣренъ купить у меня картину, и я заработался до того, что заболѣли глаза. Не правда ли, любезный Штрэлеръ? (Гертрудѣ, указывая на Штрэлера) Вотъ преступникъ, котораго мы присудили къ изгнанію. Можно ли этому повѣрить? Не смотритъ ли онъ, какъ невинная дѣвушка?

(Гертруда, не обращавшая до того на Штрэлера вниманія, взглядываетъ на него при словѣ «преступникъ» и слегка ему кланяется, покраснѣвъ).

Крамптонъ. Поди ко мнѣ, милое дитя! (Привлекаетъ ее, взявши за талію, и усаживаетъ себѣ на колѣни, лаская и гладя по

головѣ, какъ нѣжный любовникъ возлюбленную. Затѣмъ говоритъ, указывая на картину). Скажи: нравится? Не правда ли, картинка не дурна? Понравиться можетъ. (Штрэлеру строго) Сидите смирно, Штрэлеръ! Какая мнѣ отъ васъ польза, если вы будете такъ ерзать направо и налѣво? Вы трясете головой, какъ старикъ. Весь ученикъ трясется,—не правда ли, дитя мое? Можете, впрочемъ, отдохнуть. Такъ-то! (Кладетъ палитру). Вы еще не знакомы?.. Это мое сокровище!.. Моя жизнь, моя безцѣнность, моя будущность!

Гертруда. Ну, довольно объ этомъ, папочка, довольно.

Крамптонъ (восторженнымъ голосомъ, обращаясь къ Штрэлеру, который разсматриваетъ картину). Ну, что? Каково? Не правда ли, вещица хоть куда? Вотъ какъ писали въ тѣ времена, когда Ванъ-Дикъ посѣщалъ школу Рубенса. Пусть-ка кто-нибудь явится да напишетъ такъ теперь! О, эти пачкуны, пачкуны! А взгляните сюда: это картонъ моей пляски менадъ. Сама картина объѣхала весь свѣтъ. Знаете ли вы, Штрэлеръ, что сказалъ Генелли, когда увидѣлъ этотъ картонъ? Онъ вѣдь былъ моимъ другомъ при герцогскомъ дворѣ. Вотъ его слова: «есть въ мірѣ только два человѣка, способные создать такой рисунокъ: вы, Крамптонъ, да я!» (Вдругъ спохватясь) Ахъ, Боже мой! Ужъ десять часовъ. Надо спѣшить въ актовую залу. Надо спѣшить! Опять придется поправлять, указывать! Проклятое учительское ремесло! воистину проклятое. Побесѣдуйте, дѣтки, вдвоемъ, пока я вернусь. (Надѣваетъ снова феску и идетъ къ дверямъ, но, прежде чѣмъ войти въ залу, пріосанивается и начинаетъ насвистывать, какъ прежде, мелодію).

(Гертруда и Штрэлеръ остаются одни. Она перелистываетъ книгу; онъ перебираетъ въ рукахъ красочныя трубочки. Гертруда нечаянно толкаетъ столъ, при чемъ съ него сваливается какая-то вещь. Оба нагибаются ее поднять и при этомъ касаются другъ друга руками; затѣмъ встаютъ съ признаками смущенія на лицахъ).

Гертруда (нѣсколько помолчавъ). Кажется, ваше имя, если я вѣрно слышала, Штрэлеръ?

Максъ. Такъ точно: я зовусь Штрэлеръ, сударыня.

Гертруда. Кажется, я знакома съ вашей сестрой.

Максъ. Совершенная правда. Сестра мнѣ это не разъ говорила.

Гертруда. Мы часто встрѣчались съ ней въ консерваторіи. (Краткое молчанье).

Гертруда. Скажите, справедливо извѣстіе, будто пріѣдетъ герцогъ?

Максъ. Вполнѣ справедливо; вотъ здѣсь лежитъ увѣдомительное объ этомъ письмо.

Гертруда (помолчавъ). Вѣдь вы нѣсколько лѣтъ занимались сельскимъ хозяйствомъ? Или, можетъ-быть, я ошибаюсь. Не помню, отъ кого это слышала; кажется, отъ профессора Мюллера. Онъ, сколько помнится, недавно объ этомъ говорилъ.

Максъ. Совершенно вѣрно, сударыня.

Гертруда. Почему же вы оставили это занятіе? Хозяйничать въ деревнѣ такъ пріятно.

Максъ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ на это таланта.

Гертруда. Какъ? Развѣ для этого дѣла тоже нуженъ талантъ?

Максъ. О, да! И очень большой.

Гертруда. Не знаю,—но карьеру художника я бы не выбрала.

Максъ. Почему же?

Гертруда. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ кажется мнѣ гораздо привлекательнѣй. (Помолчавъ) Скажите, какъ находите вы сегодня папашу?

Максъ. Онъ, повидимому, совершенно здоровъ и веселъ.

Гертруда. Вы находите? А меня такъ состояніе его крайне тревожитъ.

Максъ. Неужели?

Гертруда. Знаете ли вы, что я часто должна его водить подъ руку, потому что, если онъ ходитъ одинъ, то у него дѣлаются головокруженія. Выносить не можетъ онъ почти ничего и вообще становится такъ слабъ, что долженъ быть осторожевъ во всемъ. Истинно-добрымъ дѣломъ было бы постоянно напоминать ему, чтобъ онъ себя берегъ и избѣгалъ всякаго излишества. Вамъ, господинъ Штрэлеръ, все это, конечно, рѣдко бросается въ глаза; но я!—я знаю по опыту... Вы, впрочемъ, можете легко понять мое положеніе. Вамъ, напримѣръ, вѣроятно, извѣстно, что въ эту ночь папаша совсѣмъ не возвращался домой. Очень можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ ее провелъ?.. Я не сомкнула во всю ночь отъ тревоги глазъ. Подумайте сами, что̀ можетъ съ нимъ случиться! Вѣдь онъ совсѣмъ безпомощенъ и постоянно нуждается въ чьемъ-нибудь присмотрѣ! (Тяжело вздохнувъ) Ахъ, я не могу болѣе, не могу!..

Максъ. Скажу вамъ...

Гертруда. Вы молоды, а вѣдь папаша старикъ!

Максъ. Могу васъ увѣрить, что никогда не вызывалъ я

господина профессора на что-либо для него вредное. Къ тому-жъ я очень рѣдко его сопровождалъ во время его отлучекъ.

Гертруда. Но кто же въ такомъ случаѣ во всемъ этомъ виноватъ? Что это за люди? Вѣдь должны же они видѣть, что папаша идетъ по дурной дорогѣ! Онъ себя погубитъ... И не одного себя! Это ужасно! Страшно подумать, что поставлено здѣсь на карту.

Максъ. Дорогая!.. Выслушайте!.. я хочу вамъ сказать... Вы были откровенны со мной... По чести и совѣсти... увѣряю васъ, что я не негодяй! (Подвигается къ ней).

Гертруда (быстро вставъ, отираетъ слезы и, отворачиваясь, говоритъ). Тш!.. вотъ папаша.

(Крамптонъ входитъ съ радостнымъ лицомъ, напѣвая и приплясывая).

Крамптонъ. Undici, dodici, tredici,
tra-la-la-la-la-la!..

(Останавливается въ горделивой позѣ среди мастерской, прищелкиваетъ пальцами и торжественно смотритъ съ выраженіемъ неизъяснимой радости на Штрэлера и Гертруду).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская Крамптона, какъ въ первомъ дѣйствіи. Послѣобѣденное время.

Въ лѣвую дверь входитъ Максъ Штрэлеръ, въ сопровожденіи своего брата Адольфа.

Адольфъ (мужчина лѣтъ тридцати двухъ, здороваго вида, склонный къ полнотѣ. Одѣтъ изящно, но легко). Скажи однако, куда ты меня постоянно таскаешь?

Максъ. Я очень рѣдко затрудняю тебя просьбами; но на этотъ разъ скажу, что тотъ, къ кому привелъ тебя теперь, относился ко мнѣ всегда крайне доброжелательно, и потому твоя непремѣнная обязанность его двумя-тремя словами поблагодарить. Взгляни, Адольфъ: не правда ли, обстановка недурна? Сейчасъ видно, какого рода и характера человѣкъ здѣсь живетъ?

Адольфъ (оглядываясь вокругъ). По-моему, обстановка нелѣпая!

Максъ. Нелѣпая? Почему?

Адольфъ. Почему? Да вотъ, напримѣръ, для чего (указывая на

скелетъ) торчитъ тутъ этотъ Иванъ-дуракъ съ калабрійской шляпой на лысинѣ? Что за безвкусіе!

Максъ. Ну, что до вкуса, то извѣстно, что онъ у тебя такой же плоскій, какъ истертый грошъ.

Адольфъ. Можетъ-быть. Я себѣ не судья. Ну, а вотъ это для чего тутъ положено? (Указывая носкомъ сапога на тигровую кожу). Что это за символика?

Максъ. Какая символика?

Адольфъ. Ну,—королевскій тигръ...

Максъ. Какая, однако, у тебя грубая манера выражаться! Вѣдь это цинизмъ. Впрочемъ, вы, купцы, циники всѣ. Это вашъ сословный порокъ.

Адольфъ (сдерживая хохотъ). Хо-хо! Это прелестно! Молодца выгнали изъ академіи, а онъ толкуетъ о сословныхъ порокахъ! Ахъ, ты, общипанный пѣтухъ!

(Изъ дверей актовой залы входитъ Крамптонъ).

Максъ. Ну, перестань, Адольфъ.

Адольфъ. Пѣтухъ, пѣтухъ!

Максъ. Тш... Тш!..

Адольфъ. Почтительно умолкаю!

Крамптонъ (входитъ во фракѣ и лакированныхъ башмакахъ, съ орденомъ въ петлицѣ. По всему видно, что онъ очень озабоченъ. Войдя, бросаетъ разсѣянный взглядъ на Адольфа и Макса). Мое почтеніе, милостивые государи! Прошу сказать, чему обязанъ я честью... (Внезапно удивясь) Что вижу? Здравствуйте, любезный Штрэлеръ! Представьте, я только теперь васъ узналъ.

Максъ. Вы позволите, господинъ профессоръ, представить вамъ моего брата?

Крамптонъ. А! Вы его братъ? Такъ, такъ! Очень пріятно, очень пріятно! Извините меня, любезный Штрэлеръ! Вы видите, въ какихъ я хлопотахъ. (Не безъ хвастливой гордости) Его высочество можетъ прибыть каждую минуту. (Притворно-небрежнымъ тономъ) Меня пожелалъ вѣдь посѣтить его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ.

Адольфъ. Я займу васъ, господинъ профессоръ, всего на одну минуту. Этотъ юноша не только мой братъ, но, кромѣ того, состоитъ подъ моей опекой.

Крамптонъ (безъ вниманія). Чѣмъ могу служить?

Адольфъ. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что его исключили изъ академіи; а потому я, въ качествѣ опекуна...

Крамптонъ (разгорячась, всплескивать руками). Да!.. Но

чего же вы отъ меня хотите? Чего хотите? Я очень много прочелъ вашему брату по этому случаю поученій. Не ждете же вы, что я вамъ ихъ повторю? Въ такомъ случаѣ, извините! Ихъ больше нѣтъ въ моей головѣ! Клянусь честью, я перезабылъ ихъ всѣ! Мнѣ надо твердо держать въ памяти тѣ нѣсколько словъ, которыя я приготовилъ для пріема герцога.

Адольфъ (тщетно стараясь сохранить серьезность). Повторю, господинъ профессоръ, что цѣль моего прихода буквально исчерпывается въ какихъ-нибудь двухъ словахъ.

Крамптонъ (хотя и замѣтилъ усмѣшку Адольфа, но говоритъ, не глядя на него). Мнѣ это не смѣшно! Вовсе не смѣшно! Папаши, мамаши и опекуны скоро сведутъ меня съ ума! Являются люди и требуютъ, чтобъ я пророчествовалъ судьбу ихъ дѣтей. Я не Пиѳія! На треножникѣ не сижу. Я до сихъ поръ не знаю, есть ли талантъ у меня самого! Они скоро станутъ таскать ко мнѣ для разбора пеленки своихъ ребятъ! Я не могу, какъ римляне, гадать по внутренностямъ.

Адольфъ. Но, pardon, pardon!..

Крамптонъ. Прошу безъ всякихъ pardon!

Адольфъ. Вы, господинъ профессоръ, меня не понимаете. Я хотѣлъ выразить вамъ только мою глубокую благодарность... Вы, конечно, знаете, что въ жизни бываютъ иной разъ случаи... вотъ хоть бы какъ настоящій. Понятно, что я былъ въ очень встревоженномъ состояніи, когда братъ мой собрался вчера идти къ вамъ. Но ваша рѣчь вполнѣ возстановила его угасшую бодрость. Меня, конечно, это очень обрадовало, и потому очень понятно, что я захотѣлъ васъ искренно поблагодарить.

Крамптонъ. А!.. Вотъ откуда дуетъ вѣтеръ. Такъ, такъ, любезный Штрэлеръ! (Прохаживаясь, треплетъ Макса по плечу). Очень я радъ, юноша, что могъ тебѣ помочь. (Адольфу) Дѣло въ томъ, любезнѣйшій, что вы начали съ разговора объ опекѣ, а меня можетъ довести до потери чувствъ одинъ звукъ этого слова.

Адольфъ (смѣясь). Обѣщаю вамъ принять это на будущее время къ свѣдѣнію.

Крамптонъ (смѣясь также). Да, мой дорогой. Вы дѣйствительно невиннымъ образомъ смутили то торжественное настроеніе...

Адольфъ. Которое предназначалось для пріема герцога?

Крамптонъ. Именно, именно!

Адольфъ. Не буду болѣе стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

Крамптонъ. О, останьтесь, останьтесь! (Смотря на часы) Герцогъ не торопится.

Адольфъ. Да, но долженъ торопиться я. (Кланяется). Свидѣтельствую вамъ, господинъ профессоръ, мое глубочайшее почтеніе.

Крамптонъ (махая небрежно рукою). А, ну, въ такомъ случаѣ прощайте! Прощайте! Заходите какъ-нибудь при случаѣ. Очень буду радъ васъ видѣть. (Максу) Ну, а вы, любезный Штрэлеръ, остаетесь? Вы могли бы мнѣ кое-въ-чемъ помочь.

Адольфъ. Можешь остаться совершенно спокойно; я найду дорогу домой одинъ. (Уходитъ. Короткое молчаніе).

Крамптонъ. Прежде всего скажите, любезный Штрэлеръ, каково сидитъ на мнѣ фракъ?

Максъ. Очень хорошо, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Не правда ли, превосходно? А теперь прошу васъ попридержать немного дверь. (Достаетъ бутылку и наливаетъ). У меня всегда есть запасъ. Мнѣ необходимо имѣть въ домѣ что-нибудь подкрѣпительное для сердца... (Пьетъ). Особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Сегодня, любезный Штрэлеръ, я долженъ собрать и держать крѣпко всѣ мои пять чувствъ. Вы, можетъ-быть, удивляетесь моему возбужденному состоянію? Но вѣдь сегодня для меня нѣкоторымъ образомъ рѣшительный день. Я вамъ позднѣе это при случаѣ объясню. Теперь же скажу вотъ что: если вы вздумаете когда-нибудь жениться... Но, впрочемъ, нѣтъ!—лучше не дѣлайте этого никогда. Это для васъ совершенно не нужно. Дѣло въ томъ, что если на подобный шагъ рѣшается художникъ, то онъ ставитъ на карту все и обыкновенно все теряетъ, начиная съ таланта; теряетъ прежде, чѣмъ успѣешь сосчитать до трехъ. Если, однако, вы захотите жениться во что бы то ни стало, то озаботьтесь сперва, мой дорогой, потуже набить вашъ кошелекъ. (Стучатъ. Крамптонъ кричитъ) Войдите, войдите!

(Входитъ профессоръ Кирхейзенъ и архитекторъ Милусъ—оба во фракахъ).

Крамптонъ. Servus, servus, милостивые государи! Его высочество еще не прибылъ? Покорно прошу садится.

Кирхейзенъ (мужчина съ красивымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти. Волосы рѣдкіе, причесанные на манеръ художниковъ. Борода à la Барбаросса. Кажется возбужденнымъ и говоритъ, нервно смѣясь).

Хи-хи! У меня сегодня по всему тѣлу ходятъ мурашки. Хи-хи! Видитъ Богъ, коллега Крамптонъ, я не могу даже спокойно сидѣть.

Миліусъ (толстый человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ. Страдаетъ одышкой, вслѣдствіе чего говоритъ короткими фразами, со смѣхомъ). Кажется, почтенный нашъ директоръ отъ усерднаго служенія искусству совсѣмъ измочалился. Сейчасъ сбѣжалъ въ избыткѣ рвенія съ лѣстницы и, растянувшись на бѣгу, расквасилъ себѣ носъ. Жена педеля занята подмываньемъ на полу пятенъ крови.

Кирхейзенъ (смѣясь). О, Господи, вотъ такъ несчастье! Хи-хи! Ну что, если кровь закаплетъ у него изъ носу передъ герцогомъ! А она каплетъ, до сихъ поръ каплетъ, навѣрно! (Всѣ смѣются).

Крамптонъ (серьезнымъ тономъ). Исторію о Раухѣ вы, конечно, слышали. У него въ мастерской накапало чѣмъ-то на мраморный бюстъ. Чѣмъ? Вы поймете, если я скажу вамъ, что художникъ понюхалъ передъ тѣмъ табаку. Знаете, какъ онъ затѣмъ поступилъ? Искусство, конечно, прежде всего; потому попортить бюстъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ. Онъ взялъ да и слизалъ оставшіяся капли языкомъ. (Кирхейзенъ и Миліусъ прыскаютъ со смѣха). Что-жъ такое? Я нахожу это совершенно естественнымъ. (Предлагаетъ всѣмъ папиросы). Добудьте, любезный Штрэлеръ, огня. (Профессора съ удивленіемъ замѣчаютъ присутствіе Штрэлера). Это мой приватный ученикъ. Въ моей собственной мастерской вѣдь я полный хозяинъ. Я рѣшился наконецъ серьезнымъ образомъ показать директору зубы. Я не хочу выпускать изъ своихъ рукъ истинныхъ талантовъ. Намъ, господа, необходимо крѣпко сплотиться. Передовые элементы должны непремѣнно дѣйствовать въ согласіи. Знаете ли, какая у меня въ головѣ идея? Мы должны образовать клубъ святого Луки. Товарищъ Вейнгертнеръ, Миліусъ, ты, Кирхейзенъ, и я. Для начала будетъ довольно. Крѣпко соединясь, мы легко внушимъ къ себѣ уваженіе враждебной намъ партіи, всѣхъ этихъ Мюллеровъ, Шульце, Краузе, Нагелей, — словомъ, всѣхъ самозванныхъ знаменитостей, громко каркающихъ, какъ вороны, о своей славѣ. Этимъ средствомъ мы внесемъ наконецъ въ это гнѣздо хоть сколько-нибудь жизни и свѣжаго воздуха, и если настойчиво захотимъ, то превратимъ нашъ городъ, можетъ-быть, въ центръ искусствъ перваго разряда. Знаете ли вы, что мнѣ приходитъ мысль переговорить объ этомъ серьезно съ герцогомъ?

Миліусъ (кладя Крамптону на плечо руку). Послушайте, профессоръ: герцогъ, вѣроятно, прибудетъ еще не скоро, а между тѣмъ человѣкъ—вы знаете какой—мною приведенъ и дожидается на улицѣ. Ему бы очень хотѣлось взглянуть на вывѣску. Можетъ войти?

Крамптонъ (тихимъ голосомъ). Можетъ, любезный Миліусъ, можетъ: она стоитъ тамъ.

Миліусъ (кричитъ въ дверь). Господинъ Фейстъ! Господинъ Фейстъ! Прошу, войдите.

(Входитъ Фейстъ. Съ виду богатый трактирщикъ. Ходитъ съ припрыжкой походкой кельнеровъ).

Фейстъ. Къ вашимъ услугамъ! Къ вашимъ услугамъ.

Миліусъ (представляя ихъ другъ другу). Профессоръ Крамптонъ! Господинъ Фейстъ!

(Крамптонъ, едва обращая на Фейста вниманіе, свертываетъ папироску. Миліусъ нервничаетъ и конфузится, Фейстъ еще болѣе. Миліусъ подводитъ его къ вывѣскѣ и отдергиваетъ покрывающую ее занавѣску. Крамптонъ въ это время тихо, съ веселымъ видомъ разговариваетъ съ Кирхейзеномъ).

Миліусъ (Фейсту). Ну, что-жъ? Нравится?

Фейстъ (съ видомъ знатока). Да... оно, конечно, хорошо, но я представлялъ себѣ нѣсколько иначе. Вотъ тутъ, я думалъ, будетъ посаженъ толстый Гамбринусъ, а тутъ изображена большая кружка, изъ которой пѣна полѣзетъ черезъ край. А вотъ здѣсь слѣдовало бы подрисовать нѣсколько маленькихъ ангеловъ, которые, играя, перебрасываются бутылками.

Крамптонъ (профессорамъ). Вотъ такъ субъектецъ для комедіи!.. (Вдругъ вспыливъ до ярости) Ну, если вы такъ хорошо знаете, какъ слѣдуетъ писать вывѣски, такъ малюйте ихъ впередъ сами! Сваливать эту обузу на другихъ людей незачѣмъ. Это безстыдство! Безстыдство неслыханное!..

Миліусъ. Коллега, коллега! Вѣдь онъ не сдѣлалъ ничего такого, что могло дать вамъ право...

Крамптонъ. Это мнѣ все равно! Рѣшительно все равно, я все-таки зову такой поступокъ безстыдствомъ! Я художникъ, а не красильщикъ!

Фейстъ (пятясь). О, прошу!.. прошу... Имѣю честь кланяться...

Миліусъ (слѣдуя за нимъ). Повѣрьте, господинъ Фейстъ... мнѣ очень жаль... (Оба уходятъ).

Крамптонъ. Скажите, господа, что этотъ архитекторъ о себѣ вообразилъ? Вздумалъ садить мнѣ на плечи своихъ подрядчиковъ! Вообразилъ...

(Янецкій въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, въ высшей степени взволнованный, выглядываетъ изъ дверей).

Янецкій. Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ! Герцогъ въ скульптурномъ классѣ.

Кирхейзенъ. Какъ?.. Что? Янецкій! (Быстро вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Крамптонъ (кричитъ въ дверь актовой залы). Герцогъ пріѣхалъ!..

(Входитъ Гертруда, блѣдная и заплаканная).

Крамптонъ. Гертруда! Герцогъ можетъ явиться каждую минуту! Онъ уже внизу у Кирхейзена! Останься здѣсь. дитя мое, и успокойся. Я представлю тебя его высочеству. Васъ, Штрэлеръ, представлю также, если только подойдетъ случай. Почему же не сдѣлать этого? Наружность ваша благопристойна! Дайте мнѣ, дѣтки, руки. (Дрожитъ отъ волненья). До этой минуты я былъ крайне возбужденъ, а теперь спокоенъ. Со мной вѣдь всегда такъ бываетъ. Чѣмъ ближе какой-нибудь торжественный моментъ, тѣмъ спокойнѣе я себя чувствую. (Потираетъ руки). Очень, очень радъ я, дѣтки, вновь повидаться со старымъ знакомымъ! (Кричитъ въ двери залы) Войдите, господа! Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ. (Въ комнату бурно врываются человѣкъ двадцать учениковъ въ возрастѣ отъ восемнадцати до тридцати лѣтъ). Объявляю вамъ, господа, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ соблаговолилъ почтить меня своимъ посѣщеніемъ. Этотъ знакъ вниманія отношу я не къ одному себѣ, но ко всему моему классу. Позволяю себѣ надѣяться, что изъ васъ не найдется никого, кто не оцѣнитъ достойно эту честь. Очень можетъ быть, что при благопріятной минутѣ я попрошу васъ прокричать его высочеству «ура». Потому, если въ числѣ присутствующихъ найдутся лица, съ чьими убѣжденіями «ура» въ честь его высочества не согласуется, то прошу такихъ лучше теперь же молча покинуть это помѣщеніе. Замѣтьте себѣ это хорошенько.

Ученики (говорятъ наперерывъ). Конечно, господинъ профессоръ! Конечно! (Шумя, смѣясь и перекидываясь шутками, вся толпа возвращается въ актовую залу).

Крамптонъ (бѣжитъ за учениками вслѣдъ и кричитъ въ дверь). Господа! Господа! Постойте! Еще одинъ важный пунктъ! Еще одинъ пунктъ! (Уходитъ въ актовую залу).

Гертруда (въ отчаяніи до судорогъ, едва говоритъ). Штрэлеръ! Штрэлеръ! Это ужасно!.. Отецъ ничего не предчувствуетъ!.. Ужасно! Онъ не переживетъ! Этому нѣтъ имени!..

Максъ. Что такое, дорогая? Что случилось?

Гертруда. Штрэлеръ! Я знаю, вы любите папашу. Умоляю васъ, возьмитесь осторожно за это дѣло вы! При немъ вѣдь нѣтъ никого! (Ломаетъ въ отчаяніи руки).

Максъ. Даю вамъ честное слово!.. Но могу ли я прежде узнать, въ чемъ дѣло?

Гертруда. Стыдъ! Позоръ! Вотъ что̀ самое худшее! Сегодня утромъ мамаша получила письмо, — письмо отъ директора, въ которомъ онъ пишетъ, что, по всей вѣроятности, завтра папаша будетъ отрѣшенъ отъ должности, и потому онъ совѣтуетъ его къ этому извѣстію осторожно приготовить. Но мамаша уѣхала! Оставаться ей было негдѣ. У насъ сегодня все опечатано! На все наложено запрещеніе по иску домовладѣльца. Директоръ пишетъ, что сегодня или завтра сдѣлаютъ то же самое съ папашиными вещами и здѣсь! Папочка останется нищимъ! бѣднымъ, безпомощнымъ нищимъ!.. (Рыдаетъ).

Максъ (глубоко потрясенный). Не видите ли вы все въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ?

(Входитъ Янецкій).

Янецкій. Гдѣ есть господинъ профессоръ?

Крамптонъ (возвращаясь). Здѣсь, Янецкій, здѣсь. Скажи, куда дѣвался герцогъ?

Янецкій (сквозь зубы). Герцогъ, господинъ профессоръ? Герцогъ уѣхалъ.

Крамптонъ. Что̀ вы мнѣ городите? Герцогъ только-что пріѣхалъ.

Янецкій. Ну да, пріѣхалъ, посѣтилъ профессора Кирхейзена и затѣмъ уѣхалъ.

Гертруда (быстро подбѣжавъ, обнимаетъ пораженнаго какъ громомъ Крамптона). Папочка! Милый папочка! Умоляю, не принимай этого такъ близко къ сердцу!..

Крамптонъ. Оставь, дитя мое, оставь!.. Что-жъ послѣ этого принимать къ сердцу? (Вдругъ впадая въ ярость) Но, однако, что-жъ это?.. Какъ?.. Уѣхалъ, не посѣтивъ меня!.. Уѣхалъ! Да развѣ я собака? Паршивая собака? Какъ же это?.. (Хохочетъ дикимъ голосомъ).

Гертруда (продолжая его обнимать, говоритъ тономъ, въ которомъ слышится предчувствіе бѣды). Папочка, милый папочка!

Крамптонъ. Ахъ, оставь меня въ покоѣ! Это заговоръ! Это дѣло моихъ враговъ и завистниковъ! Меня оклеветали, но я еще не такъ глупъ, не такъ глупъ!.. Я знаю, кто очернилъ меня въ глазахъ герцога. Знаю, знаю! Ну, пусть, ну, пусть! Отомстить врагу я сумѣю! Въ мои руки онъ попа-

детъ! Будь спокойна—онъ обо мнѣ услышитъ! (Толпа учениковъ входитъ изъ актовой залы). Что вамъ надо?.. Развѣ ваше мѣсто здѣсь? Кто хочетъ войти, долженъ постучать.

Одинъ изъ учениковъ. Мы стучали, да никто насъ не слышалъ.

Крамптонъ. Нѣтъ отвѣта на стукъ, такъ оставайтесь за дверью! Я здѣсь еще хозяинъ! Комната моя, мастерская моя! Поняли? Кого захочу, того вышвырну! Могъ бы сейчасъ вышвырнуть Янецкаго! Но пока этого еще не сдѣлаю!.. Чего вамъ отъ меня надо?..

Другой ученикъ. Мы хотѣли только узнать, пожалуетъ ли герцогъ?

Крамптонъ. Какое дѣло мнѣ до герцога?.. Какое дѣло вамъ?..

Тотъ же ученикъ. Пробило пять часовъ, и намъ хотѣлось бы отправиться домой.

Крамптонъ. Захотѣлось, такъ и убирайтесь. Чего вы ждете? (Ученики уходятъ).

Крамптонъ (не глядя на Янецкаго). Чего этотъ негодяй скалитъ зубы? Очень желалъ бы я, чтобъ онъ убрался прочь! (Попрежнему, не глядя на Янецкаго, хватаетъ въ руки, не владѣя собой отъ бѣшенства, бронзовую статуэтку). А не уберется, такъ увидитъ, что будетъ! (Янецкій убѣгаетъ). Вонъ эту сволочь!.. Узнаете вы меня, подлая шайка! (Штрэлеру и Гертрудѣ) Ну, полноте, полноте! Придите въ себя. Идемте! (Указывая на полученное письмо). А эта тряпка пусть валяется тутъ. Я знаю, что въ ней сказано! Отрекаюсь, отрекаюсь! Уйду добровольно, самъ! (Дѣлаетъ видъ, что хочетъ уйти, но вдругъ, точно подкошенный, падаетъ ничкомъ на диванъ, рыдая, какъ ребенокъ).

Гертруда (рыдая также, бросается предъ упавшимъ старикомъ на колѣни). Папочка, родной, милый папочка!.. Бѣдный мой папочка!..

Максъ. Несчастный, несчастный!.. Господинъ профессоръ! Фрейлейнъ Гертруда! Сберите силы! Боритесь съ обстоятельствами! Вспомните, профессоръ, ваши собственныя слова; грудь впередъ, голову вверхъ! И если самъ чортъ съ своей бабушкой встанутъ поперекъ дороги, то... вы это все мнѣ говорили...

Крамптонъ (садясь на диванъ, совершенно изнеможенный, говоритъ слабымъ голосомъ). Милыя дѣтки! Дорогой мой другъ, милый Штрэлеръ! Я знаю, что вы мнѣ другъ, и сознаться въ этомъ не боюсь ни предъ кѣмъ. Но это не поможетъ.

Все слишкомъ скверно сложилось около меня! Сложилось отвратительно! Тотъ, кто лишитъ меня теперь жизни, сдѣлаетъ мнѣ этимъ добро! Но вѣдь не похоже на то, чтобъ на это рѣшились, добрый другъ, вы! Тебѣ-жъ, Гетруда, вотъ какое сдѣлаю я признаніе: если кто-нибудь скажетъ тебѣ — «чти отца твоего и мать», то знай, что отецъ твой этого не заслужилъ! Отецъ твой всѣхъ васъ привелъ вмѣстѣ съ собой на край пропасти!..

Гертруда. Ты не долженъ говорить этого, папочка! Не долженъ такъ отчаянно смотрѣть на будущее, ты долженъ собраться съ духомъ, долженъ...

Крамптонъ (совершенно подавленный). Все прошло! Все кончено безвозвратно! Какихъ-нибудь полчаса назадъ я еще надѣялся... Я хотѣлъ объяснить герцогу мое положеніе! Не нищенствовать сбирался я предъ нимъ!.. Я надѣялся только, что онъ... Ну, хоть картину, или что-нибудь... О, дѣтки, дѣтки! Кончимте объ этомъ разговоръ! (Входитъ Лефлеръ). А! это ты, Лёфлеръ! Здравствуй, любезный другъ. Мы уйдемъ вмѣстѣ, непремѣнно вмѣстѣ!

Гертруда (обнимаетъ его съ выраженіемъ ужаса). Папочка, папочка! Куда же собираешься ты идти? Возьми меня съ собой! Я не отойду отъ тебя ни шагу.

Крамптонъ. Домой, домой! Ступай домой!

Гертруда. Да вѣдь мамаша уѣхала, и сестры также.

Крамптонъ. Ступай за ними и ты! Для чего тебѣ здѣсь оставаться? Подай мнѣ, Лёфлеръ, плащъ, шляпу и галстукъ. (Продолжаетъ, пока Лёфлеръ окутываетъ его плащомъ). Ха-ха! Такъ мамаша изъ этого дѣла выпуталась! Хорошо утѣшила! О, женщины, женщины! Серьезно говорю тебѣ, Гертруда, ты должна послѣдовать за мамашей. (Штрэлеру) А къ вамъ, Штрэлеръ, моя послѣдняя просьба — первая и послѣдняя. Родители моей жены люди богатые. Они изъ тюрингенскихъ дворянъ. Дочь моя должна отправиться къ нимъ, — если же ей на эту поѣздку не хватитъ денегъ... то... (Крѣпко схватываетъ за руку Штрэлера, въ чьихъ глазахъ выражается обязательная готовность все исполнить). Я вашъ должникъ!.. Ну, теперь прощай, дитя мое! Живи хорошо съ своей мамашей. Старайся подладиться къ высокоблагороднымъ милостямъ твоихъ дѣдушки и бабушки. У тебя будетъ по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба.

Гертруда (обнимаетъ его, рыдая). Папочка!.. Я не могу...

Крамптонъ (тихо освобождаясь изъ ея рукъ). Э, ничего! Все забудется, все перемелется!.. Прощайте! прощайте! (Сла-

быми шагами направляется къ двери, слегка размахивая руками и взявъ Лёфлера подъ руку).

Гертруда. Папочка! Я иду съ тобой...

Крамптонъ (въ ярости топаетъ ногой). Ты хочешь пройти сквозь строй позора?.. (Уходитъ съ Лёфлеромъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Пріемная комната владѣльца фабрики Адольфа Штрэлера. Мягкая, уютная, оригинальная обстановка. Комната четырехугольная съ большимъ, широкимъ, полукруглымъ сверху окномъ налѣво. На задней стѣнѣ дверь, на правой также. Стѣны до высоты человѣческаго роста обшиты деревомъ. По верхней части этой обшивки тянется кругомъ длинная узкая полка, на которой разставлено собраніе разныхъ рѣдкостей, череповъ, маленькихъ звѣриныхъ чучелъ, кристалловъ, рѣдкихъ камней, коралловъ, раковинъ, бездѣлушекъ, деревянныхъ и фарфоровыхъ шкатулокъ съ рѣзьбой, интересныхъ чашекъ изъ красной глины, старинныхъ пивныхъ кружекъ, сосудовъ изъ нильскаго ила. Большинство предметовъ обличаетъ, что все это пріобрѣтено во время путешествій, какъ воспоминанія. Верхняя часть стѣнъ надъ деревянной обшивкой покрыта бѣлой штукатуркой. Потолокъ также бѣлый, но безъ всякой живописи и лѣпныхъ украшеній. Посрединѣ укрѣплено чучело аиста съ распущенными крыльями. Налѣво поставленъ по діагонали старинный, съ вытравленными орнаментами, шкапъ въ стилѣ рококо. На немъ самая обыкновенная фигура рождественскаго старика съ елкой, какихъ можно за бездѣлицу купить на каждой оконной выставкѣ. У стѣны направо обитая темной кожей софа. Надъ ней, настолько низко, что лежащій можетъ доставать рукой, подвѣшена полка съ гнѣздами для пяти или шести большихъ чубуковъ и съ множествомъ длинныхъ глиняныхъ трубокъ. Тутъ же кисеты съ табакомъ и всевозможныя другія курительныя принадлежности. На правой сторонѣ, передъ угольной скамейкой темнаго моренаго дерева, стоитъ такой же, украшенный прекрасной рѣзьбой, большой столъ въ стилѣ деревенской мебели. Надъ скамейкой, на обшитой деревомъ части стѣны повѣшена дубовая этажерка съ изящными рѣзными бездѣлушками. Огромное, обитое кожей, вольтеровское кресло стариннаго стиля придвинуто къ окну. Большой письменный столъ заваленъ книгами, разставленными въ полномъ порядкѣ. На немъ же разложены торговыя, купеческія книги и прочія конторскія принадлежности. Вообще вся обстановка обнаруживаетъ хорошій вкусъ, оригинальность взглядовъ, а также особенную склонность хозяина собирать около себя вещи, хотя и въ большомъ числѣ, но выбранныя и пріобрѣтенныя отдѣльно. Возлѣ двери на стѣнѣ телефонный аппаратъ. Полъ устланъ ковромъ.

Адольфъ входитъ чрезъ открытую среднюю дверь, за которой открывается анфилада комнатъ. Въ послѣдней видна Агнеса Виснеръ, урожденная Штрэлеръ, и горничная, занятыя уборкой со стола.

Адольфъ (достаетъ съ полки чубукъ, привинчиваетъ къ нему головку и продуваетъ. Кончивъ это, кричитъ въ дверь). Агнеса, гдѣ же ты?

Агнеса (молодая вдова лѣтъ тридцати. На красивомъ лицѣ выраженіе той просвѣтленности, какая замѣчается у людей, много перенесшихъ въ жизни и смирившихся передъ судьбой. Впечатлѣніе всего ея существа пріятное и тихое. Входитъ быстрыми шагами). Иду, Адольфъ, иду.

Адольфъ. Куда-жъ ты дѣвала Гертруду?

Агнеса. Ей принесъ почтальонъ письмо. Я думаю, отъ тюрингенскихъ родственниковъ. (Зажигаетъ фидибусъ и подаетъ Адольфу).

Адольфъ (закуривъ, пыхаетъ дымомъ во всѣ стороны и потому говоритъ коротко и прерывисто). Хотѣлось бы... Хотѣлось бы мнѣ... узнать... для чего только эти люди огорчаютъ бѣдную дѣвушку? (Продолжая курить, прохаживается по комнатѣ). Ты, Агнеса, скажи ей, что о новомъ переселеніи ея не можетъ быть и рѣчи. Мы просто ее не пустимъ.

Агнеса. Я думаю, что вернуться въ Тюрингію у ней самой нѣтъ никакой охоты... Съ матерью, повидимому, она совсѣмъ не ладитъ. Съ сестрами тоже не въ хорошихъ отношеніяхъ, ну, а что до дѣдушки и бабушки, то предъ ними у нея даже какой-то благоговѣйный страхъ.

Адольфъ. Ну, въ такомъ случаѣ... А гдѣ, между прочимъ, скрывается Максъ? Юношу не видать совсѣмъ. Онъ не является даже къ обѣду.

Агнеса. Онъ приходитъ послѣ четырехъ часовъ, когда ты уже уходишь въ контору.

Адольфъ. И все занятъ своими поисками?

Агнеса. Вѣдь ты знаешь, что по этому дѣлу онъ хлопочетъ, не складывая рукъ.

Адольфъ. Онъ это дѣло глупо повелъ. Ужасно глупо повелъ. Посуди, Агнеса, сама: цѣлые пять дней ищетъ безъ успѣха въ городѣ съ трехсоттысячнымъ населеніемъ человѣка, настолько всѣмъ извѣстнаго, насколько былъ извѣстенъ профессоръ.

Агнеса. Онъ наводилъ справки вездѣ, у учениковъ и въ полиціи.

Адольфъ. Если онъ не умѣетъ помочь себѣ самъ, такъ къ чорту такіе труды! Но почему же не посовѣтуется онъ со мной?

Агнеса. Этому нечего удивляться. Онъ тебѣ не довѣряетъ. Ты постоянно надъ нимъ насмѣхаешься.

Адольфъ. Хо-хо! Ну, полно, полно.

Агнеса. Нѣтъ, право, такъ, Адольфъ.

Адольфъ. Ты говоришь вздоръ! Вѣдь мы съ нимъ другъ друга знаемъ. Сегодня посмѣюсь надъ нимъ я, а завтра надо мной онъ. Такъ что-жъ сердиться за такія насмѣшки?

Агнеса. Я и не говорю, что онъ сердится, но знаю только, что въ теперешнемъ своемъ настроеніи онъ дѣйствительно ничего не можетъ переносить хладнокровно.

Адольфъ. Въ настроеніи? Хо-хо! Знаемъ мы эти настроенія!

Агнеса. Ну, вотъ ты начинаешь опять свои насмѣшки.

Адольфъ. Нѣтъ, скажи мнѣ, Агнеса, серьезно. Замѣчаешь ты что-нибудь? Я кое-что замѣчаю.

Агнеса. Ну, конечно, замѣчаю и я.

Адольфъ. А дальше?..

Агнеса. Дальше? Что̀ дальше?

Адольфъ. Вѣдь нашему молодцу, кажется, едва девятнадцать лѣтъ.

Агнеса. Девятнадцать исполнилось ему три недѣли тому назадъ.

Адольфъ. Значитъ, цѣлыхъ три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ ему минуло девятнадцать. Что-жъ ты на это скажешь? Находишь ты его затѣю благоразумной?

Агнеса. О, да, въ достаточной степени.

Адольфъ. «Въ достаточной степени»? Прелестно! Превосходно! «Въ достаточной степени»! А что̀, если-бъ были живы отецъ и мать? Какъ думаешь, что̀ бы сказали про это дѣло они?

Агнеса. Они обсудили-бъ дѣло по-своему и поступили-бъ согласно съ тѣмъ, что̀, по ихъ мнѣнію, было-бъ всего лучше для счастья Макса. Совершенно въ этомъ духѣ хочу дѣйствовать и я.

Адольфъ. Значитъ, по-твоему, бракъ девятнадцатилѣтняго мальчика—поступокъ благоразумный?

Агнеса. Почему же нѣтъ? Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Вѣдь и я насладилась лучшими минутами моей жизни именно въ этомъ возрастѣ. Смерть Людвига, унесшая съ собой все, что̀ меня привязывало къ жизни, сразила меня на двадцать первомъ году.

Адольфъ. Ты совсѣмъ другое дѣло! Совсѣмъ другое!

Агнеса. Если ты иного мнѣнія, такъ дѣйствуй по-своему. Скажи властное слово. Ты опекунъ и сдѣлать это въ правѣ.

Адольфъ. Да! Властное слово, властное слово! А чего достигну я моимъ властнымъ словомъ? Не мастеръ я говорить властныя слова! А сверхъ того вопросъ еще, принесло ли бы это какую-нибудь пользу. (Прикасается пальцами къ своей головѣ и затѣмъ къ головѣ Агнесы). Крѣпкій лобъ, крѣпкій лобъ! И воинъ тамъ тоже крѣпкій лобъ! (При послѣднемъ словѣ указываетъ пальцемъ въ сторону, намекая этимъ на Макса). Мы, Штралеры, крѣпколобы всѣ! (Продолжаетъ съ комическимъ пафосомъ) Но за это можемъ нашими крѣпкими лбами пробить каменную стѣну! Случается, конечно, при этомъ раскрасить лобъ всѣми цвѣтами радуги. Но это ничего! Пускай! Бѣды въ томъ нѣтъ. Если Максъ даже на что-нибудь натянется, то тревожить изъ-за этого мой покой я не намѣренъ. Заварилъ кашу, такъ пусть самъ и расхлебываетъ. Трудить для него мои мозги я не стану. (Агнеса смѣется). Да, да, трудить мозги ради того, что въ головѣ парня завелись блохи, и онъ несетъ несуразную дичь. Этакій юнецъ и лѣзетъ въ бракъ! Какъ бы не забраковалъ себя совсѣмъ! (Идетъ направо. Во второй комнатѣ показывается Гертруда).

Агнеса. Фрейлейнъ Гертруда! Я здѣсь.

Гертруда (входя). А, вотъ вы гдѣ.

Агнеса. Хорошія вѣсти?

Гертруда. Ахъ! Совсѣмъ... (Останавливается; на глазахъ ея выступаютъ слезы).

Агнеса (нѣжно, по-матерински ее обнимаетъ). Только не плакать, только не плакать! Все пройдетъ, все будетъ попрежнему хорошо.

Гертруда. Папаша съ мамашей разводятся! Она не будетъ въ правѣ носить даже его имя. А я должна вернуться къ ней. Такъ хочетъ дѣдушка.

Агнеса. Объ этомъ не стоитъ говорить. Принудить васъ къ этому силой не можетъ никто.

Гертруда. Я не хочу! Не хочу! Мнѣ претитъ ѣсть кусокъ хлѣба, который они бросаютъ мнѣ изъ милости! Я не могу слышать, какъ они обвиняютъ во всемъ моего дорогого папочку! Грѣхи есть вѣдь и за мамашей! Она была всегда съ нимъ жестока и безсердечна! Если дѣдушка пріѣдетъ за мной даже самъ, я все равно не поѣду съ нимъ и въ этомъ случаѣ. Я не могу, не могу!.. Папочка одинокъ, возлѣ него нѣтъ ни души! О мамашѣ и сестрахъ заботятся всѣ. Я останусь съ папочкой. Я принадлежу ему!

Агнеса. Развѣ дѣдушка хочетъ пріѣхать за вами самъ?

Гертруда. Въ письмѣ сказано, что онъ отправился пу-

тешествовать и навѣрно проѣдетъ черезъ Силезію. Ахъ, милая, милая госпожа Агнеса! Умоляю васъ, не отпускайте меня! Я вѣдь ужъ не дитя и знаю, что̀ дѣлаю. Разъ они меня увезутъ, — возврата мнѣ ужъ не будетъ. Я прошу у васъ пріюта всего на какіе-нибудь два-три дня! До того, словомъ, дня, когда я найду моего несчастнаго папочку! Затѣмъ я останусь съ нимъ навсегда!.. Пріютите меня только до того дня! до того дня!..

Агнеса. Что̀ это вы говорите, милая Гертрудочка! Вы у насъ и у насъ останетесь. Скажу болѣе: если вы захотите даже сами насъ покинуть, то еще вопросъ, отпустимъ ли васъ мы.

Гертруда (горячо ее обнимая). О! ты мой лучшій, вѣрный другъ!..

Агнеса. На ты?—вотъ это хорошо! (Крѣпко жметъ ей руку).

Гертруда (покрывая руку Агнесы поцѣлуями). Милая, дорогая! (Небольшое молчаніе. Возвращается Адольфъ).

Адольфъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, Агнеса, какая причина, что, когда я застаю васъ вдвоемъ съ фрейлейнъ Гертрудой, она всегда дѣлаетъ печальное личико? (Агнесѣ) А ты тоже хороша! Вмѣсто того, чтобъ стараться ее развлечь, ты что̀ дѣлаешь? Усаживаешься за фортепіано и начинаешь пѣть. (Поетъ комическимъ тономъ)

Не знаю, право, я,
Что̀ можетъ это зна-а-а-чить!

Полноте, милая фрейлейнъ Гертруда! Дѣло, право, не сто̀итъ такихъ безпокойствъ! Повѣрьте мнѣ, что родитель вашъ такъ же здоровъ и бодръ, какъ мы съ вами. Пойдемте-ка лучше да сыграемте партійку въ шахматы. Не желаете? Напрасно! Развлекаться необходимо. Хотите, я покажу и объясню вамъ мой музей?

Агнеса. Ахъ, перестань, Адольфъ! Ты фрейлейнъ Гертрудѣ надоѣдаешь.

Адольфъ (видя, что Гертруда отрицательно качаетъ головой). Прости меня Господь! Вотъ-то сказала! Я надоѣдаю фрейлейнъ Гертрудѣ! Скажите, милая фрейлейнъ, какъ и чѣмъ я вамъ надоѣдаю?

Агнеса. Понятно, что она тебѣ этого не скажетъ.

Адольфъ. О, глупая, глупая головушка! Не правда ли, фрейлейнъ, что у моей сестрицы очень глупая головушка? Чуть вздумаю я дать вамъ совѣтъ больше кушать, чтобъ пополнѣть—сейчасъ является: «ахъ, перестань!». Скажу ли, что вамъ надо быть больше на воздухѣ, чтобъ подрумянить

ваши щечки—«ахъ, перестань!»—тутъ какъ тутъ. Выводить людей изъ печальнаго настроенія надо силой! Гнать кислыя мысли слѣдуетъ во что бы то ни стало, потому что такія мысли безполезны. Пойдемте, фрейлейнъ! Прописываю вамъ часъ занятія карикатурами. Вотъ альбомъ Оберлендера. Смотрите: рынокъ звѣрей въ Тимбукту. Видите этихъ черномазыхъ продавцовъ скота? А вотъ жирафъ вытягиваетъ направо и налѣво свою шею. (Комически представляетъ жирафа).

Агнеса. Да полно-жъ, Адольфъ.

Адольфъ. Что полно? Что ты находишь дурного въ томъ, что я немножко передразню жирафа? Рѣшительно сестрица моя слишкомъ степенная женщина! Представьте, фрейлейнъ Гертруда, что отъ благоговѣйнаго страха передъ ея степенностью у меня дѣлается иной разъ сильнѣйшій припадокъ астмы! (У входа звонятъ). Кто тамъ? (Уходитъ налѣво, чтобъ отворить наружную дверь, и тотчасъ возвращается). Агнеса, ты будешь такъ добра... Это мой товарищъ по дѣламъ. Очень скучная личность, фрейлейнъ Гертруда. (Агнеса и Гертруда уходятъ въ среднюю дверь, которую Адольфъ заботливо за ними запираетъ. Затѣмъ возвращается къ лѣвой двери и говоритъ въ нее) Прошу, войдите. (Входитъ Лефлеръ).

Лефлеръ. Добраго здоровья.

Адольфъ. Вы хотите говорить съ моимъ братомъ?

Лефлеръ (мнетъ въ рукахъ шапку). Наперво хотѣлось бы сказать словечко вамъ.

Адольфъ. Не зоветесь ли вы Лёфлеромъ?

Лефлеръ. Такъ точно,—зовусь Лёфлеромъ.

Адольфъ. Вы, кажется, служили раньше въ мастерской профессора Крамптона.

Лефлеръ. Вѣрно.

Адольфъ. Такъ скажите мнѣ, гдѣ скрывается профессоръ теперь?

Лефлеръ. Объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось поговорить съ господиномъ Штралеромъ.

Адольфъ. А, вотъ что!.. Но моего брата нѣтъ теперь дома, и потому вамъ придется обождать. Зажгите пока эту сигарочку да покурите на свободѣ. Усаживайтесь вотъ сюда... Садитесь, садитесь! А теперь вытрясайте ваши вѣсти. Скажите, гдѣ скрывается профессоръ?

Лефлеръ (чешетъ въ затылкѣ). Да... видите ли, я не знаю, имѣю ли право сказать...

Адольфъ. Надѣюсь, во всякомъ случаѣ, что онъ не прыгнулъ въ воду?

Лефлеръ (попрежнему нерѣшительно). Нѣтъ, нѣтъ! До того не дошло. Да и не таковъ человѣкъ, чтобъ на этакое дѣло пойти. Онъ вѣдь очень ужъ ученъ и потому такой штуки не выкинетъ. А главное... и вода...

Адольфъ. Ну, конечно, вода!.. (Смѣется). Понимаю: воды онъ не любитъ.

Лефлеръ. Нѣтъ, я правду говорю. До того не дошло, потому человѣкъ! Нѣтъ, нѣтъ, очень онъ благовоспитанъ. Кабы съ его-то умомъ да захотѣлъ онъ заняться! Будь такая голова у меня...

Адольфъ. Значитъ, во всякомъ случаѣ онъ живъ и, можно надѣяться, здоровъ?

Лефлеръ. Ну, конечно, живъ.

Адольфъ. Натурально. А гдѣ же онъ живетъ?

Лефлеръ. Гдѣ живетъ? Ну, вотъ этого-то я и не могу вамъ сказать! На это у меня свои причины! Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

Адольфъ. Такъ чего же вамъ надо отъ моего брата?

Лефлеръ. Отъ братца-то? Ну, тотъ профессора знаетъ! Съ нимъ объ этомъ дѣлѣ можно поговорить по душѣ. Этотъ грѣхъ я на свою душу беру. Потому видите, если кто услышитъ то, что я скажу, такъ у того человѣка сердце поворотится.

Адольфъ. Значитъ, профессору живется не очень сладко?

Лефлеръ (тронутый). Нѣтъ, нѣтъ!—очень несладко.

Адольфъ. Ну, такъ послушайте, что я вамъ скажу. Вы можете довѣриться мнѣ вполнѣ. Я готовъ сдѣлать для профессора все, что только въ моихъ силахъ.

Лефлеръ. Да нѣтъ, я все-таки поговорилъ бы лучше съ вашимъ братцемъ. На дорогу-то отвозилъ маленькую вѣдь я.

Адольфъ. Какую маленькую?

Лефлеръ. Какую! понятно, младшую дочку профессора.

Адольфъ. А! фрейлейнъ Гертруду. Конечно, конечно.

Лефлеръ. Вотъ объ ней-то я и хотѣлъ его разспросить. Она, господинъ Штрэлеръ, здѣсь вѣдь въ городѣ! Я недавно встрѣтилъ ее на улицѣ.

Адольфъ. И вы съ ней говорили?

Лефлеръ. Нѣтъ, несподручно было.

Адольфъ. Несподручно? Почему?

Лефлеръ. Она стала бы меня разспрашивать о папашѣ.

Адольфъ. Очень понятно. Но что-жъ изъ этого?

Лефлеръ. Вотъ тутъ-то мнѣ и нельзя было прогово-

риться. Это поймет всякій, кто увидитъ нору, въ какую закопался старикъ. Въ такія мѣста молодой дѣвушкѣ ходить не слѣдъ. А во-вторыхъ, если я даже ее къ нему приведу, такъ меня морозъ подираетъ по кожѣ, какъ подумаю, какую онъ можетъ выкинуть штуку. Вѣдь краше маленькой Гертруды для него нѣтъ ничего на свѣтѣ, и потому, если я скажу ему, что она здѣсь, такъ можетъ выйти бѣда, какую и не разведешь. Посыплются разспросы: «Гдѣ она? что она?» Старикъ сойдетъ съ ума. (Встаетъ). У него вѣдь здѣсь нѣтъ ни родныхъ ни друзей. Онъ своихъ тестя съ тещей хоть и ругаетъ, но все-таки спокоенъ тѣмъ, что Гертруда живетъ у нихъ. А чужіе!.. Чужіе люди для него то же, что для быка красный платокъ.

Адольфъ. Вотъ вамъ кое-что на дорогу.

Лефлеръ. Премного благодаренъ.

Адольфъ. А теперь слушайте внимательно: въ шесть часовъ придите на почту и ждите отъ главнаго входа налѣво. Туда пришлю я для свиданья съ вами моего брата. Онъ, я думаю, о фрейлейнъ Гертрудѣ кое-что знаетъ. (Звонокъ у входной двери). Постойте, постойте на минутку. (Запираетъ лѣвую дверь на задвижку и прислушивается. Слышно, какъ отворяютъ и запираютъ входную дверь. Кто-то проходитъ за сценой въ заднюю комнату. Адольфъ, услыша шумъ отворенной двери въ задней комнатѣ, быстро отворяетъ свою дверь и дѣлаетъ знакъ Лёфлеру уйти, говоря) Такъ сегодня въ шесть. (Провожаетъ Лёфлера и выпускаетъ его черезъ входную дверь; затѣмъ, возвратясь, беретъ и раскуриваетъ снова трубку, которую, взволнованный разговоромъ, отложилъ въ сторону. Въ эту минуту входитъ Максъ съ двумя пакетами какихъ-то вещей въ рукахъ и останавливается на срединѣ комнаты).

Адольфъ (со скрытымъ удовольствіемъ въ голосѣ). Живъ, цѣлъ и невредимъ?

Максъ. Кто живъ? Кто невредимъ? Профессоръ?

Адольфъ (притворно-изумленнымъ тономъ, какъ бы его не понимая). Какой-такой профессоръ? А, да! Твой профессоръ Крамптонъ? Ну, тотъ долженъ быть недалеко.

Максъ (положивъ пакеты на столъ, говоритъ со вздохомъ). Кто знаетъ, кто знаетъ!

Адольфъ (продолжая курить, растягивается на диванѣ и беретъ въ руки газету). Что это ты притащилъ?

Максъ (развертывая пакеты). Это? Такъ—бездѣлка. Пара бронзовыхъ статуэтокъ.

Адольфъ. Для чего же онѣ, милый юноша, предназначаются?

Максъ. Для чего? Для моего собственнаго удовольствія.

Адольфъ. Порядочно дорогое удовольствіе!

Максъ. Почему дорогое? (Короткое молчаніе).

Адольфъ. Послушай!.. Вѣдь дѣло тутъ ясно. Пару совершенно такихъ же статуэтокъ видѣлъ я въ мастерской профессора. Такъ или нѣтъ?

Максъ. Кажется.

Адольфъ. Кажется и мнѣ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Объясни мнѣ однако, Адольфъ, что̀ значатъ такіе допросы? Думаю, что я имѣю право пріобрѣсти пару бронзовыхъ бездѣлушекъ.

Адольфъ. Ну, это само собой. Но мнѣ только подумалось... Покупать ты можешь, конечно, все, что̀ тебѣ угодно, противъ этого я не скажу ни слова. Но я вспомнилъ, что вчера я случайно взглянулъ въ конторѣ на твой текущій счетъ.

Максъ. Вѣдь я устраиваю себѣ мастерскую. Ты самъ твердилъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ не днями, а годами, и ничего не имѣлъ противъ.

Адольфъ. О, нѣтъ! Противъ того, что̀ было говорено, я ни слова. Но мнѣ кажется немного страннымъ и довольно безтактнымъ, что ты... Ну, да что̀ тутъ молчать! — скажу прямо, что ты скупаешь всѣ вещи, какія были въ мастерской профессора.

Максъ (краснѣя). Откуда ты это узналъ?

Адольфъ. Слухомъ земля полнится. (Короткое молчаніе). Кое-что узнать, милый мой юноша, нетрудно. Поговоримъ серьезно: скажи мнѣ, какую ты собственно роль намѣренъ играть во всей этой исторіи?

Максъ (недовѣрчиво на него смотря). Въ какой исторіи?

Адольфъ. Исторія здѣсь одна.

Максъ. Я не знаю никакой.

Адольфъ. Однако я надѣюсь, что дѣло поставлено тобой на практическую почву?

Максъ. Ахъ, эти исторіи, эти практическія дѣла! Не знаю я никакихъ практическихъ дѣлъ!

Адольфъ. Можетъ-быть, я долженъ выразиться прямѣй, назвавъ это дѣло—дѣломъ спасенія; или тебѣ, можетъ-быть, пріятнѣй будетъ, если я назову его дѣломъ любви?.. Выражаясь общимъ именемъ, скажу: дѣло Крамптона!

Максъ. Я давно замѣчалъ, что ты не можешь говорить объ этомъ вопросѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой.

Адольфъ. Почему же съ презрѣніемъ? Хотѣлось бы мнѣ

это узнать. Я просто желаю, чтобъ ты ясно сознавалъ, что̀ затѣваешь. Ты нанялъ себѣ квартиру въ три тысячи марокъ.

Максъ. При двухъ мастерскихъ это недорого.

Адольфъ. Прекрасно. Пойдемъ дальше. Значитъ, ты намѣренъ жить вмѣстѣ съ благороднымъ страдальцемъ?

Максъ. Съ благороднымъ страдальцемъ? Это кто благородный страдалецъ?

Адольфъ. Оставимъ, милый юноша, подробности и поговоримъ о главномъ. Главное же заключается въ томъ, что ты намѣренъ его спасать. Ты вьешь ему теплое гнѣздо. Воображаешь, что, хозяйничая вмѣстѣ и въ то же время оставаясь самостоятельными, вы будете жить въ нѣжномъ согласіи?

Максъ. Развѣ ты считаешь это слишкомъ глупымъ, Адольфъ?

Адольфъ. Дай мнѣ договорить. Самъ по себѣ проектъ прекраснъ. Идея очень мила. Но если этотъ благородный страдалецъ... если онъ не можетъ нигдѣ и никакъ отстать... отъ своей привычки питаться только жидкостями...

Максъ. Тяжело, сознаюсь, мнѣ на это тебѣ отвѣтить. Человѣкъ этотъ презираемъ. Въ него бросаютъ камни. Оскорбляетъ его первый встрѣчный негодяй. Но скажу тебѣ, что я его знаю и готовъ за него поручиться! Смѣйся надо мной сколько хочешь, но я повторю еще, что готовъ за него поручиться душой и тѣломъ! Послушай, что̀ говорятъ о немъ люди, знающіе хорошо его жизнь. Его эксплоатировали, высасывали изъ него все, что̀ только было возможно. Высасывали, какъ піявки! Совершенно неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, остается онъ добродушенъ, довѣрчивъ...

Адольфъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ у него дѣйствительно слабы.

Максъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ слабы; но зато въ немъ есть иныя сильныя стороны. Чего онъ отъ жизни требуетъ? Единственно покоя да еще небольшого вниманія со стороны близкихъ людей, которые защищали бы его отъ мелкихъ ежедневныхъ заботъ. Разъ это у него будетъ, я за него поручусь во всемъ.

Адольфъ. Будемъ надѣяться, что ты не обманываешь себя мечтой.

Максъ. Я себя не обманываю и обмануться не могу. Ты послушай только, что̀ разсказываетъ фрейлейнъ Гертруда. Больше всего натерпѣлся онъ отъ жены. Личность

безсердечная, пустая, надменная, а сверхъ того глупая и зараженная дворянскимъ чванствомъ...

Адольфъ. Это все разсказывала фрейлейнъ Гертруда?

Максъ. Ну, хоть не прямо; но смыслъ выдѣлялся самъ собой.

Адольфъ. Положимъ, смыслъ выдѣлялся самъ собой. Но вотъ что спрошу я тебя, Максъ. Обдумалъ ли ты этотъ вопросъ основательно? Ясны ли для тебя причины твоего рѣшенія?

Максъ. Ахъ, я не терплю вымогательныхъ разспросовъ.

Адольфъ. Ну, послушайте, что онъ говоритъ!—«вымогательныхъ разспросовъ»! Я человѣкъ простой и интересуюсь изучить основныя причины поступковъ человѣка геніальнаго, а онъ называетъ это вымогательствомъ! Нѣтъ, мой милый, вымогательство совсѣмъ иная вещь. Вотъ если-бъ я вздумалъ выпытывать у тебя свѣдѣнія о почтенномъ тестѣ, или сталъ разспрашивать о днѣ свадьбы, или наконецъ даже о томъ, любитъ ли она тебя? Сознайся, что вѣдь даже и этотъ вопросъ окончательно не рѣшенъ. Кто знаетъ, не обручена ли она ужъ давно съ другимъ?.. Потому выслушай меня, — но только серьезно! Если хочешь достичь счастливаго успѣха, будь сдержаннымъ! Сдержанность лучшее средство для привлеченія. Дѣлай видъ, что въ груди твоей заложена міровая скорбь! Понимаешь? Побѣждаютъ дѣвчонокъ этимъ лучше всего.

Максъ (все время слушавшій брата съ выраженіемъ несогласія, заткнувъ пальцами уши и ежеминутно порываясь его прервать, открываетъ вдругъ въ эту минуту уши и восклицаетъ яростно). Дѣвчонокъ! Какихъ дѣвчонокъ? Она не дѣвчонка!

Адольфъ. Хо-хо!.. Знаешь, мой милый, вѣдь это, наконецъ, становится глупо!.. (Оба, взглянувъ другъ на друга, разражаются искреннимъ смѣхомъ).

Максъ. Нѣтъ, Адольфъ. Для тебя рѣшительно нѣтъ ничего святаго.

Адольфъ (смѣясь громкимъ и, повидимому, безпричиннымъ смѣхомъ). Нѣтъ, какъ только вспомню мое первое посѣщеніе уважаемаго тестя! (Передразниваетъ съ преувеличеннымъ комизмомъ манеру и рѣчь Крамптона) «Что вы думаете? Что? Вы говорите, что вы опекунъ! Вы хотите меня погубить! Есть ли у мальчишекъ талантъ? Да его нѣтъ у меня самого! Что вы думаете? Я не пиѳія! я не могу гадать по внутренностямъ». (Запыхавшись и передохнувъ отъ своей рѣчи, продолжаетъ смѣяться). Благородный страдалецъ не можетъ гадать по внутренно-

стямъ! Удивительное это было свиданіе! (Немного помолчавъ) Гдѣ же, однако, скрывается профессоръ теперь?

Максъ. О, если-бъ *я это* зналъ, то чувствовалъ бы себя гораздо лучше.

Адольфъ. Значитъ, ты не нашелъ никакихъ слѣдовъ?

Максъ. Ни малѣйшихъ. Въ академіи не узнаешь ничего. Фактотума его Лёфлера не сыщешь нигдѣ. Словомъ, никакихъ вѣстей ни изъ дома ни съ улицы. Я готовлюсь къ самому худшему.

Адольфъ. Дѣйствительно надо скрѣпиться духомъ.

Максъ. Ну, вотъ видишь, вотъ видишь! Ты говоришь это самъ! прежде ты только смѣялся, а теперь страхъ разбираетъ тебя самого! Помнишь, что̀ *я тебѣ* говорилъ на второй день? Надо готовиться къ худшему! Повторяю, что онъ въ состояніи застрѣлиться или броситься въ воду. Ты тогда только смѣялся мнѣ въ отвѣтъ и убаюкивалъ меня надеждами. Ты клялся...

Адольфъ. Нѣтъ, я ни въ чемъ не клялся.

Максъ. Клялся, клялся! Пусть снимутъ съ меня голову, если не такъ! И вотъ до чего мы дошли! Я, какъ дуракъ, рыщу вездѣ и строю Богъ знаетъ какіе воздушные замки.

Адольфъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ покупаешь дорогія вещи.

Максъ. Ты о парѣ статуэтокъ? Объ этомъ вздорѣ не стоитъ говорить. Вотъ если-бъ познергичнѣй взялся за это дѣло ты, такъ было бы лучше. Ты постоянно хвастаешь своей находчивостью и практичностью. Но скажу вамъ, дѣти мои, что если съ нимъ что-нибудь случится, такъ ищите меня! Все это длилось слишкомъ долго. Увидите сами, что̀ будетъ со мной!

Адольфъ (покатываясь со смѣху, напрасно старался нѣсколько разъ его прервать). О, Господи, Господи! Что̀ же дѣлать? Приди въ себя! Утѣшься! Скажу тебѣ, что вѣдь онъ нашелся! Я искалъ его давно. Вся исторія давно кончилась.

Максъ (остолбенѣвъ, останавливается, затѣмъ, бросившись къ Адольфу, съ силой трясетъ его за *плечи*). Говори, злодѣй, говори!..

Адольфъ. Да что-жъ мнѣ еще тебѣ говорить?

Максъ (въ восторгѣ начинаетъ плясать, таская съ собой и Адольфа). Молодецъ, молодецъ! (Выпустивъ изъ рукъ Адольфа, падаетъ на диванъ). А, въ какомъ я неописаномъ восторгѣ!

Адольфъ (изнеможенный). Молодъ ты еще, Максъ! очень молодъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маленькая комната въ такъ-называемыхъ меблированныхъ номерахъ. Меблировка состоитъ изъ дешевенькаго дивана, расшатаннаго стола, желѣзнаго умывальника, пары дешевыхъ гипсовыхъ бюстовъ. Надъ диваномъ виситъ олеографическая картина. Въ углу изразцовая печь. На задней и на правой стѣнахъ двери. Профессоръ Крамптонъ лежитъ на диванѣ съ головой, обвязанной мокрымъ полотенцемъ въ видѣ чалмы, и играетъ въ карты съ двумя молодыми людьми. Онъ одѣтъ въ поношенный халатъ. За спиной его заложена пуховая подушка, а возлѣ стоитъ на табуретѣ чашка съ водой. На столѣ нѣсколько до половины выпитыхъ пивныхъ стакановъ. Оба его партнера, Штенцель и Вейсбахъ—молодые люди отъ двадцати восьми до тридцати двухъ лѣтъ. Выраженіе ихъ лицъ обнаруживаетъ среднюю полуобразованность. Шляпы и верхнее платье обоихъ брошены на стулъ. Итальянскій широкій плащъ профессора, а также широкополая художническая шляпа и феска повѣшены на средней двери. Груды книгъ и старинныхъ рукописей на стульяхъ и даже на полу. На столѣ вмѣстѣ съ пивными стаканами лежитъ мандолина. Время около шести часовъ пополудни. На столѣ горитъ лампа. Игроки сильно курятъ.

Крамптонъ (напѣваетъ). Sul mare luccica!.. (Выпадаетъ картой). Вотъ вамъ! вотъ вамъ!.. Благодарю. Съ меня довольно... Sul mare luccica!..

Вейсбахъ. Сдавай, Штенцель.

Штенцель. Господинъ профессоръ, скоро шесть. Намъ пора уходить.

Вейсбахъ. Вѣрно. Сегодня вечеромъ актъ.

Крамптонъ (тасуя карты, нескладно напѣваетъ). «Человѣкъ свободный я и пою на волѣ!»... Вы точно хотите уходить? Актъ продлится отъ шести до восьми. Не вернетесь ли въ восемь снова?

Вейсбахъ (указывая на Штенцеля). Онъ живетъ, господинъ профессоръ, съ своей матерью. А она давать ему ключъ отъ входной двери больше не хочетъ.

Крамптонъ (небрежно). Разстаньтесь съ вашей матерью, Штенцель, разстаньтесь! Я тоже развожусь съ женой. (Бросаетъ карты). Значитъ, мы кончили... Вернитесь же въ восемь часовъ. Только не опаздывать! (Одушевляясь) У меня есть для васъ парочка забористыхъ вещицъ. Парочка драгоцѣнныхъ новеллъ Боккачіо. Истинно чудныя вещицы! Вы, конечно, знаете Боккачіо? Этого божественнаго гуляку? Какъ! Не знаете? Ну, тогда остается только зарыть васъ, провинціаловъ, въ могилу.

Штенцель. Боккачіо, господинъ профессоръ, кажется намъ слишкомъ безнравственнымъ.

Крамптонъ (смѣясь). Отличная отговорка, любезный Штепцель. Скажите лучше, что онъ для васъ слишкомъ изященъ. Вашему желудку нужны горохъ и свинина. У васъ, провинціальной молодежи, вкусы гориллъ, именно гориллъ... Ну, впрочемъ, идите. (Добродушно смѣясь) Не прогуляйте срока! Нельзя же вамъ опоздать явкой въ ваше дрессировочное учрежденіе. (Смѣется). Иначе придется отсидѣть. Потѣха да и только! (Штеппель и Вейсбахъ, смѣясь, надѣваютъ свои пальто. Входитъ кельнерша Зельма. Чрезъ отворившуюся дверь видны бильярдъ и гости, натирающіе мѣломъ кіи).

Крамптонъ (взявъ мандолину, начинаетъ съ жаромъ и чувствомъ играть и напѣвать первую строфу Santa Lucia). Вотъ какъ воркуютъ, милѣйшая Зельма, въ Италіи! А здѣсь, у васъ, вѣдь орутъ какъ на базарѣ! (Повторяетъ послѣдній стихъ). Принесите-ка мнѣ что-нибудь выпить да покурить. (Молодымъ людямъ) Больше дѣлать вѣдь ничего не остается! Куришь да пьешь, пьешь да куришь весь день съ утра.

Зельма (убирая стаканы и вытирая столъ). Вы слишкомъ много курите, господинъ профессоръ. Цѣлый день и цѣлую ночь.

Крамптонъ (разочарованно). А что же мнѣ больше дѣлать? Куришь, читаешь да полощешь себя пивомъ! Кстати, любезный Штепцель, прошу, принесите книгъ, книгъ! Вы сказали, что у васъ есть старыя «Гартенлаубе», иллюстраціи и т. д. Несите все, что найдется. Я буду благодаренъ за все. Меня хоть хлѣбомъ не корми, только дай что читать! (Снимаетъ съ головы повязку). Вы, молодые художники, мало читаете! Вы невѣжды самаго низшаго разбора. Въ вопросахъ о Богѣ и вселенной не смыслите ничего. Читали вы Свифта? Нѣтъ? Знаете Смоллета, Теккерея, Диккенса? Знаете ли, что существовалъ человѣкъ, Байронъ по имени, написавшій «Каина»? Читали Гофмана? Невѣжды вы, невѣжды послѣдняго сорта!

Зельма (убравъ пустые стаканы и возвратясь съ полнымъ, напѣвая).

Жила красотка Альма,
Всѣмъ голубкомъ казалась,
Когда-жъ я къ ней вернулся,
Такъ вѣдьмой оказалась.

Вейсбахъ. Прощайте, господинъ профессоръ. Обѣщаемъ вамъ исправиться.

Штепцель. Чуть не забылъ, господинъ профессоръ, вамъ сказать, что вчера кто-то справлялся, гдѣ вы живете.

Крамптонъ (прохаживается, напѣвая). «Не живу я нигдѣ, не живу я нигдѣ!», мой милѣйшій.

Штенцель. Я отвѣтилъ на вопросъ, что мѣсто вашего жительства мнѣ неизвѣстно.

Крамптонъ. Вѣрно, Штенцель, вѣрно. Я не живу нигдѣ... А кто обо мнѣ спрашивалъ?

Вейсбахъ. Вы его знаете. Это уволенный ученикъ Штрэлеръ. Онъ спрашивалъ о васъ и меня.

Крамптонъ (вспыливъ). И что только этимъ людямъ отъ меня нужно! Неужели они не могутъ оставить меня въ покоѣ? Всего хорошаго, Штенцель! Всего хорошаго, Вейсбахъ!

Штенцель и Вейсбахъ. Прощайте, господинъ профессоръ.

(Вейсбахъ, уходя, щиплетъ Зельму за локоть).

Зельма. Ахъ. убирайся ты, обезьяна, домой!

(Штенцель и Вейсбахъ уходятъ, смѣясь. Слышно, какъ въ смежной ресторанiонной залѣ играютъ на бильярдѣ).

Крамптонъ. Надоѣдливый дуракъ! Страшно надоѣдливый!.. А тебя, дитя мое, мнѣ жалко. (Снимаетъ халатъ и надѣваетъ бархатный пиджакъ).

Зельма. Меня? Почему?

Крамптонъ. Нравится тебѣ такая жизнь?

Зельма. Что станешь дѣлать!

Крамптонъ. Въ этомъ-то и вопросъ.

Зельма (говоритъ медленно). А вотъ васъ, господинъ профессоръ, такъ мнѣ жалко.

Крамптонъ. Меня? Ха-ха! Того лучше! (Нетерпѣливо) Ступай, ступай! Убирайся во-свояси!

Зельма. Человѣку, какъ вы, слѣдовало бы оставить такую жизнь. И вы могли-бъ это сдѣлать, если-бъ захотѣли. Но вы вмѣсто того только губите свое здоровье.

Крамптонъ (съ трагикомическимъ отчаяніемъ). O, dio mio! (Грустно поникаетъ головой). Уходи однако прочь — я хочу спать. (Ложится на диванъ. Зельма уходитъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздается грубое кабацкое пѣніе. Въ дверь нѣсколько разъ стучатъ, и послѣ того, какъ Крамптонъ не отвѣчаетъ, средняя дверь до половины отворяется снаружи и чрезъ нее выглядываютъ нѣсколько красныхъ добродушныхъ рожъ. Затѣмъ входитъ человѣкъ съ блѣднымъ вульгарнымъ лицомъ, въ вязаныхъ туфляхъ, грязномъ бѣльѣ и платьѣ. Это содержатель ресторана Каснеръ).

Каснеръ. Прошу, господинъ профессоръ, меня извинить...

Крамптонъ (встрепенувшись спросонокъ). Что? Въ чемъ долженъ я васъ извинить?

Каснеръ. Тамъ... нѣсколько господъ. Они желали бы удостоиться чести... Можетъ-быть, господинъ профессоръ будетъ любезенъ, что не откажется осушить съ ними стаканчикъ.

Крамптонъ (рѣзко). Что это за господа?

Каснеръ. Небольшая компанія, господинъ профессоръ! (Входятъ Кунце и Зейфертъ, два толстыхъ филистера).

Зейфертъ. Вы извините насъ, господинъ профессоръ! Мы узнали о вашемъ здѣсь присутствіи. А мы сегодня въ такомъ хорошемъ расположеніи духа... въ такомъ хорошемъ... и притомъ собрались вмѣстѣ, а потому и осмѣлились учтиво васъ просить...

Крамптонъ. Развѣ вы меня знаете?

Зейфертъ. Конечно, вы, господинъ профессоръ, такой великій художникъ, такой мастеръ дѣла, а я простой маляръ, но... вѣдь мы всѣ люди! (Растроганнымъ голосомъ) Скажу, что у кого доброе, вѣрное сердце... А вѣдь доброе сердце главное дѣло! Потому, можетъ-быть, вы не сочтете наше общество для васъ слишкомъ низкимъ и согласитесь сегодня вечеркомъ насъ посѣтить съ тѣмъ, чтобъ осушить стаканчикъ и съ нами чокнуться, несмотря на то, господинъ профессоръ, что мы простые маляры.

(Въ это время къ дверямъ подошли еще нѣсколько посѣтителей и кельнерша. Всѣ со смѣхомъ смотрятъ на происходящее).

Кунце. Вамъ нѣтъ причины, господинъ профессоръ, насъ стыдиться. Мы люди хоть и простые, но искусство уважаемъ.

Крамптонъ (равнодушнымъ и небрежнымъ, повидимому, голосомъ). Что-жъ! Я не имѣю ничего противъ, ничего противъ!

(Раздается «браво». Зрители у дверей аплодируютъ тоже. Кунце съ Зейфертомъ подхватываютъ Крамптона подъ руки и съ тріумфомъ ведутъ его при повторяемыхъ крикахъ: «браво» въ сосѣднюю комнату).

Каснеръ (бѣжитъ вслѣдъ). Они васъ ублажатъ, господинъ профессоръ, хорошо ублажатъ! У этихъ ребятъ деньги водятся, хорошія деньги!

(Коротко повторяются многими голосами крики: «браво». Въ это время правая дверь отворяется и вновь запирается снаружи. Входятъ Лёфлеръ и Максъ Штрэлеръ).

Лефлеръ (пропуская Макса впередъ). Прошу, войдите, господинъ Штрэлеръ.

Максъ (осматриваясь). Такъ вотъ здѣсь живетъ профессоръ?

Лефлеръ. Слышите этотъ погромъ? Такой дымъ коромысломъ идетъ съ шести часовъ вечера до шести-семи утра. Срамъ да и только!

Максъ. Но скажите, любезный Лёфлеръ, ради чего же онъ посадилъ себя въ такую нору?

Лефлеръ. Это я вамъ сейчасъ скажу. Бѣда въ томъ, что мы задолжали здѣшнему хозяину мало не шестьдесятъ марокъ. Такъ вотъ онъ и ухватился за профессора, чтобъ не потерять своихъ денегъ. У него былъ расчетъ на профессорскую родню. Да, кажется, расчетъ-то оказался плоховатъ, и онъ начинаетъ замѣчать, что придется, пожалуй, на этой затѣѣ профершпилиться. Профессоръ живетъ здѣсь ужъ дней восемь, а между тѣмъ ни одинъ пѣтухъ не прокукурикалъ до сихъ поръ даже его имени. Кто знаетъ, когда и чѣмъ это кончится!

Максъ. А гдѣ же профессоръ теперь?

Лефлеръ. Гдѣ? тамъ, въ трактирной залѣ. Вы—только слушайте меня. Смекаете ли вы хозяйскій расчетъ? Не удалось въ одномъ, такъ онъ хочетъ наквитать на другомъ. Онъ теперь дѣлаетъ изъ профессора приманку для своихъ гостей.

Максъ. Ну, такъ слушайте меня. Во-первыхъ, вотъ вамъ деньги. Покамѣсть спрячьте ихъ. (Даетъ ему ассигнацію). А затѣмъ прежде всего заплатите профессорскіе долги. Онъ непремѣнно долженъ выѣхать изъ этой трущобы.

Лефлеръ. Да, но видите, въ чемъ дѣло: онъ вѣдь упрямъ. Вы не можете себѣ представить, что̀ это за голова! Если онъ въ нее что-нибудь себѣ вобьетъ, то ужъ дѣлать тутъ нечего! Не выбьете ничѣмъ... Да! будь у него немножко иная голова—другое было бы дѣло. Вѣдь ужъ, кажется, всякій пойметъ, что здѣсь кабакъ. Пиво льется съ утра до вечера, а онъ здѣсь сидитъ! Если-жъ ему что-нибудь нужно, такъ онъ только кликнетъ дѣвчонку; а та отъ него безъ ума. Все, что̀ бы онъ ни потребовалъ, она спроворитъ вмигъ. Если даже не дастъ пива хозяинъ, она молчкомъ вытрясетъ деньги изъ собственнаго кармана. Потому онъ и обрѣтается вѣчно въ подпитіи. Посудите сами, что̀ изъ этого можетъ выйти? Я вамъ говорю, если мы даже попробуемъ доставить профессору какое-нибудь мѣсто, онъ и надъ этимъ только посмѣется! Очень ужъ гордъ человѣкъ. Если-бъ не былъ такъ гордъ... Вѣдь многіе сюда приходили, предлагая помочь. А что̀ съ нимъ подѣлаешь! Кто ни придетъ,—онъ за дверь выпроводитъ. (Голоса за сценой приближаются къ двери). Вотъ и теперь навѣрно выругается за то, что я привелъ сюда васъ. Ну, да ничего! Пусть ругается. (Крамптонъ входитъ въ сопровожденіи Зейфферта, который за нимъ ухаживаетъ). Здравствуйте, господинъ профессоръ!

Крамптонъ. Здравствуй, любезный! Ступай туда да вели нацѣдить себѣ пивца. (*Лефлеръ уходитъ. Крамптонъ обращается къ Максу*). Вы ученикъ?

Максъ (*держась въ темномъ углу комнаты*). Точно такъ—ученикъ.

Крамптонъ. Обождите немного.

Зейфертъ (*горячо*). Да, да, господинъ профессоръ! Если-бъ мы стали вести дѣло сообща, такъ скажу вамъ, что у меня дѣло первоклассное!—можете этому повѣрить. Лишь бы мы были другъ другомъ довольны! Денежекъ перепадетъ вамъ въ такомъ случаѣ больше, чѣмъ надо! Берусь за себя отвѣтить, что я поставленъ недурно.

Крамптонъ (*нетерпѣливо*). Вѣрю вамъ, вѣрю.

Зейфертъ. Да, да, господинъ профессоръ,—я поставленъ недурно! Можете справиться обо мнѣ, гдѣ хотите, гдѣ хотите! У меня лучшія рекомендаціи, господинъ профессоръ. Мы можемъ исполнять и художественные заказы; и если будемъ дѣйствовать единодушно—о!—много тогда можетъ выйти хорошаго! Предпримемъ хорошія дѣла! Вотъ хоть теперь въ Гёрлицѣ требуется расписать концертную залу.

Крамптонъ (*съ возрастающимъ нетерпѣніемъ*). Ну да, ну да, мой милый. Я обдумаю это дѣло за ночь. Если будетъ время, то почему не согласиться. Посмотримъ, посмотримъ! До завтра, значитъ?

Зейфертъ. Прошу взглянуть на дѣло благосклонно. До завтра!

Крамптонъ. Да, да. Ждите хорошаго.

(Зейфертъ уходитъ съ поклонами).

Максъ (*выходя немного впередъ*). Добрый вечеръ, господинъ профессоръ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ.

Крамптонъ (*недовольнымъ токомъ, ложась на софу*). Если желаете. Кто вы такой?

Максъ. Мое имя Штралеръ.

Крамптонъ. Ну да, да, Штралеръ. Вы, вѣроятно, живописецъ?

Максъ. Такъ точно, господинъ профессоръ. Было время, когда я работалъ у васъ.

Крамптонъ. А, да! Помню!.. Штралеръ? Штралеръ? Это, значитъ, было въ дрессировочномъ учрежденіи, когда я еще волочилъ тамъ свое время? Скажу вамъ, дражайшій, что память объ этомъ времени порядочно улетучилась изъ моей головы. Впрочемъ, вспомнилъ, вспомнилъ! Васъ вѣдь

оттуда исключили, у васъ былъ кой-какой талантъ? Не правда ли? Вотъ за это васъ и исключили.

Максъ. Признано было дѣйствительно за лучшее меня исключить.

Крамптонъ. Вы тогда часто бывали въ моей мастерской. Хорошая это была мастерская, уютная. Не правда ли, уютная? Я понемногу успѣлъ въ ней кое-что собрать. Помните мой готическій ларь? А мейсенскіе фарфоры?

Максъ. О, помню прекрасно.

Крамптонъ. А чудныя бронзы? У каждой вещи была своя исторія. Ну, да все равно! Пропало, такъ пропало! Они обобрали у меня все. Я покамѣстъ поселился здѣсь... Конечно, скверно, но все-таки сносно! Правда, немного темно, но все-таки сносно!.. Какъ, вы сказали, ваше имя?

Максъ. Меня зовутъ Штрэлеръ.

Крамптонъ. Штрэлеръ, Штрэлеръ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Я, господинъ профессоръ, явился съ намѣреніемъ спросить, не могу ли быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ? Я...

Крамптонъ. Не могу, право, сказать вамъ сразу, но, впрочемъ, если вы, мой милый, хотите для меня что-нибудь сдѣлать, то принесите книгъ. Я читаю почти постоянно. У меня безсонница, и я буду вамъ крайне благодаренъ. Если желаете, могу дать вамъ рекомендаціи въ Веймаръ, въ Вѣну. У меня прекрасныя связи вездѣ.

Максъ. Позвольте узнать, имѣете ли вы какія-нибудь извѣстія о вашей дочери, господинъ профессоръ?

Крамптонъ (быстро вскочивъ съ софы. Коротко и отрывисто). Что вамъ за дѣло, молодой человѣкъ, до моей дочери?

Максъ. Вы, можетъ-быть, помните, господинъ профессоръ, что въ недавнее время вы мнѣ оказывали знаки очень большого довѣрія.

Крамптонъ (потеревъ лобъ). Ахъ, да, да! Помню! То-есть...

Максъ (скромно, но съ твердостью). Я полагалъ потому, господинъ профессоръ, что ваше ко мнѣ вниманіе давало мнѣ право говорить о вашей дочери.

Крамптонъ. Хорошо, хорошо, согласенъ! Но все-таки прошу, сдѣлайте мнѣ удовольствіе... Вы видите, какая здѣсь атмосфера... Потому не говорите о моей дочери, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ...

Максъ. Въ этомъ мѣстѣ?.. Исполню, господинъ профессоръ. Но въ такомъ случаѣ, позволю себѣ спросить, въ какомъ же другомъ мѣстѣ могу я себѣ позволить этотъ разговоръ?

Крамптонъ. Да лучше всего нигдѣ! Лучше всего нигдѣ.

Максъ. Извольте,—если вы этого желаете. Но я хотѣлъ бы задать вамъ другой вопросъ. Почему?.. высказать это довольно трудно! Однимъ словомъ, мнѣ очень больно видѣть, что вы живете здѣсь въ какой-то тѣсной, темной норѣ, гдѣ нѣтъ достаточно свѣта даже для работы и гдѣ вы губите ваше здоровье... Не позволите ли вы, господинъ профессоръ... Увѣряю васъ, что вы меня осчастливили-бъ и заставили гордиться, если-бъ я что-нибудь успѣлъ сдѣлать для человѣка, котораго чту и уважаю, какъ васъ, господинъ профессоръ! Скажите-жъ, рѣшаетесь ли вы оказать мнѣ ваше довѣріе?

Крамптонъ (нѣсколько мягче, но все еще тономъ отказа). Да что же вы, любезный другъ, обо мнѣ думаете? Я живу здѣсь потому, что мнѣ такъ нравится! Обстановку нахожу я очень сносной. Бѣда лишь въ томъ, что у меня отобрали весь мой рабочій матеріалъ. Не будь этого, можно было-бъ здѣсь немного и поработать.

Максъ. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, доставить вамъ необходимый матеріалъ.

Крамптонъ. О, да, милый мой, да! Сдѣлайте это. Я хорошему не препятствую. Но видите: бѣда въ томъ, что я усталъ! Заказы сыплются на меня со всѣхъ сторонъ, а я усталъ! Вотъ, напримѣръ, предстоитъ расписать концертную залу. Заказчикъ пристаетъ! Я задумалъ для плафона круглое панно. Нѣчто изъ первобытной природы. Мнѣ воображается море, океанъ, возмущенный бурей! По срединѣ скала; на нее карабкаются и дерутся между собой гиганты, а изъ трещинъ вырывается клубами пламя! Каково? Что скажете? Скажете ли, что я сталъ старой клячей? Что у меня опилки въ головѣ? (Приходитъ въ экстазъ). Пусть-ка явятся да создадутъ что-нибудь подобное эти пачкуны, эти пирожники дрессировочной академіи! (Ходитъ въ волненіи).

Максъ. Помните ли вы, господинъ профессоръ, моего брата?

Крамптонъ. Этого толстаго лавочника? Не такъ ли?

Максъ. Именно, господинъ профессоръ, толстаго лавочника. У меня есть еще сестра... Она живетъ съ братомъ вмѣстѣ.

Крамптонъ (разсѣянно). Вотъ какъ? Очень радъ, очень радъ! Ну, и что-жъ? уживаются дружно?

Максъ. Не жалуются, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Это хорошо; крайне меня радуетъ.

Максъ. Я завелъ рѣчь о моей сестрѣ, господинъ про-

фессоръ по той причинѣ, что... ей... хотѣлось бы обратиться чрезъ меня къ вамъ съ одной просьбой.

Крамптонъ (внѣ себя). Господи помилуй! Ужъ не написать ли ея портретъ? Нѣтъ, дражайшій! Учтиво благодарю и отказываюсь! Трактирнаго хозяина я напишу за пятьдесятъ пфенниговъ, торговку зеленью намалюю за горшокъ соленыхъ огурцовъ; но настоящій портретъ, мой милѣйшій, стоитъ шестьсотъ талеровъ! Ни гроша больше, ни гроша меньше. Я не могу себя обезцѣнивать. Потому, если согласны, то я къ вашимъ услугамъ.

Максъ (вскочивъ, крѣпко сжимаетъ ему руку). Слово и дѣло, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Да вы говорите это въ здравомъ умѣ?

Максъ. Совершенно. Дѣло идетъ о подаркѣ, господинъ профессоръ. Мой братъ Адольфъ...

Крамптонъ. Да вѣдь рѣчь шла о сестрѣ.

Максъ (съ замѣшательствомъ). Ну да! Съ сестры будетъ писаться портретъ.

Крамптонъ. И братъ его заказываетъ?

Максъ. Именно: братъ заказываетъ.

Крамптонъ. Ну, если дѣло стоитъ такъ, любезный Штрэлеръ, и вы говорите серьезно... (съ дурно скрываемой радостью) то, конечно, сердиться мнѣ причины нѣтъ.

Максъ. А теперь, господинъ профессоръ... я все-таки долженъ... передать вамъ поклонъ отъ вашей дочери.

Крамптонъ (встрепенувшись и стараясь скрыть отъ Макса свое волненіе). Съ чего завели вы опять объ этомъ рѣчь?

Максъ (съ разстановкой). Вы такъ строго скрывали свой адресъ, что фрейлейнъ Гертрудѣ поневолѣ пришлось обратиться ко мнѣ.

Крамптонъ. Вы въ сношеніяхъ съ моей дочерью?

Максъ. Въ сношеніяхъ... то-есть это значитъ, господинъ профессоръ, что я единственный человѣкъ, чрезъ котораго фрейлейнъ Гертруда надѣялась что-нибудь узнать о васъ.

Крамптонъ. Тайно отъ меня? тайно отъ меня? Что-жъ это значитъ?

Максъ. Значитъ... собственно говоря... сколько я могъ замѣтить—мысль поѣздки къ дѣдушкѣ и бабушкѣ вовсе не была для фрейлейнъ Гертруды привлекательна, и потому...

Крамптонъ (горько усмѣхаясь). Охотно этому вѣрю, охотно вѣрю! Зачѣмъ дѣлать для бѣднаго ребенка адъ жарче самого ада. Воображаю, что̀ станутъ тамъ валить на голову

ея отца! Охотно вѣрю! Вѣчный вопль: «распни его, распни! А если несогласна—такъ погибель и тебѣ!» О, милые родственники! Добрыя души! Бабушка ангелъ! Жена моя тоже ангелъ! Небесный ангелъ! Впрочемъ, ну ее!..

Максъ (помолчавъ). Я знаю также, что фрейлейнъ Гертруда всѣмъ сердцемъ жаждетъ съ вами увидѣться и васъ посѣтить, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Не могу на это согласиться! Не могу! Вы поймете это сами. Вы видите, какую я веду жизнь!.. собачью! Для меня лично все равно, такъ это или иначе. Я схороненъ, зарытъ! Но принять здѣсь ее — не могу! Не могу, любезный Штрэлеръ.

Максъ. Потому сестра моя и поручила мнѣ обратиться къ вамъ съ сердечной просьбой позволить ей взять фрейлейнъ Гертруду къ себѣ.

Крамптонъ (снова вспылявъ). Ну вотъ еще, вотъ еще! Это что̀ за вздоръ! Нѣтъ, нѣтъ, дражайшій, этого нельзя! Предпринять дальнее путешествіе, хоть бы даже зимой, все-таки лучше, все-таки лучше...

Максъ. Вы могли бы легко убѣдиться въ противномъ, если-бъ согласились посѣтить насъ хоть одинъ разъ. Фрейлейнъ Гертруда была бы принята моей сестрой съ распростертыми объятіями; онѣ знакомы другъ съ другомъ, какъ товарки по консерваторіи.

Крамптонъ. Ахъ, повѣрьте, любезный Штрэлеръ, я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь. (Растроганный, едва можетъ говорить). Конечно, легко понять, что я радъ былъ бы видѣть дитя мое возлѣ себя. Вѣдь вы еще не знаете, что̀ это за существо! Какая у нея умная головка! Какъ эта дѣвочка — совершенная еще дѣвочка — основательно судитъ. Какая она смѣлая! Бывало, вѣдь она со мной даже ссорилась. Намылитъ, бывало, мнѣ голову,—увѣряю васъ! Но зато какъ сердечно она меня любила! Какъ меня защищала! Точно маленькій тигренокъ! (Вынимаетъ изъ кармана фотографическій портретъ Гертруды) Вотъ ея головка: прелестная головка! Да! Дѣвочка основательная.

Максъ. Скажите, господинъ профессоръ, одно слово, и она будетъ здѣсь.

Крамптонъ. Одно слово! О, милая юность! Слово это могло бы натворить много бѣдъ. Нѣтъ, не могу на это согласиться.

(Входятъ Зейфертъ и Кунце).

Зейфертъ (съ краснымъ лицомъ, довольный и навеселѣ). Намъ

хотѣлось бы, господинъ профессоръ, поговорить съ вами еще объ одномъ пунктѣ. Я привелъ съ собой и моего компаньона. Вѣдь Кунце мой компаньонъ. Фирма Зейфертъ и Кунце вамъ, безъ сомнѣнья, извѣстна. Намъ, видите, было-бъ желательно получить отъ васъ нѣкоторый опредѣленный отвѣтъ. А затѣмъ мы угостили-бъ васъ снова пивцомъ. Выпить мы охотники всѣ. За этимъ у насъ дѣло не станетъ...

Крамптонъ (рѣзко и горячо). Кто вы такіе, и что̀ вамъ отъ меня надо?

Зейфертъ. Какъ что̀? Мнѣ казалось, мы до половины ужъ сговорились.

Крамптонъ. Не знаю, чего вы хотите. Я называюсь Крамптонъ! Профессоръ Крамптонъ. А кто такіе вы?

Зейфертъ. Я Зейфертъ...

Кунце. Я Кунце...

Крамптонъ. Въ такомъ случаѣ, господа Гинцъ и Кунце,—или какъ вы тамъ называетесь,—позвольте спросить, по какому праву вы врываетесь въ мою комнату? Развѣ вы не знаете правилъ приличія? Не слыхали о законахъ учтивости? Покорно прошу васъ немедленно меня оставить.

(Зейфертъ и Кунце сконфуженно пятятся).

Зейфертъ (отвѣшивая поклоны). Прошу извинить, прошу извинить!

Кунце. Имѣю честь кланяться! Почтительнѣйше прошу простить! (Уходятъ).

Крамптонъ (имъ вслѣдъ). Прощено! прощено! (Входитъ Лефлеръ). Ну, скажи, пожалуйста, Лёфлеръ, что̀ это за народъ? Врываются въ мою комнату силой! Я не застрахованъ отъ нихъ нигдѣ. Нѣтъ!.. Переселяюсь рѣшительно! Переселяюсь сегодня же! Не останусь здѣсь ни минуты. Заплати, Лёфлеръ, тотчасъ нашъ маленькій счетъ. Выложи имъ эти гроши. На порядочную квартиру, Лёфлеръ, на порядочную квартиру! (Указывая на Макса) А что̀ до этого юноши — то онъ можетъ посѣщать меня, когда захочетъ. (Надѣваетъ шляпу и плащъ). Относительно портрета, любезный Штрэлеръ, скажу вамъ, что мнѣ хотѣлось бы начать его какъ можно скорѣй. Съ будущей недѣли я займусь такъ, что пойдетъ кругомъ голова. (Входитъ Касперъ съ чашкой кофе. Крамптонъ говоритъ ему грубымъ тономъ) Съ чѣмъ вы явились? Съ вашей молочной водой? Благодарю! Употреблять ее больше не буду. Я переѣзжаю.

Каснеръ. Переѣзжаете? Какъ угодно, только сперва прошу расплатиться. Ваше присутствіе здѣсь мнѣ давно непонутру, надѣюсь, вы можете это себѣ представить сами. Вамъ бы только ничего не дѣлать. Это все, что вы требуете. А какую прекрасную работу могли бы имѣть! Живописцы люди съ деньгами.

Крамптонъ. Этотъ зловредный шутъ, любезный Штралеръ, рѣшительно меня зарѣжетъ или сведетъ съ ума.

Максъ. Отправимтесь, господинъ профессоръ, впередъ.

Каснеръ. Денежки, сперва денежки! — тамъ скатертью дорога.

Крамптонъ (Штралеру). Идемте, мой милый. А ты, Лёфлеръ, разсчитаешься.

Лефлеръ. Сегодня хоть дѣло наладилось. (Каснеру) Ну, говорите, что мы вамъ должны. (Максъ съ Крамптономъ уходятъ подъ руку).

Каснеръ (изумленно). Что-жъ это все значитъ?

Лефлеръ. А то, что у такого человѣка, какъ господинъ профессоръ, деньги найтись должны.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Мастерская въ нанятой Максомъ новой квартирѣ. Большинство обстановки состоитъ изъ вещей, взятыхъ изъ старой мастерской Крамптона. Пока все еще въ безпорядкѣ, и многіе предметы не на своихъ мѣстахъ. Направо и налѣво небольшія двери, лѣвая съ звонкомъ. Въ задней стѣнѣ большое свѣтовое окно для живописи. Максъ и Гертруда, одѣтые по-зимнему, вбѣгаютъ, запыхавшись. Лица ихъ сіяютъ счастьемъ и горятъ румянцемъ отъ быстрой ходьбы. Оба въ высшей степени весело возбуждены.

Максъ (сбрасывая шляпу и верхнее платье). Вотъ мы и здѣсь!..

Гертруда (развязывая шляпку). Вотъ мы и здѣсь!..

Максъ (глядя на нее). Ну!.. А теперь?

Гертруда (покраснѣвъ). Теперь?..

Максъ. Гертруда!.. (Схватываетъ ее въ объятія и покрываетъ лицо поцѣлуями).

Гертруда. Максъ!.. (Освобождаясь изъ его рукъ) Скорѣй, скорѣй! Надо начинать уборку.

Максъ. Да, да!.. Скорѣй. (Суетится безъ толку по комнатѣ).

Гертруда. Съ чего же начать?..

Максъ (останавливаясь). Я задохся...

Гертруда. Я тоже. Мы такъ скоро бѣжали.

Максъ (бѣжитъ и запираетъ дверь). Постой! Запремъ сперва дверь. (Подходя къ ней) Ну, а теперь...

Гертруда (съ нѣжнымъ, но нѣсколько боязливымъ смущеніемъ). Что теперь?..

Максъ. А вотъ увидишь. (Возобновляетъ поцѣлуи).

Гертруда. Ай, ай! Перестань! Надо же начать уборку.

Максъ (выпустивъ ее изъ рукъ, обѣгаетъ сосѣднія комнаты и затѣмъ возвращается въ мастерскую, крича во все горло). Ура!.. Ура!.. Я съ ума сойду!..

Гертруда (удивленная при видѣ готическаго ларя). Это что такое?

Максъ. Папашинъ ларь.

Гертруда (увидя Силена). А это?..

Максъ. Папашинъ Силенъ.

Гертруда. Максинька, Максинька! Да что же это все значитъ?

Максъ. А то, что я въ старой мастерской попарилъ, порылся и, собравъ все, перетащилъ сюда. Смотри—вотъ гобелены.

Гертруда (изумленная). Ахъ!..

Максъ. Вотъ библія въ пергаментѣ, тигровая шкура. Столъ новый, но это ничего; онъ не замѣтитъ.

Гертруда. Ахъ, ты, трогательный человѣчекъ! До чего ты добръ!

Максъ. Ну, довольно объ этомъ толковать. Времени мало. Примемся за уборку.

Гертруда. Правда, примемся, примемся...

Максъ (ставя Силена на столъ). Это поставимъ сюда.

Гертруда. Смотри,—вонъ картина, для которой ты былъ натурщикомъ.

Максъ. Ее поставимъ сюда.

Гертруда (разсматривая картину, стоящую на мольбертѣ). Помнишь? (Комически подражая голосу Крамптона) Сидите смирно, Штрэлеръ! Вы трясете головой, какъ старикъ. (Оба хохочутъ).

Максъ (схватываетъ обѣими руками ея голову). Ахъ, Гертруда, Гертруда!

Гертруда (стараясь освободиться). Убирать! Убирать! Время!

Максъ. Ты моя, ты моя! Не отдамъ тебя никому!..

Гертруда. Берись за дѣло, берись!

Максъ. Не разстанемся никогда!

Гертруда. Никогда, никогда!

Максъ. А придетъ смерть—умремъ вмѣстѣ!

Гертруда. Вмѣстѣ, вмѣстѣ! *(Поцѣлуи. Короткое молчаніе).* Хорошій ты мнѣ помощникъ! Это, по-твоему, называется убирать?

Максъ. Да, да, — будемъ убирать. Вѣдь папаша аккуратенъ.

Гертруда *(сдержавъ приливъ радости, говоритъ съ тихимъ благоговѣніемъ).* Милый, добрый папочка! Скоро увижу я его опять! Какое счастье, *какое счастье!* (Глубоко тронутая, продолжаетъ, понизивъ голосъ, но убѣжденнымъ топомъ). Надѣюсь, что наконецъ будетъ счастливъ и онъ!

Максъ (въ восторгѣ). Всѣ, всѣ будемъ счастливы!.. Куда-жъ ты, куда?

Гертруда *(убѣжавъ въ сосѣднюю съ мастерской комнату, кричитъ оттуда).* Искать сюрпризы!.. Ахъ, Максинька, что̀ за прелесть! Что̀ за дивная прелесть!

Максъ (кричитъ, разставляя вещи). Тамъ буду работать я, а здѣсь папаша. Да иди же, иди! Вѣдь мнѣ тебя надо.

Гертруда. Ищи меня, ищи!

Максъ (бросается въ сосѣднюю комнату). Погоди-жъ ты, муха! (Изъ сосѣдней комнаты несутся смѣхъ, визгъ, крикъ, можно подумать, что тамъ дерутся. Гертруда наконецъ выбѣгаетъ изъ комнаты, Максъ бѣжитъ за ней).

Гертруда (измученная, едва можетъ крикнуть, смѣясь и бѣгая по комнатѣ). А вотъ улечу! А вотъ улечу!..

Максъ. А я тебя усмирю! (Хочетъ ее схватить, но она выскользаетъ изъ его рукъ; онъ хочетъ схватить опять, она выскальзаетъ снова; наконецъ совершенно измученная останавливается посреди комнаты и отстраняетъ его руками).

Гертруда. Начинай же уборку, начинай!

Максъ. Меня разбираетъ смѣхъ.

Гертруда. Надъ чѣмъ?

Максъ. Вспомнилъ, какая у меня была тогда глупая физіономія! Какъ я заикался!..

Гертруда. Именно заикался.

Максъ. А ты предчувствовала, въ чемъ дѣло?

Гертруда. Такъ, въ туманѣ, въ туманѣ! Но, знаешь, когда на бульварѣ, послѣ твоей проповѣди, я все поняла, мнѣ стало немножко жутко.

Максъ. А мнѣ немножко страшно.

Гертруда. Бѣдный зайчикъ!

Максъ. А! Такъ погоди же! (Схватываетъ ее и цѣлуетъ).

Гертруда. Ай!.. Мое платье! Мои волосы!.. Да перестань же, Максъ, усмирись! Того гляди, сейчасъ *явятся*

братъ съ сестрой. (Съ поддѣльнымъ вздохомъ) Что-то скажутъ они?

Максъ. Насъ поздравятъ.

Гертруда. Ты думаешь—больше ничего?

Максъ. Чего же ждать еще?

Гертруда. Очень ты еще молодъ, Максъ. (Короткое молчаніе, затѣмъ смѣхъ).

Гертруда (хлопая руками). Папочка! Милый папочка! Какъ онъ изумится! Какіе глаза сдѣлаетъ! Какъ я его обниму! (Вполголоса и шутливо) Этого благороднаго гуляку!

Максъ (удивленно). Что? Я не разслышалъ.

Гертруда. Бѣдный старичокъ, сталъ глухъ, не слышитъ!

Максъ. А! Насмѣшки! Сюда, для должнаго наказанія.

Гертруда (съ притворнымъ равнодушіемъ). Какъ же, какъ же! Такъ и приду!

Максъ. Не послушаешься, такъ приду я.

Гертруда. А я тебя царапну.

Максъ. Попробуй.

Гертруда. Ты еще не знаешь, какъ я бываю зла. Если чего-нибудь не хочу, такъ отрѣжу прямо. (Топаетъ ногой) Не хочу, не хочу, не хочу!

Максъ. Посмотримъ, чѣмъ это тебѣ поможетъ. (Порывается къ ней).

Гертруда (заставляясь стуломъ). Ну, полно, полно, Максъ. Что за глупости мы дѣлаемъ! Достанется намъ обоимъ: мнѣ отъ папочки, а тебѣ отъ сестры.

Максъ. Очень я этого боюсь!

Гертруда. Да, храбрись, храбрись!

Максъ. Развѣ я въ чемъ-нибудь виноватъ?

Гертруда. Ну, ну!—не прикидывайся святошей. Виноватъ во всемъ.

Максъ. Я виноватъ во всемъ?.. Нѣтъ, ужъ если кто-нибудь виноватъ...

Гертруда (перебивая). Такъ это ты!

Максъ. Нѣтъ, ты!

Гертруда. А я говорю—ты.

Максъ. Я буду тебя цѣловать, пока ты не попросишь прощенья.

Гертруда (подъ его поцѣлуями). Хорошо, хорошо! Сознаюсь,—виновата, сознаюсь!.. Ну, а теперь, Максинька, за работу. Скажи, папочка ничего не знаетъ?

Максъ. Я не смѣлъ ему сознаться.

Гертруда. Даже въ томъ, что я здѣсь?

Максъ. Ни въ чемъ, ни въ чемъ.

Гертруда. Ахъ, ты, трусливый зайчикъ! Не смѣлъ сказать правды! секретникъ!

Максъ (цѣлуя ея руки). О, если-бъ я зналъ прежде, какъ хороша жизнь!

Гертруда. А теперь извольте, милостивый государь, приблизиться.

Максъ. Что это? Что я услышу?

Гертруда (повязываетъ ему на кисть руки зеленую ленту). Видишь эту ленту? Я связываю тебя навсегда. И горе, горе тебѣ, если ты вздумаешь когда-нибудь стряхнуть эту повязку.

Максъ. Остерегусь.

Гертруда (испуганно). Слышишь! Они идутъ.

Максъ. Какъ жаль!

Гертруда. Жаль и мнѣ.

Максъ. Очень некстати.

Гертруда. А если это папочка? Мы и про него тоже скажемъ?

Максъ. То же, то же—безъ разсужденій.

Гертруда. И про брата съ сестрой?

Максъ. То же, то же—безъ разсужденій. (Звонятъ). Войдите, кто тамъ. (Отмыкаетъ дверь. Входитъ съ лѣвой стороны Агнеса. Максъ, весь красный отъ волненья, кричитъ ей навстрѣчу) Агнеса, Агнеса! Поздравь! Мы женихъ и невѣста!..

Агнеса (съ притворнымъ изумленіемъ). О! Вотъ какъ!

Гертруда (бросаясь ей на шею). Агнесочка, Агнесочка! Если-бъ ты знала, какъ я счастлива!

Агнеса (цѣлуя ее при каждомъ словѣ). Ахъ, ты, моя куколка! Моя крошка, моя милая новая сестрица!

Адольфъ (входя въ лѣвую дверь). Слушай, Максъ,—профессоръ стоитъ съ Лёфлеромъ внизу и изучаетъ входную доску.

Максъ (съ сіяющими глазами). Адольфъ! Мы женихъ и невѣста!

Адольфъ (говоря вскользь). Знаю, все знаю! Но только фрейлейнъ Гертрудѣ необходимо теперь скрыться. Слышите? Вамъ надо скрыться, фрейлейнъ Гертруда. (Всѣ впопыхахъ ищутъ мѣста, куда спрятать Гертруду).

Адольфъ (показывая на правую дверь). Сюда, дѣти мои, сюда! Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь.

(Всѣ исчезаютъ за средней дверью. За лѣвой дверью, которая только притворена, слышно ворчанье, затѣмъ стукъ и снова ворчанье. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, и вслѣдъ затѣмъ дверь отворяетъ Лёфлеръ).

Лефлеръ (говоритъ въ дверь). Пожалуйте, отперто! Да только здѣсь никого нѣтъ.

Крамптонъ (разсерженнымъ голосомъ, еще за дверью). Что-жъ это значитъ? Что̀ эти люди со мной дѣлаютъ? Не могу же я стоять и ждать на лѣстницѣ. Того гляди, простудишься. Ну, входи, Лёфлеръ, входи. Пойдемъ дальше.

(Входитъ Лёфлеръ, за нимъ Крамптонъ, окутанный плащомъ).

Лефлеръ (увидя Крамптонову обстановку, совсѣмъ обалдѣлъ). Да это что̀ же такое?..

Крамптонъ. Смотри, Лёфлеръ: вотъ что̀ значитъ точность. Мы пришли минуту въ минуту, а они заставляютъ насъ ждать. (Поражается, увидя окружающее). Постой, постой, Лёфлеръ... Это что̀ же?

Лефлеръ. Самъ гляжу, господинъ профессоръ, и дивлюсь. Ума не приложу.

Крамптонъ (стараясь собрать мысли). Устроился человѣкъ хорошо!

Лефлеръ. Глядите — все устроено точь-въ-точь, какъ было у васъ въ мастерской.

Крамптонъ. Вижу, вижу самъ. (Дѣлаетъ шага два и останавливается передъ готическимъ ларемъ). Что-жъ это?.. Сатана, что ли, меня обошелъ?..

Лефлеръ. Что̀ вы изволите говорить?

Крамптонъ. Смотри, Лёфлеръ: да вѣдь это мои ларь!

Лефлеръ. Надо такъ думать, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Будь я директоромъ академіи, если это не мой ларь! Надо подумать! Надо сообразить! (Ходитъ взадъ и впередъ). Нѣтъ, что̀ ни говори, а это мои вещи! Все, что̀ я здѣсь вижу, мое съ начала до конца! Мнѣ ли не знать моихъ вещей?

Лефлеръ. Знаете, я какъ пораскину умомъ, такъ невольно думаю, что богатъ, должно-быть, этотъ господинъ Штрэлеръ. Вѣдь это, навѣрно, онъ скупилъ всѣ ваши вещи.

Крамптонъ. Это еще что̀ за новость? Чтобъ я позволилъ себя такъ одурачить! Это неслыханно! Мои вещи! Что̀ станетъ съ ними дѣлать этотъ юнецъ? Такая безтактность возмутительна. Мальчишка, ученикъ, дилетантъ, чуть начинающій карьеру, вздумалъ меня ограбить! Хочетъ по-домашнему расположиться въ моей мастерской! И чтобъ я это допустилъ! Какъ же, какъ же! Пусть лучше поселится здѣсь чортъ! Пусть малюетъ старушечьи портреты дьяволъ!

Адольфъ (неслышно подходитъ къ Крамптону сзади, за нимъ также тихо подходитъ Агнеса). Здравствуйте, господинъ про-

фессоръ! Извините за внезапный приходъ. Мы не знали, что вы ужъ здѣсь. Позвольте васъ познакомить: моя сестра Агнеса; господинъ профессоръ Крамптонъ.

Крамптонъ (*взглянувъ на Агнесу съ враждебнымъ видомъ, едва ей кланяется*). Извините, я попрошу отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ. Вы желаете, чтобы я писалъ въ этой комнатѣ?

Адольфъ. Я такъ думалъ. Развѣ вы, господинъ профессоръ, имѣете что-нибудь противъ?

Крамптонъ. О! Противъ я не имѣю ничего, но вамъ, *можетъ-быть, неизвѣстно, что для живописи прежде всего нуженъ свѣтъ. А гдѣ здѣсь свѣтъ? Я его не вижу. Здѣсь тьма кромѣшная! Кто-жъ согласится писать при такихъ условіяхъ? Писать въ подвалѣ для картофеля не станетъ ни одинъ художникъ!*

Адольфъ (*съ трудомъ удерживая смѣхъ*). Я въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно очень мало понимаю; *но думаю, что мой братъ...*

Крамптонъ. Вашъ братъ, мой милѣйшій? Вашъ братъ? Вашъ братъ мнѣ не указъ! Вашъ братъ не болѣе какъ скромный ученикъ, а я на этомъ ремеслѣ состарился! Потому, если человѣкъ, какъ я, говоритъ вамъ, что мастерская эта не стоитъ ни гроша и что въ ней работать нельзя, то вы можете въ этомъ поручиться и поклясться двадцать разъ. Скажите, съ кого долженъ писаться портретъ?

Адольфъ. Я думаю, съ тебя, Агнеса.

Крамптонъ. Потрудитесь, милостивая государыня, подойти. (*Приглашаетъ ее жестомъ встать на свѣтъ и пристально вглядывается въ ея лицо*). Ну, благодарной моделью для живописи васъ назвать нельзя. Что вы изъ себя сдѣлали? Для чего подвели этотъ сѣрый тонъ? Или вы гримируетесь? Такимъ средствомъ привлекательными сеансовъ не сдѣлать. Художники любятъ натуру. (*Адольфу*) Извините... но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ мой интересъ, то скажите, какую роль игралъ во всемъ этомъ вашъ братъ?

Адольфъ. Вотъ онъ идетъ самъ. Можетъ-быть, господинъ профессоръ...

Крамптонъ (*гораздо болѣе ласковымъ тономъ, идя Максу навстрѣчу*). А, здравствуйте, любезнѣйшій! Какъ живете, какъ можете?

Максъ. Благодарю, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Объясните мнѣ, пожалуйста, что̀ все это значитъ? Должно-быть, вы сдѣлались знаменитостью. Лучшей обстановки для мастерской не пожелалъ бы самъ Макаръ.

Максъ. О, нѣтъ, господинъ профессоръ—это просто недоразумѣніе.

Крамптонъ. Какъ недоразумѣніе? Какое недоразумѣніе? Вы мои вещи должны знать хорошо. Вѣдь вы у меня работали.

Лефлеръ. Вѣрно, господинъ профессоръ, эти вещи были прежде вашими.

Крамптонъ. Ну, конечно, конечно! Я это вижу. Извѣстно, что если съ человѣкомъ случится бѣда, то его непремѣнно вслѣдъ затѣмъ ограбятъ. Вотъ такъ ограбили и меня.

Максъ. Пока я не забылъ,—позвольте, господинъ профессоръ, обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ.

Крамптонъ. О, прошу, прошу.

Максъ. Это помѣщеніе наняли для меня мой братъ и сестра, чтобъ отпраздновать мое изгнаніе изъ академіи. Но вѣдь я, господинъ профессоръ, не больше какъ начинающій ученикъ. Такое великолѣпіе меня стѣсняетъ, и мнѣ подобная обстановка совсѣмъ не нужна. Къ счастью, возлѣ этой комнаты есть другая, тоже свѣтлая, но гораздо болѣе скромная. Для меня она будетъ болѣе чѣмъ достаточна; что-жъ касается собственно до этого помѣщенія, то пріятно, что я не соглашусь уступить его первому встрѣчному. Но вотъ, если-бъ любезно согласились помѣститься здѣсь хотя бы на время только вы, господинъ профессоръ...

Крамптонъ. Какъ это помѣститься?

Адольфъ. Ну—скажемъ, нанять эту комнату.

Максъ. Именно нанять.

Крамптонъ. Да... видите... объ этомъ надо поговорить...

Максъ. Какъ находите вы, господинъ профессоръ, здѣшній свѣтъ?

Крамптонъ (съ жаромъ). О, свѣтъ превосходенъ! Противъ этого нельзя сказать ни слова. Мысль ваша сама по себѣ кажется мнѣ очень симпатичной. Что скажешь на это, Лёфлеръ, ты? (Видя, что у Лёфлера вытянулось лицо. Крамптонъ обращается къ Максу). Что же это можетъ стоить?

Максъ. Стоить... стоить. Это дѣло моего брата.

Адольфъ. Объ этомъ, господинъ профессоръ, мы сговоримся. Повѣрьте, что своихъ выгодъ я не продешевлю.

Крамптонъ (смѣясь). Ну, конечно, на то вы и купецъ! На то и купецъ. (Хлопнувъ Макса по плечу) Такъ, значитъ, намъ придется жить рядомъ, дверь съ дверью. Вы можете снова быть моимъ ученикомъ. (Внезапно схватываетъ себя за голову) Что это?.. Что это? Или мнѣ показалось... (Бѣжитъ къ окну и

высовывается изъ него, такъ что присутствующіе видятъ только его спину). Не знаю... не знаю...

(Агнеса, Адольфъ и Максъ быстро отходятъ къ двери направо, въ которую Адольфъ уходитъ, чтобъ позвать Гертруду, и болѣе не возвращается. Гертруда быстро пробѣгаетъ по сценѣ на цыпочкахъ и, подбѣжавъ сзади къ отцу, закрываетъ ему глаза руками).

Гертруда (въ полномъ восторгѣ). Кто я? Кто я?

Крамитонъ (пораженный). Создатель!.. (Впадая въ полное блаженство) Дитя мое!.. Сердце мое!.. Котеночекъ мой! Моя наставница!.. Что же это все значитъ? Что случилось? Что вы затѣяли? О, я теряю голову!

Гертруда. Папочка, милый папочка! Не разсердись на меня: я невѣста!

Крамитонъ. О! какая шутница! Ну, пусть все будетъ, какъ ты хочешь!.. (Цѣлуетъ ея пальцы). Дюжина поцѣлуевъ на каждый пальчикъ! Клянусь честью! А затѣмъ выбирай въ женихи, кого хочешь—князя, графа!..

Гертруда. Ну, нѣтъ, папочка,—отъ этого я отказываюсь! Графовъ мнѣ не нужно. Но я серьезно тебѣ говорю, что я точно невѣста. Смотри, папочка. (Бросается на шею Агнесы) Вотъ моя новая сестричка!

Крамитонъ. Такъ ты невѣста?.. Это твоя сестра? (Указывая на Макса) Твой женихъ, значитъ, онъ? (Смѣясь сквозь слезы, бѣгаетъ по комнатѣ). О, Господи! хочетъ жениться! Лёфлеры! А, Лёфлеръ? Что ты на это скажешь?—Ничего! Забавно! Удивительно забавно? (Агнесѣ) Ну, а вы, сударыня, тоже не скажете ни словечка?

Агнеса. Скажу только, что радуюсь отъ всего сердца.

Крамитонъ. Радуетесь отъ всего сердца? Радъ и я, радъ и я! Плакать рѣшительно не о чемъ. Ну, а ты, Гертруда, моя крошечка, какъ ты додумалась до такой затѣи? (Максу) Объясни мнѣ это и ты, милый мальчикъ! Подите сюда, дѣти, подите сюда! Мое благословенье двухъ грошей все-таки стоитъ. (Обнимаетъ ихъ, а затѣмъ выпускаетъ изъ рукъ Гертруду, жметъ руку Максу). Скажи мнѣ теперь, какъ тебя зовутъ?

Гертруда. Максомъ, папочка.

Крамитонъ. Ну, Максомъ такъ Максомъ! (Максу) Скажу тебѣ словечко! Теперь у насъ съ тобой праздники пойдутъ къ чорту! Будемъ работать вмѣстѣ, какъ два китайскихъ кули. (Оставляетъ его руку и обращается къ Лёфлеру) Максомъ зовется. Глупая головушка! Слышишь, Лёфлеръ? Максомъ. (Бѣгаетъ по комнатѣ). Глупая головушка! Глупая!

(Занавѣсъ падаетъ).

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

Памяти моего дорогого друга
Гуго-Эрнста Шмидта.

Рядомъ съ «Коллегою Крамптономъ» Гауптманъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій ставитъ «Михаэля Крамера» (Michael Kramer)—одну изъ самыхъ позднѣйшихъ своихъ драмъ (1900). Логическое основаніе этого совершенно очевидно. Общи и родственны здѣсь и идеи пьесъ—трагизмъ гибнущаго таланта и подавленія личности средой, и самая среда—міръ художниковъ.

Приходится повторить, что, несомнѣнно, и здѣсь, какъ въ «Крамптонѣ», очень многое построено на личныхъ переживаніяхъ драматурга (см. предисловіе къ «Коллегѣ Крамптону»). Въ нѣмецкой печати не разъ высказывалась догадка, что въ лицѣ несчастнаго Арнольда Гауптманъ изобразилъ своего старшаго брата Георга, довольно искуснаго карикатуриста, по капризу судьбы ставшаго не художникомъ, а коммерсантомъ.

Посвященіе «Крамера» «памяти дорогого друга Гуго Эрнста Шмидта» позволяетъ Бартельсу высказать догадку, не причастно ли это неизвѣстное намъ лицо къ образамъ драмы. Вполнѣ правдоподобно, что и для фигуры Крамера-отца у Гауптмана тоже былъ какой-либо прямой прототипъ. Въ этомъ смыслѣ говорили о нынѣ умершемъ художникѣ Брэйерѣ, профессорѣ бреславльской школы, въ семьѣ котораго наблюдались отложенія, очень напоминающія исторію Арнольда. Одинъ изъ друзей Гауптмана Heinrich Lee разсказалъ однажды эту исторію отца-художника, всю жизнь съ суровымъ самоотреченіемъ аскета работавшаго надъ картиною: «Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ», и гуляки-сына, умершаго, правда, не насильственною, но неожиданною и вызванною его причудами трагическою смертью (юный Брэйеръ выкупался въ ледяной водѣ и умеръ отъ остраго ревматизма). При угадкахъ поминали также имя и профессора Гертеля, который спасъ Гауптмана въ свое время отъ исключенія изъ бреславльской художественной школы. Въ деталяхъ пьесы безспорно Гауптманъ широко использовалъ свои академическія воспоминанія.

Тринадцатая по счету пьеса Гауптмана—«Крамеръ» увидѣлъ свѣтъ рампы 19 декабря 1900 года, въ одномъ году съ пьесой «Шлукъ и Яу». Если это не былъ неуспѣхъ, то во всякомъ случаѣ это не былъ и полный успѣхъ. Красоту и значеніе этой драмы почувствовали только позднѣе.

Между прочимъ для Россіи, гдѣ почти нѣтъ театра, не ставившаго «Крамера», образъ стараго художника запечатлѣлся въ превосходномъ воплощеніи такого мастера сцены, какъ Станиславскій.

Какъ и относительно «Крамптона», критика отказывается указать чужія литературныя вліянія на Гауптмана въ «Крамерѣ». Лишь въ

самой отдаленной степени справедлива ссылка на романъ Зола «Трудъ».

Изъ раннѣйшихъ пьесъ самого Гауптмана ближе всѣхъ по идеѣ сюда подходитъ «Праздникъ мира», по обстановкѣ — «Крамптонъ». Страшное взаимное непониманіе отца и сына, создавшее драму въ семьѣ Шольцевъ, есть вмѣстѣ и тема «Крамера». Старый Шольцъ и старый Крамеръ могли бы сказать другъ другу очень многое, какъ много основаній подружиться имѣли бы Вильгельмъ и Арнольдъ.

По своему содержанію «Крамеръ» есть совершенно такая же «семейная катастрофа», какъ и «Праздникъ мира», и если Гауптманъ на этотъ разъ не ставитъ подъ заглавіемъ этого термина, то, вѣроятно, только потому, что послѣдній актъ даетъ широкое философское обобщеніе его идеѣ, какого не могло быть въ «Праздникѣ мира», гдѣ все носитъ характеръ довольно исключительнаго случая.

Какъ въ большинствѣ случаевъ у Гауптмана, внѣшняя фабула «Крамера» чрезвычайно несложна. Вся цѣнность пьесы въ ея психологической и философской сложности и глубинѣ. Старикъ Крамеръ—строгій художникъ, свято относящійся къ своему труду, идеальный учитель, дающій безконечно многое своимъ ученикамъ и снисходящій ихъ горячую любовь. По существу добрый и гуманный, Крамеръ однако такъ рѣзко проникнутъ сознаніемъ долга своего и чужого, что его душевный складъ пріобрѣтаетъ какую-то тяжелую для другихъ узость, какую-то мертвящую семью сухость.

И это качество создаетъ тяжелую драму самого Крамера и его сына. Ярко-талантливый, богато одаренный душевно, хотя и уродъ по внѣшности, Арнольдъ задыхается въ этой атмосферѣ отцовской сдержанности, корректности и беззавѣтнаго труда. Старый Крамеръ по-своему правъ во всѣхъ своихъ предъявленіяхъ къ сыну. Привыкшій къ тому, чтобы его имя всѣми въ городѣ произносилось съ глубокимъ уваженіемъ, Крамеръ требуетъ отъ Арнольда старческаго благоразумія и сдержанности, отреченія отъ любовныхъ исторій, отъ кутежей и т. п. По-своему правъ и Арнольдъ, когда не можетъ ни запрячь своего Пегаса въ хомутъ трудолюбія, ни отказаться отъ любимой дѣвушки, ни воздержаться отъ дани бурной молодости.

Тяжелая туча розни и враждебности виситъ надъ домомъ Крамеровъ, какъ надъ семьею Шольцевъ. И только тогда, когда Арнольдъ кончаетъ съ собою самоубійствомъ, у незакрытаго гроба безнадежно потеряннаго сына, ставшаго вдругъ безконечно-дорогимъ, предъ лицомъ всепримиряющей смерти, несчастный старый Крамеръ понимаетъ свою непростительную ошибку. Только здѣсь онъ постигаетъ, какъ трагически холодъ его узкой теоріи убилъ цвѣтокъ жизни, который могъ расцвѣсть ослѣпительно-прекрасно. Старый Крамеръ произноситъ свой потрясающій монологъ-гимнъ смерти, все примиряющей и все облекающей высшею красотою,—монологъ, по красотѣ и силѣ имѣющій немного соперниковъ въ міровой литературѣ.

Какъ видимъ, философія Крамера страшно родственна всѣмъ раннимъ пьесамъ Гауптмана, начиная «Предъ восходомъ солнца». Всюду катастрофа или смерть—въ итогѣ борьбы личности со средою. И опять смертельная рана нанесена не рукою заклятаго врага, а рукою почти друга, во всякомъ случаѣ человѣка, желавшаго добра, не искавшаго зла. На этотъ разъ Гауптманъ, у котораго мы привыкли видѣть слабыхъ людей и «не-героевъ», впервые попытался изобразить въ лицѣ отца Крамера человѣка съ силой воли и стойкимъ міровоззрѣніемъ. И что же,—сильный оказался побѣжденнымъ и уступающимъ слабому.

Кто истинный герой пьесы Гауптмана,—старикъ Крамеръ или молодой Арнольдъ? Какая идея центральнѣе—трагедія попранія личности или гибели таланта?

Гауптманъ даетъ точный отвѣтъ на это и названіемъ пьесы, явно выдвигающимъ впередъ старика Крамера, и заключительнымъ монологомъ, являющимся ключомъ ко всей пьесѣ. И однако, когда вы смотрите пьесу, личность Арнольда настолько выпукло выдвигается впередъ, настолько овладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заслоняя стараго художника, что на протяженіи всей пьесы вы всецѣло захвачены драмою сына. Только послѣдній актъ возвращаетъ права вниманія Михаэлю Крамеру. Въ чемъ же дѣло? И не скрывается ли здѣсь какой-то органическій недостатокъ драмы?

Разгадка въ томъ, что въ Гауптманѣ здѣсь все время борется мыслитель съ драматургомъ. Для мыслителя всего важнѣе идея порабощенія личности, какую воплощаетъ старый Крамеръ. Но, какъ драматургъ, Гауптманъ весь захваченъ красочною драмою Арнольда. Какъ бы даже не согласованно дѣйствуютъ драматургъ и мыслитель. Мыслитель хотѣлъ бы смѣло показать, что истинный убійца Арнольда, какъ это ни жутко, есть вотъ этотъ самый—гуманный, честный, всѣми уважаемый, аскетически преданный искусству Михаэль Крамеръ, его устарѣлый строй негодящихся для сына взглядовъ, его узкій деспотизмъ, его неспособность понять, что есть драгоцѣнность выше таланта—жизнь человѣка. Это чудесное растеніе онъ задушилъ, закрывъ ему солнце.

Драматургъ Гауптманъ смягчилъ, понизилъ, ослабилъ эту идею. Онъ ввелъ въ пьесу элементъ личнаго оскорбленія Арнольда посторонними людьми, непосредственно толкающій юношу на самоубійство. И этотъ моментъ выступилъ настолько рѣшительно, что не слишкомъ вдумчивый зритель можетъ вовсе не унести изъ театра представленія объ истинномъ нравственномъ убійцѣ безпутнаго генія,—тѣмъ болѣе послѣ примирительныхъ рѣчей стараго Крамера.

По мысли Гауптмана, смерть попираетъ смерть. Умершій Арнольдъ уничтожаетъ мертвое въ душѣ Крамера. Крамеръ просвѣтлѣлъ. Онъ постигъ, что выше приказовъ головы—велѣнія сердца, что выше всепоглощающаго Молоха искусства, котораго онъ былъ такимъ вѣрнымъ и самоотверженнымъ жрецомъ, есть свѣтлый богъ любви и свободы, который ласково позволяетъ всякому цвѣтку земли тянуться къ солнцу и улыбаться небу.

Критика дѣлала упрекъ Гауптману, что такіе побѣдные, торжествующіе, восторженные аккорды, какіе звучатъ въ гимнѣ Крамера смерти,—неправдивы въ душѣ отца, сознавшаго, что онъ убійца, и потрясеннаго отчаяніемъ непоправимости сдѣланнаго. Но надо не забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о высшемъ, близкомъ къ чуду философскомъ просвѣтлѣніи, истинномъ экстазѣ человѣческаго духа, что старый Крамеръ послѣднихъ страницъ уже вовсе не Крамеръ второго акта, что наконецъ именно для такой фанатической души, безсвѣтно отдававшейся раньше одному богу, особенно естественно восторженное и столь же пламенное обращеніе къ лучшей вѣрѣ.

И если это могло чувствоваться, какъ психологическое противорѣчіе у другого, то этого избѣжалъ Гауптманъ, облекшій думы и чувства Крамера въ слова потрясающей силы и неумирающей красоты. Нужно не имѣть вкуса, чтобы, подобно нѣкоторымъ нѣмецкимъ критикамъ, увидѣть здѣсь только реторику, или, оставшись холоднымъ предъ этимъ гимномъ, педантически отмѣчать техническія слабости

нѣкоторыхъ мѣстъ драмы, отсутствіе въ ней дѣйствія въ общепринятомъ смыслѣ, меньшую, чѣмъ свойственно Гауптману, чеканку второстепенныхъ лицъ и общую какъ бы усталость Гауптмана.

Мы склоняемся къ мнѣнію другихъ критиковъ, что «трудно выразить въ немногихъ словахъ, какой красоты исполнено это произведеніе, какое блаженное, небесное примиреніе съ дѣйствительностью скрывается въ послѣднемъ заключительномъ актѣ. Если въ этой драмѣ и найдутся значительныя погрѣшности противъ незыблемыхъ до сихъ поръ техническихъ условій драматургіи, то во всякомъ случаѣ человѣкъ, создавшій такой образъ, какъ старый Крамеръ, есть поистинѣ поэтъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ, къ голосу котораго долженъ прислушиваться весь міръ» *).

---

*) M. Kirschstein.

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михаэль Крамеръ, преподаватель въ Королевской академіи художествъ, художникъ.
Г-жа Крамеръ, его жена.
Михалина Крамеръ, дочь, художница.
Арнольдъ Крамеръ, сынъ, художникъ.
Эрнстъ Лахманъ, художникъ.
Альвина Лахманъ, его жена.
Лиза Бенишъ, дочь ресторатора Бенша.
Асессоръ Шнабель
Архитекторъ Циинъ
Фонъ-Краутхеймъ
Квантмейеръ
} гости ресторана Бенишъ.
Краузе, педель въ академіи.
Берта, служанка у Крамеровъ.
Фрицъ, кельнеръ въ ресторанѣ Бенишъ.

Мѣсто событій драмы—главный городъ въ провинціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Крамера, *обставленная* по-берлински. Зимнее утро, около девяти часовъ. На столѣ, въ углу, у большого окна, выходящаго во дворъ, стоитъ еще горящая лампа и посуда отъ завтрака. Обстановка комнаты ничего *особеннаго* собою не представляетъ. Михалина, интересная дѣвушка, брюнетка, отодвинула нѣсколько свой стулъ отъ стола, курить папиросу, на колѣняхъ у нея книга. Г-жа Крамеръ входитъ изъ двери, что̀ въ задней стѣнѣ, занятая хозяйственными соображеніями. Это сѣдая женщина лѣтъ пятидесяти шести, характера безпокойнаго и озабоченнаго.

Г-жа Крамеръ. Ты все еще здѣсь, Михалина? Развѣ тебѣ не надо уходить?

Михалина (отвѣчая не тотчасъ же). Нѣтъ, мать, еще не надо... Да и на дворѣ вѣдь еще совершенно темно.

Г-жа Крамеръ. Да, если тебѣ нечего дѣлать, Михалина.

Михалина. Да, нечего, мать.

Г-жа Крамеръ. Потому что дѣйствительно... тебѣ дѣйствительно надо бы замѣтить,—и безъ того довольно заботъ.

Михалина. Да, мать, конечно! (Куритъ и смотритъ въ книгу).

Г-жа Крамеръ. Что̀ это ты тамъ читаешь? И вѣчно куришь!

Михалина. Что̀ же мнѣ не читать?

Г-жа Крамеръ. Мнѣ-то что̀, читай!.. Меня только удивляетъ, какъ ты можешь быть такой спокойной.

Михалина. О, Господи! Если бы ждать спокойствія. Когда же тогда вообще успѣешь что-нибудь сдѣлать?!

Г-жа Крамеръ. Что̀, папа, уходя, ничего больше не сказалъ?

Михалина. Нѣтъ!

Г-жа Крамеръ. Это хуже всего, когда онъ ничего не говоритъ.

Михалина. Ахъ, да! Я-было и забыла. Чтобы Арнольдъ пришелъ къ нему въ мастерскую ровно въ одиннадцать.

Г-жа Крамеръ (закрываетъ заслонку въ печкѣ, завинчиваетъ ее и, поднимаясь, вздыхаетъ). Ахъ, да! Господи, Боже мой!

Михалина. А ты, мать, дѣлай, какъ я, не думай!.. Новаго же ничего нѣтъ, мы же это знаемъ. Арнольдъ и въ этомъ не измѣнится...

Г-жа Крамеръ (садится къ столу, подпираетъ голову рукой и вздыхаетъ). Ахъ, не понимаете вы мальчика! Не понимаете вы его! Не понимаете! А отецъ... онъ еще окончательно погубитъ его.

Михалина. Я думаю, ты ошибаешься, когда утвер-

ждаешь это. Ты жестоко ошибаешься. Папа дѣлаетъ все, что̀ можетъ, для Арнольда. Онъ перепробовалъ съ нимъ все. Если вы этого не умѣете цѣнить, мать, тѣмъ хуже.

Г-жа Крамеръ. Ты дочь своего отца, это я уже знаю.

Михалина. Да. И твоя дочь и отца!

Г-жа Крамеръ. Да, отца гораздо больше, чѣмъ моя. Потому что, если бы ты была больше моей дочерью, ты бы не брала всегда его сторону.

Михалина. Мать, лучше намъ не волноваться... Пытаешься быть просто справедливой, и сейчасъ же: ты берешь сторону того или другого... Тяжело съ вами, это ужъ новѣрьте.

Г-жа Крамеръ. Я беру сторону моего мальчика, и баста! А тамъ можете дѣлать, что̀ хотите!

Михалина. Какъ только можно говорить такія вещи!

Г-жа Крамеръ. Михалина, ты вѣдь совсѣмъ не женщина! Ты совсѣмъ не женщина, Михалина! Ты говоришь, какъ мужчина! Думаешь, какъ мужчина! Какой толкъ въ такой дочери?

Михалина (пожимая плечами). Да, мать, если это дѣйствительно такъ!.. Вѣдь этого же и измѣнить я не могу.

Г-жа Крамеръ. Можешь измѣнить, только не хочешь.

Михалина. Мама... Мнѣ, къ сожалѣнію, надо уходить, мама. Послушай, мать, пожалуйста, не волнуйся. Ты же и не думаешь того, что̀ говоришь сейчасъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ же вѣрно, какъ я здѣсь стою, слово въ слово!

Михалина. Тогда мнѣ очень жалко насъ всѣхъ, мать!

Г-жа Крамеръ. Да, мы всѣ страдаемъ отъ папы.

Михалина. Сдѣлай одолженіе, разъ навсегда. Я никогда не страдала отъ отца, не страдаю и теперь отъ него. Я уважаю отца, ты отлично это знаешь! Было бы распроклятой ложью...

Г-жа Крамеръ. Фу, Михалина, что̀ ты все ругаешься!

Михалина. Если бы я говорила, что я страдаю отъ него. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, которому бы я такъ безмѣрно была благодарна.

Г-жа Крамеръ. Больше чѣмъ мнѣ?

Михалина. Да. Мнѣ очень жаль. Что̀ такое отецъ, и что̀ такое отецъ для меня,—это лучше понимаютъ чужіе, чѣмъ вы: я разумѣю тебя, мать, и Арнольда; это судьба! Самые близкіе отцу—самые ему далекіе. Онъ бы пропалъ одинъ среди васъ.

Г-жа Крамеръ. Будто я не знаю, какъ ты часто плакала, когда отецъ...

Михалина. Да, плакала. И часто плакала. Онъ иногда дѣлалъ мнѣ больно, но въ концѣ концовъ я всегда должна была сознаться себѣ: онъ дѣлалъ мнѣ больно, но никогда не былъ несправедливъ, и всегда мнѣ это что-нибудь давало.

Г-жа Крамеръ. Давало или нѣтъ, все же ты никогда не была счастлива благодаря отцу. Если бы у тебя былъ свой уютный уголокъ, мужъ, дѣти... и все это...

Михалина. Это же не отецъ у меня отнялъ!

Г-жа Крамеръ. Теперь ты мучишься, какъ мучится папа, и ничего изъ этого не выходитъ, кромѣ недовольства и заботъ.

Михалина. Ахъ, мать, когда я все это слышу, мнѣ дѣлается такъ тяжко! Такъ тѣсно! Такъ тѣсно и тоскливо, ты не повѣришь. (Съ горечью, печально) Если бы Арнольдъ не былъ Арнольдомъ, какъ бы онъ былъ благодаренъ отцу.

Г-жа Крамеръ. Онъ билъ его, когда ему было уже пятнадцать лѣтъ!

Михалина. Я не спорю, что отецъ можетъ быть жестокъ и что онъ иногда давалъ себѣ волю,—я этого не прикрашиваю и не извиняю. Но, мать, вспомни тоже, не далъ ли Арнольдъ къ этому поводъ. Онъ тогда поддѣлалъ подпись отца.

Г-жа Крамеръ. Изъ страха! Изъ страха передъ папой.

Михалина. Нѣтъ, мать, этимъ всего не объяснишь.

Г-жа Крамеръ. Онъ мальчикъ несчастный, онъ нездоровъ; онъ отъ рожденія нездоровъ.

Михалина. Очень можетъ быть, онъ долженъ съ этимъ примириться. Примиряться съ собой нашъ общій удѣлъ, мать. Держать себя въ рукахъ и добиться чего-нибудь высшаго—это обязанъ каждый. И лучшій ему примѣръ отецъ... Кстати, мать, вотъ двадцать марокъ, я въ этомъ мѣсяцѣ не могу дать больше. Я заплатила по счету за краски, это одно уже стоило двадцать три марки. Зимнюю шапку мнѣ тоже нужно было непремѣнно. Двумъ ученикамъ пришлось отсрочить плату.

Г-жа Крамеръ. Ну да, мучишься ты съ этими женщинами, а потомъ онѣ обираютъ у тебя послѣднее.

Михалина. Нѣтъ, мать, онѣ вовсе не обираютъ меня. Эта бѣдная кривая Шефферъ совсѣмъ безъ средствъ, недовѣдаетъ! (Звонокъ въ передней). Позвонили. Кто бы это могъ быть?

Г-жа Крамеръ. Не знаю. Я только лампу потушу. Въ могилу бы мнѣ!

Берта (проходитъ черезъ комнату).

Михалина. Берта, спросите раньше фамилію.

Г-жа Крамеръ. Что, молодой баринъ спитъ еще?

Берта. Да они, поди, вовсе и не ложились. (Уходитъ).

Михалина. Кто бы это могъ быть, мама?

Берта (возвращается). Художникъ Лахманъ съ женой. Они прежде того у господина профессора въ школѣ были.

Михалина. Папа не профессоръ. Вы же знаете, онъ хочетъ, чтобы его называли просто господиномъ Крамеромъ. (Уходитъ въ переднюю).

Г-жа Крамеръ. Подожди-ка! Я тутъ приберу немного. Живо, Берта! Я потомъ вернусь. (Она и Берта уходятъ, унося съ собой кое-что изъ посуды).

(Изъ передней слышно, какъ тамъ здороваются. Затѣмъ появляется художникъ Эрнстъ Лахманъ, его жена Альвина, за ними Михалина. Лахманъ въ пальто и цилиндрѣ, съ палкой въ рукѣ; она въ темной шляпѣ изъ перьевъ, въ боа изъ перьевъ и пр. Платье у обоихъ поношенное).

Михалина. Откуда же ты? И что собственно ты дѣлаешь?

Лахманъ (представляя). Альвина,—а это Михалина Крамеръ.

Г-жа Лахманъ (очень удивленная). Неужели?.. Это вы?

Михалина. Васъ это въ самомъ дѣлѣ такъ удивляетъ?

Г-жа Лахманъ. Да! Откровенно говоря, немного. Я васъ себѣ представляла совсѣмъ другой.

Михалина. Еще старше? Еще морщинистѣе, чѣмъ я сейчасъ?

Г-жа Лахманъ (быстро). Нѣтъ, откровенно говоря, совсѣмъ наоборотъ.

Михалина и Лахманъ (весело смѣются).

Лахманъ. Можетъ недурно выйти. Ты хорошо начинаешь.

Г-жа Лахманъ. А что? Я опять что-нибудь не такъ сдѣлала?

Лахманъ. Какъ поживаетъ твой отецъ, Михалина?

Михалина. Хорошо. Такъ же приблизительно, какъ всегда. Ты врядъ ли найдешь въ немъ большую перемѣну... Но сядь же, прошу! Пожалуйста, г-жа Лахманъ. Вы насъ извините? У насъ тутъ еще не убрано. (Всѣ садятся вокругъ стола). Ты куришь? (Она предлагаетъ ему папиросу). Или отвыкъ? Простите, это я надымила: я знаю, это не женственно, но,

къ несчастью... сознала я это слишкомъ поздно. А вы, вѣрно, не курите? Нѣтъ? И васъ не безпокоитъ?

Г-жа Лахманъ (качаетъ отрицательно головой). Да, Эрнстъ дома цѣлый день не выпускаетъ папиросы изо рта

Лахманъ (беретъ изъ портсигара Михалины папиросу). Спасибо!.. Въ этомъ ты ничего не понимаешь.

Г-жа Лахманъ. Что же тутъ понимать, Эрнстъ?

Лахманъ. Очень много, моя милая.

Г-жа Лахманъ. Да что же? Какъ же?

Михалина. Говорить легче, когда куришь.

Г-жа Лахманъ. Значитъ, это хорошо, фрейлейнъ, что я не курю. Я и безъ того слишкомъ много болтаю.

Лахманъ. Это зависитъ отъ того, что говорить.

Г-жа Лахманъ. Милый Эрнстъ, ты тоже иногда болтаешь вздоръ.

Лахманъ (рѣзко мѣняетъ разговоръ). Да! Что это я хотѣлъ сказать!.. Да, значитъ, твой отецъ живетъ хорошо,—я очень радъ.

Михалина. Да. Я уже сказала: живетъ, какъ всегда. Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, хорошо. А ты пріѣхалъ сюда навѣстить свою мать?

Г-жа Лахманъ (болтливо). Да онъ, видите ли, хотѣлъ здѣсь осмотрѣться немного: не найдется ли ему здѣсь какое дѣло. Въ Берлинѣ рѣшительно ничего нѣтъ. А здѣсь, фрейлейнъ, развѣ тоже нечего дѣлать?

Михалина. Въ какомъ смыслѣ? Я не знаю... что вы хотите сказать.

Г-жа Лахманъ. Ну, да вотъ вы открыли школу. Даетъ она вамъ что-нибудь?

Лахманъ. Эй, ты! Скажи, когда кончишь. Да?

Михалина. Моя школа живописи? Немного! О, да, очень немного. Но все же даетъ. Ничего себѣ. (Къ Лахману) А ты что, конкурентомъ мнѣ собираешься быть?

Г-жа Лахманъ. Ахъ, что вы, сохрани Богъ! Какъ вы могли подумать! Мой мужъ вѣдь бредитъ вами, должна я вамъ сказать. Никогда мой мужъ такъ бы не поступилъ. Но что-нибудь ему надо же дѣлать. Есть-пить надо же, не правда ли? Мой мужъ...

Лахманъ. Мой мужъ: я не твой мужъ. Мнѣ это выраженіе дѣйствуетъ на нервы.

Г-жа Лахманъ. Ну, какъ вамъ это нравится!

Лахманъ. Альвина, меня зовутъ Эрнстъ! Замѣть себѣ это. Мой совокъ, ты можешь сказать. Мой кофейникъ, моя фальшивая коса, а вообще: рабство упразднено.

Г-жа Лахманъ. Но, дружокъ...

Лахманъ. Это собачья кличка.

Г-жа Лахманъ. Вотъ извольте видѣть! Вотъ такого мужа имѣть. Сдѣлайте мнѣ только одолженіе: ни за что на свѣтѣ не выходите замужъ. Старымъ дѣвамъ живется гораздо лучше.

Михалина (отъ души смѣется).

Лахманъ. Ну, Альвина, теперь будетъ. Надѣвай свое боа и ступай куда-нибудь, подожди меня. Поняла?.. А то все равно нѣтъ никакого смысла въ этомъ... Надѣвай свое прелестное любимое боа и отправляйся. Поѣзжай къ матери, или посиди тутъ рядомъ въ кафе, я потомъ зайду туда, пожалуй, за тобой.

Г-жа Лахманъ. Нѣтъ! Посмотрите-ка... Полюбуйтесь на обращеніе съ женой. Пикнуть нельзя, рта открыть, все не такъ.

Лахманъ. Да и не нужно вовсе открывать. Всегда глупость выходитъ.

Г-жа Лахманъ. Конечно, я не такъ умна, какъ ты.

Лахманъ. Будетъ! Все остальное оставь при себѣ.

Михалина. Пожалуйста, г-жа Лахманъ, останьтесь.

Г-жа Лахманъ. Помилуй Богъ! Что вы! Вамъ меня жалѣть не приходится. Прощайте. На углу здѣсь есть кондитерская. Итакъ, дружокъ, понялъ? Тамъ встрѣтимся. (Уходитъ въ сопровожденіи Михалины).

Лахманъ. Не съѣшь только опять тринадцать пирожковъ.

Михалина (возвращается). Старымъ дѣвамъ живется много лучше; она, правда, немного черезчуръ пряма.

Лахманъ. Городитъ все, что въ голову придетъ.

Михалина (садится опять). Но и ты съ ней безъ церемоніи. Не всякая это стерпитъ, Лахманъ.

Лахманъ. И мнѣ съ нею не сладко. Она вѣдь непремѣнно хотѣла познакомиться съ тобой. Иначе я бы ее сюда и не взялъ. Ну, какъ же ты живешь?

Михалина. Спасибо! Хорошо! А ты?

Лахманъ. Ничего себѣ.

Михалина. Да и я тоже... Но ты уже сѣдѣешь,—виски.

Лахманъ. Это глупость наружу лѣзетъ. (Оба смѣются).

Михалина. И хочешь, значитъ, поселиться здѣсь?

Лахманъ. И во снѣ мнѣ этого не снилось. Она сочиняетъ разныя разности, а потомъ утверждаетъ съ непоколебимой твердостью, что я невѣсть что только ни говорилъ. (Пауза). Какъ поживаетъ твой братъ?

Михалина. Благодарю, хорошо.

Лахманъ. Усердно пишетъ?

Михалина. Напротивъ.

Лахманъ. А что же онъ тогда дѣлаетъ?

Михалина. Болтается, конечно. Болтается, что же ему еще дѣлать.

Лахманъ. Почему же онъ не остался въ Мюнхенѣ? Все же онъ тамъ кое-что да дѣлалъ.

Михалина. А ты все еще думаешь, что онъ можетъ что-нибудь дѣлать?

Лахманъ. То-есть какъ это? Я этого не понимаю. Это до нѣкоторой степени внѣ сомнѣнія.

Михалина. Ну, если у него и есть талантъ... то онъ недостоинъ его... Однако лучше поговоримъ о другомъ: отецъ часто о тебѣ спрашивалъ. Онъ радъ будетъ увидать тебя. И, не говоря, конечно, обо мнѣ, я очень рада за отца, что ты опять къ намъ пріѣхалъ. Видишь ли, ему надо освѣжиться.

Лахманъ. И мнѣ тоже. Мнѣ, вѣроятно, даже больше, чѣмъ ему. И,—я также не говорю о тебѣ,—что особенно меня тянуло—со всѣмъ другимъ можно было бы подождать—это особенное желаніе опять побыть съ твоимъ отцомъ. И картину его, конечно, мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть.

Михалина. Кто тебѣ говорилъ объ его картинѣ?

Лахманъ. Да говорили, что ее купили въ галлерею.

Михалина. Директоръ Мюрингъ былъ здѣсь, но о томъ, что онъ купилъ картину, я не знаю. Папа такой трудный. Врядъ ли. Я думаю, онъ прежде, вѣроятно, пожелаетъ ее кончить.

Лахманъ. Но ты знаешь картину? Да, конечно?

Михалина. Я видѣла ее два года тому назадъ. Я совсѣмъ о ней не могу судить. Папа ужъ очень давно работаетъ надъ ней. (Пауза).

Лахманъ. А мнѣ онъ ее покажетъ? Какъ ты думаешь? Не знаю, но у меня предчувствіе, что это что-то совсѣмъ необычайное. Ничего съ собой не подѣлаю, вѣрю въ это. Я вѣдь теперь съ многими познакомился. Но ни одного не встрѣчалъ, которому бы такъ хотѣлось заглянуть въ душу. Вообще, знаешь, если я не совсѣмъ погрязъ,—потому что все же я еще держусь,—я этимъ главнымъ образомъ обязанъ твоему отцу. Что онъ говорилъ и какъ онъ говорилъ,—этого забыть нельзя. Такого другого учителя, какъ онъ, не существуетъ. Я утверждаю, что тотъ, на кого твой отецъ имѣлъ вліяніе, не можетъ совершенно измельчать.

Михалина. Надо бы такъ думать, Лахманъ. Да, да.

Лахманъ. Онъ какъ-то тебя всего пересоздаетъ. У многихъ можно научиться тому-другому, я встрѣчалъ очень славныхъ людей; но всегда за ними я видѣлъ твоего отца, ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ съ нимъ сравненія. Такъ онъ всѣхъ насъ, учениковъ, умѣлъ встряхнуть, онъ передѣлывалъ въ насъ все заново, переплавлялъ насъ на свой образецъ. Выколачивалъ изъ насъ все мѣщанское. Есть чего держаться всю жизнь. Кто зналъ, напримѣръ, его строгое, неумолимое отношеніе къ искусству, тому потомъ въ жизни все кажется пустымъ...

Михалина. Теперь ты видишь... это отношеніе отца... какъ ты сказалъ... Ты чувствуешь его еще въ крови, и для меня оно мое лучшее достояніе. Онъ производитъ впечатлѣніе на самыя глупыя головы, а Арнольдъ его не принимаетъ. (Она встала). Ну, мнѣ пора идти въ школу, Лахманъ. Тебѣ смѣшно, ты думаешь, сама ничего не знаетъ.

Лахманъ. Въ этомъ ты дочь своего отца. Никогда я этого не могъ понять. Мнѣ думается, что какъ-то особенно безнадежно биться вотъ такъ съ живописующими дамами.

Михалина. Да иногда съ ними можно кое-что и сдѣлать. Стараются онѣ изо всѣхъ силъ. Ужъ это одно мило. Чего же желать еще? Достигнутъ ли онѣ чего дѣйствительно?.. Въ стремленіи уже достигаешь многаго. И, кромѣ того, меня, какъ отца, забавляетъ вліять на людей. Молодѣешь съ учениками, Лахманъ: а это съ теченіемъ времени бываетъ нужно. (Она отворяетъ дверь и кричитъ въ заднія комнаты) Мама, прощай, мы уходимъ.

Голосъ Арнольда (передразниваетъ ее). Мама, прощай, мы уходимъ.

Лахманъ. Кто это такой?

Михалина. Арнольдъ. Онъ всегда такъ. Забавнаго мало. Пойдемъ.

Лахманъ и Михалина (уходятъ).

Арнольдъ (входитъ. Это некрасивый человѣкъ, съ черными огненными глазами, въ очкахъ, темные волосы и тощая бородка, фигура кривая и нѣсколько сгорбленная. Цвѣтъ лица грязно-блѣдный. Онъ, шлепая туфлями, идетъ къ зеркалу. Онъ въ брюкахъ и сюртукѣ; снимаетъ очки, корча гримасы, разсматриваетъ нечистоту своей кожи. Всѣмъ своимъ видомъ производитъ впечатлѣніе неряшливости).

Михалина (возвращается. Слегка испуганно). Ахъ, Арнольдъ! Я забыла зонтикъ. Кстати, ты знаешь, Лахманъ здѣсь.

Арнольдъ (показываетъ, чтобы его оставили въ покоѣ). Мнѣ

въ высокой степени наплевать на этого добродѣтельнаго мужчину.

Михалина. Скажи, пожалуйста, что тебѣ Лахманъ сдѣлалъ?

Арнольдъ. Онъ какъ-то мнѣ кукишъ показалъ.

Михалина (пожимая плечами, спокойно). Не забудь, въ одиннадцать часовъ тебѣ надо быть у отца.

Арнольдъ (обѣими руками затыкаетъ себѣ уши).

Михалина. Скажи, Арнольдъ, это по-твоему прилично?

Арнольдъ. Да... Дай-ка мнѣ лучше одну марку взаймы.

Михалина. Я могу тебѣ дать взаймы. Почему же нѣтъ. Только, въ концѣ концовъ, я могу упрекнуть себя въ томъ, что...

Арнольдъ. Ну, пошла! Проваливай. Намъ ваше скряжничество извѣстно.

Михалина (хочетъ что-то возразить, пожимаетъ плечами и уходитъ).

Арнольдъ (идетъ къ столу, на которомъ остатки завтрака, беретъ кусочекъ сахару въ ротъ и слегка задѣваетъ мать, которая какъ разъ входитъ. Потомъ онъ опять подходитъ къ зеркалу).

Г-жа Крамеръ (вытираетъ руки о передникъ и опускается на первый попавшійся стулъ. Тяжело и озабоченно вздыхаетъ). О! Господи! О-охъ!

Арнольдъ (оборачивается, спускаетъ очки на кончикъ носа, поднимаетъ высоко плечи и принимаетъ соотвѣтствующій послѣдующему комическій видъ). Мама, похожъ я на марабу?

Г-жа Крамеръ. Ахъ, Арнольдъ, мнѣ, право, не до того! Я не могу смѣяться надъ твоими глупостями. Кто же тебѣ отперъ сегодня ночью?

Арнольдъ (приближается къ ней, сохраняя комическую важность марабу). Отецъ!

Г-жа Крамеръ. Онъ спустился внизъ всѣ три лѣстницы?

Арнольдъ (все еще кося комично черезъ очки). Да!

Г-жа Крамеръ. Оставь, Арнольдъ, мнѣ это противно! Брось свои глупости. Можешь ты быть хоть когда-нибудь серьезенъ? Будь благоразуменъ. Разскажи мнѣ, что тебѣ сказалъ папа.

Арнольдъ. Вамъ всегда все противно. Вы мнѣ тоже противны,—и какъ еще!

Г-жа Крамеръ. Очень отецъ сердился, когда отперъ тебѣ?

Арнольдъ (не слышитъ какъ будто).

Г-жа Крамеръ. Что же онъ тебѣ сказалъ?

Арнольдъ. Ничего!

Г-жа Крамеръ (подходитъ къ нему, нѣжно). Арнольдъ, исправься. Изъ любви ко мнѣ! Начни другую жизнь.

Арнольдъ. А какъ же я живу?

Г-жа Крамеръ. Безпутно живешь ты! Лѣнтяйничаешь! Ночи напролетъ дома не бываешь. Шатаешься... О, Господи, Господи! Ты ведешь ужасную жизнь, Арнольдъ.

Арнольдъ. Не приходи въ азартъ, мать. Я хотѣлъ бы только знать, что это такое у тебя за предчувствія.

Г-жа Крамеръ. Очень мило, могу сказать, какъ ты съ матерью обращаешься.

Арнольдъ. Ну, такъ сдѣлай милость, оставь меня въ покоѣ! Ну, что вы ко мнѣ пристаете! Такъ вѣдь и впрямь съ ума сойдешь.

Г-жа Крамеръ. Ты называешь это приставать, Арнольдъ? Когда подходишь къ тебѣ, тебѣ добра желаешь? Что же, мать твоя не можетъ подойти къ тебѣ? Арнольдъ, Арнольдъ, не грѣши!

Арнольдъ. Мнѣ это ни къ чему, мать. Къ чему эта вѣчная болтовня? Впрочемъ, у меня страшно голова болитъ! Дайте-ка мнѣ немножко денегъ, тогда я посмотрю, какъ мнѣ дальше быть...

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ? Чтобы ты совсѣмъ погибъ. (Пауза).

Арнольдъ (у стола. Беретъ булку въ руки). Булка! Какъ камень твердая.

Г-жа Крамеръ. Вставай раньше, свѣжую получишь.

Арнольдъ (зѣвая). Противно, до чего день тянется долго.

Г-жа Крамеръ. Не удивительно, если такъ проводить его, какъ ты. Выспался бы хорошенько ночь и днемъ былъ бы веселѣе... Арнольдъ, но сегодня я тебя такъ не отпущу! Груби мнѣ, сколько хочешь. Не могу я больше этого видѣть. (Онъ садится къ столу, она наливаетъ ему кофе). Гримасничай, сколько хочешь, я вижу за этимъ другое. У тебя что-то есть! Я тебя хорошо знаю. Тебя что-то безпокоитъ и мучитъ. Ты думаешь, я не слыхала, какъ ты вздыхаешь? Ты безпрестанно вздыхаешь и самъ не замѣчаешь, какъ вздыхаешь.

Арнольдъ. Ахъ, Господи, вотъ подсматриваютъ! Къ чорту! Сколько разъ чихнулъ и что еще... Сколько разъ плюнулъ, сколько вздохнулъ. Отъ васъ на стѣну полѣзешь!

Г-жа Крамеръ. Говори, что хочешь, мнѣ все равно. Я знаю, что знаю, и все тутъ. Что-то тебя тяготитъ, Арнольдъ. Ужъ это по одному твоему безпокойству замѣтно. Безпокойный ты всегда былъ, но не такой, какъ теперь. Это я хорошо вижу.

Арнольдъ (ударяетъ кулакомъ по столу). Оставь меня въ покоѣ, мать!... Поняла? А то вы меня совсѣмъ изъ дому выживете. Что вамъ за дѣло до того, что я дѣлаю, мать!? Я не младенецъ и, чего не хочу сказать, не скажу. Довольно мнѣ васъ. Достаточно вы меня мучили. За вашу помощь тоже благодарю. Помочь вы мнѣ не можете, я вамъ говорю. Самое большее можете вопить о спасеніи.

Г-жа Крамеръ (плачетъ безудержно). Арнольдъ, ты сдѣлалъ что-нибудь дурное. Боже милосердный, Арнольдъ, ради Бога, что ты сдѣлалъ?

Арнольдъ. Убилъ стараго жида, мама.

Г-жа Крамеръ. Не насмѣхайся, не насмѣхайся надо мною. Скажи мнѣ, если ты сдѣлалъ что-нибудь. Я же знаю, что ты не злой человѣкъ, но иногда ты раздражителенъ и запальчивъ. И что ты можешь сдѣлать въ бѣшенствѣ и въ запальчивости... кто знаетъ, что ты можешь сдѣлать.

Арнольдъ. Мама, мама, успокойся! Я не убилъ жида, не поддѣлалъ даже векселя, хотя мнѣ очень нужны деньги, хоть немного.

Г-жа Крамеръ. Я стою на своемъ, ты что-то отъ насъ скрываешь! Ты не можешь смотрѣть прямо въ глаза. Въ тебѣ и прежде было что-то угрюмое, а теперь, Арнольдъ, ты только этого не замѣчаешь, теперь на тебѣ какъ будто клеймо. Ты пьешь! Прежде ты терпѣть не могъ пива. Ты пьешь, чтобъ заглушить что-то въ себѣ, Арнольдъ.

Арнольдъ (стоялъ до сихъ поръ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу). Клеймо! Клеймо! Ну, и еще что? Мнѣ-то что. Говорите, что хотите... Клеймо на мнѣ, это ты правду сказала, но въ этомъ, кажется, я неповиненъ.

Г-жа Крамеръ. Всегда у тебя всѣ виноваты... Всѣхъ задѣваешь и иногда очень больно попадаешь—въ самое сердце. Мы же сдѣлали все, что могли. Что ты такимъ сталъ, какъ ты есть... Это надо терпѣть, коли Богъ послалъ.

Арнольдъ. Ну, такъ и терпите, сдѣлайте одолженіе. (Пауза).

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, послушай, не запирайся! Скажи мнѣ, что съ тобой. Неужели намъ такъ и бояться

день и ночь. Ты вѣдь не знаешь, какъ папа мучится. Я тоже столько дней не сплю. Сними же съ насъ эту тяжесть; она давитъ насъ, мальчикъ. Ты это можешь сдѣлать, скажи одно откровенное слово. Ты слабый, я знаю...

Арнольдъ. Ахъ, мать, оставь эти исторіи. А то я буду спать въ мастерской, т.-е. на моемъ сѣновалѣ, хотѣлъ я сказать. И лучше замерзну тамъ. Ну, что-то есть! Отлично! Я не спорю. Что же мнѣ поэтому тревогу бить? Отъ этого только бы хуже стало.

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, ты... Это все та исторія?.. Нѣсколько недѣль тому назадъ ты проговорился! А потомъ старался затушевать... Это все исторія съ той дѣвушкой, Арнольдъ?

Арнольдъ. Мать, да что ты, совсѣмъ съ ума сошла?

Г-жа Крамеръ. Мальчикъ мой, не причиняй намъ еще этого! Не запутывайся ты хоть въ любовныя исторіи. Свяжешься съ какой-нибудь бабой, тогда не вытащить тебя изъ грязи. Я знаю, какъ великъ здѣсь соблазнъ. Западни на каждомъ шагу. Когда мимо идешь, слышишь, какъ онѣ пристаютъ. Полиція-то это терпитъ!.. Не послушаешься ты матери своей, такъ и другая бѣда съ тобой приключиться можетъ. Преступленія совершаются ежедневно.

Арнольдъ. Пусть только кто-нибудь дотронется до меня, мать! (Кладетъ руку въ карманъ брюкъ). Этотъ случай я предусмотрѣлъ.

Г-жа Крамеръ. Что это значитъ?

Арнольдъ. Что я на все готовъ. На это, слава Богу, нынче есть средства.

Г-жа Крамеръ. Неужели тебѣ не противно уже снаружи все это: барабанятъ на фортепіано, красные фонари и весь этотъ мерзкій чадъ! Арнольдъ, какъ я подумаю, что ты тамъ... я хочу сказать, въ такихъ вертепахъ... въ такихъ грязныхъ дырахъ проводишь ночи, тогда лучше бы мнѣ умереть и быть мертвой.

Арнольдъ. Мать, я бы хотѣлъ, чтобы этотъ день уже прошелъ. Вы меня совсѣмъ дуракомъ сдѣлали, звонъ въ ушахъ стоитъ. Мнѣ надо всегда держать себя въ рукахъ, иначе въ трубу вылетишь. Я куплю себѣ мѣшокъ, мама, и буду таскать васъ всюду съ собой.

Г-жа Крамеръ. Хорошо. Но одно говорю тебѣ, ты не выйдешь сегодня вечеромъ изъ дому.

Арнольдъ. Да? Тогда я сейчасъ уйду, мама.

Г-жа Крамеръ. Въ одиннадцать къ папѣ и затѣмъ вернешься.

Арнольдъ. И не подумаю! Въ голову не придетъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ куда же ты пойдешь?

Арнольдъ. Не знаю еще.

Г-жа Крамеръ. Значитъ, ты не будешь обѣдать дома?

Арнольдъ. Чтобы смотрѣть на ваши физіономіи? Нѣтъ. И все равно я ничего не ѣмъ, мама.

Г-жа Крамеръ. И вечеромъ тебя опять не будетъ?

Арнольдъ. Я сдѣлаю, что мнѣ захочется.

Г-жа Крамеръ. Хорошо, мальчикъ, тогда между нами все кончено! И, кромѣ того, я выслѣжу тебя! До тѣхъ поръ не успокоюсь, повѣрь! И если я узнаю, что за этимъ кроется такая женщина, тогда, клянусь тебѣ и Богъ мнѣ свидѣтель, я отправлю ее въ полицію!

Арнольдъ. Ну, мать, этого лучше не дѣлай.

Г-жа Крамеръ. Я скажу отцу. Напротивъ. И отецъ, отецъ вразумитъ тебя. Если онъ что замѣтитъ, онъ будетъ внѣ себя.

Арнольдъ. А я тебѣ только могу сказать: лучше этого не дѣлай. Когда отецъ мораль проповѣдуетъ, ты знаешь, я просто затыкаю себѣ уши. Никакого другого эффекта это не достигаетъ. О, Господи, да! Такъ чужды вы мнѣ стали... Ну, скажи сама, гдѣ я тутъ... что я тутъ?

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ?!

Арнольдъ. Ну, гдѣ? Гдѣ я, мать? Михалина, отецъ, ты, что вы хотите отъ меня? Какое вамъ до меня дѣло? И что, въ сущности, мнѣ до всѣхъ васъ?

Г-жа Крамеръ. Что? Какъ?

Арнольдъ. Да, ну что? Что вамъ отъ меня нужно?

Г-жа Крамеръ. Какія возмутительныя вещи ты говоришь!

Арнольдъ. Да, да, возмутительныя: по-моему тоже. Но, правда, мать, на этотъ разъ истинная правда. Не совралъ я. Вы мнѣ помочь не можете, говорю я вамъ. И если вы будете приставать ко мнѣ еще, тогда случится... нѣчто, мама, что васъ, можетъ-быть, очень озадачитъ!.. Тогда будетъ конецъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская старика Крамера въ академіи. Задернутый сѣрый занавѣсъ скрываетъ самую мастерскую. Передъ занавѣсомъ направо дверь, къ которой ведетъ лѣсенка. Также направо, ближе къ переднему плану, старый кожаный диванъ и передъ нимъ маленькій по-

крытый столикъ. Налѣво половина большого окна мастерской, другая половина скрыта занавѣсомъ. Подъ нимъ маленькій столикъ, на которомъ лежатъ принадлежности для гравированія и начатая доска. На столѣ передъ диваномъ письменныя принадлежности, бумага, старинный подсвѣчникъ со свѣчой и проч. На стѣнѣ голубовато-сѣраго цвѣта, надъ диваномъ висятъ гипсовые снимки: рука, нога, женскій бюстъ и маска Бетховена. Поверхъ занавѣса, который не доходитъ на одну треть до потолка помѣщенія, видно верхнюю часть мольберта. Надъ диваннымъ столомъ газовый рожокъ. Два простыхъ гнутыхъ стула дополняютъ обстановку. Всюду царитъ чистота и тщательный порядокъ. Михаэль Крамеръ сидитъ на диванѣ и, охая, подписываетъ нѣсколько бумагъ, которыхъ ждетъ педель Краузе съ шапкой въ рукѣ. Краузе — широкій и неуклюжій. Крамеръ—бородатый человѣкъ, за пятьдесятъ лѣтъ, бѣлыя пряди въ черной бородѣ и въ волосахъ. Голова всажена между слишкомъ высокихъ плечъ. Фигура согнутая, какъ бы подъ какою тяжестью. Глубоко лежащіе глаза, темные, горящіе и притомъ безпокойные. У него длинныя руки и ноги, некрасивая походка, большой шагъ. Лицо его блѣдно и вдумчиво. Онъ часто охаетъ. Въ его манерѣ говорить есть что-то непроизвольно-свирѣпое. Онъ ступаетъ въ своихъ безформенныхъ и ярко вычищенныхъ сапогахъ, выворачивая ступни. На немъ черный сюртукъ, черный жилетъ, черныя панталоны, старомодный отложной воротничокъ, крахмаленная сорочка и черный галстучекъ ленточкой— все безукоризненной чистоты и аккуратности. Манжеты онъ поставилъ на подоконникъ. Въ общемъ онъ при первомъ взглядѣ производитъ странное впечатлѣніе фигуры значительной и скорѣе отталкивающей, чѣмъ привлекательной. Налѣво, передъ окномъ, стоитъ Лахманъ спиной къ комнатѣ. Онъ ждетъ и смотритъ въ окно.

Крамеръ (къ Лахману). Видите, мы все тутъ дѣла дѣлаемъ. (Къ Краузе) Такъ. Кланяйтесь отъ меня директору. (Встаетъ, собираетъ бумаги и вручаетъ ихъ педелю, затѣмъ начинаетъ приводить въ прежній порядокъ свой столикъ). А вы любуетесь моими тополями?

Лахманъ (разсматривавшій мѣдную доску, нѣсколько пугается и выпрямляется). Извините.

Краузе. Прощайте, г. Крамеръ, прощайте, г. Лахманъ.

Лахманъ. До свиданія, г. Краузе.

Крамеръ. Съ Богомъ.

(Краузе уходитъ).

Крамеръ. Пять лѣтъ тому назадъ меня посѣтилъ Бёклинъ. Знаете, онъ стоялъ передъ этимъ окномъ... не могъ насмотрѣться, знаете.

Лахманъ. И правда, тополя удивительно красивы. Они еще тогда произвели на меня впечатлѣніе. Много лѣтъ тому назадъ, когда я впервые здѣсь былъ. Они выстроились такъ величественно. Академія среди нихъ, какъ храмъ.

Крамеръ. Знаете, это обманчиво.

Лахманъ. Но только отчасти!.. А что Бёклинъ здѣсь былъ, я не зналъ.

Крамеръ. Они тогда вздумали тамъ, въ провинціальномъ музеѣ, поручить ему расписать лѣстницу. А потомъ нашелся какой-то профессоръ. Ахъ, знаете, это преступленіе.

Лахманъ. Въ этомъ отношеніи непростительное.

Крамеръ. А, знаете ли, вѣдь никогда иначе и не было. Но тутъ это особенно жалко. Такія сокровища можно было собрать при такихъ громадныхъ затратахъ, которыя теперь дѣлаются въ странѣ, знаете! А такъ самые достойные остаются не у дѣлъ. (Лахманъ взялъ въ руки гравировальный листъ, и Крамеръ продолжаетъ, говоря о гравюрахъ) Это такъ, этюдъ для моей картины. Но доска была недостаточно протерта. И вся исторія еще не клеится. Мнѣ нужно будетъ еще хорошенько поработать надъ ней.

Лахманъ. Я тоже вѣдь попробовалъ гравюру, но скоро бросилъ.

Крамеръ. А надъ чѣмъ вы теперь работали, Лахманъ?

Лахманъ. Портреты, пейзажи, всякую всячину. Ничего не вышло, къ сожалѣнію.

Крамеръ. Надо работать, работать, работать, Лахманъ. Знаете, вы должны работать, Лахманъ. А то заживо покроешься плѣсенью. Всмотритесь-ка въ такую жизнь, какъ работаетъ такой человѣкъ, какъ Бёклинъ. Тогда и выходитъ толкъ. Не то, что онъ пишетъ, а весь человѣкъ. Знаете, работа—это жизнь, Лахманъ!

Лахманъ. Я тоже такъ думаю.

Крамеръ. Я безъ работы никуда негодный дѣлаюсь. А работаю, чувствую себя чѣмъ-то.

Лахманъ. А у меня какъ-то время уходитъ, и я до настоящаго никакъ не доберусь.

Крамеръ. Какъ же это такъ, знаете?

Лахманъ. Потому что у меня другое дѣло есть: работа, которая вовсе и не работа.

Крамеръ. Какъ же это понять, знаете?

Лахманъ. Я прежде былъ художникомъ и больше ничего. А теперь я принужденъ кропать строчки.

Крамеръ. Что это значитъ?

Лахманъ. Я пишу въ газетахъ.

Крамеръ. А!

Лахманъ. Это значитъ, другими словами, г. Крамеръ, я трачу самое драгоцѣнное время на то, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба. На масло, по правдѣ сказать, не хватаетъ. А какъ женой и семьей обзаведешься...

Крамеръ. Семью надо имѣть, Лахманъ. Это очень хорошо, это такъ и должно быть. А что̀ касается до вашего писанья, пишите только добросовѣстно. У васъ есть пониманіе настоящаго, знаете; а съ этимъ вы можете много сдѣлать.

Лахманъ. Но все это Сизифова работа. Публика нисколько не мѣняется. Вотъ и волочишь изо дня въ день Сизифовъ камень...

Крамеръ. А что-бъ мы были безъ этого, знаете?

Лахманъ. Въ концѣ концовъ все же приходится жертвовать собой. И если ужъ не пробьешься живописью, тогда...

Крамеръ. Знаете, это совершенно все равно. Если-бъ мой сынъ сталъ сапожникомъ и сапожникомъ исполнялъ свой долгъ, я бы такъ же уважалъ его, знаете. Есть у васъ дѣти?

Лахманъ. Одинъ. Сынъ.

Крамеръ. Ну, знаете, вотъ вы уже и сдѣлали кое-что, Лахманъ. Ничего лучшаго и нельзя сдѣлать. Значитъ, статьи ваши легко вамъ даются, знаете,—что̀?

Лахманъ. Ну, этого я не могу сказать, г. Крамеръ.

Крамеръ. Обязанности, обязанности—вотъ главное. Это прежде всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, знаете. Надо сознать всю серьезность жизни, и потомъ, знаете, можно подняться надъ ней.

Лахманъ. Но иногда это бываетъ, правда, очень нелегко.

Крамеръ. Оно и должно быть нелегко, знаете. Въ этомъ сказывается, кто что̀ собой представляетъ? Человѣкъ выявляетъ человѣка. Нынѣшніе шалопаи думаютъ, что міръ—это постель публичной женщины. А настоящій человѣкъ долженъ признавать обязанности, знаете.

Лахманъ. Но и обязанности относительно себя.

Крамеръ. Да, знаете, въ этомъ вы правы. Кто признаётъ обязанности относительно себя самого, признаётъ обязанности и относительно другихъ. Сколько лѣтъ вашему сыну?

Лахманъ. Три года, г. Крамеръ.

Крамеръ. Знаете, когда мой мальчикъ появился на свѣтъ... засѣло это у меня въ головѣ! Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ я ждалъ. Когда жена родила Арнольда, знаете, я задрожалъ, знаете. Я его запеленалъ, знаете, и заперся съ нимъ въ своей кельѣ, и, знаете, это былъ какъ храмъ,

Лахманъ: я посвятилъ его Богу... Вы вотъ не знаете, что это такое сынъ! А я, ей-Богу, я это зналъ. Я думалъ: не я, а ты! Не я, думалъ я про себя, а ты, быть-можетъ!.. (Съ горечью) А мой сынъ негодяй, видите ли, Лахманъ. И все же я бы всегда такъ поступилъ.

Лахманъ. Онъ не негодяй, г. Крамеръ.

Крамеръ (съ большой горячностью и свирѣпостью). Знаете, оставьте меня въ покоѣ, шалопай онъ и больше ничего! Или, лучше, не будемъ говорить объ этомъ. Знаете, я вамъ скажу, Лахманъ. Это больное мѣсто мое. Это меня гложетъ. Но оставимте это.

Лахманъ. Все это, конечно, еще перемѣнится.

Крамеръ (все еще съ горечью и свирѣпостью). Не перемѣнится! Не перемѣнится! Въ немъ нѣтъ ни одной хорошей черточки. Мальчикъ въ корнѣ испорченъ. Дурной человѣкъ! Низкій человѣкъ! Этого не измѣнишь! Это не можетъ измѣниться! Знаете, я все могу простить, но низости я не могу простить. Мнѣ противна низкая душа, знаете, а у него именно низкая душа, трусливая, подлая: это мнѣ противно. (Онъ идетъ къ простому шкапу въ стѣнѣ, выкрашенному въ сѣрый цвѣтъ). И, знаете, у этого негодяя такой талантъ, что я готовъ волосы рвать на головѣ. Гдѣ нашъ братъ трудиться долженъ, гдѣ мучишься день и ночь, этому все готовое съ неба валится. Вотъ посмотрите его этюды и наброски. Ну развѣ это не жалость, скажите? За что онъ ни возьмется, у него все выходитъ. Что бы ни началъ, все удается. Вы посмотрите, какъ это все сдѣлано,—можно заплакать съ досады. (Онъ нѣсколько разъ проходитъ взадъ и впередъ по передней части комнаты, пока Лахманъ просматриваетъ наброски и этюды. Стучатъ). Войдите!

Михалина (входитъ въ костюмѣ для гулянья). Я только за Лахманомъ зашла, отецъ.

Крамеръ (поверхъ очковъ). А школу бросила?

Михалина. Я какъ разъ оттуда... Лахманъ, я встрѣтила твою жену. Она не хотѣла ждать въ кафе. Пошла къ твоей матери. (Лахманъ и Михалина смѣются).

Крамеръ. Почему же вы ее сюда не привели?

Лахманъ. Она не очень подходитъ къ мастерской.

Крамеръ. Глупости! Что это значитъ? Не понимаю!

Михалина (стоитъ за Лахманомъ и вмѣстѣ съ нимъ разсматриваетъ этюдъ). Эту мельницу я тоже писала.

Крамеръ. М... м... но иначе.

Михалина. Не съ той точки.

Крамеръ. Да, я тоже этой точки зрѣнія.

Лахманъ (смѣется).

Михалина. Это меня нисколько не задѣваетъ, отецъ. Если кто дѣлаетъ, что̀ можетъ, такъ съ него большаго и требовать нечего.

Крамеръ. Ты, дѣвочка, силы свои знаешь.

Михалина. Конечно, знаю, и очень хорошо знаю. Ты отъ меня ничего не ждешь.

Крамеръ. Послушай, съ чего это ты взяла? Если бы Арнольдъ наполовину такъ прилеженъ, какъ ты, и наполовину такъ одаренъ, мальчикъ былъ бы совсѣмъ другимъ, въ этомъ ему не сравняться съ тобой. Но въ немъ есть искра, которой у тебя нѣтъ. Человѣкъ долженъ знать себѣ цѣну. Ты себѣ знаешь цѣну, и въ этомъ твое преимущество. Потому съ тобой и говорить можно. Все, что̀ можно взять упорствомъ, прилежаніемъ и волей, ты взяла, Михалина, и можешь быть этимъ довольна. (Смотритъ на свои карманные часы) Десять... Лахманъ, теперь у насъ ничего не выйдетъ. Я радъ, что вы пріѣхали. И я, пожалуй, охотно пойду съ вами выпить куда-нибудь стаканъ пива. А теперь мнѣ надо въ классъ зайти, а въ одиннадцать я жду сына.

Михалина (серьезно). Отецъ, развѣ ты не покажешь Лахману свою картину?

Крамеръ (быстро оборачивается). Нѣтъ, Михалина. Что̀ это тебѣ пришло въ голову?

Михалина. Очень просто, онъ слышалъ о ней и сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы ее видѣть.

Крамеръ. Оставьте меня съ этимъ въ покоѣ. Всѣ являются и хотятъ видѣть мою картину. Да пишите себѣ сами картину, сколько угодно! Я не могу вамъ ее показать, Лахманъ.

Лахманъ. Я, конечно, не настаиваю, г. Крамеръ.

Крамеръ. Видите, это выше моихъ силъ. Вотъ я живу теперь семь лѣтъ этой картиной. Вначалѣ какъ-то разъ Михалина видѣла—сынъ никогда даже не спрашивалъ о ней! Теперь пожаловалъ директоръ Мюрингъ. И вотъ это не вмѣщается у меня въ головѣ. Знаете, это нельзя, этого я не могу. Ну, если бы у васъ была любовница, и всѣ бы забирались къ ней въ постель... Это вѣдь свинство и ничего больше. Этакъ всякую радость потеряешь... Лахманъ, этого нельзя! Я этого не хочу!

Михалина. Я не понимаю твоего сравненія, отецъ. Такая сдержанность кажется мнѣ слабостью.

Крамеръ. Можешь думать, что хочешь. Но замѣть себѣ, что я скажу. Все родится въ одиночествѣ. Свое собственное, настоящее, глубокое и сильное зарождается только въ одиночествѣ. Художникъ всегда истинный отшельникъ. Такъ! А теперь я пойду, оставьте меня въ покоѣ.

Михалина. Жаль, отецъ, мнѣ очень жаль. Если ты такъ будешь баррикадироваться даже отъ Лахмана... меня это удивляетъ. Вѣдь ты такимъ образомъ отстраняешь отъ себя всякое общеніе. Будь откровеннымъ: послѣ того, какъ тутъ намедни былъ директоръ Мюрингъ, это тебя очень освѣжило, сознайся. Ты потомъ былъ въ такомъ подъемѣ.

Крамеръ. Но въ ней пока вѣдь ничего нѣтъ. Ничего пока нѣтъ. Вы, знаете, не огорчайте меня! Если ужъ показывать, такъ нужно, чтобы что-нибудь было. Вы думаете, это шутка? Знаете, если у кого хватаетъ дерзости писать Человѣка въ терновомъ вѣнцѣ—ему, знаете, на это надо всю жизнь отдать. Знаете, и жизнь не шумную, не пустую, а одинокіе часы, одинокіе дни, одинокіе годы, видите ли. Ему нужно, знаете, быть тогда съ собой наединѣ, со своими страданіями, со своимъ Богомъ. Ему нужно, знаете, освящать себя каждый день! Ничего пошлаго не должно быть въ немъ или около него... И вотъ тогда, знаете, сходитъ Святой Духъ, когда борешься и мучишься въ такомъ одиночествѣ. Тогда можетъ что выпасть на мою долю. Тогда, знаете ли, небо видишь, ужъ что-то предчувствуешь. Погружаешься въ вѣчность, видите ли, и тогда оно тутъ, передъ вами, тихое и прекрасное. Это является помимо вашей воли. Тогда видишь Спасителя, чувствуешь его. Ну, а какъ двери начнутъ хлопать, Лахманъ, Его не увидишь, не почувствуешь. Тогда Онъ исчезаетъ, знаете, совсѣмъ безслѣдно.

Лахманъ. Г. Крамеръ, теперь мнѣ, право, очень жаль..

Крамеръ. Ахъ, что тамъ жаль, всякій долженъ о себѣ думать. Мѣсто, на которомъ ты стоишь, когда работаешь, святая земля, вотъ что надо говорить себѣ. Вы, другіе, оставайтесь за дверями, поняли? Мѣста много для базарной сутолоки... Искусство—религія. Когда молишься, удались въ свою келью. Торговцевъ и мѣнялъ вонъ изъ храма. (Онъ поворачиваетъ ключъ въ замкѣ во входной двери).

Михалина. Но мы же не мѣнялы и не торговцы.

Крамеръ. Да, конечно. Боже сохрани, да, но все же! Это выше моихъ силъ... Я отлично понимаю Лахмана. Ему хочется посмотрѣть, что такое кроется за всѣмъ этимъ.

Пока слышалъ одни громкія слова, теперь хочется и вправду увидать что-нибудь. А ничего нѣтъ. Я ему такъ и сказалъ. Ничего у старика не вышло. Иногда онъ видитъ и чувствуетъ—а потомъ беретъ шпахтель и сцарапываетъ все сдѣланное. (Стучатъ). Стучатъ! Можетъ, когда въ другой разъ, Лахманъ! Войдите!.. А теперь ничего нѣтъ... Знаете, вѣдь стучали! Войдите!

Михалина. Ты же заперъ дверь, отецъ.

Крамеръ. Я? Когда же?

Михалина. Да вотъ сейчасъ. Сейчасъ, когда проходилъ по комнатѣ.

Крамеръ. Отопри и посмотри, кто тамъ.

Михалина (пріотворяетъ дверь). Какая-то дама, папа.

Крамеръ. Натурщица, должно-быть. Мнѣ не нужно!

Лиза Бенишъ (еще за дверью). Могу я видѣть г. профессора?

Михалина. Что вамъ угодно, позвольте узнать?

Лиза Бенишъ. Я бы хотѣла видѣть самого г. профессора.

Михалина. Какого профессора?

Крамеръ. Скажи ей, что никакого профессора здѣсь нѣтъ.

Лиза Бенишъ. Профессоръ Крамеръ не здѣсь живетъ?

Крамеръ. Меня зовутъ Крамеръ, войдите.

Лиза Бенишъ (входитъ. Стройная, красивая особа, разряжена, какъ кокотка). Осмѣлюсь, если позволите.

Крамеръ. Идите-ка, дѣти, въ вашъ музей. Вы вѣдь въ музей собирались. Въ двѣнадцать я буду васъ ждать, Лахманъ. (Провожаетъ Лахмана и Михалину до двери. Лахманъ и Михалина уходятъ). Съ кѣмъ имѣю честь? Къ вашимъ услугамъ.

Лиза Бенишъ (не безъ смущенія, но очень аффектированно). Г. профессоръ, я и есть Лиза Бенишъ. Я по очень щекотливому дѣлу.

Крамеръ. Садитесь, прошу. Вы натурщица?

Лиза Бенишъ. О, нѣтъ, г. профессоръ, вы ошибаетесь. Мнѣ, слава Богу, этого не нужно. Я, слава Богу, г. профессоръ, не натурщица.

Крамеръ. А я, фрейлейнъ, слава Богу, не профессоръ. Чѣмъ обязанъ удовольствію васъ видѣть?

Лиза Бенишъ. А вамъ это надо сейчасъ же знать? Можно мнѣ передохнуть немножко? Я, видите ли, очень разгорячилась. Я внизу хотѣла даже назадъ повернуть, а потомъ все же рѣшилась.

Крамеръ. Сдѣлайте милость, отдыхайте.

Лиза Бенишъ (садится, покашливаетъ и осторожно притрогивается подъ вуалью къ своему накрашенному лицу). Нѣтъ, какъ вы только про меня такое подумать могли! Хорошо, что Георгъ не слышитъ. Мой женихъ служитъ въ судѣ, онъ бы изъ себя вышелъ. А я, правда, такъ похожа на натурщицу?

Крамеръ (задергиваетъ занавѣску на окнѣ). Это смотря по тому, кто васъ будетъ писать. Смотря по обстоятельствамъ, мы всѣ можемъ быть натурщиками. Если вы думаете, что въ этомъ есть что-нибудь позорное, то это большая ошибка.

Лиза Бенишъ. Нѣтъ, знаете ли, я просто боюсь васъ. Не сердитесь на меня, г. Крамеръ, но я просто васъ боялась.

Крамеръ. Нельзя ли покороче, въ чемъ дѣло?

Лиза Бенишъ. Я о васъ поспросила, а они всѣ говорили о васъ, какъ будто... вы Богъ знаетъ какой, въ родѣ нечистаго, что ли.

Крамеръ. Очень благодаренъ. Что же вы желаете? Могу васъ увѣрить, что здѣсь васъ не тронутъ.

Лиза Бенишъ. Вотъ Арнольдъ васъ тоже такъ боится.

Крамеръ (пораженный, смущенный). Арнольдъ? Что это значитъ? Какъ вы сказали?

Лиза Бенишъ (боязливо привстаетъ). Ай, какъ вы смотрите, г. Крамеръ. Я ужъ лучше уйду. Арнольдъ вотъ тоже всегда такіе глаза дѣлаетъ и...

Крамеръ. Какой Арнольдъ? Я его знаю?

Лиза Бенишъ (боязливо и успокаивающе). Г. Крамеръ, прошу васъ, не безпокойтесь, это ничего. Пусть ужъ само собой уладится. Родители не знаютъ, что я здѣсь... Это, какъ я говорю вамъ, дѣло щекотливое. Лучше ужъ я совсѣмъ не буду говорить объ этомъ.

Крамеръ (дѣлая надъ собой усиліе). Я вижу васъ сегодня въ первый разъ. Поэтому прошу извинить меня. У меня есть сынъ, его зовутъ Арнольдъ. Если вы говорите объ Арнольдѣ Крамерѣ...

Лиза Бенишъ. Ну да, конечно, я говорю объ Арнольдѣ Крамерѣ.

Крамеръ. Отлично. Но это меня... не удивляетъ. Что же вы имѣете сказать о немъ?

Лиза Бенишъ. Ахъ, что онъ такой глупый, такой сумасшедшій, что онъ не даетъ мнѣ покоя.

Крамеръ. Гм... такъ. Въ какомъ же это смыслѣ? Что вы хотите сказать?

Лиза Беншъ. Потому что надо мной всѣ смѣются изъ-за него. Я его никакъ не могу образумить.

Крамеръ. Да, это трудно, этому я повѣрю.

Лиза Беншъ. Я ему сказала: иди домой, Арнольдъ. И никакихъ. Торчитъ всю ночь!

Крамеръ. Такъ онъ у васъ былъ эту ночь?

Лиза Беншъ. Его невозможно съ мѣста сдвинуть. Папа пробовалъ, мама пробовала, посѣтители наши пробовали, и я пробовала. И все напрасно. Сидитъ и пялитъ глаза, вотъ такъ, какъ вы. Пока послѣдній гость не уйдетъ, онъ не стронется съ мѣста.

Крамеръ. Вашъ отецъ трактирщикъ?

Лиза Беншъ. Рестораторъ.

Крамеръ. А ваши постоянные посѣтители, кто это?

Лиза Беншъ. Асессоръ Шнабель, архитекторъ Циинъ, мой женихъ и еще нѣсколько господъ.

Крамеръ. И хоть они всѣ старались выпроводить его, такъ сказать?

Лиза Беншъ. Они всегда его называютъ марабу. (Смѣется). Это, знаете, такая птица. Они говорятъ, что онъ точь-въ-точь такой. Потому, вѣрно, что онъ кривобокій...

Крамеръ. Да, да, совершенно вѣрно. А они очень веселые, эти ваши постоянные посѣтители?

Лиза Беншъ. Страшно веселые. Прямо умереть со смѣху можно. Такой стоитъ хохотъ, просто не разскажешь. Сногсшибательно, скажу я вамъ. Арнольдъ всегда ѣстъ очень много хлѣба, вѣдь даровой на всѣхъ столахъ лежитъ; вотъ они намедни и повѣсили корзинку какъ разъ надъ мѣстомъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. Понимаете? Подъ потолкомъ повѣсили, но снизу не достать. Такъ все заведеніе просто ржало отъ смѣха.

Крамеръ. И мой сынъ сидитъ съ ними за однимъ столомъ?

Лиза Беншъ. О, нѣтъ, этого мой женихъ не потерпитъ. Онъ всегда сидитъ одинъ въ углу. А потому, что онъ вынимаетъ иногда листокъ и косится на ихъ столъ такъ злобно, это, конечно, господамъ не нравится. И разъ къ нему одинъ господинъ подошелъ и выговаривалъ ему.

Крамеръ. Они не хотѣли, чтобъ онъ рисовалъ, эти господа?

Лиза Беншъ. Да, потому что онъ все рожи рисуетъ. Этого же нельзя себѣ позволять, г. Крамеръ. Онъ мнѣ разъ показалъ одинъ рисунокъ. Этакая маленькая собачка и этакъ много большихъ... Такая гадость, прямо ужасно!

Крамеръ. Платитъ Арнольдъ за то, что̀ требуетъ?

Лиза Бенишъ. Ахъ, что̀ тамъ! Я не изъ-за того. Выпьетъ два, самое большее три стакана пива. Если бы только это, г. Крамеръ.

Крамеръ. Вы, что̀ называется, душа-человѣкъ!.. Если я васъ такъ понялъ, фрейлейнъ, то сынъ мой въ вашемъ домѣ, какъ бы это сказать, нѣчто въ родѣ шута, но отъ котораго все же пріятнѣе было бы избавиться. И далѣе я не ошибусь, если предположу, что ни постоянные ваши посѣтители,—вѣроятно, почтеннѣйшіе люди! — ни пиво, ни хлѣбъ вашего почтеннѣйшаго папеньки,—не это удерживаетъ Арнольда у васъ?

Лиза Бенишъ (кокетливо). Но я-то тутъ не при чемъ.

Крамеръ. Да, да, конечно, что̀ же вы можете сдѣлать. А мнѣ что̀ прикажете дѣлать?

Лиза Бенишъ. Г. Крамеръ, я такъ боюсь его. Онъ поджидаетъ меня на всѣхъ углахъ, и тогда я цѣлыми часами не могу отъ него отдѣлаться, и потомъ мнѣ все кажется, честное слово, что онъ со мной что-нибудь сдѣлаетъ.

Крамеръ. Гм... Что̀ же, онъ вамъ прямо грозилъ когда-нибудь?

Лиза Бенишъ. Нѣтъ, этого я не могу сказать. Но все же что-то есть такое въ немъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно, когда я на него посмотрю. И вотъ тоже, когда онъ такъ сидитъ... и задумается... Цѣлыми часами сидитъ, до полуночи, ни слова не говоритъ, будто не въ себѣ... И вотъ тоже, когда свои исторіи разсказываетъ, онъ такія сочиняетъ небылицы... ухъ! Знаете, а потомъ смотритъ на меня...

Крамеръ. А у васъ къ нему нѣтъ никакого чувства? (Раздается звонокъ).

Лиза Бенишъ. Ахъ, Господи! Конечно, нѣтъ.

Крамеръ. Отлично. Хотите встрѣтиться здѣсь съ Арнольдомъ?

Лиза Бенишъ. Боже меня сохрани! Ни за что.

Крамеръ. Ровно одиннадцать и звонокъ. Онъ долженъ быть здѣсь ровно въ одиннадцать. (Онъ раскрываетъ дверь въ сосѣднюю комнату). Войдите сюда, пожалуйста. Увѣряю васъ, если что-нибудь зависитъ отъ меня, все будетъ сдѣлано.

Лиза Бенишъ (уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Крамеръ (отворяетъ главную дверь и впускаетъ Арнольда. Въ вяломъ лицѣ Арнольда борются упрямство, отвращеніе и страхъ). По-

дожди-ка здѣсь, я сейчасъ приду. (Онъ провожаетъ Арнольда за занавѣсъ, опускаетъ его и раскрываетъ дверь въ кабинетъ. Оттуда выходитъ Лиза. Онъ прикладываетъ руку къ губамъ и показываетъ на занавѣсъ. Лиза дѣлаетъ то же движеніе. Онъ ведетъ ее къ входной двери, въ которую она проскальзываетъ. Крамеръ останавливается, стонетъ, хватается за лобъ и затѣмъ принимается ходить взадъ и впередъ по передней части комнаты. Видно, что онъ употребляетъ всю волю, чтобы овладѣть своимъ глубочайшимъ волненіемъ и подавить стоны. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ онъ овладѣваетъ собою. Отдергиваетъ занавѣсъ и говоритъ, обращаясь къ Арнольду). Арнольдъ, я хотѣлъ поговорить съ тобой. (Арнольдъ медленно показывается изъ-за занавѣса. Цвѣтной галстукъ, претензіи на франтовство). Какъ ты расфрантился.

Арнольдъ. Какъ?

Крамеръ. Я о твоемъ красномъ галстукѣ.

Арнольдъ. Такъ что же?

Крамеръ. Непривычно на тебѣ. И лучше бы ты это оставилъ, Арнольдъ. Ну что, сдѣлалъ ты наконецъ наброски?

Арнольдъ. Какіе, отецъ? Я не знаю.

Крамеръ. Гм... Ты о нихъ забылъ. Такъ, такъ. Ну, если тебѣ не очень трудно, не сдѣлаешь ли ты усилій и не вспомнишь ли?

Арнольдъ. Ахъ, да. Ты о тѣхъ, что для столяра.

Крамеръ. Да, хотя бы и для столяра. Это не относится къ дѣлу, кто онъ. Значитъ, они у тебя не подвинулись?.. Послушай, скажи прямо: «нѣтъ», не выискивай предлоговъ. Какъ же ты проводишь все время?

Арнольдъ (представляется удивленнымъ). Я работаю, отецъ.

Крамеръ. Надъ чѣмъ же ты работаешь?

Арнольдъ. Рисую, пишу, все такое.

Крамеръ. А я думалъ, что ты весь день ничего не дѣлаешь. Я радъ, что ошибся. Впрочемъ, мнѣ дѣла до тебя нѣтъ. Ты достаточно великовозрастенъ, и я не сыщикъ. Кстати, я хотѣлъ тебѣ сказать: если у тебя что есть на сердцѣ... я все же твой отецъ, такъ сказать. Понимаешь? Подумай объ этомъ, пожалуйста.

Арнольдъ. У меня ничего нѣтъ на сердцѣ, отецъ.

Крамеръ. Я и не говорю этого. И не настаиваю совсѣмъ. Я сказалъ: *если* у тебя есть что-нибудь. Я могъ бы тебѣ тогда, быть-можетъ, помочь. Я знаю жизнь нѣсколько больше тебя. На всякій случай, понимаешь ты. Ты сегодня опять не ночевалъ дома. Ты разстраиваешь свое здоровье. Подумай о своемъ здоровьѣ. Въ здоровомъ

тѣлѣ здоровая душа. Здоровая жизнь—здоровое искусство. Гдѣ же ты такъ долго вчера пропадалъ? Оставь—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не хочу знать, чего ты не хочешь сказать. Скажи добровольно, или молчи.

Арнольдъ. Я былъ за городомъ съ Альфредомъ Френкелемъ.

Крамеръ. Вотъ какъ! Гдѣ же именно, въ Пиршамѣ, или гдѣ?

Арнольдъ. Нѣтъ. Тутъ, въ Шейтнигѣ.

Крамеръ. И оба всю ночь тамъ были?

Арнольдъ. Нѣтъ, оттуда пошли къ Френкелю.

Крамеръ. И тамъ до четырехъ утра?

Арнольдъ. Да, почти до четырехъ. Потомъ бродили по улицамъ.

Крамеръ. Такъ! Съ Френкелемъ? Вдвоемъ? Очень, значитъ, вы подружились? Что же такое вы съ нимъ дѣлаете, когда сидите такъ, а другіе всѣ спятъ?

Арнольдъ. Мы куримъ и говоримъ объ искусствѣ.

Крамеръ. Да?! Арнольдъ, ты пропащій человѣкъ.

Арнольдъ. Но почему же?

Крамеръ. Ты пропащій человѣкъ. Ты испорченъ до мозга костей.

Арнольдъ. Ты это уже сколько разъ мнѣ говорилъ.

Крамеръ. Да, я долженъ это былъ тебѣ говорить... Я долженъ былъ тебѣ это говорить тысячи разъ, и, что еще хуже, я это чувствовалъ. Арнольдъ, докажи мнѣ, что я лгу! Докажи мнѣ, что я неправъ, я буду ноги цѣловать тебѣ за это.

Арнольдъ. Что бы я ни говорилъ, я думаю...

Крамеръ. Что? Что ты испорченъ?

Арнольдъ (очень блѣденъ, пожимаетъ плечами).

Крамеръ. Что же дальше, если это такъ будетъ?

Арнольдъ (холодно и враждебно). Я этого самъ не знаю, отецъ.

Крамеръ. А я знаю, ты погибнешь окончательно! (Онъ яростно шагаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается у окна, заложивъ руки за спину, нервно постукивая носкомъ).

Арнольдъ (съ нѣсколько блѣднымъ лицомъ, зло искаженнымъ, хватаетъ свою шляпу и идетъ къ двери. Когда онъ берется за ручку двери, Крамеръ оборачивается).

Крамеръ. Тебѣ нечего больше сказать мнѣ?

Арнольдъ (выпускаетъ ручку двери, бросаетъ исподлобья взглядъ съ выраженіемъ упорства на лицѣ).

Крамеръ. Арнольдъ, и ничего въ тебѣ не шевельнется?

Ты не чувствуешь, какую пытку мы терпимъ? Скажи что-нибудь. Защищайся. Скажи же что-нибудь, какъ мужчина мужчинѣ, или какъ другъ другу. Я былъ несправедливъ къ тебѣ? Объясни мнѣ! Говори! Ты можешь говорить, какъ мы. Зачѣмъ же ты всегда ползаешь предо мной? Я презираю трусость, ты же знаешь. Скажи: отецъ мой тиранъ. Отецъ мой мучитъ меня. Отецъ мой терзаетъ меня. Онъ, какъ чортъ, за мной всюду. Скажи, скажи ему это прямо. Скажи мнѣ, какъ мнѣ исправить свои ошибки. Я исправлюсь, даю тебѣ честное слово. Или ты думаешь, что я во всемъ правъ?

Арнольдъ (до странности неподвижно и равнодушно). Можетъ-быть, ты и правъ.

Крамеръ. Отлично. Если ты такъ думаешь. А ты не хочешь попробовать исправиться? Арнольдъ, вотъ я протягиваю тебѣ руку. Вотъ она, возьми ее, я хочу помочь тебѣ. Возьми меня въ товарищи. Сдѣлай меня своимъ другомъ въ часъ, когда ты будешь въ крайности. А теперь, Арнольдъ, этотъ часъ насталъ. Не обманывайся, онъ дѣйствительно насталъ. Соберись съ духомъ. Справься съ собой. Тебѣ стоитъ только захотѣть, и это будетъ. Сдѣлай только первый шагъ къ добру, второй и третій дадутся тебѣ легко. Да? Хочешь? Хочешь исправиться, Арнольдъ?

Арнольдъ (съ дѣланнымъ непониманіемъ). Но какъ же? Въ чемъ же?

Крамеръ. Во всемъ. Да?

Арнольдъ (съ горечью и уклончиво). Я ничего противъ этого не имѣю. Почему же и нѣтъ. Мнѣ тоже не очень сладко живется.

Крамеръ. Да, я вѣрю, что тебѣ не сладко. Ты не испыталъ, какое благословеніе работа. Арнольдъ, ты долженъ достичь этого. Ты намекалъ на свою внѣшность. (Онъ снимаетъ со стѣны маску Бетховена). Вотъ, посмотри на эту маску. Въ тебѣ тотъ же Богъ, раскрой только его въ себѣ. Можетъ-быть, ты думаешь, что этотъ былъ красивъ? Или все твое честолюбіе въ томъ, чтобы быть фатомъ? Или ты думаешь, что Богъ оставилъ тебя, потому что ты близорукъ и не совсѣмъ прямъ? Въ тебѣ можетъ быть столько красоты, что фаты будутъ, какъ нищіе около тебя. Арнольдъ, вотъ тебѣ моя рука. Слышишь, довѣрься мнѣ. Не скрывайся отъ меня, будь откровененъ. Ради тебя самого, Арнольдъ. Мнѣ не важно знать, гдѣ ты былъ вчера. Но скажи мнѣ, слышишь, ради тебя самого. Можетъ-быть, ты узнаешь,

какой я на самомъ дѣлѣ. Ну, скажи, гдѣ ты былъ вчера ночью?

Арнольдъ (послѣ паузы, очень блѣдный, послѣ видимой борьбы съ собой). Я же сказалъ тебѣ, отецъ

Крамеръ. Я забылъ, что ты сказалъ. Гдѣ же ты былъ? Ты понимаешь? Я тебя спрашиваю не для того, чтобы наказать тебя за это. Только чтобы услыхать правду. Скажи правду и больше ничего.

Арнольдъ (упорно). Я былъ у Альфреда Френкеля.

Крамеръ. Да!

Арнольдъ (снова, неувѣренно). Гдѣ же я могъ еще быть?

Крамеръ. Ты не сынъ мнѣ!.. Ты не можешь быть моимъ сыномъ! Уходи! Уходи! Мнѣ противно! Ты мнѣ противенъ!!

Арнольдъ (тотчасъ же жмется къ выходу).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ресторанъ Бенша. Маленькая пивная въ старо-нѣмецкомъ стилѣ. Стѣны отдѣланы деревомъ. Столъ и стулья моренаго дерева. Налѣво опрятный буфетъ съ мраморной доской и ярко вычищенными пивными кранами. За буфетомъ горка для ликеровъ и пр. и пр. Въ ней четырехугольное опускающееся окошко въ кухню. Налѣво за буфетомъ дверь въ кухню. Большая витрина съ опрятными занавѣсками, рядомъ стеклянная дверь на улицу. Направо дверь въ смежную комнату.

Вечернія сумерки.

Лиза Беншъ, мило и чисто одѣтая, въ бѣломъ передникѣ, входитъ медленно черезъ низенькую дверь за буфетомъ. Она мелькомъ поглядываетъ изъ-за вязанья, замѣчаетъ Арнольда, который сидитъ за стаканомъ пива у передняго стола направо. Покачивая головой, она продолжаетъ вязать.

Арнольдъ (очень блѣдный, тихо и нервно постукивая ногой, уставляется на нее неподвижно). Добрый вечеръ.

Лиза Беншъ (вздыхаетъ тенденціозно и отворачивается).

Арнольдъ (громче). Добрый вечеръ. (Лиза Беншъ не отвѣчаетъ). Ну, не хотите, какъ хотите. И не нужно. Добиваться не буду. (Продолжаетъ смотрѣть на нее молча, съ лихорадочнымъ волненіемъ). Почему же вы держите пивную, если вы такъ невѣжливы съ гостями?

Лиза Беншъ. Я не невѣжлива. Оставьте меня.

Арнольдъ. Я поздоровался съ вами.

Лиза Беншъ. Я вамъ отвѣтила.

Арнольдъ. Это неправда.

Лиза Беншъ. Вотъ какъ! Впрочемъ, мнѣ это все равно. (Пауза).

Арнольдъ (пускаетъ резинкой бумажную стрѣлу въ Лизу).

Лиза Бенишъ (надменно-презрительно передергиваетъ плечами).

Арнольдъ. Вы думаете, на меня это дѣйствуетъ?

Лиза Бенишъ. Я буду думать, что̀ захочу.

Арнольдъ. Я плачу за свое пиво такъ же, какъ другіе. Понимаете вы? Потому прошу... Или здѣсь нужно носить монокль?.. Кто такіе посѣтители вашего знаменитаго заведенія? Вы воображаете, что я сбѣгу отъ нихъ? И не подумаю даже.

Лиза Бенишъ (угрожающе). Ну, вы не очень, мусье.

Арнольдъ. Ага! Пусть попробуетъ кто-нибудь изъ нихъ. Увидитъ! Понимаете вы? Въ себя придти не успѣетъ.

Лиза Бенишъ (смѣется).

Арнольдъ. Если кто-нибудь пальцемъ меня тронетъ... Поняли? Тотъ отъ меня получитъ.

Лиза Бенишъ. Арнольдъ, я на васъ буду жаловаться, если вы будете постоянно грозить.

Арнольдъ. Что̀ же? Я сказалъ, если кто-нибудь меня тронетъ!.. А бить вообще можно.

Лиза Бенишъ. Не смѣйте оскорблять нашихъ гостей.

Арнольдъ (злобно смѣется про себя, пьетъ и затѣмъ говоритъ). Нули! Что̀ мнѣ за дѣло до нулей!

Лиза Бенишъ. А вы-то что̀ такое, что такъ носъ задираете? Вы-то что̀ въ своей жизни такое сдѣлали, что̀?

Арнольдъ. Вы этого не можете понять, къ сожалѣнію.

Лиза Бенишъ. Ну да! Это всякій можетъ сказать. Подите-ка лучше да сдѣлайте что-нибудь. И какъ докажете, что что-нибудь можете, тогда и набрасывайтесь на другихъ. (Пауза).

Арнольдъ. Лиза, послушайте. Я вамъ это объясню какъ слѣдуетъ.

Лиза Бенишъ. Ну, что̀ тамъ! По-вашему, всѣ выходятъ нехороши. Г. Квантмейеръ не настоящій юристъ, г. архитекторъ Циинъ не настоящій архитекторъ, и все-то это чистѣйшій вздоръ.

Арнольдъ. Напротивъ. Это чистѣйшая правда. Здѣсь всякій невѣжда, который строитъ, важничаетъ, если онъ ничего и не понимаетъ въ искусствѣ. А попадетъ такой къ художникамъ, такъ это все равно будетъ, что̀ подмастерье для сапожника.

Лиза Бенишъ. А настоящій художникъ вы, что ли, будете? (Сострадательно) О, Господи!

Арнольдъ. Да, еще я художникъ. Если бы вы пришли въ мою мастерскую...

Лиза Бенш. Ну, ужъ этого я *поостерегусь*.

Арнольдъ. Поѣзжайте-ка въ Мюнхенъ да поспросите тамъ *профессоровъ*, — это все знаменитости, — какого они чертовски-высокаго мнѣнія *обо* мнѣ.

Лиза Бенш. Вы хвастаетесь, а не Цинн.

Арнольдъ. Да, они уважаютъ меня и знаютъ, за что. Я больше могу, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ взятые. У меня въ одномъ мизинцѣ въ десять тысячъ разъ больше... чѣмъ у нихъ всѣхъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ роднымъ.

Лиза Бенш. Вы хвастаетесь, а не г. Цинн. Если бы и правда вы были такой, вы бы совсѣмъ иначе выглядѣли.

Арнольдъ. Какъ это?

Лиза Бенш. Какъ это? Кажется, очень просто. Знаменитые художники зарабатываютъ деньги, я думаю.

Арнольдъ (рѣзко). Деньги? А я-то что же, деньги не зарабатываю? Деньги для меня навозъ, спросите-ка. Можете спросить моего отца. Подите-ка, спросите его, честное слово.

Лиза Бенш. Куда же вы дѣваете всѣ эти деньги?

Арнольдъ. Я? Подождите-ка только, когда я совершеннолѣтнимъ стану. У кого такой отецъ... Лиза, будьте же со мной помилѣй.

Лиза Бенш. Фрицъ!

Фрицъ (просыпается и вскакиваетъ). Да!..

Лиза Бенш. Фрицъ, подите въ кухню, тамъ привезли новые бокалы. Кажется, господа сегодня будутъ пить шампанское.

Фрицъ. Хорошо-съ, съ удовольствіемъ, фрейлейнъ Бенш.

Лиза Бенш (стоитъ за прилавкомъ спиной къ Арнольду, вынимаетъ шпильки изъ волосъ и перекалываетъ ихъ).

Арнольдъ. Это вы ловко сдѣлали.

Лиза Бенш. Пожалуйста, не воображайте. (Оборачивается внезапно и замѣчаетъ Арнольда, который вытаращилъ на нее глаза поверхъ очковъ). Господи Іисусе! Опять онъ на меня глаза вытаращилъ.

Арнольдъ. Лиза!

Лиза Бенш. Я вамъ не Лиза.

Арнольдъ. Ахъ, Лизочка, если бы вы были умницей, малютка, кипятилочка вы. У меня такъ отвратительно на душѣ.

Лиза Бенш (смѣется не то весело, не то насмѣшливо).

Арнольдъ (болѣе страстно). Да, смѣйтесь, если можете смѣяться! Смѣйтесь, смѣйтесь! И правда, можетъ-быть, я

смѣшной. Но только наружно, не внутренно. Потому что, если бы ты заглянула мнѣ въ душу, я бы всѣхъ этихъ молодцовъ съ лица земли стеръ.

Лиза Бенш. Арнольдъ, не волнуйтесь. Я же вамъ вѣрю, я вѣрю вамъ. Но, во-первыхъ, вы слишкомъ молоды, во-вторыхъ, въ-третьихъ, въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ... это чистое сумасшествіе, мой милый. Ну, послушай, будь же благоразуменъ, да? Мнѣ очень жаль тебя, но что же мнѣ дѣлать?

Арнольдъ (тяжело охая). Это какъ чума въ крови.

Лиза Бенш. Глупости! Встаньте-ка на скамью и дайте мнѣ вотъ тотъ боченокъ. (Арнольдъ, охая, это дѣлаетъ). Такихъ дѣвушекъ, какъ я, много. Ну, гопъ! гопъ! (Она протягиваетъ ему руку, онъ хватается за нее и спрыгиваетъ. Задерживаетъ ея руку въ своей, а когда наклоняется поцѣловать руку, Лиза выдергиваетъ ее). Нѣтъ, золотой мой! Такъ! За одну такую десять получите, драгоцѣнный мой.

Арнольдъ. Лиза, что мнѣ для васъ сдѣлать? Ограбить? Украсть? Что мнѣ сдѣлать?

Лиза Бенш. Оставить меня въ покоѣ, больше ничего. (Дверь въ сосѣдней комнатѣ раскрывается. Лиза Бенш прислушивается, совершенно мѣняется, уходитъ за буфетъ и кричитъ черезъ окошко въ кухню). Фрицъ! Гости—живо! (Дверь раскрывается, слышно, какъ въ сосѣднюю комнату входитъ шумная компанія).

Арнольдъ. Пожалуйста, я хочу еще стаканъ пива. Но только я сяду въ другой комнатѣ.

Лиза Бенш (съ дѣланной отчужденностью). Г. Крамеръ, но вѣдь и здѣсь очень хорошо?

Арнольдъ. Да? Но тамъ мнѣ удобнѣе рисовать.

Лиза Бенш. Арнольдъ, вы же знаете, опять выйдетъ ссора. Будьте благоразумны, останьтесь здѣсь.

Арнольдъ. Ни за что на свѣтѣ, фрейлейнъ Бенш.

Архитекторъ Циннъ (входитъ, очень весело). Ура, фрейлейнъ Лисбетъ! Вся компанія здѣсь. Всѣ въ сборѣ. А вы что подѣлываете? Какъ поживаете? Вашъ «женихъ» уже томится безъ васъ. (Замѣчаетъ Арнольда) Ахъ, чортъ возьми, виноватъ.

Лиза Бенш. Фрицъ! Фрицъ! Всѣ господа собрались!

Архитекторъ Циннъ (у машинки обрѣзаетъ сигару). Фрицъ, пива, пива сюда! Чортъ побери! Какъ папенька поживаетъ?

Лиза Бенш. Не особенно. Мы сегодня два раза за докторомъ посылали.

Асессоръ Шнабель (входитъ). Господинъ архитекторъ, сыграемъ партійку въ скатъ.

Архитекторъ Цинкъ. Я думаю, мы поставимъ сегодня гуся и по сему случаю разопьемъ бутылочку шампанскаго.

Асессоръ Шнабель (поднимаетъ руки, поетъ, пританцовывая). «У Лизочки есть птичка. Сидитъ у нея въ клѣткѣ». Что же вы вашего друга томите!

Архитекторъ Цинкъ (тихо, взглядывая въ сторону Арнольда). Конечно, надо, чтобы и ему гусиная лапка досталась!

Асессоръ Шнабель (замѣтилъ Арнольда и также украдкой). А! И каменный гость здѣсь. Рафаэль карманный. Фрейлейнъ Лизхенъ, какъ можно больше хлѣба. Къ моей порціи прошу какъ можно больше хлѣба.

Фрицъ (вошелъ, суетится за буфетомъ).

Лиза Бенкъ. А вы что заказали, г. асессоръ?

Асессоръ Шнабель. Ахъ, да! Паприка-шницель и хлѣба. Колоссально много хлѣба, милая Лизхенъ. Я, видите ли, ѣмъ невѣроятно много хлѣба.

Архитекторъ Цинкъ. Вамъ бы лучше всю корзину съ хлѣбомъ подвѣсить.

Фонъ-Крафтхеймъ (входитъ; студентъ-юристъ, немолодой). Фрицъ, гдѣ же пиво, ради Бога!

Фрицъ. Только-что новую бочку поставили.

Асессоръ Шнабель (въ бинокль смотритъ на кранъ пивной бочки). Пока оттуда идетъ одинъ воздухъ, воздухъ и воздухъ.

Арнольдъ (беретъ шляпу, встаетъ и отправляется въ сосѣднюю комнату).

Фонъ-Крафтхеймъ. Теперь воздухъ сталъ чище, по крайней мѣрѣ. Это воздухъ, но чистый воздухъ.

Асессоръ Шнабель (поетъ).

Ты съ ума сошелъ, мой милый,
Поѣзжай-ка ты въ Берлинъ.
Слава Богу, удалился изъ сихъ мѣстъ.

Фрицъ. Нѣтъ, онъ совсѣмъ не за тѣмъ, ему хочется тамъ сидѣть, гдѣ господа.

Лиза Бенкъ (аффектированно). Я нахожу это просто смѣшнымъ.

Архитекторъ Цинкъ. А мы просто-напросто останемся здѣсь.

Фонъ-Крафтхеймъ. Нѣтъ, что же это, позвольте. Бѣжать передъ каждой обезьяной.

Квантмейеръ (входитъ. Нарядно и пестро одѣтъ. Монокль). Добрый вечеръ. Какъ поживаешь, милочка? (Беретъ Лизу за

руки, она отворачиваетъ отъ него голову). И фатальный Крамеръ ужъ здѣсь.

Асессоръ Шнабель. И гдѣ только этотъ шалопай не шляется! Вчера утромъ я его еще видѣлъ—зрѣлище божественное, могу сказать! Въ Рингѣ, въ публичномъ домѣ, и чортъ знаетъ въ какомъ видѣ. Когда онъ здѣсь готовъ, онъ идетъ въ другое мѣсто начинать сначала.

Квантмейеръ. А ты что̀ сердишься на меня, милочка?

Лиза Бенишъ (высвобождается, смѣется и кричитъ въ кухонное окно). Паприка-шнитцель для г. асессора.

Асессоръ Шнабель. И хлѣба, побольше хлѣба, не забудьте! Колоссально много хлѣба, неистово много. (Общій хохотъ).

Фрицъ (внося четыре полныхъ кружки пива). Вотъ и пиво. (Уходитъ въ сосѣднюю комнату. Архитекторъ Цинкъ, асессоръ Шнабель и фонъ-Краутхеймъ слѣдуютъ за кельнеромъ).

(Пауза).

Квантмейеръ. Чего это ты дуешься, киса?

Лиза Бенишъ. Я? Дуюсь? Ахъ, чего ты ни выдумаешь!

Квантмейеръ. Поди сюда, стервочка. Будь умницей. Дай мнѣ свою рожицу, ну, скорѣй, а послѣзавтра ты придешь опять ко мнѣ. Послѣзавтра воскресенье, ты знаешь. Моихъ хозяевъ нѣтъ, ни души не будетъ дома, честное слово.

Лиза Бенишъ (все еще нѣсколько упираясь). Что̀ мы обручены съ тобой, или не обручены?

Квантмейеръ. Конечно, обручены. Какъ же иначе!.. Я же человѣкъ независимый. Могу жениться, на комъ хочу.

Лиза Бенишъ (даетъ себя поцѣловать и, слегка ударивъ его по щекѣ, выскальзываетъ изъ его рукъ). Ахъ, поди ты, я не вѣрю тебѣ больше.

Квантмейеръ (хочетъ идти за ней). Что̀ это ты, крошка, такъ нахальничаешь сегодня? (Стеклянная дверь раскрывается, входитъ Михалина).

Лиза Бенишъ. Тс...

Квантмейеръ. Чортъ побери! Что̀ этой здѣсь понадобилось?

Михалина (входитъ въ комнату, подвигаясь впередъ, оглядывается по сторонамъ).

Лиза Бенишъ (зашла за прилавокъ, наблюдаетъ).

Квантмейеръ (съ дѣланнымъ добродушіемъ, отщипнувъ кончикъ у своей сигары). Подожди, Лизхенъ, я тебѣ отомщу. (Уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Лиза Бенишъ (послѣ короткой паузы). Вы кого-нибудь ищете, барышня?

Михалина. Вѣдь это ресторанъ Бенишъ?

Лиза Бенишъ. Этотъ самый.

Михалина. Благодарю. Мнѣ это только хотѣлось знать. Значитъ, знакомые мои придутъ сюда позднѣе. (Хочетъ пройти въ сосѣднюю комнату).

Лиза Бенишъ. Тамъ только наши всегдашніе посѣтители.

Михалина. А?.. Я жду одного господина съ женой. Тогда я здѣсь сяду, все равно.

Лиза Бенишъ. Пожалуйте сюда? Тутъ? Или тамъ?

Михалина (садится на скамью около стѣны, противъ буфета). Благодарю, я здѣсь сяду. Пожалуйста, небольшую кружку пива!

Лиза Бенишъ (къ Фрицу, который какъ разъ входитъ). Фрицъ, чебольшую кружку пива. (Она садится, откидывается назадъ, принимаетъ скромный, порядочный видъ, оправляетъ туалетъ и съ большимъ интересомъ наблюдаетъ за Михалиной; затѣмъ она опять съ ней заговариваетъ). Сегодня, вѣрно, очень плохая погода?

Михалина (снимаетъ калоши, затѣмъ пальто и наконецъ шляпу). Да, я еще калоши надѣла, слава Богу. Ужасная погода. (Садится, приглаживаетъ волосы, вытираетъ лицо).

Лиза Бенишъ. Не хотите ли гребенку? Я могу вамъ одолжить. Пожалуйста. (Подходитъ и протягиваетъ Михалинѣ свою гребенку).

Михалина. Вы очень любезны. Благодарю васъ. (Беретъ гребенку и старается привести въ порядокъ прическу).

Лиза Бенишъ (поправляетъ ей прядку волосъ). Позвольте, я вамъ помогу.

Михалина. Благодарю, я сама.

Лиза Бенишъ (уходитъ за буфетъ и продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за Михалиной).

Фрицъ (приноситъ пиво, ставитъ его передъ Михалиной, затѣмъ беретъ ящикъ съ сигарами и уноситъ его въ сосѣднюю комнату. Оттуда доносится хохотъ).

Михалина. Тамъ, кажется, очень веселятся?

Лиза Бенишъ (не безъ аффектаціи пожимаетъ плечами). Да, ничего не подѣлаешь. Они всегда такъ, господа. (Она нѣсколько подвигается впередъ). Я, собственно, очень не люблю шумъ и все такое; но, знаете, отецъ заболѣлъ, мать не выноситъ табачнаго дыма, и потомъ она, конечно, за папой ухаживаетъ. Что же дѣлать? Приходится помогать.

Михалина. Конечно, это ваша обязанность.

Лиза Бенишъ. Да потомъ я молода, не правда ли? У насъ тутъ бываютъ и очень милые господа, очень образо-

ванные и милые. И потомъ можно научиться среди людей тому-другому.

Михалина. Конечно... разумѣется... конечно.

Лиза Бенишъ. Но знаете, что̀ противно... (Съ внезапной довѣрчивостью) что всегда выходятъ ссоры. Сначала они пьютъ, потомъ ссорятся. Господи, тутъ нужно быть такой осторожной. То съ однимъ слишкомъ ласково не здоровайся, то тому руки не подавай, третьяго плечомъ не задѣнь—а сама и не знаешь, когда кого задѣнешь,—на четвертаго не смотри, пятаго выпроводи. А все равно всѣмъ не угодишь. Такъ вѣдь? А они сейчасъ же... другъ другу въ волосы вцѣпятся.

Голоса (изъ сосѣдней комнаты). Лиза, Лиза, гдѣ вы пропадаете?

Лиза Бенишъ (къ Михалинѣ). Я лучше посижу съ вами, не пойду къ нимъ. Мнѣ всегда теперь такъ неудобно тамъ. Тамъ съ другими господами женихъ мой—ну, скажите сами... вѣдь не годится это! Конечно, онъ хочетъ, чтобы я была ласкова съ нимъ. Ну, а это не годится же, это всѣ скажутъ.

Михалина. Но вашъ женихъ этого и требовать не можетъ.

Лиза Бенишъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ этого и не требуетъ, конечно, но все же... (Она встаетъ, такъ какъ Францъ входитъ съ пустыми кружками). Послушайтесь моего совѣта, не связывайтесь никогда съ поклонниками.

Лахманъ (входитъ черезъ стеклянную дверь, тотчасъ же замѣчаетъ Михалину и протягиваетъ ей руку. Вѣшаетъ пальто и шляпу). Михалина, а мы очень постарѣли.

Михалина (весело). Ты прямо съ этого начинаешь.

Лахманъ. Я, по крайней мѣрѣ. Я. Не ты, а я. По сравненію съ твоимъ отцомъ особенно. (Садится).

Михалина. Какъ это?

Лахманъ. На это есть причины. Есть причины, конечно... Когда я тогда поступилъ въ вашу академію... Чортъ побери! И теперь сравнить. Сильно впередъ попятился!

Михалина. Какъ это? Все хочется только спрашивать: какъ?

Лахманъ. Такъ: Бога съ чортомъ хотѣли примирить. И чего только ни хотѣли! Чего только ни могли! И чѣмъ только самому себѣ ни казался!.. А теперь? Въ нѣкоторомъ родѣ полное банкротство.

Михалина. Какъ это? По отношенію чего?

Лахманъ. По отношенію многаго и многаго. Къ иллюзіямъ, напримѣръ.

Михалина. Гм!.. А я думала, живешь себѣ и безъ нихъ сносно. Развѣ ты такъ много придаешь цѣны этому?

Лахманъ. Да. Все другое сомнительно. Способность къ иллюзіямъ, Михалина—это лучшее въ мірѣ достояніе. Подумай объ этомъ, ты сама увидишь.

Михалина. Ты разумѣешь, собственно, фантазію. Безъ нея, конечно, нельзя быть артистомъ.

Лахманъ. Да, фантазія и вѣра въ нее. Бутылку краснаго, какъ вчера.

Лиза Бенишъ (приготовила уже вино, откупорила бутылку). Я васъ сейчасъ же узнала. (Она ставитъ бутылку и стаканъ передъ Лахманомъ).

Лахманъ. Да? Очень радъ. Будь у меня деньги, мы бы сегодня шампанскаго выпили. (Пауза).

Михалина. Ты изъ одной крайности впадаешь въ другую. Какъ это согласовать, Лахманъ?

Лахманъ. Да никакъ. Въ этомъ вся суть... Конецъ мнѣ пришелъ, просто-напросто. И больше ничего. Теперь можно начать и веселую жизнь.

(Изъ сосѣдней комнаты снова слышенъ хохотъ и шумъ. Лиза Бенишъ неодобрительно покачиваетъ головой и отправляется туда).

Михалина. Ты какъ-то странно возбужденъ.

Лахманъ. Да, ты находишь? Видишь ли, я обыкновенно сплю. Слава Богу, что я нѣсколько возбужденъ. Но, къ сожалѣнію... долго это не продлится. Старость!.. Старость!.. Заживо умираешь.

Михалина. Я вовсе не нахожу тебя такимъ старымъ, милый Лахманъ.

Лахманъ. Да, Михалина? Тогда выходи за меня замужъ.

Михалина (удивленная, весело). Ну ужъ нѣтъ! Я не объ этомъ говорю! Для этого мы съ тобой, пожалуй, и стары. Но видишь ли, пока ты въ такомъ шутливомъ настроеніи, тебѣ навѣрно ужъ не такъ плохо.

Лахманъ. Да. И все же... И все же!.. Но оставимъ это.

Михалина. Но скажи, почему ты такой подавленный?

Лахманъ. Ничего! Я вовсе и не подавленъ... Я только опять оглянулся на себя и замѣтилъ, что, въ сущности, не живешь вовсе.

Михалина. Какъ это? Я опять спрашиваю: какъ?

Лахманъ. Рыба приспособляется въ водѣ. Кто хочетъ

жить, долженъ жить въ своей атмосферѣ. То же самое въ духовномъ отношеніи. Я попалъ не въ свою атмосферу. Хочешь не хочешь, а дышишь ею. Задыхаешься и задохнешься въ ней. Себя больше не чувствуешь. Не знаешь себя. Вообще не узнаёшь самого себя.

Михалина. Значитъ, мнѣ лучше, надо сказать, въ моемъ добровольномъ одиночествѣ.

Лахманъ. Вамъ вообще здѣсь лучше живется. Вы ничего не слышите и не знаете о всеобщемъ филистерскомъ канканѣ большого города. А какъ попадешь туда, такъ и закружишься... Вѣчно рвешься на свободу въ далекій міръ. Лучше бы я жилъ всегда дома. Свѣтъ вовсе не большой, Михалина! Всюду то же, что̀ и здѣсь. И здѣсь онъ не тѣснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А кому онъ тѣсенъ, пусть расширяетъ его для себя, какъ это сдѣлалъ твой отецъ, напримѣръ. Да. Такъ я говорилъ, когда я поступилъ здѣсь въ академію весной...

Михалина. Это было осенью.

Лахманъ. А я изъ того времени помню только весну. Тогда отрѣшился отъ всего мѣщанскаго, тогда дѣйствительно... Можно было сказать... передъ тобой міръ раскрылся, большой, просторный. А теперь погрязъ въ томъ же. Попалъ въ хозяйственный супружескій гробъ.

Михалина. Я такъ и вижу тебя, Лахманъ, съ твоими желтыми, шелковистыми волосами, какъ ты стоишь въ коридорѣ,—ты помнишь,—передъ дверью отца. Мастерская отца была тогда еще наверху, а не въ маленькомъ флигелѣ. Помнишь? Или ужъ забылъ?

Лахманъ. Я? Нѣтъ. Это не забывается. Ничего я не забылъ, что̀ было тогда. Я помню всѣ до мельчайшей черточки. Это было лучшимъ временемъ. Этого никакими словами не выразишь. Это была мистерія, что̀ происходило тогда: изъ школьника ты сразу посвящался въ рыцари.

Михалина. Не всѣ такъ воспринимали это, милый Лахманъ. На очень многихъ отецъ дѣйствовалъ подавляюще.

Лахманъ. Да. Тѣ того и стоили. У которыхъ что-нибудь было за душой, тѣхъ сразу онъ поднималъ высоко. И когда онъ раскрывалъ передъ нами міръ героевъ... ужъ то, что онъ считалъ насъ достойными соревнованія... и вообще онъ заставлялъ насъ чувствовать въ сферѣ искусства къ принцамъ крови близость, какъ будто мы были одной крови съ ними. Являлась божественная гордость,

Асессоръ Шнабель. Фрицъ, развѣ циркъ Ренца опять здѣсь?

Фрицъ (занятый шампанскимъ). Какъ такъ, г. асессоръ? Мнѣ объ этомъ ничего неизвѣстно.

Асессоръ Шнабель. Какъ такъ, какъ такъ! Развѣ не слышно запаха? Манежемъ пахнетъ.

Архитекторъ Циинъ. Да здравствуютъ свободные нравы!

Фонъ-Краутхеймъ (входитъ, направляясь къ буфету, говоритъ Циину и Шнабелю). Что это, мужчина или женщина?

Архитекторъ Циинъ. Подите-ка, изслѣдуйте. (Къ Шнабелю шопотомъ) Скажите, что такое Квантмейеръ? Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, юристъ? Ничего не разберешь въ этомъ человѣкѣ. На что онъ живетъ?

Асессоръ Шнабель (пожимая плечами). На деньги, вѣроятно.

Архитекторъ Циинъ. Да, но кто же ему ихъ даетъ?

Асессоръ Шнабель. Онъ, кажется, при деньгахъ, а это вѣдь главное.

Архитекторъ Циинъ. Ну, а въ жениховство его вы вѣрите?

Асессоръ Шнабель. Циинъ, у васъ нюхъ положительно.

Архитекторъ Циинъ. Ну, въ такомъ случаѣ дѣвчонка, значитъ, совершенно глупа! Немного глупой полагается быть каждой дѣвчонкѣ; но если она настолько не дорожитъ собой... (Онъ говоритъ ему что-то на ухо, затѣмъ оба дико хохочутъ и усиленно курятъ).

Архитекторъ Циинъ. Асессоръ, осмотритесь-ка здѣсь. (Онъ беретъ подъ руку асессора и подводитъ его безцеремонно къ столу, за которымъ сидятъ Михалина и Лахманъ. Онъ касается ихъ, не извиняясь, широко вытягиваетъ правую руку, громко и хвастливо показываетъ ему на отдѣлку комнаты). Все это я сдѣлалъ. Всю эту исторію я сочинилъ. Всю отдѣлку, потолокъ, буфетъ и все, все самъ рисовалъ, все дѣло рукъ моихъ. Потому я здѣсь и люблю выпить. У насъ есть вкусъ, видите ли. Какъ вы полагаете? Чортъ знаетъ, съ какимъ вкусомъ сдѣлано. (Выпускаетъ его руку, закуриваетъ сигару спичкой, которую онъ беретъ и, не торопясь, зажигаетъ на столѣ Лахмана и Михалины. Изъ сосѣдней комнаты опять доносится хохотъ. Фрицъ несетъ туда шампанское. Циинъ оборачивается туда и говоритъ) Они совсѣмъ съ ума сведутъ юнца.

Асессоръ Шнабель (пожимаетъ плечами).

Архитекторъ Циинъ. Пойдемте туда, тамъ опять на-

чалось. (Оба уходятъ въ сосѣднюю комнату. Михалина и Лахманъ значительно смотрятъ другъ на друга. Пауза).

Лахманъ (вынимая изъ кармана портсигаръ. Сухо). Типы не изъ важныхъ. Я закурю; можно?

Михалина (нѣсколько безпокойно). Конечно.

Лахманъ. А ты?

Михалина. Нѣтъ, благодарю. Здѣсь не хочу.

Лахманъ. Да, да. Мы далеко ушли: мы дѣти нашихъ дней... Или, скажи... ты сомнѣваешься въ этомъ?

Михалина. Мнѣ здѣсь не очень пріятно.

Лахманъ (куритъ). И даже на крыльяхъ утренней зари тебѣ не уйти отъ нихъ!.. Господи! А какъ вначалѣ было!.. А теперь стараешься для этого же общества. Ни одной точки соприкосновенія съ ними нѣтъ. Чистота, ни во что не облеченная, унижается. Святыней почитаются дряннѣйшія тряпки, грязнѣйшая одежда, нищенское отрепье. А мы должны молчать и работать на этотъ сбродъ. За твое здоровье, Михалина! За здоровье твоего отца! И за искусство, весь міръ освѣщающее... Вопреки всему! И вопреки всему! (Они чокаются). Да, будь я на пять лѣтъ моложе... я обезпечилъ бы себя тѣмъ, что̀ теперь для меня потеряно. И многое было бы иначе.

Михалина. А знаешь, что̀ иногда тяжелѣе всего?

Лахманъ. Что̀?

Михалина. Между друзьями!

Лахманъ. Что̀ же именно?

Михалина. Не мѣшать другъ другу въ своихъ блужданіяхъ! Ну, еще разъ: это было когда-то. (Она чокается съ нимъ многозначительно).

Лахманъ. Конечно, конечно. Такъ мнѣ и надо. То время миновало безвозвратно. Но однажды совсѣмъ было близко къ этому... И какъ бы ты теперь ни качала головой, мнѣ тогда только стоило кивнуть.

(Крики и хохотъ въ сосѣдней комнатѣ).

Михалина (блѣднѣетъ, вздрагиваетъ). Лахманъ... что̀? Ты слышалъ?

Лахманъ. Да. Неужели это на тебя дѣйствуетъ, Михалина?

Михалина. Я сама не знаю почему. Это въ связи съ тѣмъ, должно-быть, что Арнольдъ и отецъ въ такомъ напряженіи сегодня, и на меня это нѣсколько дѣйствуетъ.

Лахманъ. Да, да. Но какъ же? Почему теперь именно?

Михалина. Не знаю. Не лучше ли намъ уйти. Ахъ,

да, твоя жена? Да, тогда подождемъ. Но, правда, здѣсь мнѣ очень не по себѣ.

Лахманъ. Не обращай вниманія на этотъ сбродъ.

Лиза Бенишъ (выходитъ изъ сосѣдней комнаты). Ахъ, Боже мой, Боже мой, что же это такое! Тамъ напьются господа шампанскимъ, а потомъ сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Правда, безобразіе. (Она безъ стѣсненія садится къ столу Лахмана и Михалины. По ея сильному волненію видно, что съ нею было что-то для нея дѣйствительно непріятное).

Лахманъ. Господа эти, должно-быть, ведутъ себя не очень тактично.

Лиза Бенишъ. Нѣтъ, ничего. Они очень даже приличные, но, видите ли, тамъ одинъ молодой человѣкъ. Они его совсѣмъ... (Она представляетъ: трясетъ головой какъ бы въ безсознательномъ состояніи и дѣлаетъ при этомъ растерянныя движенія рукой). Совсѣмъ... Я не знаю, какъ сказать!

Лахманъ. Это, вѣрно, вашъ женихъ?

Лиза Бенишъ (дѣлаетъ видъ, какъ будто она зябнетъ, смотритъ себѣ на грудь, опустивъ глаза, и поправляетъ кружева). Ахъ, нѣтъ. Это просто одинъ глупый человѣкъ, который забралъ себѣ въ голову всякій вздоръ. Что мнѣ за дѣло до него? Убирался бы съ Богомъ. (Къ Михалинѣ) А вы бы позволили, чтобы сидѣлъ такой, какъ марабу? Я же могу дѣлать, что хочу. Вѣдь такъ? Что мнѣ за дѣло до такого досмотрщика. (Она взволнованно встаетъ). Впрочемъ, мой женихъ тоже выпивши... если онъ желаетъ напиваться, можетъ идти въ другое мѣсто. (Она уходитъ въ отдаленнѣйшій уголъ буфета. Пауза).

Лахманъ. Ты не можешь себѣ представить, какое это впечатлѣніе: твой отецъ въ своей мастерской—и вотъ здѣсь это... благородное собраніе. А потомъ, когда вспомнишь его картину—спокойный, торжественный ликъ Христа, и представишь себѣ его здѣсь, въ этомъ чаду, во всемъ его величіи и чистотѣ, — впечатлѣніе совсѣмъ особенное. Такъ странно... Я радъ, что моей дражайшей половины нѣтъ. Я прямо боялся, что она придетъ сюда.

Михалина. Если бы знать, что она придетъ сюда наверно. А то бы я предложила... а тебѣ здѣсь хорошо?

Лахманъ (кладя свой портсигаръ въ карманъ пальто). Да. Послѣ нашего тоста. Вопреки всему, вопреки всему! Если двое говорятъ: «это было когда-то», значитъ, еще что-то осталось, и за это, давай, выпьемъ еще разъ.

(Изъ сосѣдней комнаты послѣ взрыва хохота слышенъ слѣдующій все болѣе громкій обмѣнъ словъ:)

Квантмейеръ. Какъ васъ зовутъ?.. Кто вы такой?

Кто?.. Что вы все сидите здѣсь и глаза на насъ пялите?.. Что вы уставились на насъ?.. Что?.. Вамъ это не нравится? Вамъ не нравится, что я цѣлую свою невѣсту? Да? Вы думаете, я у васъ спрашивать буду?.. Вы!.. Вы!.. Вы!.. Полоумный! Вы! Полоумный!

Голоса другихъ (вперемежку среди взрывовъ смѣха). Душъ! Душъ! Холодный душъ ему!

Квантмейеръ. Я не могу здѣсь показать своей подвязки?.. Вы воображаете, что я не смѣю? (Хохотъ).

Лахманъ. Маленькая компанія!

Квантмейеръ. Вы думаете, я не смѣю?.. Я ношу дамскія подвязки и баста... А если это не мои, такъ и не мои. Тогда это, вѣрно, Лизочкины. (Смѣхъ).

Лиза Бенишъ (къ Михаэли и Лахману). Онъ лжетъ. Это подло! Онъ лжетъ! И этотъ хочетъ быть моимъ женихомъ! И такъ лжетъ...

Квантмейеръ. Что?.. Что?.. Выходи-ка только впередъ. И если отъ васъ ничего не останется, мнѣ наплевать. Пачкунъ! Маляръ! Грифель! Еще одно слово, и онъ вылетитъ отсюда, будьте благонадежны!

Лиза Бенишъ (быстро обернувшись въ рѣчи). Вотъ какъ вышло... Не думайте, пожалуйста, что это изъ-за меня такой скандалъ. Дѣло было такъ... Такъ было... Мой женихъ былъ выпивши и сталъ меня щипать за руку... Тогда они вздумали заставить его ревновать...

Лахманъ. Кого они хотѣли заставить ревновать?

Лиза Бенишъ. Да этого молодого человѣка, о которомъ я говорила. Я ужъ къ его отцу ходила. Чего я только ни дѣлала? Ничего не помогаетъ. Онъ приходитъ и сидитъ въ углу, и вотъ до чего довелъ.

Лахманъ. А что онъ собственно дѣлаетъ?

Лиза Бенишъ. Ничего не дѣлаетъ. Сидитъ и все смотритъ. Вѣдь это очень непріятно. Что же ему тогда удивляться, что они его нарочно злятъ, чтобы онъ ушелъ. (Квантмейеръ опять говоритъ). Ну, вотъ видите, вотъ опять начинается. Я, правда, пойду наверхъ къ отцу. Я не знаю, какъ мнѣ быть.

Квантмейеръ. Вы слышали, что я сейчасъ сказалъ Нѣтъ?.. Вы забыли?.. Что?.. Ну, такъ слушайте: я могу цѣловать свою невѣсту, какъ хочу, гдѣ хочу, когда хочу. Самъ чортъ не помѣшаетъ мнѣ! Да-съ! Ну, скажите еще одно слово и, какъ скажете,—очутитесь на улицѣ.

Лиза Бенишъ. Фу, ты, чортъ! И онъ хочетъ быть моимъ женихомъ? Такъ вести себя и такъ врать.

(Внезапный вскрикъ всѣхъ голосовъ заразъ. Можно разслышать слѣдующія слова:)

Архитекторъ Циинъ. Постой, молодецъ, постой. Это ужъ жирно будетъ.

Шнабель. Что?.. Что? Полицію! Въ тюрьму этого мерзавца!

Фонъ-Краутхеймъ. Отнимите, Квантмейеръ! Что съ нимъ церемониться.

Квантмейеръ. Какъ вы смѣете?! Какъ вы смѣете?! Несчастный!

Архитекторъ Циинъ. Отнимите!

Шнабель. Отнимите! Разъ, два, три!

Квантмейеръ. Бросьте! Слышите? Бросьте! Бросьте!

Архитекторъ Циинъ. Отдадите вы его, или нѣтъ?

Шнабель. А, вы видите, онъ анархистъ!

(Въ сосѣдней комнатѣ происходитъ короткая глухая борьба).

Михалина (вскочила вдругъ въ неизъяснимомъ страхѣ и хватается за свои вещи). Лахманъ, пожалуйста, пойдемъ... пойдемъ отсюда.

Архитекторъ Циинъ. Ну, ребята, у меня онъ. А, поймали тебя!

Шнабель. Держите! Держите его, мерзавца!

(Въ комнату врывается смертельно-блѣдный Арнольдъ и убѣгаетъ черезъ входную дверь на улицу).

Циинъ, Шнабель и фонъ-Краутхеймъ (бѣгутъ за нимъ). Держите! Держите его! (Они бѣгутъ за нимъ на улицу и исчезаютъ. Слышны ихъ крики и крики проходящихъ, которые постепенно слабѣютъ, пока не умолкаютъ совсѣмъ вдали).

Михалина (какъ ошеломленная). Арнольдъ!.. Это былъ Арнольдъ?

Лахманъ. Тише! (Квантмейеръ и кельнеръ входятъ).

Квантмейеръ (показывая маленькій револьверъ). Вотъ, Лизочка, видишь, какой мерзавецъ! Посмотри-ка, сдѣлай одолженіе, на эту штучку!.. Стоитъ, правда, пять-шесть марокъ самое большее, а могла бы надѣлать дѣловъ.

Лиза Бенишъ. Оставьте вы меня, пожалуйста, въ покоѣ!

Фрицъ. Скажите на милость, гости, которые вытаскиваютъ револьверъ и около себя кладутъ... около своего пива... такимъ гостямъ я служить не желаю.

Лиза Бенишъ. Не желаете, такъ не служите.

Лахманъ (къ Фрицу). Вамъ этотъ господинъ угрожалъ револьверомъ?

Квантмейеръ (смѣриваетъ Лахмана полицейскимъ взглядомъ). Да. Угрожалъ! Этотъ господинъ! А вы сомнѣваетесь? Это

лучше всего. Можетъ-быть, мы еще и отвѣтить за это должны.

Лахманъ. Я только позволилъ себѣ спросить кельнера, не васъ.

Квантмейеръ. Позволилъ! Позволилъ! Кто вы такой? Что вы позволяете себѣ вмѣшиваться? Или вы, можетъ-быть, родственникъ «этому господину»? «Господинъ»! (Со смѣхомъ) На сегодня ему будетъ, господину. Запомнитъ урокъ... А ты думаешь, этотъ трусъ защищался?..

Михалина (приходя въ себя, встаетъ и идетъ, какъ помѣшанная, къ Квантмейеру). Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

Лиза Бенишъ (догадываясь о связи событій, съ быстротой молніи становится между Квантмейеромъ и Михалиной. Къ Квантмейеру). Прочь! Оставьте нашихъ гостей въ покоѣ... а то я сейчасъ позову папу.

Михалина (съ мучительнымъ, отчаяннымъ вскрикомъ, какъ бы желая вернуть Арнольда, въ смертельномъ страхѣ бѣжитъ къ двери). Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

Лахманъ (бѣжитъ за нею, удерживая ее). Нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина. Успокойся!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мастерская старика Крамера, та же, что и во второмъ дѣйствіи. Около пяти часовъ вечера. Занавѣсъ, который отдѣляетъ собственно мастерскую, какъ всегда, задернутъ. Крамеръ работаетъ за своимъ гравировальнымъ столикомъ. Онъ одѣтъ, какъ во второмъ дѣйствіи. Школьный слуга Краузе вынимаетъ изъ ручной корзинки, которую принесъ съ собою, синіе пакеты со стеариновыми свѣчами.

Крамеръ (не отрывая глазъ отъ работы). Положите туда свѣчи, туда, за подсвѣчники.

Краузе (положилъ пакеты на столъ, на которомъ стоятъ нѣсколько серебряныхъ канделябровъ. Затѣмъ достаетъ письмо и держитъ его въ рукѣ). Больше, значитъ, ничего, г. профессоръ?

Крамеръ. Профессоръ? Что это значитъ?

Краузе. Да, вѣрно, объ этомъ тутъ писано. Вотъ бумага изъ правленія. (Онъ кладетъ письмо на гравировальный столъ передъ Крамеромъ).

Крамеръ. Гм. Такъ. Это мнѣ? (Глубоко вздыхаетъ). Все достодолжное уваженіе. (Не распечатываетъ письма, продолжаетъ работать).

Краузе (беретъ свою корзину и хочетъ идти). Г. профессоръ,

не остаться ли мнѣ здѣсь на ночь? Вамъ, правда, надо было бы отдохнуть.

Крамеръ. Все останется, какъ было, Краузе. Что̀? И относительно ночи тоже, знаете. Да я и не одинъ буду. Я переговорилъ съ художникомъ Лахманомъ. Вы вѣдь знаете Лахмана издавна?

Краузе (беретъ шапку и вздыхаетъ). О, Господи, Господи! А сейчасъ, значитъ, больше ничего?

Крамеръ. Директоръ здѣсь?

Краузе. Такъ точно, г. Крамеръ.

Крамеръ. Благодарю. Отлично. Постойте. Еще минуточку. Въ понедѣльникъ вечеромъ... гдѣ это было... гдѣ тогда ваша жена встрѣтила Арнольда?

Краузе. Постойте... Это тамъ, гдѣ лодки... Внизу около укрѣпленій. Гдѣ лодки сдаютъ.

Крамеръ. Это маленькій ходъ, что̀ внизъ ведетъ? Совсѣмъ у воды?

Краузе. Такъ точно. Какъ разъ тамъ.

Крамеръ. Она съ нимъ заговорила, или онъ съ ней?

Краузе. Нѣтъ, онъ сидѣлъ на перилахъ, знаете ли, на стѣнѣ, тамъ, гдѣ стоятъ, смотрятъ, какъ поляки на плотахъ вечеромъ себѣ картофель варятъ. Женѣ это такъ странно показалось. Она это, значитъ, и поздоровалась съ нимъ.

Крамеръ. Что̀ она еще говорила съ нимъ?

Краузе. Она сказала, что, молъ, простудитесь.

Крамеръ. Гм! А онъ что̀ на это?

Краузе. Какъ жена это сказала, онъ смѣяться, и, жена говорила, видите ли, очень это онъ страшно смѣялся. Этакъ презрительно. Ничего больше я не знаю.

Крамеръ. Кто хочетъ презирать... все хочетъ презирать, знаете, у того найдутся и основанія къ этому. Мнѣ жаль только, что вы ко мнѣ не пришли!.. Я думаю, и тогда уже было поздно.

Краузе. Да, кабы впередъ знать! А кто же зналъ? И кому въ голову придетъ такое подумать? Какъ тогда Михалина пришла, — она тогда съ г. Лахманомъ ко мнѣ пришла,—тогда меня прямо страхъ взялъ. Тогда уже первый часъ ночи былъ.

Крамеръ. Знаете, ночь эту... я не забуду. Когда меня дочь разбудила, былъ часъ... А когда мы отыскали моего бѣднаго мальчика, на соборныхъ часахъ пробило девять.

Краузе (вздыхаетъ, качаетъ головой, отворяетъ дверь, чтобы

идти. Въ ту же минуту появляются Михалина и Лахманъ. Они входятъ въ комнату. Краузе уходитъ. Михалина одѣта въ темное платье, серьезная, усталая и заплаканная).

Крамеръ (кричитъ имъ навстрѣчу). А, вотъ и вы, дѣти! Ну, входите же. Вы, Лахманъ, значитъ, останетесь здѣсь на ночь? Вы были и его другомъ отчасти! Я очень радъ, что вы здѣсь побудете, потому что чужой... мнѣ было бы непріятно!.. (Онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается, задумывается и говоритъ) Я на пять минутъ васъ оставлю однихъ. Схожу къ г. директору. Скажу ему то, что имѣю ему сказать. А вы до тѣхъ поръ не уйдете.

Михалина. Нѣтъ, отецъ, Лахманъ, во всякомъ случаѣ, останется здѣсь. А мнѣ надо еще распорядиться.

Крамеръ. Я очень радъ, Лахманъ, что вы остаетесь. Я только на минуту, сейчасъ вернусь. (Накидываетъ на себя шаль, киваетъ обоимъ и уходитъ).

Михалина (садится, откидываетъ вуаль и вытираетъ глаза носовымъ платкомъ. Лахманъ снимаетъ пальто, шляпу и кладетъ палку). Измѣнился отецъ, по-твоему?

Лахманъ. Измѣнился? Нѣтъ!

Михалина. Ахъ, Господи, я опять забыла. Гертелей не извѣстили. Совсѣмъ у меня памяти не стало. А тутъ вѣнокъ... (Встаетъ и разсматриваетъ довольно большой лавровый вѣнокъ съ лентой, лежащій на диванѣ. Поднимаетъ прикрѣпленную къ ней карточку и, удивленная, продолжаетъ). Это отъ Шеффера... Да, она тоже теперь осиротѣла. У нея была только одна мысль: Арнольдъ. А Арнольдъ даже и не зналъ объ этомъ.

Лахманъ. Это та горбатенькая, которую я видѣлъ у тебя въ мастерской?

Михалина. Да, да. Она рисовала, потому что Арнольдъ рисовалъ. И во мнѣ она видѣла лишь сестру Арнольда... Да такъ: вѣнокъ она купила, за то три недѣли будетъ питаться однимъ чаемъ и хлѣбомъ.

Лахманъ. И при этомъ, быть-можетъ, будетъ очень счастлива... А знаешь, кого я встрѣтилъ? И кто тоже вѣнокъ пошлетъ?

Михалина. Кто?

Лахманъ. Лиза Бенишъ.

Михалина. Этого она могла бы не дѣлать. (Пауза).

Лахманъ. Если бы я могъ говорить съ Арнольдомъ!.. Быть-можетъ, и о Лизѣ Бенишъ. Можетъ-быть, что-нибудь изъ этого и вышло бы.

Михалина. Нѣтъ, Лахманъ, ты ошибаешься. Я этого не думаю.

Лахманъ. Кто знаетъ? Въ концѣ концовъ, онъ меня избѣгалъ. А я бы могъ ему объяснить одну вещь, что̀ именно, не скажу... И по опыту, такъ сказать. Намъ часто приходится отказываться отъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ. Потому что, исполнись они, Михалина,—у меня подобное желаніе исполнилось,—и мнѣ,—передъ тобой мнѣ не нужно скрываться,—мнѣ отъ этого стало только хуже.

Михалина. Свой опытъ не передашь, по крайней мѣрѣ, въ чемъ-либо глубокомъ.

Лахманъ. Возможно, но вообще — я знаю, что̀ знаю. (Пауза).

Михалина. Да, да, всегда такъ, всегда такъ бываетъ: И она съ огнемъ играла. А что это такъ могло кончиться, ей, конечно, въ голову не приходило. (У гравировальнаго стола) Посмотри, что̀ здѣсь отецъ только-что выгравировалъ.

Лахманъ. Мертвый рыцарь въ доспѣхахъ.

Михалина. Мм!

Лахманъ (читаетъ на доскѣ).

Я закованъ въ броню,
Смерть—мой оруженосецъ.

Михалина (неувѣренно, потомъ тихо плача). Я никогда не видала, чтобы отецъ плакалъ; посмотри, надъ этимъ отецъ плакалъ.

Лахманъ (невольно, беря ее за руку). Михалина, будемъ сильны, не правда ли?

Михалина. Листъ совсѣмъ мокрый! Ахъ, Боже мой. (Она овладѣваетъ собой, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и въ болѣе повышенномъ тонѣ продолжаетъ). Онъ, конечно, сдерживается, Лахманъ. А что̀ у него на душѣ—онъ на десять лѣтъ постарѣлъ, по крайней мѣрѣ.

Лахманъ. Кому жизнь въ ударахъ судьбы открываетъ всю глубину своего значенія — я тоже похоронилъ отца и брата,—тотъ, если онъ пережилъ самое тяжелое... корабль того пойдетъ спокойнѣе и ровнѣе,—съ мертвецами у себя, тамъ, глубоко въ трюмѣ.

Михалина. Но пережить, вотъ что̀ самое трудное.

Лахманъ. Я никогда не могъ предположить.

Михалина. Да, да! Какъ молнія! Это было какъ молнія. Я чувствовала: найдемъ мы его, хорошо! А не найдемъ, это будетъ конецъ... Я знаю Арнольда. Я это чувствовала. Въ немъ все давно накапливалось, и когда я поняла въ чемъ дѣло, я знала, что ему грозитъ опасность.

Лахманъ. Мы вѣдь совсѣмъ близко отъ него были.

Михалина. Было поздно. Когда я тогда опомнилась. Одно только слово! Одно слово бы сказать ему! Одно слово! И оно бы все повернуло, вѣроятно. Если бы они его поймали, тѣ люди, что гнались за нимъ, — если бы они привели его назадъ! Закричи я: Арнольдъ, вернись... (Отъ волненія не можетъ продолжать).

Лахманъ. Ничего бы дурного не вышло... Эти глупости съ револьверомъ...

Михалина. А эта дѣвушка. Позоръ. Отецъ, мать. И, вѣрно, тоже страхъ передъ послѣдствіями. Онъ представлялся невѣсть какимъ старикомъ, бывалымъ. А въ сущности онъ былъ, если его знать, какъ я, такой неопытный и наивный. Я знала вѣдь, что онъ носилъ при себѣ револьверъ.

Лахманъ. Онъ мнѣ тоже его показывалъ въ Мюнхенѣ.

Михалина. Да, потому что ему всегда казалось, что его преслѣдуютъ. Онъ видѣлъ въ окружающихъ однихъ враговъ, и его нельзя было переубѣдить. Это все наружно только, говорилъ онъ всегда. Они прячутъ свои когти. И если не остережься, тебѣ конецъ.

Лахманъ. Да, это отчасти и такъ. Въ этомъ есть правда. Въ извѣстные моменты это чувствуешь. Онъ много, должнобыть, перенесъ всякой грубости. И, если себя поставить на его мѣсто,—онъ былъ правъ по-своему.

Михалина. Надо было больше заботиться о немъ. Арнольдъ былъ всегда такой рѣзкій. И какъ бы ты ему добра ни желалъ, онъ отталкивалъ тебя съ самыми твоими добрыми намѣреніями.

Лахманъ. Что такое онъ написалъ твоему отцу?

Михалина. Папа никому не показывалъ еще письма.

Лахманъ. Мнѣ онъ только намекнулъ на него... Только намекнулъ и ничего, въ сущности, не сказалъ. Впрочемъ, онъ говорилъ о немъ безъ всякой горечи. Я думаю, въ этомъ письмѣ было что-нибудь въ родѣ того, что не выношу жизни. Не приспособленъ къ жизни.

Михалина. Почему онъ не искалъ поддержки у отца? Конечно, отецъ суровъ. Но кто не понимаетъ доброты, человѣчности въ немъ, не чувствуетъ ея, у того самого чего-нибудь не хватаетъ. Я, какъ женщина, видишь ли, я это понимала. И насколько мнѣ это было труднѣе, чѣмъ Арнольду. Отецъ самъ жаждалъ откровенности Арнольда. А я должна была добиваться довѣрія отца. Отецъ правдивъ до

ужаса, вотъ и все. Меня отецъ больнѣе задѣвалъ, чѣмъ Арнольда, а Арнольдъ мужчина. Я же вынесла.

Лахманъ. Я бы могъ исповѣдываться твоему отцу.

Михалина. Онъ черезъ то же прошелъ.

Лахманъ. Это чувствуется.

Михалина. Да, и я знаю навѣрно. Отъ бы, конечно, понялъ Арнольда.

Лахманъ. Кто? Кто знаетъ спасающее слово?

Михалина. Вотъ видишь, Лахманъ, какъ это бываетъ. Наша мать внутренно очень далека отъ отца, а когда у нея что̀ выходило съ Арнольдомъ, она сейчасъ же грозила отцомъ. Такимъ образомъ... чего она достигла... только ускорила, быть-можетъ...

Крамеръ (возвращается. Вѣшаетъ свою шаль). Вотъ и я! А что̀ мама?

Михалина. Она просила, чтобы ты не переутомлялся. Ты сегодня дома ночуешь?

Крамеръ (просматривая письма съ выраженіемъ соболѣзнованія). Нѣтъ, Михалина. Если ты домой пойдешь, отнеси мамѣ эти письма. (Къ Лахману) Видите, у него тоже друзья были, только мы этого не знали.

Михалина. И днемъ на квартиру къ намъ многіе приходили.

Крамеръ. Лучше бы не приходили. Но если они думаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло, то имъ не надо мѣшать. Ты уходишь?

Михалина. Да, надо. Эти ужасныя формальности и затрудненія!

Крамеръ. Это теперь не должно насъ разстраивать. Нужно исполнить послѣдній долгъ.

Михалина. Прощай, папа.

Крамеръ (нѣсколько ее задерживая). До свиданія, милая. Тебя это и не разстраиваетъ. Ты самая разумная изъ всѣхъ насъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина, я не такъ это сказалъ. Ты разумная, здоровая. И сердце у нея, Лахманъ, нѣжное, какъ ни у кого другого. (Михалина плачетъ сильнѣе). Но, послушай, и покажи это, дѣвочка. Мы должны показать, что̀ мы можемъ вынести.

Михалина (овладѣваетъ собой, жметъ ему руку, затѣмъ Лахману, и уходитъ).

Крамеръ. Лахманъ, а мы вставимъ свѣчи. Раскройте пакеты. (Самъ дѣлаетъ это). Горе, горе, горе! Чувствуете ли, что̀ въ этомъ словѣ? Знаете, то же и со словами бываетъ:

они только временами дѣлаются живыми, въ повседневности они мертвы. (Передаетъ Лахману подсвѣчникъ, въ который онъ воткнулъ свѣчу). Отнесите это туда, къ моему мальчику. (Лахманъ направляется съ подсвѣчникомъ за занавѣсъ въ комнатѣ. Крамеръ одинъ передъ занавѣсомъ продолжаетъ громко) Когда въ жизни наступаетъ великое, знаете, тогда все мелкое какъ бы сметено. Мелочи разъединяютъ, великое соединяетъ, знаете ли. То-есть надо, чтобы такъ было. Въ смерти всегда есть нѣчто великое, знаете: въ смерти и въ любви. (Лахманъ выходитъ изъ-за занавѣса). Я былъ сейчасъ внизу у директора, сказалъ ему всю правду. И почему бы я сталъ лгать, знаете? Мнѣ теперь не до того. Какое мнѣ дѣло до кого бы то ни было на свѣтѣ, хотѣлъ бы я знать! Онъ тоже сталъ выше этого... А женщины, видите, безъ этого не могутъ. Въ такихъ случаяхъ пасторъ не сопровождаетъ гробъ, и все бываетъ не по-положенному. А мнѣ это, знаете, совсѣмъ не важно. Богъ для меня — все. Пасторъ ничто. Знаете ли, что̀ я дѣлалъ сегодня утромъ? Хоронилъ свои любимыя мечты. Тихо, тихо, про себя. Совсѣмъ тихо, знаете. Длинное было шествіе: большія и маленькія, замѣтныя и незамѣтныя. Теперь передо мной, Лахманъ, все, какъ скошенное поле.

Лахманъ. Я тоже потерялъ друга. Умершаго добровольно, хочу я сказать.

Крамеръ. Добровольно, знаете?.. Кто знаетъ, такъ ли это? Посмотрите на эти наброски. (Роется въ боковомъ карманѣ сюртука и вынимаетъ книжечку съ набросками, которую онъ раскрываетъ передъ Лахманомъ, подводя его къ окну, гдѣ еще видно, при вечернемъ свѣтѣ). Вотъ здѣсь собраны всѣ его мучители. Посмотрите. Вотъ они, какъ онъ ихъ видѣлъ. И знаете, глазъ у него былъ. Воистину злой глазъ. Но настоящій взглядъ, думаю я... Можетъ-быть, я не такъ разстроенъ, какъ вы думаете, и не такъ безутѣшенъ, какъ думаютъ многіе. Смерть, знаете, поднимаетъ на высоту. И вмѣстѣ съ тѣмъ, видите ли, пригнетаетъ низко. И то, что̀ насъ пригнетаетъ, одновременно прекрасно и чудовищно. Мы это чувствуемъ тогда, почти видимъ это, и безъ страданій дѣлаемся больше... Что̀ только ни умерло въ моей жизни! Многіе изъ тѣхъ, Лахманъ, кто живъ еще понынѣ. Почему сердца исходятъ кровью и бьются въ то же время?.. Потому что имъ надо любить, Лахманъ. Все стремится къ единенію, а надъ нами виситъ проклятіе разрозненности. Мы ничего не хотимъ упустить, и все уходитъ отъ насъ такъ же, какъ приходитъ.

Лахманъ. Я это тоже испыталъ.

Крамеръ. Когда Михалина разбудила меня ночью, я былъ, должно-быть, очень жалокъ. Но, видите, я тогда уже это зналъ. Самые тяжелые часы для меня были тѣ, когда ему пришлось лежать тамъ. Въ тѣ часы, клянусь Богомъ, Лахманъ, было ли это просвѣтлѣніе во мнѣ, или нѣтъ, но я самъ себя не узнавалъ. Знаете, я горько роптalъ, самъ отъ себя не ожидалъ этого. Я глумился, я бунтовалъ противъ Бога. Мы сами не знаемъ себя. Я смѣялся, какъ идолопоклонникъ, и обращался за отвѣтомъ къ своему идолу. Тогда для меня это была проклятая шутка, чертовская, ни къ чему не нужная продѣлка, знаете, Лахманъ, весьма дешевая, неостроумная и скверная. Видите, какой я былъ, какъ я бунтовалъ. Потомъ... Когда онъ очутился здѣсь, у меня, я только тогда опомнился. Сначала такое и въ голову не приходитъ. Теперь усвоилъ. Теперь уже этимъ живу. Теперь скоро два дня, что его нѣтъ. Я былъ оболочкой, тамъ лежитъ зерно. Лучше бы они оболочку взяли.

Михалина (входитъ тихо, не стучась). Папа, внизу Лиза Бенишъ. Она принесла вѣнокъ.

Крамеръ. Кто?

Михалина. Лиза Бенишъ. Она хотѣла бы тебя видѣть. Можно ей войти?

Крамеръ. Я не виню ее, я не мѣшаю ей. Во мнѣ нѣтъ ненависти. Все такъ мелко и ничтожно кажется мнѣ теперь. (Михалина уходитъ). Меня это, знаете, поразило неожиданностью. Да оно и не удивительно, послушайте-ка... Живешь себѣ изо дня въ день, какъ будто такъ все и должно быть. Бьешься изъ-за разныхъ мелочей, и, знаете, придаешь имъ невѣсть какое значеніе. Создаешь себѣ заботы, охаешь, жалуешься, и вдругъ налетитъ это сразу, какъ орелъ на стаю воробьевъ. Тогда, знаете, держись. За это я, видите, и наказанъ, и все, что бы теперь со мной ни было,—меня ничто не можетъ больше радовать, ничто не можетъ испугать. Для меня больше нѣтъ угрозъ.

Лахманъ. Можетъ-быть, зажечь одну?

Крамеръ (раздвигаетъ занавѣсъ. Въ глубинѣ большой, почти уже темной мастерской на возвышеніи лежитъ въ гробу покойникъ, весь въ покровахъ). Посмотрите, вотъ лежитъ одинъ изъ сыновъ человѣческихъ! Какіе безчеловѣчныя животныя люди! (Сквозь высокія окна мастерской, слѣва, слабый отблескъ вечерней зари. Въ головахъ гроба канделябры съ зажженными свѣчами. Крамеръ снова подходитъ впередъ къ столу и наливаетъ вино въ стаканы). Лах-

мань, подите сюда, подкрѣпитесь. Здѣсь есть вино. Можно подкрѣпиться. Выпьемъ, Лахманъ. Совершимъ жертвенное возліяніе. Чокнемся спокойно. Тотъ, кто лежитъ тамъ—это я! Это вы! Въ этомъ большое величіе. Что къ этому можетъ прибавить пасторъ. (Они пьютъ. Пауза).

Лахманъ. Я давеча упомянулъ о другѣ, мать котораго была дочь пастора и которая какъ-то особенно огорчалась, что никто изъ духовенства не соглашался его хоронить. А когда мы опустили тѣло въ могилу, на нее какъ будто сошелъ Духъ Святой. И какъ будто самъ Богъ молился ея устами... Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь такъ молился.

Михалина (вводитъ Лизу Бенитъ, скромно одѣтую въ темное. Обѣ останавливаются въ дверяхъ. Лиза прижимаетъ носовой платокъ къ губамъ).

Крамеръ (повидимому, не замѣчая Лизы, спичкой зажигаетъ свѣчи Лахманъ дѣлаетъ то же, пока не зажжены всѣ свѣчи въ двухъ канделябрахъ и въ шести подсвѣчникахъ). Что знали эти франты о немъ? Эти бревна и чурбаны въ образѣ человѣческомъ? О немъ и обо мнѣ и о нашей боли! Они затравили его на смерть. Убили его, Лахманъ, какъ собаку. Да, они убили его, это я имѣю право сказать. Да и что, скажите, могли бы они ему сдѣлать! Ну, а теперь подойдите же, господа! Посмотрите на него и попробуйте оскорбить его. Подойдите поближе и попробуйте, осмѣлитесь ли вы. Теперь, Лахманъ, знаете, этого уже нельзя больше! (Онъ снимаетъ съ лица покойника шелковый платокъ). Ему хорошо такъ лежать! Хорошо! Хорошо! (При свѣтѣ свѣчей виденъ близъ гроба поставленный мольбертъ, на которомъ начатая картина. За нее теперь садится Крамеръ. Онъ продолжаетъ говорить, ни на кого не глядя, какъ будто кромѣ него и Лахмана никого нѣтъ). Я сидѣлъ здѣсь весь день, рисовалъ, писалъ, снялъ съ него маску. Вотъ она лежитъ тамъ въ шелковомъ платкѣ. Теперь онъ ни въ чемъ не уступитъ величайшему изъ великихъ. (Показываетъ на маску Бетховена) Когда хочешь такія черты запечатлѣть, чувствуешь все свое безсиліе. Все, что теперь видимъ на лицѣ его, все это, Лахманъ, было въ немъ. Я это чувствовалъ, я это зналъ, я видѣлъ это въ немъ, но все же не могъ добыть этого сокровища, а смерть сумѣла это сдѣлать. И все теперь исполнено ясности въ немъ, она исходитъ изъ него, изъ его лица, и, знаете, Лахманъ, я ищу этого свѣта, стремлюсь къ нему, какъ черная опьяненная бабочка. И, знаете, вообще чувствуешь себя такимъ безпомощнымъ. Всю жизнь я былъ его школьнымъ

учителемъ. Я дурно обращался съ мальчикомъ, а онъ вырось до какого величія. Я, можетъ-быть, задушилъ это растеніе. Можетъ-быть, я заслонилъ ему солнце, и онъ зачахъ въ моей тѣни. Но, видите, Лахманъ, онъ не хотѣлъ меня принять, и если ему не хватало друга... Я, Лахманъ, могъ быть его другомъ... Когда приходила тогда та дѣвушка, я попробовалъ... все, что могъ. Но тогда зло взяло верхъ въ немъ, и когда зло брало въ немъ верхъ, — ему доставляло радость мучить меня. Раскаяніе? Я не знаю раскаянія. Но меня это сломило. Я передъ нимъ совсѣмъ сталъ жалкимъ. Я смотрю на этого мальчика снизу вверхъ, какъ будто онъ мой старшій предокъ. (Михалина подводитъ Лизу Бенитъ. Она кладетъ свой вѣнокъ въ ноги покойника. Крамеръ взглядываетъ ей прямо въ лицо).

Лиза Бенитъ. Г. Крамеръ, я... я... я... Я такъ несчастна. Люди пальцами на меня показываютъ... (Пауза).

Крамеръ (наполовину про себя). А гдѣ теперь то, что было столь смертоносно? И все же, кто разъ узналъ это и продолжаетъ жить, у того останется заноза въ ладони. До чего бы онъ ни дотронулся, онъ будетъ чувствовать боль отъ нея. А вы идите спокойно домой. Между нимъ и нами теперь миръ.

(Пауза. Михалина и Лиза Бенитъ уходятъ).

Крамеръ (уйдя въ созерцаніе покойника и свѣчей). Свѣчи! Свѣчи! Какъ это странно! Я сжегъ не одну свѣчу! Я видѣлъ пламень многихъ свѣчей, Лахманъ. Но, знаете, этотъ свѣтъ другой. Я васъ не пугаю, Лахманъ?

Лахманъ. Нѣтъ. Чего же мнѣ пугаться?

Крамеръ (вставая). Есть люди, которые пугаются. Но я думаю, Лахманъ, что не нужно пугаться ничего на свѣтѣ. Любовь, говорятъ, сильна, какъ смерть. Переверните эту фразу: смерть такъ же нѣжна, какъ любовь, Лахманъ. Знаете, смерть оклеветали. Это худшій обманъ, какой есть! Смерть есть самая кроткая форма жизни: высшее художественное созданіе вѣчной любви. (Онъ растворяетъ большое окно въ мастерской. Тихій звонъ вечернихъ колоколовъ. Вздрагиваетъ отъ холода). Шумная жизнь—это дрожь лихорадки. То холодно, то жарко. То жарко, то холодно!.. Вы сдѣлали то же самое съ Сыномъ Божіимъ! И теперь вы сдѣлали съ нимъ то же, что тогда. И теперь, какъ тогда, онъ не умретъ. Колокола поютъ. Вы слышите? Они разсказываютъ всѣмъ и повсюду исторію мою и моего сына. И о томъ, что ни одинъ изъ насъ не погибъ!.. Это явственно слышно отъ

слова до слова. Это произошло сегодня. Сегодня великій день. Колоколъ—это больше, чѣмъ церковь, Лахманъ! Призывъ къ столу—это больше, чѣмъ хлѣбъ. (Ему бросается въ глаза маска Бетховена. Онъ снимаетъ ее со стѣны и продолжаетъ, разглядывая ее) Гдѣ мы причалимъ, куда мы несемся? О чемъ ликуемъ мы надъ краемъ пропасти? Мы, малые, въ неизмѣримости потерянные? Какъ будто мы знаемъ, куда нашъ путь лежитъ! Такъ ликовалъ и ты! А что ты зналъ? Ни пиршествъ земныхъ!.. Ни неба поповъ! Ни то и ни другое, но что... (Съ поднятыми къ небу руками) Что будетъ тамъ, въ концѣ?

(Занавѣсъ падаетъ).

ГАННЕЛЕ.

Драма-сновидѣніе въ двухъ актахъ.

Переводъ О. Н. Чюминой.

Маріи Гауптманъ,
рожденной Гидеманъ.

Дѣти рвутъ алый клеверъ, осторожно обрываютъ вѣнчикъ и высасываютъ сокъ изъ тонкихъ блѣдныхъ стебельковъ. У нихъ во рту остается легкій сладковатый вкусъ. Если ты извлечешь изъ моего произведенія хотя бы столько же сладости, я не стану стыдиться моего дара.

Герартъ.

Шрейберау, 1893.

«Ганнеле», или по первоначальному заглавію «Вознесеніе Ганнеле Маттернъ» (Hannele Matterns Himmelfahrt), открываетъ рядъ сказокъ-драмъ Гауптмана (Märchendramen), къ которому прежде всего относятся еще «Потонувшій колоколъ» и «Бѣдный Генрихъ».

Какъ въ литературной сокровищницѣ Гауптмана эта пьеса въ правѣ претендовать на мѣсто, близкое къ центру, поскольку она намѣчаетъ совершенно новый и не менѣе великолѣпный поворотъ въ его творчествѣ, такъ въ жизни самого писателя она—переломная грань. Сіяніе возносящейся въ небеса Ганнеле озарило и Гауптмана міровою славою. «Ганнеле» открыло ему двери королевскаго театра. «Ганнеле» дало ему доселѣ еще невиданный подъемъ общаго восторга. «Ганнеле» принесло ему премію Грильпарцера.

Даже внѣшняя сторона появленія этой пьесы представляетъ особенный интересъ. Вотъ какъ ее передаютъ Шлентеръ, Бартельсъ, Ганштейнъ и Штейгеръ.

«Ганнеле»—свидѣтельство проживанія Гауптмана въ 1891 г. въ родной Силезіи. Уже сложившійся и признанный поэтъ, здѣсь онъ пережилъ всѣ освѣжающія и очищающія впечатлѣнія дѣтства. Поздниимъ лѣтомъ 1893 г. поэтъ привезъ драму въ Берлинъ и прочелъ ее друзьямъ. Между первыми, слышавшими ее изъ его устъ, былъ директоръ королевской берлинской сцены, графъ фонъ-Гохбергъ, землякъ Гауптмана, силезецъ. Родная поэзія сразу охватила его. Онъ понялъ, что эта вещь создана для сцены.

14-го ноября 1893 г., въ канунъ 31-го дня рожденія Гауптмана, «Ганнеле» была поставлена въ королевскомъ театрѣ. Гохбергу впервые съ такою силой пришлось почувствовать, насколько различны человѣческіе взгляды.

Успѣхъ пьесы былъ колоссальный, впечатлѣніе потрясающее, но сейчасъ же за только-что закрывшимися дверями театра разразилась та буря разномыслія, какую исключительно суждено будить Гауптману. Разнаго рода теоретики тотчасъ же подняли пьесу на вилы своей партійной узкости.

Убѣжденные послѣдователи натурализма и соціалъ-демократы, молившіеся на Гауптмана, какъ творца «Ткачей», считали себя оскорбленными до глубины души «измѣною» имъ писателя. Авторъ революціонныхъ «Ткачей», высмѣивавшій чиновничество въ «Бобровой шубѣ», дерзнулъ измѣнить натурализму ради мистики, ради какихъ-то фантастическихъ грезъ о загробномъ блаженствѣ и воздаяніи за страданія!

«Мнѣ несимпатична эта смѣсь церкви и театра, патологіи и серафическаго восторга!» — восклицалъ Карлъ Френцель. Исключительно

рѣзко критикъ Ф. Мерингъ бичевалъ Гауптмана за то, что въ душу пролетарской дѣвочки онъ вложилъ религіозную мечту. Другіе, смѣясь надъ «внезапнымъ благочестіемъ» поэта, прямо называли его ханжой. Одинъ критикъ торжественно заявлялъ, что отнынѣ нѣмецкій народъ можетъ совсѣмъ отказаться отъ надежды увидѣть въ Гауптманѣ своего Шекспира.

Въ то время, какъ одни призывали цензуру, другіе взывали къ полиціи, кивая,—какъ было и съ «Ткачами»,—на то, что такое пламенное сочувствіе голодной голытьбѣ можетъ вызвать на бунтъ всѣхъ недовольныхъ соціальнымъ строемъ, третьи указывали, что современные нервы не въ силахъ выдержать ужаса появленія нѣмого призрака смерти. Считали оскорбленіемъ религіознаго чувства появленіе Спасителя и ангеловъ на сценѣ, и это несмотря на то, что придворный театръ, самъ по себѣ повышенно осторожный и щепетильный, уже смягчилъ многое, имѣя въ виду именно благочестиваго зрителя. Часть публики протестовала противъ появленія на сценѣ Христа въ видѣ странника, и въ слѣдующія представленія странникъ являлся въ видѣ юноши безъ бороды, потомъ превращаясь въ ангела. Протестовали и противъ ангела смерти, заносящаго мечъ надъ бѣдной Ганнеле. Режиссеръ королевской сцены снялъ и эту подробность.

Придворный проповѣдникъ Эмиль Фроммель былъ официально командированъ въ театръ для выясненія, насколько дѣйствительно въ пьесѣ содержится оскорбленіе религіи. Но выборъ филистеровъ оказался неудачнымъ. Въ роли цензора-инквизитора оказался человѣкъ съ настоящей поэтической душой.

Фроммель ушелъ изъ театра глубоко потрясенный, поэтически захваченный и еще не разъ вернулся въ театръ, чтобы пережить съ мукою любви драму бѣдной дѣвочки. И придворная цензура не посягнула на дѣтище Гауптмана.

Въ довершеніе всего, голоса друзей старательно оправдывали дѣйствительность дѣтскаго бреда Ганнеле, ставя въ заслугу автору, что даже въ область сна онъ сумѣлъ провести послѣдовательный натурализмъ, и видя въ этомъ новую побѣду таланта.

Знаменитый Антуанъ, глава извѣстнаго французскаго театра, большой поклонникъ Гауптмана, спеціально пріѣхалъ изъ Парижа въ Берлинъ, чтобы быть на первомъ представленіи. Въ честь его былъ устроенъ фестиваль, который обратился въ истинное чествованіе Гауптмана. Даже люди устарѣлыхъ понятій, не хотѣвшіе признать гауптмановскихъ «Ткачей», преклонились предъ прелестной поэмой. Антуанъ былъ одинаково восхищенъ и реалистическимъ началомъ и мистическимъ концомъ поэмы. Онъ, конечно, немедленно пересадилъ пьесу на французскую почву.

Въ Парижѣ почитатели автора «Ткачей» были нѣсколько разочарованы. Гауптманъ казался имъ больше «у себя» въ домѣ призрѣнія, чѣмъ въ царствѣ идеаловъ.

Зато цѣлую бурю восторговъ пьеса вызвала въ Америкѣ. Постановка «Ганнеле» у насъ, въ Россіи, прогремѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, точно такъ же вызвавъ обостренную полемику газетъ за и противъ пьесы и по вопросамъ объ ея касаніи религіи. Долго держались опасенія, что пьеса будетъ насильственно снята съ репертуара.

Послѣ «Крамера», «Ганнеле»—третій сценическій успѣхъ Гауптмана и первый—міровой. Дружественная ему критика заявила, что эта пьеса была моліеносной побѣдой новаго направленія въ искусствѣ.

Но менѣе грандіозенъ былъ и литературный успѣхъ «Ганнеле». Въ

декабрѣ 1893 г. она появилась въ иллюстрированномъ изданіи. Хотя рисунки Юл. Экстера нельзя было назвать подходящими къ символическому стилю и наивной темѣ драмы, книжка выдержала 4 изданія. Другое, неиллюстрированное изданіе, съ 1896 г. по 1905 г. было повторено 14 разъ.

Свою книгу о Гауптманѣ извѣстный Шлентеръ, такъ сказать, официозный біографъ драматурга, посвятилъ юной актрисѣ, создавшей своеобразный образъ Ганнеле.

Что плѣнило и плѣняетъ посейчасъ зрителя и читателя въ «Ганнеле»? Плѣняетъ самый драматизмъ дѣтскаго страданія, та вѣчная тема о невинной «дѣтской слезкѣ», не искупаемой ничѣмъ ни въ этомъ вѣкѣ ни въ будущемъ, которую съ потрясающею силою установилъ для русской литературы Достоевскій въ «Карамазовыхъ». Вотъ вопросъ, вотъ картины, передъ которыми взрослый не можетъ не испытать волненія и содроганія! Плѣняетъ и вся та красота выраженія авторскаго страданія за эти «дѣтскія слезки», какую Гауптманъ нашелъ въ своей душѣ.

«Не будучи сентиментальною, — пишетъ Брандесъ:—«Ганнеле» — мечтательная поэма, созданная душою, которая при нѣжности и искренности своихъ чувствъ заслуживаетъ вполнѣ названія прекрасной. Душевный міръ ребенка открывается передъ нами во всѣхъ его мелкихъ изгибахъ, и нельзя не поразиться при видѣ того, какое богатство содержанія, какія сокровища могутъ скрываться въ тайникахъ сердца бѣднаго, маленькаго, замученнаго до смерти ребенка. Въ пьесѣ много поэтическихъ достоинствъ: глубина и тактъ, тонкость наблюденія, полускрытая символика, захватывающая душу лирика... Сама по себѣ мучительно-патетическая, драма приноситъ намъ утѣшеніе и примиреніе, потому что въ то самое время, какъ ребенокъ переживаетъ свою смерть и благодаря этому пріобрѣтаетъ защиту и избранничество, чувствуя себя поднятымъ черезъ смерть въ царство небесъ,— его мученія прекращаются, и воцаряется поэтическая справедливость въ болѣе глубокомъ значеніи этого слова, чѣмъ обыкновенно».

Именно Гауптманъ, съ его исключительнымъ даромъ соединенія въ душѣ двухъ царствъ—реальнаго и мечтательнаго, могъ связать въ одной картинѣ страшную дѣйствительность жизни несчастной дѣвочки съ міромъ ея свѣтлыхъ дѣтскихъ грезъ. Здѣсь Гауптманъ могъ или откровенно уйти въ область фантастическаго, какъ ушелъ Гёте въ «Фаустѣ», или подставить подъ всѣ грезы Ганнеле трезвую дѣйствительность. Послѣдовательный натуралистъ сидѣлъ въ немъ прочно, и онъ избралъ второй путь. Тѣ, кто называютъ драму символической, очень погрѣшаютъ противъ истины. Символовъ здѣсь нѣтъ. Здѣсь все надо понимать *такъ*, какъ дано, не подставляя какого-либо иного смысла подъ понятія и образы. Это не то, что «Потонувшій колоколъ».

Въ самыхъ грезахъ Ганнеле Гауптманъ сумѣлъ остаться на почвѣ тѣхъ представленій, какія могли быть именно у такой дѣвочки-простушки. Ея представленія о раѣ и небесномъ блаженствѣ, о плодахъ и золотистомъ винѣ, ея видѣнія ангеловъ, точь въ точь такихъ, какихъ она видѣла на плохихъ картинахъ деревенской церкви, ея честолюбивыя мечты о нарядѣ невѣсты въ гробу и стеклянныхъ башмачкахъ— все это именно такъ должно было отразиться въ душѣ дѣвочки ея лѣтъ и нравственнаго уровня. Не диссонируетъ съ этимъ и такая подробность, какъ недѣтское уже представленіе о «бѣлой постели и темной комнатѣ» новобрачныхъ въ ея пѣсенкѣ. Ганнеле—изъ той среды, гдѣ ребенокъ рано видитъ жизнь и въ 14 лѣтъ уже многое

знаетъ. Въ бредовомъ отожествленіи любимаго учителя съ Христомъ также соблюдена логика болѣзни. Психіатръ, анализирующій эту частность, могъ бы найти ее хорошо мотивированной.

Упрекъ Гауптману въ томъ, что грезы Ганнеле моментами облечены въ слишкомъ красивыя для дѣвочки-оборвашки слова, хорошо отражаетъ Штейгеръ.

«Если,—говоритъ онъ:—поэтъ хотѣлъ воспроизвести въ драмѣ то, что Ганнеле видѣла во снѣ, то онъ долженъ былъ найти для этихъ дѣтскихъ мыслей самые лучшіе стихи, самые восхитительные образы, чтобы слушатель могъ самъ прочувствовать все блаженство, испытываемое спящимъ ребенкомъ. Требовать здѣсь, во имя правды, вмѣсто этихъ ангельскихъ голосовъ и рѣчей Спасителя, ребяческихъ рифмъ и безцвѣтныхъ библейскихъ стиховъ—было бы совершенно нелѣпо».

Образъ Ганнеле остается изумительно цѣльнымъ и трогательнымъ. «Чтобы вовсе извратить его на сценѣ,—пишетъ Шлентеръ:—нужна выходящая изъ ряда бездарность. Чтобы показать все внутреннее содержаніе его, нужно имѣть врожденную, конгеніальную Гауптману силу, которая слила бы воедино дѣтское, глубокое, полное фантазіи настроеніе съ полной художественною зрѣлостью».

Для режиссера и актера «Ганнеле» представляетъ совершенно исключительныя трудности. Переливы дѣйствительности и грезъ ничѣмъ не оттѣнены въ текстѣ. Едва, напримѣръ, бредящая Ганнеле заговорила съ Мартой,—уже снова вступаетъ во власть міръ сна. Единственное средство показанія этого, по мнѣнію Шлентера,—тонъ исполнителей. Въ сценахъ сновидѣній должно входить въ стиль представленія нѣчто туманное и расплывающееся. Сумеречные, сказочные тона должны отмѣчать такія сцены отъ сценъ реальныхъ.

Критика съ крайнимъ усердіемъ старалась подыскать литературныя и художественныя произведенія, какія могли «навѣять» на Гауптмана сюжетъ «Ганнеле». Трагедія несчастнаго ребенка вѣчно занимала поэтовъ, и поэтому не было ничего легче, какъ подыскать здѣсь цѣлый рядъ прототиповъ. Такъ, указывали на гётевскую Миньону, отношенія которой къ Вильг. Мейстеру могли напоминать отношенія Ганнеле къ Готтвальду, ссылались на диккенсова Оливера Твиста, Гедвигу изъ «Дикой утки» Ибсена, съ большимъ основаніемъ на Анютку изъ «Власти тьмы» *) и на разсказъ Достоевскаго о «Мальчикѣ у Христа на елкѣ» (Суворинъ). Есть мнѣніе, что Гауптманъ имѣлъ въ памяти картину нѣмецкаго художника Фрица Уде (F. Uhde), изображающую Христа, входящаго съ благословеніемъ въ хижину бѣдняка. Сама по себѣ мысль о предсмертной грезѣ ребенка на ложѣ смерти и нищеты настолько проста, что едва ли нужны такія изысканія. Въ раннихъ стихотвореніяхъ Гауптмана можно найти пьесу (Die Mondbraut) гдѣ поэтъ уже тронулъ тему земного страданія, искупаемаго блаженствомъ, и образъ дѣвочки-мученицы. И всѣ изысканія указаннаго рода ничего не умалятъ въ заслугѣ Гауптмана. Вся суть въ томъ, какъ написалъ онъ свою драму. А здѣсь неотрицаема его высокая самобытность и яркій поэтическій талантъ.

Несравнимо большее воздѣйствіе на Гауптмана оказало родное небо

---

*) Умѣстно замѣтить о сходствѣ Плешке съ косноязычнымъ Акимомъ изъ той же драмы. Въ «Ганнеле», между прочимъ, повторена и насмѣшка женщины надъ косноязычіемъ Плешке, вызывающая въ памяти реплику Матрены: «вотъ только и рѣчей отъ орла моего,—таѣ, таѣ...». И самое «того» Плешке напоминаетъ присловье Акима.

Силезіи, дѣтскія воспоминанія, преданія, всосанныя съ молокомъ матери, и тотъ красивый мистицизмъ, какой лежитъ въ характерѣ силезца. Печать набожной Силезіи лежитъ на всей пьесѣ, сказываясь не только въ діалектѣ, на которомъ говоритъ окружающіе Ганнеле.

Маститый нѣмецкій романистъ Густавъ Фрейтагъ за годъ до своей смерти далъ восторженный отзывъ о «Ганнеле», замѣтивъ, что создать такую вещь могъ только «истинный поэтъ и, можетъ-быть, только изъ того горнаго округа, который подвѣдомственъ горному духу, Рюбецалю». Онъ былъ плѣненъ «внутреннимъ прозрѣніемъ въ таинственнѣйшія движенія души и вдыхалъ ароматъ родной почвы и тѣхъ образныхъ оборотовъ языка, какихъ не найти въ книгахъ, но какіе живутъ въ народѣ доселѣ». Глубоко вѣрно онъ указалъ «народность» драмы, обвѣянной духомъ старинныхъ нѣмецкихъ сказаній, восходящихъ къ X-му вѣку, къ поэмѣ саксонской монахини Гросвиты. Непосредственныя вѣянія жизни руководили Гауптманомъ болѣе властно, чѣмъ какіе бы то ни было литературные образцы. «Кто пѣшкомъ прошелъ бы,—вѣрно замѣчаетъ Шлентеръ:—по очаровательному лѣсистому лугу, по склонамъ холма около крестьянскаго домика братьевъ Карла и Герхарта Гауптмановъ, въ Шрейберау, — могъ бы встрѣтить на деревенской улицѣ обитателей дома призрѣваемыхъ, — отца Шлешке, ставшую набожной Тульпе, уличную дѣвицу Гету, еще не ставшую сидѣлкой, невѣжу Ганке и каменщика Маттернъ. Въ общеніи съ народомъ и природой окрѣпло искусство поэта, и если корни этой поэзіи—въ земной скорби, то верхушки ихъ вѣнчаетъ небесный свѣтъ».

«Какъ бы различно ни судили о «Ганнеле»,—пишетъ Бартельсъ:—оно есть неоспоримо прекрасное и истинно-трогательное произведеніе, и хочется сказать, что оно создано настоящимъ поэтомъ... Пьеса по существу «театральна», но повсюду въ это «театральное» вложено столько человѣческаго содержанія, и здѣсь часто такъ много поэтической прелести, что со сцены возбуждается величайшее состраданіе къ судьбѣ бѣднаго ребенка».

Дѣйствительно, создать изъ бреда умирающаго ребенка такую красоту, при такомъ простомъ замыслѣ такъ захватить сердца, такъ тронуть ихъ проповѣдью милосердія—могъ только большой художникъ. До появленія «Потонувшаго колокола», стихи, заключающіе «Ганнеле», справедливо считались вершиною гауптмановской поэзіи.

ГАННЕЛЕ.

Драма-сновидѣніе.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ганнеле.
Готтвальдъ, учитель.
Сестра Марта, дьяконисса.
Тульше.
Гедвига.
Плешке.
Ганке.
Зейдель, дровосѣкъ.
Бергеръ, окружный начальникъ.
Шмидтъ, судейскій служитель.
Докторъ Вахлеръ.

Въ бреду передъ Ганнеле появляются: каменщикъ Маттерн, ея отецъ. Женщина, ея покойная мать. Высокій черный ангелъ. Трое свѣтлыхъ ангеловъ. Дьяконисса. Готтвальдъ и его ученики. Обитатели пріюта: Плешке, Ганке и др. Зейдель. Четверо юношей въ бѣлыхъ одеждахъ. Странникъ. Множество маленькихъ и большихъ свѣтлыхъ ангеловъ. Несущіе гробъ. Женщины и др.

Гета. Потому-то ты и сидѣла въ смирительномъ домѣ.

Тульпе. И ты можешь попасть туда въ любое время. Стоитъ мнѣ только повстрѣчать жандарма. Ужъ я открою ему глаза. Попробуй только разинуть глотку.

Гета. Пошли заодно твоего жандарма и ко мнѣ. Я тоже поразскажу ему кое-что.

Тульпе. По мнѣ—разсказывай, что хочешь.

Гета. А кто укралъ пальто? А? У мальчика, у сына трактирщика Рихтера? (Тульпе дѣлаетъ видъ, что плюетъ на нее). Тульпе проклятая! Ну, теперь ничего не получишь.

Тульпе. Наплевать! Мнѣ твоего даренаго и не нужно.

Гета. Потому что ты ничего не получишь.

(Появляются Плешке и Ганке, которыхъ буря, только-что налетѣвшая вихремъ на домъ, буквально вталкиваетъ въ сѣни. Плешке, старикъ съ зобомъ, наполовину впавшій въ дѣтство, разражается громкимъ смѣхомъ. Ганке, молодой развратникъ и бездѣльникъ, произноситъ проклятіе. Оба они, видимые въ отворенную дверь, отряхаютъ на каменный полъ сѣней снѣгъ со своихъ шапокъ и одежды. Каждый несетъ по узелку).

Плешке. Ишь ты, градъ-то, градъ-то какой!.. Хлещетъ, какъ чортъ! Хибарку-то нашу — пріютъ, того гляди... да... того гляди... совсѣмъ... того, снесетъ... (Гета при видѣ ихъ приходитъ въ себя, прячетъ вещи подъ тюфякъ и бѣжитъ мимо мужчинъ въ сѣни, а затѣмъ вверхъ по лѣстницѣ).

Плешке (вслѣдъ Гетѣ). Ты чего бѣжишь?.. Чего бѣжишь прочь? Я тебя того... не обижу тебя... Ганке! Слышь?

Тульпе (возится у печки съ котелкомъ картофеля). У дѣвки въ головѣ неладно. Боится, что мы ее оберемъ.

Плешке (входя). Іисусе Христе! Ну, вотъ, того, полегче стало... Добрый вечеръ... Добрый вечеръ... Ахъ, чортъ, ахъ, чортъ!.. Вотъ такъ погодка... Вотъ такъ погодка на дворѣ... Я... того... во всю длину... во всю длину, того, растянулся... Во весь, значитъ, ростъ... (Ковыляетъ съ согнутыми колѣнами къ столу. Онъ кладетъ свой узелокъ и оборачиваетъ къ Тульпе свою трясущуюся голову съ сѣдыми волосами и слезящимися глазами. Онъ тяжело переводитъ духъ отъ усталости, кашляетъ и дѣлаетъ движенія для того, чтобы согрѣться. Тѣмъ временемъ Ганке тоже вошелъ. Онъ кладетъ свой мѣшокъ у дверей и, дрожа отъ холода, начинаетъ подбрасывать сухой хворостъ въ печь).

Тульпе. Ты откуда?

Плешке. Я-то? Я-то откуда? Издалеча я, значитъ, издалеча. На горѣ всю деревню, того, обходилъ.

Тульпе. Принесъ что-нибудь?

Плешке. Какъ же!.. Какъ же! Много добра... Много всякаго добра принесъ... У регента дали мнѣ... дали мнѣ

нятишницу... У трактирщика... у трактирщика на горѣ, значитъ. . дали мнѣ... полнехонькій горшокъ... полнехонькій, того, горшокъ... Съ супомъ горшокъ, значитъ...

Тульпе. Я сейчасъ поставлю разогрѣть. Давай.

Плешке. А вотъ еще... того, колбаса. Мясникъ, Зейпельтъ, мясникъ, значитъ, далъ мнѣ колбасу-то... Колбасу далъ...

Тульпе. А сколько денегъ ты принесъ?

Плешке. Трешницу, значитъ... Трешница тутъ у меня, кажись...

Тульпе. Давай сюда. Я припрячу деньги для тебя.

Гета (снова входитъ). Очень вы глупы, что все отдаете.

Ганке. Вѣдь онъ женихъ.

Гета. Господи Іисусе!

Ганке. Только полагается, чтобы и невѣста кой-что принасла. Такъ ужъ заведено.

Плешке. Можешь, того, пересмѣивать... Всякаго, значитъ, пересмѣивать можешь... А старика, значитъ, старика ты ужъ, того, не трогай...

Гета (передразнивая его манеру говорить). Старикъ Плешке... Старикъ Плешке, онъ ужъ скоро, того, совсѣмъ лопотать не будетъ... Онъ скоро, того, ни словечка, значитъ... Ни... ни... ни... единаго словечка, словечка, значитъ, не выговоритъ...

Плешке (идетъ на нее съ палкой). А теперь ты... того, проваливай... Проваливай, значитъ.

Гета. Передъ кѣмъ это, скажите, пожалуйста?..

Плешке. Проваливай, значитъ, говорятъ тебѣ!

Тульпе. Дай ей раза!

Плешке. Проваливай, значитъ, слышь?

Ганке. Оставьте эти глупости.

Тульпе. Да будетъ вамъ.

(Гета, пользуясь минутою, покуда Ганке поднимаетъ возню съ Плешке, защищая ее, съ быстротою молніи что-то вытаскиваетъ у него изъ мѣшка и убѣгаетъ. Тульпе вся трясется отъ смѣху).

Ганке. Нечего зубы скалить.

Тульпе. Вотъ такъ штука! Какъ же тутъ не смѣяться-то?

Плешке. О, Господи Іисусе! Да ты погляди...

Тульпе. Осмотри-ка твое добро. Можетъ статься, чего не досчитаешься?

Ганке (оборачивается и видитъ, что его обворовали). Тварь! (Бросается вслѣдъ за Гетою). Попадись ты мнѣ! (Слышенъ топотъ по лѣстницѣ, возня, заглушенный крикъ).

Плешке. Чортова дѣвка! Чортова дѣвка! (Смѣется на всѣ лады, Тульпе тоже помирать со смѣху. Вдругъ входная дверь съ шумомъ отворяется. Оба перестаютъ смѣяться). Ну, что тамъ такое?

(Порывы бури потрясаютъ домъ. Въ окна бьетъ сухой снѣгъ. Минута тишины. Затѣмъ входитъ учитель Готтвальдъ, человѣкъ тридцати двухъ лѣтъ, съ темною бородою. Онъ несетъ на рукахъ 14-тилѣтнюю Ганнеле Маттернъ. Дѣвушка, длинные рыжіе волосы которой ниспадаютъ черезъ плечо учителя, все время стонетъ. Она скрыла лицо на плечѣ учителя, руки ея безжизненно повисли. Она еле одѣта и завернута въ платки. Не обращая вниманія на присутствующихъ, Готтвальдъ бережно кладетъ свою ношу на кровать у стѣны. Съ нимъ вошелъ дровосѣкъ, по имени Зейдель, держащій фонарь. У него кромѣ топора и пилы—узелъ мокрыхъ лохмотьевъ, на головѣ его, сильно посѣдѣвшей, заломленная набекрень старая охотничья шляпа).

Плешке (съ тупымъ изумленіемъ). Э... э... э... это что такое? Что тутъ творится?

Готтвальдъ (укрывая дѣвушку одѣялами и своимъ собственнымъ плащомъ). Нагрѣйте кирпичи, Зейдель. Скорѣй!

Зейдель. Эй, вы, пару кирпичей! Да поворачивайтесь. Живо!

Тульпе. Что съ ней случилось?

Зейдель. Брось разспрашивать. (Уходитъ съ Тульпе).

Готтвальдъ (успокоительно къ Ганнеле). Ну, успокойся же, успокойся. Не дрожи. Ничего съ тобой не будетъ.

Ганнеле (стуча зубами). Мнѣ такъ страшно, такъ страшно!

Готтвальдъ. Но тебѣ рѣшительно нечего бояться. Никто ничего тебѣ не сдѣлаетъ.

Ганнеле. Отецъ... Отецъ...

Готтвальдъ. Его здѣсь нѣтъ...

Ганнеле. Мнѣ такъ страшно, что онъ придетъ.

Готтвальдъ. Но онъ не придетъ. Повѣрь же мнѣ наконецъ.

(Кто-то быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ).

Гета (высоко поднимая терку). Поглядите только: какую милостыню собираетъ Ганке.

(Ганке, догнавъ ее, хочетъ отнять у нея терку, но она увертывается и выбѣгаетъ на середину комнаты).

Ганнеле (испуганно поднимаясь). Онъ идетъ! Идетъ!

(Полуподнявшись, вытянувъ голову, съ выраженіемъ величайшаго страха на блѣдномъ, болѣзненномъ, искаженномъ страданіемъ личикѣ, она смотритъ въ ту сторону, гдѣ происходитъ шумъ. Гета, вырвавшись отъ Ганке, убѣжала въ заднюю комнату. Онъ нагибается, чтобы поднять терку).

Ганке. Я тебѣ этого не забуду, тварь ты этакая!

Готтвальдъ (Ганнеле). Будь покойна, Ганнеле. (Къ Ганке) Вы чего хотите?

Ганке (изумленный). Я? Чего я хочу?

Гета (высунувъ голову въ дверь, кричитъ). Мазурикъ! Жуликъ!

Ганке (съ угрозою). Будь покойна, ужъ я съ тобой расправлюсь.

Готтвальдъ. Я прошу васъ не шумѣть. Тутъ есть больная.

Ганке (спрятавъ терку, отходитъ слегка смущенный). Что тутъ такое стряслось?

Зейдель (возвращается съ парою кирпичей). Вотъ покуда.

Готтвальдъ (береть кирпичи). Достаточно ли они теплы?

Зейдель. Чуточку согрѣютъ. (Прикладываетъ одинъ изъ нихъ къ ногамъ дѣвушки).

Готтвальдъ (указываетъ, куда положить). Другой вотъ сюда..

Зейдель. Она еще совсѣмъ не согрѣлась.

Готтвальдъ. Ее буквально колотитъ.

(Тульпе выглядываетъ изъ-за Зейделя, позади нея—Гета и Плешке У дверей показываются подозрительнаго вида еще нѣсколько нищихъ живущихъ въ пріютѣ. Всѣ они полны любопытства и перешептываются между собою. Мало-по-малу, осмѣлѣвъ, они начинаютъ говорить громче и подходятъ ближе къ постели).

Тульпе (стоитъ у самой постели, подбоченясь). Хорошо бы ей дать горячей воды съ водкою, ежели у кого найдется.

Зейдель (достаетъ фляжку, Ганке и Плешке тоже). У меня еще есть малость.

Тульпе (у печки). Давай сюда.

Зейдель. А кипятокъ есть?

Тульпе. Іисусе Христе, да тутъ быка изжарить можно.

Готтвальдъ. Прибавить бы туда сахару, если найдется.

Гета. Откуда у насъ быть сахару?

Тульпе. У тебя есть. Не прикидывайся дурой.

Гета. У меня сахаръ? И не бывало его. (Принужденно смѣется).

Тульпе. Ты вѣдь принесла съ собою. Я сама видѣла: въ жестянкѣ у тебя. Нечего врать...

Зейдель. Ну давай. Принеси же.

Ганке. Сбѣгай за нимъ, Гета.

Зейдель. Видишь, что съ дѣвушкой дѣлается.

Гета (жестко). А мнѣ что?

Плешке. Ступай, принеси сахаръ.

Гета. Въ лавкѣ его много! (Выскальзываетъ).

Зейдель. Ну, счастье твое, что улепетнула, не то далъ бы я тебѣ въ ухо разъ-другой. Можетъ статься, прибавки бы не попросила.

Плешке (вышедшій на минуту, возвращается). Вотъ какая она дѣвка-то... Вотъ какая дѣвка...

Зейдель. Выбилъ бы я изъ нея дурь. Будь я здѣшнимъ начальникомъ, взялъ бы я здоровую орясину, живо бы она у меня заработала... Этакая дѣвка—молодая, здоровая. Съ какой стати ей лежать на боку въ пріютѣ?

Плешке. Вотъ у меня, того, кусочекъ остался... кусочекъ маленькій... кусочекъ сахару, значитъ, нашелся у меня...

Гаике (вдыхая запахъ грога). Я, пожалуй, и самъ бы не прочь заболѣть. (Входитъ судейскій служитель Шмидтъ съ фонаремъ въ рукѣ. Убѣдительно и дружелюбно). Посторонитесь! Г. начальникъ идетъ.

(Входитъ окружный начальникъ Бергеръ, очевидно, капитанъ запаса. Бородка, моложавое, добродушное лицо, уже сильно посѣдѣвшіе волосы, длинный сюртукъ, въ костюмѣ оттѣнокъ элегантности, въ рукахъ палка. Шляпа съ широкими полями нѣсколько сдвинута на затылокъ. Во всемъ его обликѣ есть нѣчто, напоминающее бурша).

Обитатели пріюта. Добрый вечеръ! Добрый вечеръ, г. капитанъ!

Бергеръ. Добрый вечеръ! (Снимаетъ шляпу, плащъ, кладетъ палку. Съ пояснительнымъ жестомъ) Ну-ка! Убирайтесь отсюда! (Шмидтъ выпроваживаетъ ихъ въ заднюю комнату). Здравствуйте, г. Готтвальдъ. Ну, какъ дѣла?

Готтвальдъ. Да вотъ вытащили ее изъ воды.

Зейдель (выступаетъ). Прошу прощенія, г. начальникъ. (По старой солдатской привычкѣ дѣлаетъ подъ козырекъ). Я позамѣшкался въ кузницѣ, надо было наложить обручъ на топоръ... Выхожу я, а тамъ внизу у кузницы Юхнера есть, знаете, прудъ... Съ позволенія сказать — чуть не озеро. (Готтвальду) Право слово... Почитай что не меньше. И вамъ, можетъ статься, извѣстно, г. судья, что тамъ есть мѣсто, которое не замерзаетъ. Споконъ вѣку оно не замерзало. Я малышемъ еще былъ...

Бергеръ. Ну? И что же?

Зейдель (снова отдавая честь). Ну, выхожу я, стало-быть, изъ кузницы,—мѣсяцъ чуточку проглянулъ,—слышу: кто-то стонетъ... Сначала думаю, что это мнѣ такъ, мерещится... Только вижу вдругъ: кто-то бѣжитъ по льду. И прямехонько туда — къ полыньѣ. Крикнулъ я, а его и слѣдъ простылъ. Я назадъ въ кузницу, никому ни слова, беру доску да опять къ пруду. Доску на ледъ. Разъ, два, три— и выволокъ ее за шиворотъ.

Бергеръ. Вотъ это мнѣ по сердцу, Зейдель. А то у насъ только и слышишь, что о разбитыхъ головахъ, перерѣзанныхъ горлахъ, сломанныхъ ногахъ... Хоть разъ въ жизни другое что-нибудь услыхалъ. Такъ вы, значитъ, принесли ее сюда?

Зейдель. Г. учитель Готтвальдъ...

Готтвальдъ. Я случайно проходилъ мимо, возвращаясь съ учительской конференціи. Жена моя собрала наскоро кое-какія вещи, чтобы переодѣть ее во все сухое.

Бергеръ. Какъ же это все произошло?

Зейдель (нерѣшительно). Да какъ сказать? Она падчерицей приходится каменщику Маттерну.

Бергеръ (въ первый мигъ очень смущенный). Кому? Этому негодяю?

Зейдель. Мать ея умерла шесть недѣль тому назадъ. Прочее, значитъ, извѣстно. Она и отбивалась и царапалась: приняла меня за отца.

Бергеръ (бормочетъ). Этакій мерзавецъ!

Зейдель. Со вчерашняго дня онъ сидитъ въ кабакѣ и пьетъ безъ просыпу. Ему сколько ни налей, — все выпокаетъ.

Бергеръ. Ну, здорово ему отъ насъ попадетъ! (Наклоняется надъ кроватью, чтобы разспросить Ганнеле). Слушай, дѣвочка, скажи мнѣ... Да нечего тебѣ пищать. Не гляди на меня съ такимъ страхомъ. Я ничего тебѣ не сдѣлаю. Какъ тебя зовутъ? Что ты говоришь? Я не понимаю тебя. (Онъ выпрямляется). Кажется, дѣвочка немного упряма.

Готтвальдъ. Она просто запугана. Ганнеле!

Ганнеле (чуть слышно). Да.

Готтвальдъ. Ты должна отвѣчать г. начальнику на его вопросъ.

Ганнеле (дрожа). Господи, мнѣ холодно.

Зейдель (подходитъ къ ней съ горячимъ питьемъ). Вотъ тебѣ, выпей-ка.

Ганнеле (попрежнему). Господи, я голодна.

Готтвальдъ (судьѣ). А когда ей даютъ чего-нибудь, она не хочетъ ѣсть.

Ганнеле. Господи, какъ мнѣ больно!

Готтвальдъ. Гдѣ у тебя болитъ?

Ганнеле. Я такъ боюсь!

Бергеръ. Кто же тебя обижаетъ? Кто? Ну, говори... Я ни словечка не понимаю, милое дитя. Это мнѣ не поможетъ. Слушай, дѣвочка. Твой отчимъ дурно съ тобой обра-

щался? Билъ тебя, хочу я сказать? Запиралъ? Выгонялъ изъ дому, или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ахъ, ты, Господи, да что же?..

Зейдель. Дѣвочка все молчитъ. Ужъ если она скажетъ словечко—плохо ей, значитъ, пришлось. Она безотвѣтная, съ позволенія сказать, какъ ягненокъ.

Бергеръ. Я хотѣлъ бы знать нѣчто опредѣленное. Можетъ-быть, мнѣ удалось бы наконецъ засадить этого молодца.

Готтвальдъ. У нея безумный страхъ передъ нимъ.

Зейдель. Ничего новаго не добьетесь. Это, съ позволенія сказать, всякому извѣстно. Спросите кого угодно. Я только дивлюсь тому, что дѣвочка до сихъ поръ жива. Прямо—чудеса да и только...

Бергеръ. Что же онъ съ нею продѣлывалъ?

Зейдель. Всего, съ позволенія сказать, бывало. Выгонитъ ее на улицу въ девять часовъ вечера, въ такую вотъ погоду. Принеси ему пятишницу, на выпивку, значитъ. Откуда дѣвочкѣ взять пятишницу? Она и дрогнетъ по ночамъ на улицѣ. А придетъ домой безъ денегъ—тутъ люди, бывало, сбѣгутся, какъ начнетъ онъ ее, съ позволенія сказать, смертнымъ боемъ бить...

Готтвальдъ. При жизни матери у нея еще была защита.

Бергеръ. Во всякомъ случаѣ я сейчасъ же засажу негодяя. Онъ значится у меня въ спискѣ пьяницъ. Ну, дѣвочка, погляди-ка на меня.

Ганнеле (съ мольбою). Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Зейдель. Нескоро вы отъ нея чего-нибудь добьетесь.

Готтвальдъ (кротко). Ганнеле!

Ганнеле. Да.

Готтвальдъ. Ты знаешь меня?

Ганнеле. Да.

Готтвальдъ. Кто же я?

Ганнеле. Господинъ... учитель... Готтвальдъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Вотъ видишь ли, я всегда былъ къ тебѣ расположенъ. Ты можешь мнѣ все разсказать. Ты была внизу у пруда возлѣ кузницы. Почему ты не осталась дома? Почему?

Ганнеле. Мнѣ такъ страшно!

Бергеръ. Мы оба отойдемъ въ сторону. Скажи все одному г. учителю.

Ганнеле (робко и таинственно). Меня позвали.

Готтвальдъ. Кто позвалъ?

Ганнеле. Іисусъ Христосъ.

Готтвальдъ. Куда звалъ тебя Іисусъ Христосъ?

Ганнеле. Въ воду.

Готтвальдъ. Куда?

Ганнеле. Туда, на дно, въ воду.

Бергеръ (очевидно, измѣнивъ свое рѣшеніе, надѣваетъ плащъ). Тутъ всего нужнѣе докторъ. Я думаю, онъ еще сидитъ въ гостиницѣ Меча.

Готтвальдъ. Я послалъ также за сестрою милосердія. Ребенку необходимъ уходъ.

Бергеръ. Я пойду и объясню доктору, въ чемъ дѣло. (Шмидту) Приведите ко мнѣ туда стражника. Я буду ждать въ гостиницѣ. Покойной ночи, г. Готтвальдъ. Мы сегодня же засадимъ этого негодяя. (Уходитъ вмѣстѣ съ Шмидтомъ. Ганнеле засыпаетъ).

Зейдель (послѣ нѣкотораго молчанія). А онъ все-таки остережется: не запрячетъ того въ тюрьму.

Готтвальдъ. Но почему же?

Зейдель. Извѣстно — почему. Кто приходится отцомъ ребенку?

Готтвальдъ. Ахъ, Зейдель, все это одни пересуды.

Зейдель. Ну, съ позволенія сказать: онъ таки-пожилъ на своемъ вѣку.

Готтвальдъ. Чего только люди ни наплетутъ! И половинѣ слуховъ нельзя вѣрить. Если бы только докторъ поскорѣе пришелъ!

Зейдель (тихо). Сдается мнѣ, что дѣвочкѣ уже не встать.

(Входитъ докторъ Вахлеръ, человѣкъ лѣтъ 34, серьезнаго вида).

Докторъ Вахлеръ. Добрый вечеръ.

Готтвальдъ. Добрый вечеръ.

Зейдель (услужливо помогая снять шубу). Добрый вечеръ, г. докторъ.

Докторъ Вахлеръ (грѣетъ руки у печки). Мнѣ нужно было бы еще свѣчу. (Изъ задней комнаты доносятся звуки шарманки). Они тамъ, должно-быть, съ ума сошли?

Зейдель (уже у открытой двери). Слушайте, вы бы тамъ потише! (Шумъ умолкаетъ, Зейдель исчезаетъ въ задней комнатѣ).

Докторъ Вахлеръ. Г. Готтвальдъ, не такъ ли?

Готтвальдъ. Меня зовутъ Готтвальдъ.

Докторъ Вахлеръ. Она, какъ я слышалъ, хотѣла утопиться?

Готтвальдъ. Ей ничего другого не оставалось. (Краткое молчаніе).

Докторъ Вахлеръ. Говорить она во снѣ?

Ганнеле. Милліоны звѣздочекъ! (Д-ръ Вахлеръ и Готтвальдъ наблюдаютъ. Изъ окна падаетъ лунный свѣтъ и озаряетъ ихъ группу). За что ты ломаешь мнѣ кости? Ай! Ай! Душа разрывается.

Докторъ Вахлеръ (осторожно разстегивая воротъ у рубашки). Все тѣло у нея должно быть въ рубцахъ.

Зейдель. Такою лежала и мать ея въ гробу.

Докторъ Вахлеръ. Ужасно, ужасно!

Ганнеле (измѣнившимся упрямымъ тономъ). Не хочу. Не хочу. Не пойду домой. Мнѣ нужно... къ фрау Голле... въ колодецъ... Пусти меня, отецъ! Фу, какъ отъ тебя дурно пахнетъ! Ты опять пилъ водку? Слышишь, какъ шумитъ лѣсъ? Сегодня поутру въ горахъ бушевала буря! Только бы не вспыхнулъ пожаръ!.. Если у портного не будетъ камня въ карманѣ и утюга въ рукѣ — буря унесетъ его черезъ горы. Слышишь, какъ бушуетъ?

(Входитъ сестра Марта, дьяконисса).

Готтвальдъ. Добрый вечеръ, сестра!

Сестра Марта (киваетъ головою. Готтвальдъ подходитъ къ дьякониссѣ, которая раскладываетъ лѣкарственныя принадлежности, и разговариваетъ съ нею въ глубинѣ).

Ганнеле. Гдѣ моя мама? На небесахъ? Ахъ... ахъ, какъ далеко! (Открываетъ глаза, испуганно озирается, проводитъ рукой по глазамъ и говоритъ еле слышно). Гдѣ... же... я?

Докторъ Вахлеръ (наклонясь надъ нею). У добрыхъ людей.

Ганнеле. Пить хочу.

Докторъ Вахлеръ. Воды! (Зейдель, принесшій вторую свѣчу, идетъ за водою). Есть у тебя гдѣ-нибудь боли?

Ганнеле (качаетъ головой).

Докторъ Вахлеръ. Нѣтъ? Ну-ка взгляни на меня. Намъ совсѣмъ уже не такъ плохо.

Ганнеле. Вы—докторъ?

Докторъ Вахлеръ. Конечно.

Ганнеле. Значитъ... я больна?

Докторъ Вахлеръ. Немножко... Не очень.

Ганнеле. Вы хотите меня вылѣчить?

Докторъ Вахлеръ (быстро осматривая ее). Больно тебѣ здѣсь? А тутъ? Здѣсь больно? Здѣсь? Здѣсь? Нечего глядѣть на меня съ такимъ страхомъ. Я не причиню тебѣ боли. А какъ здѣсь? Больно тебѣ?

Готтвальдъ (снова подходитъ къ постели). Отвѣчай г. доктору, Ганнеле.

Ганнеле (искреннимъ, молящимъ, полнымъ слезъ голосомъ). Ахъ, милый, милый г. Готтвальдъ!

Готтвальдъ. Слушай, что говоритъ докторъ, и отвѣчай, какъ слѣдуетъ.

Ганнеле (качаетъ головою).

Готтвальдъ. Почему ты не хочешь отвѣчать?

Ганнеле. Потому что... потому что... мнѣ такъ хотѣлось бы къ мамѣ...

Готтвальдъ (взволнованный, гладитъ ее по волосамъ). Ну, полно, полно... (Краткое молчаніе).

(Докторъ выпрямляется, переводитъ духъ и на мигъ задумывается. Сестра Марта взяла вторую свѣчу со стола и свѣтитъ ему).

Докторъ Вахлеръ (дѣлая знакъ сестрѣ Мартѣ). Пожалуйста, сестра! (Отходитъ съ нею къ столу и тихо отдаетъ распоряженія. Готтвальдъ, взявъ шляпу, стоитъ въ ожиданіи, бросая взгляды то на Ганнеле, то на д-ра Вахлера и дьякониссу. Д-ръ Вахлеръ, заканчивая краткій разговоръ съ сестрою). По всей вѣроятности, я еще разъ зайду. Лѣкарства я пришлю. (Готтвальду) Его должны были арестовать сегодня въ гостиницѣ Меча.

Сестра Марта. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сейчасъ сказали.

Докторъ Вахлеръ (надѣвая шубу, къ Зейделю). Вы дойдете со мною до аптеки?

(Докторъ, Готтвальдъ и Зейдель, уходя, кланяются сестрѣ Мартѣ).

Готтвальдъ. Что вы думаете объ ея состояніи, г. докторъ?

(Всѣ трое уходятъ. Дьяконисса одна остается съ Ганнеле. Она наливаетъ въ кружку молока. Ганнеле открываетъ глаза и слѣдитъ за нею).

Ганнеле. Ты отъ Господа Іисуса?

Сестра Марта. Что ты говоришь?

Ганнеле. Ты пришла отъ Господа Іисуса?

Сестра Марта. Развѣ ты не узнаёшь меня, Ганнеле? Вѣдь я—сестра Марта, узнаёшь? Ты бывала у насъ, неужели ты не помнишь? Мы молились вмѣстѣ и пѣли чудныя пѣсни. Помнишь?

Ганнеле (радостно киваетъ). Ахъ, да! Чудныя пѣсни!

Сестра Марта. Ну, вотъ я стану съ Божьей помощью ходить за тобою, покуда ты не выздоровѣешь.

Ганнеле. Я не хочу выздоравливать.

Сестра Марта (подходя къ ней съ кружкою молока). Докторъ велѣлъ тебѣ выпить молока для того, чтобы ты подкрѣпилась.

Ганнеле (отказываясь). Я не хочу быть здоровой.

Сестра Марта. Ты не хочешь быть здоровой? Обдумай, что ты говоришь. Постой, я тебѣ подвяжу волосы. (Дѣлаетъ это).

Ганнеле (тихо плачетъ). Я не хочу быть здоровою.

Сестра Марта. Почему ты не хочешь?

Ганнеле. Я такъ бы хотѣла... такъ бы хотѣла уйти на небо!

Сестра Марта. Это не въ нашей власти, доброе дитя. Мы должны ждать, покуда Господь не призоветъ насъ. Но если ты раскаялась въ твоихъ грѣхахъ...

Ганнеле (пылко). Ахъ, сестра, я такъ раскаиваюсь.

Сестра Марта. И если вѣруешь въ Господа Іисуса Христа...

Ганнеле. Я вѣрую въ моего Спасителя.

Сестра Марта. Тогда ты можешь ожидать спокойно и безпечально. Теперь я поправлю твои подушки, и ты заснешь.

Ганнеле. Я не могу спать.

Сестра Марта. Попробуй.

Ганнеле. Сестра Марта!

Сестра Марта. Ну, что?

Ганнеле. Сестра Марта! Бываютъ грѣхи... бываютъ грѣхи, которые не прощаются?

Сестра Марта. Спи, Ганнеле. Не волнуйся.

Ганнеле. Скажите мнѣ, я очень, очень васъ прошу.

Сестра Марта. Конечно, такіе грѣхи бываютъ. Грѣхи противъ Духа Святого.

Ганнеле. А вдругъ я совершила такой грѣхъ?

Сестра Марта. Полно, что ты. Такіе грѣхи совершаютъ только самые дурные люди! Іуда, напримѣръ, предавшій Господа Іисуса.

Ганнеле. А все же это... это могло случиться. Я такъ боюсь.

Сестра Марта. Тебѣ совсѣмъ нечего бояться.

Ганнеле. Что, если я совершила такой грѣхъ?

Сестра Марта. Ты не совершила такого грѣха.

Ганнеле (прижимаясь къ сестрѣ, глядитъ въ темноту). Ахъ сестра, сестра!

Сестра Марта. Можешь быть совершенно спокойна.

Ганнеле. Сестра!

Сестра Марта. Ну, что?

Ганнеле. Онъ сейчасъ войдетъ. Развѣ ты не слышишь?

Сестра Марта. Я ничего не слышу.

Ганнеле. Это его голосъ на дворѣ. Слышишь?

Сестра Марта. О комъ ты говоришь?

Ганнеле. Отецъ... Отецъ—онъ тамъ...

Сестра Марта. Гдѣ?

Ганнеле. Смотри. Видишь?

Сестра Марта. Гдѣ?

Ганнеле. Въ ногахъ у кровати.

Сестра Марта. Тутъ виситъ плащъ, а тамъ шляпа. Сейчасъ мы уберемъ эти гадкія вещи и отнесемъ ихъ къ дядѣ Плешке. Я зачерпну воды и сдѣлаю тебѣ холодный компрессъ. Ты останешься на минуту одна? Только надо лежать совсѣмъ смирно, не шевелясь.

Ганнеле. Ахъ, какая я глупая! Такъ это былъ плащъ, да? А сверху—шляпа?

Сестра Марта. Но теперь полежи смирно-смирно, покуда я не вернусь. (Она идетъ, но возвращается, потому что въ сѣняхъ совсѣмъ темно). Я поставлю свѣчку тутъ въ сѣняхъ. (Еще разъ ласково погрозивъ пальцемъ) Смотри же, лежи смирнехонько. (Уходитъ).

(На сценѣ почти полный мракъ. Сейчасъ же въ ногахъ постели Ганнеле появляется фигура каменщика Маттерна. Пьяное дикое лицо, рыжіе всклокоченные волосы, на головѣ военная истрепанная фуражка безъ козырька. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ рабочій инструментъ каменщика. Въ правой рукѣ онъ сжимаетъ ремень и словно выжидаетъ минуты, чтобы ударить Ганнеле. Отъ его фигуры исходитъ блѣдный свѣтъ, образующій свѣтлый полукругъ у постели Ганнеле).

Ганнеле (испуганно закрываетъ глаза руками, стонетъ, корчится и тихо всхлипываетъ).

Призракъ (говоритъ хриплымъ, сдавленнымъ отъ дикаго бѣшенства голосомъ). Ты гдѣ? Гдѣ это ты пропадала? Что дѣлала? Я тебя проучу! Я тебѣ задамъ, погоди ужо у меня... Ты чего наговорила людямъ? Я бью тебя? Я дурно съ тобой обращаюсь? А? Такъ, что ли, по-твоему? Ты вѣдь—не моя дочь. Эй, поднимайся. Какое мнѣ до тебя дѣло? Я могъ бы вышвырнуть тебя на улицу. Вставай, растопляй печку... Долго мнѣ ждать? Я держу тебя въ домѣ изъ милости и состраданія. А ты еще лѣнтяйничать вздумала? Ну, скоро ты поднимешься? Я стану тебя хлестать, покуда ты...

Ганнеле (съ трудомъ, не открывая глазъ, дотащившись до печки, открываетъ заслонку и тутъ же падаетъ безъ чувствъ).

(Въ эту минуту входитъ сестра Марта съ кружкою воды и свѣчою въ рукахъ. Призракъ Маттерна исчезаетъ. Она останавливается, видитъ Ганнеле лежащею въ золѣ у печки и съ восклицаніемъ: «Господи Іисусе!» ставитъ свѣчу и кружку, подбѣгаетъ къ Ганнеле и поднимаетъ ее съ полу. На зовъ ея сбѣгаются обитатели пріюта).

Сестра Марта. Я пошла за водою, а она тутъ безъ меня встала съ постели. Пожалуйста, Гедвига, помогите мнѣ.

Ганке. Ну, Гета, поостерегись, не то, чего добраго, переломаешь ей всѣ кости.

Плешке. Мнѣ, того, думается, сестра, думается мнѣ, что дѣвочку, того, сглазили... Съ глазу оно, значитъ, съ дѣвочкой-то...

Тульпе. Можетъ, и вправду порчу на дѣвочку напустили.

Ганке. А я вамъ скажу, что тутъ дѣло къ концу идетъ.

Сестра Марта (положившая, съ помощью Гедвиги, Ганнеле на постель). Возможно, любезнѣйшій, но теперь прошу васъ. Вы сами понимаете, не правда ли, что мы не должны тревожить больную?

Ганке. Да что же мы такого ей дѣлаемъ?

Плешке (къ Ганке). Дуракъ ты... Дуракъ... Такъ и знай, что ты, того, дуракъ... и ничего... и ничего больше... Больному, того, больному нуженъ—малый ребенокъ и тотъ понимаетъ: покой больному нуженъ...

Гета (передразнивая его). Больному, того... больному...

Сестра Марта. Я очень васъ прошу... убѣдительно прошу...

Тульпе. Сестра правду говоритъ, убирайтесь-ка отсюда.

Ганке. Уйдемъ сами, когда захотимъ.

Гета. Что же намъ, въ курятникѣ, что ли, спать?

Плешке. Тебѣ, того, найдется мѣсто... Найдется тебѣ, значитъ, мѣсто... сама знаешь, небось, гдѣ будешь... (Всѣ расходятся).

Ганнеле (со страхомъ открывая глаза). Ушелъ? Онъ ушелъ?

Сестра Марта. Эти люди ушли. Ты не испугалась, Ганнеле?

Ганнеле (все еще испуганно). Отецъ ушелъ?

Сестра Марта. Онъ и не былъ здѣсь.

Ганнеле. Былъ, сестра, былъ.

Сестра Марта. Тебѣ это приснилось.

Ганнеле (съ глубокимъ вздохомъ молясь про себя). Господи Іисусе Христе! Милостивый Боже! Милосердный Сладчайшій Іисусе! Возьми меня къ Себѣ, молю Тебя, возьми меня!

(Другимъ тономъ)

Ахъ, если бы пришелъ Онъ,
Меня къ Себѣ увелъ Онъ!
Ахъ, если-бъ отъ людей
Меня съ собой увелъ Онъ!

Я навѣрное знаю это, сестра.

Сестра Марта. Что ты знаешь?

Ганнеле. Онъ обѣщалъ мнѣ. Я уйду на небо. Онъ обѣщалъ мнѣ это.

Сестра Марта. Гм!

Ганнеле. Ты знаешь, кто?

Сестра Марта. Ну?

Ганнеле (таинственно ей на ухо). Милосердный Госпо... господинъ Готтвальдъ.

Сестра Марта. Послушай меня, Ганнеле! Засни.

Ганнеле. Сестра, а вѣдь г. учитель Готтвальдъ—очень красивъ. Его зовутъ Генрихъ. Слышишь? Генрихъ — красивое имя, не правда ли? (Искренно) О, милый, милый Генрихъ! Сестра, знаешь что? Мы съ нимъ повѣнчаемся. Да, да! Обвѣнчаемся! Господинъ учитель Готтвальдъ и я.

Когда же въ вѣрности навѣкъ
Они другъ другу клятву дали,
Они остались въ темной спальнѣ
На ложѣ бѣломъ, словно снѣгъ.

Какая у него красивая борода! (Восторженно) На головѣ его—цвѣтущій клеверъ. Слышишь? Онъ зоветъ меня. Развѣ ты не слышишь?

Сестра Марта. Спи, Ганнеле, спи. Никто тебя не зоветъ.

Ганнеле. Это звалъ Господь Іисусъ. Слышишь? Вотъ Онъ снова зоветъ меня:—«Ганнеле!» Громко зоветъ. Ясно, отчетливо:—«Пойдемъ со Мною».

Сестра Марта. Когда Господь пожелаетъ призвать меня,—я буду готова.

Ганнеле (освѣщенная луною, поворачиваетъ голову, словно вдыхая ароматъ цвѣтовъ). Ты ничего не замѣчаешь, сестра?

Сестра Марта. Нѣтъ, Ганнеле.

Ганнеле. Сиренью запахло! (Съ возрастающимъ блаженнымъ экстазомъ) Да слушай же, слушай! Что это такое? (Издали доносится нѣжный голосъ) Это ангелы поютъ? Развѣ ты не слышишь?

Сестра Марта. Слышу, конечно. Но знаешь ли что? Ты должна лечь на бокъ и спокойно проспать до завтрашняго утра.

Ганнеле. А ты умѣешь это пѣть?

Сестра Марта. Что, дѣточка?

Ганнеле. «Спи, дитя!»

Сестра Марта. Ты хочешь, чтобы я спѣла эту пѣсенку?

Ганнеле (опускается на подушки и гладитъ руку сестры). Мамочка, спой! Спой, мамочка!

Сестра Марта (гасить свѣчу, наклоняется надъ постелью и говоритъ нараспѣвъ, между тѣмъ какъ издали доносится музыка).

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Ходятъ овцы подъ окномъ.

(Она поетъ, становится совсѣмъ темно).

Тамъ ягнята на лужку,
На зеленомъ бережку.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

(Комната наполняется сумеречнымъ свѣтомъ. На краю постели, наклонившись нѣсколько впередъ, опираясь обнаженными худыми руками, сидитъ блѣдная призрачная фигура женщины. Она—босая. Бѣлые волосы ниспадаютъ космами по обѣимъ сторонамъ лица до самаго одѣяла. Лицо исхудалое, изможденное, глубоко впалые глаза, хотя и закрытые вѣками, устремлены на спящую Ганнеле. Голосъ ея звучитъ однотонно, точно голосъ лунатика. Прежде чѣмъ что-нибудь сказать, она шевелитъ губами, словно приготовляясь говорить. Она съ нѣкоторымъ усиліемъ извлекаетъ звуки изъ глубины своей груди. Она кажется преждевременно состарившеюся, исхудалою, со впалыми щеками. Одѣта очень бѣдно).

Фигура женщины. Ганнеле!

Ганнеле (тоже съ закрытыми глазами). Мамочка, милая мамочка, это ты?

Призракъ женщины. Да, я омыла ноги нашего Спасителя моими слезами и отерла ихъ моими волосами.

Ганнеле. Ты приносишь мнѣ добрую вѣсть?

Призракъ женщины. Да!

Ганнеле. Ты пришла издалека?

Призракъ женщины. Я прошла среди ночи сотни тысячъ миль!

Ганнеле. Мама, какая ты теперь?

Призракъ женщины. Такая, какъ всѣ дѣти міра.

Ганнеле. У тебя во рту майскіе колокольчики. Голосъ твой звученъ.

Призракъ женщины. Но звукъ его еще не чистъ.

Ганнеле. Мамочка, мамочка, какъ сіяешь ты въ своей красѣ!

Призракъ женщины. Ангелы небесные во сто тысячъ разъ прекраснѣе.

Ганнеле. Почему же ты не такъ прекрасна?

Призракъ женщины. Я страдала изъ-за тебя.

Ганнеле. Мамочка, останься со мною!

Призракъ женщины (поднимаясь). Мнѣ пора уходить.

Ганнеле. Хорошо ли тамъ у тебя?

Призракъ женщины. Тамъ широкіе-широкіе луга,

укрытые отъ вѣтра, защищенные отъ града и бури на лонѣ Господнемъ.

Ганнеле. Отдыхаешь ли ты, когда устаешь?

Призракъ женщины. Да.

Ганнеле. Есть ли у тебя пища, когда ты голодна?

Призракъ женщины. Я утоляю свой голодъ плодами и мясомъ. Когда я жажду—я пью золотистое вино. (Отступаетъ назадъ).

Ганнеле. Ты уходишь, мама?

Призракъ женщины. Господь зоветъ меня.

Ганнеле. Громко ли зоветъ Господь?

Призракъ женщины. Господь громко зоветъ меня.

Ганнеле. Сердце мое въ огнѣ горитъ, мама.

Призракъ женщины. Господь охладитъ его лиліями и розами. Ты знаешь цвѣтокъ, который я держу въ рукѣ?

Ганнеле. Это буквица—ключъ отъ царствія небеснаго.

Призракъ женщины (вкладывая ее въ руку Ганнеле). Возьми ее, какъ залогъ, данный Господомъ. Прощай.

Ганнеле. Мамочка, останься со мною!

Призракъ женщины (отступая). Черезъ нѣкоторое время ты не будешь видѣть меня и еще черезъ нѣкоторое время ты снова меня увидишь.

Ганнеле. Мнѣ страшно.

Призракъ женщины (еще болѣе удаляясь). Какъ вѣтеръ сметаетъ снѣжную пыль съ горъ, такъ Господь разсѣетъ твоихъ мучителей.

Ганнеле. Не уходи.

Призракъ женщины. Мы—дѣти небесъ—подобны голубымъ молніямъ ночи. Спи!

(Постепенно темнѣетъ. Слышны нѣжные голоса мальчиковъ, поющихъ вторую строфу).

Спи, дитя, глубокимъ сномъ,
Нынче гости будутъ въ домъ.

(Золотисто-зеленый свѣтъ мгновенно наполняетъ комнату. Появляются трое свѣтлыхъ ангеловъ—прекрасныхъ крылатыхъ юношей, увѣнчанныхъ розами. Они поютъ заключительную строфу пѣсни по нотнымъ листамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ въ воздухѣ. Не видно ни дьякониссы ни призрака женщины).

Прилетитъ ночной порой
Ангелочковъ Божьихъ рой.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

Ганнеле (открываетъ глаза, пристально съ восхищеніемъ смотритъ на ангеловъ и говоритъ удивленно). Ангелы? (Съ возрастаю-

щимъ изумленіемъ, прорывающеюся, но еще не чуждою сомнѣнія радостью) *Ангелы!* (Съ восторженнымъ порывомъ) Ангелы!!!

(Краткое молчаніе, затѣмъ ангелы поочередно говорятъ подъ музыку).

Первый ангелъ.

Солнце въ горахъ не дарило
Тебя золотыми лучами,
Травы, колеблемы вѣтромъ,—
Въ лугахъ предъ тобою не стлались.

Второй ангелъ.

Хлѣбъ золотистый на нивахъ
Тебѣ не давалъ пропитанья,
Въ кружкѣ твоей не дымилось
Пасущихся стадъ молоко.

Третій ангелъ.

Злаки земные, цвѣты
Сладкимъ полны ароматомъ,
Пурпуромъ, нѣжной лазурью—
Окаймлять не желали твой путь.

(Краткая пауза).

Первый ангелъ.

Первый привѣтъ мы приносимъ,
Во мракѣ къ тебѣ прилетая,
Первое вѣянье счастья—
На крыльяхъ своихъ мы несемъ.

Второй ангелъ.

Первымъ дыханьемъ весны
Отъ края одежд нашихъ вѣетъ,
Первая алая зорька
На нашихъ устахъ расцвѣла.

Третій ангелъ.

Свѣтитъ отъ ногъ нашихъ отблескъ
Нашей отчизны небесной,
Вѣчнаго града сіянье—
Въ нашихъ глубокихъ очахъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

На сценѣ все то же, что̀ было до появленія ангеловъ. Сестра Марта сидитъ у постели, Ганнеле лежитъ. Она снова зажигаетъ свѣчу, и Ганнеле открываетъ глаза. Ея взоръ еще обращенъ внутрь себя. На лицѣ выраженіе небеснаго блаженства. Узнавъ сестру, она начинаетъ говорить въ радостномъ возбужденіи.

Ганнеле. Сестра! Ангелы!.. Сестра Марта, ангелы... Знаешь ли ты, кто здѣсь былъ?

Сестра Марта. А! Ты опять не спишь?

Ганнеле. Угадайте, кто? Ну же! (Не удержавшись) Ангелы, ангелы! Настоящіе ангелы! Ангелы небесные, сестра Марта. Знаешь,—такіе съ длинными крыльями?

Сестра Марта. Ну, если тебѣ снились такіе чудные сны...

Ганнеле. Ахъ! Она говоритъ, что это мнѣ снилось! А здѣсь что̀ такое? Погляди-ка. (Дѣлаетъ видъ, какъ будто держитъ въ рукѣ цвѣтокъ и показываетъ его).

Сестра Марта. Что̀ это у тебя въ рукѣ?

Ганнеле. А вотъ посмотри.

Сестра Марта. Это...

Ганнеле. Ну, видишь?

Сестра Марта. Ага!

Ганнеле. Понюхай только.

Сестра Марта (дѣлая видъ, что нюхаетъ цвѣтокъ). Чудесно.

Ганнеле. Не такъ сильно. Ты его сомнешь.

Сестра Марта. Мнѣ было бы жаль. Но что̀ же это такое?

Ганнеле. Какъ? Ты не узнаёшь буквицу—ключикъ отъ царствія небеснаго?

Сестра Марта. Ахъ, да!

Ганнеле. Какая ты! Возьми же свѣчу. Скорѣе, скорѣе!

Сестра Марта (свѣтитъ). Ну вотъ, теперь я вижу.

Ганнеле. Видишь?

Сестра Марта. Но ты, право, слишкомъ много говоришь! Мы должны вести себя смирно, не то докторъ разсердится на насъ. Онъ и лѣкарство прислалъ. Надо послушаться и принять его.

Ганнеле. Ахъ, сестрица, вы такъ заботитесь обо мнѣ. Вы не знаете, что̀ случилось? Нѣтъ? Если знаете, такъ скажите. Кто мнѣ это далъ? Ну? Золотой ключикъ? Кто далъ его? Ну! Отъ чего этотъ золотой ключикъ? Угадайте.

Сестра Марта. Ты разскажешь мнѣ все это завтра поутру. До тѣхъ поръ ты хорошенько отдохнешь и встанешь свѣжею и здоровою...

Ганнеле. Я здорова. (Она садится на постели и спускаетъ ноги на полъ). Ты видишь, сестра, я уже здорова.

Сестра Марта. Что ты, Ганнеле? Ты не должна этого дѣлать. Тебѣ нельзя этого дѣлать. (Ганнеле поднимается, отстраняетъ сестру и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).

Ганнеле. Ты меня все-таки отпусти... Отпусти меня... Я должна... уйти! (Она пугается и смотритъ въ одну точку). О, Божественный Спаситель!

(Появляется ангелъ въ черномъ одѣяніи, съ крыльями. Онъ высокъ, могучъ, прекрасенъ, при немъ длинный изогнутый мечъ, рукоять котораго обвита чернымъ крепомъ. Молча и строго сидитъ онъ у печки и, не отрываясь, спокойно глядитъ на Ганнеле. Бѣлый призрачный свѣтъ наполняетъ комнату).

Ганнеле. Кто ты? (Онъ не отвѣчаетъ). Ты ангелъ? (Онъ молчитъ). Ты пришелъ за мной? (Онъ молчитъ). Я — Ганнеле Маттернъ. Ты пришелъ за мной? (Снова нѣтъ отвѣта. Сестра Марта, стоявшая до сихъ поръ со сложенными руками набожно и смиренно, теперь медленно уходитъ изъ комнаты).

Ганнеле. Или Господь отнялъ у тебя голосъ? (Отвѣта нѣтъ). Тебя послалъ Господь? (Отвѣта нѣтъ). Ты приходишь, какъ другъ? Или ты приходишь, какъ врагъ? (Отвѣта нѣтъ). Ты прячешь мечъ въ складкахъ твоей одежды. (Отвѣта нѣтъ). Ахъ! Я дрогну... Рѣжущимъ холодомъ вѣетъ отъ твоихъ крыльевъ. Отъ тебя исходитъ ледяное дыханіе. (Отвѣта нѣтъ). Кто ты такой? (Отвѣта нѣтъ. Внезапный ужасъ охватываетъ ее. Она съ крикомъ оборачивается, словно позади нея кто-то стоитъ). Мамочка! Мамочка! (Входитъ женская фигура въ платьѣ сестры Марты, но моложе и красивѣе ея, съ длинными бѣлыми крыльями. Ганнеле прижимается къ ней, схвативъ ее за руку). Мамочка! Мамочка! Тутъ кто-то стоитъ.

Сестра Марта. Гдѣ?

Ганнеле. Тамъ, тамъ!

Сестра Марта. Почему ты такъ дрожишь?

Ганнеле. Я боюсь.

Сестра Марта. Не бойся. Я съ тобою.

Ганнеле. Зубы мои стучатъ отъ страха. Я не могу удержаться. Я боюсь его.

Сестра Марта. Не бойся его. Онъ—твой другъ.

Ганнеле. Кто онъ, мама?

Сестра Марта. Развѣ ты его не знаешь?

Ганнеле. Кто онъ?

Сестра Марта. Смерть.

Ганнеле. Смерть? (Молча и благоговѣйно смотритъ нѣкоторое время на чернаго ангела). Такъ должно быть?

Сестра Марта. Таково преддверье, Ганнеле.

Ганнеле. Каждый долженъ пройти черезъ преддверье?

Сестра Марта. Каждый.

Ганнеле. Ты возьмешь меня жесткою рукою, Смерть? (Онъ молчитъ. Онъ не отвѣчаетъ ни на одинъ мой вопросъ, мама.

Сестра Марта. Слова Господа явственно звучатъ въ твоемъ сердцѣ.

Ганнеле. Я часто всѣмъ сердцемъ призывала тебя. А теперь мнѣ страшно.

Сестра Марта. Приготовься.

Ганнеле. Умереть?

Сестра Марта. Да.

Ганнеле (помолчавъ, робко). Неужели я буду лежать въ гробу въ рубищѣ и лохмотьяхъ?

Сестра Марта. Господь одѣнетъ тебя. (Она достаетъ маленькій серебряный колокольчикъ и звонитъ въ него. Сейчасъ же безшумно, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ фигурамъ, входитъ маленькій горбатый деревенскій портной. Черезъ руку у него перекинуты: вѣнчальное платье, фата и вѣнокъ, въ рукахъ онъ держитъ хрустальныя туфельки. У портного забавная подпрыгивающая походка. Онъ молча склоняется передъ ангеломъ, передъ сестрою Мартою, но всего ниже—передъ Ганнеле).

Деревенскій портной (съ поклонами). Дѣвица Іоганна-Катерина Маттернъ! (Откашливается). Вашъ отецъ, его сіятельство высокородный графъ, удостоили заказать мнѣ подвѣнечный нарядъ.

Сестра Марта (беретъ отъ него платье и одѣваетъ Ганнеле). Дай, я одѣну тебя, Ганнеле.

Ганнеле (въ радостномъ возбужденіи). Ахъ, какъ оно шумитъ!

Сестра Марта. Это бѣлый шелкъ, Ганнеле.

Ганнеле (восхищенно осматривая себя). Вотъ удивятся люди, что я лежу въ гробу такая нарядная.

Деревенскій портной. Дѣвица Іоганна-Катерина Маттернъ. (Откашливается). Всѣ на деревнѣ только о томъ и говорятъ... (Откашливается). Какое счастье вамъ въ смерти привалило, дѣвица Ганна. (Откашливается). Вашъ отецъ... (Откашливается). Высокородный господинъ графъ (откашливается) изволили побывать у господина окружнаго начальника...

Сестра Марта (надѣваетъ Ганнеле на голову вѣнокъ). Наклони голову, Христова невѣста!

Ганнеле (дрожа отъ дѣтской радости). Знаешь что, сестра Марта? Я радуюсь смерти. (Внезапно съ сомнѣніемъ смотря на сестру). Вѣдь это—ты?

Сестра Марта. Да.

Ганнеле. Ты — сестра Марта? Ахъ, нѣтъ! Вѣдь ты— моя мать.

Сестра Марта. Да.

Ганнеле. Ты—и та и другая?

Сестра Марта. Дѣти небесъ—воедино въ Богѣ.

Деревенскій портной. Если позволите, принцесса Ганнеле. (Становится съ туфлями въ рукахъ передъ нею на колѣни). Это—самыя маленькія туфли во всемъ царствѣ. У Гедвиги, у Агнесы, у Лизы, у Марты, у Минны, у Кэты, у Греты, у всѣхъ—слишкомъ большія ноги. (Надѣваетъ ей туфли). Впору! Впору! Невѣста нашлась. У дѣвицы Ганнеле—самыя маленькія ножки... Если еще что-нибудь понадобится—я къ вашимъ услугамъ. Вашъ слуга! (Уходитъ, раскланиваясь).

Ганнеле. Я не могла ожидать этого, мамочка.

Сестра Марта. Теперь тебѣ уже не нужно принимать лѣкарство.

Ганнеле. Нѣтъ.

Сестра Марта. Теперь ты скоро будешь здоровѣе, чѣмъ рыбка въ водѣ, Ганнеле.

Ганнеле. Да.

Сестра Марта. Ну, пойдемъ. Лягъ на свое смертное ложе. (Она беретъ Ганнеле за руку, тихо подводитъ ее къ постели, и Ганнеле ложится).

Ганнеле. Теперь я узнаю наконецъ, что̀ значитъ умереть.

Сестра Марта. Ты узнаешь это, Ганнеле.

Ганнеле (лежа на спинѣ и словно держа въ рукѣ цвѣтокъ). У меня есть залогъ.

Сестра Марта. Прижми его крѣпко къ груди.

Ганнеле (вновь начиная страшиться, робко смотритъ на ангела). Развѣ надо, чтобы это совершилось?

Сестра Марта. Надо.

(Издали доносятся звуки похороннаго марша).

Ганнеле (прислушиваясь). Играютъ похоронный маршъ. Мейстеръ Зейфридъ и музыканты... (Ангелъ поднимается). Вотъ онъ встаетъ. (Буря на дворѣ усиливается. Ангелъ всталъ, строго и медленно шагая, онъ приближается къ Ганнеле). Вотъ идетъ ко мнѣ... Ахъ, сестра! Мама! Гдѣ же ты? (Къ ангелу съ мольбою) Только поскорѣе, черный, безмолвный духъ! (Со стономъ, какъ будто ее давитъ кошмаръ) Меня душитъ... давитъ... словно камнемъ! (Ангелъ медленно заноситъ свой широкій мечъ). Онъ хочетъ меня... онъ хочетъ меня... погубить навѣкъ... (Въ смертной мукѣ) Сестра, помоги!

Сестра Марта (торжественно становится между Ганнеле и черным ангеломъ и, защищая ее, кладетъ ей объ свои руки на сердце. Она говоритъ съ выраженіемъ силы, святости и величія). Онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. Я кладу тебѣ на сердце мои освященныя руки!

(Черный ангелъ исчезаетъ. Тишина. Сестра Марта, сложивъ руки, съ кроткою улыбкой смотритъ на Ганнеле, затѣмъ уходитъ въ себя и шевелитъ губами, беззвучно молясь. Звуки похороннаго марша между тѣмъ не смолкаютъ. Слышится топотъ осторожныхъ шаговъ многихъ людей. Немедленно вслѣдъ за этимъ въ средней двери появляется фигура учителя Готтвальда. Онъ одѣтъ во все черное, какъ на похоронахъ, и держитъ въ рукѣ красивый букетъ изъ колокольчиковъ. Онъ благоговѣйно снимаетъ высокую шляпу и, едва успѣвъ войти, оборачивается назадъ, движеніемъ руки приглашая къ молчанію. Позади него виднѣются его ученики — мальчики и дѣвочки въ лучшихъ своихъ платьяхъ. По знаку учителя они перестаютъ шептаться, и среди нихъ воцаряется полная тишина. Они не рѣшаются переступить порогъ. Готтвальдъ съ торжественнымъ выраженіемъ лица приближается къ сестрѣ Мартѣ, которая все еще продолжаетъ молиться).

Готтвальдъ (тихимъ голосомъ). Добрый день, сестра!

Сестра Марта. Г. Готтвальдъ, да благословитъ васъ Богъ!

Готтвальдъ (глядя на Ганнеле, скорбно качаетъ головою). Бѣдная дѣвочка!

Сестра Марта. Почему вы такъ печальны, г. Готтвальдъ?

Готтвальдъ. Потому что она умерла.

Сестра Марта. Не будемъ объ этомъ печалиться. Она успокоилась, и я радуюсь, что она нашла успокоеніе.

Готтвальдъ (со вздохомъ). Да, ей хорошо. Она освободилась отъ скорби и страданія.

Сестра Марта (погруженная въ созерцаніе Ганнеле). Какъ она теперь прекрасна!

Готтвальдъ. Да, прекрасна—теперь. Только теперь, въ смерти, ты впервые расцвѣла во всей своей красѣ.

Сестра Марта. Потому, что она была такою кроткою духомъ, Господь и сдѣлалъ ее такою прекрасною.

Готтвальдъ. Да, она была кротка и добра. (Глубоко вздыхаетъ, открываетъ свой молитвенникъ и сумрачно смотритъ въ него).

Сестра Марта (тоже смотритъ въ молитвенникъ). Не надо жаловаться. Надо терпѣть и молчать.

Готтвальдъ. Ахъ, тяжело мнѣ!

Сестра Марта. Оттого, что она спасена?

Готтвальдъ. Оттого, что у меня завяли два цвѣтка.

Сестра Марта. Гдѣ?

Готтвальдъ. Двѣ фіалки, заложенныя мною въ эту книгу. Это—мертвые глаза моей милой Ганнеле.

Сестра Марта. Они еще краше расцвѣтутъ въ царствіи небесномъ.

Готтвальдъ. О, Боже мой, какъ долго еще придется странствовать намъ въ этой мрачной юдоли земныхъ скорбей. (Измѣнившемся сразу, дѣловитымъ и озабоченнымъ тономъ, доставая ноты) Какъ вы думаете? Я рѣшилъ, что мы споемъ здѣсь въ домѣ прежде всего хоралъ: «Христосъ — мое прибѣжище».

Сестра Марта. Да, это чудный хоралъ, и Ганнеле Матерь была вѣрующимъ ребенкомъ.

Готтвальдъ. А тамъ на кладбищѣ мы споемъ: «Отпусти меня въ обитель...» (Оборачивается, подходитъ къ ученикамъ и говоритъ) № 62: «Отпусти меня въ обитель». (Тихо напѣваетъ, считая тактъ) «От-пусти меня въ оби-тель, гдѣ пред-станетъ мнѣ Спа-си-тель». (Дѣти только подпѣваютъ). Тепло ли вы одѣлись, дѣтки? Тамъ на кладбищѣ будетъ очень холодно. Войдите же. Взгляните въ послѣдній разъ на бѣдную Ганнеле. (Школьники входятъ толпой и благоговѣйно становятся вокругъ постели). Посмотрите, какою прекрасною сдѣлала смерть эту бѣдную милую дѣвочку! Она ходила въ лохмотьяхъ,—теперь она въ шелковой одеждѣ. Она бѣгала босикомъ, а теперь у нея на ногахъ хрустальные башмачки. Скоро она будетъ жить въ золотомъ замкѣ и ѣсть каждый день жареное мясо. Здѣсь она питалась холоднымъ картофелемъ, да и того не всегда наѣдалась досыта. Здѣсь вы всегда звали ее принцессою въ лохмотьяхъ, теперь она скоро будетъ настоящею принцессою. Если кто-либо изъ васъ въ чемъ-нибудь провинился передъ нею, пусть онъ сейчасъ же попроситъ у нея прощенія, а то она все разскажетъ Господу Богу, и тогда вамъ плохо придется.

Маленькій мальчикъ (немного выступаетъ впередъ). Милая принцессочка Ганнеле, не сердись на меня и не говори Господу Богу, что я всегда называлъ тебя принцессою въ лохмотьяхъ!

Всѣ дѣти (наперебой). Мы отъ всего сердца жалѣемъ объ этомъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Бѣдняжка Ганнеле навѣрно вамъ простила. Теперь ступайте и подождите меня на дворѣ.

Сестра Марта. Пойдемте, я проведу васъ въ заднюю комнату. Тамъ я скажу вамъ, что̀ нужно вамъ дѣлать для того, чтобы каждый изъ васъ могъ стать такимъ же прекраснымъ ангеломъ, какимъ скоро станетъ Ганнеле. (Она идетъ впередъ, дѣти слѣдуютъ за нею, дверь притворяютъ).

Готтвальдъ (оставшись наединѣ съ Ганнеле). Милая моя Ганнеле, я принесъ тебѣ букетъ красивыхъ колокольчиковъ. (Преклонивъ колѣна, говоритъ дрожащимъ голосомъ) Не забудь меня навѣки въ славѣ твоей! (Онъ рыдаетъ, скрывъ лицо въ складкахъ ея платья). Сердце мое разрывается отъ того, что я долженъ разстаться съ тобою.

(Слышны голоса. Готтвальдъ поднимается и прикрываетъ Ганнеле. Двѣ пожилыя женщины, одѣтыя какъ на похороны, съ платками и желтообрѣзными молитвенниками въ рукахъ, пробираются въ комнату).

Первая женщина (оглядываясь). Мы первыя, кажись?

Вторая женщина. Нѣтъ, господинъ учитель уже здѣсь. Здравствуйте, г. учитель.

Готтвальдъ. Здравствуйте.

Первая женщина. Г. учитель, небось, принимаетъ это близко къ сердцу? Она вправду хорошая была дѣвочка. Ужъ такая старательная, такая старательная...

Вторая женщина. А что же люди говорятъ... Зря болтаютъ, вѣрно, будто она сама на себя руки наложила?

Третья женщина (подходитъ). Это—грѣхъ противъ Духа Святого.

Вторая женщина. Грѣхъ противъ Духа Святого?

Третья женщина. Господинъ пасторъ говоритъ, что такому грѣху вовѣки не будетъ прощенія.

Готтвальдъ. Развѣ вы не знаете, что сказалъ Спаситель: «Пусть дѣти пріидутъ ко Мнѣ»?

Четвертая женщина (подходитъ). Ахъ, батюшки, вотъ такъ погода! Прямо ноги себѣ поотморозишь! Только бы пасторъ не опоздалъ. На кладбищѣ снѣгу намело на цѣлый аршинъ.

Пятая женщина (входитъ). Ахъ, батюшки! Пасторъ-то, говорятъ, отпѣвать ее не хочетъ. Отказывается хоронить ее въ освященной землѣ.

Плешке. Слыхали вы... слыхали... того? У пастора, того, хорошій баринъ былъ и говоритъ, значитъ, пастору-то, что Ганнеле Маттернъ, того, свя-та-я...

Ганке (вбѣгаетъ). Хрустальный гробъ несутъ.

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Ганке. Господи Іисусе! Вскочилъ онъ, небось, въ копеечку!

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Зейдель. Еще не то увидимъ. Ангелъ по деревнѣ про-

шелъ. Ростомъ, хоть вѣрьте, хоть нѣтъ—съ цѣлый тополь. У пруда около кузницы сидятъ еще двое. Только тѣ—махонькіе, какъ малые ребята. Видно, дѣвчурка не простая побирушка была.

Разные голоса. Дѣвочка не простая побирушка была!.. Несутъ хрустальный гробъ!..' Ангелъ прошелъ по деревнѣ!..

(Четверо юношей въ бѣломъ вносятъ гробъ, который они ставятъ около постели Ганнеле. Провожающіе съ любопытствомъ и удивленіемъ перешептываются).

Готтвальдъ (слегка приподнимаетъ съ Ганнеле покровъ). Поглядите на усопшую!

Первая женщина (искоса съ любопытствомъ заглядывая). Что за волосы! Они—какъ золотые!

Готтвальдъ (совершенно снимая покровъ съ озаренной блѣднымъ сіяніемъ Ганнеле). И шелковое платье, и хрустальные башмачки.

Всѣ (отступаютъ, ослѣпленные, назадъ, съ восклицаніями крайняго изумленія). Какая красавица!.. Да кто же это? Маттернова Ганнеле? Въ жизнь не повѣрю!..

Плешке. Дѣвочка... дѣвочка, того, святая...

(Четверо юношей бережно кладутъ Ганнеле въ хрустальный гробъ).

Ганке. Ее, говорятъ, и хоронить не станутъ.

Первая женщина. Ее поставятъ въ церкви.

Вторая женщина. Да умерла ли еще она? Съ виду она—живехонька!

Плешке. Дайте-ка, того, сюда... Дайте-ка перышко... Мы ей, того, приставимъ... ко рту перышко-то приставимъ... Да, да... И поглядимъ, того, есть ли въ ней духъ?.. (Ему даютъ перышко, онъ, внимательно глядя, держитъ его у рта Ганнеле). Не... не шелохнется. Умерла дѣвочка... На столько жизни въ ней нѣтъ.

Третья женщина. Я отдамъ ей свой букетикъ розмарина. (Кладетъ въ гробъ букетикъ).

Четвертая женщина. Пусть ей пойдетъ и моя лаванда!

Пятая женщина. Гдѣ же Маттернъ?

Первая женщина. Гдѣ Маттернъ?

Вторая женщина. Гдѣ ему быть? Въ кабакѣ сидитъ.

Первая женщина. Не знаетъ онъ, вѣрно, что̀ случилось.

Вторая женщина. Ему только бы водка была, а тамъ ему и горюшка мало.

Плешке. А вы, того, не сказали ему, того... что у него въ дому покойница, значитъ?

Третья женщина. Самъ долженъ знать.

Четвертая женщина. Я бы ни-ни! Ни словечка не сказала. А только кто дѣвочку до смерти довелъ—про это намъ кое-что извѣстно.

Зейдель. Это, съ позволенія сказать, вся деревня знаетъ. У нея шишка—съ мой кулакъ.

Пятая женщина. Онъ гдѣ ступитъ, тамъ трава не растетъ.

Зейдель. Мы вмѣстѣ ее переодѣвали. Своими глазами видѣлъ. У нея шишка — съ мой кулакъ. Оттого она и жизни рѣшилась.

Первая женщина. Маттернъ за нее Богу отвѣтитъ, не другой кто!

Всѣ (возбужденно, но шопотомъ, перебивая другъ друга). Не другой кто-нибудь!

Вторая женщина. Убійца онъ!

Всѣ (съ гнѣвомъ, но таинственно). Убійца! Убійца!

(Слышенъ ревъ пьянаго каменщика Маттерна).

Голосъ Маттерна. «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Онъ появляется въ дверяхъ и кричитъ) Дѣвчонка! А дѣвчонка! Негодница! Куда ты запропастилась? (Стукается о косякъ двери). Жду, покуда... не сосчитаю до пяти... Не дольше того... Разъ... два... три... сколько будетъ? Дѣвчонка! Не выводи меня изъ терпѣнія. Слышишь? Ежели я искать стану да найду тебя—разражу!! (Останавливается и замѣчаетъ присутствующихъ, среди которыхъ царитъ мертвая тишина). Чего вамъ здѣсь надо? Самъ чортъ принесъ васъ сюда? А? Убирайтесь вонъ! Скоро вы уйдете? (Смѣется про себя). Постой-ка! Знаю я эти штуки. Мерещится мнѣ, вотъ и вся недолга! Хватилъ лишнее... Вотъ мнѣ и чудится... (Поетъ) «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Пугается). Вы все еще здѣсь? (Съ внезапнымъ бѣшенствомъ ищетъ, чѣмъ бы ударить). Возьму-ка я что подъ руку попадется...

(Входитъ нѣкто въ темномъ поношенномъ одѣяніи. Ему лѣтъ тридцать, у него длинные черные волосы и блѣдное лицо съ чертами учителя Готтвальда. Въ лѣвой рукѣ у него шляпа съ широкими полями, на ногахъ—сандаліи. Онъ запыленъ и утомленъ съ дороги. Прерывая слова каменщика, онъ кротко дотрогивается рукою до его плеча. Маттернъ рѣзко оборачивается).

Странникъ (очень спокойно и серьезно смотритъ ему прямо въ лицо и говоритъ). Каменщикъ Маттернъ, да благословитъ тебя Богъ!

Маттернъ. Какъ ты сюда попалъ? Чего тебѣ нужно?

Странникъ (со смиренною мольбою). Я до крови изранилъ

въ пути свои ноги; дай мѣ воды, чтобы омыть ихъ. Палящее солнце сожгло меня; дай мнѣ испить вина, чтобы я могъ освѣжиться. Я не вкушалъ еще хлѣба, ибо я вышелъ на зарѣ. Я голоденъ.

Маттерн. А мнѣ какое дѣло? Кто велитъ тебѣ шататься по дорогамъ? Работай. Вѣдь я работаю.

Странникъ. Я работникъ.

Маттерн. Бродяга ты. Кто работаетъ, тому не зачѣмъ побираться.

Странникъ. Я—работникъ, не получающій платы.

Маттерн. Бродяга ты.

Странникъ (робко, смиренно, но при этомъ настойчиво). Я—врачъ. Ты, можетъ-быть, будешь имѣть во мнѣ нужду.

Маттерн. Я не боленъ. Никакого доктора мнѣ не надо.

Странникъ (голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія). Каменщикъ Маттерн, опомнись! Ты можешь не давать мнѣ воды, и я все же исцѣлю тебя. Ты можешь не давать мнѣ хлѣба насущнаго, и я все же излѣчу тебя, какъ Богъ святъ!

Маттерн. Проваливай отсюда. Ступай своей дорогой! Здоровья мнѣ не занимать стать. Понялъ?

Странникъ. Каменщикъ Маттерн, опомнись! Я омою тебѣ ноги. Я дамъ тебѣ испить вина. Ты вкусишь отъ сладкаго хлѣба. Поставь ногу мнѣ на шею, и все же я исцѣлю и спасу тебя, какъ Богъ святъ!

Маттерн. А я вотъ хочу поглядѣть, уберешься ты отсюда или нѣтъ? И ежели ты не уйдешь добромъ, я покажу тебѣ дорогу...

Странникъ (со строгимъ увѣщаніемъ). Каменщикъ Маттерн, знаешь ли ты, что у тебя въ домѣ?

Маттерн. То, чему полагается быть. То, чему полагается быть... А вотъ тебѣ здѣсь быть не полагается... Проваливай, значитъ!

Странникъ (просто). Дочь твоя больна.

Маттерн. Для ея хвори доктора не нужно. Она лѣнью хворастъ. Я самъ ужо повыбью изъ нея эту хворь.

Странникъ (торжественно). Каменщикъ Маттерн, я прихожу къ тебѣ, какъ вѣстникъ.

Маттерн. Отъ кого это ты приходишь вѣстникомъ?

Странникъ. Я прихожу отъ Отца и ухожу къ Отцу. Гдѣ у тебя Его дитя?

Маттерн. Почемъ я знаю, гдѣ она шатается? Что

нѣ за дѣло до его дѣтей? Чего онъ раньше о нихъ не заботился?

Странникъ (съ силою). У тебя въ домѣ покойникъ.

Маттеринъ (замѣтивъ лежащую Ганнеле, молча и тупо подходитъ къ гробу, бормоча про себя). Откуда у тебя взялось такое нарядное платье? Кто купилъ тебѣ хрустальный гробъ?

(Провожатые перешептываются взволнованно и таинственно. Порою у нихъ прорывается съ озлобленіемъ слово: «убійца!»).

Маттеринъ (тихо, съ дрожью). Вѣдь я съ тобою никогда не обходился дурно... Я одѣвалъ тебя... Я тебя кормилъ... (Къ страннику, дерзко) Чего же тебѣ отъ меня надо? Какое мнѣ до всего до этого дѣло?

Странникъ. Каменщикъ Маттеринъ, тебѣ нечего мнѣ сказать?

(Среди провожатыхъ ропотъ усиливается, все яростнѣе и чаще повторится слова: «Убійца! Убійца!»).

Странникъ. Тебѣ рѣшительно не въ чемъ себя упрекнуть? Ты не будилъ ее отъ сна по ночамъ? Она никогда не падала замертво подъ твоими ударами?

Маттеринъ (въ ужасѣ, внѣ себя). Убей меня Богъ! Не сойти мнѣ съ мѣста! Разрази меня громъ небесный, ежели я въ этомъ виноватъ.

(Блѣдная голубоватая молнія и дальній раскатъ грома).

Всѣ (вмѣстѣ). Гроза собирается! Теперь, среди зимы! Онъ далъ ложную клятву! Дѣтоубійца далъ ложную клятву!

Странникъ (настойчиво, съ добротою). Тебѣ нечего мнѣ больше сказать, каменщикъ Маттеринъ?

Маттеринъ (жалкій, испуганный). Кто любитъ свое дитя, тотъ наказуетъ его... Ничего кромѣ добра я не дѣлалъ дѣвчонкѣ. Я держалъ ее, какъ родную дочь. А ежели она нехладное дѣлала, какъ же мнѣ было не наказывать ее?

Женщина (наступая на него). Убійца! Убійца! Убійца! Убійца!

Маттеринъ. Она лгала мнѣ, обманывала... Каждый день обкрадывала меня...

Странникъ. Ты правду говоришь?

Маттеринъ. Накажи меня Богъ!

(Въ этотъ мигъ въ сложенныхъ рукахъ Ганнеле появляется цвѣтокъ, похожій на небесный колокчикъ, излучающій желтовато-зеленое сіяніе. Каменщикъ Маттеринъ, какъ безумный, дрожа всѣмъ тѣломъ, глядитъ, не отводя глазъ, на видѣніе).

Странникъ. Каменщикъ Маттеринъ, ты лжешь!

Всѣ (въ сильнѣйшемъ возбужденіи говорятъ разомъ). Чудо!.. Чудо!..

Плешке. Дѣвочка... того... дѣвочка и вправду... святая. Проклялъ онъ себя... Душу и тѣло... загубилъ...

Маттернъ (съ рычаніемъ). Я повѣшусь! (Хватается обѣими руками за голову и убѣгаетъ).

Странникъ (подходитъ къ гробу Ганнеле и говоритъ, обращаясь къ присутствующимъ. Всѣ благоговѣйно отступаютъ передъ его фигурою, дышащею величіемъ). Не бойтесь! (Онъ наклоняется и какъ бы испытующе беретъ руку Ганнеле, затѣмъ съ кротостью говоритъ) Дѣвушка не умерла. Она спитъ. (Съ глубочайшею проникновенностью и могучею увѣренностью) Іоганна Маттернъ! Встань!

(Яркій золотисто-зеленый свѣтъ наполняетъ комнату. Ганнеле открываетъ глаза, поднимается, опираясь на руку странника, но не смѣя посмотрѣть ему въ лицо. Она выходитъ изъ гроба и опускается на колѣни передъ тѣмъ, кто пробудилъ ее. Присутствующихъ охватываетъ ужасъ. Они разбѣгаются. Ганнеле и странникъ остаются вдвоемъ. Съ его плечъ соскользнулъ сѣрый плащъ, онъ остается въ бѣло-золотистой одеждѣ).

Странникъ (нѣжно, проникновенно). Ганнеле!

Ганнеле (съ внутреннимъ восторгомъ преклоняетъ голову насколько возможно). Вотъ онъ!

Странникъ. Кто я?

Ганнеле. Ты.

Странникъ. Назови мое имя.

Ганнеле (трепеща отъ благоговѣнія, голосомъ, подобнымъ вздоху). Святъ! Святъ!

Странникъ. Мнѣ вѣдомы всѣ твои скорби и страданія.

Ганнеле. О, возлюбленный, возлюбленный!

Странникъ. Поднимись.

Ганнеле. Твоя одежда непорочна. На мнѣ тяготѣетъ стыдъ.

Странникъ (кладетъ правую руку на голову Ганнеле). Вотъ этимъ я снимаю съ тебя гнетъ униженія. (Приподнявъ съ нѣжнымъ насиліемъ ея лицо, прикасается къ ея глазамъ) Вотъ этимъ я дарую очамъ твоимъ вѣчный свѣтъ. Примите въ себя солнца и новыя солнца. Примите въ себя сіяніе вѣчнаго дня отъ утренней зари до вечерней и отъ вечерней зари до утренней. Примите въ себя все, что сіяетъ:—синее море, синее небо и зеленые луга вѣчности. (Касается ея уха) Вотъ этимъ я дарую твоему слуху возможность слышать ликованіе всѣхъ милліоновъ ангеловъ, обитающихъ въ милліонахъ Божьихъ небесъ. (Касается ея устъ). Вотъ этимъ я разрѣшаю безсильный твой языкъ и влагаю въ него твою душу, и мою душу, и душу Вседержителя Творца.

Ганнеле (дрожа всѣмъ тѣломъ, пытается приподняться, но не можетъ этого сдѣлать, словно изнемогая подъ бременемъ блаженства. Потрясаемая рыданіями, она скрываетъ лицо на груди странника)

Странникъ. Этими слезами я омываю твою душу отъ земного праха и скорби. Я вознесу твои стопы превыше свѣтилъ Господнихъ.

(Гладя Ганнеле по головѣ, странникъ подъ нѣжную музыку продолжаетъ говорить. Во время его рѣчи появляются въ дверяхъ призраки ангеловъ, большіе, малые, мальчики, дѣвочки; они робко останавливаются, затѣмъ рѣшаются войти и убираютъ комнату коврами и цвѣтами).

Блаженство—есть городъ чудесный Творца,
Гдѣ миру и счастью не будетъ конца.

(Арфы звучатъ сначала тихо, затѣмъ громче и наконецъ—полнымъ голосомъ).

Тамъ—золото кровель и мраморъ палатъ,
Фонтаны—пурпурныя вина струятъ,
На улицахъ бѣлыхъ тамъ сыплютъ цвѣты,
И свадебный звонъ тамъ звучитъ съ высоты.
Тамъ розовой вязью обвита стѣна,
И бабочки вьются, и блещетъ весна.
Двѣнадцать сребристыхъ, какъ снѣгъ, лебедей
Кружатся въ звенящей одеждѣ своей
И смѣло взлетаютъ въ лазурную высь,
Гдѣ въ воздухѣ звонъ съ ароматомъ слились:
Торжественно-вѣчный полетъ въ высоту.
Какъ арфы, ихъ крылья звенятъ на лету.
Глядятъ на Сіонъ, на лѣса, океанъ,—
И слѣдъ ихъ—какъ отблескъ созвѣздій въ туманъ.
Внизу же, ликуя въ отчизнѣ святой,
Блаженные объ руку ходятъ толпой.
Тамъ плещетъ пурпурное море вина,
Ихъ свѣтлое тѣло пріемлетъ волна,
И въ блескѣ и въ брызгахъ, омыты навѣкъ—
Выходятъ они съ ликованьемъ на брегъ...
Сіяютъ они красотою любви—
Омытые въ алой Христовой крови.

(Странникъ обращается къ ангеламъ, окончившимъ свою работу. Съ робкою радостью и счастьемъ они подходятъ и образуютъ полукругъ около Ганнеле и странника).

Съ тончайшими покровами льняными
Приблизьтесь, дѣти неба, вы, любимцы,
Вы, кроткіе, какъ голуби, приблизьтесь
И слабое отъ истощенья тѣло,
Что зябло въ стужу и горѣло въ жаръ,—

Вы бережно окутайте, чтобъ боли
Не причинить ему прикосновеньемъ.
И, на крылахъ безшумныхъ тихо рѣя,
Ее несите нѣжно, на лету
Касаясь стебельковъ, налитыхъ сокомъ,
Въ сіяніи цѣлительномъ луны,
Сквозь ѳиміамъ благоуханій райскихъ—
Въ храмъ, гдѣ ее прохладою объемлетъ.

(Краткая пауза).

Пока на ложѣ шелковомъ она
Покоиться тамъ будетъ, въ бѣлой ваннѣ
Изъ мрамора перемѣшайте воду
Изъ горнаго ключа съ пурпурнымъ сокомъ
И молокомъ газели, чтобъ струею
Прозрачною слѣды болѣзни смыть.
Съ кустовъ сирени и жасмина вѣтви,
Росою отягченныя, сорвите;
Да брызнутъ капли свѣтлыя душистой,
Живительной прохладой на нее.
Ей въ чашѣ золотой вина подайте,
Въ него подливъ плодовъ созрѣвшихъ сокъ;
Созрѣвшую на солнцѣ землянику
И ягоды малины, сладкой кровью
Налитыя, и желтый ананасъ,
И бархатистый персикъ, апельсины
Блестящіе, какъ золото, подайте
На блюдѣ ей изъ свѣтлаго металла.
Пусть блескъ и изобилье новыхъ зорь
И вкусъ ея и сердце очаруютъ,
И взоръ ея плѣнитъ краса чертоговъ.
Пусть огненныя бабочки, качаясь
На зелени изъ малахита, блещутъ.
Атласъ ей разстелите на пути,
Пускай идетъ она среди тюльпановъ
И гіацинтовъ,—а по сторонамъ
Трепещутъ пальмы, словно опахала,
Зеркальнымъ блескомъ стѣнъ отраженья.
Ей покажите поле красныхъ маковъ,
Гдѣ золотымъ мячомъ играютъ дѣти
Небесныя—счастливыя въ лучахъ
Сіянья вновь рожденнаго, и нѣжно
Пусть музыка ей сердце усладитъ!

Ангелы (хоромъ).

Тихо на крыльяхъ уносимъ ее,
Словно баюкая, въ царство Твое,
Словно баюкая, въ царство Твое!

(Во время ихъ пѣнія на сценѣ темнѣетъ. Изъ мрака ихъ пѣніе доносится все слабѣе и слабѣе, отдаляясь. Затѣмъ снова становится свѣтло, и взору является комната въ пріютѣ для нищихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ она была до появленія перваго призрака. Ганнеле—блѣдная больная дѣвочка лежитъ на постели. Докторъ Вахлеръ наклоняется надъ нею, въ рукахъ у него трубка для выслушиванія. Дьяконисса держитъ свѣчу и боязливо слѣдитъ за нимъ).

Докторъ Вахлеръ (выпрямляясь). Вы правы.

Сестра Марта. Умерла?

Докторъ Вахлеръ (сумрачно киваетъ головою). Умерла.

(Занавѣсъ падаетъ).

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЪ.

Сказка - драма.

Переводъ В. П. Буренина.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

«Потонувшій колоколъ» (Die versunkene Glocke)—шедевръ Гауптмана. Какъ раньше его называли «творцомъ Ткачей», такъ послѣ этого созданія для европейскаго читателя онъ сталъ авторомъ «Потонувшаго колокола».

«Потонувшій колоколъ» былъ поставленъ 2 декабря 1896 г. въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ» съ блистательнымъ успѣхомъ. Драматургу послѣ представленія были устроены бурныя овапіи.

Нѣкоторые изъ его біографовъ склонны отчасти видѣть въ этомъ горячемъ пріемѣ протестъ публики противъ назначенія обѣихъ гриль-парцеровскихъ премій Вильденбруху, хотя по сужденію шиллеровской комиссіи однимъ изъ лауреатовъ долженъ былъ быть Гауптманъ. Это была демонстрація противъ regis voluntatem. Чистый и независимый ни отъ какихъ внѣшнихъ соображеній успѣхъ чудесной драмы-сказки, впрочемъ, нашелъ немедленное подтвержденіе въ признаніи ея въ слѣдующій сезонъ во всей Германіи.

Успѣхъ новаго произведенія Гауптмана прокатился по родной поэту странѣ громомъ. Признала его публика, признала и критика. Не проходило недѣли, чтобы не появлялось какой-нибудь новой попытки разобраться въ философскомъ смыслѣ поэмы. Литература о ней выросла вдругъ до чудовищныхъ размѣровъ. Повсюду Гауптмана сравнивали съ Шиллеромъ и Гёте. За исключеніемъ ростановскаго «Сирано де-Бержерака», ни одна изъ пьесъ современныхъ драматурговъ не вызывала такого шума.

Имя Гауптмана грѣлось въ лучахъ міровой славы. Въ сезонъ 1897 и 1898 гг. трудно было бы найти маскированный балъ, въ которомъ не участвовала бы хоть одна Раутенделейнъ. Уличные мальчики пользовали «брекекекексъ» Водяного. Дѣвочки въ школахъ заучивали наизусть стихи о человѣческой слезѣ. Изучающій Гауптмана въ первую минуту будетъ удивленъ тѣмъ, что почти все цѣнное о Гауптманѣ пріурочено къ 1897 году. Въ этомъ году появилась книжка Вернера, за нею капитальное изслѣдованіе о Гауптманѣ Бартельса, слѣдомъ книга Шлентера и книга Ганштейна.

Литературный успѣхъ изданія «Колокола» былъ безпримѣренъ. Съ декабря 1896 по іюль 1897 г. книжка выдержала не менѣе 28 изданій. Къ 1906 г. Бартельсъ подсчиталъ уже 62 изданія! «Колоколъ» сталъ настольною книгою нѣмецкой дѣвушки-подростка. Имя Гауптмана стало «опасно-популярнымъ», какъ выразился Шлентеръ.

Этотъ головокружительный успѣхъ палъ на душу нѣмецкаго поэта благодатнымъ дождемъ, необходимымъ для нея потому, что передъ этимъ Гауптманъ только-что пережилъ мучительную драму художника. Эта драма огромно повліяла и на самую идею, на самое созданіе

«Потонувшаго колокола». Не зная ея, нельзя и понять «Колоколъ» въ полной мѣрѣ и силѣ.

Эта душевная трагедія Гауптмана—неуспѣхъ его предшествующей исторической драмы «Флоріанъ Гейеръ», любимаго дѣтища поэта, надъ которымъ онъ работалъ съ исключительнымъ трудомъ, захватомъ и любовью еще раньше, чѣмъ началъ «Ганнеле». Берлинская публика совершенно не поняла «Флоріана», соскучилась надъ нимъ, не разобралась въ этой громадѣ лицъ и картинъ. Пьеса была снята съ репертуара послѣ втораго представленія.

Возлагавшій на эту вещь огромныя надежды, Гауптманъ вышелъ изъ театра, потрясенный до глубины души, разбитый, усомнившійся въ своей творческой силѣ. Онъ признавался, что неуспѣхъ «Флоріана» былъ горчайшимъ разочарованіемъ его жизни. Нѣкоторыя слова литейщика Генриха въ самомъ дѣлѣ цѣликомъ могъ бы сказать о себѣ разочарованный Гауптманъ.

Да, Магда... Повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданье
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадьми, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколъ. И вотъ съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
Ста саженъ. Въ безднѣ молчаливой водъ,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучшій трудъ...
Ни колоколъ ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Все оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
И обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
Я устремился вверхъ, то упаду я.
Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.

Когда Гауптманъ находился въ этомъ отчаянномъ состояніи духа, неожиданно изъ Вѣны ему пришла окрыляющая его радость. За «Ганнеле» ему была присуждена премія Грильпарцера. Лучъ свѣта былъ брошенъ въ мракъ его души. Вѣнскіе судьи сдѣлали больше, чѣмъ ожидали. Они подвигли поэта на новое созданіе. Свои недавнія печали Гауптманъ перелилъ въ поэтическіе образы.

Такъ родился «Потонувшій колоколъ», чудное сказаніе о художникѣ, потерпѣвшемъ неудачу въ созданіи, какое онъ считалъ лучшимъ, стремящемся на высоты творчества, но неотразимо влекомомъ узами земли къ ея долинамъ. Нѣмецкіе изслѣдователи Гауптмана, даже чуждающіеся ходячихъ сплетенъ, заглядывающихъ въ личную жизнь драматурга, намекаютъ на значительную долю личныхъ гауптмановскихъ переживаній и въ нѣкоторыхъ иныхъ частностяхъ трагедіи литейщика Генриха.

«Потонувшій колоколъ»—ярко символическая драма. «Ганнеле» только по недоразумѣнію относится нѣкоторыми къ этому роду. За личной драмой литейщика Генриха вырисовывается вообще драма

генія въ его отношеніяхъ къ міру и землѣ. Это «трагедія сверхчеловѣка, который для достиженія великаго готовъ пренебречь «малыми сими», но у котораго въ рѣшительный моментъ не хватило духа и силы настоять на великомъ, вопреки нѣжнымъ чувствамъ и угрызеніямъ совѣсти» (Н. Котляревскій). Гауптманъ не довелъ мечту своего сверхчеловѣка до конца, не сдѣлалъ изъ Генриха—Бранда. Генрихъ уступилъ, сдался. Въ его драмѣ—вѣчная драма гауптмановскихъ героевъ, «слабыхъ людей»: Лота, Іоганнеса Фокерата. Нетрудно установить извѣстную параллель между Магдой и Кэте (изъ «Одинокихъ») и между Раутенделейнъ и Анной Маръ.

Отысканіе тѣхъ «крестныхъ отцовъ», какіе всегда есть у Гауптмана въ лицѣ Ибсена, Толстого, Зола и т. д., въ отношеніи «Колокола» не представляетъ значительныхъ трудностей. Можно не отрицать несомнѣннаго вліянія здѣсь ибсеновскаго образа «Бранда», такъ же рвущагося на высокія вершины и лелѣющаго мечту новой религіи, его же драмы «Пеэръ Гинтъ» и гётевскаго «Фауста». Шекспировскій «Сонъ въ лѣтнюю ночь», можетъ-быть, подсказалъ Гауптману поэзію лѣса ночью, черты изъ міра эльфовъ, звонъ стиха ихъ пѣсенокъ. Есть нѣчто «гамлетовское» въ нѣкоторыхъ настроеніяхъ мастера Генриха.

Германская народная миѳологія вмѣстѣ съ нѣкоторыми литературными образцами дала поэту очаровательный образъ Раутенделейнъ. Здѣсь неотрицаемо вліяніе сказки Вилламаріа о потонувшемъ колоколѣ, «Ундины» Ламотъ-Фукэ, знакомой и русскому читателю по переводу Жуковскаго, можетъ-быть, «Русалочки» Андерсена и старинаго сказанія о «Тангейзерѣ».

Но все навѣянное поэтъ такъ самобытно претворилъ въ тайникахъ своего духа, такъ чутко прочувствовалъ душою всю прелесть нѣмецкаго сказанія, облекъ въ такую нѣжную красоту, что это стало *сотвореніемъ*, а образъ Раутенделейнъ оказался поистинѣ достойнымъ стать въ галлерею первоклассныхъ фантастическихъ образовъ женщинъ.

Кого поцѣловала въ уста мечта иного міра, какъ Раутенделейнъ Генриха, тотъ уже не найдетъ сытости на землѣ. Но жалость къ міру, къ землѣ подсѣкаетъ творческій духъ, рвущійся на высоты, и выхода изъ этой трагедіи Гауптманъ не видитъ... «Кто взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ,—долженъ разбиться»,—какъ говоритъ Виттиха. Но и жить безъ мечты, безъ Раутенделейнъ, невозможно. Позднѣе тотъ же символъ Гауптманъ воплотилъ въ образѣ Пиппы.

Самый символъ колокола давно присущъ тевтонской поэзіи въ такой же мѣрѣ, какъ и инымъ. Шиллеръ, вдохновленный народными сказаніями, спѣлъ свою безсмертную «Пѣснь о колоколѣ». Ницше чувствуетъ чары мелодическаго колокольнаго звона въ старинномъ Наумбургѣ. Ренанъ ссылается на бретонскую легенду о таинственномъ городѣ Исъ, звонъ колоколовъ котораго слышится въ тихіе дни. Вспомнимъ еще русское сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ. Символъ колокола пользовалъ и самъ Гауптманъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній: «Gestorbenes Erz».

Философски «Потонувшій колоколъ» есть живая иллюстрація къ ученію Ницше о сверхчеловѣкѣ. Огромное идейное вліяніе философа на драматурга неотрицаемо. Д-ръ философіи А. Родэ написалъ цѣлую книжку *), гдѣ выяснилъ всѣ параллельныя мѣста у Ницше и

*) «Гауптманъ и Ницше», къ объясненію «Потонувшаго колокола». М. 1902.

Гауптмана. Спорить противъ его заключеній о близости двухъ этихъ міровоззрѣній можно было бы только по недомыслію. Генрихъ Гауптмана — «высшій человѣкъ», предтеча «сверхчеловѣка», «творящій», какъ называлъ его Ницше. Онъ дерзнулъ, но его дерзанія не хватило до конца. Онъ еще не «преодолѣлъ» въ себѣ человѣка, и человѣкъ побѣдилъ въ немъ. Въ послѣднихъ строкахъ своей книги Родэ справедливо спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ждать отъ поэта второй части трагедіи, героемъ которой былъ бы совершенный сверхчеловѣкъ, выходящій побѣдителемъ.

Генрихъ напоминаетъ идеалъ Заратустры, потому что онъ творецъ по природѣ, потому что ради идеала онъ умѣетъ быть жестокимъ, потому что презираетъ толпу и ненавидимъ толпою, потому, наконецъ, что онъ отказался отъ всѣхъ боговъ, какимъ молится толпа *).

За «Потонувшимъ колоколомъ» упрочилась репутація темной и туманной пьесы, требующей толкованій. Если бы въ пьесѣ было только четыре акта,—никто не сказалъ бы этого. Тогда «Колоколъ» былъ бы ясною трагедіею художника, котораго жизнь съ ея жалостью и прозой, съ семьей и слезами жены сорвала съ горныхъ высотъ творчества. Человѣкъ, семьянинъ побѣдилъ художника. Генрихъ отказался отъ своей творческой мечты перерожденія міра изъ-за жалости къ земному страданію. Только намѣренно закрывая глаза, можно не понять, что кувшинъ слезъ, приносимый дѣтьми Генриху, образно выражаетъ полноту материнскаго страданія, что пасторъ—воплощеніе казенной церкви и морали долга, что учитель — символъ узкой науки, упразднившей всѣ тайны ради таблицы умноженія, что цырюльникъ—прикладная обиходность, и т. д.

Но Гауптманъ послѣ четвертаго акта отдался своему вдохновенію, и оно увлекло его. Такъ всегда бывало и съ Ибсеномъ. Чистая символика драмы замутилась, заслонилась частностями. И всѣ усилія толкователей «Колокола» сводятся къ анализу этого заключительнаго акта пьесы.

Почему Генрихъ опять явился въ горы? Чѣмъ вызвана ненависть къ нему жителей долины? Какой смыслъ каждаго изъ трехъ кубковъ, которые онъ долженъ пить?

Вопросы эти понятны, недоумѣніе законно. Но при этихъ розыскахъ надо помнить умный совѣтъ Штейгера, предостерегающаго «отъ хитроумныхъ толкованій этой глубокомысленной сказки. Настоящая, истинная сказка всегда многозначаща: она одновременно миѳъ о природѣ, исторія и мораль. И съ тѣмъ, кто хочетъ логически ее расчленить, происходитъ то же самое, что и съ ребенкомъ, схватывающимъ бабочку за крылья: цвѣточная пыль спадаетъ, и исчезаетъ вся прелесть красокъ».

И большинство критиковъ съ поэтическимъ вкусомъ—слагаютъ съ себя обязанность детальныхъ толкованій. «Зачѣмъ,—пишетъ Марпаль по поводу знаменитыхъ трехъ кубковъ въ финалѣ драмы:—зачѣмъ пытаться объяснить таинственную церемонію съ кубками и искать въ «Колоколѣ» нѣчто кромѣ того, что онъ несомнѣнно есть: блестящее произведеніе неподдѣльной чистоты? Въ этой чистотѣ—его непреодолимое очарованіе. Сцена, вмѣсто того, чтобы быть анатомическимъ театромъ души, какъ часто случалось съ Гауптманомъ, превращается въ гористую мѣстность, покрытую лѣсами, гдѣ зрителю открываются всѣ чары природы».

---

*) Объ этомъ подробнѣе у П. Когана: «Очерки по исторіи Зап.-Европ. литературъ», т. 2-й.

И это, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, лучше тонкихъ мудрованій, въ родѣ, напр., предлагаемаго Родэ о тѣхъ же кубкахъ, при помощи сопоставленій Гауптмана съ Ницше. «Виттиха,—говоритъ онъ:—предлагаетъ Генриху три кубка: съ бѣлымъ виномъ, съ краснымъ и съ желтымъ. Что̀ означаютъ цвѣта вина? Отвѣтъ въ главѣ «о духѣ тяжести» въ «Заратустрѣ». Изъ этого мѣста, гдѣ Ницше говоритъ о красномъ цвѣтѣ крови, бѣломъ, выдающемъ безцвѣтную душу, и желтомъ,—Родэ дѣлаетъ такой выводъ:

«Бѣлое вино есть вино тѣхъ, которые влюблены въ призраки, или, говоря безъ метафоръ, оно означаетъ *еще върующій въ Бога міръ*. Въ немъ дѣйствовалъ мастеръ старой силой, поэтому она возвращается съ бѣлымъ виномъ. Красное вино—тѣло и кровь, красенъ сверхчеловѣкъ, поэтому красное вино вызываетъ Раутенделейнъ, это воплощеніе великаго *здоровья земли*. Желтое вино—вино мумій, оно — *носитель смерти*. Его даетъ сама Раутенделейнъ».

Можетъ-быть, это и такъ. Можетъ-быть, это талмудическаго типа толкованіе явилось полною неожиданностью и для самого Гауптмана. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Туманный конецъ драмы-сказки не умаляетъ ея прелести. Всѣ образы, начиная съ захватывающаго образа Генриха, глубоки и красивы. Какъ истинно-народный поэтъ, Гауптманъ живописалъ Водяного, эту «философствующую лягушку», Виттиху, эльфовъ. Человѣческія фигуры вычеканены менѣе старательно, но извѣстная абстрактность ихъ могла быть у Гауптмана намѣренной: она въ духѣ этой сказки-драмы.

Въ критикѣ среди восторженныхъ поклонниковъ драмы первое мѣсто можетъ принадлежать извѣстному Эрнсту фонъ-Вольцогену. Онъ называетъ «Потонувшій колоколъ» шедевромъ, какой только могъ создаться на фонѣ натурализма, слившагося съ новымъ искусствомъ, съ чаяніями новой красоты. Идейное значеніе сказки онъ выноситъ далеко за предѣлы частной драмы артиста. «Это не трагедія борьбы художника,—пишетъ онъ: — но всеобъемлющее изображеніе человѣка на порогѣ новой эпохи, изображеніе того новаго духа, который силится перейти въ полную свободу, достичь окончательнаго избавленія съ мощною поддержкою природы, но не можетъ высвободиться изъ цѣпей наслѣдственности и воспитанія. Теперь,—кончаетъ онъ:—у насъ есть шедевръ Гауптмана,—это «Колоколъ». Я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ словахъ, и *я осмѣливаюсь поставить его* въ нѣмецкой литературѣ на мѣсто *непосредственно за первою частью «Фауста»*. Гауптманъ снова отыскалъ ту дорогу, какую молодой Гёте открылъ новой поэзіи».

«Потонувшій колоколъ»,—говоритъ Брандесъ:—есть въ одно и то же время наиболѣе блестящее и наиболѣе слабое изъ произведеній Гауптмана послѣднихъ лѣтъ,—не менѣе блестящее и не менѣе оригинальное, чѣмъ романы Габріэля д'Аннунціо. Написанная подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ произведеній Ибсена: «Брандъ» и «Зодчій Сольнесъ», эта драма по своей неясной символикѣ представляетъ скорѣе лирическое, чѣмъ драматическое произведеніе... Автору удалось создать нѣчто цѣльное, удалось создать художественное произведеніе, особенно благодаря музыкальности его языка, — но по плану, заимствованному у Генрика Ибсена».

«Пьеса Гауптмана совершенно нѣмецкая,—пишетъ французскій критикъ К. Мокляръ:—и очарованіе ея отлетаетъ съ перемѣною языка. И здѣсь дѣло не только въ поэтическомъ стилѣ, а въ самой душѣ

сказки Гауптмана, которая излучается отъ своей родной земли и отъ нея только. Здѣсь тысячи черточекъ, доставляющихъ нѣмцамъ безконечное наслажденіе, какъ въ деталяхъ, такъ и въ атмосферѣ. Для насъ онѣ остаются закрытыми, какъ теряли бы свою прелесть діалоги М. Доннэ для саксонцевъ... Гауптманъ хотѣлъ создать произведеніе очень и очень мѣстное. Это его право, но въ этомъ и естественное извиненіе французской публики, принявшей его слабо».

Извѣстный Германъ Баръ, не закрывая глазъ на слабыя стороны драмы, рѣшительно отмѣчаетъ ея прелесть. «Въ ней — вѣчное стремленіе угнетеннаго жизнью человѣка къ чистому, необъятному и свободному міру грезъ. Это драма для «поздно пришедшихъ», которые чувствуютъ конецъ, зная, что новое время придетъ, когда ихъ уже не будетъ. Это пьеса для печальныхъ и неудовлетворенныхъ, погруженныхъ въ тѣнь. Будущее зоветъ ихъ, но прошлое ихъ не пускаетъ».

«Каждый, у кого есть глаза и уши,—пишетъ Штейгеръ:—чувствуетъ глубокую пропасть между обычными шарманками нашихъ поставщиковъ историческихъ ямбовыхъ драмъ и риѳмами Гауптмана. Тамъ утомительный монотонный трезвонъ, здѣсь истинная музыка, тамъ одни слова, здѣсь—образы, одни лишь образы. Это не намѣренная погоня за ними: истинный художникъ только образами и мыслитъ. У Гауптмана, какъ у всѣхъ великихъ поэтовъ, слово и образъ сливаются воедино. Мы не только слышимъ его стихи, мы видимъ ихъ».

Примѣняющій въ большинствѣ случаевъ узко-реалистическую точку въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій, Бартельсъ не можетъ и при оцѣнкѣ «Колокола» отказаться отъ этой узости. Сказочно-условный и «ненатуральный» складъ драмы заставляетъ его видѣть въ ней не прогрессъ Гауптмана, а ошибку уклоненія отъ натурализма. Но и онъ находитъ «истинныя сказочныя чары въ этомъ произведеніи, которое, по справедливому замѣчанію Штерна, заставляетъ вспомнить объ Арнольдѣ Бёклинѣ. «Я нахожу здѣсь,—пишетъ онъ:—мѣстами захватывающую личную правду, короче, я нахожу самого поэта Гауптмана, прочно стоящаго на почвѣ родной природы и народа. И если даже и въ этомъ произведеніи онъ даетъ только настроеніе и никакихъ типовъ, я все же нахожу въ немъ людей. Тѣ тона, которые прозвучали въ первомъ произведеніи Гауптмана: «Участь прометидовъ» и потомъ откликнулись въ «Ганнеле», онъ довелъ здѣсь до возможной чистоты и красоты».

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЪ.

Сказка-драма.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Генрихъ, литейщикъ.
Магда, его жена.
Сыновья ихъ, 9 и 5 лѣтъ.
Пасторъ.
Школьный учитель.
Цырюльникъ.
Старая Виттиха.
Фея Раутенделейнъ.
Водяной.
Лѣшій.
Эльфы.
Лѣсные гномы.

Мѣсто дѣйствія—горы и деревня у ихъ подножья.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Горная поляна, окаймленная соснами. Налѣво, на заднемъ планѣ, хижина, полураскрытая подъ нависшей скалой. Направо, близъ лѣвой лѣсной опушки, старый колодецъ.

На краю колодца сидитъ фея Раутенделейнъ, полуребенокъ, полудѣвушка. Она расчесываетъ свои густые красновато-золотистые волосы, отмахиваясь отъ пчелы, которая назойливо жужжитъ вокругъ нея.

Раутенделейнъ.

Прочь, золотая пчелка, прочь! Откуда
Ты прилетѣла? Собирай съ цвѣтовъ
Душистый медъ. Не приставай, мѣшаешь
Мнѣ бабушкинымъ гребнемъ волоса
Расчесывать. Домой—того гляди—

Вернется бабушка, браниться будетъ.
Оставь меня! Чего тебѣ далась я?
Вѣдь я не розанъ, на губахъ моихъ
Нѣтъ меда сладкаго. Лети-ка лучше
Черезъ ручей, туда, къ лѣсной опушкѣ:
Тамъ златоцвѣтъ растетъ, растутъ фіалки,
Вползи въ ихъ чашечки и пей въ нихъ медъ.
Ну, убирайся же скорѣе, право!
Ты знаешь, бабушка тебя не любитъ:
Она сердита на тебя за то,
Что въ церковь на рождественскія свѣчи
Ты доставляешь воскъ... Эй, эй, дымокъ!
Спустись ко мнѣ скорѣе изъ трубы
И прогони своей струею пчелку!..

(Пчела улетаетъ).

Что, улетѣла! Наконецъ-то!

(Расчесываетъ нѣсколько мгновеній волосы, потомъ наклоняется въ колодецъ и кричитъ)

Дѣдъ!
Дѣдъ! Водяной!.. Не слышитъ... Дай спою
Я пѣсенку любимую мою.

Не знаю, откуда пришла я
И выросла гдѣ я,
Не знаю—я птичка лѣсная,
Иль фея.
Но развѣ кто знаетъ:
Откуда цвѣтокъ, что кругомъ
Во мракѣ лѣсномъ
Ароматъ разливаетъ?

(Снова кричитъ въ колодецъ)

Водяной дѣдушка! Поднимись-ка наверхъ. Бабушка ушла въ лѣсъ. Мнѣ скучно одной! Разскажи мнѣ что-нибудь. Потѣшь меня. Я за это утащу для тебя ночью чернаго пѣтуха изъ курятника. Слышишь?

Вотъ заплескалъ, забулькалъ. Побѣжали
Серебряные шарики. Сейчасъ
Онъ вынырнетъ и зеркало колодца,
Въ которое я весело любуюсь,
Онъ разобьетъ косматой головою...

(Смотритъ въ колодецъ и говоритъ со своимъ отраженіемъ)

А, здравствуй, милочка! Какъ звать тебя?
Раутенделейнъ? Вѣдь ты себя считаешь

Красивѣе всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ?
Что? что ты говоришь? Ты на себя
Указываешь? Да, ты хороша,
Какъ фея. Волосы твои соткали
Изъ солнечныхъ лучей, и тамъ, въ водѣ,
Они блестятъ, какъ золотая сѣтка,
Для золотыхъ раскинутая рыбокъ.
Ты хочешь быть прекраснѣе меня?
Ахъ, глупенькая дѣвочка! Я брошу
Въ колодецъ камень, и исчезнешь ты
Со всей своей чудесной красотою,
А я такой же, какъ была, останусь!..

Дѣдушка! Водяной дѣдушка! Да выходи же. Помоги мнѣ скоротать время. А, вотъ и онъ!

(Водяной поднимается изъ колодца до груди).

Ха-ха-ха! Ну, и хорошъ же ты, дѣдушка! Вотъ всякій разъ такъ: кличешь тебя, а какъ ты вылѣзешь, такъ мурашки отъ страху забѣгаютъ.

Водяной. Брекекекексъ!

Раутенделейнъ (передразнивая). Брекекекексъ. Только и знаешь! Весной пахнетъ, а ты дивишься этому. Всѣ это чуютъ—и послѣдняя ящерица, и комаръ, и земляной червякъ, и форель въ ручьѣ, и выдра, и водяная мышь, и муха, и всякая былинка. А водяной дѣдушка ничего-ничего не подозрѣваетъ.

Водяной (злится и надувается). Брекекекексъ!

Раутенделейнъ. Что ты заспался, что ли? Ничего не видишь, не слышишь.

Водяной. Брекекекексъ, какъ ты дерзка! Ахъ, ты, обезьяна, обезьяна! Выдра ты рѣчная, пиголица, скорлупка отъ яйца кузнечика! Я бы тебѣ и еще сказалъ... кворакъ! кворакъ!

Раутенделейнъ. Ну, что ты осерчалъ, дѣдушка. Я и безъ тебя попляшу. У меня всегда найдутся товарищи: на то я красива, мила и молода. (Поетъ)

Я мила, я молода!

Лѣшій (за сценой) Го-го-го!

Раутенделейнъ.

А, Лѣшенька! поди сюда, поди,
Со мною попляши.

(Лѣшій съ козлиными ногами и козлиной бородой выскакиваетъ на поляну, комически припрыгивая).

Лѣшій.

Я не умѣю
Плясать по-вашему, зато въ прыжкахъ
За мною и козлу не угоняться.
А если прыгать ты со мной не хочешь,—
Пойдемъ-ка, феечка, туда, въ кусты,
Тамъ не слыхать ни пѣнья пѣтуха,
Ни бульканья ручья. Тамъ я потѣшу
Тебя игрой на дудочкѣ волшебной. (Обнимаетъ ее).

Раутенделейнъ (вырываясь).

Къ себѣ зовешь меня ты?
Ахъ, ты, косматый!
Ахъ, козьи ноги!
Живи въ своей берлогѣ,
Подъ старою сосною,
Съ лѣшачихой-женою.
Пусть, коли ей не лѣнь,
Она родитъ тебѣ каждый день
Лѣшенятъ грязныхъ
И безобразныхъ;
А въ воскресенье заразъ четверыхъ:
Вотъ въ недѣлю-то ихъ
И выйдетъ ровно десятокъ
Козленятокъ!
Ха-ха-ха!.. (Убѣгаетъ въ хижину).

Водяной. Брекекекексъ, экая проказница, чтобъ ее черти взяли!

Лѣшій (бросившійся-было за феей, возвращается).

Недурно бы прибрать ее къ рукамъ.
(Вынимаетъ короткую трубку и закуриваетъ, черкнувъ огнивомъ объ копыто. Молчаніе).

Водяной.

Ну, какъ дѣла у васъ въ лѣсу?

Лѣшій.

Да такъ, понемножку,
Изъ кулька въ рогожку.
У васъ тутъ внизу тепло, благодать,

А у насъ наверху, въ горахъ,
Какъ начнетъ гроза бушевать,
Такъ просто а-ахъ!
Тучи несутся, несутся
Да потомъ дождемъ разольются:
Изволь въ сырости—мокротѣ жить.
Свинство одно—что̀ и говорить!

Водяной. Новенькаго ничего нѣту?

Лѣшій. Вчера была новинка: поѣлъ перва̀го щавелю. А сегодня поутру вышелъ прогуляться въ нашъ большой лѣсъ, спускаюсь по скаламъ, глядь — люди землю роютъ, ломаютъ камень. Сущій грабежъ! Вѣрно, хотятъ строить часовни да церкви. Терпѣть не могу проклятаго колокольнаго звона.

Водяной. Да, не очень-то весело гудитъ.

Лѣшій. Вонъ, погляди, тамъ, на самомъ краю обрыва новая церковь. Расписныя стекла. Колокольня высокая, крестъ въ самое небо. Кабы не я, съ этой колокольни ревомъ ревѣлъ бы колоколъ и мучилъ насъ своимъ гудѣньемъ. А теперь онъ лежитъ на днѣ озера. Да, ловкая вышла штука! Стою я, прислонясь къ сосновому пню, пожевываю травку да смотрю на церковь. Вдругъ изъ травы ко мнѣ прыгъ русалочка. И начала болтать. «У насъ, говоритъ, теперь около озера кипитъ работа: лягушки икру мечутъ», и пошла, и пошла. «А люди, говоритъ, изъ долины наверхъ что-то везутъ, кадушку, что ли, какую-то желѣзную. Хлопаютъ бичами, кричатъ. Даже смотрѣть страшно. Толкуютъ, что эту штуку люди хотятъ поднять высоко-высоко, на колокольню, да каждый день въ нее бить желѣзнымъ языкомъ, чтобы пугать и мучить всѣхъ добрыхъ духовъ». Ну, говорю я, это мы еще посмотримъ. Русалочка ушла, а я тотчасъ же къ стаду козъ. Всласть насосался молока. Цѣлыхъ три ведра выдулъ: «го-го-го, думаю себѣ, пусть-ка теперь подоитъ козочекъ скотница,—ни капельки не выдоитъ». А потомъ сталъ я на краю скалы. Тутъ должны были проѣхать и лошади и люди. Хорошо. Поползъ я за ними слѣдомъ, прячась за камнями и кустарникомъ. Восемь здоровыхъ ломовыхъ лошадей тащили чудовище. Храпятъ, натуживаются въ упряжи. Остановятся, запыхавшись, ноги дрожатъ. А потомъ опять примутся тащить. Смекнулъ я, какъ лѣшій, что надо коньковъ избавить отъ лишняго труда, да и хвать за колесо. Спица треснула. Колоколъ

покачнулся, а я еще подтолкнулъ повозку: онъ и рухнулъ въ озеро. Какъ онъ прыгалъ по камнямъ, ухъ, ухъ, ухъ! Какъ гудѣлъ: только эхо отдавалось. Внизу съ плескомъ приняли его глубокія воды. Пусть онъ тамъ и останется: ему тамъ спокойно лежать.

(*Во время разсказа Лѣшаго начало смеркаться. Нѣсколько разъ въ лѣсу раздавались крики о помощи. Входитъ литейщикъ* Генрихъ, *измученный, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ. Онъ съ трудомъ пробирается къ хижинѣ. Лѣшій немедленно скрывается. Водяной прячется въ колодецъ*).

Генрихъ.

Я заблудился. Помогите! Въ пропасть
Свалился я. Послушайте! Откройте
Мнѣ дверь... Ахъ, я не въ силахъ больше...

(*Падаетъ безъ чувствъ на траву. Пурпуровыя облака плывутъ надъ горами. Солнце зашло. Легкій ночной вѣтерокъ. Старая* Виттиха *съ корзиной на спинѣ выходитъ изъ лѣсу. У нея сѣдая, непокрытая голова; лицо похоже на мужское; подбородокъ обросъ пухомъ*).

Виттиха. Рутандля! Поди-ка сюда, помоги мнѣ стащить корзину. Больно ужъ я нагрузилась. Рутандля! Да иди же! Силушки моей не хватаетъ. Куда это дѣвка запропастилась? (*Пролетаетъ летучая мышь*). Эй, эй, мышка, постой-ка. Звякни крыломъ въ оконце: тутъ ли дѣвчонка-то моя? Кликни ее, пусть идетъ сюда. Охъ, быть сегодня ненастью. (*Грозитъ небу, на которомъ блеститъ блѣдная зарница*) Ну, ну, полегче, Торъ! Не очень-то сверкай своей красною бородою. Эй, Рутандля! (*Обращаясь къ шмыгнувшей мимо бѣлкѣ*) Бѣлочка, бѣлочка, у тебя проворныя ноги, я дамъ тебѣ орѣшковъ: сбѣгай-ка, покличь Рутандлю. (*Увидѣвъ лежащаго Генриха*) Это что такое? Кто это тутъ валяется? Эй, ты, парень? Кажись, не слышитъ. Ужъ не мертвый ли? Рутандля! Вотъ еще напасть! И безъ того мнѣ надоѣли пасторъ и бургомистръ. И такъ загнали, какъ собаку. А коли найдутъ у меня мертвое тѣло, такъ прощай моя избушка. Спалятъ ее, какъ лучинку. Эй, парень! Вставай! Не слышитъ... (*Раутенделейнъ выходитъ изъ хижины и оглядывается вопросительно*). Ну, наконецъ-то пожаловала. Глянь-ка сюда: у насъ гость, да еще какой! Тихій, смирный. Тащика охапку сѣна да постели ему.

Раутенделейнъ. Въ избѣ?

Виттиха. Ну, вотъ еще — въ избѣ! Здѣсь постели. Не принцъ какой—въ горницѣ валяться. (*Уходитъ въ хижину*).

(Раутендялейнъ *выходитъ изъ хижины съ охапкой сѣна. Становится на колѣни около Генриха. Онъ открываетъ глаза*).

Генрихъ.

Гдѣ я? Скажи мнѣ, доброе дитя.

Раутенделейнъ.

Въ горахъ.

генрихъ.

Въ горахъ? Но какъ сюда попалъ я?

Раутенделейнъ.

Не знаю. Перестань объ этомъ думать,
Вотъ мохъ и сѣно. Лягъ и отдохни.
Тебѣ покой необходимъ.

Генрихъ.

Ты правду
Сказала. Успокоиться мнѣ надо.
Но не могу я, не могу...
Хочу (тревожно)
Я знать: какъ это все со мной случилось?

Раутенделейнъ.

Я, какъ и ты, не знаю.

Генрихъ.

Это сонъ...
Я сплю, и мнѣ во снѣ все это снится.

Раутенделейнъ.

Вотъ молоко. Ты обезсиленъ. Надо
Тебѣ напиться.

Генрихъ.

Дай. (Пьетъ изъ кружки, которую она придерживаетъ).

Раутенделейнъ.

Сдается мнѣ,
Что не привыченъ ты къ горамъ. Должно-быть,
Ты изъ породы тѣхъ людей, что тамъ
Живутъ, въ долинѣ. Вотъ намедни тоже
Одинъ охотникъ, за козой гоняясь,
Сорвался и убился на-смерть здѣсь.
Мнѣ кажется однако, что онъ былъ
Совсѣмъ не то, что ты.

Генрихъ (пристально и съ восторженнымъ удивленіемъ смотритъ на нее).

О, говори,
Еще, еще!.. Твое питье—услада,
Но рѣчь твоя еще мнѣ слаще.

(Снова ослабѣваетъ, одолѣваемый своими мыслями).

Да,
Онъ былъ не то, что̀ я, онъ былъ сильнѣе,
И все-жъ упалъ онъ... Говори, дитя,
Еще, еще...

Раутенделейнъ.

Что̀ толку въ разговорахъ,
Пойду-ка лучше зачерпну воды
Въ колодцѣ свѣжей и тебѣ омою
И пыль и кровь съ лица.

Генрихъ (умоляющимъ голосомъ).

Постой, постой,
Не уходи!

(Раутенделейнъ, которую онъ удерживаетъ за руку, останавливается въ нерѣшимости).

Генрихъ.

Смотри въ мои глаза
Загадочными, чудными очами.
Ты знаешь ли, въ твоихъ очахъ сіяетъ
Весь Божій міръ прекрасный: горы, небо
И облачка летящія, какъ птицы,
И снова манитъ онъ меня привѣтно...
Не уходи, дитя, не уходи.

Раутенделейнъ.

Коль хочешь, я останусь.

Генрихъ (въ лихорадочномъ жару, умоляя).

Да, останься,
Останься... Ты—дитя. Не знаешь ты,
Чѣмъ для меня ты можешь быть... Останься
И не буди меня... Я разскажу,
Какъ я упалъ... нѣтъ, нѣтъ, я буду

Твой слушать голосъ чистый и небесный.
Что-жъ ты замолкла? Отчего, дитя,
Не говоришь ты, не поешь?.. Упалъ я,—
Вѣдь я тебѣ сказалъ... Не знаю, какъ
Случилось это... Скалы подо мною
Обрушились, нарочно-ль я упалъ
Или нечаянно—Богъ вѣсть... Сорвался
И покатился въ пропасть...

(Возбужденно)

Но успѣлъ
За вѣтку дикой вишни ухватиться,
Да, да, за вѣтку вишни... Изъ скалы
Она росла... Вдругъ вѣтка обломилась,
А я, держа ее въ рукѣ и весь
Осыпанный цвѣтами съ деревца,
Понесся въ бездну темную и умеръ...
Но вотъ теперь я живъ... Скажи, скажи,
Что умеръ я. Скажи, чтобъ не будили
Меня теперь.

Раутенделейнъ.

Мнѣ кажется, ты живъ.

Генрихъ.

Не знаю. Прежде этого не зналъ я:
Не зналъ, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь.

(Съ тоскою)

Да, я упалъ. И колоколъ упалъ.
Упали оба мы: и онъ и я.
Я прежде, онъ за мной. Иль это было
Наоборотъ? Кто знаетъ! Все равно:
То было въ жизни, а теперь я умеръ...

(Ласково)

Не отходи! Рука моя блѣдна,
Отяжелѣла, какъ свинецъ, мнѣ трудно
Ее поднять. Волна твоихъ волосъ
Ее цѣлитъ, какъ воды Силоама.
Какъ ты прекрасна... О, не уходи...
Моя рука честна, а ты—святая...
Тебя я видѣлъ раньше... Гдѣ-жъ я видѣлъ?..
Вѣдь для тебя я долго такъ боролся...
О, я хотѣлъ, чтобъ колокола мѣдь

Звучала голосомъ твоимъ небеснымъ
И сочеталась съ золотомъ лучей
Въ воскресный день сіяющаго солнца!
Достичь такого совершенства я
Не могъ, не могъ... и плакалъ я слезами
Кровавыми...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты плакалъ? Какъ же такъ?
Я не могу понять. Что значитъ—слезы?

ГЕНРИХЪ (силясь приподняться).

Приподними меня, приподними,
Прелестное видѣнье.

(Она приподнимаетъ Генриха).

Если сердцемъ
Ты мнѣ сочувствуешь,—освободи
Меня своею любящей рукою
Отъ этой жизни, отъ земли суровой,
Гдѣ пригвожденъ я будто на крестѣ.
Освободи меня! Ты это можешь.
Ты можешь также снять вѣнокъ терновый,
Что сжалъ мнѣ лобъ. Не нужно мнѣ вѣнка.
Я одного хочу: любви.

(Онъ принимаетъ полулежачее положеніе. Утомленно)

Благодарю,
Вотъ такъ.

(Растерянно)

Здѣсь хорошо. Шумятъ деревья,
И сосны темныя какъ будто руки
Привѣтливо протягиваютъ мнѣ,
Торжественно качая головами;
И вѣетъ лѣсъ какой-то чудной сказкой...
Да, сказкой. Это сказка шепчетъ тамъ
И шелеститъ листочками, и пѣсни
Поетъ въ травѣ... Смотри, смотри—она
Идетъ сюда въ одеждѣ изъ тумана
И на меня показываетъ блѣднымъ,
Прозрачнымъ пальцемъ... ближе, ближе... вотъ
Коснулась слуха моего и взора
И вдругъ исчезла—ты одна осталась...
Ты—сказка. Сказка, поцѣлуй меня.

(Впадаетъ въ обморокъ).

Раутенделейнъ (про себя).

Ты странно говоришь. Не понимаю
Тебя я.

Генрихъ (въ бреду).

Сказка, поцѣлуй меня.

(Смеркось).

Раутенделейнъ (пристально вглядывается въ него и вдругъ вскрикиваетъ въ ужасѣ и тоскѣ). Бабушка!

Виттиха (изъ хижины). Что, внучка?

Раутенделейнъ. Поди, поди сюда!

Виттиха. Ступай сама сюда. Надо развести огонь.

Раутенделейнъ. Бабушка, помоги ему! Онъ умираетъ, бабушка!

(На порогѣ хижины появляется Виттиха. Въ одной рукѣ у ней горшокъ молока, другою она манитъ кошку).

Кисъ, кисанька, ко мнѣ!

(Обращаясь къ лежащему Генриху)

Ну, что тамъ за напасть? Умеръ онъ, что ли? На то онъ и человѣческое отродье, чтобы умереть. Кисъ, кисъ! Вотъ твое молочко. Гдѣ же кисанька?

Сюда! Ко мнѣ!
Лѣсные гномы!
Вотъ молоко—
Вамъ полакать,
Вотъ мягкій хлѣбъ—
Вамъ пожевать.

(Десять маленькихъ уродливыхъ гномовъ торопливо выбѣгаютъ изъ чащи и бросаются къ кринкѣ съ молокомъ).

Потише, потише!
Распрыгались, словно мыши.
Что за возня?
Каждому кусочекъ
Каждому глоточекъ
Есть у меня.
Такъ торопиться
Совсѣмъ не годится:
Каждый бери свою долю.
Поѣли, попили въ волю

И убирайтесь:
Въ лѣсъ возвращайтесь!

(Гномы убѣгаютъ въ лѣсъ. Всходитъ луна. На скалѣ, надъ избушкой, показывается Лѣшій. Приложивъ руки ко рту въ видѣ трубы, онъ кричитъ, подражая эху).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Что тамъ еще стряслось?

(Издалека въ лѣсу слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!»).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Полно-ка тебѣ морочить людей своими глупыми проказами. Извѣстно, что тебѣ любо: украсть у крестьянина посуду, взбѣсить собаку, завести путника на болотистыя кочки, чтобы онъ голову потерялъ да ноги поломалъ.

Лѣшій.

Смотри, бабка,
У самой-то подъ ногами не гладко.
Побереги свои старыя кости.
Къ тебѣ идутъ важные гости:
Цырюльникъ съ мыломъ и бритвой,
Школьный учитель съ линейкой
Да господинъ пасторъ съ молитвой.
Потолкуютъ съ тобой, старой лиходѣйкой.

(Крики ближе: «Генрихъ!»).

Лѣшій.

Помогите!

Виттиха.

О, проклятый орало!
Чтобъ тебя разорвало!
Накликалъ гостей мнѣ на шею.

(Грозитъ Лѣшему кулакомъ).

Ну, да я отплатить тебѣ сумѣю,
Положди ужо вотъ:
Нападетъ на тебя комаръ да оводъ:
Такъ начнутъ кусаться,
Что не будешь знать, куда дѣваться!

Лѣшій (злорадно).

Ну, бабушка, эта бѣда
Пожалуетъ ко мнѣ еще когда!
А твои-то гости ужъ идутъ сюда.

(Скрывается).

Виттиха. Пускай ихъ идутъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло. (Обращаясь къ Раутенделейнъ, которая не можетъ оторвать глазъ отъ Генриха) Ступай въ избу. Гаси огонь. Пора спать. Проворнѣй, проворнѣй!

Раутенделейнъ (мрачно и упрямо). Не хочу.

Виттиха. Не хочешь?

Раутенделейнъ. Не хочу, бабушка.

Виттиха. Что такъ?

Раутенделейнъ. Они возьмутъ его.

Виттиха. Ну такъ что-жъ?

Раутенделейнъ. Не надо, чтобы брали.

Виттиха. Полно, полно, дѣвка. Пойдемъ. Оставь его. Пусть себѣ лежитъ. Пусть они дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Вѣдь долженъ же онъ помереть. Ну, и пусть помираетъ. Такъ-то лучше будетъ: перестанетъ мучиться тѣломъ и душою.

Генрихъ (въ бреду). Восходитъ солнце!

Виттиха. Вишь ты: не видывалъ онъ солнца. Пойдемъ. Пускай лежитъ. Я вѣдь добра тебѣ желаю.

(Уходитъ. Раутенделейнъ, оставшись одна, прислушивается. Снова слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!». Она проворно ломаетъ вѣтку изъ цвѣту).

Раутенделейнъ (чертитъ вѣткой кругъ, приговариваетъ).

Волшебной вѣткой кругъ черту волшебный,
Какъ бабушка меня учила.
Останься здѣсь. Въ моей ты будешь власти.
Пусть не подступится никто къ тебѣ—
Ни дѣвушка, ни мальчикъ, ни мужчина.

(Скрывается въ темнотѣ).

(Пасторъ, цирюльникъ и школьный учитель выходятъ одинъ за другимъ изъ лѣсу).

Пасторъ. Я вижу свѣтъ.

Учитель. И я тоже.

Пасторъ. Гдѣ же мы?

Цирюльникъ. Богъ знаетъ. Вотъ опять кричатъ: «помогите, помогите!».

Пасторъ. Это голосъ мастера Генриха.

Учитель. Я ничего не слышу.

Цирюльникъ. Голосъ слышится оттуда—сверху.

Учитель. Сверху? Но какъ же это такъ? Вѣдь если бы можно было падать на небо, такъ это могло бы быть. Но

всегда падаютъ какъ разъ наоборотъ: съ горы въ долину, а не изъ долины въ гору. Я готовъ поклясться душой: мастеръ лежитъ тамъ, футовъ на пятьдесятъ ниже. А не здѣсь наверху.

Цырюльникъ. Фу, ты, пропасть! Да развѣ вы не слышали, какъ кричалъ тутъ? Если это не былъ голосъ мастера Генриха, такъ я готовъ обрить бороду самому Рубепалю! Это такъ же вѣрно, какъ то, что я знаю свое ремесло. Вотъ опять зоветъ,—слышите, слышите?

Учитель. Гдѣ?

Пасторъ. Прежде всего, господа, объясните мнѣ, гдѣ мы теперь? У меня все лицо исцарапано. Я едва волочу ноги. Подошвы ноютъ. Я дальше не пойду.

(Снова крикъ: «помогите!»).

Пасторъ. Опять кричатъ.

Цырюльникъ. И близехонько отъ насъ. Десяти шаговъ не будетъ.

Пасторъ (садится въ изнеможеніи). Меня будто четвертовали. Право, четвертовали, любезные друзья. Я не въ силахъ идти дальше. Ради Бога, оставьте меня здѣсь. Бейте меня до синяковъ,—я не двинусь съ мѣста. Я больше не могу. Такой торжественный праздникъ и какъ окончился! Праведное небо, кто бы могъ это подумать. А этотъ колоколъ! Лучшее созданіе благочестиваго мастера—и вдругъ въ воду! Ахъ, ахъ, пути Провидѣнія неисповѣдимы.

Цырюльникъ. Вы, господинъ пасторъ, спрашивали, гдѣ мы? Такъ позвольте вамъ дать добрый совѣтъ: уйдемте отсюда поскорѣй. Я лучше соглашусь голымъ переночевать въ осиномъ гнѣздѣ, чѣмъ тутъ. Вѣдь это — да охранитъ насъ Богъ! — та самая поляна, гдѣ стоитъ лачуга старой Виттихи. Проклятая вѣдьма! Уйдемте, уйдемте скорѣй!

Пасторъ. Я не могу двинуться.

Учитель. Да, да, уйдемте, прошу васъ. Колдовство— ничего, колдовства я не боюсь. Но хуже этого мѣста не найти. Тутъ притонъ всякой сволочи, воровъ. Объ этомъ мѣстѣ въ народѣ худая молва. Тутъ разбойничаютъ, убиваютъ. Это похуже колдовства.

Цырюльникъ. Господинъ учитель, вы сильны въ таблицѣ умноженія. Не отрицаю. Но есть еще кое-что, кромѣ таблицы умноженія. Не дай вамъ Богъ узнать, что такое колдовство. Тутъ въ своей норѣ прикурнула вѣдьма, безобразная, какъ жаба. Она вамъ пошлетъ всякое лихо: болѣзнь въ домъ, чуму на вашъ скотъ, коли онъ у васъ есть. Коровы

начнутъ давать кровь вмѣсто молока, у овецъ разведется червь, на лошадей найдетъ сапъ. У дѣтей будетъ цынга, а то и еще хуже, коли вздумается вѣдьмѣ: зобы, нарывы.

Учитель. Ну, вы фантазируете. Ночь затемнила вамъ разсудокъ. Толкуете о вѣдьмахъ. А я вамъ говорю—я своими глазами видѣлъ его.

Пасторъ. Кого?

Учитель. Да кого мы ищемъ: мастера Генриха.

Цырюльникъ. Э-э, господинъ учитель, это колдунья кричала его голосомъ.

Пасторъ. Да, тутъ замѣшалась нечистая сила.

Учитель. Какая тамъ нечистая сила! Дважды-два — всегда четыре, а не пять. Никакихъ вѣдьмъ не существуетъ. А вотъ тамъ дѣйствительно лежитъ нашъ мастеръ-литейщикъ. Въ это я такъ же вѣрю, какъ въ спасеніе моей души. Вотъ смотрите, смотрите, луна выходитъ изъ-за тучи. Теперь видно, господа. Ну, развѣ я не правъ?

Пасторъ. Въ самомъ дѣлѣ это нашъ мастеръ.

Цырюльникъ. Мастеръ-литейщикъ!

(Всѣ трое бросаются туда, гдѣ лежитъ Генрихъ, но не могутъ переступить волшебный кругъ и отшатываются въ разныя стороны).

Пасторъ. Ой!

Цырюльникъ. Ой!

Учитель. Ой!

(Съ вѣтвей сосны соскакиваетъ Раутенделейнъ и, мелькнувъ на мгновеніе, исчезаетъ съ демоническимъ насмѣшливымъ хохотомъ).

Раутенделейнъ. Ха-ха-ха! (Пауза).

Учитель (въ недоумѣніи). Что это такое было?

Цырюльникъ. То-то вотъ: что это такое было?

Пасторъ. Слышался смѣхъ.

Учитель. У меня искры посыпались изъ глазъ. Точно кто обухомъ по головѣ хватилъ.

Пасторъ. Вы слышали смѣхъ?

Цырюльникъ. Я слышалъ. Кто-то смѣялся и скрежеталъ зубами.

Пасторъ. Кто-то захохоталъ. Вонъ тамъ, на соснѣ, что качается теперь, освѣщенная блѣдной луною. Да, вонъ тамъ, гдѣ сейчасъ пролетѣла и прокричала сова.

Цырюльникъ. Ага, теперь вы вѣрите тому, что я говорилъ про вѣдьму? Ну-съ, что же, вы хорошо себя чувствуете? Или у васъ, какъ у меня, мурашки по спинѣ? Говорю вамъ: тутъ вѣдьма, исчадье сатаны.

Пасторъ. Кто бы тутъ ни былъ, мы войдемъ туда. Лукавство сатаны выразилось уже въ томъ, что онъ сбросилъ съ обрыва и колоколъ, и благочестиваго мастера, его сооружившаго. Но насъ подкрѣпитъ небо. Я постучусь въ эту лачугу.

Цырюльникъ. Не дѣлайте этого.

Пасторъ. Нѣтъ, постучусь. (Стучится въ дверь хижины).

Виттиха (за дверью). Кто тамъ?

Пасторъ. Христіанинъ.

Виттиха. Христіанинъ или язычникъ,—что вамъ надо?

Пасторъ. Женщина, именемъ Бога, котораго ты не признаёшь...

Виттиха. Вишь ты какъ благочестиво начинаешь...

Учитель. Заткни глотку, проклятая вѣдьма! Ни слова больше. Мѣра переполнена, и твой часъ пришелъ! За твою гнусную жизнь и твои гнусныя дѣла тебя ненавидятъ въ народѣ. Если ты не будешь дѣлать, что тебѣ велятъ, смотри: къ утру на твоей лачугѣ запоетъ красный пѣтухъ. Взлетитъ твое дьявольское гнѣздо дымомъ.

Цырюльникъ (*труся*). Я не боюсь твоего сглаза, кошка проклятая. Что ты глазѣешь на меня? Куда бы ты ни взглянула, я отчураюсь. Вотъ плюю и говорю: чуръ меня!.. Ну, выдавай его, тебѣ говорятъ.

Пасторъ. Женщина, оставь свои дьявольскія козни. Вотъ тутъ лежитъ мастеръ-литейщикъ, Божій слуга, которому данъ свыше даръ...

Виттиха (подвигаясь туда, гдѣ лежитъ Генрихъ). Ну, ну, довольно. Берите его, коли онъ вамъ нуженъ. Мнѣ-то что? Развѣ я ему что-нибудь сдѣлала? Пусть себѣ живетъ, коли можетъ. Только, кажется, долго-то не проскрипитъ. Вишь ты, мастеръ! Его мастерство для насъ не важно. Вѣдь это вамъ только любо слушать звонъ колокола, что отлилъ этотъ парень: у васъ такія уши, которыя ничего не слышатъ... Что-жъ, берите носилки, тащите его домой, вашего великаго мастера! Вставай! Ты нуженъ пастору, чтобы помогать ему говорить проповѣди; учителю, чтобы помогать сѣчь ребятъ; цырюльнику, чтобы помогать взбивать мыло.

(Генриха кладутъ на носилки; цырюльникъ и учитель поднимаютъ ихъ).

Пасторъ (Виттихѣ). Порочная, безстыдная баба! Замолчи. Иди своей дьявольской дорогой. Иди...

Виттиха. Будетъ, будетъ. Мнѣ не нужно проповѣди. Я знаю, по-вашему, все на землѣ — грѣхъ. Земля — большой гробъ. Голубое небо—крышка на гробѣ. Охъ, проповѣдники! На себя бы сперва вы посмотрѣли. Вы-то больно хороши...

Пасторъ. Замолчишь ли ты, слуга дьявола!

Цырюльникъ. Ради Бога, не раздражайте проклятую вѣдьму. Не то намъ придется плохо.

(Пасторъ, учитель, цырюльникъ уходятъ, унося Генриха).

(Мѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ. Ночная тишина. Появляется изъ лѣсу первая, вторая и третья эльфы и кружатся, сплетаясь руками).

Первая (шопотомъ).

Сестры!

Вторая.

Сестры!

Первая.

Надъ скалою
Блѣдный мѣсяцъ въ облакахъ,
И прохладной вѣетъ мглою
И въ ущельѣ и въ горахъ,
И на озерѣ волна
Спитъ недвижно-холодна.

Вторая.

Ты откуда?

Первая.

Тамъ, гдѣ съ кручъ
Льется бурный водопадъ,
Гдѣ, дробя сребристый лучъ,
И грохочутъ и шумятъ,
Брызжа пѣною, валы,—
Изъ разсѣлины скалы
Вышла я, чтобъ видѣть васъ.

Третья.

Въ часъ ночной, волшебный часъ,
Заводите хороводъ!

Вторая.

Ты откуда?

Третья.

Тамъ, у скалъ,
Блещетъ озера кристаллъ,
Въ глубину бездонныхъ водъ
Смотрятъ звѣзды, золотясь.
При сіяніи луны,
Изъ серебряной волны

Я взвилась и понеслась
Въ чистомъ воздухѣ небесъ
Черезъ горы, черезъ лѣсъ.

Четвертая (появляется).

Сестры!

Первая.

Къ намъ, сестра, сюда!

Всѣ.

Вейтесь въ сумракѣ ночномъ!

Четвертая.

Изъ сосѣдняго пруда
Я всплыла тайкомъ, тайкомъ.

Всѣ.

Заводите хороводъ!

(Молнія блещетъ чаще и чаще. Вдали раскаты грома. Раутенделейнъ появляется на порогѣ хижины и останавливается, закинувъ руки за голову. Луна освѣщаетъ ее).

Раутенделейнъ.

Эльфы!

Первая.

Кто-то насъ зоветъ?

Вторая.

Ахъ, проклятый, старый сукъ!
Разорвалъ онъ платье мнѣ.

Раутенделейнъ.

Эльфы, въ вашъ волшебный кругъ
Я хочу, чтобъ при лунѣ
Закружиться съ вами въ ладъ.
Поглядите, мой нарядъ
Соткалъ весь изъ серебра:
Это бабушка ткала.
Эльфа, смуглая сестра,
Посмотри, и я смугла,
Звѣздъ лучи въ моихъ глазахъ.
Эльфа свѣтлая, въ кудряхъ
Золотистыхъ, посмотри:
Краснымъ пламенемъ зари

Волоса мои блестятъ,
Льютъ волну вслѣдъ за волной
На плеча, вкругъ смуглыхъ щекъ:
Точно быстрый ручеекъ
Золотится подъ луной.

Эльфы (хоромъ).

Часъ полуночный насталъ,
Вейтесь, вейтесь и пляшите!

Раутенделейнъ.

Въ воду колоколъ упалъ:
Гдѣ лежитъ онъ, гдѣ—скажите?

Эльфы.

Слышенъ громъ. Гроза идетъ.
Заводите хороводъ!
Легкой, рѣзвою ногою
Не касайтеся земли:
Тамъ, унизаны росою,
Маргаритки расцвѣли,
Тамъ синѣютъ незабудки.

(Лѣшій выскакиваетъ козлиными прыжками. Гроза усиливается. Въ продолженіе слѣдующей сцены сильные удары грома и ливень).

Лѣшій.

А вотъ я вдругъ наскочу—
Ихъ копытомъ растопчу!
Лѣшій я, мнѣ любы шутки!
Если брызги—разъ и два!—
Вдругъ взлетаютъ изъ болота,
Иль шуршитъ въ лѣсу трава:
Это все моя работа!
Темной ночью, въ свѣтѣ дня,
Жизнь кипитъ вокругъ меня.
Жизнь всю тварь веселью учитъ
И къ любви всю тварь зоветъ:
Отвѣчаетъ кошкѣ котъ,
Чуть кошурка замяучитъ;
Зареветъ на сѣнѣ быкъ—
Отзовется телка вмигъ;
Мошки, малыя пичужки,
Лошадь, заяцъ и олень,
Жабы, бабочки, лягушки,—

Всѣ хлопочутъ о подружкѣ,
Никому любить не лѣнь!

(Хватаетъ одну изъ эльфъ и убѣгаетъ съ нею въ лѣсъ. Остальныя эльфы разбѣгаются. Раутенделейнъ стоитъ одна, задумавшись. Гроза утихаетъ).

Водяной (поднимается изъ колодца).

Брекекекексъ! Эй, дѣвочка, что ты стоишь тутъ?

Раутенделейнъ.

Ахъ, милый дѣдушка, мнѣ грустно, грустно.
(Трогаетъ пальцемъ лѣвый глазъ).
Смотри-ка, что такое у меня?

Водяной.

А что?

Раутенделейнъ.

Да вотъ, въ глазу.

Водяной.

Въ твоемъ глазу?
Ну, что-жъ такое! Покажи-ка?

Раутенделейнъ.

Видишь,
Упала капелька мнѣ въ глазъ.

Водяной.

Не съ неба-ль?
Поди сюда, я погляжу.

Раутенделейнъ (показываетъ ему слезу на пальцѣ).

Смотри:
Какая свѣтлая!

Водяной.

Ахъ, что за прелесть!
Не хочешь ли, обдѣлаю ее
Я въ розовую раковину?

Раутенделейнъ.

Ладно.
Я положу ее на край колодца.
Но что же это, дѣдушка, скажи?

Водяной.

Прекрасный брилліантъ. Онъ отражаетъ
И радость міра и печаль. Слезой
Его зовутъ.

Раутенделейнъ.

Слезой? Да, мнѣ сдается,
Я плакала. Теперь я поняла,
Что̀ значитъ плакать, что̀ такое слезы!
Скажи, скажи еще мнѣ что-нибудь...

Водяной.

Поди ко мнѣ, дитя мое.

Раутенделейнъ.

Зачѣмъ же?
И такъ мы можемъ говорить съ тобой.
Колодецъ твой и старъ и мокръ. Въ немъ плѣсень
Да паутина. Мнѣ противенъ онъ.
И ты противенъ.

Водяной.

Брекекекексъ!
Какъ это жалко.

Раутенделейнъ.

Вотъ еще, еще
Такая-жъ капелька.

Водяной.

Весенній дождикъ!
Вдали грохочетъ Торъ. Сверкаетъ пламень
Отъ бороды его, и молній свѣтъ
Прорѣзываетъ тучи, а подъ ними
Въ испугѣ стая вороновъ взвилась.
Ты чуешь ли, дитя, какъ мать-земля,
Измученная жаждой, влагу пьетъ,
Какъ травки, и деревья, и букашки,
И черви радуются блеску молній?
Кворакъ!

(Молнія).

Небесный мастеръ зажигаетъ
Въ долинѣ свой костеръ. Вотъ застучалъ

Желѣзный молотъ, и на сотню верстъ
Вдругъ искры разлетѣлись. Колокольня
Колеблется и рушится, и дымъ
Надъ нею клубомъ повалилъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно!
Разсказывай о чемъ-нибудь веселомъ.

ВОДЯНОЙ.

О чемъ-нибудь веселомъ? Что же знать
Ты хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего. Ты надоѣлъ мнѣ.

ВОДЯНОЙ.

Ты разсердилась?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

ВОДЯНОЙ.

Такъ что-жъ съ тобой?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Со мною вотъ что: я-бъ уйти хотѣла
Отъ всѣхъ отъ васъ.

(Смотритъ вдаль глазами, полными слезъ).

ВОДЯНОЙ.

Что сдѣлалъ я тебѣ?
Куда уйти ты хочешь? Потеряла
Ты голову, ты хочешь убѣжать
Въ людское царство? Берегись! Вѣдь люди
Народъ мудреный. Искони вѣковъ
Они запутались. Живутъ какъ будто
То въ нашемъ свѣтломъ мірѣ, то въ своемъ,
Наполовину здѣсь, наполовину
Не знаютъ сами гдѣ. Не то намъ братья,
Не то—враги, чужіе намъ. Бѣда,
Бѣда тому изъ насъ, кто броситъ горы,—
Волшебный, недоступный людямъ край,—

И къ ихъ проклятому уйдетъ отродью.
Отродье это хилое. Ихъ корень
Въ землѣ растетъ, а между тѣмъ они
Его оттуда сами вырываютъ
И къ небу тянутся, а неба свѣтъ
Не могутъ вынести и увядаютъ.
Весенній вѣтерокъ больную вѣтвь
Легко ломаетъ, но былинку нѣжитъ
И оживляетъ. Брось, мое дитя,
Мечту пустую. Ты навяжешь жерновъ
Себѣ на шею, если къ нимъ уйдешь.
Они тебя смутятъ. Во мглѣ туманной
Ты будешь жить. Научишься ты плакать
И горевать. А здѣсь всегда смѣялась.
Ты будешь скована цѣпями ихъ
И раздѣлять ихъ вѣчное проклятье!

Раутенделейнъ.

Мнѣ говорила бабушка, что ты
Уменъ и мудръ. Такъ погляди же: въ мірѣ
Нѣтъ ручейка, нѣтъ самой тонкой струйки,
Что не катилась бы въ людское царство.

Водяной.

Брекекекексъ! Но только не тебѣ
Туда дорога. Слушай, что скажу я,
Тысячелѣтній, опытный старикъ:
Пусть рабскіе ручьи стремятся къ людямъ,—
Что-жъ люди съ ними дѣлаютъ? Ручьи
Вертятъ колеса мельницы; полощутъ
Въ ручьяхъ бѣлье и въ огородахъ льютъ
Ихъ воду на капусту; заставляютъ
Такую гадость обмывать, что мнѣ
Противно вспомнить.

(Горячо и убѣдительно)

Слушай: ты—принцесса!
Да, ты принцесса Раутенделейнъ.
Твоя судьба—быть царскою женою.
Есть у меня кристальный голубой
Вѣнецъ. Его я на тебя надѣну.
Ты будешь жить въ чертогахъ золотыхъ,
Гдѣ полъ и потолокъ изъ самоцвѣтныхъ,

Сверкающихъ каменьевъ, а столы
И кубки изъ коралловъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Если-бъ даже
Вѣнецъ твой былъ изъ чистаго сапфира—
Его бы не надѣла дочь твоя.
Мнѣ золото моихъ волосъ милѣе:
Вотъ мой вѣнецъ, его легко носить;
И если бы твои столы и кубки
Не изъ коралловъ были—изъ алмазовъ,
Все-жъ не пошла бы я къ тебѣ и жить
Съ лягушками и рыбами въ водѣ,
Въ болотѣ иль въ колодцѣ не могла бы!

(Удаляется).

ВОДЯНОЙ.

Куда-жъ идешь ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВОДЯНОЙ (горестно).

Большое дѣло! Брекекекскъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду,
Куда хочу.

ВОДЯНОЙ.

Да хочешь ты куда же?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Туда...
(Вскидывая руки)
Въ далекое людское царство!

(Исчезаетъ въ лѣсу).

ВОДЯНОЙ (испуганно).

Кворакскъ!
(Съ воплемъ)
Кворакскъ!
(Потише)
Кворакскъ. Брекекекекскъ!

(ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ литейщика Генриха. Половину задней стѣны занимаетъ глубокая ниша, въ которой устроенъ открытый очагъ; надъ потухшими углями виситъ мѣдный котелокъ. Въ другой, выступающей половинѣ стѣны окно; возлѣ него кровать. Въ боковыхъ стѣнахъ двѣ двери. Дверь слѣва ведетъ въ мастерскую; дверь справа—въ сѣни. На авансценѣ, съ правой стороны, столъ и стулья. На столѣ кувшинъ молока и коврига хлѣба. Стѣны украшены благочестивыми картинками. Раннее утро. Постепенно разсвѣтаетъ.

Фрау Магда (дѣтямъ). Смотрите, дѣти, я принесла цвѣты. За нашимъ садомъ есть мѣстечко, усѣянное этими цвѣточками. Вотъ мы и разукрасимся ими въ такой торжественный для вашего отца день.

Первый мальчикъ. Дай мнѣ.

Второй. И мнѣ, и мнѣ букетикъ.

Фрау Магда. Каждому достанется по пяти цвѣтиковъ. Вы знаете, ихъ зовутъ «ключиками неба». Пейте скорѣе молоко. Скушайте по кусочку хлѣба. Далекъ путь до церковки, далекъ и крутъ.

Сосѣдка (у окна). А, вы ужъ встали, сосѣдка?

Фрау Магда. Какъ же не встать. Я почти всю ночь не смыкала глазъ, а все-таки выспалась, какъ сурокъ. День, кажется, будетъ ясный.

Сосѣдка. Навѣрное, навѣрное.

Фрау Магда. Вы, конечно, идете съ нами? Славная будетъ прогулка. Конечно, съ дѣтьми не очень-то скоро дойдешь. А я, сказать по совѣсти, сосѣдка, просто бы полетѣла. Такъ забираетъ меня радость и нетерпѣніе.

Сосѣдка. Развѣ мужъ вашъ не вернулся ночью?

Фрау Магда. Вишь, чего захотѣли! Я буду довольна, коли колоколъ успѣютъ повѣсить къ тому времени, когда сегодня соберется весь приходъ. Времени мало: приходилось торопиться. И то надо благодарить Бога, если Генриху выпадетъ свободный часокъ поспать въ лѣсу на травѣ. Ну, да какъ быть: трудъ былъ тяжелъ, зато награда сладка. Вы не повѣрите, какъ чудно звучитъ новый колоколъ. Вотъ прислушайтесь ужо, какъ зазвонитъ онъ въ первый разъ. Ангельское пѣніе да и только! Утѣшенье, радость...

Сосѣдка. Да, да. Вотъ что только мнѣ удивительно. Вы знаете, сосѣдка, съ моего порога видно церковку въ горахъ. Толковали, что взовьется бѣлый флагъ, когда укрѣпятъ на башнѣ колоколъ. Но флага не видно.

Фрау Магда. Смотрите хорошенько. Вѣрно, онъ тамъ.

Сосѣдка. То-то вотъ, нѣтъ его до сихъ поръ.

Фрау Магда. Можетъ, вы и въ самомъ дѣлѣ правы. Если бы вы знали, какъ знаю я, сколько труда требуетъ такое дѣло! Мастеръ долженъ обдумывать, бороться, работать день и ночь. Ну, что-жъ удивительнаго, что въ назначенную минуту не успѣли вбить послѣдній гвоздь. А теперь флагъ, навѣрное, ужъ развѣвается.

Сосѣдка. Охъ, не думаю. По всей деревнѣ толкуютъ, будто тамъ въ горахъ что-то неблагополучно. Были, вишь, худыя примѣты. Каменщикъ тамъ видѣлъ голую бабу, скакавшую на помелѣ. Онъ поднялъ камень и бросилъ его въ вѣдьму. Рука-то у него сейчасъ и отнялась по самую кисть. Это что̀ значитъ? Это значитъ, что злые горные духи разсердились за новый колоколъ. Дивлюсь я, какъ это вы ничего до сихъ поръ не знаете. Бургомистръ уже ушелъ туда съ людьми. Говорятъ, будто...

Фрау Магда. Что̀ же говорятъ? Туда пошелъ бургомистръ? Ради Бога...

Сосѣдка. Да вѣдь еще ничего неизвѣстно. Вѣрнѣе, что ничего нѣтъ. Пугаться нечего. Не волнуйтесь такъ, сосѣдка, прошу васъ. Ни о какомъ несчастьѣ не слышно. Толкуютъ вотъ только, что будто бы телѣга, на которой везли колоколъ, поломалась. Ну, съ колоколомъ-то будто и приключилось что-то тамъ. А что̀ такое—не знаю.

Фрау Магда. Ахъ, если бы только это! Колоколъ—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ бы лишь живъ остался Генрихъ. Но надо же узнать все навѣрное. Прошу васъ, возьмите моихъ дѣтей. (Подаетъ обоихъ дѣтей ей въ окно).

Сосѣдка. Разумѣется, я возьму ихъ къ себѣ.

Фрау Магда. Да, да, къ себѣ въ домъ возьмите ихъ. Прошу васъ. А я побѣгу туда, туда, помочь. Я должна быть тамъ, гдѣ мой мужъ.

(Поспѣшно уходитъ. Сосѣдка отходитъ отъ окна. За сценой гулъ толпы. Затѣмъ раздирающій вопль Магды. Пасторъ торопливо входитъ, вздыхая и вытирая себѣ глаза. Онъ озирается, быстро отбрасываетъ одѣяло на постели, возвращается къ двери и встрѣчаетъ носилки, на которыхъ учитель, цырюльникъ и другіе люди несутъ Генриха. Фрау Магда идетъ за носилками въ глубокомъ отчаяніи, ослабѣвшая отъ горя. Ее поддерживаютъ подъ руки. За нею въ комнату проталкивается народъ. Генриха кладутъ на кровать).

Пасторъ (Магдѣ). Успокойтесь! Уповайте на Господа. Мы сочли мастера мертвымъ, когда клали на носилки. Но дорогой онъ очнулся. И, какъ увѣряетъ врачъ, видѣвшій его, можно надѣяться, что мастеръ выздоровѣетъ.

Фрау Магда (едва переводя духъ). Можно надѣяться! Боже милосердый! Я была такъ счастлива. Что со мною? Что здѣсь случилось? Гдѣ дѣти?

Пасторъ. Уповайте на Господа. Вооружитесь терпѣніемъ. Терпѣніемъ и смиреніемъ. Вы сами знаете, гдѣ великое несчастье,—тамъ всего ближе и Божья помощь. Если Господь въ Своей премудрости не опредѣлитъ даровать временное исцѣленіе вашему мужу, вы можете утѣшиться тѣмъ, что онъ войдетъ въ обитель вѣчнаго блаженства.

Фрау Магда. Вы, господинъ пасторъ, говорите о моемъ утѣшеніи. Развѣ я нуждаюсь? Онъ выздоровѣетъ. Онъ долженъ выздоровѣть!

Пасторъ. Да, да, мы надѣемся. А если нѣтъ, — воля Божья. И такъ и этакъ мастеръ Генрихъ восторжествуетъ. Служа Всевышнему, онъ отлилъ колоколъ. Служа Всевышнему, онъ взбирался на горы, гдѣ царство темныхъ силъ въ ущельяхъ и пропастяхъ. Служа Всевышнему, онъ палъ въ борьбѣ съ коварными духами ада. Ибо это они, убоявшись благовѣста его колокола, сплотились въ адскій союзъ, чтобы погубить мастера. Господь ихъ накажетъ, будьте покойны.

Цырюльникъ. Здѣсь въ околоткѣ живетъ женщина-чудотворица. Она исцѣляетъ молитвой.

Пасторъ. Сходите за нею и приведите ее сюда.

Фрау Магда. Какъ это случилось? Какъ случилось? (Къ толпѣ) А вы что глазѣете? Уйдите. Одно пустое любопытство. Ступайте. Не безпокойте его вашимъ оглядываньемъ. Прикройте ему платкомъ лицо. Вы его мучите. Пожалуй, еще сглазите. Прикройте. Вотъ такъ. Уходите. Что съ нимъ сдѣлалось? Что-жъ, вы нѣмые, что ли?

Учитель. Трудно объяснить, какъ и что съ нимъ случилось. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ удержать колоколъ, когда колоколъ падалъ. Одно вамъ скажу: если бы вы взглянули въ пропасть, куда скатился колоколъ, такъ вы бы упали на колѣна и возблагодарили Бога, что вашъ мужъ живъ. Это, скажу вамъ,—чудо!

Генрихъ (слабымъ голосомъ). Воды... пить...

Фрау Магда. Уйдите, уйдите, всѣ!

Пасторъ. Ступайте, милыя дѣти. Больному необходимъ покой. (Народъ уходитъ). Если я вамъ нуженъ, фрау Магда, то вѣдь вы знаете, гдѣ меня найти.

Цырюльникъ. И меня тоже.

Учитель. Я думаю здѣсь остаться.

Фрау Магда. Нѣтъ, никого, никого не надо.

(Пасторъ, учитель и цырюльникъ, послѣ короткаго совѣщанія, уходятъ, пожимая плечами и качая головами).

Генрихъ.

Дай мнѣ еще воды...

Магда (даетъ ему пить).

Ты боленъ, Генрихъ?

Генрихъ.

Меня томитъ мучительная жажда.
Дай мнѣ воды. Ты слышишь?

Магда.

Потерпи
Немножко, Генрихъ, потерпи...

Генрихъ.

Терпѣнью
Я скоро научусь въ сырой землѣ.

(Пьетъ).

Благодарю... Конецъ мой близокъ...

Магда.

Полно,
Твои слова мнѣ страшны.

Генрихъ.

Не должна
Пугаться ты. Тебѣ придется, Магда,
Жить безъ меня.

Магда.

Нѣтъ, не хочу я жить...
Я не могу жить безъ тебя.

Генрихъ.

Не мучь
Меня своей ребяческой печалью.
Ты перенесть ее должна: ты мать,
Пойми: ты мать—и будь тверда душою.

Магда.

Зачѣмъ такія мысли... Ты жестокъ...

Генрихъ.

Тебѣ жестокимъ кажется, что въ дѣтяхъ
Я вижу счастіе твое? Твой долгъ
Заботиться, трудиться для малютокъ:
Въ нихъ жизнь твоя.

Магда.

Пусть мнѣ Господь проститъ,
Но я тебя люблю, ты мнѣ дороже
Дѣтей и жизни собственной моей.

Генрихъ.

О, если такъ, то горе вамъ, сиротки!
И трижды горе мнѣ: отъ вашихъ устъ
Я отрываю хлѣбъ и молоко,
Малютки бѣдныя!.. Но грудь моя,
Я чувствую, горитъ... Прощай, навѣки!
Да сохранитъ васъ Тотъ, къ Кому мы всѣ
Должны придти. Подъ сѣнью темной смерти
Находятъ многіе желанный свѣтъ:
Пусть и со мной такъ будетъ.

(Мягко)

Дай мнѣ руку.
Я много, много зла тебѣ принесъ
И дѣломъ и словами. Оскорблялъ я
Твою любовь не разъ: прости мнѣ, Магда!
Я оскорблялъ невольно и потомъ
Раскаивался, но не могъ сдержаться
И снова заставлялъ тебя страдать.
Прости мнѣ, Магда.

Магда.

Но за что же, Генрихъ?
Ахъ, если любишь, любишь ты меня,
Не говори мнѣ это: я заплачу.
Ужъ лучше побрани меня. Ты знаешь,
Что я тебѣ обязана.

Генрихъ (съ горечью).

Не знаю.

Магда.

Ты человѣка сдѣлалъ изъ меня.
Запуганною, бѣдною жила я,
Какъ подъ грозой трепещущая птичка.
Ты приманилъ меня, вознесъ изъ тьмы
На высоту сіяющаго счастья.
Вѣдь я тебя за то и полюбила
Такъ глубоко, такъ крѣпко, что меня
Ты къ свѣту повернулъ рукою сильной.
За что же мнѣ прощать тебя? За то-ль,
Что возродилъ меня ты къ жизни?

Генрихъ.

Странно
Сплетается порою ткань сердецъ.

Магда (гладитъ ему волосы, нѣжно).

Ахъ, если ты со мною былъ спокоенъ
И нравилась тебѣ я иногда,
Я этимъ счастлива и не могу я
Ничѣмъ воздать тебѣ за все добро,
Что̀ для меня ты сдѣлалъ.

Генрихъ (тревожно).

Слушай, Магда:
Нагнись ко мнѣ... я умираю... да,
Я умираю. Такъ судило небо,
И это хорошо—и для меня
И для тебя. Не говори, что мною,
Моей любовью вызванъ былъ расцвѣтъ
Твоей души прекрасной: это сдѣлалъ
Тотъ вѣчный Чудотворецъ, что̀ весной
Живитъ въ поляхъ цвѣты, подъ зимней стужей
Умершіе. Вотъ видишь ли, я былъ
И старъ и утомленъ:—плохая форма,
И не печалюсь я, что сотворившій
Меня литейщикъ разобьетъ теперь
Свое созданье. Если я былъ сброшенъ
Съ моимъ твореньемъ въ пропасть, не жалѣю
Объ этомъ я: мой колоколъ былъ плохъ,
Онъ не годился для того, чтобъ эхо
На горныхъ высяхъ гулко пробуждать.

Магда.

Я не могу понять тебя. Помилуй,
Вѣдь колоколъ прекрасно былъ отлитъ,
Ни пузырька въ металлѣ. Звукъ чудесный!
Когда, повѣшенный межъ двухъ деревъ,
Здѣсь на дворѣ онъ зазвонилъ впервые,—
Всѣ говорили въ голосъ: «Это хоръ
Небесныхъ серафимовъ. Просто чудо—
Не колоколъ—отлилъ нашъ мастеръ».

Генрихъ (съ лихорадочною тревогой).

Да,
Онъ хорошо звучалъ у насъ въ долинѣ,—
На высотѣ, въ горахъ, не могъ звучать.

Магда.

Неправда. Слышала сама я, пасторъ
Промолвилъ кистеру: «Какъ будетъ онъ
Звучать въ горахъ».

Генрихъ.

Нѣтъ, онъ звучалъ въ долинѣ,
А на горахъ не могъ. Про это я
Одинъ лишь знаю. Пасторъ знать не можетъ...
Да, я умру и умереть хочу.
Вотъ видишь ли: что̀ будетъ въ этомъ толку,
Коль выздоровлю я,—какъ говорятъ,—
Немножко починившись. Ну, куда же
Я буду годенъ: развѣ въ богадѣльню?
Доселѣ жизни крѣпкое вино
Привыкъ я пить: ужели пить я стану
Какой-то жидкій, кисленькій напитокъ?
Пусть пьетъ его, кто хочетъ: для меня
Противно это. Подожди, дай кончить,
Что̀ я хочу сказать тебѣ... Пускай
Найдется врачъ, который могъ бы снова
Возстановить мнѣ силы, снова сдѣлать
Меня способнымъ къ прежнему труду,
Все-жъ и тогда погибъ я, Магда...

Магда.

Боже,
Что̀ сдѣлалось съ тобой! Отъ неба ты

Талантомъ награжденъ. Въ своемъ искусствѣ
Ты—первый мастеръ, любятъ всѣ тебя
И чтутъ. Трудясь неутомимо, отлилъ
Ты сто колоколовъ. Тебѣ хвалу
Они поютъ съ высокихъ колоколенъ
И, будто кубки—свѣтлое вино,
Надъ селами и нивами, въ часъ утра,
Льютъ звуки чудные. Ты людямъ далъ
Святое счастье: слышать Божій голосъ
Они въ твоихъ созданьяхъ. На землѣ,
Гдѣ столько мукъ и бѣдности, живешь ты
Въ довольствѣ радостномъ. Когда тебѣ
Постыла жизнь, то для чего же буду
Я жизнью дорожить, что въ ней найду?

Генрихъ.

Пойми меня, какъ слѣдуетъ. Глубоко
И ясно прозвучала рѣчь твоя,
Какъ ни одинъ изъ тѣхъ колоколовъ,
Что мной отлиты. Отъ души тебя
Благодарю. Но, Магда, все-жъ должна ты
Понять меня. Я повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданье
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадьми, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколъ. И вотъ съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
Ста саженъ. Въ безднѣ молчаливой водъ,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучшій трудъ, а я
Еще живу, во мнѣ остатокъ тлѣетъ
Послѣднихъ силъ... Но я умру, умру...
Ни колоколъ ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Все оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
Когда стоялъ я тамъ вверху,—душа

Еще стремилась выше и желала
Витать въ пространствѣ свѣтлыхъ облаковъ
И создавать великія творенья
При помощи небесныхъ, горнихъ силъ.
Но обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
Я устремился вверхъ, то упаду я,
Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.
Чтобъ жизнью жить, я долженъ возродиться
И вновь созрѣть, какъ зрѣетъ плодъ вторичный
Въ волшебной черной чашечкѣ цвѣтка;
Я долженъ вновь въ душѣ почуять силу,
И мощь въ рукахъ, и къ творчеству порывъ,
Неодолимый и безумный.

Магда.

Генрихъ,
Мой милый Генрихъ, если-бъ знала я,
Гдѣ тотъ источникъ, что даетъ намъ юность,—
Я отыскала-бъ съ радостью его,
Хотя-бъ пришлось мнѣ въ кровь изранить ноги.
И даже если-бъ надо умереть,
Я умерла бы съ радостью, чтобъ только
Достать тебѣ его воды живой
И юность возвратить.

Генрихъ (съ мукой, въ полубреду).

О, дорогая...
Нѣтъ, не хочу я, не хочу... Тамъ кровь,
Тамъ только кровь... Ступай, я умоляю...
Оставь меня... и дай мнѣ умереть...

(Теряетъ сознаніе).

Пасторъ (входитъ). Ну, какъ онъ, фрау Магда?

Магда. Ахъ, очень плохъ. Онъ мучится какою-то душевною мукой. Непонятная болѣзнь томитъ его. Не знаю, чего я должна бояться и на что надѣяться. (Поспѣшно набрасываетъ на себя платокъ). Вы говорили о какой-то женщинѣ, которая исцѣляетъ?

Пасторъ. Да, да, вотъ за этимъ-то я и вернулся. Она живетъ... не дальше мили отсюда. Зовутъ ее... какъ, бишь, ее зовутъ... Тамъ вотъ, у опушки лѣса живетъ она. Ея имя...

Магда. Виттиха?

Пасторъ. Что вы, что вы, фрау Магда! Виттиха злая

баба, исчадье сатаны. Она должна умереть. Противъ этой вѣдьмы ужъ возмущенъ народъ. Собираются къ ней съ камнями и дубинами. Хотятъ разорить ея проклятое гнѣздо. Вѣдь по ея-то кознямъ и приключилось все. Нѣтъ, ту, о комъ я говорилъ вамъ, зовутъ фрау Финдеклее. Она честная, благочестивая женщина, вдова пастуха. Покойный мужъ передалъ ей тайну чудодѣйственнаго лѣкарства. Такъ толкуютъ въ народѣ. Хотите вы пойти къ ней?

Магда. Да, да, господинъ пасторъ.

Пасторъ. Сейчасъ?

(Входитъ Раутенделейнъ, переодѣтая въ служанку. У нея корзина съ ягодами).

Магда. Что тебѣ, мое дитя? Кто ты такая?

Пасторъ. Это Анна, дочка Михаила. Не спрашивайте ее: она, къ несчастію, нѣмая. Но доброе созданье. Она принесла вамъ ягодъ.

Магда. Поди сюда, дитя мое. Что я хотѣла сказать? Да, вотъ: смотри, мой мужъ боленъ. Если онъ проснется, будь подъ рукой. Понимаешь? Фрау Финдеклее—вѣдь такъ зовутъ эту женщину?—живетъ далеко, я не могу уйти надолго. Я отлучусь на одну минутку. Сосѣдка побудетъ здѣсь, сдѣлаетъ мнѣ одолженіе. Я сейчасъ вернусь. Господи, Боже мой, какъ мнѣ тяжело! (Уходитъ).

Пасторъ. Побудь здѣсь, милочка. Присядь. Будь умницей, старайся услужить, пока ты здѣсь нужна. Ты сдѣлаешь доброе дѣло. Богъ наградитъ тебя. Ты очень перемѣнилась, милая дѣвочка, съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ тебя. Держи себя скромно, оставайся хорошей дѣвушкой. Богъ одарилъ тебя великой красотой. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ погляжу я на тебя, ты какъ будто не то, что прежде. Ты похожа на сказочную принцессу. Кто бы могъ подумать? Да, да. Такъ смочи ему лобъ. Понимаешь? Онъ весь въ жару. (Генриху) Да пошлетъ тебѣ Господь исцѣленіе. (Уходитъ).

(Раутенделейнъ, до тѣхъ поръ робкая и смиренная, вдругъ измѣняется и начинаетъ хлопотать около очага).

Раутенделейнъ.

Искра вслѣдъ за искрой яркой
Разлетайтеся кругомъ,
Разгорайся, пламень жаркій,
Въ очагѣ подъ котелкомъ!

(Огонь въ очагѣ разгорается).

Будто легкій вѣтерокъ,
Я раздую огонекъ,
Пусть кипитъ цѣлебный сокъ...

(Приподнимаетъ крышку котла).

Майскихъ травъ, душистыхъ травъ,
Брошу въ воду, прошептавъ
Тайну словъ, волшебныхъ словъ.
Будетъ силенъ и здоровъ,
Кто отвѣдаетъ мое,
Жизнь дающее питье!

Ну, а покуда я почищу свеклу
Да принесу воды: пуста кадушка.
Нѣтъ, надобно сперва открыть окно.

(Открываетъ окно).

Погода нонче славная, а завтра,
Навѣрно, будетъ вѣтрено: легла,
Какъ рыба, протянувшись, надъ горами
Большая туча. Ночь придетъ,—она
Грозою разразится. Духи бури
Запрыгаютъ черезъ сосновый лѣсъ
Въ долину тихую... Чу! здѣсь кукушка
Кукуетъ. Ласточки звенятъ, крыломъ
Мелькая въ яркомъ солнечномъ сіяньѣ.

(Генрихъ открываетъ глаза и пристально смотритъ на Раутенделейнъ).

Сперва почищу свеклу, а потомъ
И за водой схожу. Пошла въ служанки,
Такъ не сиди безъ дѣла... Огонекъ,
Смотри же, не потухни...

Генрихъ (съ изумленіемъ).

Кто ты? кто ты?

Раутенделейнъ (быстро и смѣло).

Я—Раутенделейнъ.

Генрихъ.

Раутенделейнъ?
Впервые слышу это имя. Гдѣ-то
Тебя я видѣлъ. Но не помню, гдѣ.

Раутенделейнъ

Тамъ—на горахъ.

Генрихъ.

Да, правда. Въ лихорадкѣ
Тогда лежалъ я, ты приснилась мнѣ.
Да и теперь во снѣ тебя я вижу.
Вѣдь часто страшные намъ снятся сны,
Не такъ ли? Вотъ мой домъ. Я на постели
Лежу и умираю. Вотъ окно,
За нимъ летаютъ ласточки. Изъ сада
Пѣснь соловья звучитъ. Сирень, жасминъ
Благоухаютъ. Я все слышу, вижу,
Все чувствую я. Нитку одѣяла
Мельчайшую и каждый узелокъ
Я примѣчаю. Да, и все же это
Лишь сонъ, не больше.

Раутенделейнъ.

Почему же сонъ?

Генрихъ.

Да потому, что это все мнѣ снится.

Раутенделейнъ.

Ты въ этомъ такъ увѣренъ?

Генрихъ.

Да. Нѣтъ. Да.
Что говорю я? Все равно: увѣренъ
Иль не увѣренъ я—пусть будетъ такъ.
Во снѣ ли, наяву ли, предъ собою
Тебя живую вижу я теперь...
О, милое дитя, пусть ты созданье
Моей фантазіи: тебя любить
Не меньше буду я. Со мной останься.

Раутенделейнъ.

Да, я останусь.

Генрихъ.

И все это сонъ...

Раутенделейнъ.

Смотри сюда: вотъ подняла я ногу.
Ты видишь красный каблучокъ? А вотъ

Орѣхъ. И я беру его рукою
И подъ каблукъ его: онъ раскололся.
Что-жъ, это сонъ?

Генрихъ.

То знаетъ только Богъ.

Раутендделейнъ.

Ну, посмотри еще. Вотъ подошла я,
Сажусь я на постелю близъ тебя
И весело грызу ядро орѣха.
Ты видишь ясно?

Генрихъ.

Кто же ты, скажи мнѣ?
Откуда ты, и кто тебя прислалъ?
Чего ты хочешь отъ меня, когда я,
Разбитый и страдающій, лежу
И смерти жду съ минуты на минуту?

Раутендделейнъ.

Ты нравишься мнѣ. А откуда я—
Вотъ этого сказать я не умѣю,
Не знаю и того, что̀ впереди
Со мною будетъ. Бабушка на кочкѣ
Во мху меня нашла, и молокомъ
Я лани вскормлена. Въ лѣсу, въ болотѣ
И на горахъ я дома. Въ часъ, когда
Крутитъ и свищетъ вѣтеръ и мяучитъ,
Какъ кошка дикая, охотно я
Кружусь, кричу и такъ смѣюсь, что эхо
Далеко раздается, и со мной
Смѣются эльфы, Лѣшій, Водяной.
Я зла, царапаюсь, кусаюсь больно,
Когда меня разсердятъ. Берегись
Тотъ, кто меня раздразнитъ. Я капризна:
То зла я, то добра, то такъ, то этакъ,—
Какъ вздумается, словомъ. Хочешь, я
Останусь здѣсь. А лучше бы со мною
Ушелъ ты въ горы. Ты увидишь, буду
Служить тебѣ и угождать во всемъ.
Умѣю я угадывать, гдѣ скрыты
Въ подземныхъ копяхъ яхонтъ и алмазъ,

Топазы, изумруды, аметисты.
Пускай упряма я, пускай лѣнива,
Коварна, непослушна—я исполню
Все, что̀ прикажешь ты. Тебѣ въ глаза
Смотрѣть я буду и твои желанья
Предупреждать. Пусть бабушка моя...

Генрихъ.

Прелестное дитя, но объясни мнѣ,
Кто бабушка твоя?

Раутенделейнъ.

Какъ! Ты не знаешь,
Кто бабушка моя?

Генрихъ.

Я человѣкъ
И слѣпъ я.

Раутенделейнъ.

Ну, такъ скоро будешь зрячимъ.
Кому глаза я поцѣлую, тотъ
Откроетъ ихъ—и даль небесъ увидитъ.

Генрихъ.

Попробуй, сдѣлай это мнѣ.

Раутенделейнъ (цѣлуетъ ему глаза).

Глаза,
Откройтесь!

Генрихъ.

Дивная моя малютка!
Ты послана мнѣ въ грустный смерти часъ,
Ты вѣтвь цвѣтущая, десницей Божьей
Отломленная для меня въ раю.
О, свѣжій отпрыскъ, если бы такимъ же
Я былъ теперь, какъ въ давніе года,—
Прижалъ бы я тебя къ груди съ восторгомъ.
Да, я былъ слѣпъ. Теперь я вижу свѣтъ.
Чѣмъ больше я тобою упиваюсь,
Тѣмъ больше постигаю я твой міръ,
Загадочное, чудное созданье.

Раутенделейнъ.

Такъ что-жъ, смотри, любуйся на меня.

Генрихъ.

Какъ дивны эти кудри золотыя!
Какая роскошь! Свѣтлый призракъ грезъ,
Съ тобой и лодка мрачная Харона
Преобразится въ царскую галеру,
Что, распустивши пурпуръ парусовъ,
Плыветъ къ востоку, гдѣ выходитъ солнце!
Ты чувствуешь ли: тихій вѣтерокъ
Дыханіемъ чуть слышнымъ гонитъ пѣну
На волнахъ моря, голубого моря,
И брызгами алмазными порой
Насъ обдаетъ. А мы въ нарядѣ свѣтломъ,
Изъ золота и шелка, вдаль плывемъ
По глади водъ. Ты узнаёшь за далью
Зеленый островъ, надъ лазурью волнъ
Склонившіяся вѣтви изумрудной
Листвы березъ, ты слышишь голоса
Пѣвцовъ весны, что радостнымъ привѣтомъ
Встрѣчаютъ насъ?

Раутенделейнъ.

Да, слышу...

Генрихъ.

Хорошо.
Идемъ съ тобою. Я готовъ. Когда я
Проснусь, то кто-то скажетъ мнѣ: пора,
Иди. Потомъ огонь потухнетъ. Холодъ
И тьма могильная повѣетъ въ домѣ,
И я умру прозрѣвшій, какъ слѣпой...
Но все-жъ тебя я видѣлъ и...

Раутенделейнъ.

Вздремни,
Усни!
Проснешься—будешь мой.
(Хлопочетъ около очага, приговаривая)
Тайной силѣ исцѣленья
Покорись, освободись

Отъ недуга, отъ мученья
И душою обновись!

(Дѣлаетъ движенія, обращаясь къ Генриху)

Разъ, два, три!
Живи
Для живого счастья и любви!

Генрихъ.

Что сдѣлалось со мною? Пробудился
Я ото сна? Какое солнце льется
Ко мнѣ въ окно и золотитъ меня?
О, воздухъ утра! Если эта сила,
Что чувствую я въ тѣлѣ, этотъ пылъ
Моей души—ниспосланы отъ неба
И проявленье воли Божества,
Тогда я вновь возстать готовъ для жизни
И снова въ путь идти готовъ, желать,
Надѣяться, стремиться и опять
Творить, творить!

(Фрау Магда входитъ).

А, Магда...

Магда.

Ты проснулся?

Генрихъ.

Да, я проснулся.

Магда.

Лучше ли тебѣ?

Генрихъ.

Мнѣ хорошо. Ахъ, хорошо мнѣ. Буду
Я жить—я чувствую.

Магда (внѣ себя, бросается къ нему и обнимаетъ его).

Ты будешь жить!
О, Генрихъ! Милый, дорогой мой Генрихъ!

(Раутенделейнъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на нихъ горящими глазами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Заброшенная лачуга въ горахъ, вблизи ледниковъ. Направо изъ скалы, замѣняющей стѣну, бѣжитъ вода сквозь глиняный желобъ въ естественный каменный бассейнъ. Налѣво, у другой стѣны, кузнечный очагъ съ трубой и мѣхами. Въ глубинѣ сцены въ открытый пролетъ виденъ горный пейзажъ: вершины горъ, дремучій лѣсъ, обрывъ.

Лѣшій, сначала внѣ лачуги, собираетъ хворостъ, потомъ входитъ и робко озирается. Водяной показывается изъ бассейна.

Водяной.

Брекекекексъ! Ну, что̀ ушами хлопать,
Входи, входи.

Лѣшій.

Здорово, старина.

Водяной.

Вишь, задави ихъ сатана,
Какой дымище и какую копоть
Повсюду въ домѣ развели.

Лѣшій.

А что̀, хозяева ушли?

Водяной.

Само собой, не то бы изъ колодца
Не выглянулъ я.

Лѣшій.

Встрѣтился мнѣ гномъ
Сейчасъ у скалъ.

Водяной.

Охъ, этого народа
Я не терплю.

Лѣшій.

Съ киркой и топоромъ.

Водяной.

Что-жъ онъ сказалъ?

Лѣшій.

Сказалъ онъ, что кручина
Тебя изводитъ: квакаешь все.

Водяной.

Ну?

Лѣшій.

Вишь, надоѣлъ ему.

Водяной.

Ахъ, дурачина!
А я возьму вотъ, голову сверну
Ему... и кой-кому другому.

Лѣшій.

Ла, съ тѣмъ покончить надо бы расчетъ!
Проклятый человѣчій родъ:
Что отъ него стуку да грому.
Въ горы забрался къ намъ
Да и пошелъ хозяйничать тамъ.
Долбитъ киркою ребры скалъ:
Добываетъ мѣдь и всякій металлъ.
Куетъ да плавитъ,
Всѣмъ командуетъ—правитъ.
Словно коней проворныхъ,
Водяныхъ духовъ и горныхъ
Запрягаетъ въ телѣгу
Да бичомъ поддаетъ имъ бѣгу.
Самую красивую фею
Забралъ и живетъ себѣ съ нею.
Она ему золото и янтарь воруетъ,
Отрываетъ дорогіе каменья,
Его цѣлуетъ-милуетъ,
А намъ ничего, кромѣ презрѣнья.
Рушитъ онъ все, ни надъ чѣмъ не сжалится.
Губитъ старыя деревья—цѣлый лѣсъ валится...
По ущельямъ разбиваетъ камень.
Отъ его кузницы красный пламень
Долетаетъ въ лѣсъ, до моего угла.
Да, натворилъ онъ намъ тутъ дѣла!

Водяной.

Эхъ, кабы онъ въ мои руки попался—
Давно бы трупомъ на днѣ озера валялся,
Тамъ, гдѣ лежитъ его колоколъ-звѣрь.

Лѣшій.

Я тоже такъ думаю, повѣрь.

Водяной.

Да ему-то отъ нашихъ думъ горя мало:
Устроился здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало,
Молотомъ бьетъ съ утра до полночи,
Слушать стукъ этотъ просто нѣтъ мочи.

(Плаксиво)

Дѣлаетъ феѣ кольца и сережки.
Плечики ей цѣлуетъ да ручки и ножки...

Лѣшій.

Охъ, клянусь моей козлиной рожей!
Съ этою дѣвчонкою пригожей
Надоѣлъ ты: долбишь, точно дятелъ,
Все о ней. Старикъ, ты съ ума спятилъ:
Вѣдь она и знать тебя не хочетъ,
Надъ тобой глумится и хохочетъ.
Право, ты съ своей любовью жалокъ.
Развѣ мало въ озерѣ русалокъ:
Взялъ любую, веселися съ нею;
Вотъ тогда и позабудешь фею
И не охать станешь, а смѣяться,
Если даже будетъ цѣловаться
При тебѣ она съ своимъ желаннымъ.

Водяной.

Нѣтъ, я съ нимъ расправлюсь, окаяннымъ:
Я убью его.

Лѣшій.

Положимъ...

Водяной.

Глотку
Прокушу ему.

Лѣшій.

А все-жъ красотку
Этимъ не добудешь. Бабка не позволитъ:
Вѣдь старуха явно имъ мирволитъ.

Злобою напрасно ты себя тревожишь,
Тутъ терпѣньемъ только и поможешь.
Знаешь ты людишекъ: любитъ и ласкаетъ,
А потомъ, глядишь, и заскучаетъ.

Раутендейленъ (за сценой, поетъ).

Жукъ усѣлся на кусточкѣ,
Зумъ-зумъ!
Въ черно-бѣленькой сорочкѣ,
Зумъ-зумъ!

(Входитъ).

А, добрый вечеръ, гости дорогіе!
Что, Водяной,—ты золото намылъ?
А ты, пріятель козлоногій, хворостъ
Мнѣ натаскалъ? Смотрите, у меня
Диковинки какія! Я прилежно
Вездѣ ихъ собираю. Вотъ алмазъ,
Мѣшечекъ съ золотымъ пескомъ и горный
Сверкающій хрусталь... Медовый сотъ...
Охъ, нынче жаркій день, прежаркій.

Водяной.

Ночи
Такія-жъ жаркія теперь пойдутъ
За днями жаркими.

Раутендейленъ.

Быть-можетъ. Ты
Студеную вѣдь только любишь воду,
Такъ окунись въ нее и освѣжись.

(Лѣшій хохочетъ. Водяной безшумно погружается въ бассейнъ).

Раутендейленъ.

Вишь, пристаетъ, покуда не осадишь.

Лѣшій (все еще смѣясь).

Ахъ, чтобы васъ!..

Раутендейленъ.

Подвязка у меня
Спустилась на колѣно, рѣжетъ ногу.

Лѣшій.

Дай я поправлю.

Раутенделейнъ.

Убирайся прочь!..
Послушай, Лѣшенька, ты надоѣлъ мнѣ.
Нехорошо ты пахнешь и съ собой
Приводишь мухъ: гляди, вокругъ тебя
Онѣ летаютъ роемъ.

Лѣшій.

Ну такъ что же?
Онѣ пріятнѣй бабочекъ цвѣтныхъ,
Что за тобой порхаютъ и трепещутъ,
Увязнувъ въ волосахъ твоихъ, а ночью
По груди ползаютъ и по плечамъ.

Раутенделейнъ (смѣется).

Ну,
Смотри, смотри, ты у меня не очень.

Лѣшій.

Послушай, подари мнѣ колесо
Вотъ это. Гдѣ его взяла ты?

Раутенделейнъ.

Знаешь
Ты это лучше вѣдь, чѣмъ я.

Лѣшій.

Хе-хе!
Когда бы я не изломалъ повозки
Подъ колоколомъ, какъ своихъ ушей
Тебѣ-бъ соколика не видѣть. Такъ-то.
Ну, будь же благодарна, подари
Мнѣ эту штучку. Смоляной веревкой
Я обмотаю колесо, зажгу
Да и пущу высоко съ самой кручи.
Вотъ будетъ-то потѣха!

Раутенделейнъ.

Въ деревняхъ
Пожаръ ты сдѣлаешь.

Лѣшій.

Да, разгорится
Превесело огонь багровый!

Раутендделейнъ

Нѣтъ,
Не будетъ этого. Уйди-ка лучше.

Лѣшій.

Зачѣмъ такъ скоро? Али надоѣлъ?
Скажи-ка, что подѣлываетъ мастеръ?

Раутендделейнъ.

Онъ надъ созданьемъ трудится своимъ.

Лѣшій.

Работа днемъ, а ночью поцѣлуи.
Эхъ, знаемъ мы, какъ льютъ колокола!
Гора къ долинѣ тянетъ, а долина
Ползетъ къ горѣ, и создается вдругъ
Ни то ни се: какой-то полубогъ
И полузвѣрь. Землѣ на прославленье,
Въ насмѣшку небу. Феечка, пойдемъ
Ко мнѣ въ орѣшникъ. Право, я не хуже,
Чѣмъ мастеръ. Что за толкъ особый въ немъ?
Вѣдь не родишь же отъ него ты чудо.

Раутендделейнъ.

Ахъ, ты, животное, ахъ, озорникъ!
Ты у меня ослѣпнешь, если будешь
Того, кто мною избранъ, поносить.
Онъ борется, стремится васъ избавить
Онъ отъ проклятья: вотъ зачѣмъ стучитъ
Во тьмѣ его могучій молотъ. Всѣ вы
И все, что въ этомъ мірѣ существуетъ,
Обречено проклятію. О томъ
Не знаете вы сами. Прочь отсюда!
Ты здѣсь безсиленъ. Здѣсь теперь царитъ
Духъ мастера.

Лѣшій.

А мнѣ какое дѣло.
Ну, поклонись супругу. Какъ-нибудь
Навѣдаюсь къ нему я въ мастерскую.

(Уходитъ).

Раутенделейнъ.

Не знаю, что со мной. Мнѣ тяжело.
Пойду въ ближайшій ледникъ, въ гротъ прохладный,
Тамъ синяя, студеная вода
Поосвѣжитъ меня. Сегодня въ полдень
Я наступила на змѣю, что тамъ,
На сѣрыхъ скалахъ, грѣлася подъ солнцемъ,
Она чуть не ужалила меня.
Ахъ, душно мнѣ... Шаги? Эй, кто тамъ, кто тамъ?

(У входа появляется пасторъ, одѣтый въ костюмъ для ходьбы въ горахъ).

Пасторъ.

Должно-быть, тутъ... Охъ, было не легко
Взобраться мнѣ, но я на твердой почвѣ
Теперь стою. Во имя Божье я
Пошелъ на это дѣло и сторицей
Вознагражденъ я буду, если мнѣ
Спасти заблудшую овцу удастся,
Какъ подобаетъ пастырю. Впередъ,
Бодрѣе!

(Входитъ въ лачугу).

Есть здѣсь кто-нибудь, откликнись?

(Замѣчаетъ Раутенделейнъ).

А, это ты! Я такъ и думалъ!

Раутенделейнъ (блѣдная, озлобленная).

Что

Тебѣ здѣсь нужно?

Пасторъ.

Вотъ сейчасъ узнаешь,
Богъ мнѣ свидѣтель, ты узнаешь. Дай
Мнѣ потъ съ лица стереть да отдышаться,
Покуда же скажи-ка мнѣ,
Ты здѣсь одна?

Раутенделейнъ.

Тебѣ какое дѣло?

Пасторъ.

А погляди-ка на меня! Такъ, такъ.
Недурно. Ну, теперь ты показала

Мнѣ настоящее свое лицо.
Тѣмъ лучше. Къ дѣлу приступлю я прямо.

Раутенделейнъ.

Смотри, побережись!

Пасторъ.

Мнѣ ничего
Не можешь сдѣлать ты. Я твердъ душою
И сердцемъ чистъ. Я не боюсь тебя.
Тотъ, Кто мнѣ далъ и мужество и крѣпость,
Чтобъ я отважился придти въ вашъ адъ,
Тотъ мнѣ поможетъ,—чувствую я это.
Чертовка, повредить не думай мнѣ,
Не трать напрасно чаръ своихъ волшебныхъ...
Вѣдь онъ тобою завлеченъ сюда?

Раутенделейнъ.

Кто завлеченъ?

Пасторъ.

Какъ кто! Да мастеръ Генрихъ!
Ты чарами волшебными его
И сладкимъ зельемъ ада обольстила,
Пока не сталъ онъ бѣгать за тобой,
Какъ собачонка. Человѣкъ почтенный,
Отецъ семейства, образецъ для всѣхъ,
До глубины души благочестивый—
И что-жъ! какая-то дѣвчонка съ горъ
Къ намъ прибѣжала и его хватаетъ,
Какъ малаго ребенка, въ фартукъ свой
И тащитъ за собой, куда захочетъ,
Къ соблазну добрыхъ христіанъ!

Раутенделейнъ.

Пускай
Разбойница я, у тебя не крала
Я ничего.

Пасторъ.

Не крала у меня!
Ахъ, наглое творенье! Отняла ты
Не только у меня, но у жены

И у дѣтей его. Ты человѣка
Похитила у насъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (прислушивается и, вдругъ преобразившись, восклицаетъ съ торжествомъ).

Онъ, онъ идетъ!
Ты слышишь шагъ увѣренный и смѣлый?
Ужель укоровъ жалкія слова
Ты не замѣнишь радостнымъ восторгомъ?
Ужели ты не чувствуешь огонь
Его божественныхъ очей, и сердце
Онъ не проникъ тебѣ? Цвѣты—и тѣ
Склоняются у ногъ его съ весельемъ.
Король идетъ, король! И, нищій, ты
Не радуешься, не ликуешь? Мастеръ,
Привѣтъ тебѣ!

(Бѣжитъ навстрѣчу входящему Генриху и бросается ему на шею. ГЕНРИХЪ, въ живописномъ рабочемъ костюмѣ, съ молоткомъ, рука объ руку съ РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ, приближается къ пастору).

ГЕНРИХЪ.

Почтенный пасторъ! Вы?
Добро пожаловать.

ПАСТОРЪ.

Да будетъ, Генрихъ,
Благословенье Господа съ тобой.
Возможно-ль это: онъ передо мною
Стоитъ здоровый, стройный, точно букъ,
А между тѣмъ лежалъ еще недавно
Измученный болѣзнью на одрѣ,
Безъ силъ, разбитый, блѣдный, ожидая
Свой смертный часъ. Сдается, право, мнѣ,
Что милосердіе небесъ надъ вами
Свершилось явно. Вы, какъ царь Давидъ,
Возставши отъ недуга, восплясали
И заиграли Господу хвалу.

ГЕНРИХЪ.

Да, это такъ и было.

ПАСТОРЪ.

Совершилось
Надъ вами чудо.

Генрихъ.

Вѣрно. Всей душой
Я это чувствую.

(Къ Раутенделейнъ)

Дитя мое,
Поди и принеси вина для гостя
Почтеннаго.

Пасторъ.

Спасибо. Не теперь...

Генрихъ.

Поди и принеси вина. Но, впрочемъ,
Какъ вамъ угодно. Ну, прошу присѣсть.
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ позорнаго недуга
Я излѣчился, съ вами въ первый разъ
Мы видимся. Я потерялъ надежду
Привѣтствовать васъ перваго теперь,
Когда на новый путь я смѣло вышелъ.
Но, вижу я, вы сильною рукой
Тяжелыя оковы долга рвете
И, внѣ условнаго служенья людямъ,
Вы Бога ищете.

Пасторъ.

Ну, слава небу!
Я чувствую, что вы не измѣнились,
Все тотъ же вы. У насъ, въ долинѣ, врутъ,
Что стали вы не тѣмъ, чѣмъ были.

Генрихъ.

Да, тотъ же я и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другой.
Я окна настежь растворилъ—пусть льется
Сіянье Божьей благодати въ нихъ.

Пасторъ.

Хорошая пословица.

Генрихъ.

Я лучшей

Не знаю.

Пасторъ.

Есть и лучшія. Но все-жъ
И эта хороша.

Генрихъ.

Когда бы только
Вы руку протянули мнѣ,—клянусь
Предъ вами головою лошадиной,
И пѣтухомъ, и лебедемъ:—готовъ
Я отъ души принять васъ и, какъ другу,
Открыть вамъ эту душу, гдѣ царитъ
Теперь весна.

Пасторъ.

Откройте смѣло, мастеръ.
Вы это часто дѣлывали прежде
И знаете достаточно меня.

Генрихъ.

Да, я васъ знаю. Но пускай бы даже
Я въ васъ ошибся и подъ маской друга
Не разглядѣлъ я пошлости черты,
Все-жъ и тогда не могутъ затеряться
Всѣ золотыя искры, что блестятъ
И въ самыхъ темныхъ и постыдныхъ душахъ.

Пасторъ.

Скажите, мастеръ, почему такъ странно,
Такъ дико вы клянетесь?

Генрихъ.

Пѣтухомъ

И лебедемъ?

Пасторъ.

И конской головою?

Генрихъ.

Не знаю самъ, какъ мнѣ на умъ взбрела
Такая клятва. Кажется, на это
Меня навелъ на вашей церкви флюгеръ,
Что въ видѣ пѣтуха блеститъ на солнцѣ:

Изображенье конской головы
Я у сосѣда Каргеса замѣтилъ
На крышѣ дома; ну, а лебедь тамъ
Въ небесной синевѣ передо мною
Мелькалъ не разъ. Но, впрочемъ, это—вздоръ...
Вотъ и вино. Отъ искренняго сердца
Я пью здоровье вашей и моей
Подруги дорогой!

Пасторъ.

Благодарю васъ.
На это я могу однимъ отвѣтить:
За здравіе того, кто исцѣлился!

Генрихъ (расхаживая взадъ и впередъ).

Я исцѣлился, обновился. Да,
Я это вижу по всему. Волненьемъ
Глубокимъ, сладостнымъ моя душа
Исполнена. Я чувствую порывы
Могучей свѣжести, какъ будто я
Дыханіемъ весны обвѣянъ. Сила
Желѣзная въ моей рукѣ: ее
То разжимаю я, то вновь сжимаю,
Какъ ястребъ когти. Я исполненъ весь
Желаньемъ творчества. Вонъ тамъ, глядите,
Въ моемъ саду стоитъ моя святыня.

Пасторъ.

Святыня? Я не понимаю васъ.

Генрихъ.

Да, да, моя святыня. Это чудо.
Всмотритесь.

Пасторъ.

Я не вижу ничего.

Генрихъ.

Я говорю о деревѣ вотъ этомъ,
Что, будто облако въ вечерній часъ,
Раскинулось по синевѣ небесной.
Вы знаете-ль, богъ свѣта нисходилъ

Подъ сѣнь его. Волшебный, чудный шопотъ
Въ его зеленыхъ слышится вѣтвяхъ,
Гдѣ стаи пчелъ съ цвѣтовъ благоуханныхъ
Сбираютъ медъ. Я на него похожъ—
На это дерево. Богъ свѣта также
Мнѣ въ душу снизошелъ, и зацвѣла
Она благоуханными цвѣтами
Затѣмъ, чтобъ пчелы съ нихъ собрали медъ.

Пасторъ.

Вы говорите хорошо. Я васъ
Съ охотой слушаю. Хвалы достойны
И вы и ваше дерево. Но плодъ
На немъ созрѣетъ ли по волѣ Божьей?

Генрихъ.

О, да. Вы правы, мой почтенный другъ,
Все въ Божьей волѣ. Богъ меня низринулъ
Съ утеса въ бездну, и опять вознесъ,
И возвратилъ мнѣ силу. Все отъ Бога—
И цвѣтъ и плодъ. Все отъ него. Молите,
Чтобъ лѣто Онъ мое благословилъ.
То, что̀ во мнѣ цвѣтетъ и созрѣваетъ,
Достойно завершенья, вѣрьте мнѣ.
Задумалъ я великое творенье,
Какого я не создавалъ донынѣ!
Подборъ колоколовъ задумалъ я
Изъ благороднаго металла. Сами
Они звонить и двигаться должны.
Когда рукой, какъ раковиной, ухо
Я ограждаю,—ихъ чудесный звонъ
Немолчно раздается. Сто̀итъ только
Закрыть глаза мнѣ,—вижу предъ собой
Я чудныя ихъ формы, вижу ясно
Въ моей фантазіи. Почтенный другъ,
Подумайте: что̀ прежде я искалъ
Съ такимъ трудомъ, съ такою горькой мукой,—
Теперь досталось, какъ подарокъ, мнѣ!
Вы звали мастеромъ меня, считали
Меня счастливцемъ избраннымъ. Ну, вотъ,
Я этого добился: да, я мастеръ
И счастливъ я!

Пасторъ.

Да, это хорошо,
Когда васъ мастеромъ зовутъ. Однако
Отъ васъ самихъ такія рѣчи слышать
Немного странно. Для какой же церкви
Свое творенье создаете вы?

Генрихъ.

Ни для какой!

Пасторъ.

Но кто-жъ заказъ вамъ сдѣлалъ?

Генрихъ.

Тотъ, кто вотъ этой повелѣлъ соснѣ
На край утеса стать и красоваться!
Ту церковку, что вы на высотѣ
Построили, пожаръ совсѣмъ разрушилъ,
И я задумалъ новый храмъ на новомъ
Фундаментѣ поднять, тамъ, на вершинѣ,
Подъ самымъ небосводомъ!

Пасторъ.

Мастеръ, мастеръ,
Вы увлекаетесь. Но не хочу
Я съ вами спорить. Кажется, другъ друга
Не такъ мы понимаемъ. Я скажу
Вамъ коротко: въ мечтахъ вы создаете
Прекрасное творенье...

Генрихъ.

Да, оно
Прекрасно.

Пасторъ.

Тотъ подборъ колоколовъ...

Генрихъ.

Подборъ, иль—какъ хотите, такъ его
И называйте.

Пасторъ.

Вѣдь сейчасъ вы сами
Его такъ называли.

Генрихъ.

Да, назвалъ
Я такъ то диво, что̀ создать я долженъ.

Пасторъ.

Прекрасно. Но скажите же мнѣ, кто
Заплатитъ вамъ за трудъ?

Генрихъ.

Кто мнѣ заплатитъ?
О, пасторъ, пасторъ! Иль хотите вы,
Чтобъ счастье осчастливили? Награду
Вознаградили?.. Да, зовите такъ
Мое твореніе, какъ самъ назвалъ я:
Подборъ колоколовъ. Повѣрьте мнѣ,
То будетъ дивный колоколъ, какого
Досель еще не отливалъ никто.
Онъ обладаетъ мощной силой звона,
Гудящаго, какъ громъ небесъ весной,
Когда онъ яростно гремитъ, и нивы
И села потрясая. Будто гулъ
Трубы архангела, заставитъ смолкнуть
Онъ всѣхъ церквей колокола, и вѣсть
Онъ принесетъ ликующую міру
О новой, свѣтлой жизни на землѣ!
О, солнце, нашъ небесный прародитель!
Тобою вскормлены равно и мы
И дѣти наши. Пусть они въ грядущемъ
Восторженныя ликованья шлютъ
Въ обитель чистую небесъ. Какъ въ этой
Разрыхленной, зазеленѣвшей нивѣ,
Что̀ стелется далеко предо мной,
Такъ и во мнѣ зажгло ты, солнце, жажду,
Святую жажду жертвоприношенья;
Все существо мое я приношу
Тебѣ на жертву! Онъ настанетъ, день,
Когда изъ мраморныхъ чертоговъ храма,
Мной созданнаго, благовѣстъ святой
Раздастся съ высоты, и разорвется
Завѣса тучъ, висѣвшая надъ нами
Всю зиму долгую, и упадутъ
Дождемъ на землю перлы и алмазы!

И тысячи людей въ восторгѣ свѣтломъ
Къ нимъ устремятся, жадно собирая
Сокровища, и въ хижины свои
Ихъ понесутъ. Потомъ, схвативъ знамена,
Давно ихъ ждавшія, пойдутъ на праздникъ
Паломниками солнца! Вижу я,
Толпы ихъ къ храму моему стремятся,
Колышется надъ ними шелкъ знаменъ,
Мой колоколъ звучитъ, и дивный звонъ
Находитъ отзывъ въ ихъ сердцахъ, и сладко
Сливается онъ съ криками восторга,
Съ рыданьемъ умиленнаго народа!
Онъ запоетъ забытый, дивный гимнъ,
Пѣснь родины, пѣснь золотого дѣтства,
Пѣснь сладкую любви, что всѣмъ звучитъ
Таинственно изъ сказочнаго царства,
Знакомую и ласковую пѣснь,
И все-жъ еще неслыханную въ мірѣ!
И вотъ, когда раздастся эта пѣснь,
Какъ рокотъ соловья, какъ воркованье
Веселыхъ горлинокъ, у всѣхъ въ груди
Растаетъ ледъ и ярости, и горя,
И ненависти, и безумныхъ мукъ,
И жаркими слезами онъ прольется.
И всѣ тогда съ слезами ликованья
Преклонятся передъ крестомъ. И Онъ,
Христосъ распятый, вознесенный вновь
Освобождающею силой солнца,
Въ его лучахъ небесныхъ засіяетъ,
Улыбкой Божьей озаряя землю!

(Проговоривъ это все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ одушевленіемъ, Генрихъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ. Раутенделейнъ, опьяненная восторгомъ и любовью, со слезами на глазахъ, опускается передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ его руки. Пасторъ слушаетъ Генриха съ возрастающимъ ужасомъ. Послѣ короткой паузы, онъ начинаетъ говорить съ притворнымъ спокойствіемъ, которое однако скоро пропадаетъ).

Пасторъ.

Я выслушалъ, любезный мастеръ, васъ
И нахожу, что говорили правду
Мнѣ члены нашей общины почтенной.
Признаюсь вамъ: мнѣ причиняетъ скорбь
О вашемъ дивномъ колоколѣ сказка.

Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобъ видѣть ваши чудеса, а съ цѣлью
Помочь въ бѣдѣ вамъ.

Генрихъ.

Мнѣ помочь въ бѣдѣ?
Въ какой бѣдѣ?

Пасторъ.

Безумецъ ослѣпленный,
Проснитесь наконецъ, вѣдь вы въ бреду...
Вы въ страшномъ снѣ, и, если Божье слово
Васъ не разбудитъ, мастеръ Генрихъ, вы
Погибли навсегда, и муки ада
Вамъ суждены.

Генрихъ.

Не думаю.

Пасторъ.

Пророкъ
Сказалъ слова: «Кого сгубить захочетъ
Господь, царящій въ небѣ, поразитъ
Онъ слѣпотой того».

Генрихъ.

Коль Богъ назначилъ
Погибель мнѣ,—Его свершится воля.
Но почему-жъ считаете меня
Вы ослѣпленнымъ? Я съ благоговѣньемъ
Молюся въ свѣтлый утра часъ
И вижу я отверстыми очами
Сіянье Божьяго величья.

Пасторъ.

Генрихъ,
Полетъ вашъ черезчуръ высокъ, поймите.
Я человѣкъ простой, я на землѣ
Жить обреченъ и мало разумѣю
Я въ выспреннихъ вещахъ. Но все же мнѣ
Одно вполнѣ понятно: вы забыли—
Что̀ правда, что̀ неправда, что̀ есть зло
И что̀ добро.

Генрихъ.

Адамъ въ раю объ этомъ
Не больше зналъ, чѣмъ я.

Пасторъ.

Слова, слова!
Вы ими не прикроете нечестья!
Мнѣ жаль васъ, я васъ пощадить хотѣлъ...
У васъ вѣдь есть жена и дѣти, Генрихъ.

Генрихъ.

Такъ что же?

Пасторъ.

Покидаете вы ихъ,
Бѣжите въ горы, по недѣлямъ цѣлымъ
Не возвращаетесь домой; а тамъ
Томятся ваши близкіе: тамъ дѣти
Пьютъ слезы бѣдной матери своей...

Генрихъ.

О, пасторъ, если бы я эти слезы
Могъ осушить,—я осушилъ бы ихъ!
Но я не въ силахъ это сдѣлать. Горю
Сочувствую вполнѣ я, но смягчить
Его не въ состояньи. Да, теперь я
Живу любовью, самъ я весь любовь
И ею обновленъ. Но все-жъ не смѣю
Я отъ избытка своего богатства
Наполнить кубокъ для моей семьи:
Мое вино для нихъ отравой будетъ
Могу ли я вотъ этою рукой,
Съ орлиными когтями вмѣсто пальцевъ,
Ребенка щечку нѣжную ласкать?
Нѣтъ, только Богъ одинъ помочь имъ можетъ.

Пасторъ.

Но это вѣдь безумье. Я сказалъ.
Да, нечестивое безумье. Мастеръ,
Я пораженъ жестокосердьемъ вашимъ.
О, злому духу удалась вполнѣ
Его продѣлка, долженъ я сознаться.

Вѣдь это дивное созданье ваше,
Которымъ вы такъ бредите—ужель
Не чувствуете вы?—оно есть мерзость,
Языческая мерзость. Нѣтъ, пускай
Всѣ казни злыя, что̀ рука Господня
Ниспосылала древле на Египетъ,
Обрушатся на христіанскій міръ,—
Все-жъ это будетъ легче, чѣмъ увидѣть
Оконченнымъ вашъ нечестивый храмъ
Ваалу, Вельзевулу и Молоху!
Останьтесь христіаниномъ. Еще
Для васъ не поздно это. Прогоните
Разлучницу, негодную дѣвчонку,
Колдунью, вѣдьму. Сбросьте разомъ мракъ
Лукавыхъ чаръ,—и вы спасетесь!

Генрихъ.

Когда въ горячкѣ смертной я лежалъ,
Она пришла ко мнѣ и исцѣлила
Недугъ мой.

Пасторъ.

Лучше-бъ было умереть,
Чѣмъ исцѣлиться съ помощію ада.

Генрихъ.

Объ этомъ, пасторъ, можете судить,
Какъ вамъ угодно. Отъ нея я принялъ
Жизнь новую и съ нею буду связанъ,
Пока меня съ ней смерть не разлучитъ.

Пасторъ.

Я вижу, вамъ возврата нѣтъ. Глубоко,
По горло вы погрязли въ бездну зла
И адъ свой преукрасили красою
Небесною. Зло крѣпко держитъ васъ.
Я дальше не пойду. Но вамъ извѣстно:
Въ былые дни, какъ и теперь, костеръ
Колдуньямъ и еретикамъ назначенъ.
Vox populi—vox Dei. Ваши всѣ
Дѣянія языческія въ ужасъ
Людей приводятъ, возбуждаютъ въ нихъ
Къ вамъ ненависть. Случиться очень можетъ,

Что мы не въ силахъ будемъ обуздать
Порывъ возстанья. Оскорбленный вами
Въ его святынѣ, бросится народъ
На вашу мастерскую безъ пощады,
Чтобъ истребить очагъ грѣха и зла.

Генрихъ (послѣ краткаго молчанія, спокойно).

Послушайте, не запугать меня вамъ!
Когда томимый жаждой человѣкъ,
Къ которому я приближаюсь съ кубкомъ
Прохладнаго напитка, вырветъ вдругъ
Тотъ кубокъ, разольетъ его и послѣ
Умретъ отъ жажды,—я-ль виновенъ буду
Въ его безумной смерти? Самъ хотѣлъ
Онъ участи такой и пусть заслужитъ
Свою судьбу. Я жаждущей толпѣ
Несу живую воду возрожденья.
Пусть въ ярости бросается толпа
И разбиваетъ драгоцѣнный кубокъ,
Пусть затмеваетъ дивный свѣтъ небесъ
Безумья тьма,—я не дрогну душою.
Я знаю, что хочу, на что способенъ!
Да, мнѣ не разъ случалось разбивать
Колоколовъ уже готовыхъ формы;
И вотъ опять могу поднять я молотъ
И раздробить однимъ ударомъ въ прахъ
Тотъ жалкій колоколъ, что грубой чернью
Отлитъ изъ злобы, желчи и тщеславья,
Отлитъ затѣмъ, что благовѣстилъ онъ
Невѣжество и глупость!

Пасторъ.

Ну, прощайте.
Я все сказалъ вамъ, Генрихъ,—все, что могъ.
Никто не вырветъ сорную траву
Грѣховныхъ помысловъ, что въ вашемъ сердцѣ.
Да смилуется надъ тобою Богъ!
Но дай еще одно сказать. Есть слово—
Раскаянье; о, человѣкъ, придетъ,
Придетъ тотъ день, когда тебя стрѣлою
Оно пронзитъ, и ты не будешь жить,
И не умрешь, и проклянешь въ смятеньи

И самого себя, и міръ, и Бога,
Свое твореніе, и все на свѣтѣ!
Тогда... тогда ты вспомни обо мнѣ.

Генрихъ.

Всѣ эти ужасы себѣ представить
Я могъ бы лучше васъ, почтенный другъ.
Но то, что̀ вы сулите, не случится.
Меня стрѣла раскаянья не можетъ
Поранить, какъ не можетъ зазвонить
Тотъ старый колоколъ, что̀ рухнулъ въ пропасть
И въ озерѣ теперь лежитъ на днѣ.

Пасторъ.

Онъ зазвонитъ—я говорю тебѣ!
Онъ зазвонитъ—и ты его услышишь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность лачуги, какъ въ третьемъ дѣйствіи. Въ скалистой стѣнѣ направо—ходъ, ведущій въ горную пещеру. Налѣво открытый кузнечный очагъ съ мѣхами и дымовой трубой. На очагѣ пылаетъ огонь. Невдалекѣ отъ очага наковальня.

Генрихъ держитъ на наковальнѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Около Генриха шестеро карликовъ въ одеждѣ рудокоповъ. Первый карликъ, вмѣстѣ съ Генрихомъ, придерживаетъ клещи. Второй взмахиваетъ большимъ молотомъ и опускаетъ его на раскаленное желѣзо. Третій раздуваетъ огонь мѣхомъ. Четвертый внимательно наблюдаетъ за работой. Пятый стоитъ въ выжидательной позѣ; въ рукахъ у него кирка; онъ, очевидно, готовится ею орудовать. Шестой карликъ сидитъ на небольшомъ возвышеніи, на головѣ у него блестящая коронка. Кругомъ видны: отлитыя формы, архитектурныя украшенія, фигуры.

Генрихъ.

Бей, колоти, покуда хватитъ силы!
Твое нытье не трогаетъ меня:
Не сдѣлаешь того, что̀ я назначилъ—
Я бороду тебѣ спалю.

(Второй карликъ бросаетъ молотъ).

А, плутъ,
Я такъ и зналъ! Ну, погоди-жъ, увидишь

Ты у меня сейчасъ, что говорилъ
Не въ шутку я.

(Хватаетъ карлика и держитъ надъ огнемъ. Карликъ барахтается и визжитъ. Карликъ, раздувающій мѣхъ, начинаетъ работать еще усерднѣе).

Первый карликъ.

Силъ больше нѣтъ, хозяинъ!
Рука нѣмѣетъ!

Генрихъ.

Я приду сейчасъ.

(Второму карлику)

Что, отдохнулъ?

(Второй карликъ весело киваетъ головой, снова схватываетъ молотъ и колотитъ имъ).

Клянусь я пѣтухомъ
И лебедемъ! Держать васъ надо въ страхѣ.

(Берется опять за клещи).

Подковы бы не могъ сковать кузнецъ,
Когда-бъ онъ церемонился съ такими
Лѣнтяями. Ударивъ первый разъ,
Вы думаете, силы ужъ не хватитъ
Вамъ на второй ударъ. Охоты нѣтъ,
Старанія. Ну, колоти живѣе!
Ты что тамъ дѣлаешь?

Первый карликъ (*въ своемъ усердіи пробуетъ придать форму раскаленному желѣзу рукой*).

Моей рукою
Сформую я желѣзо.

Генрихъ.

Ты безумецъ!
Иль хочешь руку ты испепелить?
Что буду дѣлать я, коль перестанешь
Ты мнѣ служить? Какъ къ солнцу вознесу
То зданіе, которое замыслилъ?

Первый карликъ.

Готова форма. А рука немного
Устала. онѣмѣла—вотъ и все.

Генрихъ.

Скорѣй къ бассейну. Пусть зеленой тиной
Тебѣ обложитъ пальцы Водяной.

(Ко второму карлику)

Ну, будетъ, отдохни теперь, лѣнивецъ.

(Беретъ только-что выкованный кусокъ желѣза, садится и разглядываетъ его).

Прекрасно! Превосходно! Я достигъ
Желаннаго успѣха. Я доволенъ
Въ послѣдній этотъ часъ моимъ трудомъ:
Безформенная масса обратилась
Въ осмысленную форму, чудный перлъ
Изъ хаоса образовался. Надо
Теперь одно: сработанную часть
Включить въ недовершенное созданье.

(Четвертый карликъ взлѣзаетъ на табуретъ и что-то шепчетъ на ухо Генриху).

Что ты такое шепчешь?.. Прочь! Оставь
Меня въ покоѣ, а не то свяжу
Тебѣ я руки, ноги и заткну
Твой глупый ротъ.

(Карликъ убѣгаетъ).

Ну, что же въ этой части
Не нравится тебѣ? Что не подходитъ
Въ ней къ цѣлому? Да говори-жъ, тебя
Я спрашиваю? Никогда такъ вѣрно
Я не работалъ, какъ теперь: рука
Вполнѣ согласна съ мыслію. И смѣешь
Ты порицать меня? Иль я не мастеръ?
Иль ты меня искуснѣй? Подойди
И объясни мнѣ внятно и толково,
Что хочешь ты сказать?

(Карликъ подходитъ и шепчетъ. Генрихъ блѣднѣетъ, вздыхаетъ, поднимается и кладетъ приготовленную часть снова на наковальню).

Пусть сатана
Работу эту адскую кончаетъ,
А я примусь копаться въ огородѣ,
Начну сажать картофель и морковь.
Я буду пить и ѣсть и спать спокойно,
Ну, а потомъ умру.

(Пятый карликъ подходитъ къ наковальнѣ).

Не смѣй, не смѣй
Къ моей работѣ прикасаться! Слышишь?
Ты весь дрожишь отъ злости, волоса
Щетиной поднялись, глаза сверкаютъ,
Какъ молніи. Убійца! Знаю я,—
Кто твердою рукой тебя не сдержитъ,
Тому одно останется: нагнуть
Передъ тобою голову покорно
Подъ роковой ударъ твоей кирки!

(Пятый карликъ разбиваетъ выдѣланную форму на наковальнѣ. Генрихъ въ гнѣвѣ скрежещетъ зубами).

Довольно! Вечеромъ сегодня—праздникъ.
Работа кончена. Идите. Вновь
На утро соберусь я съ свѣжей силой
И васъ тогда я призову опять.
Ты что стоишь съ мѣхами?—Убирайся!

(Всѣ карлики, кромѣ того, что съ короной, уходятъ).

А ты, увѣнчанный короной,—ты,
Что говоришь однажды только въ жизни,
Чего стоишь и ждешь здѣсь? Уходи.
Ты не сегодня и не завтра слово
Завѣтное свое произнесешь.
Богъ вѣсть, услышу-ль я когда: «свершилось,
Свершилось все!» Ахъ, я усталъ, усталъ...
Я не люблю печальный часъ вечерній.
Межъ днемъ и ночью проползаетъ онъ,
И дню и ночи чуждый; вырываетъ
Онъ молотъ изъ руки моей, но сна
Мнѣ не даетъ; а только сонъ намъ силы
Вновь возвращаетъ. Утра свѣтъ бодритъ;
Но, пурпуромъ окутанное, солнце
Нисходитъ въ глубину, и на землѣ
Грустимъ мы въ одиночествѣ суровомъ
И въ тьмѣ ночной безпомощно дрожимъ.
Мы утромъ—короли. Настанетъ вечеръ,
Мы—нищіе.

(Ложится на камень и грезитъ съ открытыми глазами. Въ отверстіе стѣны проникаетъ бѣлесоватый туманъ. Когда онъ разсѣялся, появляется изъ бассейна Водяной).

Водяной.

Кворакъ! Брекекекекъ!
Залегъ на отдыхъ мастеръ нашъ. Лежитъ

И ничего не видитъ и не слышитъ,
А тамъ, на скалы, призраки ползутъ,
Карабкаются, кулаками злобно
Грозятъ они иль бѣшено кричатъ...
Лежитъ нашъ мастеръ утомленный. Холодъ
И боль въ его костяхъ, но трудъ дневной
И въ грезахъ сна онъ все же продолжаетъ.
Оставь! Твой трудъ—напрасная борьба.
Ты съ Богомъ борешься. Ты Бога вызвалъ,
И Богъ отвергъ тебя, и ты ослабъ!

(Генрихъ со стономъ ворочается).

Твои всѣ жертвы тщетны. Ты виновенъ.
И не искупишь ты вину трудомъ.
Благословенья не взялъ ты у неба,
Чтобы въ заслугу превратить свой грѣхъ,
Въ награду—кару. Гордости порокомъ
Ты омраченъ. Возмездья близокъ часъ.
Въ ущельяхъ горныхъ демоны толпою
Сбираются на дикую охоту.
Ты слышишь, слышишь черной своры лай?
Свою добычу сыщетъ злая свора!
Ты видишь: великаны въ облакахъ
Громады замковъ темныя воздвигли:
Они обрушатъ ихъ на выси горъ,
Чтобъ раздавить тебя, червякъ ничтожный,
И жалкое мечты твоей созданье!

Генрихъ.

Я задыхаюсь. Раутенделейнъ,
Ко мнѣ, ко мнѣ! На помощь!

Водяной.

Пусть услышитъ
Она тебя и пусть къ тебѣ придетъ,
Но все-жъ помочь она тебѣ не можетъ.
И если бы она была, какъ Фрея,
Прекрасна и могуча, если-бъ ты
Былъ Бальдеромъ и солнечныя стрѣлы
Ты изъ колчана своего металъ—
Все-жъ и тогда близка твоя погибель.
Да, слушай, слушай, что тебѣ скажу:
Тамъ, въ озерѣ, на каменистомъ ложѣ

Лежитъ упавшій колоколъ и вверхъ
Стремится всплыть, гдѣ въ темно-синихъ волнахъ
Отражены небесныхъ звѣздъ огни,
И такъ гудитъ онъ жалобно, какъ будто
Сбирается звонить надъ мертвецомъ.
Бимъ-бомъ!
О, вздрогнешь ты отъ горькихъ мукъ,
Когда его раздастся звукъ—
Бимъ-бомъ!
Навѣки ты утратишь сонъ,
Услышавъ твой могильный звонъ—
Бимъ-бомъ!

Генрихъ.

Спасите! Помогите!

(Просыпается).

Что со мною?
Я живъ иль умеръ?

(Онъ протираетъ глаза и озирается).

Есть тутъ-кто нибудь?

Раутенделейнъ (появляется у входа).

Я здѣсь, съ тобой. Меня ты кликалъ, Генрихъ?

Генрихъ.

Да, да, приди ко мнѣ! Приди ко мнѣ!
Дай руку. Положи на лобъ горячій.
Вотъ такъ. Хочу я чувствовать тебя,
И шелкъ твоихъ волосъ, и трепетъ сердца...
Склонись на грудь мою. Цѣлуй меня!
Весны дыханіе, и свѣжесть лѣса,
И ароматъ цвѣтовъ твой поцѣлуй
Приноситъ мнѣ.

Раутенделейнъ.

Мой дорогой, ты боленъ?

Генрихъ.

Нѣтъ... ничего. Я здѣсь лежалъ, озябъ...
Дай одѣяло мнѣ... Лишился чувствъ я,
И сердце замерло, и мнѣ казалось,
Что силы темныя вокругъ меня
Сошлись и мучаютъ меня, какъ жертву...

Но это все прошло. Теперь онѣ
Не властны надъ мною.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто не властенъ?

ГЕНРИХЪ.

Враги.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какіе же враги?

ГЕНРИХЪ.

Всѣ, всѣ!
Какъ ихъ зовутъ—не знаю я. Подкрались
Они во тьмѣ коварно, какъ гіена,
Меня сгубить. Но я имъ не поддамся.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ лихорадкѣ, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, знобитъ
Меня немножко. Не тревожься этимъ
И обними меня покрѣпче... Такъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой милый! Дорогой!

ГЕНРИХЪ.

Дитя, скажи мнѣ:
Въ меня ты вѣришь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Генрихъ, ты мой богъ!
Ты—Бальдеръ! Ты—могучій рыцарь солнца!
Ты блѣднолицый. Я твой бѣлый лобъ
Цѣлую сладко, синевою ясной
Твоихъ очей не налюбуюсь я!

(Пауза).

ГЕНРИХЪ.

Да, я таковъ. Я Бальдеру подобенъ,
Ты говоришь? Прекрасное дитя,

Дай въ этомъ убѣдиться мнѣ, забывшись
Въ твоихъ объятіяхъ. Забвенья хмель
Для творчества необходимъ. Порой,
Когда рука трудиться устаетъ,
Роняя молотъ и клещи,—и душу
Тревожитъ мелкихъ неудачъ тоска,
Когда одушевленіе и вѣра
Насъ покидаютъ, свѣтлый идеалъ
Невольно меркнетъ, пламень вдохновенья —
Небесный даръ—утрачиваемъ мы,
Тогда стоишь, обманутый, и жаждешь
Избавиться, какъ отъ мечты пустой,
Отъ муки творчества... Но я не буду
Объ этомъ больше говорить теперь.
Дымъ жертвенника моего покуда
Летитъ струей прямою къ небесамъ,
И если Божія рука направитъ
Его къ землѣ,—не властенъ въ этомъ я.
Тогда одежду жреческую сброшу
Я съ плечъ моихъ и покорюсь судьбѣ.
Теперь же—свѣта! факеловъ! Искусство
Свое волшебное мнѣ покажи:
Дай мнѣ вина, и будемъ веселиться
Мы, какъ простые люди, и ловить
Минуту счастья.

Раутенделе́йнъ.

Я летала, милый,
Носясь по вѣтру точно паутинка,
Порхая по цвѣтамъ, какъ мотылекъ,
И съ каждаго цвѣтка и съ каждой травки,
Съ гвоздики, съ колокольчиковъ,—со всѣхъ
Взяла я клятву, что они не станутъ
Вредить тебѣ ничѣмъ. И каждый эльфъ,
Какъ ни былъ бы враждебенъ, не отточитъ
Стрѣлы онъ смертоносной для тебя!

Генрихъ.

Что говоришь ты про стрѣлу? О томъ
Слыхалъ я рѣчь отъ призрака, въ одеждѣ
Священника: онъ руку простиралъ
И мнѣ грозилъ пронзить стрѣлою сердце.
Но кто же, кто метнетъ въ меня стрѣлу?

Раутенделейнъ.

Никто, никто, мой милый, успокойся.
Ты безопасенъ здѣсь со мной. Кивни
Мнѣ только головою—и польются
Волшебныхъ пѣсенъ свѣтлые лучи,
Замкнутъ тебя звучащею оградой,
И сквозь нее къ тебѣ не долетятъ
Ни голоса людей, ни звонъ печальный
Колоколовъ. Подай рукою знакъ—
И высоко чертоговъ пышныхъ своды
Надъ нами скалы вознесутъ, и рой
Веселыхъ гномовъ прибѣжитъ; цвѣтами
Они украсятъ пирные столы,
Карнизы, стѣны, и заблещутъ ярко
Вкругъ насъ огни волшебные...

Генрихъ.

Дитя,
Оставь, оставь все это! Пиръ волшебный
Не можетъ веселить меня, пока
Стоитъ, подобное руинѣ жалкой,
Мое твореніе. Настанетъ часъ
Завѣтный торжества, и возликуетъ
Тогда душа моя весельемъ чуднымъ.
Теперь я рвусь туда, наверхъ: хочу
Я видѣть зданіе, съ которымъ скованъ
Я узами желѣзными. Возьми
Скорѣе факелъ и свѣти мнѣ. Чую
Я сердцемъ: безыменные враги
Подкапываютъ тайно основанье
Заложеннаго храма. Долженъ я
Не пировать, а дѣйствовать. Окончу
Я трудъ великій, и передъ людьми
Воздвигнется то чудо, что̀ скрывалось,
Воздвигнется изъ чугуна и камня,
Сіяя золотомъ, слоновой костью,
Воздвигнется—и будетъ изумлять
Вѣка грядущіе.

(Хочетъ идти, но останавливается у выхода).

Что-жъ ты печально
Стоишь, дитя? Иль я тебя обидѣлъ?

Раутенделейнъ.

Нѣтъ, нѣтъ...

Генрихъ.

Но что-жъ съ тобою?

Раутенделейнъ.

Ничего.

Генрихъ.

Бѣдняжка! знаю, что̀ тебя печалитъ:
Ребенокъ ловитъ мотылька, смѣясь,
И убиваетъ самъ, что̀ любитъ нѣжно.
Ужели я не лучше мотылька?

Раутенделейнъ.

А я не лучше-ль этого ребенка?

Генрихъ.

Да, лучше, лучше! Если бы объ этомъ
Я позабылъ, то жизни смыслъ и блескъ
Утратился бы для меня. Приди же,
Приди ко мнѣ! Твоихъ очей слеза
Мнѣ выдаетъ то горе, что̀ принесъ я
Тебѣ, малютка. Вѣрь мнѣ, я люблю,
Люблю тебя. Не плачь. Ты обновила
Мнѣ душу для борьбы, ты мнѣ дала
То золото, что̀ бросилъ я на ставку
Въ игрѣ съ богами. И теперь еще
Я чувствую: наградой несказанной
Твоя краса волшебная была
Для моего измученнаго сердца:
Съ тобою я извѣдалъ ласку счастья
Непостижимаго. Впередъ! Свѣти!
Свѣти мнѣ ярче на моемъ пути!

Лѣшій (у входа). Сюда! сюда! Взбирайтесь проворнѣе! Что̀ вы тамъ мѣшкаете, сатана васъ побери! Впередъ, господинъ пасторъ! Впередъ, цырюльникъ! Здѣсь есть и солома, и смола, и хворостъ. А мастеръ Генрихъ цѣлуется со своею феечкой. Лежитъ въ постели и въ усъ себѣ не дуетъ!

Генрихъ. Кажется, дуракъ объѣлся бѣлены. Чего ты разорался ночью? Смотри, берегись!

Лѣшій. Кого бояться? Тебя, что ли?

Генрихъ. А вотъ я тебя оттреплю за бороду, козлоногій негодяй! Съ такими, какъ ты, я умѣю справляться. Я тебѣ покажу, что я мастеръ! Я остригу тебя. Вотъ тогда ты и присмиришь: будешь ты у меня, козелъ, служить подмастерьемъ. Видишь наковальню и молотъ? Онъ достаточно тяжелъ, чтобы расплющить тебя въ лепешку.

Лѣшій (подставляя спину). Попробуй, поколоти! Меня не то что молотъ, и мечъ не беретъ, а только щекотитъ.

Генрихъ. Погоди ты у меня, проклятый зобатый бѣсъ. Будь ты старъ, какъ дремучій боръ, и силенъ, какъ медвѣдь, я все-таки посажу тебя на цѣпь, заставлю таскать воду, мести хижину, таскать камни. А залѣнишься—розги!

Раутенделейнъ. Генрихъ, вѣдь онъ тебя предостерегаетъ.

Лѣшій. Веселѣй! Спѣшите сюда, ребята! Славная будетъ потѣха. И я вамъ помогу. Вотъ, мастеръ, они тебя разрубятъ на жаркое, какъ теленка. А я имъ притащу сѣры, масла и смолы. Такой запалимъ огонекъ, что отъ дыму свѣтъ потемнѣетъ!

(Уходитъ. За сценой крики толпы).

Раутенделейнъ.

Ты слышишь, Генрихъ, голоса людей!
Они грозятъ тебѣ! Они все ближе!
На помощь! Бабушка!

(Летятъ каменья. Одинъ попадаетъ въ Раутенделейнъ).

Генрихъ.

Приснилось мнѣ,
Что свора гонится за мною. Слышу
Я этой своры вой. Ну, что-жъ, я радъ,
Идите! Если-бъ даже ангелъ съ неба
Ко мнѣ сошелъ и началъ убѣждать,
Что трудъ мой важенъ, я бы убѣдился
Его словами меньше, чѣмъ теперь,
Когда услышалъ этотъ вой противный.
Идите! Я васъ буду защищать
Отъ васъ самихъ: вотъ лозунгъ мой!

(Уходитъ).

Раутенделейнъ (въ тревогѣ).

Спасите!

Спасите! Помогите! Водяной,
Прошу тебя: спусти по скаламъ воду
Потокомъ бурнымъ. Прогони людей!
Я умоляю, сдѣлай это, сдѣлай!

Водяной (появляется въ бассейнѣ).

Брекекекекскъ! Что сдѣлать долженъ я?

Раутенделейнъ.

Смой въ пропасть ихъ волнами водопада.

Водяной.

Я не могу.

Раутенделейнъ.

Ну, полно, Водяной,
Ты можешь это сдѣлать.

Водяной.

Да, помилуй,
Что будетъ въ этомъ толку? Вѣдь для насъ
Помѣха мастеръ Генрихъ. Онъ надъ богомъ
Желаетъ властвовать и надъ людьми.
Пускай они убьютъ его теперь:
Мнѣ это на руку.

Раутенделейнъ.

Ступай скорѣе
И помоги ему.

Водяной.

А что ты дашь
За это мнѣ?

Раутенделейнъ

Скажи, чего ты хочешь?

Водяной.

Хочу тебя. Брекекекекскъ! Хочу,
Чтобъ плечи смуглыя ты мнѣ открыла,

Чтобъ съ ножки красный башмачокъ сняла.
Раздѣнься, сдѣлайся такой, какъ прежде,
Спустись ко мнѣ сюда, и унесу
Тебя далеко я.

Раутенделейнъ.

Вишь, какъ разумно
Ты разсудилъ. Такъ знай же, никогда
Не буду я твоей, хотя бы вдвое
Иль втрое старше бабушки ты былъ,
Хотя бы заключилъ меня, какъ жемчугъ,
Ты въ раковину—слышишь: никогда!

Водяной.

Ну, коли такъ—пускай погибнетъ мастеръ!

Раутенделейнъ.

Ты лжешь! Я чувствую, старикъ, ты лжешь:
Ты слышишь, онъ зоветъ меня! Ага,
Ты испугался, ты узналъ тотъ голосъ!

(Водяной скрывается. Генрихъ входитъ. Онъ возбужденъ борьбой, смѣется дикимъ, торжествующимъ смѣхомъ).

Генрихъ.

Какъ псы, они напали на меня,
Какъ псовъ, я разогналъ ихъ головнями
Горящими. Я отрывалъ гранитъ
И глыбами бросалъ его съ утеса:
Кто не погибъ на мѣстѣ—тотъ бѣжалъ.
Дай мнѣ напиться. Освѣжаетъ душу
Горячая борьба: клокочетъ кровь,
И сердце бьется весело тревогой
Побѣдною и чувствуетъ сильнѣй
Любовь и ненависть.

Раутенделейнъ.

Вотъ, Генрихъ, выпей.

Генрихъ.

Давай, давай. Дитя мое, я вновь
Хочу твоей любви, я жажду свѣта!

(Пьетъ).

Пью въ честь тебя, небесный счастья духъ!
Съ тобой! опять любовью сочетаюсь.

Художникъ—если онъ съ тобой въ разладѣ—
Во тьмѣ погибнетъ; тяготы земли
Не одолѣетъ онъ. О, будь со мною:
Ты окрыляешь душу мнѣ, дитя!
Не покидай меня, я умоляю!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Лишь ты меня бы не покинулъ, Генрихъ...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Да сохранитъ меня Господь!
Ну, музыку!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сюда, мои малютки,
Изъ норъ, изъ щелей, изъ разсѣлинъ скалъ,
Сбирайтесь всѣ сюда! На звонкихъ лютняхъ,
На флейточкахъ играйте. Пусть звучитъ
Весельемъ пиръ побѣдный!

(Музыка).

Въ рѣзвой пляскѣ
Подъ вашу музыку я закружусь!
На золотыя кудри я надѣну
Уборъ сверкающій изъ свѣтляковъ:
Пусть онъ живымъ мерцаетъ ореоломъ
Надъ головою феи!

ГЕНРИХЪ.

Тише, тсс!
Мнѣ чудится..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что, милый?

ГЕНРИХЪ.

Ты не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Чего не слышу я?

ГЕНРИХЪ.

Такъ, ничего...

Раутенделейнъ.

Но что̀ съ тобою, дорогой?

Генрихъ.

Не знаю...
Мнѣ показалось, съ музыкой слился
Какой-то странный звукъ.

Раутенделейнъ.

Какой же, Генрихъ?

Генрихъ.

Звукъ жалобный... умолкнувшій давно...
Но это ничего... Оставимъ это.
Приди ко мнѣ, дай пурпурный цвѣтокъ
Твоихъ прекрасныхъ устъ—волшебный кубокъ,
Который пьешь и жаждешь, жаждешь пить
Безъ устали. Пусть, сладко опьяненный,
Забудусь я.

(Они цѣлуются. Продолжительная пауза. Затѣмъ, обнявшись, идутъ къ выходу и любуются величественнымъ горнымъ кряжемъ).

Смотри: отъ темныхъ скалъ,
Спускаясь внизъ, долина протянулась.
Живутъ тамъ люди. Человѣкъ и я.
Но я имъ чуждъ теперь; пойми: я дома
Всѣмъ чуждъ. И здѣсь, на горныхъ высотахъ,
Я также чуждъ... Меня понять ты можешь?

Раутенделейнъ (тихо).

Да, Генрихъ.

Генрихъ.

Ты сказала это «да»
Такъ странно.

Раутенделейнъ.

Я боюсь.

Генрихъ.

Чего?

Раутенделейнъ.

Не знаю.

Генрихъ

Пойдемъ. Пора на отдыхъ.

(Отводить ее, но вдругъ останавливается у входа и оглядывается).

Одного

Я не хотѣлъ бы: этотъ блѣдный мѣсяцъ,
Что̀ взоромъ пристальнымъ глядитъ и льетъ
Лучи кристальные,—пусть онъ долину,
Откуда я пришелъ, не озаряетъ!
Что̀ скрылъ завѣсой сѣрою туманъ,
Того не долженъ видѣть я... Что̀ это?..
Ты ничего, дитя, не слышишь?

Раутенделейнъ

Нѣтъ.
И что̀ сказалъ ты—я не понимаю.

Генрихъ.

Какъ? И теперь не слышишь ничего?

Раутенделейнъ.

Но что̀ же слышать мнѣ? Я слышу: вѣтеръ
Шуршитъ въ травѣ. Я слышу крикъ совы,
И странныя слова твои я слышу,
Что̀ ты съ испугомъ шепчешь.

Генрихъ.

Тамъ, внизу,
Луны кровавый отблескъ. Видишь, видишь,
Въ водѣ онъ отразился?

Раутенделейнъ.

Ничего
Не вижу я.

Генрихъ.

Какъ, взоръ твой соколиный
Не видитъ ничего? Ослѣпла ты?
Что̀ тамъ ползетъ такъ медленно, такъ тихо?

Раутенделейнъ.

Ты обманулся.

Генрихъ.

Нѣтъ, молчи, молчи!
Нѣтъ, я не обманулся. Это вѣрно,
Какъ то, что на прощеніе небесъ
Надѣюсь я. Смотри, теперь на камняхъ,
Что̀ около тропинки, чья-то тѣнь...

Раутенделейнъ.

Довольно. Не смотри туда. Я двери
Запру. Насильно я спасу тебя.

Генрихъ.

Оставь! Оставь! Я долженъ, долженъ видѣть!
Хочу я видѣть.

Раутенделейнъ.

Отойди. Ты слабъ.
Тамъ, въ котловинѣ, облака по вѣтру
Крутятся, будто волны водопада.

Генрихъ.

Не слабъ я. Это ничего. Прошло.

Раутенделейнъ.

Ну, вотъ и хорошо. Очнись, мой Генрихъ,
И снова будь властителемъ тѣхъ чаръ,
Что̀ на тебя нагнало навожденье.
Возьми свой молотъ! Размахнись сильнѣй...

Генрихъ.

Но развѣ и теперь тебѣ не видно:
Тамъ по горѣ карабкаются?..

Раутенделейнъ.

Гдѣ?

Генрихъ.

Тамъ, наверху, тамъ, по тропинкѣ горной,
Они въ однѣхъ лишь рубашонкахъ...

Раутенделейнъ.

Кто?

Генрихъ.

Босые мальчуганы. Тащутъ оба
Они кувшинъ. Онъ такъ тяжелъ для нихъ:
Вонъ то одинъ колѣнкой подпираетъ,
То вслѣдъ за нимъ другой...

Раутенделейнъ.

О, что съ тобою,
Скажи мнѣ, Генрихъ?

Генрихъ.

Точно у святыхъ,
Вкругъ ихъ головокъ свѣтлое сіянье.

Раутенделейнъ.

Обманутъ ты блудящимъ огонькомъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Сложи-ка руки. Ну, ты видишь?
Вотъ, вотъ они. Ты видишь?
(Онъ становится на колѣня. Появляются двое дѣтей; они въ однѣхъ рубашонкахъ, робко пробираются, придерживая кувшинъ).

Первый ребенокъ.

Папа!

Генрихъ.

Что,
Мое дитя?

Первый ребенокъ.

Намъ мамочка велѣла
Снести поклонъ тебѣ.

Генрихъ.

Благодарю,
Мой милый мальчикъ. Что же, хорошо ей
Теперь живется?

Первый ребенокъ (медленно ударяя на каждое слово).

Да, ей хорошо.
(Едва слышный звукъ колокола раздается изъ глубины).

Генрихъ.

Что̀ вы такое принесли?

Второй ребенокъ.

Кувшинчикъ.

Генрихъ.

Не для меня-ль?

Второй ребенокъ.

Да, папа, для тебя.

Генрихъ.

Но что-жъ у васъ въ кувшинѣ томъ?

Второй ребенокъ.

Питье

Соленое.

Первый ребенокъ.

И горькое.

Второй ребенокъ.

То—слезы мамы.

Генрихъ.

О, Боже милосердный!

Раутенделейнъ.

На кого ты

Такъ пристально глядишь?

Генрихъ.

На нихъ, на нихъ...

Раутенделейнъ.

Да на кого же?

Генрихъ.

Или ты ослѣпла?
На нихъ. Гдѣ-жъ ваша мама, гдѣ она?

Первый ребенокъ.

Гдѣ наша мама?

Генрихъ.

Да.

Второй ребенокъ

Тамъ, подъ водою,

Гдѣ розы.

Генрихъ.

Колоколъ!.. Вотъ... вотъ опять...

Раутенделейнъ.

Какой еще тамъ колоколъ?

Генрихъ.

Тотъ... старый,
Что въ озерѣ лежитъ... онъ зазвонилъ!..
Кто это сдѣлалъ?.. Не хочу я слушать...
Нѣтъ, не хочу!.. О, помоги же мнѣ!

Раутенделейнъ.

Опомнись, Генрихъ!

Генрихъ.

Боже, дай мнѣ силы!
Онъ вновь звонитъ! Ты слышишь этотъ гулъ,
Какъ будто изъ могилы?.. Выше... выше
Онъ поднимается...

(Отталкивая Раутенделейнъ)

Прочь отъ меня!
Тебя я ненавижу!.. Я ударю
Тебя, проклятая колдунья!.. Прочь!
Проклятье надо мной и надъ тобою,
И надъ моимъ твореньемъ, и надъ всѣмъ,
Надъ всѣмъ на свѣтѣ!.. Здѣсь я... здѣсь я... Магда...
Иду... О, небо, сжалься надо мной...

Раутенделейнъ.

Опомнись, Генрихъ... Онъ ушелъ!.. ушелъ!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація перваго дѣйствія: горная поляна съ хижиной Витихи. За полночь. Три эльфы сидятъ около колодца.

Первая.

Огни пылаютъ.

Вторая.

Вѣетъ вѣтеръ бурный
Съ высокихъ горъ въ долину.

Третья.

Черный дымъ
Клубится и, задѣвъ вершины сосенъ,
Спускается съ утесовъ.

Первая.

А внизу
Туманъ бѣлѣетъ..

Вторая.

Въ рощѣ задремавшей
Въ часъ поздній распѣваетъ соловей
И такъ рыдаетъ жалобно, что слушать
Нельзя безъ слезъ.

Третья.

Какъ странно! Я уснула
На тонкой паутинкѣ межъ цвѣтовъ.
На пурпурной, сплетенной дивно ткани,
Какъ будто бы на царскомъ ложѣ, мнѣ
Лежать такъ было хорошо. При блескѣ
Зари вечерней, свѣтлая роса
Сверкала брилліантами. Былъ сладокъ
Мой сонъ. Когда же пробудилась я,—
Заря померкла, сѣрый сумракъ ночи
Кругомъ ложился до тѣхъ поръ, пока,
Какъ глыба раскаленнаго металла,
Луна не выплыла надъ гребнемъ скалъ,
И подъ ея кровавыми лучами
Лужайка вся какъ будто ожила:
Послышался повсюду шопотъ, вздохи,

И жалобные голоса и плачъ...
Мнѣ стало страшно, кликнула въ тревогѣ
Я свѣтлаго жучка, что промелькнулъ
Съ фонарикомъ своимъ зеленымъ мимо,
Но полетѣлъ онъ дальше. Я лежала
Въ томленьи грустномъ... Вдругъ прелестный эльфъ
На крылышкахъ блестящихъ стрекозы
Ко мнѣ спустился, и ласкать другъ друга
И цѣловать мы стали... и, къ груди
Меня прижавъ, возлюбленный съ тоскою
Заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Бальдеръ умеръ»...

Первая (встаетъ).

Огни пылаютъ!

Вторая (тоже встаетъ).

Бальдера костеръ!

(Исчезаетъ).

Третья.

Да, Бальдеръ умеръ, Бальдера хоронятъ!

(Исчезаетъ).

Первая.

Проклятіе ложится надъ землею,
Какъ дымъ отъ погребальнаго костра!

(Туманъ стелется надъ поляной; когда онъ разсѣивается — эльфы исчезли. Лѣшій выходитъ изъ лѣсу).

Лѣшій (кричитъ въ колодецъ).

Эй! царь лягушечій, всплывай наверхъ!
Плескунъ проклятый! Али ты не слышишь?
Заснулъ ты, что ли? Говорю тебѣ:
Иди сюда скорѣе! Если-бъ даже
Прекраснѣйшая изъ наядъ ласкала
Твою сѣдую бороду,—оставь
Свою постель изъ тины. Разскажу я
Тебѣ такія новости, что ты
Запрыгаешь, старикъ.

Водяной (изъ глубины колодца).

Брекекекексъ!

Лѣшій.

Да вылѣзай наверхъ! Что ты ворчишь?

Водяной.

Мнѣ некогда. Оставь меня въ покоѣ.

Лѣшій.

Вишь, некогда ему! Ахъ, ты, брюханъ!
Ты слышишь ли: я кое-что развѣдалъ.
Что предсказалъ я, старый, то сбылось:
Дѣвчонку мастеръ бросилъ. Коль не будешь
Зѣвать теперь, такъ словишь прямо въ сѣть
Ты рѣдкостную рыбку, хоть немного
Подержанную; ну, да намъ съ тобой
До этого нѣтъ дѣла. Говорю я
Тебѣ, старикъ: найти ты можешь больше,
Чѣмъ думалъ.

Водяной (поднимается изъ колодца; глаза у него лукаво сверкаютъ).

Такъ бросилъ онъ ее!
И ты воображаешь,—за дѣвчонкой
Я побѣгу теперь?

Лѣшій.

Коль не нужна
Она тебѣ, такъ мнѣ-бъ узнать хотѣлось,
Гдѣ дѣвочка.

Водяной.

Что-жъ, лѣшенька, ищи,
Авось, найдешь.

Лѣшій.

Да я искалъ повсюду.
Всю ночь въ густомъ туманѣ я бродилъ,
Взбирался я на кручи, гдѣ и козы
Ходить боятся, спрашивалъ сурка;
Но ни сурокъ ни даже соколъ горный
Не знали, гдѣ она. Увидѣлъ я
Костеръ горящій, вырвалъ головешку,
И снова я пошелъ искать въ лѣсу,
Покуда наконецъ не очутился
Предъ кузницей, покинутой въ горахъ;
Она горитъ теперь во мракѣ ночи,
Огонь свиститъ, трещатъ столбы и балки.

Конецъ величью мастера: оно
Навѣки рушилось!

Водяной.

Про это знаю.
Не для того-ль тревожилъ ты меня?
Да то-ль еще я знаю! Мнѣ извѣстно,
Что колоколъ звонилъ, я знаю даже,
Кто двигалъ мертвымъ языкомъ его.
Когда бы видѣлъ ты, что здѣсь творилось,
На днѣ глубокомъ въ озерѣ! Рука
Застывшая утопленницы мертвой
Заколебала колоколъ, и опъ
Вдругъ сталъ звонить, и гулъ его громовый
Раздался, будто львицы грозный ревъ,
И, оглашая горы и ущелья,
Взывалъ онъ къ мастеру. Я видѣлъ ликъ
Утопленницы, страшный, съ волосами,
Прилипшими на черепъ. Когда
Костлявые ея касались пальцы
Къ дрожащему металлу,—онъ гудѣлъ
Съ двойною силою! Я старъ годами,
Видалъ я много на своемъ вѣку,
Но волосы мои сѣдые дыбомъ
Отъ страха поднялись. Когда бы ты
Увидѣлъ это, то ко мнѣ не сталъ бы
Ты приставать съ какою-то дѣвчонкой.
Ничтожное созданье! Пусть она
Съ цвѣтка порхаетъ на цвѣтокъ. Довольно!
Мнѣ надоѣло быть влюбленнымъ.

Лѣшій.

Ну?
А мнѣ такъ вотъ не надоѣло. Каждый
То дѣлаетъ, что нравится ему;
И если въ руки захвачу я тѣло,
Живое и прелестное, такъ что мнѣ
До мертвой той, что въ озерѣ лежитъ?

Водяной.

Кворакъ! Брекекекексъ! Ищи, гдѣ хочешь,
Хоть десять лѣтъ,—ее ты не найдешь.
Она въ меня влюбилась, образины

Козлиныя противны ей. Прощай!
Мнѣ надо внизъ, на дно. Ты понимаешь?
Когда тебѣ твое удастся дѣло,
То я, я—Водяной, начну плясать
Подъ дудку самой молодой русалки.

(Опускается въ колодецъ).

Лѣшій (кричитъ ему вслѣдъ).

Такъ вотъ какъ: скоро будешь ты качать
Людского выродка! Да, это вѣрно,
Какъ то, что звѣзды на небѣ блестятъ,
Какъ то, что рыбы плаваютъ, а птицы
Летаютъ. Ну, спокойной ночи, дѣдъ!
А я... впередъ по зарослямъ и чащамъ!..

(Убѣгаетъ, прыгая козломъ. Виттиха выходитъ изъ хижины и отворяетъ ставни).

Виттиха. Пора вставать. Чую разсвѣтъ. Нынче ночью что-то сильно громыхало. (Пѣніе пѣтуха). Ну да, кукуреку! Буди другихъ. Для меня тебѣ нечего трудиться. Я и безъ твоихъ кукуреку знаю все, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Курица снесла золотое яйцо. Скоро на небѣ засвѣтитъ заря. Запой свою пѣсенку, маленькій зябликъ. Новый день настаетъ—это навѣрное. Нѣтъ ли чего въ родѣ блудящаго огонька? Вотъ-на, я и забыла о моемъ аломъ камнѣ. Гдѣ онъ у меня? А, вотъ онъ. (Вытаскиваетъ изъ кармана блестящій рубинъ).

Генрихъ (за сценой). Раутенделейнъ!

Виттиха. Такъ она сейчасъ и придетъ. Кричи побольше!

Генрихъ. Раутенделейнъ! Я здѣсь. Иль ты не слышишь?

Виттиха. Думается мнѣ, что не слышитъ.

(Появляется Генрихъ, на скалѣ надъ хижиной, спасаясь отъ преслѣдованія. Онъ блѣденъ и растерянъ. Въ правой рукѣ раскачиваетъ камень, готовясь бросить его внизъ съ обрыва).

Генрихъ.

Попробуйте! Осмѣльтесь! Будь то пасторъ,
Учитель, лавочникъ, цырюльникъ—кто
Шагнетъ наверхъ,—покатится отсюда
Внизъ головой! Не я, не я, а вы
Мою жену, бродяги, утопили!
Свищи пустые, сволочь! Бормотать
Готовы вы свои молитвы тридцать

Ночей подъ рядъ, чтобъ воротить себѣ
Пропавшій грошъ, а Бога не стыдитесь
Обманывать на цѣлые червонцы!
Лжецы вы! Лицемѣры! Адъ сухой
Своей долины вы загородили
Плотиной каменной отъ волнъ живыхъ
И благодатныхъ райскаго потока!
Когда-жъ, когда къ вамъ каменщикъ придетъ,
Чтобъ разорить ту крѣпкую плотину;
Не я имъ буду... нѣтъ, клянусь, не я!

(Онъ отбрасываетъ камень и взбирается выше).

Виттиха. Остановись. Не ходи дальше. Туда нельзя.

Генрихъ. Старуха, что̀ горитъ тамъ, наверху?

Виттиха. Охъ, почемъ мнѣ знать. Тамъ былъ человѣкъ, который построилъ—не то церковь, не то царскій замокъ. Потомъ онъ его бросилъ. Вотъ теперь и горитъ это зданіе. (Генрихъ въ отчаяніи пытается взобраться еще выше). Говорятъ тебѣ: тамъ за стѣною обрывъ въ бездну. Чтобъ взобраться туда, надо имѣть крылья. А твои крылья, человѣкъ, поломаны.

Генрихъ.

Поломаны иль нѣтъ, но я взойду
Туда, наверхъ. То зданье, что̀ пылаетъ—
Мое творенье. Понимаешь ты?
Я тотъ, кѣмъ созданъ этотъ храмъ горящій,
И все, чѣмъ былъ я, душу всю мою
Туда я ввергнулъ... Не могу я... силы
Мои слабѣютъ... не могу...

(Молчаніе).

Виттиха. Отдохни маленько. Теперь темно идти. Вотъ скамья, присядь.

Генрихъ.

Мнѣ отдыхать? Теперь? Когда бы ложе
Пуховое ты предложила мнѣ,
Оно бы привлекло меня не больше,
Чѣмъ груда черепковъ. И если-бъ мать,—
Ея—увы!—давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ,—
Меня теперь поцѣловала въ лобъ,
Холодный отъ озноба,—не могла бы
Она мою тревогу успокоить.

Виттиха. Что-жъ, можетъ-быть, и такъ. Но, постой-ка,
меня на погребѣ найдется для тебя винцо
Генрихъ. Ждать не могу я, не могу. Воды!

(Бросается къ колодцу).

Виттиха. Зачерпни и напейся.

(Генрихъ черпаетъ и пьетъ, присѣвъ на край колодца; оттуда раздается тихій и сладостный голосъ).

Голосъ.

Генрихъ, Генрихъ, милый мой,
Надо мной легла волна.
Подъ студеною волной
Я страдаю, я больна...
Прощай, прощай!

(Молчаніе).

Генрихъ.

Что̀ это было? Отвѣчай, старуха!
Кто звалъ меня такъ жалобно и тихо
Промолвилъ мнѣ изъ глубины: «Прощай»?
Кто ты, старуха, и гдѣ я теперь?
Мнѣ показалось, словно я проснулся:
Скала, и хижина, и ты сама—
Все это мнѣ знакомо такъ и вмѣстѣ
Все это чуждо для меня. Иль то,
Что̀ пережилъ я, было только звукомъ,
Мелькнувшимъ на мгновеніе? Кто ты?

Виттиха. Кто я? Да самъ-то ты—кто?

Генрихъ.

Кто я, кто я? Ты хочешь знать, старуха?
Я самъ объ этомъ небо вопрошалъ
Не разъ: кто я? И не было отвѣта!
Одно лишь несомнѣнно для меня:
Кто̀-бъ ни былъ я—герой или ничтожный
И слабый человѣкъ я, полубогъ
Или животное, но только къ солнцу—
Моей отчизнѣ—я стремлюсь душой.
О солнцѣ я безпомощно тоскую
И свѣтъ и ласку золотыхъ лучей
Ловлю я жадно сердцемъ и очами,
Но никогда ихъ не могу привлечь...
Что̀ дѣлаешь ты тамъ?

Виттиха.

А вотъ увидишь.

Генрихъ (встаетъ).

Вотъ это ладно: фонаремъ своимъ—
Онъ блещетъ ярко огонькомъ кровавымъ—
Мнѣ освѣти дорогу, что ведетъ
Туда наверхъ. Я властвовалъ когда-то
На этихъ скалахъ. Тамъ я кончу жизнь
Отшельникомъ, который одиноко
Живетъ, чуждаясь власти надъ людьми
И презирая всѣ заботы міра.

Виттиха. Не думаю. То, чего ты ищешь наверху, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Генрихъ. А ты почемъ знаешь?

Виттиха. Мало ли что я знаю. Вѣдь вотъ люди гнались за тобою по пятамъ. Да, да. А когда люди преслѣдуютъ кого-нибудь, они что волки. Когда же дѣло коснется того, чтобы встрѣтить смерть, они — стадо барановъ, въ которое ворвался волкъ. Всегда такъ бываетъ. Пастухи, что при стадѣ — вотъ молодцы-то! Они кричатъ: бѣгите, спасайтесь! И травятъ собаками не волка — нѣтъ!—а своихъ же овецъ, и загоняютъ ихъ прямо волку въ пасть. Ты самъ-то много ли лучше другихъ? Вѣдь ты преслѣдовалъ свѣтлую жизнь и не встрѣтилъ мужественно смерти.

Генрихъ.

Ахъ, видишь ли, старуха, я не знаю,
Какъ вышло то, что вдругъ я оттолкнулъ
Жизнь свѣтлую. Да, да. Вѣдь былъ я мастеръ
И отъ своей работы убѣжалъ,
Какъ ученикъ. Тотъ колоколъ, который
Я создалъ самъ, печальнымъ, скорбнымъ звукомъ
Смутилъ мнѣ сердце, покорилъ меня;
Но все же я остался властелиномъ
Руки, что отлила его... Разбить
Я долженъ былъ въ куски свое созданье!

Виттиха. Что было, то прошло. Не воротить. На свою вершину тебѣ ужъ не взобраться. Ты былъ могучимъ росткомъ, но твой ростъ остановился. Ты былъ призванъ къ дѣлу, но не былъ избранникомъ. Иди сюда, присядь.

Генрихъ. Прощай, старуха!

Виттиха. Иди сюда, говорю тебѣ. То, къ чему ты стремился, теперь—груда пепла. А, говорятъ, кто живъ, тотъ ищетъ жизни; тамъ ты не найдешь ея вовѣкъ.

Генрихъ. Такъ пусть умру я здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

Виттиха. Такъ и будетъ. Кто, какъ ты, взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ, тотъ долженъ разбиться.

Генрихъ.

Я это чувствую: мой конченъ путь.

Виттиха.

Да, конченъ.

Генрихъ.

О, если такъ, скажи мнѣ ты, кому
Открыто столько тайнаго: предъ смертью
Найду ли то, что̀ долго такъ искалъ?
Отвѣть мнѣ: неужель изъ тьмы глубокой
Сойду я въ тьму еще страшнѣй, и отблескъ
Утраченнаго свѣта никогда
Не суждено увидѣть мнѣ?

Виттиха.

Кого же
Увидѣть хочешь ты?

Генрихъ.

Ее, ее!
Кого-жъ, какъ не ее!

Виттиха.

Задумай только
Свое желанье—сбудется оно.

Генрихъ (быстро).

Ну, я задумалъ!

Виттиха.

Ты ее увидишь.

Генрихъ.

Возможно-ль это? Неужель настолько
Могущественна ты? Въ тотъ часъ, когда

Я умиралъ, и каждый вздохъ послѣднимъ
Казался для меня,—она пришла,
И, какъ весенній вѣтерокъ, проникла
Мнѣ бодрость въ грудь, и выздоровѣлъ я.
Вотъ и теперь легко, легко мнѣ стало,
Какъ будто я готовъ подняться вновь
На высоту...

Виттиха. Нѣтъ, этому уже не быть. То, что̀ тебя тянетъ къ землѣ, слишкомъ тяжело. Да и твои собратья-люди сильны: ты не справишься съ ними. Смотри: вотъ я ставлю на столъ три кубка. Въ одинъ я налила бѣлаго вина, въ другой — краснаго, въ третій — золотого. Выпьешь первый кубокъ, — къ тебѣ сразу вернется прежняя сила. Выпьешь второй, — къ тебѣ возвратится въ послѣдній разъ тотъ небесный духъ, что̀ тебя покинулъ. Но тотъ, кто выпилъ изъ двухъ первыхъ кубковъ, тотъ долженъ выпить и послѣдній. (Собирается уйти въ хижину, но останавливается и говоритъ медленно и торжественно) Ты слышалъ: долженъ выпить. Кончено. (Уходитъ).

(Генрихъ порывисто встаетъ. При словѣ Виттихи: «кончено», онъ отшатывается, блѣдный. Потомъ опускается въ безсиліи на скамью).

Генрихъ.

Да, кончено... все кончено, сказала
Сивилла вѣщая... О, сердце, сердце!
Ты чувствуешь, что этимъ словомъ
Разрѣзана нить жизни, какъ мечомъ.
Свершилось. Безполезенъ мигъ отсрочки.
Повѣялъ предразсвѣтный вѣтерокъ
Изъ горнаго ущелья. День, что̀ блѣдной
Полоскою прорѣзываетъ тучу,
Уже не мой. Я столько прожилъ дней,
Но этотъ день блеснетъ не для меня.

(Беретъ первый кубокъ).

Тебя я, первый кубокъ, выпиваю,
Покуда вѣчности нѣмая тьма
Не обняла еще меня. Я вижу,
На днѣ осталась капля лишь одна:
Ужели больше не нашла старуха
Волшебнаго питья?

(Пьетъ).

Теперь—второй.

(Беретъ второй кубокъ).

Изъ-за тебя я выпилъ первый кубокъ,
И если бы не могъ отвѣдать я
Твой ароматный, пѣнистый напитокъ,
За пиръ, который Богомъ уготованъ
Намъ, жалкимъ несчастливцамъ, не могли-бъ
Хозяину воздать мы благодарность;
Теперь же я благодарю его.

(Пьетъ).

Напитокъ этотъ сладокъ и отраденъ...

(Въ то время, какъ онъ пьетъ, раздаются звуки эоловой арфы. Раутенделейнъ, утомленная, блѣдная и печальная, поднимается изъ колодца, садится на край его и расчесываетъ длинные распущенные волосы. Лунный свѣтъ).

Раутенделейнъ (тихо поетъ).

Красавица Раутенделейнъ,
Въ глубокую ночь, одинокая,
Я кудри чешу золотыя.
Уснули всѣ птички лѣсныя,
Туманъ разстилается съ горъ,
Покинутый гаснетъ костеръ...

Водяной (изъ глубины колодца).

Раутенделейнъ!

Раутенделейнъ.

Иду!

Водяной.

Иди скорѣй.

Раутенделейнъ.

Платье мнѣ узко...
Тѣло болитъ...
Я бѣдная,
Проклятая русалка...

Водяной.

Раутенделейнъ!

Раутенделейнъ.

Сейчасъ иду.

Водяной.

Живѣе.

Раутенделейнъ.

При блѣдномъ мѣсяца сіяніи
Расчесываю кудри я...
И все о немъ я думаю, о немъ,
Кто былъ когда-то
Моимъ сердечнымъ, миленькимъ дружкомъ...
Вотъ колокольчики-цвѣточки
Звенятъ, звенятъ;
Про счастье, иль про горе злое?
Сдается мнѣ—
Про то и про другое...
Жить тяжко въ озерѣ, на днѣ:
Тамъ тина и вода;
Но Водяной меня тамъ ждетъ—
Иду туда.
(Хочетъ опуститься въ колодецъ).
Кто тихо такъ меня зоветъ?

Генрихъ.

Я.

Раутенделейнъ.

Кто-жъ ты?

Генрихъ.

Подойди ко мнѣ поближе:
Ужели ты не узнаёшь меня?

Раутенделейнъ.

Нѣтъ, я тебя не знаю,
Уйди! Я всѣхъ гублю, кто говоритъ
Со мной.

Генрихъ.

Ты мучаешь меня. Дай руку—
И ты меня признаешь.

Раутенделейнъ.

Никогда
Тебя не знала я...

Генрихъ.

Какъ! Не видались
Съ тобою мы?

Раутенделейнъ.

Не помню.

Генрихъ.

Пусть меня
Накажетъ Богъ—тебя не цѣловалъ я
До крови въ губы?

Раутенделейнъ.

Никогда.

Генрихъ.

Меня ты
Не цѣловала?

Водяной (изъ колодца).

Раутенделейнъ!

Раутенделейнъ.

Иду.

Водяной.

Домой пора.

Генрихъ.

Кто говоритъ тамъ?

Раутенделейнъ.

Мой мужъ.

Генрихъ.

Смотри, смотри: передъ тобой
Въ страданьяхъ я предсмертныхъ угасаю,
Не мучь меня, освободи меня!

Раутенделейнъ.

Но что-жъ ты хочешь?

Генрихъ.

Подойди ко мнѣ.

Раутенделейнъ.

Я не могу.

Генрихъ.

Не можешь? Отчего?

Раутенделейнъ.

Тамъ, подъ водой, мы водимъ хороводы,
Въ веселой пляскѣ рѣзвимся. Нога
Моя отяжелѣла, но когда я
Начну плясать,—она перестаетъ
Горѣть. Прощай, прощай...

Генрихъ.

Не уходи...
Не уходи... Куда ты?

Раутенделейнъ (опускаясь ниже края колодца).

Въ вѣчный сумракъ.

Генрихъ.

Тамъ... кубокъ тамъ... О, Магда... Магда...
Какъ ты блѣдна... Подай мнѣ этотъ кубокъ...
Кто мнѣ подастъ, того въ послѣдній часъ
Благословлю я.

Раутенделейнъ (приблизившись къ нему).

Я подамъ!

Генрихъ.

Ты хочешь,
Ты хочешь это сдѣлать?

Раутенделейнъ.

Мертвецовъ
Оставь въ покоѣ.

Генрихъ.

Чувствую тебя я,
Небесное созданіе...

Раутенделейнъ.

Прощай!
Теперь я больше не твоя. Когда-то

Была твоею милой: расцвѣталъ
Въ то время май... но все теперь, навѣки
Все миновало...

ГЕНРИХЪ.

Миновало...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да...
Ты помнишь: кто тебя баюкалъ пѣсней
И кто волшебнымъ голосомъ будилъ?

ГЕНРИХЪ.

Ты, дорогая, ты...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто отдавалъ тебѣ всю прелесть тѣла?
Кого ты оттолкнулъ?

ГЕНРИХЪ.

Тебя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кого?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай! прощай! прощай!

ГЕНРИХЪ.

Возьми меня, возьми меня съ собою...
Ночь наступаетъ... страшная для всѣхъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (бросается къ нему, обнимаетъ его колѣни и восклицаетъ съ восторгомъ).

Восходитъ солнце!

Генрихъ.

Солнце!

Раутенделейнъ (съ рыданіемъ и восторгомъ).

Генрихъ! Генрихъ!

Генрихъ.

Благодарю...

(Раутенделейнъ обнимаетъ Генриха, прижимаетъ его губы къ своимъ губамъ, потомъ тихо опускаетъ умирающаго на скамью).

Тамъ... въ вышинѣ... звонятъ...
Звонятъ колокола... сіяетъ небо...
И солнце... солнце всходитъ! Ночь долга.

(Заря).

(Занавѣсъ падаетъ)

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

Германское сказаніе въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. П. Буренина.

Посвящается памяти брата моего

Георга Гауптмана.

Гауптманъ признался какъ-то одному вѣнскому журналисту, что, по написаніи пьесы изъ современной жизни, онъ чувствуетъ потребность перейти затѣмъ въ совершенно противоположную, фантастическую область творчества. Такъ, «Ганнеле» было написано вслѣдъ за «Бобровой шубой», «Потонувшій колоколъ» за «Флоріаномъ Гейеромъ». Такъ, «Бѣдный Генрихъ» появился послѣ реалистическаго «Краснаго пѣтуха».

«Бѣдный Генрихъ» написанъ въ 1902 году. 29-го ноября того же года пьеса появилась въ вѣнскомъ «Бургъ-театрѣ». Біографы Гауптмана отмѣчаютъ извѣстную преднамѣренность такой постановки ея не въ тѣхъ театрахъ, въ которыхъ привычно впервые выступалъ талантливый нѣмецкій драматургъ и которые въ послѣднее время дали ему не одно разочарованіе. Въ Вѣнѣ успѣхъ пьесы былъ безспорный. Впрочемъ, драма имѣла успѣхъ и въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ въ роли «Бѣднаго Генриха» былъ великолѣпенъ знаменитый актеръ Кайнцъ.

Сюжетъ «Бѣднаго Генриха» взятъ Гауптманомъ изъ старинной легенды, разработанной въ 12-мъ вѣкѣ швабскимъ поэтомъ Гартманомъ фонъ-Ауэ въ эпическую поэму, носящую то же названіе, какое Гауптманъ далъ своей драмѣ. Къ своей пьесѣ Гауптманъ съ полнымъ основаніемъ ставитъ поэтому подзаголовокъ: «германское сказаніе».

Содержаніе сказанія Гартмана совершенно сходно съ содержаніемъ драмы. Графъ Генрихъ заболѣлъ проказой и былъ спасенъ бѣдной дѣвушкой, дочерью своего слуги. Въ Германіи живо старинное повѣрье, что проказа могла быть излѣчиваема кровью невинной дѣвушки. Такая кровь должна была спасти Генриха. Дѣвушка пошла на это самопожертвованіе. Но въ ту минуту, когда она уже лежала на столѣ врача изъ Салерно, Генрихъ остановилъ поднятую съ ножомъ руку. Небо исцѣлило его безъ страшной жертвы.

Какъ видимъ, Гауптманъ цѣликомъ использовалъ фабулу старой саги. Самого Гартмана фонъ-Ауэ онъ ввелъ въ свою драму въ качествѣ вассала Генриха. Только въ психологическомъ отношеніи онъ сильно модернизировалъ тему. Легенду, исполненную чисто-внѣшней занимательности, онъ одухотворилъ высокой философскою мыслью и перенесъ центръ тяжести на психологію двухъ главныхъ героевъ драмы. Самымъ интереснымъ въ его трудѣ стала не внѣшняя канва жуткой сказки, а драматическая борьба двухъ душъ: Генриха и спасающей его дочери его фермера, Оттегебе.

Обыкновенный легендарный рыцарь подъ перомъ Гауптмана явился какъ бы новымъ Фаустомъ, человѣкомъ, мучительно задумавшимся подъ гнетомъ потрясшаго его несчастія надъ всѣми философскими

загадками бытія. Генрихъ усомнился въ самыхъ основахъ правды, и страшныя сомнѣнія мучатъ его, можетъ-быть, ничуть не менѣе, чѣмъ ужасъ поразившей его проказы. Все это—глубокіе міровые вопросы. Жизнь и смерть, правда и несправедливость, капризы судьбы, тщета жизни, могущей прямо отъ ступеней царскаго трона бросить человѣка въ бездну отчаянія и сдѣлать презрѣннымъ и страшнымъ для всѣхъ—вотъ что занимаетъ умъ Генриха. О подобной психологической подкладкѣ и не думалъ Гартманъ фонъ-Ауэ.

Такому же углубленію, осложненію, превращенію подверглась у Гауптмана и фигура спасительницы Генриха. Гартманъ фонъ-Ауэ разработалъ легенду въ стильныхъ средневѣковыхъ тонахъ. Колоритъ церковной святости, присущій легендѣ, у него вполнѣ выдержанъ. Его дѣвушка проникнута идеалами аскетизма. Гауптманъ, этотъ страстный пѣвецъ земли и плоти, органически не могъ оставить образъ въ такой окраскѣ. Святости и религіозности, враждебной красотѣ и радости, для Гауптмана никогда не существовало. У него есть своя религія земного служенія. И на мѣсто духовной аскетической любви въ образѣ Оттегебе у него выступила обычная для земли любовь женщины къ мужчинѣ, жизнерадостная, признающая счастье тутъ же, сейчасъ, на землѣ. «Земная ли, небесная ли—любовь все та же любовь». Въ этихъ словахъ Генриха заключена философія всей романтики Гауптмана. Подъ старыя ризы легенды поэтъ подставилъ новый остовъ, новый смыслъ, благодаря чему старая сказка возвысилась до глубоко-интересной философской проблемы.

Высшій смыслъ этой философіи стоитъ въ совершенной гармоніи съ основнымъ міровоззрѣніемъ поэта. Какъ въ «Потонувшемъ колоколѣ», какъ въ «Ганнеле», онъ и здѣсь даетъ высшій апофеозъ любви къ человѣчеству, жалости къ человѣческому страданію и выражаетъ страстную мечту о томъ, чтобы цвѣты счастья росли на землѣ подъ великимъ солнцемъ любви.

Можетъ-быть, въ этомъ высшая красота поэтической личности Гауптмана, и, можетъ-быть, нигдѣ это не сказалось такъ выразительно, какъ здѣсь, въ этой частности, въ оправданіи земной любви въ образѣ Оттегебе, изъ котораго онъ художественно-властно вычеркнулъ ея типично-средневѣковое презрѣніе къ міру.

Борьба двухъ душъ, Генриха и Оттегебе — драматическій центръ пьесы. Сомнѣвающійся и проклинающій, любящій и злобствующій, усомнившійся въ міровой правдѣ, Генрихъ несчастенъ духовно и физически до той поры, пока не падаютъ твердыни его безумной гордости. Самоотверженная, ищущая подвига, алчущая смерти ради спасенія Генриха, Оттегебе не находитъ себѣ успокоенія ни въ молитвѣ ни въ самобичеваніи до той поры, пока ея не возрождаетъ земная любовь.

Изъ этого сопоставленія совершенно ясна основная мысль Гауптмана. Только живая, дѣйственная любовь, не оторванная отъ земли, но къ ней трогательно приникшая—залогъ счастья человѣчества. Безъ нея безплоденъ человѣческій умъ (Генрихъ). Безъ нея нѣтъ радости и красоты даже въ человѣческомъ самоотреченіи и безуміи самопожертвованія (Оттегебе). Чудо спускается съ небесъ не тамъ, гдѣ бушуетъ гордый умъ или сердце полно мечтой неземного служенія, но тамъ, гдѣ расцвѣтаетъ во всей красотѣ свѣтлое земное чувство любви.

Въ «Потонувшемъ колоколѣ» эта вѣра Гауптмана не позволила ему оставить литейщика Генриха на высотахъ, и онъ сошелъ въ долины,

тронутый земными слезами. Въ «Бѣдномъ Генрихѣ»—еще новая мотивировка такого взгляда, явный протестъ противъ «подвига въ одну ночку». Выяснить, насколько личныя переживанія Гауптмана нашли отраженіе въ этой философіи, — дѣло будущаго его біографа. Но не чувствовать здѣсь извѣстной близости этихъ идей сердцу самого поэта—невозможно.

Драма Гауптмана написана въ трезво-реальныхъ тонахъ. Въ авторѣ сказался былой натуралистъ. Въ сущности, это было большою трудностью—примѣнить основанія реализма къ фону благочестивой легенды, прямо построенной на чистой фантазіи.

Критика не разъ указывала на то, что Гауптманъ не вездѣ побѣдилъ эту трудность. Васъ захватываетъ реальная обстановка представленія. Вы видите цѣликомъ дворъ Генриха. Для васъ во всей реалистической красочности и бытовой характерности встаютъ фигуры фермера Готфрида, Бригиты, типичнаго, точно изъ бронзы отлитаго стараго слуги Отакера. Все это годится цѣликомъ въ заправскую реалистическую драму. Ничуть не были бы въ ней диссонансомъ и всѣ думы и чувства Генриха. Но вотъ вамъ предоставляется повѣрить въ то, что проказа можетъ быть излѣчена жертвоприношеніемъ дѣвушки. Этого мало, вы должны повѣрить, что Генрихъ—мудрый, во всемъ усомнившійся, прямо-таки стоящій на высотѣ современнаго положительнаго знанія—этотъ Генрихъ повѣритъ въ чудесное свойство ножа врача изъ Салерно, поѣдетъ за дѣвушкою и не дастъ совершиться преступленію только за мгновеніе до конца.

Реалистической критикѣ, подходящей съ такимъ запросомъ къ драмѣ-сказкѣ, было бы нечѣмъ возразить, если бы по существу не было самой безспорной ошибкой подходить съ реалистическими запросами къ свѣтлому міру сказочныхъ грезъ. Разумѣется, тогда нѣтъ выдержанности ни въ «Фаустѣ», ни въ «Макбетѣ», ни въ «Снѣ въ Иванову ночь», потому что сатана не сходилъ на землю, вѣдьмы не существуютъ, и никто не былъ въ мірѣ эльфовъ. Всякая сказка неизбѣжно въ своей основѣ условна.

Еще меньшую цѣну надо придать и упрекамъ тѣхъ критиковъ изъ крайнихъ реалистовъ, которые осуждаютъ «истеричность» Оттегебе. Они скорбятъ, зачѣмъ Гауптманъ взялъ здѣсь «не здоровую» натуру. Съ психіатрическимъ учебникомъ въ рукахъ, они выискиваютъ черты истеріи въ чудесномъ образѣ Оттегебе. Они готовы назвать латинскимъ терминомъ форму ея «психоза».

Это звучитъ совершенной наивностью. Какая нужна партійная, школьная узость, чтобы сказочный образъ самоотверженной мечтательницы класть на мраморный столъ клиники подъ ланцеты современной медицинской науки! Это именно то профанированіе поэзіи, отъ котораго предостерегалъ Штейгеръ въ отношеніи Гауптмана,—то стираніе прелестной красочной пыли съ крыльевъ бабочки, которое неизбѣжно для любопытнаго мальчугана, задумавшаго «изслѣдовать» бабочку.

Критикъ и читатель здороваго поэтическаго вкуса могутъ даже не подумать объ этомъ безъ подсказа критиковъ-доктринеровъ. Въ Генрихѣ они справедливо увидятъ живой символъ души, исцѣленной любовью отъ гордыни ума и ненависти сердца. Въ Оттегебе они найдутъ подобный Ганнеле и Раутенделейнъ символъ женственнаго начала, находящаго себя въ просторѣ живой любви и освѣщающаго земной путь другого. Разница между Оттегебе и Раутенделейнъ лишь въ томъ, что Оттегебе—чисто-земное существо, только неземной чистоты и порыва.

Въ драмѣ Гауптмана много поэтическаго, много философскаго. Она написана чудеснымъ стихомъ, такъ что даже такіе критики Гауптмана, какъ Бартельсъ, не желающій видѣть иныхъ красотъ, кромѣ реальныхъ, считаютъ «Бѣднаго Генриха» лучшимъ изъ стихотворныхъ произведеній Гауптмана. Отъ нея вѣетъ прелестью старо-германской саги, и Гауптманъ здѣсь національнѣе немногимъ менѣе, чѣмъ въ «Потонувшемъ колоколѣ». Въ пьесѣ есть символы, но они ясны, доступны и свободны отъ тумана, какой, напримѣръ, сгущается въ послѣднемъ актѣ «Потонувшаго колокола». Самого по себѣ содержанія легенды мало для пяти актовъ. Отсюда въ пьесѣ нѣкоторое изобиліе пространныхъ рѣчей и относительная скудость движенія. Самъ Гауптманъ намѣренно вынесъ за кулисы нѣкоторыя ярко-драматическія сцены, хотя бы, напримѣръ, сцену у салернскаго врача, о которой мы узнаёмъ уже только изъ разсказа самого Генриха. Нѣкоторые акты точнѣе слѣдовало бы назвать картинами настроенія, правда, превосходными въ своей лирической красотѣ и дающими истинно-художественное проникновеніе въ душу прокаженнаго страдальца.

Послѣ бурныхъ восторговъ, сопровождавшихъ постановку «Потонувшаго колокола», послѣ неудачъ съ «Флоріаномъ Гейеромъ» и «Краснымъ пѣтухомъ», послѣ сравненій съ Гёте и Шиллеромъ и неистовыхъ криковъ: «долой Гауптмана» *),—«Бѣдный Генрихъ» принесъ поэту то спокойствіе увѣреннаго успѣха, которое, можетъ-быть, всего дороже писателю.

*) Подъ такимъ названіемъ существуетъ даже спеціальная книжка Ландсберга, между прочимъ переведенная и на русскій языкъ.

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

Германское сказаніе въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Генрихъ фонъ-ауэ.
Гартманъ фонъ-деръ-ауэ.
Готфридъ.
Бригита.
Оттегебе.
Патеръ Бенедиктъ.
Отакеръ.
Рыцари и слуги въ замкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садикъ при домѣ Готфрида. Налѣво крыльцо съ входной дверью. Неподалеку отъ дома старый вязъ; подъ нимъ каменный столъ и скамья. Изъ-за дерева виднѣются вдали зеленые холмы, ближе—сжатыя нивы. На горизонтѣ лѣсъ. Мѣстами группы сосенъ.

(Готфридъ подметаетъ землю у стола. Отакеръ, слуга лѣтъ подъ сорокъ, въ одеждѣ съ гербами, въ сапогахъ со шпорами, входитъ осторожно, стараясь не сдѣлать шума, быть незамѣченнымъ, но при первомъ шагѣ спотыкается, увидѣвъ Готфрида; блѣдное его лицо, окаймленное черной бородой, блѣднѣетъ еще больше).

Готфридъ. Слава Христу!

Отакеръ. Во вѣки вѣковъ.

Готфридъ. Куда это вы поднялись такъ рано?

Отакеръ. Проѣхаться на конѣ, поскакать... Самъ не знаю, куда.

Готфридъ. А если васъ спроситъ господинъ?

Отакеръ, (переминается въ смущеніи). Спроситъ господинъ?.. Можетъ-быть... То-есть я такъ хочу сказать... Коли Господь

повелитъ, все измѣнится... А худое что̀ выйдетъ... Я тогда вернусь...

Готфридъ. Я не понимаю васъ. Не случилось ли у васъ съ кѣмъ-нибудь несчастье дома?

Отакеръ. Тс! Тише! Да, да, случилось. Я долженъ уйти. Видите что̀: мать, да и сестра тоже... Непріятная штука... Понимаете?.. Иначе придется воевать съ самимъ сатаною... Если бы были живы тѣ, кого я оставилъ тамъ, въ пустынѣ, они бы подтвердили это.

Готфридъ. Что̀ съ вами? Вы нездоровы?

Отакеръ. Нѣтъ. Спаси насъ Богъ отъ всякихъ дурныхъ болѣзней, отъ злыхъ напастей, отъ грѣховныхъ навожденій и чумы. Я еще стою на ногахъ, кровь моя здорова и чиста. Надѣюсь, такъ и впередъ будетъ. Въ мірѣ зло, его полонилъ дьяволъ. Но Христосъ защититъ меня. Я купилъ себѣ отпущеніе грѣховъ кровью многихъ турокъ, добычу отдалъ попамъ, и на груди у меня частица креста изъ Святой земли. Но все-таки я боюсь. Я долженъ уйти отсюда. Мнѣ привидѣлся худой сонъ... Всякій, кто можетъ умереть, долженъ беречь свою шкуру. (Уходитъ).

Готфридъ (смотря ему вслѣдъ). А вѣдь, ей-Богу, онъ вывелъ коня, вскочилъ на сѣдло, далъ шпоры и ускакалъ!

(Изъ дома выходитъ Бригита, за ней Оттегебе. Бригита, почтенная матрона, не походитъ на крестьянку. Оттегебе — блѣдный ребенокъ, только-что развившійся въ молодую дѣвушку. Большіе, голубые глубокіе глаза, волосы пепельные съ красно-золотыми отливами. Мать и дочь приносятъ скатерть и столовую посуду).

Бригита. Гдѣ накрыть столъ для нашего милостиваго господина? Готфридъ, эй, Готфридъ!

Готфридъ (очнувшись изъ задумчивости). Что̀ такое? Ты звала меня?

Бригита. Да, звала. Супъ уже готовъ, рыба сварена, сливки сбиты. Гдѣ мнѣ накрыть столъ для господина?

Готфридъ (указываетъ на каменный столъ). Вотъ здѣсь. Этотъ столъ всегда служилъ для обѣда. Помнишь, Оттегебе, господинъ еще мальчикомъ сиживалъ тутъ.

Оттегебе (взволнованно киваетъ головой). Да, отецъ, помню... Надо еще свѣжаго меда, отецъ. Ты говорилъ, что вырѣжешь соты.

Готфридъ (недовольнымъ тономъ). Кто это вплелъ тебѣ ленту въ волоса?

Оттегебе. Ленту?

Готфридъ. Ну, да, дѣвочка, красную ленту. (Оттегебе молчитъ).

Бригита. Я говорила тебѣ: отецъ увидитъ, будетъ бранить. (Оттегебе снова блѣднѣетъ, стараясь удержать слезы, срываетъ ленту, бросаетъ на землю и уходитъ).

Бригита. Она надѣла ленту ради нашего господина. Теперь ей стало стыдно.

Готфридъ. Бѣда съ дѣвочкой. Я боюсь, какъ бы она своей живостью не разсердила господина. Онъ уже не мальчикъ, какимъ былъ тогда. Много лѣтъ прошло съ той поры, какъ она ходила на помочахъ, а онъ возился съ ней, какъ всѣ мальчики.

Бригита. Мнѣ кажется, онъ что-то невеселъ.

Готфридъ. Не знаю. Тотъ, кто видѣлъ вчера, какъ онъ среди другихъ охотниковъ указывалъ, смѣясь, рукояткою меча на нашъ дворъ, тотъ не подумалъ бы, что тѣнь горя коснулась его лба. А сегодня я вижу въ немъ совсѣмъ другого человѣка.

Бригита. Меня удивляетъ, что̀ это онъ пріѣхалъ къ намъ теперь? Вѣдь всѣ говорили, онъ долженъ жениться. И вдругъ остался у насъ въ глуши.

Готфридъ. У знатныхъ господъ бываютъ странности.

Бригита. Конечно. Конюхъ его вчера вечеромъ толковалъ что-то о Моисеевомъ законѣ, по которому слѣдуетъ, вишь, мыть стѣны прокаженныхъ домовъ, чтобъ уничтожить ядъ заразы...

Готфридъ. Кто тебѣ объ этомъ сказалъ?

Бригита. Оттегебе, наша дѣвочка.

Готфридъ. Вотъ что̀, Бригита: заткни уши отъ всякихъ дурныхъ слуховъ. Нашъ господинъ въ такой чести и въ такой милости у императора. Ну, стало-быть, его и недолюбливаетъ намѣстникъ св. Петра. Вотъ нищіе монахи и распространяютъ въ народѣ ложь. А нѣтъ такой глупой лжи, которой бы не повѣрили.

Бригита. Кажется, онъ идетъ сюда по дорогѣ изъ лѣса.

Готфридъ. Да, это онъ.

Бригита. Смотри, какъ ~~онъ~~ согнулся, не можетъ держаться прямо.

Готфридъ. Если ты такъ будешь говорить, то огорчишь господина.

Бригита. Вонъ какъ онъ глядитъ на утреннюю зарю.

Готфридъ. Да, да. Ну, Бригита, я уйду теперь. А ты проси его къ столу почтительно и кротко. Потомъ, если онъ позволитъ, уйди и ты.

Бригита. Хорошо, хорошо, старикъ. Не *безпокойся.* (Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ фонъ-Ауэ входитъ медленно и задумчиво. Это стройный рыцарь съ длинными кудрями, выхоленной рыжеватой бородкой; блѣдное лицо; большіе голубые безпокойные глаза).

Бригита.

Богъ въ помощь, господинъ.

Генрихъ (*поднявъ глаза и только теперь увидавъ ее, торопливо*).

Бригита, здравствуй.

Бригита.

Вамъ столъ готовъ. Вотъ все тутъ, что̀ нашлось
На нашей мызѣ отдаленной.

Генрихъ.

Слышалъ
Я съ вечера, какъ будто на дворѣ
Мулы и кони двигались, не правда-ль?

Бригита.

Нѣтъ, господинъ.

Генрихъ.

Такъ около полночи?

(Бригита отрицательно качаетъ головой).

Генрихъ.

Какъ рано. Скучно мнѣ безъ книгъ моихъ.

Бригита.

Не пожелаете-ль еще чего?

Генрихъ.

Желаю
Я многаго.

Бригита.

Я говорю о томъ,
Что̀ я могу исполнить.

Генрихъ.

Что̀ ты можешь
Исполнить? Нѣтъ. Но можетъ-быть... Посмотримъ...

Теперь пока не нужно ничего.
Благодарю.

Бригита.

На доброе здоровье.

(Уходитъ).

Генрихъ (опираясь о стволъ вяза, глядитъ вверхъ и говоритъ съ сдержаннымъ волненіемъ про себя).

Еще въ листвѣ зеленой вязъ стоитъ
И поднимаетъ вѣтви онъ спокойно
Въ холодный воздухъ яснаго утра.
Серебряное, острое дыханье
Мороза скораго его нарядъ
Сорветъ и оголитъ, но онъ объ этомъ
Нимало не тревожится. Кругомъ,
Куда ни взглянешь, все полно блаженствомъ
Спокойствія... И только человѣкъ, —
И только я спокойствія не знаю!
Миръ, возвратись ко мнѣ! Ты близокъ здѣсь:
Ты спишь на тѣхъ лугахъ, тобою вѣетъ
Отъ этихъ сосенъ, мнѣ знакомыхъ съ дѣтства,
Шварцвальдскихъ старыхъ сосенъ! Среди горъ
Моей привѣтной родины ты дома:
Такъ будь же другомъ, будь же братомъ мнѣ!

Готфридъ (выходитъ изъ дома).

Поклонъ мой господину.

Генрихъ.

Съ добрымъ утромъ,

Старикъ.

Готфридъ.

Да, это утро для меня
Ужъ точно доброе, я не запомню
Такого въ жизни: дорогой мой гость
И благородный господинъ встрѣчаетъ
Меня въ дому. Вы пристыдили насъ,
Особенно меня: я старой соней
Предъ вами оказался и плохимъ
Хозяиномъ.

Генрихъ (принимается за завтракъ).

Другъ добрый, обо мнѣ
Не хлопочи. Я прежде спалъ отлично
И въ шумномъ лагерѣ и въ замкахъ, гдѣ
Съ утра до ночи слышенъ скрипъ воротъ,
И крики конюховъ, и конскій топотъ.
Здѣсь, у тебя, такая тишина,
Но все внутри меня тревогой полно.
И въ часъ ночной, какъ надъ болотомъ мѣсяцъ
Льетъ мертвый свѣтъ и въ полѣ гдѣ-нибудь
Трещитъ кузнечикъ, въ головѣ моей,
Въ моей душѣ я слышу шумъ турниров
И хороводовъ, и сраженій гулъ,
И звуки чуждыхъ языковъ, и шопотъ
Какихъ-то голосовъ—и не могу я
Никакъ заснуть.

Готфридъ.

Вы худо спали ночь
Подъ этимъ кровомъ?

Генрихъ.

Сонъ и кровъ!.. Несчастенъ
Тотъ, у кого нѣтъ крова. Правда?

Готфридъ.

Да,
Мой добрый господинъ.

Генрихъ.

Послушай, вотъ что:
Ужъ много лѣтъ привыкъ я предъ зарей
Иль въ полночь ложе покидать. И если
Объ этомъ вы узнаете, прошу,
Не удивляйтесь и меня оставьте...

Готфридъ.

Домъ, гдѣ живемъ мы, господинъ,—онъ вашъ,
И ваша здѣсь земля. И развѣ можемъ
Мы васъ оставить? Разбудите насъ,
Когда вамъ будетъ бодрствовать угодно.

Генрихъ.

Нѣтъ, спите, мирно спите! Отдыхъ свой
Трудомъ дневнымъ тяжелымъ заслужили
Вполнѣ вы. Для чего тревожить васъ?
Благодарю. Въ тебѣ я вижу снова,
Что̀ зналъ давно, еще въ дни дѣтства: сердце!
Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобы тебя заботой потревожить
Въ твоемъ убѣжищѣ. Я объ одномъ
Прошу, старикъ, чтобъ ты не помѣшалъ мнѣ
У твоего родного очага
Наединѣ съ собою оставаться.

Готфридъ (помолчавъ).

Позволите уйти мнѣ?

Генрихъ.

Нѣтъ, присядь.
Невѣрно понялъ ты меня. Отрадно
Мнѣ видѣть голову твою сѣдую
И снова слышать послѣ многихъ лѣтъ
Твой милый, добрый голосъ. Не печалься,
Коль я теперь кажусь тебѣ чужимъ
И непривѣтливымъ. На этой скудной
Землѣ, тобой воздѣланной, себя
Я чувствую чужимъ, я будто связанъ,
Но все-жъ, когда ты руку мнѣ подашь,
Моя роднымъ пожатіемъ отвѣтитъ.

Готфридъ (становится передъ нимъ на колѣно и хочетъ поцѣловать его руку; Генрихъ ее рѣзко отдергиваетъ).

Вы здѣсь чужой?! Господь помилуй насъ!
Да если вы не доблестнѣйшій рыцарь
Отчизны нашей, гдѣ-жъ найти другого
Въ германскихъ странахъ? Тѣломъ и душой
Германецъ вы и сынъ земли родимой,
Какъ эти сосны. Вашихъ предковъ кровь
Была чиста и чистой сохранилась
Въ потомкѣ благородномъ.

Генрихъ (врачно).

Можетъ-быть.
Алмазъ всегда алмазомъ остается,
Хотя-бъ его на рубищѣ носилъ
Несчастный Лазарь.

(Внезапно мѣняетъ тонъ).

Но объ этомъ больше
Не будемъ говорить. Сядь. Разскажи
О чемъ-нибудь иномъ. Повѣрь, отрадѣй
Мнѣ всѣхъ рѣчей придворныхъ мудрецовъ
Та болтовня, которую кудахчетъ
Насѣдка на дворѣ... Скажи, твой трудъ—
Приноситъ выгоду тебѣ онъ? Сколько
Коровъ и лошадей имѣешь ты?
Хорошъ ли урожай зерна, плодовъ
И винограда? Вотъ о чемъ теперь
Хочу я знать. А разговоръ о туркахъ,
О воинахъ Креста, о гибеллинахъ
И гвельфахъ мы оставимъ.

Готфридъ.

Господинъ,
Я неумѣло говорю, и если
Васъ огорчилъ, меня простите вы.
Живя въ глуши, обычаямъ придворнымъ
Не могъ я обучиться.

Генрихъ.

На горѣ,
Тамъ, гдѣ засѣянное поле съ лѣсомъ
Граничитъ,—что такое тамъ—ячмень?

Готфридъ.

Да, милостивый господинъ.

Генрихъ.

Когда я
Вчера подъ вечеръ ѣхалъ тамъ, меня
Привлекъ хоръ дѣтскихъ голосовъ, что пѣли
Ave Maria, и примѣтилъ я
Костеръ неподалеку межъ камнями.
Я слѣзъ съ коня, приблизился къ костру

И вижу: у огня толпятся дѣти —
И дѣвочки и мальчики. Казались
Мнѣ привидѣньями они. Шутя,
Я ихъ окликнулъ: «Эй, вы, чертенятки
И вѣдьмочки—здорово! У костра
Что̀ варите и жарите вы ночью?»
Услышавши мой голосъ, всѣ они
Вспорхнули, точно спугнутыя птички,
И лишь одна осталась и въ смущеньи
Стояла предо мной и на меня
Смотрѣла молча. Я спросилъ: «Нѣмая
Ты, можетъ-быть?» Она ни слова мнѣ
На это не отвѣтила.

Готфридъ.

Простите,
Мой господинъ, ребенку: это дочка
Моя родная, Оттегебе. Въ ней
Есть что-то странное. Заботъ немало
Приноситъ мнѣ и матери она.

Генрихъ.

Въ ней что-то странное есть... Это правда...

Готфридъ.

Ее вы знали въ дѣтствѣ, господинъ,
И часто брали на коня, бывало.
И въ тѣ поры, ребеночкомъ, она
Была пуглива, точно перепелка,
Что̀ прячется во ржи. Но вы ее
Привлечь умѣли, и она ручною
Казалась съ вами.

Генрихъ.

Да, я помню, помню!
Когда, бывало, возвращался я
Съ охоты чрезъ ущелья и овраги,
Меня встрѣчала дѣвочка, и съ нею
Здоровался я, бодрый и веселый.
И звалъ ее я маленькой женой.
Хорошіе то были годы: сердце
Переполнялось жизнью, въ головѣ
Кружились мысли, точно въ часъ заката

Рой комаровъ. Какъ я теперь далекъ,
Какъ я отсталъ отъ этихъ дней волшебныхъ
Моей весны! Я не узналъ ее,
Ту Оттегебе, что была въ то время
Моей подругой. Точно никогда
Моя собака, вѣрная Діана,
Ей не лизала руки и лицо,
А я не гладилъ волосы малютки
И не игралъ охотничьихъ сигналовъ
Въ мой рогъ. А между тѣмъ вѣдь это все
Я дѣлалъ часто...

(Входитъ Оттегебе. Она несетъ медъ на блюдечкѣ).

Готфридъ.

Вотъ и Оттегебе
Пришла сама, мой добрый господинъ.

Генрихъ.

Что принесла ты?

Оттегебе (еле дыша).

Свѣжій медъ.

Генрихъ.

Однако
Ты говоришь? Я думалъ, ты нѣмая.
Пріятно мнѣ твою услышать рѣчь.
Сядь на скамью, вотъ здѣсь, и потолкуемъ.
Ну, ободрись, не бойся, я вѣдь добръ,
Повѣрь мнѣ, добръ и кротокъ... Хорошо ли
Тебѣ живется?

Оттегебе (дрожа отъ робости).

Хорошо.

Генрихъ.

Всегда?

Оттегебе (почти теряя сознаніе отъ страха).

Да, господинъ

Генрихъ.

Вотъ видишь, хорошо ты
Живешь всегда, а императоръ Фридрихъ,

Въ коронѣ золотой, живетъ въ борьбѣ,
Въ лишеньяхъ вѣчныхъ и нуждѣ. Богаче
Ты, стало-быть, его, мое дитя,
Не говоря ужъ обо мнѣ. Не скучно
Тебѣ въ горахъ здѣсь?

(Оттегебе отрицательно качаетъ головой).

Нѣтъ? Но что̀ же
Ты дѣлаешь, чтобъ не скучать?

Оттегебе (не отвѣчаетъ отъ сильнаго смущенія, наконецъ говоритъ).

Молюсь.

Генрихъ.

Молиться хорошо. Скажи, какой же
Святой ты чаще молишься?

Оттегебе (попрежнему смущаясь).

Меня
Ужъ вылѣчила Матерь Божья.

Генрихъ.

Вотъ какъ!
Ужъ вылѣчила. А меня Она
Покрыла ранами. Она вѣдь можетъ
И раны наносить.

Оттегебе.

Нѣтъ, господинъ.

Генрихъ.

Ты думаешь, что нѣтъ? Учить ты хочешь
Меня? Ну, что̀ же, научи.

(Оттегебе съ силою отрицаетъ движеніемъ головы).

Готфридъ.

Прошу
Къ ней снисхожденія: она недавно
Съ одра болѣзни встала.

Генрихъ.

Отчего
Ты прячешь руку правую?..

Готфридъ.

И то вѣдь...

Дай руку, покажи.

Оттегебе.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ.

Готфридъ.

Ахъ, ты, упрямая дѣвчонка. Ну же,
Дай руку правую свою...

Бригита (за сценой).

Готфридъ!

Оттегебе.

Тамъ мать зоветъ...

(Хочетъ уйти).

Бригита (за сценой).

Готфридъ!

Готфридъ.

Прошу прощенья...

Генрихъ.

Иди, иди.

(Готфридъ уходитъ).

Генрихъ.

Ну, повтори скорѣй:
Меня ты знаешь?

(Оттегебе съ волненіемъ кивать утвердительно головой).

Кто же я, скажи мнѣ?

Оттегебе.

Нашъ господинъ

Генрихъ.

Есть у змѣи нора,
У птицы есть гнѣздо, и есть берлога
У звѣря каждаго. Но тотъ, кого
Своимъ ты господиномъ называешь,

Убѣжища онъ не имѣетъ. Да,
Гдѣ-бъ онъ ни проходилъ, земля повсюду
Подъ нимъ горитъ, какъ пламень ада. Ты
Смѣешься? Отчего же?

Оттегебе (сначала разсмѣявшаяся короткимъ, болѣзненно-радостнымъ смѣхомъ, сдерживается, блѣднѣетъ и робко смотритъ на него испуганнымъ взоромъ).

Я?..

Генрихъ.

Ты знаешь,
Какъ я зовусь?

Оттегебе (дрожитъ).

Да. Генрихъ.

Генрихъ.

Хорошо.
А какъ еще?

Оттегебе (дрожитъ).

Тебя зовутъ графъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ.

Генрихъ.

Да, такъ зовутъ меня.
Но правда-ль то—Богъ вѣсть. Скажи, давно ли
Меня ты знаешь?

Оттегебе (дрожитъ).

Знаю я давно-ль?

Генрихъ.

Ну, да, дитя мое.

Оттегебе (дрожитъ).

Два года будетъ.

Генрихъ.

Два года? Два? Мнѣ кажется, что ты
Ошиблась. Здѣсь я былъ въ послѣдній разъ,
Дамъ слово рыцаря, тому лѣтъ девять.
Съ тѣхъ поръ я въ вашъ не возвращался домъ.

Оттегебе (*въ сильномъ смущеніи*).

Тогда я маленькой была.

Генрихъ.

Да, правда,
Ты маленькой была. Вотъ почему
Неточно время ты соображаешь.
Дитя, назадъ тому два года гость
Твой бѣдный, что сухую корку хлѣба
Ѣстъ предъ тобой, средь мраморныхъ палатъ
Лежалъ, внимая шуму водометовъ,
Журчавшихъ въ свѣтлые бассейны, гдѣ,
Рѣзвясь, мелькали рыбки золотыя;
Онъ полонъ былъ блаженствомъ, о которомъ
Не грезилось тебѣ, мое дитя,—
Блаженствомъ рая... Да, тамъ рай волшебный:
Тамъ у безмолвныхъ береговъ тростникъ
Колышется, и кипарисовъ тѣни
Ложатся на цвѣтной коверъ азалій,
Тамъ дремлютъ моря ласковыя волны,
Какъ будто кровью голубыхъ цвѣтовъ
Облившіи мраморъ ступеней; гондолы
Плывутъ, сверкая золотой рѣзьбой
И драгоцѣнными камнями... Слышишь
Ты звуки пѣсни грустной? То идетъ
Рабыня смуглая туда, гдѣ кедры
Склоняютъ вѣтви къ водамъ родника;
Серебряный кувшинъ свой наполняя
Прохладною струей, поетъ она
На языкѣ чужомъ и непонятномъ,
И льется въ душу пѣснь, какъ ароматъ
Ея любви, томленьемъ обвѣвая...
Но это было все... и все прошло!..
Теперь я здѣсь съ тобой, а не въ Палермо
И не въ Гренадѣ... Разскажи еще,
Что знаешь обо мнѣ ты?

Оттегебе (*робко*).

Ничего я
Не знаю больше, господинъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Не вѣрю. Это было-бъ слишкомъ мало

Для умныхъ глазъ твоихъ. Теперь скажи
Мнѣ искренно, малютка Оттегебе,
Святая Оттегебе, съ ореоломъ
Изъ льна и шелка, какъ я называлъ
Тебя въ тѣ дни, когда ты довѣряла
Мнѣ болѣе, чѣмъ матери? Ну, какъ?
Припомни.

(Оттегебе стоитъ въ сильномъ смущеніи, отвернувшись и потупившись, перебираетъ то передникъ, то платокъ и нѣсколько разъ разражается смѣхомъ, который испуганно подавляетъ. Отъ страха у ней подкашиваются ноги, и только послѣ нѣсколькихъ поощреній со стороны Генриха она говоритъ тихо и запинаясь).

Оттегебе.

Маленькой своей женою.

Генрихъ.

Да, да. А скоро ли тебя, признайся,
Такъ назоветъ, какъ называлъ тогда
Шутя я,—назоветъ теперь взаправду
Какой-нибудь здоровый парень, а?

(Оттегебе блѣднѣетъ и убѣгаетъ въ испугѣ).

Куда уходишь ты?

Оттегебе (остановившись, дрожитъ).

Мнѣ показалось,
Зоветъ отецъ...

Генрихъ.

Останься и присядь.
Быть-можетъ, не желая, я затронулъ,
Что дорого тебѣ. Мнѣ было-бъ жаль,
Коль это сдѣлалъ я...

(Оттегебе уходитъ).

Готфридъ (входитъ, вздыхая).

Никакъ не можемъ
Мы сладить съ дѣвочкою, господинъ.
Сейчасъ бѣду такую натворила:
Соты изъ улья стала вынимать,
И пчелы искусали ей и руки
И плечи. Видите ли, какова:
Я медъ забылъ подать вамъ, такъ проворно
Распорядилась дѣвочка сама.

Генрихъ (удивленный и повеселѣвшій).

Какъ, неужель изъ-за того, чтобъ меду
Немного для меня достать, она
Не побоялась пчелъ?

(Смѣется).

Готфридъ, поди-ка
И Отакера позови: пусть онъ
Сейчасъ достанетъ изъ сѣдла цѣпочку
Серебряную. Подарю ее
Я маленькой моей женѣ. Ну, что же
Ты не идешь?

Готфридъ (перемявшись).

Вѣдь онъ уѣхалъ.

Генрихъ.

Кто?

Готфридъ.

Да Отакеръ-то, вашъ оруженосецъ.

Генрихъ.

Куда уѣхалъ? Кто послалъ его?

Готфридъ.

Я думалъ, господинъ, что вы объ этомъ
Ужъ знаете.

Генрихъ (сдерживая глубокій вздохъ).

Да, я бы долженъ знать,
Но я не зналъ.

(Вскакиваетъ и начинаетъ ходить, блѣдный и стараясь побороть свое волненіе).

Имѣй, Готфридъ, терпѣнье.
Прошу тебя... И ты когда-нибудь
Узнаешь, для чего я возвратился
Въ зеленую могилу вашу, гдѣ
Все вѣетъ запахомъ сосны. Но только
Теперь о томъ оставимъ разговоръ.
Прими меня, прошу я ради Бога,
Какъ будто-бъ я не графъ фонъ-Ауэ,
Но бѣдный странникъ, что пришелъ искать
Убѣжища и мира.

Готфридъ.

Господинъ мой...

Генрихъ.

Когда бы былъ я господиномъ, ты
Меня бы здѣсь не встрѣтилъ. Ты слыхалъ ли,
Чтобъ господина покидалъ слуга,
Который вѣренъ былъ всегда? И что же—
Я не могу, не смѣю наказать
И выбранить его. Нѣтъ, нѣтъ, что ты мнѣ
Даришь теперь,—все это я приму
Какъ даръ, какъ милость. Я не за оброкомъ
Пришелъ къ тебѣ, не десятину взять:
Пришелъ за добровольнымъ подаяньемъ,
За милосердьемъ я пришелъ, Готфридъ!

Готфридъ.

Я, господинъ, ушамъ своимъ не вѣрю:
Богатый Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ
Крестьянина простого и слугу
Бѣднѣйшаго о милостынѣ проситъ...

Генрихъ.

Да, Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ теперь
Сталъ бѣднымъ Генрихомъ. Тебѣ покуда
Я больше не могу сказать. Настанетъ
И день и часъ... и даже дни... часы,
Когда ты будешь слышать постоянно
Мучительныя жалобы мои
На все, о чемъ меня ты спросишь взглядомъ
Иль словомъ. Я останусь здѣсь у васъ
Недѣли, мѣсяцы, года! А если
Уйду когда-нибудь,—молчи объ этомъ...
Все скрытое откроется потомъ...
Довольствуйся покуда этимъ. Слышишь?..
То сердце, что утратило покой,
Безъ отдыха должно искать покоя.
Дай, добрый человѣкъ, мнѣ то, что вижу
Я у тебя во взорѣ—кроткій миръ.
Да, озари мнѣ душу тихимъ свѣтомъ:
Спокойствіе и миръ дороже ей
Сокровищъ драгоцѣнныхъ Саладина.

(Медленно уходитъ).

(Готфридъ, глубоко потрясенный его рѣчью, смотритъ ему вслѣдъ. Входитъ Бригита).

Бригита.

Нашъ господинъ ушелъ сейчасъ?

Готфридъ.

Ушелъ.

Что сталось съ нимъ? Ты понимаешь это?

Бригита.

Нѣтъ, я не понимаю ни его
Ни нашу дочь. Она лежитъ и плачетъ,
Клянется, что должна его спасти.

Готфридъ.

Спасти? Но отъ чего-жъ спасти?

Бригита.

Не знаю.

Она не признаётся. Говоритъ:
У патера спросите Бенедикта.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кухня въ домѣ Готфрида. Большой очагъ съ крышей и трубой по серединѣ. Металлическая и глиняная посуда на полкахъ. На стѣнахъ оружіе. Въ одномъ углу распятіе. Направо недалеко отъ очага кожаный стулъ; передъ нимъ на полу оленья шкура. Надъ очагомъ и на лѣвой стѣнѣ оленьи головы, голова зубра и нѣсколько арбалетовъ. — Зима.

Бригита съ засученными рукавами наполняетъ мѣшокъ патеру Бенедикту хлѣбомъ, сыромъ и проч. Бенедикту подъ пятьдесятъ лѣтъ. Энергическое загорѣлое лицо съ выраженіемъ достоинства, сѣдые волосы. На немъ бѣдная ряса.

Бенедиктъ. Не знаю. Не спрашивайте меня. Его отецъ былъ настоящимъ храмовымъ рыцаремъ. Мой отецъ, хотя онъ былъ изъ крестьянъ, но богатъ и всѣми уважаемъ, передъ своей кончиной завѣщалъ мнѣ: будь вѣренъ господину. Онъ хотѣлъ сказать не только о Господинѣ на небесахъ, но о нашемъ добромъ земномъ господинѣ, который

помогалъ ему въ голодные годы, пилъ съ нимъ вино и шелъ за его гробомъ съ обнаженной головою, какъ пилигримъ.

Бригита. Скажите мнѣ одно: онъ въ ссылкѣ?

Бенедиктъ. Нѣтъ, ничего, ничего не скажу я вамъ. Скажу только, что вѣдь и вы обязаны господину благодарностью. Вы ничего не должны знать. Видите, мы здѣсь живемъ не въ міру, а въ горахъ. Никто о насъ не спрашиваетъ. Будемъ же и мы глухи въ нашей преданности.

Бригита. Когда прислать къ вамъ опять мою дочь?

Бенедиктъ. Ради Бога, присылайте такъ часто, какъ вы хотите. Когда она приходитъ, моя темная келья дѣлается свѣтлой и просторной. Спаситель дышитъ, и Марія улыбается, а я, обыкновенно удрученный бременемъ моихъ грѣховъ, могу подняться съ земли и глядѣть съ утѣшеніемъ на кроткій ликъ Христа.

Бригита. Ахъ, патеръ, какъ охотно я слушаю это. Но я не знаю... я не могу себѣ объяснить вашихъ словъ. Дѣвочка измѣнилась: ею овладѣлъ какой-то странный духъ, онъ не оставляетъ ее, когда она здѣсь дома, въ послѣднее время. Но это не тотъ добрый духъ, о какомъ вы говорите.

Бенедиктъ. Можетъ-быть, и такъ. Голосъ небесъ разбудилъ насъ отъ нашего грѣховнаго сна. Но царь тьмы не остается праздными, повѣрьте мнѣ: онъ угнетаетъ и ребенка. Но она бодрствуетъ, и сонъ не овладѣетъ ею. Не заграждайте ей дорогу къ святости, путь къ спасенію и милосердію, слышите ли! Оставьте его свободнымъ для нея. Эту дѣвочку влекутъ и поддерживаютъ руки ангеловъ. И когда она лежитъ, точно умершая въ обморокѣ, въ глубокіе тайники ея души проникаетъ Богъ. Я это чувствую. Я позналъ это. Тутъ происходитъ небесное чудо, ведущее въ истинную жизнь.

Бригита. Дай Богъ! Дай Богъ! Аминь. Хорошо, кабы такъ было. Хорошо, кабы она здѣсь, у насъ, стала святѣй. А то вѣдь она иногда просто мнѣ кажется разстроенной умомъ. Я часто думаю: ужъ не хочетъ ли меня наказать Богъ этой дѣвочкой! Ахъ, патеръ, я не могу ни въ чемъ раскаиваться, потому что ее люблю. А вѣдь ожесточеніе грѣхъ. Пусть Богъ накажетъ меня, пусть накажетъ, но не дѣвочку.

Бенедиктъ (слегка взволновавшись). Да, мы грѣшники. Мы грѣшны и испорчены еще въ утробѣ матери. Но Го-

сподь все ведетъ по Своей святой волѣ къ славѣ и добру, какъ бы ни одолѣвали грѣхи и слабости міръ. И чистый разумъ и уста этого ребенка передъ престоломъ милосердаго Бога не будутъ насъ обвинять и защитятъ насъ. (Уходитъ. Бригита провожаетъ его).

(Входитъ Оттегебе, блѣдная и задумчивая. Она приноситъ нѣсколько еловыхъ вѣтвей, кладетъ ихъ на столъ и, отдѣливъ одну, идетъ въ уголъ, гдѣ деревянное распятіе, цѣлуетъ ноги изваянія и украшаетъ его вѣткой. Бригита возвращается, смотритъ на Оттегебе и прислушивается къ шуму голосовъ за сценой).

Бригита.

О чемъ кричатъ служанки на крыльцѣ?

Оттегебе.

Пришелъ больной, какой-то нищій. Проситъ
Онъ милостыню на дворѣ.

Бригита.

Больной?
Что за больной? Да говори же толкомъ?

Оттегебе.

Да, мама, бѣдный Божій человѣкъ.

(Слышно щелканье трещотки).

Бригита.

Такъ это щелкаетъ его трещотка?
Вели его прогнать. Нашъ господинъ
Его не долженъ видѣть.

Оттегебе.

Почему же
Его не долженъ видѣть господинъ?

Бригита.

Не долженъ, говорю я, и довольно,
И больше не разспрашивай.

Оттегебе.

Онъ пишетъ
Тамъ въ комнатѣ...

(Молчаніе).

Мнѣ патеръ говорилъ,

Что если-бъ люди не гнѣвили Бога
Своимъ непослушаньемъ и грѣхомъ
И не отвергли Божье милосердье
И доброту, то міръ бы не видалъ
Тѣхъ бѣдъ, которыя теперь онъ видитъ.

БРИГИТА (громко возится съ посудою и горшками и при этомъ незамѣтно бросаетъ пытливые взгляды на Оттегебе).

Да, времена худыя нынче. Вѣры
И вѣрности ни въ комъ нѣтъ. Патеръ правъ.

ОТТЕГЕБЕ.

Все христіанство,—говоритъ онъ, мама,—
Разъѣдено бѣсовскимъ ядомъ. Богъ
Намъ это хочетъ показать воочью,
И тѣло прокаженнаго есть образъ
Теперешняго міра.

БРИГИТА.

Можетъ-быть.

ОТТЕГЕБЕ.

Онъ плачетъ иногда...

БРИГИТА.

Кто плачетъ?

ОТТЕГЕБЕ.

Патеръ.

Себя бичуетъ и крушится онъ
О томъ, что Богъ навѣки отвернулся
Отъ міра грѣшнаго.

БРИГИТА (крестится).

Спаси Господь!

(Молчаніе).

ОТТЕГЕБЕ (взволнованно).

Онъ говоритъ: великій день ужъ близокъ,
Наступитъ скоро страшный часъ суда.
Ты не боишься, мама?

Бригита.

Страхъ Господень—
Удѣлъ насъ всѣхъ, живущихъ на землѣ.

Оттегебе.

Онъ говоритъ: разверзлись нѣдра ада,
Выбрасывая сѣрный огнь и дымъ,
Война, убійства, моръ у всѣхъ народовъ,
И ходятъ смерти ангелы вездѣ
По городамъ, и ни единый грѣшникъ
Не избѣжитъ ихъ мстительныхъ мечей.

Бригита.

Когда наступитъ за грѣхи расплата,
Тогда и будетъ время ей. Теперь
Бояться нечего.

(Молчаніе).

Оттегебе.

Отъ черной смерти
Избавиться не могутъ ни князья
Ни знатные?

Бригита.

Не могутъ.

Оттегебе.

Никакая
Стѣна и башня замка не спасетъ
Ихъ отъ заразы?

Бригита.

Нѣтъ.

Оттегебе.

Жилъ, видишь, мама,
Когда-то графъ. Разъ танцовала съ нимъ
Дочь императора. Ее невѣстой
Считалъ онъ тайно. И придворный врачъ
Ему шепнулъ тихонько, чтобъ изъ залы
Онъ шелъ за нимъ. Они пришли вдвоемъ
Въ другую комнату. У господина
Врачъ руку осмотрѣлъ и, увидавъ
Пятно на ней глубокое, сказалъ онъ:

Будь твердъ душою, рыцарь, наступаетъ
Часъ для тебя тяжелый! Ты не чистъ.

Бригита.

Къ чему ты эту сказку разсказала?
Ты грезишь?

Оттегебе.

Нѣтъ. Онъ больше съ этихъ поръ
Ни флейтъ ни пѣсенъ не слыхалъ...

Бригита (быстро и съ горячностью).

Ну, полно!
Болтать довольно пустяки.

(Нечаянно сталкиваетъ со стола большой кухонный ножъ. Оттегебе въ сильномъ испугѣ вскрикиваетъ и начинаетъ дрожать).

Чего
Ты испугалась? Что съ тобой?

Оттегебе.

Я, мама...
Я ничего.

Бригита.

Да подними-жъ, подай
Мнѣ ножъ.

(Оттегебе, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, поднимаетъ ножъ и кладетъ его на столъ съ глубокимъ вздохомъ).

Дитя, ты, право, нездорова.

Оттегебе (какъ будто безсознательно качаетъ головой).

Скажи мнѣ, мама: развѣ Исаакъ,
Когда отецъ его хотѣлъ зарѣзать,
Зналъ, что въ душѣ задумалъ Авраамъ?

Бригита.

Нѣтъ. Но къ чему ты это говоришь?
Зачѣмъ тебя тревожатъ эти мысли?
Господь теперь не требуетъ отъ насъ
Такихъ кровавыхъ жертвъ.

Оттегебе

Господь? Но развѣ
Для искупленія людскихъ грѣховъ

Онъ Сына Своего на крестъ не отдалъ?
И не заставилъ Онъ Его идти
Съ открытыми глазами на Голгоѳу?
Кому Господь далъ силу до конца
Страданья горькія терпѣть, тотъ избранъ
Изъ тысячей и осчастливленъ тотъ,—
Такъ патеръ говоритъ,—и сила крови
Невинной, добровольно пролитой
Всегда источникомъ спасенья будетъ;
Здѣсь, на землѣ, цѣлителенъ онъ такъ,
Что кожа прокаженныхъ, если въ немъ
Ее омоютъ, дѣлается чистой,
И язвы заживаютъ.

Бригита.

Можетъ-быть.

Оттегебе.

Ты, мама, слышала, что́ наши слуги
Толкуютъ?

Бригита.

Нѣтъ.

Оттегебе.

Когда-бъ теперь была
На свѣтѣ справедливость, то давно бы
Ему ходить съ трещоткой и сумой,
Какъ нищему.

Бригита.

Кому?

Оттегебе.

Онъ прокаженный
И хижину построить долженъ тамъ,
Гдѣ поле для отверженныхъ.

Бригита.

Пустое
Все это сумасбродство, болтовня...
Поди-ка позаботься объ обѣдѣ.
Нашъ боленъ господинъ, но только духомъ.
А если бы его томилъ недугъ

Проказы страшный, не спасли-бъ тогда
Его ни врачъ, ни патеровъ молитвы,
Ни жертвенная кровь.

ОТТЕГЕБЕ (взволнованно, почти плача).

Нѣтъ, мама, нѣтъ:
Слыхала я—въ Италіи, въ Салерно
Есть врачъ, что лѣчитъ кровью...

БРИГИТА.

Кто тебѣ
Сказалъ объ этомъ?

ОТТЕГЕБЕ.

Отакеръ. Онъ клялся,
Что это правда. Патеръ Бенедиктъ
Мнѣ тоже говорилъ.

БРИГИТА.

Пусть такъ. Быть-можетъ,
Все это правда, но болтать о томъ
Не слѣдуетъ. Мнѣ надоѣло слушать.
Никто не боленъ. Жертвъ не нужно. Мало-ль
Какого вздора наплететъ слуга,
Котораго прогнали съ мѣста. Скоро
Поправится нашъ господинъ совсѣмъ
И въ замокъ свой уѣдетъ.

ОТТЕГЕБЕ (внезапно заливаясь отчаянными слезами).

Мама, мама,
Онъ навсегда покинетъ насъ...

БРИГИТА.

Такъ что-жъ?
И слава Богу! Ну, чего ты плачешь?
Не думаешь ли ты, что долженъ жить
Онъ въ бѣдной хижинѣ, бродить по саду,
Гдѣ утки въ лужѣ плещутся. Вѣдь онъ
Жить во дворцѣ привыкъ.

ОТТЕГЕБЕ (рыдаетъ).

Уйду... уйду тогда я...
Уйду я въ монастырь. Я не могу

По вашему желанью выйти замужъ
За мужика...

Бригита.

Литя, придетъ пора—
Увидимъ, разберемъ. Господь захочетъ,—
Все выйдетъ хорошо. Твое тщеславіе
Съ годами уничтожится, Богъ дастъ.
А я теперь скажу: коль добрый парень
Посватается за тебя,—должна
Ты Господа благодарить сердечно.

(Готфридъ вводитъ Гартмана фонъ-деръ-Ауэ. Гартманъ простой дворянинъ, на нѣсколько лѣтъ старше Генриха, съ посѣдѣвшею бородою. Онъ въ легкихъ латахъ, въ шлемѣ, со шпорами и мечомъ; въ рукѣ мѣховой длинный плащъ).

Готфридъ. Войдите, господинъ рыцарь. Погрѣйтесь. Тутъ горитъ веселый огонь, и вамъ нужно погрѣться. Бригитѣ) Гдѣ нашъ господинъ? Нѣтъ, это господинъ Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ, слуга господина Генриха и его вѣрный другъ... Вы сдѣлали смѣлую поѣздку изъ замка Ауэ въ эту зимнюю пору. Присядьте.

Гартманъ.

Благодарю. Все время сильный вѣтеръ
Мнѣ дулъ въ лицо отъ сѣвера, но конь
Мой добрый несъ меня въ горахъ отлично,
И хоть порой мы застревали съ нимъ
Въ туманѣ облаковъ и вихремъ снѣжнымъ
Дорогу заносило, все-жъ впередъ
Мы двигались. Люблю порою зимней
Скакать въ горахъ черезъ сосновый боръ
И думу думать. Все кругомъ въ молчаньи,
Ни звука, иногда лишь хрустнетъ вѣтка
Оледенѣлая сосны, и вновь
Безмолвіе...

(Привѣтливо къ Оттегебе)

Замолкли даже птички...
Я вслушиваюсь въ тишину лѣсную
И въ ней теряюсь мыслью, точно Петръ,
Когда ему запѣла птичка рая,
И для него, какъ мимолетный часъ,
Тысячелѣтье цѣлое мелькнуло...

Бригита.

Присядьте, господинъ.

Гартманъ.

Вѣдь это дочь,
Конечно, ваша?

Бригита.

Да.

Гартманъ.

Не ошибусь я,
Когда скажу вамъ, что ее прозвалъ
Своей женою маленькою Генрихъ?

Бригита.

Да, въ годы прежніе, когда она
Была еще ребеночкомъ, въ забаву
Ее, бывало, такъ онъ называлъ.

Готфридъ.

Ахъ, мать, онъ и сейчасъ такъ называетъ.
Еще вчера, вотъ тутъ у очага,
Когда ему скамейку, Оттегебе,
Придвинула ты подъ ноги, вѣдь онъ
Сказалъ тебѣ, не правда-ль: «Благодаренъ
Я маленькой моей женѣ»?

Оттегебе.

Сказалъ.

Гартманъ.

Конечно, правы вы. А ты, малютка,
Почетное такое имя крѣпко
Удерживай: оно тебѣ къ лицу...

(Бригитѣ)

Не въ шутку, нѣтъ,—какъ, добрая хозяйка,
Повидимому, думаете вы,—
Нашъ господинъ прозвалъ такъ вашу дочку.
Изъ писемъ Генриха я знаю: онъ
Ее высоко цѣнитъ, хвалитъ очень
За добрую заботливость о немъ.

(Оттегебе въ чрезвычайномъ смущеніи хватаетъ мать за руку и сжимаетъ такъ сильно, что та почти вскрикиваетъ).

Бригита.

Что, что, дитя, съ тобою!?. Посмотрите,
Она до боли сжала руку мнѣ...

(Оттегебе, смѣясь, закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ).

Готфридъ.

Да, да, и я скажу, что Оттегебе
Достойно заслужила похвалу.

Бригита.

Ну, ну, Готфридъ, разбавь водой немножко
Вино похвалъ: бьетъ въ голову оно
Ужъ слишкомъ дѣвочкѣ.

(Уходитъ).

Гартманъ.

Теперь скажите,

Какъ онъ?

Готфридъ (вздыхая).

Какъ онъ? На это отвѣчать
Довольно трудно. Я и самъ не знаю.
Бываетъ, что онъ кажется такимъ,
Какъ прежде, въ дни здоровья; а бываетъ
И такъ, что съ виду, право, хуже онъ,
Чѣмъ думаемъ мы съ вами. Я смекаю,
Что гложетъ горе тайное его,
Которое, быть-можетъ, вамъ извѣстно.
Когда порой бросаетъ на меня
Онъ взглядъ пылающій,—какъ будто камень
Мнѣ давитъ сердце, и въ душѣ моей
Какой-то голосъ шепчетъ, что наказанъ
Отъ Господа ужасной карой тотъ,
Кто такъ страдаетъ.

Гартманъ.

Вамъ извѣстно: вызвалъ
Меня сюда онъ самъ.

Готфридъ.

Нѣтъ, господинъ.

Гартманъ.

Да. Онъ меня призвалъ сюда. А больше
Онъ ничего не открывалъ вамъ?

Готфридъ.

Нѣтъ.
Вы сами посудите: онъ монахомъ
Въ уединеньи здѣсь у насъ живетъ
И соблюдаетъ строгій постъ. Два слова
Промолвитъ Оттегебе онъ, когда
Она ему обѣдъ приноситъ. Книги
Читаетъ. По ночамъ не спитъ! Со мной
Онъ избѣгаетъ встрѣчи. Такъ-то дѣло
Идетъ уже вотъ нѣсколько недѣль.
Ни я не говорилъ съ нимъ, ни Бригита,
Одна лишь Оттегебе, да и ту
Нерѣдко онъ пугаетъ рѣзкимъ словомъ.

Гартманъ.

Скажу вамъ,—это между нами,—онъ
Писалъ мнѣ, что теперь намѣренъ скоро
Отъ васъ уѣхать.

Готфридъ.

Я и самъ смекалъ,
Что выйдетъ такъ-то. Вечеромъ онъ въ креслѣ,
Вотъ здѣсь, сидѣлъ вчера и говорилъ
Такъ странно, такъ печально,—прослезились
Мы даже всѣ,—какъ будто навсегда
Прощался съ нами. Стало-быть, на дѣлѣ
То выйдетъ, что̀ предполагали мы.
Въ какомъ же замкѣ проживать онъ будетъ?

Гартманъ.

Куда поѣдетъ онъ, не знаю я,
Но поскорѣе долженъ онъ вернуться
И показаться въ замкѣ родовомъ
Своимъ вассаламъ. Вѣдь его считаютъ
Пропавшимъ безъ вѣсти. Толкуютъ. Шепчутъ.
А братъ его двоюродный Конрадъ
Высоко вздернулъ голову и въ замкѣ
Съ такою наглостью ведетъ себя,

Какъ будто имя Генриха давно ужъ
Въ монастырѣ записано подъ-рядъ
Съ покойнымъ графомъ.

Готфридъ.

Если онъ уѣдетъ,
Конечно, много потеряемъ мы,
Но все-таки уѣдетъ онъ, повѣрьте.
Подумайте, какое здѣсь житье:
Сегодня, завтра—все одно и то же.
Отъ міра цѣлаго въ лѣсной глуши
Схоронены, мы ни о чемъ не знаемъ...
И если порываемся душой
Порой услышать отзывъ человѣка,
Намъ изъ зеленой дебри прозвучитъ
Одно лишь эхо. Можетъ-быть, и странно,
Что я скажу, но вѣрно: человѣкъ
Недужный, мрачный—онъ въ жилище наше
Какъ будто праздника сіянье внесъ.
Но вотъ отъ насъ онъ удалится. Будни
Наступятъ снова сѣрыя. Труды,
Заботы, огорченья этихъ дней
Намъ радостью въ долинѣ нашей были:
Теперь все это кончится.

Гартманъ.

Кому
Вы это говорите! Я вѣдь другомъ,
Товарищемъ его въ походахъ былъ.
Я годы долгіе провелъ съ нимъ вмѣстѣ,
Съ нимъ плавалъ за моря. Его я зналъ
Еще тогда, какъ императоръ Фридрихъ
Его высокой милостью почтилъ:
Какъ онъ въ тѣ дни своей гордился славой!
Заглядываясь блескомъ голубыхъ
Его очей, съ ума сходили дамы,
Сгорали отъ любви. Изъ-за его
Платка, перчатки, шарфа—герцогини,
Бывало, ссорились и уступить
Его вещей другъ другу не хотѣли.
Да, онъ сіялъ, какъ яркая звѣзда
Въ коронѣ Фридриха, и наслаждались
Дарами славы Генриха мы всѣ.

При императорскомъ дворѣ лишь только
И было разговору, что о немъ:
О пѣснѣ, объ охотѣ, о собакѣ
И лошади его. Позабывали
И о его величествѣ самомъ.
А императоръ Фридрихъ не садился
Безъ Генриха фонъ-Ауэ за столъ.

Готфридъ (тревожно прислушивавшійся все время).

Я слышу, онъ идетъ.

(Входитъ Генрихъ быстро и внезапно. Наружность его запущена, онъ разстроенъ и блѣденъ. Гартманъ торопливо встаетъ. Онъ пораженъ видомъ Генриха. Генрихъ дѣлаетъ недовольное движеніе и отворачивается, какъ будто здоровый видъ Гартмана причинилъ ему физическое страданіе. Онъ встрѣчаетъ его небрежно и съ дѣланной холодностью).

Генрихъ.

А, ты пріѣхалъ?

Гартманъ.

Да, господинъ.

Генрихъ.

Я этого не зналъ.

Гартманъ (плохо скрывая свое впечатлѣніе).

Мой милостивый господинъ, какъ ваше
Здоровіе?

Генрихъ (отрывисто).

Благодарю, Готфридъ.
Гдѣ Оттегебе?

Готфридъ.

Я схожу за нею.

Генрихъ.

Да, да, сходи.

(Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ садится въ кресло, глядитъ нѣсколько въ сторону; затѣмъ нечаяннымъ движеніемъ слегка задѣваетъ стоящаго около Гартмана и послѣ долгаго молчанія говоритъ охрипшимъ голосомъ, принужденно и тихо).

Генрихъ.

Зачѣмъ стоишь ты? Сядь.
Какъ поживаешь, другъ?.. Да что съ тобою?

Гартманъ.

Ахъ, милый, добрый господинъ...

Генрихъ (глубокимъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, который иногда отъ волненія вдругъ сильно повышается).

Ну, да.
Я милый, добрый господинъ, да что мнѣ
До этого? Иль думаешь, что я
Позвалъ тебя затѣмъ сюда, чтобъ руки
Сложилъ ты и твердилъ: ахъ, господинъ
Мой милый, добрый... Что? Поди поближе,
И если ты имѣешь лишній часъ,
Подвинь свой стулъ къ огню и, какъ мужчина,
Поговоримъ теперь другъ съ другомъ мы.

(Гартманъ придвигаетъ скамейку, но, прежде чѣмъ сѣсть, хочетъ склониться на колѣни и поцѣловать руку Генриха).

Генрихъ (торопливо отдергиваетъ руку).

Оставь всѣ эти глупости. Садись же.
Ты все-таки пріѣхалъ, добрый другъ:
Другіе отъ меня вотъ уже мѣсяцъ
Какъ убѣжали. Чай, подумалъ ты,
Когда писалъ тебѣ я, храбрый Гартманъ,
Что новую спою тебѣ я пѣсню,
Что будешь ты посломъ моей любви
Къ какой-нибудь красавицѣ? Нѣтъ, другъ мой,
Я прежде часто отъ любви страдалъ —
Теперь отъ этого я не страдаю,
Страданья прошлыя мои другимъ
Поглощены страданьемъ, предъ которымъ
Все то, что прежде мнѣ казалось горемъ,
Теперь отрадой кажется, и я
О горѣ промелькнувшемъ вспоминаю,
Какъ о потерянномъ богатствѣ. Да.
Но это—въ сторону. На самомъ дѣлѣ
Я чувствую себя довольно сносно.

Ну, что̀ болтаютъ въ свѣтѣ обо мнѣ
Знакомые, родные? Какъ толкуютъ
Они отъѣздъ нежданный въ глушь Шварцвальда,
Гдѣ ото всѣхъ я скрылся, какъ барсукъ
Въ своей берлогѣ? Что̀ и ка̀къ объ этомъ
И думаютъ и говорятъ они?

Гартманъ.

Мой господинъ, нельзя ли вамъ избавить
Меня да и себя отъ пересказа
Всѣхъ слуховъ, и хорошихъ и дурныхъ,
Что̀ разнеслись съ тѣхъ поръ, какъ удалились
Отъ свѣта вы. Всѣ слухи таковы,
Что этотъ свѣтъ въ нихъ ярко отразился.

Генрихъ.

Навѣрно говорятъ, что если я,
Другъ императора, теперь въ изгнаньи,
Такъ, значитъ, Божья кара надо мной.

Гартманъ.

Я умоляю васъ меня объ этомъ
Не спрашивать.

Генрихъ.

Нѣтъ, прямо все скажи.
Повѣрь, что лжи отравленныя стрѣлы
Не будутъ истины больнѣй, и я
Надъ ложью посмѣюсь.

(Входитъ Оттегебе).

И если скажутъ:
«Вѣдь Генрихъ, государь, повелъ себя
Какъ турокъ. Шелковый тюрбанъ онъ носитъ,
Подъ нимъ арабской крови бѣлый конь
Украшенъ полумѣсяцемъ блестящимъ,
Пророка знамя у него въ рукахъ.
За все за это Богъ нашъ христіанскій
Его Алеппо знакомъ заклеймилъ»...
Ты видишь, кто такъ говорилъ, не очень
Налгалъ бы на меня.

Гартманъ.

Мой господинъ,
Алеппо знакъ—что̀ это?

Генрихъ.

Ничего.
Объ этомъ въ книгахъ прочитать ты можешь.
Довольно. Оттегебе, подойди
Ко мнѣ поближе. Вотъ что: поскорѣе
Поди, дитя, ты въ комнату мою;
Тамъ на столѣ пергаменты увидишь,
Исписанные мною и съ моими
Печатями. Сюда ихъ принеси.
Ты поняла?

Оттегебе.

Да, господинъ.

(Оттегебе уходитъ).

Генрихъ.

Смотри:
Вотъ эта дѣвушка моей рабыней
По доброй волѣ стала. Никогда
И евнухи и челяди наемной
Толпы, которыхъ содержалъ я, мнѣ
Такъ не служили. Если-бъ сто желаній
Имѣлъ я, даже тысячу, она
Считала бы игрой ихъ исполненье.
Въ заботахъ обо мнѣ не устаетъ
Ея собачья преданность...
Да, что, бишь,
Я говорилъ? Что борода моя
Всклокочена, похожа на капусту,—
Какъ въ шутку говорятъ,—что не душусь
Я мускусомъ и амброй, какъ бывало
При императорскомъ дворѣ? Такъ что-жъ?
Но сердцемъ чище сталъ я передъ Богомъ,
Который—думать надобно—не любитъ
Арабскихъ благовоній. Если я
Животное теперь напоминаю—
Пусть такъ: когда-нибудь настанетъ часъ—
Я сброшу шкуру звѣря, и подъ нею
Окажется святой. Вѣдь такъ бывало.

Гартманъ.

Мой господинъ и другъ, прошу я васъ:
Скажите все мнѣ искренно. Быть-можетъ,

Вамъ сердце горе тайное грызетъ?
Оставьте вашу скрытность, чтобы могъ я
Избавить васъ отъ вашего врага—
Отъ тайны. Что надъ вами разразилось,
Откройте другу.

Генрихъ (говоритъ съ трудомъ, уклончиво).

Ничего. Слыхалъ
Ты о Гіезіи, что былъ слугою
Пророка Елисея?

Гартманъ.

Господинъ...

Генрихъ.

Ты понимаешь, отчего тебя
Спросилъ объ этомъ я?

Гартманъ.

Не понимаю.
Я слишкомъ мало обученъ...

Генрихъ.

Коль такъ,
Ты все узнаешь къ празднику Успенья.
Теперь же потерпи. Терпѣнье нужно
Для исповѣдника. Пока одно скажу:
Я скоро въ путь сберусь на богомолье,
Подобно пилигримамъ, что идутъ
Молиться въ Мекку. Для чего?—объ этомъ
Не спрашивай.

Гартманъ.

Мой господинъ, со мною
Не такъ вы говорите, какъ бы съ другомъ
Вы говорить должны. Но я хочу
Проникнуть въ васъ, и я не успокоюсь,
Покуда знать не буду я всего.
Что васъ терзаетъ? Что же, что случилось?
Что такъ внезапно сбило васъ съ пути?
Вѣдь въ праздничномъ веселіи вы жили,
Легко ступали по землѣ. Въ бояхъ,

Во всѣхъ дѣяньяхъ вашихъ будто ангелъ
Васъ охранялъ щитомъ. Изъ дальнихъ странъ
Подъ кровъ родной вы воротились въ славѣ,
И слава провожала васъ туда,
Гдѣ странствовали вы. И что же вышло?
Взамѣнъ того, чтобъ жатву собирать,
Посѣянную набожною силой,
Вы оставляете посѣвъ вашъ гнить.
Надъ вами руку милости высокой
Самъ императоръ распростеръ и далъ
Невѣсту вамъ изъ княжескаго рода.
Скажите же во имя Бога мнѣ,
Зачѣмъ бѣжали вы въ пустыню эту
Отъ счастья вашего? И почему
Не можете къ нему вы возвратиться?

Генрихъ (долго глядитъ на него раскрытыми глазами и болѣзненно, задыхаясь, говоритъ подавленнымъ голосомъ).

Жизнь, другъ, сосудъ есть хрупкій: такъ
Въ коранѣ сказано, и это правда.
Я понялъ это. Не хочу я жить
Въ пустой яичной скорлупѣ. Желаешь
Ты возвеличить человѣка, въ немъ,
Быть-можетъ, образъ Божества ты видишь?
Однако, если ты ему проткнешь
Сапожнымъ шиломъ пульсъ,—вотъ здѣсь, положимъ,
Или вотъ тамъ,—польется изъ него
Кровь, какъ вода изъ жолоба, и съ нею
Все утечетъ: и счастье, и любовь,
И гордость благородная, и доблесть,
И божескіе свѣтлые порывы,
И сила, и стремленіе къ добру,
Къ дѣяніямъ великимъ, и награда
За тѣ дѣянья, и богатство—все,
Что въ глупомъ заблужденіи считаемъ
Мы достояньемъ человѣка. Будь
Ты императоромъ, султаномъ, папой,
Но въ похоронный саванъ обернутъ
Твое нагое тѣло нынче, завтра,
И въ этомъ саванѣ оно остынетъ.

Гартманъ.

Такъ говоритъ упавшій духъ...

Генрихъ.

Онъ былъ
Когда-то веселъ. Въ постоянной пляскѣ
Ходить я разучился, говорить
Я пересталъ отъ постоянныхъ пѣсенъ.
Я шелъ съ поднятой гордо головою,
И жизнь была и счастьемъ, и молитвой,
И радостью. Но вотъ, когда домой
Я возвращался въ суетномъ мечтаньи,
Что близокъ я душою къ Божеству,
И, мнѣ казалось, серафимы пѣли
Моимъ дѣяньямъ набожнымъ хвалу,
Когда я гордо несъ свой мечъ священный,—
Собаки грозныя моей судьбы
За мною слѣдомъ шли, рыча и воя
Отъ жажды крови... Гдѣ-жъ охотникъ тотъ,
Который ихъ натравливалъ? Увидѣть
Его хотѣлъ бы я!

(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Оттегебе приноситъ пергаменты и подаетъ ихъ молча Генриху).

Послушай, вотъ...

Гартманъ.

Мой господинъ, вы знаете: я не былъ
Попомъ или прислужникомъ поповъ...
Но то, что говорите вы, ужасно
И чуждо для меня. Что-бъ ни послалъ
Вамъ Вѣчный Судія, предъ нимъ склонитесь,
Склонитесь подъ крестомъ Его.

Генрихъ.

Вассалъ
Я императора. Съ нимъ вмѣстѣ принялъ
Отъ кардинала Остіи мой крестъ
И этому кресту донынѣ вѣренъ.
Тотъ крестъ по платью у меня былъ вышитъ,
Теперь онъ вросъ и въ плоть мою и въ кровь,
И только смерть—чего-жъ ты хочешь больше?—
Меня съ нимъ разлучитъ... Мой другъ, оставь
Молебны и молитвы. Потеряешь
Ты только время даромъ.

(Къ Оттегебе)

Благодаренъ
Я маленькой женѣ моей. Иди.
Да—вотъ что: если мнѣ связать захочешь
Перчатки шерстяныя—поспѣши:
Пожалуй, можешь опоздать. Иди же.
Что говорю я другу моему,
Тебѣ не надо слышать.

(Оттегебе уходитъ).

Вотъ пергаментъ.
Я написалъ здѣсь все, что пожелать
Еще на этомъ свѣтѣ можетъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ... Не прерывай меня,
Мой добрый другъ, и слушай со вниманьемъ,
Что я скажу. Моимъ посломъ ты будешь:
Бернгарду, дядѣ моему, письмо
Вручишь. Тутъ я высказываю волю
Мою послѣднюю... Молчи, постой...
Въ коранѣ говорится: опрометчивъ
Бываетъ человѣкъ. Чѣмъ пораженъ
Я отъ руки судьбы, вы не старайтесь
Развѣдывать. Считайте, что я сталъ
Предусмотрителенъ и мудръ. Но какъ
Прозрѣлъ и что увидѣлъ, не желайте
Загадку эту разгадать. Твой умъ
Не такъ глубокъ, чтобъ уяснить все это.
Что нужно знать вамъ, здѣсь я написалъ.
Довольно этого. А я... пойду я снова,
Какъ странникъ добровольный, по пути
Мнѣ назначенному,—прямо и безъ страха.
Плестись, какъ Лазарь бѣдный, по дорогамъ,
Въ грязи валяться, язвами своими
Предъ всѣми хвастать и молить, чтобъ ихъ
Зализывали псы—объ этомъ въ книгѣ
Моей судьбы не значится. А если-бъ
Тамъ было такъ написано,—клянусь,
Я стеръ бы надпись... Ну, прощай... Минуетъ
Годъ на землѣ,—страданіе мое
Настолько-жъ мертво будетъ. Надъ могилой
Моихъ скорбей прольется много разъ
Дождь освѣжающій... Прощай, прощай.

(Послѣ короткой, мрачной паузы, онъ говоритъ внѣ себя)

Но слушай: выскреби свою одежду

И отъ меня бѣги, мой другъ, бѣги,
Я говорю тебѣ!.. И прахъ скорѣе
Отъ ногъ своихъ ты отряхни, и если
Тебя ухватитъ кто-нибудь за плащъ,
Оставь въ его рукахъ одежду эту,
А самъ бѣги, бѣги!

Гартманъ (пораженный).

Мой господинъ,
Что говорите вы мнѣ...

Генрихъ.

Говорю я,
Бѣги и не оглядывайся вспять!
И не дотрогивайся до меня: я небомъ
Такъ осчастливленъ, что вокругъ себя
Распространяю гибель... Да, героемъ
Я сталъ такимъ, что отъ моей руки
Въ которой нѣтъ оружія, герои
Должны бѣжать: ея прикосновенье
Страшнѣе смерти. Если взглядомъ я
Задѣну дѣвушку, отъ отвращенья
Умретъ она, замѣтивъ этотъ взглядъ!

(Оттегебе входитъ. Безъ кровинки въ лицѣ, какъ восковая фигура, она останавливается, съ дрожащими губами и неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ на Генриха).

Гартманъ.

Очнитесь, господинъ, въ себя придите,
Вы въ бѣшенствѣ и ярости...

Генрихъ.

Коль такъ,
Ударь меня полѣномъ, рукояткой
Меча, чѣмъ хочешь,—и убей, убей!
Освободи меня отъ этой жизни
И отъ меня себя освободи.
Что дѣлаете вы, когда собака
Къ вамъ бѣшеная забѣжитъ во дворъ?
Чего боишься ты? Убей скорѣе!
Будь смѣлъ!

(Вбѣгаютъ Готфридъ и Бригита).

Вы всѣ—сюда! сюда!
Идите и смотрите всѣ: вотъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ, *который прежде* мылъ
Три раза на день тѣло и пылинку
Малѣйшую *сдувалъ* съ *одежды*, вотъ
Вашъ князь и господинъ: теперь *отъ пятокъ*
До головы онъ *язвами* покрытъ,
Какъ древній Іовъ, что̀ еще *при жизни*
Былъ мертвой падалью, лежалъ въ грязи
На кучѣ пепла и рукой *изсохшей*
Бралъ черепокъ, чтобъ струпья соскоблить.

(*На лицѣ* Оттегебе появляется постепенно радостное, *почти* божественное выраженіе. Когда Генрихъ *окончилъ свои рѣчи*, изъ ея груди вырывается крикъ, и она бросается къ его ногамъ и покрываетъ его *руки неистовыми* поцѣлуями).

ОТТЕГЕБЕ.

Мой дорогой, мой милый господинъ!
О *жертвенномъ подумай* агнцѣ... Вспомни...
Я знаю... Я хочу... могу взять грѣхъ...
Обѣтъ дала я... и спасенъ ты будешь!

(ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Скалистая лѣсная мѣстность. Могучія *хвойныя и пожелтѣвшія* лиственныя деревья. Въ глубинѣ ущелья *пещера*. У входа въ пещеру бревенчатый навѣсъ на *подобіе* шалаша; внутри шалаша кой-какая *кухонная* утварь, арбалетъ и проч. Осенній вечеръ.

ГЕНРИХЪ, *оборванный и одичавшій*, съ отросшими волосами и бородой, *копаетъ киркою и* лопатой глубокую яму. Его лѣвая рука *перевязана*. ОТАКЕРЪ въ латахъ, только что сошедшій съ коня, показывается на скалистомъ возвышеніи, стараясь держаться въ отдаленіи отъ *Генриха*.

ОТАКЕРЪ.

Эй, ты! Послушай! Эй! Эй, ты!

ГЕНРИХЪ (прислушивается и повторяетъ про себя).

Эй, ты! Эй, ты! Оставь меня въ покоѣ.

ОТАКЕРЪ.

Эй, муравьедъ! Что̀ дѣлаешь ты тамъ?

Генрихъ (про себя).

Для вѣчнаго покоя стойло.

Отакеръ.

Роешь
Колодецъ, что ли? Или ищешь кладъ?

Генрихъ (про себя).

Да, большій кладъ и не искалъ донынѣ.

Отакеръ (нерѣшительно).

Не изъ людей ли Божьихъ ты? Ну, что-жъ,
Отвѣть! Пошевелись, кабанъ!

Генрихъ (встаетъ, схатываетъ арбалетъ и цѣлитъ въ Отакера).

Отвѣчу
Тебѣ я такъ что помнить будешь вѣкъ.

Отакеръ (закрываетъ лицо рукою въ латахъ).

Паршивый рабъ!

Генрихъ.

Бродяга!

Отакеръ.

Ядовитый
Паукъ! Оса проклятая, меня
Ты хочешь укусить! Стрѣляй, коль съ жизнью
Разстаться ты желаешь.

Генрихъ.

Съ жизнью—да,
И съ смертью также, рабъ. Ну,—я стрѣляю.

Отакеръ.

Постой. Дай слово молвить. Подожди,
Косматый, къ чорту на рога поспѣешь.
Сперва скажи: живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ?

Генрихъ.

А что̀ это за дичь такая?

ОТАКЕРЪ.

Дичь
Съ паршивой шерстью. А когда-то былъ онъ
Въ родствѣ съ орломъ и львомъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты кто такой?

ОТАКЕРЪ.

Кто я—тебѣ нѣтъ дѣла. Конный воинъ,
Привыкшій къ бурямъ и боямъ.

ГЕНРИХЪ.

И все-жъ
Изъ трусовъ самый подлый ты на свѣтѣ.

ОТАКЕРЪ (дѣлаетъ движеніе, будто желая броситься на Генриха).

Что?

ГЕНРИХЪ.

А вотъ то!

ОТАКЕРЪ.

Ты смѣлъ сказать мнѣ такъ!
Читай же «Отче нашъ».

ГЕНРИХЪ.

Прочелъ два раза.
Ну, что-жъ ты не подходишь?

ОТАКЕРЪ.

Убивать
Не стоитъ жалкую собаку. Можешь
Ты уходить. Скажи мнѣ лишь одно:
Не здѣсь ли гдѣ-нибудь гнѣздится бывшій
Графъ Ауэ, который убѣжалъ
Недавно съ мызы?

ГЕНРИХЪ.

Графъ, бѣжавшій съ мызы?
Какъ такъ? Тебя тарантулъ укусилъ?

Отакеръ (дико и громко смѣется. Замѣтно, что онъ выпилъ).

Да, да, я бѣшеный. Иначе развѣ
Побрелъ бы я за нимъ.

Генрихъ.

Поди сюда.

Отакеръ.

Ну, нѣтъ, братъ.

Генрихъ.

Подойди. Оставимъ ссору.
Я честно говорю. Ты разсказать
Мнѣ долженъ о паршивомъ графѣ.

Отакеръ (садится на камень въ нѣкоторомъ отдаленіи).

Ладно.
Коль миръ, такъ миръ. А все же сто шаговъ
Пусть будетъ разстоянья между нами.
Ну, слушай же. Въ семи часахъ пути
Есть мыза среди лѣса. Тамъ скрывался
Больной мой господинъ. Ему всегда
Я вѣренъ былъ, клянусь... Чего таращишь
Свои глаза? Я бился рядомъ съ нимъ
Не разъ у мавровъ. Не одинъ язычникъ
Упалъ съ коня отъ моего меча,
Не одному я сбилъ чалму, и часто
Оружіе враговъ я отводилъ
Отъ шеи господина. Да, такъ было.
Но вышло подъ конецъ, что заболѣлъ
Проказой онъ. А отчего? Вотъ видишь,
Не вѣрилъ тайнымъ амулетамъ онъ,
Надъ заговоромъ онъ смѣялся. То-то.
Ну, да объ этомъ помолчу. А все-жъ
Ему я вѣрнымъ оставался. Вмѣстѣ
Съ нимъ во дворѣ крестьянскомъ жилъ, пока
Не убѣжалъ онъ въ горы.

Генрихъ.

Такъ чего же
Ты хочешь отъ него?

Отакеръ.

Іисусъ, Марія,
Святой Іосифъ!.. Глупая башка,
Мнѣ ничего не нужно. Да избавитъ
Меня Господь отъ всѣхъ его отравъ.
Пусть сохранитъ онъ все, что̀ онъ имѣетъ,
Къ нему я посланъ съ вѣстью. Вотъ возьми
Монету.

(Бросаетъ деньги).

Передай, что̀ ты услышишь
Здѣсь отъ меня, какъ свидишься ты съ нимъ:
Вѣдь вы, бродяги, знаете другъ друга.

Генрихъ (*оттолкнувъ деньги*).

Себѣ оставить можешь эту дрянь.
Ты трусишь, баба. Ты боялся встрѣтить
Того, къ кому ты шелъ, и хочешь ты,
Чтобъ былъ твоимъ посломъ я за три гроша.

Отакеръ (*отпивъ изъ фляжки*).

Что? Я боюсь? Я—Отакеръ? Такъ знай!
Три дня тому сказалъ намъ рыцарь Гартманъ,
Намѣстникъ господина моего:
«Эй, кто изъ васъ поднять рѣшится прямо
Медвѣдя изъ берлоги?» Я тогда
Сталъ впереди толпы и засмѣялся:
«Я, господинъ, могу». Вотъ я каковъ!
И такъ и сдѣлалъ я.

Генрихъ (*тихо, съ мрачной иронiей*).

Слуга мой вѣрный!
Приди въ мои объятья.

Отакеръ (*увидѣвъ, что Генрихъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ, вскакиваетъ и отбѣгаетъ*).

Чортовъ адъ!
Кто ты?

Генрихъ.

Не бойся: это я, паршивый
Твой господинъ, фонъ-Ауэ.

Отакеръ (пристально поглядѣвъ, узнаётъ Генриха и падаетъ на колѣни, сложивъ руки съ мольбой и страхомъ).

Господинъ!
Помилуйте меня! Простите! Вѣренъ
Я былъ всегда вамъ и во всякій часъ,
И лишь тогда предъ вами провинился,
Когда бѣжалъ... Вашъ замокъ мы хранимъ...
Вы знаете, предъ вашею палаткой
Лежалъ я по ночамъ съ мечомъ въ рукѣ,
Чтобъ вы спокойно спали—и не трусилъ...
Простите, каюсь я въ грѣхѣ своемъ...
Пусть вы отлучены, но рыцарь Гартманъ
Намъ говорилъ: священникъ отвести
Не можетъ руку помощи. Больны вы.
Но рыцарь говорилъ: коль Богъ захочетъ,
Вы будете здоровы. Вы безъ вѣсти
Пропали. Мертвымъ объявляетъ васъ
Вашъ братъ двоюродный Конрадъ. Но всѣ мы,—
Насъ больше тысячи,—всѣ поклялись
Предъ ликомъ Богоматери вашъ замокъ
Какъ прежде и блюсти и охранять.

Генрихъ (съ дѣланнымъ добродушіемъ).

Ну, хорошо. Все прощено, забыто.
Ни слова болѣе объ этомъ. Да,
Все прощено. Ты вѣренъ былъ и вѣрнымъ
Остался ты. Я мужество твое
И храбрость знаю. Я видалъ, какъ въ битвѣ
Ты въ клочья раздиралъ врага, какъ волкъ.
Не трусишь ты. Такъ подойди поближе:
У моего ты сядешь очага,
Огнивомъ я зажгу дрова и буду
Не господиномъ, а твоимъ слугой.

Отакеръ (послѣ сильной, почти смѣшной борьбы съ самимъ собою).

Нѣтъ, уоргъ возьми... я не могу.

Генрихъ (будто онъ ничего не замѣчаетъ).

Ну, что же?

Отакеръ.

Уйти я долженъ, господинъ.

Генрихъ (*помолчавъ*).

Зачѣмъ?

Отакеръ.

Мнѣ рыцарь Гартманъ...

Генрихъ.

Ты мой рабъ! И если
Тебѣ я говорю: останься здѣсь—
Ты долженъ оставаться!

Отакеръ (*послѣ новой борьбы съ самимъ собой*).

Не могу я...
Богъ видитъ,—не могу. Изъ арбалета
Пустите лучше мнѣ стрѣлу въ високъ.

Генрихъ.

Стрѣлу? Ты баба! Негодяй, мошенникъ.
Ремень, веревка, лошадиный кнутъ—
Вотъ чѣмъ тебя, а не стрѣлой!.. Постой же!

(*Онъ вытягиваетъ впередъ руки*).

Разъ, два! Ну, убирайся! Три, четыре!—
Пошелъ!

Отакеръ (*отойдя*).

Опомнитесь, мой господинъ
Лѣчитесь, какъ другіе: окуните
Въ крови ребенка руки. Надо вамъ
Взять смѣлость для того...

Генрихъ.

Пять! Шесть! Довольно:
Поберегись, герой, поберегись!

(*Бросается къ Отакеру съ поднятыми руками. Тотъ убѣгаетъ въ безумномъ страхѣ. Возвратившись, Генрихъ разражается дикимъ смѣхомъ, болѣзненнымъ, почти переходящимъ въ рыданія. Затѣмъ онъ овладѣваетъ собою*).

Генрихъ (одинъ).

Такъ. Хорошо. Вновь тишина царитъ,
И въ этомъ царствѣ я живу, закованъ
Въ мой крѣпкій панцырь. Пусть я одинокъ—
Уединенье мнѣ не давитъ сердца.
Шумъ суеты не слышу я. Кругомъ
Въ холодномъ блескѣ, въ ледяномъ просторѣ,
Таинственное мiровое море
Раскинулось, и я свободенъ въ немъ.
Чего же не хватаетъ мнѣ? За дѣло!

(Продолжаетъ копать могилу).

Изъ праха вышелъ ты и снова въ прахъ
Ты обратишься. Жизни сонъ минуетъ:
За нимъ наступитъ вѣчной смерти сонъ.
Жизнь наша—нищій. Смерть—властитель мiра.
Нѣмая, въ тьму одѣтая, она
Какъ глыба катится, все погребая.
Что̀ зарождаетъ жизнь? Слѣпой порывъ
Безумной похоти: подъ кровомъ ночи
Безчисленныхъ глупцовъ она влечетъ,
Грѣхомъ ихъ соблазняя и развратомъ.
И вотъ тюрьма, гдѣ тѣсно имъ и такъ,
Становится для нихъ еще тѣснѣе.
Но смерть, тюремщикъ добрый, выпускаетъ
На волю всѣхъ. Мечтаетъ человѣкъ,
Что̀ онъ откликнуться душою можетъ
На все, чѣмъ мiръ богатъ. Но вѣдь ему
Ничто не откликается. Все нѣмо,
Какъ эти камни. А когда-бъ они
Заговорили, человѣкъ услышитъ
Отъ нихъ одно лишь: жизнь твоя—страданье,
А счастье въ смерти.

(Патеръ Бенедиктъ появляется въ глубинѣ ущелья).

Бенедиктъ (нерѣшительно, издали).

Богъ благословитъ
Васъ, бѣдный Генрихъ.

Генрихъ (прислушиваясь, про себя).

Вотъ опять трещотка—
Людская рѣчь.

Бенедиктъ (медленно приближается къ Генриху и кладетъ ему руку на плечо. Генрихъ спокойно продолжаетъ копать могилу).

Мой добрый другъ...

Генрихъ.

Кто ты?

Бенедиктъ.

Что дѣлаете вы?

Генрихъ.

Себѣ могилу
Копаю. Для чего пришелъ ко мнѣ?

Бенедиктъ.

Принесъ вина я вамъ, плодовъ и хлѣба.

Генрихъ.

Уйди, монахъ! Уйди! Не то тебя
Я пригвоздю, какъ филина, надъ дверью
Моей пещеры. Въ монастырь ступай,
Въ подземную нору, гдѣ ты таишься
Какъ темная ехидна.

Бенедиктъ.

Господинъ
Мой добрый...

Генрихъ.

Ладно. Говорю тебѣ я,
Исчезни съ глазъ моихъ. Или заставь
Меня исчезнуть, чтобы ты не видѣлъ,
Какимъ я сталъ. Я для тебя теперь
Не господинъ и не слуга. Ни болѣнъ
И ни здоровъ я; ни одѣтъ ни голъ,
И не постриженъ я, какъ ты, въ монахи,
Хоть и постриженъ. Понялъ—я ничто.
Ты слышишь ли—ничто.

Бенедиктъ.

Чѣмъ ни считалъ бы
Себя заблудшій человѣкъ, но все-жъ
Дитя онъ Божье.

Генрихъ (внезапно выскочивъ изъ могилы и отложивъ въ сторону лопату).

Что ты? Неужели?
Вѣдь ты монахъ, избранникъ Бога. Ну,
Поди-жъ сюда, присядь ко мнѣ, коль любишь
Коросту и нарывы. Тотъ мой другъ,
Кто разсмѣшитъ меня. Такъ ты сказалъ мнѣ
Что Божье я дитя. Да, я дитя.
А вотъ и колыбель моя—могила.
Я это на пергаментъ запишу.

Бенедиктъ.

Вы въ тяжкомъ горѣ, бѣдный господинъ мой,
Я это знаю...

Генрихъ.

Бѣднымъ ты меня
Зовешь, монахъ? Я бѣденъ? Подойди же
Сюда къ кусту терновника, къ кустамъ
Крапивы, и раскрой глаза пошире:
Все, что ты видишь, нищій—все мое!
И этотъ лѣсъ, и скалы, и долина,
И озеро, и скаты дальнихъ нивъ,
И рыбы въ озерѣ, и вѣтви сосенъ,
И тѣхъ деревьевъ каждый, каждый листъ—
Все здѣсь мое. Вотъ у тебя на рясѣ
Я вижу паутинку: вѣдь ее
Соткалъ паукъ—слуга мой. Даже жало
У комара, которымъ жалитъ онъ,
И то мое и взято изъ запаса
Моихъ сокровищъ.

Бенедиктъ.

Хорошо, но все-жъ...

Генрихъ.

Вотъ въ этомъ суть, вотъ въ этомъ-то и дѣло:
Усталъ играть я господина роль,
Усталъ томиться въ шелковыхъ одеждахъ
И узкихъ башмакахъ. Усталъ я быть
Рабомъ моихъ рабовъ и блюдолизовъ,
Друзей моихъ. Усталъ питаться я

Той пищей, что̀ готовили другіе.
Усталъ стоять высоко, на горѣ,
И нагибаться къ тѣмъ, кого чуть видѣлъ
Я тамъ, внизу. Стремиться можетъ вверхъ
Къ свободѣ, къ свѣту тотъ, кто въ бѣдной долѣ
Влачится по землѣ. Но властелинъ,
Когда захочетъ сдѣлаться свободнымъ
И быть причастнымъ міру,—долженъ онъ
Глубоко въ землю погрузиться, такъ,
Какъ вотъ теперь я дѣлаю—гляди.

(Прыгаетъ въ могилу).

Бенедиктъ.

Прошу васъ, встаньте, господинъ. А если
Не можете подняться, то со мной
Колѣни преклоните, и мы оба
Мольбы и души вознесемъ къ Тому,
Кто былъ всегда, и есть, и вѣчно будетъ.

Генрихъ (выскакиваетъ изъ могилы).

Да, Онъ поднимется. Но не ты, не я!
Онъ дѣлаетъ, монахъ, по произволу,
А не изъ жалости, какъ вѣришь ты.
О, если-бъ дѣлалъ Онъ, соображаясь
Съ желаньями людей! О, если-бъ Онъ
Могъ тронуться моленьемъ этихъ рукъ
Изрѣзанныхъ и этихъ устъ съ губами,
Изъѣденными язвой, что̀ едва
Лепечутъ жалобы свои, и этихъ
Очей потухшихъ, что̀ слезятся кровью
Въ глубокихъ впадинахъ,—тогда, монахъ,
Земля была бы раемъ и богами
Мы были бы на ней, или Господь
Не разъ одинъ бы умеръ отъ страданій,
А десять, сто разъ и лежалъ теперь
Онъ мертвецомъ въ забытомъ гробѣ міра!
Ты это понимаешь?

Бенедиктъ.

Живъ Господь!
Имѣйте вѣру. Если бы искали
Его вы съ вѣрой...

Генрихъ.

Ты пришелъ сказать,
Что живъ Онъ? Хорошо. Благодарю.
Иди. Ты видишь, самъ я докопался
До этого, здѣсь, въ долгой тишинѣ.
Я знаю, знаю, что Онъ живъ, и правду
Я говорю тебѣ: Онъ былъ со мною,
Но, ты, монахъ, Его отсюда гонишь.
Да, это такъ. Напрасно съ недовѣрьемъ
Ты головой киваешь; у меня
Есть Богъ. Но этотъ Богъ не ослѣпляетъ
Тѣхъ глазъ, которые Его не видятъ,
Не разрываетъ сердца тѣмъ, кто жаждетъ
Его любить, не отстраняетъ рукъ
Дѣтей, Его молящихъ, и надъ ними
Не слышится Его холодный смѣхъ.

(Съ дикимъ хохотомъ)

Да, Богъ смѣется! Богъ смѣется!

(Сразу мѣняетъ тонъ, преодолѣвъ себя. Рѣзко)

Ищешь
Чего ты здѣсь?

Бенедиктъ.

Тебя ищу, твое
Когда-то столь незлобивое сердце,
И въ немъ покорности Творцу ищу.

Генрихъ.

Ну, если такъ, поторопись: пора мнѣ
Кормить теперь сыча и паука,
Который такъ прилежно паутину
Плететъ въ моей пещерѣ. Начинай
Свою работу.

Бенедиктъ.

Господинъ, пришелъ я
Сюда по просьбѣ честнаго Готфрида.

Генрихъ (прислушавшись къ движенію въ кустахъ, вскакиваетъ и бросаетъ туда камень).

Прочь убирайся! Для чего пришелъ?
Живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ. Убирайся!

Не то... Эй, сторожъ! Эй! Спустить собакъ!
Они тебя научатъ послушанью.

(Изъ кустовъ выходитъ Готфридъ).

Готфридъ.

Вѣдь это я, мой добрый господинъ,
Готфридъ, слуга вашъ.

Бенедиктъ.

Это онъ взаправду.
Не любопытство привело его
Къ вамъ, господинъ, а горькая забота

Генрихъ (долго и пристально всматривается въ Готфрида, потомъ говоритъ спокойно).

Встань. Что съ тобою? Встань. Поди сюда,
Кто умеръ у тебя? Какое горе
Въ твое гнѣздо проникло?

Готфридъ (почти съ плачемъ).

Господинъ,
Вѣдь дочь моя...

Генрихъ.

Глаза мнѣ ѣстъ отъ дыма...
Въ нихъ слезы... Что же: умерла она?

Готфридъ.

Нѣтъ, добрый господинъ...

Бенедиктъ.

Готфридъ, постой-ка,
Я разскажу все кратко. Я вѣдь былъ
Духовникомъ ребенка въ это время
И знаю все я. Да, она живетъ.
Она живетъ одна съ тѣхъ поръ, какъ мыэу
Покинули вы, и живетъ она
Какой-то странной жизнью. Измѣнилась
Она теперь, ее нельзя узнать.
Она какъ бы внѣ міра пребываетъ
И дышитъ только внутреннимъ огнемъ,
Что тѣло разжигаетъ.

Готфридъ.

Господинъ мой,
Она не ѣстъ, не пьетъ, лежитъ она
И смотритъ на небо стекляннымъ взглядомъ...
Она...

Бенедиктъ (перебивая).

Постой, Готфридъ. Да, это такъ.
И вотъ теперь, когда мы здѣсь предъ вами
О ней толкуемъ, съ ложа своего
Подстилку сбросивши, она на голыхъ
Лежитъ доскахъ,—соломы даже нѣтъ,—
Закоченѣвъ, какъ дерево кровати,
Безъ пищи, безъ питья и безъ движенья
Ужъ двое сутокъ.

Генрихъ (садится у могилы и чиститъ морковь).

Ясно говоря:
У ней болѣзнь. Врача къ ней позовите.
Когда бы я врачомъ былъ, то себя,
Конечно, вылѣчилъ бы. Но къ чему же,
Плѣшивый братъ, идете вы ко мнѣ?
Ну, сѣмени цытварнаго ей дайте,
Иль отъ глистовъ траву. Вѣдь у дѣтей
Бываетъ: кажется болѣзнь серьезной,
Но происходитъ отъ смѣшныхъ причинъ.
А если не дитя больная ваша,
Такъ дайте вы ей то, что̀ превращаетъ
Болѣзненныхъ дѣвицъ въ здоровыхъ женщинъ.

Бенедиктъ.

Я Оттегебе знаю, господинъ,
Я воспиталъ ее...

Готфридъ.

А я-то, патеръ,
Еще получше знаю...

Бенедиктъ.

Вѣдь ко мнѣ
Она приходитъ и свои печали
Передаетъ всегда мнѣ.

Готфридъ.

А со мной
Она жила съ тѣхъ поръ, когда впервые
Я крикъ ея услышалъ.

Бенедиктъ.

Ну, такъ вы
И говорите.

Готфридъ.

Да. И вотъ скажу я,
Что господинъ нашъ правъ. Все это въ ней
Отъ возраста. Когда-бъ найти ей мужа—
Въ порядокъ все пришло бы. Только-бъ вы
Съ Бригитой не мѣшали...

Бенедиктъ.

Вѣдь недавно,
Готфридъ, вы попытались—ну, и что-жъ?
Чѣмъ кончилось?

Готфридъ.

А что тому виною?
Вѣдь если-бъ дочь воспитана была
Какъ деревенской дѣвушкѣ прилично,
Она бы не лишилась чувствъ, когда
Я жениха привелъ ей. Господинъ мой,
Зачѣмъ ушли отъ насъ вы? Поутру
Она, какъ прежде, понесла къ постели
Вамъ кружку молока, а васъ и нѣтъ!
Вотъ тутъ ее болѣзнь и захватила,
И если не воротитесь вы къ намъ,
Она изсохнетъ и помретъ.

Бенедиктъ.

Зимою
Не можете вы жить въ лѣсу. Вотъ я
Привыкъ къ нуждѣ, и все-таки въ часовнѣ
Есть келья у меня. Но иногда
Я вынужденъ бываю къ добрымъ людямъ
Идти подъ кровъ, чтобы себя согрѣть.

Генрихъ.

Прочь отъ меня, глупецъ! Прочь, лысый сводникъ!
И ты, сѣдая, глупая башка!
Прочь! Ну, чего вы здѣсь найти хотите?
Вино изъ терна? Фиников съ крапивы?
Кто я? Что я теперь? Иль у меня
Излишекъ есть, что нищіе приходятъ
Его со мною раздѣлить? Старикъ,
Къ себѣ подъ кровъ меня зовешь ты снова?
Смѣшно! Не ты-ль вокругъ меня бродилъ
Исполненъ ужаса, когда я въ домѣ
Жилъ у тебя? Не ты ли безпрестанно
Дрожалъ предъ слугами своими? Что?
Ты думаешь, не выдавали взгляды
Твои, жены твоей, вашъ тайный страхъ
И ваше затаенное желанье?
Вѣдь вы меня глазами умоляли:
«Уйди и дай вздохнуть свободно намъ».

Готфридъ.

Вы ошибаетесь, клянусь я Богомъ,
Мой милостивый господинъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Не ошибаюсь я. Дешевой ложью
И болтовней кормили вы меня,
Чтобъ скрыть свой страхъ. Сперва я ѣлъ охотно,
Потомъ мнѣ опротивѣлъ этотъ кормъ,
И я ушелъ и скрылся. Я съ собою
Взялъ все, что отъ меня еще осталось.
Да, я бѣжалъ отъ самого себя,
А отъ меня, отъ князя, въ дикомъ страхѣ
Бѣжалъ мой рабъ, крича, что исцѣлить
Себя я долженъ жизнію ребенка!..
Чего-жъ еще вы отъ меня хотите?
Прочь убирайтесь! Что стоите вы?
Я говорю вамъ ясно. Вы явились
Сюда затѣмъ, чтобъ я помогъ спасти
Ту, что сама спасти меня желаетъ?
Такъ слушайте же: здѣсь была она
Три дня назадъ. Она меня сыскала,—

У ней чутье ищейки,—и сюда
Она пришла, и я ее увидѣлъ.
Клянусь предъ вами Богомъ, что̀ послалъ
Страданья мнѣ и глухъ къ моимъ моленьямъ,—
То было искушенье духа зла.
Но козни дьявола не удалися:
Я велъ себя, какъ будто ничего
Не слышу я, надъ нею я смѣялся,
Не подпускалъ ее къ себѣ, бросалъ
Каменьями въ нее.

Бенедиктъ.

Она вѣдь хочетъ
Спасти васъ, господинъ, и вотъ зачѣмъ
Она къ вамъ приходила. Ей внушили,
Что вашъ недугъ излѣчиваютъ кровью.
Слуга вашъ Отакеръ такъ говорилъ:
Есть врачъ въ Салерно. Излѣчитъ берется
Онъ отъ болѣзни васъ, коль перельютъ
Вамъ въ жилы кровь отъ дѣвушки невинной,
Что̀ добровольно подъ ножомъ умретъ.

Генрихъ.

И вѣрите вы этому?

Готфридъ.

Нѣтъ, Боже
Оборони, чтобы повѣрилъ я!
Но дочь моя стоитъ на томъ упорно
Въ своемъ безумьѣ. Помогите намъ
Отнять ее у сатаны.

Бенедиктъ.

Вы слишкомъ
Поспѣшно судите. Кто можетъ знать,
Что̀ Богомъ внушено и что̀ исходитъ
Отъ козней дьявола. Въ ея душѣ
Борьба святая. Изъ глубокой тьмы
Грѣховной нашей жизни этой жертвой
Она къ небесному влечется свѣту!
И, можетъ-быть, она спасетъ себя
И васъ...

Готфридъ.

Не будетъ тутъ спасенья,
А только гибель для нея.

Бенедиктъ.

Господь
Не оставляетъ тѣхъ, кто съ вѣрой ищетъ
Его путей! И грѣшницы душа,
Взыскующая о спасеньи, узритъ
Небесный взоръ Его, хотя-бъ она
Въ когтяхъ у дьявола томилась. Вѣрьте!
Не отдавайтесь лживому сомнѣнью!
Она стремится къ Господу и жаждетъ
Вѣнецъ страданія принять. Кто можетъ
Отринуть то, что̀ открываютъ ей
Видѣнія? Вѣдь сказано же въ книгѣ
Священной: «кровь есть искупленье жизни».
И это тайный голосъ ей открылъ!

Генрихъ.

Такъ, такъ. Вотъ мнѣніе твое. Видѣнья
Внушаютъ бредъ ей. Думаетъ она,
Кровопролитіе угодно Богу?
Нѣтъ, кровью искупить нельзя долговъ
Грѣха и зла, доставшихся въ наслѣдье.
Все это заблужденье и обманъ.
Вы слышите—обманъ! Идите. Вотъ что̀
Скажу я вамъ: еще въ тѣ дни, когда
Я книги изучалъ, и не владѣла
Моей душой та мудрость, что̀ теперь
Открылась мнѣ въ нѣмомъ уединеньи,—
Еще тогда я зналъ: лѣченье это
Есть просто глупость. Передайте ей
Мои слова. Вы видите: спокойно
Надъ бездною безумья я стою,
Я мыслю трезво, и мои сужденья
Такъ холодны, какъ въ озерѣ вода,
Хоть изъ горячаго исходятъ сердца.
Скажите ей, что никакого нѣтъ
На мнѣ грѣха. Я чистъ и непорочень.
И тотъ недугъ, что̀ въ тѣлѣ у меня,
Не заразилъ моей души. Скажите,

Что кровью омывать не надо ткань,
Которая чиста; и кто рѣшится
На это, тотъ послужитъ змію лжи,—
Не Богу!

Бенедиктъ (отрывательно качаетъ головой).

Господинъ, коль такъ мы скажемъ—
Она начнетъ желать еще сильнѣй
Того, къ чему стремится съ страстной жаждой.
Ей, какъ и мнѣ, покажется, что вы
Словами гордыми свою виновность
Усугубляете, что вы должны спастись
Смиреньемъ и покорностью.

Генрихъ.

Не вѣрьте
Въ свою покорность: въ ней высокомѣріе.
Когда ты, передъ Богомъ преклонясь,
Во прахъ ползаешь, на твой затылокъ
Тщеславіе становится пятой,
Какъ женщина безстыдная. Скажи мнѣ,
Что ты такое для Творца, мой другъ,
Чтобъ о тебѣ и о твоемъ спасеньи
И о раскаяньи твоемъ ничтожномъ
Заботился Онъ? Иль мечтаешь ты
Чего-нибудь своей достигнуть волей?
Послушай: здѣсь, на этой вотъ скалѣ
Стою я часто, и кляну я небо
И богохульствую, и эхо горъ
Мои проклятія и богохульства
Кругомъ разноситъ громко, и вдвоемъ
Мы заглушаемъ шумъ листвы зеленой
И плескъ волны и птичекъ голоса.
И что же? Все, все это передъ Богомъ
Ничтожный грѣхъ!

Готфридъ.

Мой добрый господинъ,
Поговорите сами съ Оттегебе,
Поговорите съ дочерью моей,
Ужъ голосъ вашъ одинъ ее насытитъ,
Какъ хлѣбъ. Не знаю, кто вамъ даровалъ

Такое волшебство, такую силу,
Что приязали сердце вы ея.
Довольно вамъ сказать, что по дорогѣ,
Гдѣ вы гуляли,—вашихъ ногъ слѣды
Она цѣлуетъ. Въ горницѣ, гдѣ жили
Вы, господинъ, она ложится спать,
При вашемъ имени у ней проходитъ
Ея окоченѣлость. Если вы,
Какъ я, проклятаго врача лѣченье
Считаете обманомъ, то, прошу:
Подите къ ней и ей скажите сами,
Что врачъ налгалъ, что никакой наукой
Недугъ вашъ...

Генрихъ (перебивал, съ силою).

Вылѣчить нельзя, что нѣтъ
Такого средства, чтобъ меня очистить,
Что врачъ салернскій негодяй и плутъ,
Желающій взять золото обманомъ,
Что боленъ я, но все-жъ еще глупцомъ
Не сдѣлался такимъ, чтобъ я повѣрилъ
Безумію и пользоваться сталъ
Кровавой жертвой бѣднаго ребенка.
Да, да, я знаю, знаю это все,
И даже больше этого я знаю
И больше ей сказалъ. Что на меня
Вы пялите глаза? Да, это правда:
Она была здѣсь у меня вторично,
И я не зналъ, какъ защититься мнѣ
Отъ искушенія ада. Я жестоко
Съ ней поступилъ, я на нее плевалъ,
Бросалъ въ нее каменьями, и къ ней
Я простиралъ изъязвленныя руки
Съ угрозою и бѣшенствомъ; и страхъ
Мнѣ въ душу тайный проникалъ, что долго
Не выдержу я этого, къ ней брошусь
И обниму ей плечи, шею, гдѣ
Такъ бился пульсъ... Уйдите же, уйдите
Вы отъ меня,—уйдите, говорю!
Теперь прошло, все кончено, но было
Ужасно это... О, когда она
Мнѣ закричала голосомъ, который
Заставилъ задрожать меня: «Хочу

Спасти тебя я, бѣдный, бѣдный Генрихъ.»—
Я зарыдалъ: «Не подходи ко мнѣ:
Я прокаженный!» И упалъ на землю
Ничкомъ и, сколько времени лежалъ—
Не знаю. Но, очнувшись, я увидѣлъ—
Она была вблизи меня, она
Сидѣла тутъ, склонившись надо мною,
И говорила: «Есть въ Салерно врачъ,
Есть врачъ... о, Господи... о, Іисусе»...
Шептала, что угодна жертва небу,
Что жизнь ей не нужна, что умереть
Она готова, и что я не смѣю
Ей путь святой къ спасенью закрывать,
Что я уѣхать долженъ съ ней въ Салерно...
И долго, долго, съ пламенной мольбой
Упорно толковала о лѣченьи
Безумномъ. Я, внимая ей, не зналъ,
Что̀ дѣлать мнѣ, на что, на что рѣшиться.
Потомъ вскочилъ и побѣжалъ туда,
Чрезъ лѣсъ, за озеро. Бѣжалъ, покуда
Не задохнулся я и не упалъ
За много верстъ отсюда. Вотъ что̀ сдѣлалъ
Я для нея. Поймите же меня.
Я пораженъ проклятіемъ ужаснымъ,
Слабѣй я слабаго, извергнутъ я
Изъ міра вашего, освободился
Отъ всѣхъ обычаевъ я и законовъ,
Что̀ связываютъ жизнь. Я властелинъ,
Я болѣе чѣмъ властелинъ. И что-жъ?
Она вѣдь здѣсь была одна, одна,
И беззащитна... если бы не билось
Въ моей груди то сердце, что̀ щадитъ
Любовь и божескую чистоту. Чего же
Хотите вы еще? Прочь! Убирайтесь!
Я къ своему концу пришелъ. Молитвы
Всѣ прочиталъ. Я голоденъ. Свой трупъ
Кормить я долженъ. Для чего? Не знаю.
И душу долженъ я свою влачить—
Куда? Богъ вѣсть! Довольно. Уходите.

Бенедиктъ (потрясенный, послѣ долгаго молчанія).

Прощайте, господинъ. Ищите крова.

(Тихо и съ волненіемъ)

Зима жестокой обѣщаетъ быть.
Ищите крова для себя. Пойдемте,
Готфридъ.

Готфридъ.

Ищите крова, господинъ!

(Уходятъ оба).

Генрихъ (одинъ).

Они ушли... Какая смута въ жизни...
Ничто!—Дитя!—Вселенная!—Уйти
Въ могилу?—Но передо мною
Стоитъ ребенокъ... И зоветъ... Куда,
Куда зовешь ты?... Нѣтъ, передъ соблазномъ
Я устою. Въ могилѣ вѣчный сонъ...
И Богъ? И міръ? И что̀ еще? Не знаю...

(Начинаетъ копать могилу).

Ищите крова... Да, ищите крова.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность часовни въ лѣсу. Налѣво алтарь съ зажженной лампадой. Направо входная дверь. Задняя декорація представляетъ боковую стѣну часовни. Въ этой стѣнѣ, неподалеку отъ алтаря, дверь, ведущая въ пристройку — келью патера. Алтарь убранъ осенними цвѣтами.

Бригита и патеръ Бенедиктъ стоятъ около входной двери и говорятъ вполголоса. Бригита собирается уходить; на головѣ у нея платокъ, въ рукахъ корзина.

Бенедиктъ. Они лгутъ, они часто лгутъ, Бригита. Кто знаетъ, что̀ въ ихъ росказняхъ ложь, что̀ правда.

Бригита. Приходится вѣрить, патеръ. Старый слуга никогда не лгалъ. Онъ не любитъ разговаривать. Однако и онъ говоритъ, что видѣлъ его собственными глазами, готовъ побожиться.

Бенедиктъ. Странно, очень странно... Лежалъ во рву?

Бригита. Нѣтъ, старикъ видѣлъ его лежащимъ въ травѣ за садомъ. Онъ какъ будто подсматривалъ. Во рву его видѣлъ пастухъ Кунцъ.

Бенедиктъ. Старикъ говоритъ, что онъ убѣжалъ?

Бригита. Да, когда онъ его окликнулъ, тотъ вскочилъ и побѣжалъ въ поле...

Бенедиктъ. Не могу этому повѣрить. Не могу сообра-

зить, что̀ ему надо. Вѣдь вы никогда не запирали для него вашего дома. Зачѣмъ же онъ бродитъ около дома точно волкъ?

Бригита. Не знаю. И никто этого не можетъ знать. Говорятъ, онъ одичалъ, обратился почти въ звѣря. Они говорятъ, что онъ въ отчаяньи. Дошелъ до крайности.

Бенедиктъ. Не можетъ быть. Подумай: можетъ ли онъ такъ растеряться... Другъ императора, его соратникъ... Я еще недавно видѣлъ его, правда, растерзаннымъ, но твердымъ, какъ прежде. А теперь они говорятъ, что видѣли бродягу... Ну, да какъ бы ни было, дѣвочка подъ Божьей охраной, у меня въ кельѣ. Стало-быть, бояться нечего. А все-таки не очень-то вѣрю, хотя въ мірѣ ходятъ плохіе слухи о бѣдномъ Генрихѣ.

Бригита. Говорятъ даже, что будто бы въ Констанцѣ его похоронили въ склепѣ его предковъ съ большимъ торжествомъ...

Бенедиктъ. Какъ бы ни были дурны слухи о немъ, если даже его нѣтъ уже на свѣтѣ, душа его не погибнетъ. У его души, какъ у демона, черныя и бѣлыя крылья. Если онъ не можетъ подняться на бѣлыхъ, то его поддержатъ черныя. Я видѣлъ его безстрашнымъ на краю такой бездны, передъ которою потемнѣло бы въ глазахъ у самаго мужественнаго человѣка. Онъ рылъ себѣ могилу. И скорѣе онъ ляжетъ въ эту могилу, чѣмъ будетъ воровски бродить около дома. Бояться слѣдуетъ только одного: если бы дѣвочка была у васъ, до нея дошли бы эти слухи. Она свѣдала бы о томъ, что онъ тутъ, близко, и попала бы въ когти ловцу.

Бригита. Ну, я пойду. Ужъ темнѣетъ. Путь не близкій. Готфридъ ждетъ. И то ужъ я тутъ позамѣшкалась. Стало-быть, отцу такъ сказать, что дѣвочка чувствуетъ себя тутъ бодрѣе?

Бенедиктъ. Тсс... тише. Какъ бы она не услышала... Ты видѣла сама: ей лучше. Но она все еще думаетъ, что онъ долженъ придти, и, подобно мудрой евангельской дѣвѣ, она бережетъ свою лампаду, держитъ ее наготовѣ, точно ждетъ пришествія нашего Спасителя. Безуміе все еще владѣетъ ею, и я вынужденъ поддерживать ея мечты, ея бредъ благочестивымъ обманомъ. Придетъ пора,—придетъ и разумъ. Надо время, чтобы понемногу прошла ея тревога. Можетъ-быть, какъ Божья невѣста, она приметъ постриженіе.

Бригита. На все Господня воля. Ахъ, если бы умеръ нашъ господинъ. (Плачетъ и цѣлуетъ у патера руку).

Бенедиктъ (тронутый). Иди. Утѣшься, утѣшься... (Слышно щелканье бича за дверями кельи).

Бригита (испуганно). Что̀ это?

Бенедиктъ (выпроваживая ее). Ничего, ничего. Иди. Поторопись. (Бригита уходитъ).

(Патеръ Бенедиктъ поджидаетъ, пока затихли шаги уходящей Бригиты. Затѣмъ онъ прислушивается къ страннымъ звукамъ, что̀ долетаютъ изъ кельи, качаетъ съ неудовольствіемъ головой и стучитъ въ дверь).

Бенедиктъ.

Ты, Оттегебе, тутъ?

Оттегебе (изъ кельи).

Да, патеръ. Я
Сейчасъ приду.

(Входитъ. Въ рукахъ у нея горящая лампада. Въ часовнѣ становится почти темно).

Бенедиктъ (беретъ у нея лампаду).

Опять ты бичевалась?
Вѣдь запрстилъ я.

Оттегебе (съ мистическимъ выраженіемъ на блѣдномъ восковомъ лицѣ).

Іисусъ, Марія,
Іосифъ! Приношу я сердце вамъ
И душу. Помогите мнѣ въ послѣдней
Моей борьбѣ, Марія, Іисусъ,
Іосифъ...

Бенедиктъ.

Дѣвочка, послушай: будь
Покорной и довѣрься мнѣ. Предъ Богомъ.
Я отвѣчаю за тебя. Твои
Родители тебя мнѣ поручили...
Зачѣмъ себя такъ часто ты бичуешь?

Оттегебе (дрожа, цѣлуетъ край его рясы).

Мнѣ это нужно, патеръ.

Бенедиктъ.

Для чего?

Оттегебе.

Я подъ бичомъ могу дышать.

Бенедиктъ.

Но развѣ
Не можешь ты безъ этого дышать?

Оттегебе (вздыхая).

Мнѣ трудно, патеръ.

Бенедиктъ.

Ну, зажжемъ тѣ свѣчи,
Что матерью твоей принесены,
И вознесемъ мы Господу молитву
Благодаренья.

Оттегебе (стоитъ неподвижно, влажные глаза устремлены на *распятіе*).

Патеръ...

Бенедиктъ.

Что?

Оттегебе.

Теперь
Совсѣмъ готова я.

Бенедиктъ.

Къ чему?

Оттегебе.

Къ страданью
И смерти.

Бенедиктъ.

Полно. Душу обрати
Къ земнымъ дѣламъ. Вѣдь если хочешь Богу
Ты посвятить себя, все-жъ надо жить,
Чтобъ жизнью жертвовать.

Оттегебе.

Да, патеръ.

Бенедиктъ.

Ну,

Пойдемъ поужинать.

Оттегебе (садится на ступени алтаря).

А онъ вернется?
Какъ думаешь ты, патеръ? Онъ придетъ?

Бенедиктъ.

Но не теперь. Теперь въ другомъ онъ мѣстѣ.

Оттегебе.

Не тамъ, гдѣ видѣли его вы?

Бенедиктъ.

Нѣтъ,—
Не тамъ. Разсказываютъ люди, будто
Онъ странствовать ушелъ, чтобы увидѣть
Передъ кончиной тѣ мѣста, гдѣ прежде
Грѣшилъ онъ.

Оттегебе.

Но вѣдь онъ вамъ обѣщалъ,
Что онъ вернется?

Бенедиктъ.

Да, какъ обѣщаютъ
Всѣ знатные. Но, бѣдное дитя,
Покинь объ этомъ тягостную думу.
Будь терпѣлива. Бдѣніемъ, постомъ,
Молитвами себя ты истомила,
И плоть ты умертвила до того,
Что свѣтится твое лицо. Терпѣнья
И мира у Творца небесъ проси
И ожидай въ смиреніи...

Оттегебе.

Сегодня
Придетъ онъ.

Бенедиктъ.

Думаешь ты?

Оттегебе.

Да.

Бенедиктъ.

По почему-жъ такъ думаешь ты?

Оттегебе.

Ночью
И днемъ два раза слышала я будто
Трещотку прокаженнаго... Да вотъ,
Вотъ и теперь она... Ты слышишь? Слышишь?

Бенедиктъ.

Я ничего не слышу. На дворѣ
Гудитъ лишь вѣтеръ... Дѣвочка, не нужно
Объ этомъ думать.

Оттегебе.

Онъ придетъ, придетъ
Сегодня. Я навѣрно знаю это.
Послушай: въ полночь пробудилась я,
Какъ будто кто позвалъ меня, и голосъ
Услышала: «Вставай! Твой господинъ
Приходитъ. Близко онъ». Свою лампаду
Перекрестивъ, я масла налила,
Зажгла и вышла я и передъ дверью
Я сѣла на крыльцѣ. И долго такъ
Сидѣла, въ думы углубясь, не слыша,
Какъ буря бушевала вкругъ меня.
И вдругъ мнѣ душу охватилъ невольный
Безумный страхъ, какого никогда
Не вѣдала я. «Это—искушенье»,—
Подумала я въ ужасѣ и тутъ
Какъ будто обмерла... Во тьмѣ полночной
Внезапно крики раздались и ревъ:
Казалось, будто съ каждымъ взрывомъ вѣтра
Доносится волковъ голодныхъ вой...
Хотѣла я бѣжать, спастись, укрыться
Въ алтарь—и не могла.... Тогда глаза

Закрыла я обѣими руками—
Вотъ такъ—и все же ясно предъ собой
Я видѣла,—я видѣла, какъ вижу
Теперь тебя,—мой обнаженный трупъ
Тащили демоны... и вопли бури
Сливались съ наглымъ хохотомъ бѣсовскимъ...
И трупу въ грудь они вонзили ножъ...
Дай руку мнѣ... дай руку мнѣ: отъ страха
Я и теперь дрожу... Казалось, въ адъ
Я падаю... Грѣха безстыдный позывъ,
Казалось, мною овладѣлъ... Но вдругъ
Свершилося!.. Во мнѣ воскресла воля
Могучая и твердая, мнѣ Богъ
Послалъ Свою защиту и развѣялъ
Своимъ дыханьемъ ужасъ тьмы ночной,
И въ небѣ отъ восхода до заката
Разлился несказанный свѣтъ... и въ немъ
Два солнца загорѣлись и все выше,
Все выше поднимались, и потомъ
Растаяли въ лучахъ... и въ золотистомъ
Сіяньи тѣхъ лучей явился Онъ,
Христосъ, Спаситель... И тогда на небѣ
И на землѣ, во мнѣ, вокругъ меня
Все чистотой исполнилось... И хоры
Незримыхъ силъ торжественно запѣли:
«Хвалите Господа!» И отвѣчалъ
Имъ сильный голосъ: «Amen! Все свершится,
О чемъ ты просишь. Грѣхъ его прощенъ!»

Бенедиктъ.

Да, да... Все это дивно... Я несвѣдущъ,
Земными чувствами я связанъ... да.
Свѣта неба изъ моей темницы-кельи
Не вижу я... Блуждаю я во тьмѣ...
Свою святую славу открываетъ
Господь младенцамъ...

Оттегебе (смѣясь отъ внутренняго восторга).

Помнишь ли, когда
Меня звалъ маленькой святою Генрихъ—
Онъ это зналъ, онъ зналъ!..

Бенедиктъ.

Дитя мое
Не будемъ больше говорить объ этомъ.
Не должно гордо мыслить о себѣ.
Не должно тотъ вѣнецъ, что̀ предназначенъ,
Быть-можетъ, намъ отъ неба, возлагать
Рукою дерзкой на себя. И если
Ты искренно убѣждена, что Богъ
Тебя ведетъ на путь спасенья,—помни,
Что отъ Адама рождены мы всѣ
Съ наслѣдіемъ грѣха. Смирись душою,
Иначе не пошлетъ тебѣ Господь
Того, что̀ ты такъ пламенно желаешь.

Оттегебе.

Нѣтъ, патеръ, нѣтъ! Я знаю: Онъ пошлетъ.

Бенедиктъ.

Кто можетъ знать и кто дерзнетъ постичь
Предначертанья Господа? Кто скажетъ—
Достоинъ милости Его, иль нѣтъ,
Тотъ человѣкъ, котораго Онъ съ трона
Низвергнулъ? Вотъ облавою его,
Какъ зубра иль медвѣдя, окружаютъ
Теперь Конрада слуги—и Господь
Все это попустилъ... А врачъ въ Салерно—
Какъ знать?—не служитъ ли онъ сатанѣ,
Чтобъ души уловлять для адской бездны?
Кровавое лѣченье, можетъ-быть,
Есть навожденье дьявола. Быть-можетъ,
И господинъ теперь въ чужихъ земляхъ,
Отъ насъ далеко, и его ты больше
Ужъ не увидишь...

(Оттегебе почти безъ чувствъ).

Что̀ съ тобой, дитя?
Ты вся дрожишь. Себя ты истерзала
Ударами бича... Пойдемъ, пойдемъ...
О, ты святая... И когда на небо
Господь тебя возьметъ, не позабудь
Ты, грѣшника, меня въ своихъ молитвахъ.

(Поддерживая Оттегебе, уводитъ ее въ келью).

(Часовня пуста. Лампада и нѣсколько свѣчей горятъ. Слышится трещотка, и затѣмъ входитъ, крадучись, точно преступникъ, Генрихъ. Онъ въ одеждѣ пилигрима съ поднятымъ на голову капюшономъ, въ рукахъ длинный посохъ; привѣшены черезъ плечо трещотка и мѣшокъ. Дотащившись до ступеней алтаря, онъ падаетъ передъ нимъ, точно ища защиты. Изъ груди вырываются стоны, отрывистыя слова отчаянія).

Генрихъ.

Молиться!.. Нѣтъ, я не могу молиться!
Дай мнѣ, Господь, Твоихъ молитвъ слова.
Они забыты мной. Изсякли слезы
Въ моей груди, и нечѣмъ погасить
Мнѣ пламень, сожигающій обломки
Моихъ страданій. Умертви меня!
О смерти я молю! Своей рукою
Зачѣмъ Ты удержалъ меня, когда
Готовъ я былъ низвергнуться въ ту пропасть,
Гдѣ въ тьмѣ глубокой меркнетъ жизни свѣтъ.
О, потуши его! Пусть ночь обниметъ
Меня навѣкъ. Вѣдь яркіе лучи
Свѣтила дня врываются мнѣ въ душу,
Какъ стрѣлы ядовитыя. Пошли
Мнѣ смерти сонъ: я на могильномъ ложѣ
Не буду слышать, какъ шипѣнья змѣй,
Мученій вопль. Зачѣмъ я здѣсь страдаю?
Зачѣмъ живу? Господь, забудь меня!
Забудь совсѣмъ. Вѣдь въ этомъ храмѣ жизни,
Воздвигнутомъ тобою, я—песчинка.
Ужели для созданія его
Необходима кровь моя и мука?
Освободи меня, освободи
Отъ тягостей труда и отъ награды!

(Входитъ Бенедиктъ съ фонаремъ. Увидѣвъ лежащаго у алтаря Генриха, онъ пугается).

Бенедиктъ.

Кто ты? И для чего пришелъ сюда?

Генрихъ.

Не спрашивай.

Бенедиктъ.

Чего же здѣсь ты ищешь?

Генрихъ.

Того, о чемъ я думалъ.

Бенедиктъ.

Что сказать
Ты этимъ хочешь?

Генрихъ.

Человѣкъ походитъ
На рѣшето: что принялъ—удержать
Не можетъ онъ.

Бенедиктъ.

Но кто-жъ ты?

Генрихъ.

Догадайся.

Бенедиктъ.

Ты здѣсь во храмѣ Божьемъ, на святомъ
Ты мѣстѣ. Если ищешь милосердья—
Привѣтъ тебѣ. Но объясни, кто ты?

Генрихъ.

Монахъ, я этого и самъ не знаю.

Бенедиктъ.

Ты Божій человѣкъ?

Генрихъ.

Передъ тобою
Не человѣкъ—мертвецъ.

Бенедиктъ (крестясь).

Пошли Господь
Твоей душѣ покой. Но человѣкомъ
Являешься ты во плоти.

Генрихъ.

Монахъ,
Спаси меня! Спаси! Ты служишь Богу
Такъ умоли ты Бога своего,
Чтобъ укротилъ Онъ бѣшеную злобу
Людей, что растерзать меня хотятъ,
Какъ волчья стая.—«Отравлять колодцы

Нечистой кровью ты!»—кричать они.
Когда я это дѣлалъ?.. Помоги мнѣ,
Укрой меня. Они бѣгутъ за мной,
Дымятся ихъ костры... Замкни же двери...
Они придутъ, они сожгутъ меня!..
Спаси! Спаси! Ихъ ненависть ужасна:
Они меня хлестали по лицу
Безжалостно бичами... Исцѣлиться
Вѣдь я могу... Дай мнѣ здоровье вновь,
Недугъ проклятый извлеки изъ крови—
И золотомъ осыплю я тебя!
Вѣдь я богатъ... Заставь умолкнуть голосъ,
Что слышу днемъ и ночью: ты нечистъ,
Ты заражень! Къ твоимъ ногамъ я брошу
Мои богатства, замки, города,
Какъ горсть песку! Монахъ, я умоляю,
Скажи ты Богу, что довольно я
Наказанъ Имъ, измученъ и унижень,
Что уничтоженъ я, что ничего
Во мнѣ живого нѣтъ, что я растерзанъ,
И весь я такъ прогнилъ, что даже псамъ
На пищу не гожусь... Господь всесиленъ,
Ему хвалу я возношу. Онъ все,
А я—ничто! Но жить, но жить хочу я!

Бенедиктъ.

Вы Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ?

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,—
Не онъ. Его давно похоронили.
Вотъ посмотри: живъ Генрихъ или умеръ!

(Открываетъ капюшонъ. Лицо блѣдное, изуренное голодомъ и измученное).

Бенедиктъ (въ ужасѣ отступаетъ отъ него).

О, господинъ мой, это вы.

Генрихъ.

Скажи,
Скажи мнѣ это! Подойди поближе
И разгляди меня. Хоть я теперь
Ничтожество, что терпитъ лишь гоненья

И злыя муки, но во тьмѣ безумья
Все-жъ у меня мелькаетъ мысль, что былъ
Когда-то я могучимъ властелиномъ,
Однимъ изъ сильныхъ міра. Кто же я,
Скажи мнѣ? Я похороненъ недавно
Въ Констанцѣ, въ склепѣ прадѣдовъ моихъ—
И я живу... Иль я лежу въ могилѣ,
И это все мнѣ снится? Живъ я? Живъ,
Какъ думаешь ты? Сномъ все это было:
Мой гробъ несли подъ звонъ колоколовъ
И съ почестями княжескаго сана
Въ могилу опустили... И я самъ
Стоялъ при этомъ? Сонъ то былъ, что факелъ
Горящій уронилъ одинъ слуга
И опалилъ мнѣ ногу? И во снѣ ли
Я слышалъ, какъ двоюродный мой братъ
Съ насмѣшкой вымолвилъ, оскаливъ зубы:
«Посмотримъ, эта жирная свинья
Разроетъ ли теперь свою могилу»...
Скажи мнѣ: тотъ ли это былъ Конрадъ,
Котораго я выкупилъ въ Марокко
За груду золота? И точно-ль я
Могучій князь, который это сдѣлалъ?
Или я нищій, я голодный песъ,
Что, въ полѣ увидавъ кочанъ капусты,
Дрожитъ отъ страха и, принявъ его
За человѣка, мчится чрезъ канавы
И чрезъ кусты затѣмъ, чтобы спасти
Себя отъ сторожа?

Бенедиктъ.

Вы, господинъ мой,
Когда-то говорили мнѣ, что вѣра
Имѣетъ смыслъ глубокій, что она
Насъ учитъ предаваться волѣ Бога
И равнодушно зло переносить.

Генрихъ (вдругъ измѣнивъ тонъ).

Нѣтъ, этого я не хочу! Довольно
Терпѣнія... Скажи мнѣ: гдѣ дитя?

Бенедиктъ.

Дитя?

Генрихъ.

Да. Дѣвушка. Дитя. Ну, дочь Готфрида
Безумная.

Бенедиктъ.

Зачѣмъ же вамъ она?
Чего вы отъ нея хотите?

Генрихъ.

Страненъ
Мнѣ твой вопросъ. А ты что̀ хочешь мнѣ
Сказать такимъ вопросомъ?

Бенедиктъ.

Я желаю
Узнать, какую мысль таите вы?

Генрихъ (дико).

Богъ милосердъ?

Бенедиктъ.

Да, милосердъ.

Генрихъ.

Онъ можетъ
Меня спасти?

Бенедиктъ.

Да.

Генрихъ.

Жизнію ребенка?
Ну, словомъ, гдѣ она?

Бенедиктъ.

Мой господинъ,
Вѣдь вы... вы—рыцарь?

Генрихъ.

Да. А ты обманщикъ.

Бенедиктъ.

Ужели вы пришли сюда затѣмъ,
Чтобъ въ бездну сбросить бѣдное созданье,
Искавшее себѣ на небо путь?

Генрихъ.

Зачѣмъ пришелъ я—все равно. Я знаю,
Что у тебя она.

Бенедиктъ.

Ея здѣсь нѣтъ.

Генрихъ.

Монахъ, послушай: пристально взгляни
Въ мое лицо и, прежде чѣмъ отвѣтишь,
Ты хорошенько взвѣсь свои слова.
Въ моихъ глазахъ кровавое рѣшенье:
Пойми его. А если не поймешь—
Твой часъ послѣдній наступилъ!

Бенедиктъ.

Угрозы
Я вашей не боюсь. Вашъ взглядъ ужасенъ,
Я вижу адской молніи сверканье
Здѣсь, на священномъ мѣстѣ. Но Господь
Защитой будетъ мнѣ..

Генрихъ.

Нѣтъ, не надѣйся
Ты ни на чью защиту. Гдѣ она?
Я знаю: ты укрылъ ее. Двѣ ночи
Блуждалъ я около двора Готфрида
И тамъ ея не могъ найти, хоть я
Подсматривалъ вездѣ, у каждой щели.
Но все-таки я слышалъ, какъ слуга,
Въ конюшнѣ лошадь чистившій, по шеѣ
Ее погладивъ, вымолвилъ: «Ой, будь
Покорлива. Не то тебя придется,
Какъ дочь хозяина, свести къ монаху».

Бенедиктъ.

Не гнѣвайтесь, мой господинъ, скажите,
Зачѣмъ вы тамъ бродили точно воръ?
Что сдѣлать вы хотѣли съ Оттегебе?

Генрихъ.

Что сдѣлать съ ней хотѣлъ? Ее продать
Хотѣлъ я за три геллера на службу
При императорскомъ дворѣ. Ну, да: хотѣлъ.
Тебѣ-то что за дѣло?

Бенедиктъ.

Вѣдь когда-то
Вы сами насъ учили...

Генрихъ.

Неужели
Я могъ учить кого-нибудь? Коль такъ,
Скажи мнѣ въ благодарность за науку,
Гдѣ Оттегебе? У тебя вѣдь?

Бенедиктъ.

Нѣтъ.

Генрихъ.

Такъ гдѣ она теперь?

Бенедиктъ.

У Бога.

Генрихъ.

Гдѣ же?

Бенедиктъ.

У Господа въ рукахъ.

Генрихъ.

Что это значитъ?
У Господа... Такъ умерла она?

Бенедиктъ.

Нѣтъ, кто у Господа, тотъ живъ вовѣки.

Генрихъ.

Все-жъ умерла она?

Бенедиктъ.

Для міра—да,
И какъ невѣста Господа.

Генрихъ.

Я знаю,
Я долженъ былъ объ этомъ знать. Монахъ,
Не говори мнѣ болѣе. Довольно.
(Усталый, совершенно разбитый)
Какъ человѣкъ ни бѣденъ въ мірѣ—Богъ
Его еще бѣднѣе можетъ сдѣлать.
Она жила... и умерла она,
Ушла отъ насъ. Когда мнѣ старый Лазарь
Передавалъ сказаніе о томъ,
Какъ умерла она, какъ разорвалось
Въ груди несчастнаго ребенка сердце,
Измученное долгою тоскою
О прокаженномъ господинѣ,—я
Безумно зарыдалъ... и не повѣрилъ!
И я пошелъ такъ быстро, будто крылья
Меня несли. Куда? Не зналъ я самъ:
Черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ долины,
По русламъ рѣкъ, по берегамъ озеръ,
Покуда не пришелъ къ порогу дома,
Гдѣ думалъ я найти ее. Зачѣмъ
Я шелъ сюда, какъ будто уносимый
Потокомъ бурнымъ? Въ глубинѣ души
Таинственный я слышалъ голосъ: снова
Увидишься ты съ маленькой женой...
Напрасно: умерла она!..
(Оттегебе показывается въ дверяхъ кельи).

Оттегебе (едва слышнымъ голосомъ).

Нѣтъ, Генрихъ,
Она жива.

Генрихъ (не видя и не узнавъ голоса тихо).

Кто это говоритъ?

Оттегебе.

Я.

Генрихъ.

Кто?

Бенедиктъ (тихо, но энергично Оттегебе).

Уйди!

Генрихъ.

Монахъ, кто говоритъ тамъ?
Ты слышалъ?

Бенедиктъ.

Нѣтъ, не слышалъ ничего.

Оттегебе.

Я говорю.

Генрихъ.

Но кто же ты, скажи мнѣ?

Оттегебе.

Я Оттегебе, маленькая ваша
Жена.

Генрихъ (глубоко пораженный, молчитъ нѣкоторое время).

Постой! Не подходи сюда...
Не говори... Я думаю—ты призракъ,
Но ядъ заразы, что въ моей крови,
Быть-можетъ, отравляетъ даже души
Блаженныя: тогда ты вновь умрешь,
А я хочу, чтобъ искрою послѣдней
Мелькнула ты въ моемъ потухшемъ взорѣ...
Нѣтъ, ты не Оттегебе, хоть твой лобъ
И бѣлъ и чистъ, какъ у нея: изъ праха
Не можетъ быть подобный свѣтлый духъ.
Ты говоришь,—и въ голосѣ твоемъ
Я слышу звуки пѣсни колыбельной,
Что мать пѣвала мнѣ давно-давно...
Нѣтъ, ты не дочь крестьянина Готфрида;
Не преклонялась ты у ногъ моихъ
И язвы ты мои не отирала
Своими волосами... Кто же ты—
Скажи, скажи?.. Но если предо мною
Ты ожила,—какъ вынести мнѣ свѣтъ,
Что проникаетъ въ мрачную темницу
Моей души изъ кроткихъ глазъ твоихъ?
Всю жизнь блуждалъ я, какъ слѣпецъ, и, въ пропасть
Упавши, наконецъ, увидѣлъ вдругъ

Сіяніе небесъ. Нѣтъ, не проклятья
Я долженъ посылать Тому, Кто свелъ
Меня всесильною рукою съ трона
Затѣмъ, чтобъ въ прахѣ я могилу рылъ
Зубами и ногтями, нѣтъ, я долженъ
Благословлять Его за милосердіе:
Онъ мнѣ послалъ тебя! Salve, regina!
Да будетъ милостивъ ко мнѣ Господь!

(Падаетъ на землю. Его слова переходятъ въ рыданія. Оттегебе появляется въ странномъ освѣщеніи часовни, какъ духъ, будто озаренная ореоломъ. Она подходитъ къ Генриху, становится на колѣни съ простертыми впередъ руками и цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ пристально смотритъ на нее, какъ ребенокъ. Она представляется ему видѣніемъ. Бенедиктъ, также потрясенный, преклоняетъ колѣни).

ОТТЕГЕБЕ.

Пойдемъ. Пойдемъ! Ужъ поздно, бѣдный Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Salve, regina!

ОТТЕГЕБЕ.

Встань. Пойдемъ.

ГЕНРИХЪ.

Куда
Идти ты хочешь?

ОТТЕГЕБЕ.

Праздновать рожденье
Мое небесное.

БЕНЕДИКТЪ.

Подъ ножъ врача
Салернскаго?

ОТТЕГЕБЕ.

Прощай! Въ своихъ молитвахъ
Не позабудь меня.

БЕНЕДИКТЪ.

Что-жъ я скажу,
Когда отецъ твой спроситъ, Оттегебе,
Куда ушла ты?

Оттегебе.

Мой отецъ на небѣ:
Я ранѣе тебя приду къ нему.

Бенедиктъ (Генриху).

Куда-жъ хотите вы идти?

Генрихъ.

Не знаю.

Спроси у ней.

Оттегебе.

Пойдемъ же, бѣдный Генрихъ,
Пойдемъ. Не медли. Патеръ, ты меня
Напрасно хочешь удержать. Ужель я
Ту каплю крови не могу пролить,
Которою себѣ вѣнецъ небесный
Должна стяжать я?

Генрихъ.

Ты моя, моя...

Оттегебе.

Я Божья. Не твоя. Что говоришь ты?

Генрихъ.

Я говорю, что жизни мнѣ теперь
Отмѣрено лишь столько, сколько можетъ
Твоя рука мнѣ дать.

Оттегебе.

Я дамъ тебѣ
Здоровье, жизнь изъ родника живого,
Но онъ не на землѣ, не въ этомъ мірѣ.
Пойдемъ. Пойдемъ. Такъ Богомъ суждено,
И я должна завѣтъ его исполнить,
И люди мнѣ не могутъ помѣшать.

Бенедиктъ.

Коль Божья ты невѣста—удалиться
Должна ты въ монастырь.

Оттегебе.

Нѣтъ, патеръ, нѣтъ!

Генрихъ.

Я за тобою слѣдую, куда бы
Меня ни повела ты: къ жизни, къ смерти,
На пытку, на костеръ! Надъ палачомъ
Смѣяться стану я съ тобою рядомъ
И за твои завѣты кровь пролью!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ замкѣ въ Ауэ. Въ дверь на заднемъ планѣ видна часовня съ алтаремъ. Гербы рода Ауэ, знамена, оружіе, латы и другіе трофеи по стѣнамъ. Направо отъ часовни въ пролетѣ романская лоджія. Налѣво подъ балдахиномъ богатый тронъ. Ясное утро поздней весны. Бенедиктъ разговариваетъ съ Гартманомъ. Отакеръ почтительно стоитъ въ отдаленіи.

Бенедиктъ. Говорятъ, будто бы въ Аахенѣ подъ ударомъ рыцаря, расколовшаго его шлемъ, онъ упалъ...

Отакеръ. И умеръ.

Гартманъ. Если это правда,—я слышалъ то же о смерти графа Конрада,—то нельзя не сказать, что пути Господни вдвойнѣ чудесны. Вы знаете, съ какимъ трудомъ я сохранилъ для моего господина этотъ замокъ. И вотъ теперь ко мнѣ дошло письмо, писанное его твердою рукою.

Бенедиктъ. Изъ Италіи?

Отакеръ. Тотъ, кто принесъ его, угольщикъ изъ Застлерталя.

Гартманъ. Ну, что же, ты разспросилъ его?

Отакеръ. Само собой. Я здорово прибралъ его къ рукамъ. Но упрямый неголяй былъ нѣмъ, какъ дерево, изъ котораго онъ выжигаетъ уголь.

Бенедиктъ. Вы думаете, что онъ уже въ Застлерталѣ?

Отакеръ. Можете меня повѣсить, коли онъ не тамъ.

Гартманъ. Да и гдѣ же быть ему? Кто же могъ написать письмо?

Бенедиктъ. Но вотъ, посмотрите, я получилъ другое, писанное по-латыни. Оно пришло изъ Венеціи.

Отакеръ. Клянусь св. Анной, мнѣ кажется, что писалъ не онъ.

Гартманъ. А что онъ пишетъ въ этомъ письмѣ?

Бенедиктъ. Коротко и неясно. Хотя я его и очень разсердилъ тогда, но онъ готовъ меня простить, какъ христіанинъ.

Отакеръ. Господи. пошли намъ всѣмъ прощенье нашихъ грѣховъ...

Бенедиктъ. ...Но только я долженъ сдѣлать вотъ что: рано утромъ въ Ивановъ день приготовить для торжества часовню въ Ауэ.

Гартманъ (съ надеждою, весело). Ну, вотъ вы здѣсь и можете исполнить его волю. Возьмите этотъ ключъ. Благодаря Бога и благодаря моимъ тринадцати сотнямъ рыцарей я его сохранилъ у себя. Возьмите его и спуститесь въ подземелье замка. Повѣрьте мнѣ, графъ Конрадъ набилъ бы себѣ во рту оскомину, если бы туда могъ попасть. Тамъ золотыя чаши и утварь временъ императора Карла. Достаньте ихъ.

Бенедиктъ (беретъ ключъ). Хорошо. Я сдѣлаю это... Вы, стало-быть, думаете, что онъ выздоровѣлъ?

Гартманъ (пожимая плечами). Право, не знаю, патеръ Бенедиктъ.

Бенедиктъ. До васъ дошелъ слухъ о томъ, что чудесное лѣченіе врача удалось?

Гартманъ. Да, какъ и разные другіе слухи. Говорили разъ двадцать: онъ умеръ во Флоренціи, въ Падуѣ, въ Равеннѣ. Онъ лежитъ мертвый на Монте-Кассино. Онъ утонулъ. Былъ убитъ. Бросился въ Этну. Были и такіе разсказы: ангелъ исцѣлилъ его поцѣлуемъ, купанье въ Поцуоли его очистило, а врачъ въ Салерно вернулъ ему здоровье.

Бенедиктъ (вздыхая). Чему же вѣрить и что дѣлать?

Гартманъ. Поступайте, какъ я: будьте тверды въ своей преданности.

Бенедиктъ. А Оттегебе?

Гартманъ. Патеръ Бенедиктъ! Если господинъ нашъ здоровъ, то я скажу, что небо послало ему эту святую для его жизни, а смерть ея предначертана Богомъ.

Бенедиктъ. Пусть такъ. Но все же привѣтствовать его мнѣ тяжело. То, что я видѣлъ, рыцарь, черезъ что я самъ прошелъ, этого забыть нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушка ушла, мы—Готфридъ, Бригита и я—переходили изъ города въ городъ, искали ее въ больницахъ, въ подвалахъ, гдѣ ютится нищета... Я не могу, не могу этого забыть!

Вѣдь я былъ какъ бы въ сообщничествѣ съ нею. Этотъ злой упрекъ живетъ въ моей душѣ.

Гартманъ. Вы знали дѣвушку съ дѣтства?

Бенедиктъ. Какъ свою дочь, какъ собственное дитя. И если бы я считалъ ее совсѣмъ своей, то былъ бы ея отцомъ. А тутъ вышло такъ, что я оказался наемникомъ, а не добрымъ пастыремъ.

Гартманъ. Знаете ли что? Мнѣ кажется, дѣвушка любила его.

Бенедиктъ. Мірская мудрость. Ахъ, если бы въ часы тяжелыхъ испытаній я больше владѣлъ ею.

Гартманъ. Любовь толкнула ее на смерть ради графа Генриха. Почему? Объ этомъ я много думалъ. Въ смерти ея любовь восторжествовала. Смерть была для нея откровеніемъ любви.

Бенедиктъ. Если такъ, то это было бы чудомъ, достойнымъ удивленія. Въ этомъ можно было бы найти утѣшеніе. Но я не вѣрю этому, нѣтъ. Жемчужина упала въ грязную лужу и тамъ затерялась. Да проститъ Богъ господину. Мнѣ же Онъ не проститъ никогда.

Гартманъ (Отакеру, который дѣлаетъ движеніе уйти). Куда ты, Отакеръ? Вы знаете этого храбраго воина?

Бенедиктъ. Нѣтъ.

Гартманъ. Не знаете? Онъ весь пропитанъ разными розсказнями, которыя выдаетъ за правду слугамъ и служанкамъ въ замкѣ.

Отакеръ. Пусть разразитъ меня громъ, если я понимаю, что вы хотите сказать, господинъ.

Гартманъ. А ужъ какъ онъ любитъ клясться! Рыбы прыгаютъ отъ его клятвъ. Онъ утверждаетъ, что онъ никогда не передавалъ дѣвочкѣ сказки о салерискомъ врачѣ.

Бенедиктъ. Какъ? Это онъ?

Отакеръ. Я? Что—я? Дьяволъ побери... Я не могу ру-

гаться... Позвольте мнѣ уйти, господинъ, на мой постъ, на стѣны замка. (Уходитъ).

Бенедиктъ. Такъ это онъ. Тотъ, что покинулъ господина?

Гартманъ. Да, и внушилъ нелѣпыя бредни дѣвушкѣ. Его черепъ полонъ всякими вымыслами. Онъ тащитъ дрова для костровъ прокаженныхъ и жидовъ. Онъ весь обвѣшанъ амулетами, вѣритъ въ совъ, носитъ въ мѣшечкѣ пузырекъ съ человѣческой кровью и клянется всѣмъ, что кажется ему непонятнымъ и страшнымъ.

Бенедиктъ. Міръ переполненъ злыми духами. Но все же измѣна господину—позоръ и стыдъ.

Гартманъ. Да. Однако же этотъ самый человѣкъ, трусливо покинувшій господина, бросился недавно на его враговъ, подступившихъ къ замку, какъ кабанъ на смерть.

Отакеръ (бѣшено врываясь въ залу). Пусть меня возьметъ чортъ. Отпустите меня, господинъ, отпустите сейчасъ же!

Гартманъ. Что такое? Куда?

Отакеръ. Вонъ отсюда! Тамъ внизу, на дворѣ, я видѣлъ старика и его старую каргу. Лучше ужъ мнѣ уйти къ чорту! или къ проклятымъ маврамъ!

Гартманъ (взглянувъ въ окно). Готфридъ! Бригита! Патеръ, честное слово, это старая чета изъ лѣсной хижы. (Отакеръ уходитъ).

Бенедиктъ. Вы понимаете, въ чемъ тутъ дѣло?

Гартманъ. Не совсѣмъ. Но мнѣ кажется, что ничего дурного тутъ не выйдетъ. Позаботьтесь объ убранствѣ часовни. По всѣмъ признакамъ нашъ господинъ снова всѣмъ управляетъ. Это все обдумано имъ. У насъ нынче день добраго святого. Предоставимъ себя его волѣ.

(Входитъ Генрихъ въ одеждѣ монаха. Въ одной рукѣ у него посохъ, другою онъ поддерживаетъ капюшонъ у лица. Онъ быстро идетъ черезъ залу).

Гартманъ (останавливаетъ монаха).

Куда идешь ты? Кто тебя впустилъ?
(Монахъ дѣлаетъ знакъ, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ).
Уйдите. Вѣроятно, онъ извѣстья
Желаетъ передать мнѣ одному.

(Бенедиктъ уходитъ. Гартманъ обнажаетъ мечъ).

Ну?

Генрихъ (откинувъ капюшонъ).

Гартманъ!

ГАРТМАНЪ.

Генрихъ! Боже милосердый!
(Бросаются другъ другу въ объятія).

ГЕНРИХЪ.

Господь сказалъ мнѣ: возвратись въ свой домъ,—
И я пришелъ.

ГАРТМАНЪ.

Излѣченный?!. А гдѣ же?..

ГЕНРИХЪ.

Дитя? Пошли за нею въ ближній лѣсъ,
И пусть она сама тебѣ отвѣтитъ.

ГАРТМАНЪ.

Такъ, значитъ, и она жива?

ГЕНРИХЪ.

Ужель
Ты думаешь, что я бы жить остался,
Когда бы Оттегебе умерла?

ГАРТМАНЪ (твердо).

Нѣтъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю.
(Вновь обнимаются).
Не стану
Разсказывать тебѣ я, добрый другъ,
Какъ возвратился я въ родной мой замокъ,
На эти плиты старыя ступилъ
И увидалъ знакомыя мнѣ стѣны;
Не стану говорить, что пережилъ,
Что я позналъ, какія испытанья
Я перенесъ... Про это все потомъ
Узнаешь ты.

ГАРТМАНЪ.

Вамъ, можетъ-быть, извѣстно:
Въ Аахенѣ вашъ родственникъ Конрадъ
Убитъ былъ на турнирѣ.

Генрихъ.

Нѣтъ, я слышалъ,
Что собственнымъ конемъ онъ сброшенъ былъ
Съ сѣдла на камни и безславно умеръ.
Да, жребій каждаго въ рукахъ судьбы.
Но это все оставимъ, другъ, и будемъ
Мы о дѣлахъ насущныхъ говорить.
Гдѣ добрый патеръ Бенедиктъ?

Гартманъ.

Онъ вышелъ
Сейчасъ отсюда, чтобъ убрать алтарь
Въ часовнѣ замка.

Генрихъ.

Такъ скажи, чтобъ мирты
Для торжества нарвалъ онъ: вѣдь хочу
Сегодня же отпраздновать я свадьбу.
И пусть сплетутъ вѣнокъ, чтобъ впору былъ
Для дочери Готфрида.

Гартманъ.

Что̀ сказали
Вы, господинъ мой?!

Генрихъ.

Только то, что̀ я
Хотѣлъ сказать. Да, порѣшилъ я твердо,
Что это будетъ такъ. Когда меня
Лучъ милосердья озарилъ святого,
Я исцѣлился. Изъ души своей
Изгналъ я нечестивые порывы
И мщенія и ненависти злой,
И жажды людямъ сдѣлать вредъ, хотя бы
Убійствомъ даже. Умерли во мнѣ
Желанія грѣховныя, и слабый,
Безпомощный, я слѣпо шелъ за той,
Которая меня вела, сіяя
Священнымъ ореоломъ. Я дышалъ
Ея дыханьемъ чистымъ, возвращала
Она мнѣ сонъ утраченный, когда
На лобъ свою мнѣ возлагала руку...

(Входитъ Бенедиктъ).

А, это ты! Тебя ищу, тебя,
Приди ко мнѣ. Твоя нужна мнѣ помощь.
Ты видишь: я здоровъ, я исцѣленъ!
У цѣли я и все-жъ еще далеко
Отъ цѣли. Погоди, не говори,
Но исповѣдь мою сперва послушай.
Свѣтъ милосердья осѣнилъ меня,
Онъ мнѣ блеснулъ изъ глазъ святыхъ ребенка,
Сомкнувшихся въ тотъ мигъ, когда она
Меня для міра снова возвратила.
О, не блѣдней старикъ: она жива,
Она не умерла, но радость жизни,
Блаженство счастія влила мнѣ въ кровь
Чудесной силой своего желанья
Спасти меня. Я ощутилъ въ тотъ мигъ,
Какъ вся душа моя, вся крѣпость воли
Возстала на борьбу съ моимъ недугомъ.
Я чувствовалъ, что долженъ быть здоровъ,
Иль умереть я долженъ съ нею вмѣстѣ!
Да, — слушайте же, — повела меня
Она въ Салерно, не внимая просьбамъ
И убѣжденіямъ моимъ. Ея
Обѣтъ священный Богу одолѣлъ
Сомнѣнія. Въ раю прекрасномъ юга
Мы долгій путь прошли, и часто тамъ,
На склонахъ Апенинъ или у моря,
Гдѣ за волной катилася волна
Лазурная, въ нѣмомъ очарованьи
Она стояла и казалась мнѣ
Такой небесною, что серафимы
Съ ней не сровнялись бы въ святой красѣ.
Она впередъ стремилась неустанно,
Какъ будто впереди ее ждала
Не смерть, а жизнь... Напрасно умолялъ я
И уговаривалъ...
И вотъ къ врачу
Въ Салерно съ ней пришли мы. Изумился
Онъ мужеству ея, онъ убѣждалъ
Ее отъ страшной жертвы отказаться,
Онъ ей показывалъ ножи, скамью,
Гдѣ муки вынести придется... Тщетно:
Его слова не тронули ее.
Тогда онъ съ нею въ комнатѣ замкнулся,

Чтобъ сдѣлать *то*... А я за дверью былъ
И слушалъ... и не знаю, что со мною
Случилось тутъ: почудился мнѣ крикъ
И стали блескъ... и будто въ грудь мнѣ, въ сердце
Вонзили ножъ... Я вышибъ дверь, туда
Я бросился... и я ее увидѣлъ:
Нагая, связанная, на скамьѣ она
Лежала точно агнецъ... И свершилось
Внезапно чудо: милосердья лучъ
Мнѣ душу осѣнилъ, я исцѣлился...
И съ той поры, другъ Гартманъ, понялъ я,
Что человѣкъ подобенъ изваянью,
Иль тѣлу безъ души, покуда онъ
Не оживится силою небесной
Любви, творящей жизнь, и лишь тогда
Становится онъ божескимъ созданьемъ!
Ступай и приведи сюда ее.

(Гартманъ уходитъ).

Да, патеръ, здѣсь она. Но не узнѣешь
Ты прежней дѣвочки. Еще въ тотъ часъ,
Когда я развязалъ ее и поднялъ
Измученную со скамьи врача
И вынесъ, будто даръ священный неба, —
Она вдругъ впала въ забытье и такъ
Томилась въ агоніи долго, долго,
Дни цѣлые, недѣли... И потомъ,
Очнувшись, измѣнилась совершенно.
Хотя, постель покинувши, она
Могла ходить съ трудомъ, но не хотѣла
Сѣсть на коня въ дорогѣ. Чуть брела
Она со мною рядомъ и какъ будто
Чуждалась даже близости моей...

Бенедиктъ.

Но гдѣ-жъ она? Ее мнѣ надо видѣть...
Она идетъ. Простите, господинъ:
Вы насъ вдвоемъ должны оставить.

(Генрихъ уходитъ въ часовню).

(Гартманъ вводитъ Оттегебе. Она блѣдная, утомленная, босая. Одѣта въ костюмъ пилигрима; въ рукѣ длинный посохъ).

Оттегебе (оглядывается съ удивленіемъ кругомъ).

Гдѣ я?

Гартманъ.

Ты въ замкѣ Ауэ.

Оттегебе.

Но гдѣ же, гдѣ?
Въ какой странѣ?

Гартманъ.

На родинѣ, въ Шварцвальдѣ.

Бенедиктъ.

Взгляни сюда. Ужель не узнаёшь
Меня, дитя мое?

Оттегебе *(упорно припоминая)*.

Постой, дай вспомнить...
(Бросается ему на грудь съ боязливой радостью).
Ты патеръ Бенедиктъ!.. Не говори,
Кто я такая... Помоги мнѣ, патеръ...
Будь добръ и милостивъ... Не то сгорю
Я отъ стыда невольнаго.

Бенедиктъ.

Ну, полно,
Не надо волноваться. Успокойся.
Коль хочешь ты уйти, пойдемъ ко мнѣ.

Оттегебе.

Да, у тебя я скроюсь въ тихой кельѣ,
Что здѣсь въ лѣсу...

Бенедиктъ.

Приди въ себя, дитя.
Устала ты. Но здѣсь не лѣсъ: мы въ замкѣ;
И пѣнье птицъ, что слышится тебѣ,
Доносится сюда вотъ въ эти окна.

Оттегебе.

Я не могу сообразить, гдѣ мы...
Уйдемъ, уйдемъ съ тобой далеко, въ горы,
Уйдемъ скорѣй... Вѣдь ты не знаешь: я
Проклятая, отверженная небомъ...

Бенедиктъ.

Нѣтъ, подвигъ твой угоденъ небесамъ,
Ты жизнь свою отдать была готова,
Чтобъ Генриха спасти. Но поступилъ
Съ тобою Богъ, какъ древле съ Исаакомъ,
И взялъ съ любовью жертву съ алтаря.

Оттегебе.

Я умирала... да, я умирала
На алтарѣ. Меня сжигалъ огонь
Неутолимый. Отъ него горѣла
Я вся до самыхъ нѣдръ души моей.
Хотѣла я кричать: освободите
Меня изъ ада! Но въ устахъ слова
Невольно замирали, и со стономъ
Молила я: злой врачъ, скорѣй ударъ
Мнѣ нанеси, пока душа не сгибла!
Но тѣло впитывало ядъ грѣха...
И прежде, чѣмъ на небесахъ «Осанна»
Запѣли ангелы, я къ сатанѣ
На грудь склонилася безъ силъ, безъ воли...

Бенедиктъ (поддерживая ее, подводитъ къ трону).

Ты въ заблужденіи, мое дитя.
Меня ты знаешь хорошо. На свѣтѣ
Никто не близокъ для меня, какъ ты.
Такъ выслушай, что я скажу отъ сердца,
Какъ духовникъ твой. Если этотъ врачъ
Былъ дьяволомъ,—ты несомнѣнно Богомъ
Въ послѣднюю минуту спасена
И не въ объятья сатаны склонилась:—
На грудь того склонилась ты, къ кому
Влеклась душой, кто былъ любовью полонъ
Къ твоей душѣ.

Оттегебе (усталая, опускается въ тронное кресло).

Нѣтъ, патеръ, я лгала,
Я не къ душѣ его влеклась. За это
Богъ покаралъ меня и присудилъ
Къ позорному столбу.

(Закрываетъ въ волненіи лицо руками. Генрихъ тихо входитъ и становится передъ нею на колѣни).

Генрихъ.

Очнись. Не бойся.
Взгляни кругомъ. Ты не голубка въ клѣткѣ,
А я не змѣй. Ты взгляда моего
Пугаться не должна. Ты мнѣ, какъ мужу,
Принадлежишь. Я твой и ты—моя.
Не искуситель я, а искушенный.
Какъ ты, испытанъ небесами я.
И если духомъ отъ всего земного
Очистилася ты, то и меня
Огонь любви очистилъ, и могу я
Теперь алмазъ души твоей святой
Въ кольцо изъ чистаго металла вставить!
Ты маленькой моей была женой,
Такъ вотъ теперь отвѣть мнѣ тихо-тихо
На то, что̀ такъ же тихо я спрошу:
Ты развѣ не хотѣла бы мнѣ снова
Жизнь подарить и за нее отдать
Мнѣ жизнь свою? Отдай ее, какъ прежде:
Она моя, всегда была моей.
Должна ты быть моей слугою вѣрной
До смерти. И сегодня я тебѣ
Даю такой приказъ: будь мнѣ женою
И госпожой!

(Оттегебе широко открываетъ глаза и, точно ослѣпленная необычайнымъ сіяніемъ, медленно закрываетъ ихъ).

Генрихъ (поднявшись, съ рѣшимостью).

Бракъ на землѣ съ тобою
Или вѣчность смерти!

(Входитъ Отакеръ. Узнавъ Генриха, онъ бросается передъ нимъ на колѣни).

Генрихъ.

Отакеръ! Слуга
Мой вѣрный и невѣрный. Встань. Прощаю
Тебя, какъ всѣхъ. Боролся ты. Борьбу
Я понялъ хорошо твою. Умѣетъ
Бороться только тотъ, кто живъ душой.
Кто ищетъ выхода изъ заблужденья
На путь добра. Поди сюда и стань
У трона здѣсь на стражѣ, какъ бывало,

И охраняй его, покуда я
Не возвращусь сюда, одѣтый въ пурпуръ.

(Генрихъ и Гартманъ уходятъ).

Бенедиктъ.

Она уснула. Тише. Тише.

Отакеръ (становится у трона).

Если
Она проспитъ здѣсь цѣлый вѣкъ, монахъ,—
Я буду сторожить, и даже смерть
Меня уйти отсюда не заставитъ.
Будь проклятъ я, коль поступлю не такъ!

(Бенедиктъ уходитъ въ часовню. Видно, какъ онъ украшаетъ алтарь. Зала постепенно наполняется рыцарями. Одни изъ нихъ въ латахъ, другіе въ роскошныхъ одеждахъ).

Первый рыцарь.

Кто это тамъ?

Второй.

Гдѣ, рыцарь?

Первый.

Тамъ, на тронѣ?

Отакеръ.

Потише, рыцари.

Первый рыцарь.

Но кто-жъ она?

Третій рыцарь.

Ее сейчасъ я видѣлъ у колодца
Тамъ, на дворѣ. Могу завѣрить васъ
Я словомъ рыцаря: она пила пригоршней.

Первый рыцарь.

Какая-то бродяга.

Отакеръ.

Господинъ,
Потише. Праведницы сонъ—святыня.
Притомъ она вѣдь наша госпожа.

Четвертый рыцарь.

Какъ? Наша госпожа!..

(Общій смѣхъ).

Пятый рыцарь.

Что говоришь ты,
Любитель привидѣній сумасбродный?
Вѣдь эта дѣвушка больная или
Умершая...

Отакеръ.

Чтобъ червь васъ источилъ!
Типунъ вамъ на языкъ! Нѣтъ, слава Богу,
Она живая.

Первый рыцарь.

Да, она жива.
Смотрите, шевелитъ она губами...

Оттегебе.

Такъ не шумѣла буря никогда...

Второй рыцарь.

Она въ бреду.

Оттегебе.

Отецъ, отецъ, ужели
Не слышишь ты?

Первый рыцарь.

Что говоритъ она?

Оттегебе.

Какъ, мама, ты не видишь, ты не видишь?

Первый рыцарь.

Кого зоветъ она?

Оттегебе.

Смотри, вѣнецъ
Спускается съ небесъ... его приносятъ
Мнѣ ангелы...

Третій рыцарь.

Но кто же ты, скажи?

Оттегебе (во снѣ).

Я ваша госпожа.

Третій рыцарь.

Кто-бъ ни была бы—
Предъ красотою кроткою твоей
Охотно я готовъ склонить колѣни...
Но графъ фонъ-Ауэ, нашъ господинъ,
Уѣхалъ далеко и не женатъ онъ.

(Изумленіе и волненіе рыцарей все увеличивается).

Бенедиктъ (выходитъ изъ часовни. Таинственно).

Умолкните и выслушайте! Вы
Свидѣтели чудеснаго событья:
Она приведена сюда рукой,
Которой воля смертнаго не можетъ
Противиться. Подъ сѣнью трона здѣсь
Предъ вами сердцемъ чистое созданье,
И будетъ вашей госпожой она,
Должна быть ею. Изгнанный графъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ ужъ не изгнанникъ: онъ
Вернулся исцѣленнымъ и предстанетъ
Сейчасъ предъ вами гордымъ властелиномъ.

(Входитъ Генрихъ въ пурпурной мантіи, опоясанный мечомъ. Ему предшествуютъ три пажа. Первый пажъ на подушкѣ несетъ двѣ короны. Рядомъ съ нимъ Гартманъ. Рыцари восторженно восклицаютъ: «Да здравствуетъ графъ Генрихъ фонъ-Ауэ!»).

Генрихъ.

Благодарю. Душою обновленный,
Привѣтствую я васъ съ былой любовью!
Подъ этой пурпурной одеждой я
Ношу рубцы на тѣлѣ—и дороже
Они мнѣ пурпура. Недугъ мнѣ далъ
Познанье правды. Судороги боли,
Страданья ужасъ—все извѣдалъ я.
Я видѣлъ скорбь несчастія, во прахѣ
Я на землѣ отверженныхъ лежалъ,
И жизнь свою и муки проклиная,

Покуда не нашла меня любовь,
Что ищетъ всѣхъ.

(Обращаясь къ Оттегебе)

Святая Оттегебе!
Голубка кроткая! Проснись, проснись,
Моя супруга! Дайте мнѣ корону.

(Беретъ корону и держитъ ее надъ головой Оттегебе).

Вотъ дѣвушка—она была моимъ
Спасеньемъ—истина святая въ этомъ!
Безъ искупительницы мнѣ Господь
Простить не могъ мои грѣхи. Довольно
Вамъ этого. Во снѣ вѣнчаетъ Богъ
Своихъ избранницъ.

(Вѣнчаетъ ее короной).

Спрашиваю всѣхъ:
Хотите чтить ее вы госпожою,
Чтить больше, чѣмъ меня? Хотите жить
Подъ кроткимъ скипетромъ ея? Хотите-ль,
Чтобы раздался звонъ колоколовъ
Въ честь нашей свадьбы?

Гартманъ.

Господинъ, не только
Въ колокола—ударимъ мы въ щиты
Желѣзные, и радостные клики
Торжественнымъ привѣтомъ прозвучатъ
И въ старомъ замкѣ и кругомъ въ долинахъ!

(Новый взрывъ привѣтственныхъ восклицаній рыцарей).

Генрихъ (очнувшись на мгновеніе).

Замолкните. Прошу я васъ, не надо
Веселья громкаго, что оглушаетъ слухъ,
Но сердце намъ не будитъ. Только трусость
Бодрить себя кричащимъ звукомъ трубъ
А мы не трусы, мужествомъ мы полны
И сознаёмъ, что дѣлаемъ, на что
Идемъ мы съ радостію.

Оттегебе (очнувшись).

Что со мною?

Бенедиктъ.

Склонись съ покорностью и кротко...

Генрихъ.

Нѣтъ,
Не преклоняйся, поднимись и гордо
Стань передъ всѣми!

Оттегебе (встаетъ, дрожа отъ блаженства).

Какъ прикажешь ты,
Мой господинъ.

Генрихъ (Бенедикту).

Начни обрядъ вѣнчанья.

(Патеръ совершаетъ обрядъ обмѣна колецъ. Начинается тихій трезвонъ колоколовъ).

Оттегебе.

Ахъ, бѣдный Генрихъ, много ты страдалъ!

Генрихъ.

Ты болѣе меня. Но мы объ этомъ
Теперь не будемъ говорить, жена.
Въ коранѣ писано, что за тяжелымъ
Приходитъ легкое.

Оттегебе.

Пусть будетъ такъ,
Какъ ты желаешь.

Бенедиктъ.

Такъ и совершилось!

(Генрихъ привлекаетъ Оттегебе въ объятія. Они сливаются въ долгомъ поцѣлуѣ).

Оттегебе.

Теперь отъ счастья, Генрихъ, я умру...

Генрихъ (надѣваетъ корону).

Я вновь на тронѣ предковъ, вновь владѣю
Моей землею. Умеръ и воскресъ!
Такъ колокола вѣчности удары
Отозвались одинъ вслѣдъ за другимъ.
Теперь я не изгнанникъ, я властитель!
Пусть соколы мои расправятъ крылья,
Пусть снова полетятъ мои орлы!

(Занавѣсъ падаетъ).

Оглавленіе

II тома.

I. Семейныя драмы.

	стр.
Праздникъ мира	3
Одинокіе	67
Коллега Крамптонъ	157
Михаэль Крамэръ	219

II. Драмы-сказки.

Ганнеле	279
Потонувшій колоколъ	321
Бѣдный Генрихъ	425